7/I-40

ИСТОРІЯ
УКРАИНСКАГО КОЗАЧЕСТВА

II.

Проф. М. Грушевскiй.

ИСТОРІЯ УКРАИНСКАГО КОЗАЧЕСТВА

до соединенія съ московскимъ государствомъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ,

первыя десятилѣтія XVII вѣка.

(Извлечено изъ VII и VIII томовъ „Історії України-Руси“).

1914.

ВЪ КНИЖНЫХЪ СКЛАДАХЪ:

Н. П. Карбасниковъ
С. Петербургъ
Гостинный дворъ

Бр. Башмаковы
въ Москвѣ
Милютинскiй пер.

„Літературно-Науковий Вістник“
Кіевъ, Б. Владимірская 28.

КІЕВЪ.
Типографія 1-й Кіевской Артели Печ. Дѣла. Трехсвятительская 5.

I.

Украинское козачество въ два первыя десятилѣтія XVII вѣка.

Ливонская война. Московская смута и польско-московскія войны. Козацкое своеволіе. Турецкая гроза. Козацкіе походы и козацкая служба. Комиссіи противъ козаковъ въ 1614—1619 гг.

Объединеніе козачества, осуществленное въ послѣдніе годы XVII в., послужило прочнымъ залогомъ роста и развитія козачества, наполнившаго собою первую четверть XVII в., а молдавская кампанія 1600 г. явилась лишь первымъ звеномъ въ длинной цѣпи военныхъ авантюръ, заполнившихъ собою эту эпоху польской воинствующей политики и заставлявшихъ польское правительство непрерывно мобилизировать силы козачества и привлекать его всячески къ разнымъ предпріятіямъ въ интересахъ Рѣчи Посполитой.

Отпуская козацкое войско послѣ окончанія молдавской войны, гетманъ Замойскій постарался заручиться помощью козаковъ въ войнѣ ливонской и привезъ на сеймъ ихъ обѣщаніе принять участіе въ ней, мотивируя этимъ обстоятельствомъ необходимость уступокъ козакамъ и признанія за ними извѣстныхъ правъ. Но перспектива такого дальняго похода на совершенно чужой и неизвѣстный театръ войны сама по себѣ мало привлекала козаковъ. „Говорятъ не про Ливонію, а про Швецію и очень ея боятся, чтобы не завели ихъ туда на погибель“, сообщалъ одинъ корреспондентъ. Съ другой стороны, милости, оказанныя имъ сеймомъ, козаки считали не задаткомъ за службу въ новой войнѣ, какъ это разсматривало правительство, а наградой за предыдущую кампанію. Впрочемъ сеймъ, какъ мы это уже видѣли, только отчасти исполнилъ ихъ требованія. Поэтому призывы къ мобилизаціи для участія въ новой кампаніи были встрѣчены въ козацкихъ кругахъ

довольно холодно, и многіе предпочитали, подѣливъ между участниками молдавской кампаніи деньги и сукна, какія пришлетъ правительство, итти на Запорожье. „Нѣтъ согласія между ними", сообщалъ упомянутый корреспондентъ Замойскому въ началѣ апрѣля ст. ст. [1]). „Кошка трижды созывалъ раду, и на этихъ радахъ много было несоглашавшихся на службу королю; забравъ сукно и деньги, намѣреваются итти на Запорожье. И уже будутъ ли сукна, или нѣтъ, ждутъ только своихъ пословъ (съ сейма); лодки уже готовы, приготовляютъ фуражъ и набиваютъ муку въ бочки— много уже понабивали. И пришло ли бы сукно на четыре тысячи или на шесть, точно также сколько бы ни было денегъ, хотятъ ихъ раздѣлить между собою участвовавшіе въ молдавскомъ походѣ, а другимъ дать не хотятъ; говорятъ такъ: ‚мы заслужили это, а другіе пускай себѣ заслужатъ". Такова была и рѣчь Кошки на радѣ: ‚обѣщали денегъ и сукна сначала на четыре тысячи, а теперь на шесть—тѣмъ лучше, подлиннѣе будемъ имѣть кафтаны' [2]).

Но какъ ни мало привлекательна для козачества была перспектива „шведской войны", интересы козачества не позволяли уклониться отъ нея. Какъ мы уже видѣли, свои уступки козакамъ сеймъ 1601 г. сдѣлалъ въ условной формѣ—на случай если козаки примутъ участіе въ ливонской войнѣ; въ вопросѣ объ отмѣнѣ банниціи это было оговорено вполнѣ опредѣленно, а здѣсь заключался основной пунктъ козацкихъ требованій. Но это была лишь половина вопроса; другую половину своихъ требованій, не санкціонированныхъ еще сеймомъ, козачество от-

[1]) Письмо Бартоша Верещинскаго отъ 15/IV н. ст. у Стороженка с. 320.

[2]) Это не совсѣмъ ясное мѣсто слѣдуетъ, вѣроятно, понимать въ томъ смыслѣ, что въ молдавской войнѣ считалось 4000 козаковъ, и имъ обѣщана была плата, а для ливонской войны открытъ кредитъ на 2000, всего на 6000; такъ какъ вопросъ о платѣ былъ не ясенъ, въ польскихъ кругахъ, смѣшивая въ одно плату за прошлое и задатокъ на будущее, хотѣли за тѣ же деньги привлечь на службу въ ливонской войнѣ возможно большее количество козацкаго войска—до 6 тысячъ, а козаки не принимали такого толкованія и все считали платой за молдавскую войну. Можно было бы дать еще иное толкованіе: плата для 4 тыс. посылалась за прошлое, а плата для 2 тыс. назначалась для ливонскаго двухтысячнаго корпуса, и на большее число козацкаго войска правительство не претендовало, но козаки и это ливонское жалованье хотѣли раздѣлить между участниками молдавской войны. Такъ какъ все ограничивалось только слухами, трудно разобраться въ нихъ.

ставивало и реализировало на практикѣ въ качествѣ активнаго войска на службѣ Рѣчи Посполитой: сюда относятся притязанія на приставства и квартиры, на контрибуціи съ „волости", и даже свой, не признанный сеймомъ козацкій иммунитетъ приходилось, навѣрное, отстаивать, опираясь на самый фактъ службы королю и Рѣчи Посполитой. Поэтому отрекаться отъ этой службы и отказываться отъ участія въ походѣ, назначенномъ правительствомъ, козачеству ни въ коемъ случаѣ нельзя было. И въ концѣ концовъ, пошумѣвъ на этихъ радахъ, козачество все же двинулось въ ливонскій походъ подъ предводительствомъ все того же Кишки, очевидно твердо державшагося линіи оппортунистической политики [1]).

Официально козаковъ было двѣ тысячи—на это количество назначено было жалованье; дѣйствительное же число въ точности неизвѣстно. Бѣлорусскій лѣтописецъ (т. н. Боркулабовская лѣтопись) повѣствуя объ обратномъ походѣ козаковъ черезъ Бѣлоруссію, говоритъ, что козаковъ было четыре тысячи, но возможно, что это цифра преувеличенная.

---

[1]) Нѣсколько словъ о литературѣ по исторіи украинскаго козачества въ два первыя десятилѣтія XVII в. Этотъ періодъ въ жизни козачества принадлежитъ къ наименѣе разработаннымъ. До недавняго времени наиболѣе подробное изложеніе относящихся сюда фактовъ представляла Исторія возсоединенія Руси Кулиша, т. II, съ нѣкоторыми дополнительными замѣчаніями въ „Матеріалахъ для исторіи возсоединенія", но и здѣсь фактовъ было немного, а больше общихъ мѣстъ и риторики, хотя среди нихъ встрѣчается немало интересныхъ замѣчаній. Позднѣйшія работы Кулиша, касаясь этого періода, даютъ еще меньше. Костомаровъ въ своемъ вступленіи къ Богдану Хмѣльницкому разсматривалъ его очень бѣгло. Эварницкій опирается на Кулишѣ, Соловьевѣ и др. и не даетъ ничего существеннаго. Въ общихъ курсахъ русскихъ и польскихъ— каковы труды Соловьева, Иловайскаго, названныя ранѣе болѣе старыя монографіи объ эпохѣ Сигизмунда III—Нѣмцевича, Сярчинскаго, Dzieje Polski Шуйскаго (т. III)—находимъ только немногіе отдѣльные эпизоды изъ исторіи козачества. Еще меньше даютъ общіе курсы по исторіи Турціи и Крыма (Гаммера, Цинкайзена, Говордза, Смирнова, Йорги). Въ послѣдніе годы работа Доманицкаго довела внѣшнюю исторію козачества до конституціи 1602 г., а Жуковичъ въ рядѣ своихъ изслѣдованій, печатавшихся начиная съ 1902 г., свелъ воедино факты изъ жизни козачества съ начала XVII в. до безкоролевья 1632 гг. Первымъ двумъ десятилѣтіямъ XVII в. посвящены его статьи: „Московская смута начала XVII вѣка и ея отраженіе въ Литовско-польскомъ государствѣ" (Христіанское чтеніе, 1902), „За-

Козаки двинулись въ походъ лѣтомъ, какъ и польское войско, и подоспѣли въ Ливонію къ осени. Служба въ самомъ дѣлѣ была тяжелая, особенно съ наступленіемъ зимы. Въ жестоко разоренномъ краѣ трудно было добыть провіантъ. „Земля замерзла, строить курени невозможно, лошадямъ тоже приходится плохо; посылали мы своихъ товарищей на развѣдки относительно провіанта—нѣтъ никакой живности, и дерева нѣтъ: попадется хата—двѣ, да и тѣ изъ хвороста сплетены; въ такой раззоренный край намъ не за чѣмъ итти—лошадей въ конецъ погубимъ“,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ Кишки къ коронному гетману. Козаки жаловались, что назначенное имъ жалованье (по 7 зл. въ четверть года), недостаточно, а главное, что и эти деньги заплачены были только за первую четверть, еще въ началѣ мобилизаціи, а затѣмъ уже не уплачивались. Поэтому уже въ концѣ года, не получивъ жалованья, козаки стали рѣшительно угрожать возвращеніемъ на Украину: „на радѣ въ прошлую среду уста-

---

порожское козачество въ смутную эпоху“ (1903) и „Историческія обстоятельства, предшествовавшія возстановленію патр. Θеофаномъ западно-русской церковной іерархіи“—эти изслѣдованія затѣмъ вошли въ его книгу: Сеймовая борьба православнаго западнорусскаго дворянства съ церковной уніей съ 1609 г., I—III. Здѣсь довольно полно использованы печатные источники и дополнены нѣкоторыми неизданными, и хотя авторъ главнымъ образомъ привлекаетъ факты, стоявшіе въ связи съ церковными отношеніями и слѣдитъ за одной внѣшней исторіей козачества, внѣ связи съ общественными и экономическими условіями украинской жизни, все же какъ образъ внѣшней исторіи козачества эти статьи представляли большую цѣнность.

Изъ болѣе спеціальныхъ статей здѣсь отмѣчу: Н. Ардашевъ Изъ исторіи XVII в.—Походъ Черкасъ (1612—4), Журналъ Мин. Просв. 1898, VI, и краткое извлеченіе изъ этой статьи въ К. Старинѣ 1900, V: Походъ козаковъ въ Сѣверную Россію въ нач. XVII в. Упомяну еще маленькую замѣтку: Евреи-козаки въ началѣ XVII в. (К. Стар. 1895, V), о Евреяхъ въ козачьемъ войскѣ, ходившемъ въ московскія земли передъ 1613 г.—упоминается здѣсь отрядъ ихъ изъ 11 человѣкъ. О бандахъ Лисовскаго Dzieduszycki Krótki rys dziejów i spraw Lisowczyków, I-II, 1843—4.

Изъ монографической литературы, касающейся только попутно интересующихъ насъ отношеній и событій, назову: A. Sokołowski Austryacka polityka Zygmunta III (Przegląd pol. 1878). J. Sas Stosunki polsko-tureckie w pierwszych latach Zygmunta III (Przegląd powsz. 1897), Układy o ligę przeciw Turkom za Z. III (ibidem 1899), Wyprawa Zamojskiego na Mołdawę (ib. 1897).

новили срокъ—въ будущую среду двинуться изъ этого края, и еслибъ мы иначе постановили, товарищи побили бы насъ камнями" писалъ Замойскому Кишка [1]). Вѣроятно, деньгами и всяческими обѣщаніями козаковъ удалось удержать отъ этого намѣренія, и они остались; подобные хлопоты польскіе гетманы имѣли и съ собственнымъ войскомъ, занимая деньги подъ закладъ своего личнаго имущества и раздавая войску по крайней мѣрѣ частичные задатки въ счетъ жалованья. Въ концѣ 1602 г. козацкому войску не были оплачены три четверти года, т. е. оно получило лишь половину денегъ, причитавшихся ему за службу, и сильно бѣдствовало, обносилось и изголодалось. „Изволилъ ты, ваша милость, присмотрѣться къ нашей одежѣ и нашимъ достаткамъ, писалъ козацкій старшій коронному гетману въ концѣ года, „не только то, что выслужили мы у короля, но и то, что добыли мы саблею въ разныхъ непріятельскихъ земляхъ въ годы молодости, все это уничтожила Инфлянтская (Ливонская) земля;

K. Górski Wojna z wojewodą wołoskim Michałem (Ateneum, 1892). Г. Форстенъ Балтійскій вопросъ въ XVI—XVII ст., т. I—III, 1893—4. С. Платоновъ Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ XVI—XVII вв., 1899. A. Hirszberg Dymitr Samozwaniec, 1898. K. Górski Oblężenie Smoleńska w latach 1609—1611 i bitwa pod Kłuszynem (Przew. nauk. i liter. 1895). Для внутреннихъ отношеній новая статья: A. Prochaska Województwo Ruskie wobec rokoszu Zebrzydowskiego (Przewodnik nauk. i liter. 1908).

Наиболѣе цѣнное собраніе актоваго матеріала для исторіи козачества этого времени — Pisma I. Żółkiewskiego, wydał A. Bielowski, Льв., 1861; затѣмъ Архивъ Югозап. Рос. III. I и Жерела т. VIII. Изъ мемуарной и исторической современной литературы Гейденштейнъ оканчивается ливонской войной, затѣмъ имѣемъ хроники Пясецкаго и Велевицкаго; для ливонской войны интересныя подробности даетъ упомянутая бѣлорусская хроника Боркулабовская (изданная впервые у Кулиша, Матеріалы, и снова въ кіев. Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1898, XII). Изъ огромной массы матеріаловъ для исторіи московской смуты упомяну лишь болѣе важныя для нашей темы собранія: Устряловъ Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, Мухановъ Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи съ Польшей, Русская истор. библіотека т. I и XIII. Матеріалъ актовый по исторіи смуты не собранъ воедино. Изъ восточныхъ источниковъ—старое собраніе Сенковскаго Collectanea z dziejepisów tureckich т. I. Литература украинской пѣсенной традиціи указана въ т. I с. 162—5.

[1]) Письмо Кишки къ Замойскому отъ 23/XII 1601, Listy № 83.

на долго въ памяти войска Запорожскаго останется служба инфлянтская; уже теперь нѣтъ разницы въ одеждѣ между нами, слугами королевскими—и Латышами“ [1]).

Многіе погибли, самъ гетманъ сложилъ голову въ битвѣ подъ Феллиномъ; какъ передаетъ польскій историкъ—„ходили слухи, что кто-то изъ своихъ убилъ его выстрѣломъ въ спину“ [2]). Послѣ него гетманомъ сталъ его давнишній конкуррентъ, Гаврило Крутневичъ, но и онъ вскорѣ отказался отъ гетманства, такъ что въ концѣ года гетманомъ является уже Иванъ Куцковичъ [3]). Эти перемѣны въ войсковой старшинѣ показываютъ тоже, какъ раздражено было козачество и какъ трудно было ладить съ нимъ при такихъ обстоятельствахъ. И еще болѣе тяжелымъ бременемъ ложилось это оборванное и голодное козацкое войско на мѣстное населеніе, выжимая изъ него что только было возможно, включительно до одежды, переходившей съ латышскихъ плечъ на „слугъ королевскихъ“, какъ иронизировали козаки. Путешественники, проѣзжавшіе черезъ Ливонію въ 1602 г., наслушались ужасовъ о козацкихъ опустошеніяхъ: „козаки разрушили всѣ жилища, сожгли и разорили ихъ, учиняя невѣроятныя, неслыханныя насилія надъ бѣдными людьми: допытываясь денегъ, жгли огнемъ, мучили разными пытками и затѣмъ, добившись своего, всетаки рубили ихъ на смерть“ [4]). И всетаки край былъ такъ опустошенъ литовскими и польскими войсками, что сколько ни разоряли его козаки, сами жестоко бѣдствовали. Но, оставаясь вѣрнымъ своей политикѣ, козачество принуждено было терпѣть все, чтобы не выйти изъ службы Рѣчи Посполитой.

Въ общемъ кампанія шла удачно для Поляковъ. Ливонскія пріобрѣтенія Шведовъ были отобраны, и Замойскій перенесъ войну въ Эстонію, осадивъ замокъ Вейсенштейнъ, ключъ Эстоніи. Шведское правительство шло на уступки, но Сигизмундъ требовалъ не только Ливоніи, но и Эстоніи, и домогался, чтобы его

---

[1]) Listy № 88.

[2]) Гейденштейнъ с. 378. Очевидно, это было непредумышленное убійство. Стороженко совершенно безъ всякихъ основаній предполагаетъ (с. 324), что козаки убили Кишку умышленно. Тамъ гдѣ каждую минуту рада могла свергнуть гетмана, не было мѣста убійству изъ-за угла.

[3]) Listy с. 86 и 88.

[4]) Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи нач. XVII в. с. 50.

соперникъ Карлъ отказался отъ шведскаго престола. Благодаря этому, война за балтійское побережье затянулось на безконечное время (ее закончилъ лишь Оливскій трактатъ 1660 г., по которому за Польско-литовскимъ государствомъ остался только юго-восточный уголъ Ливоніи). Шведы продолжали держаться въ приморскихъ городахъ, и Поляки, не имѣя флота, не могли ихъ тамъ блокировать. Недостатокъ денежныхъ средствъ затруднялъ и сухопутныя операціи. Замойскій всячески удерживалъ войско, но со взятіемъ въ концѣ августа Вейсенштейна, все рухнуло. Самъ Замойскій, старый, измученный двухлѣтнимъ пребываніемъ на войнѣ, собрался уѣхать, передавъ команду замѣстителю. Войско также начало расползаться.

Козаки, какъ говоритъ Гайденштейнъ, двинулись первыми [1]). Отправились въ Бѣлоруссію на поправку. Сначала „немного отдыха отъ этой нужды и несчастій дали себѣ и лошадямъ въ Полоцкѣ“, причинивъ, разумѣется, городу „великую шкоду“, какъ записываетъ бѣлорусскій лѣтописецъ [2]). Оттуда направились въ Витебскъ, выславъ впередъ своихъ людей—писаря и эсаула съ нѣсколькими десятками людей „для надлежащаго распредѣленія квартиръ для козацкаго постоя. Но витебскіе мѣщане вздумали защищаться отъ козацкаго нашествія силой и ничего не хотѣли слышать, когда козаки доказывали, что „за заслуги свои и по приказанію его корол. мил. должны получить у нихъ предписанный отдыхъ“. Козаки, какъ скромно поясняли они въ своемъ донесеніи Замойскому [3]), „должны были отражать насиліе насиліемъ“ и, давъ форменную битву Витеблянамъ, вооруженною рукою овладѣли городомъ и затѣмъ на правахъ побѣдителей распорядились имъ по своему усмотрѣнію,—„место славное, мѣсто богатое Витебскъ звоевали, мещанъ побили, панны поплюгавили, скарбы побрали“ [4]).

Въ концѣ года они передвинулись оттуда въ Приднѣпровье. Главной квартирой ихъ былъ Могилевъ. Въ окрестностяхъ его они собирали большія контрибуціи деньгами и припасами, вызывая живѣйшее неудовольствіе среди населенія. „Там у Швеции козаки запорозкие ничого доброго не вчинили, они гетманови и пану королю жадного ратунку не дали, толко зъ Швеции утекли,

---

[1]) Стр. 388.
[2]) Боркулабовская лѣтопись с. 25.
[3]) Listy Żółkiewskiego № 86.
[4]) Боркулаб. лѣтоп. с. 24.

а тутъ на Руси Полоцку великую шкоду чинили и место славное великое Витебскъ звоевали, злота, сребра множество побрали и такъ шкоду содомию чинили, горше злыхъ неприятелей албо злыхъ Татаръ“ [1]), записываетъ мѣстный лѣтописецъ. „Брали приставство“, пишетъ онъ дальше, „зъ волости Боркулабовской и Шупенской, то есть грошей копъ 50, жита меръ пятьсотъ, яловиць полтораста, кабановъ 50, салъ свиныхъ 100, меду пресного пудовъ 60, масла пудовъ десять, куровъ пятьсотъ, сена возъ триста“. Эта записка объясняетъ намъ значенье термина „приставства“ и даетъ понятіе о томъ, какъ козачество награждало себя за неуплаченное жалованье, слѣдуя примѣру польскаго рыцарства короннаго, бушевавшаго одновременно съ нимъ въ земляхъ литовскихъ и коронныхъ [2]).

Мольбы и вопли мѣстнаго населенія побудили короля прислать къ козакамъ своего дворянина съ приказомъ не стоять въ Бѣлоруссіи, а итти на Украину [3]). Козаки приняли этотъ приказъ къ свѣдѣнью, но съ исполненьемъ его не спѣшили. Собирая контрибуціи и одновременно чиня другія насилія надъ населеніемъ—трактуя эту православную Русь какъ непріятельскую землю [4]), они постепенно двигались по Днѣпру внизъ. „Брали приставства въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ, Кричевѣ, Могилевѣ, Головчинѣ, Чичерскѣ, Гомелѣ, Любечѣ, Рѣчицѣ, Быховѣ, Рогачовѣ и во всѣхъ городахъ“ [5]). Забирали съ собою, сколько могли, лошадей и даже людей—женщинъ дѣвушекъ, мальчиковъ, „одинъ козакъ будетъ мети коней 8, 10, 12, а хлопятъ трое, четверо, жонки албо дѣвки две албо три“, записываетъ все тотъ же лѣтописецъ, передавая если не фактическія обстоятельства (вѣроятно, преувеличенныя), то слухи ходившіе о

---

[1]) Боркулаб. лѣт. с. 25.

[2]) Ср. инструкцію, датированную концомъ 1603 г., Жерела VIII № 75, и протестацію у Жуковича с. 432—3.

[3]) Ркп. библ. Замойскихъ.

[4]) Боркулабовскій лѣтописецъ сообщаетъ одинъ эпизодъ, произведшій очевидно особенно сильное впечатлѣніе: къ королевскому дворянину, присланному для разслѣдованія этихъ козацкихъ насилій, одинъ могилевскій мѣщанинъ принесъ на рукахъ свою дочь—шестилѣтнюю дѣвочку „змордовану, зкгвалчоную, ледве живую, чого было горко плачливе страшно глядети; на тое вси люде плакали, Богу сотворителю молилися, абы таковыхъ своевольниковъ вечне вигладити рачилъ“ (с. 28, изд. Кулиша с. 81).

[5]) Боркулабов. лѣт. с. 28.

козакахъ. По его словамъ, гетманъ Куцковичъ—или Куцка, какъ онъ его называетъ, ввиду козацкаго своевольства сложилъ съ себя гетманство въ Могилевѣ, послѣ чего на его мѣсто былъ выбранъ Иванъ Косый. Подъ его предводительствомъ весною 1603 г. козацкое войско пришло въ Кіевъ и тутъ избрало на гетманство еще разъ Крутневича [1]).

Изъ времени пребыванія козаковъ въ Могилевѣ сохранилось интересное письмо на Украину [2]), объясняющее намъ, какихъ выгодъ для себя добивались козаки своимъ шведскимъ походомъ и какія притязанія виставляли они на основаніи своей службы Рѣчи Посполитой. Письмо написано на Украину къ ихъ старому знакомому Якубу Струсю, брацлавскому и винницкому старостѣ, по поводу извѣстій, что онъ расквартировалъ польскихъ солдатъ на Украинѣ [3]). Пишетъ гетьманъ Иванъ Куцковичъ; напоминаетъ выдающіяся заслуги войска Запорожскаго, что оно, не въ примѣръ всякому иному рыцарству, всегда оказывало большія услуги королю и Рѣчи Посполитой, не столько изъ корысти или съ цѣлью выслужиться, сколько изъ стремленія къ доброй славѣ и привязанности къ Рѣчи Посполитой—„можно такъ сказать, что служимъ только за траву и воду". „За свою заслугу", указываетъ онъ—„заслуживаемъ не только того, чтобы наши убогія жилища и имѣнія, часто и сильно облитыя кровью нашей и невѣрныхъ, сохранить въ цѣлости и спокойствіи, но и того также, чтобы мы пользовались соотвѣтственными вольностями и уваженіемъ отъ каждаго сословія. Его королевская милость, будучи особеннымъ покровителемъ и защитникомъ людей рыцарскихъ и содержа въ милостивомъ вниманіи и государство и искреннюю службу нашу, изволилъ насъ всѣхъ одарить и собщить намъ привиле-

---

[1]) См. его универсалъ Никольскому монастырю данный 22 мая 1603 г. въ Кіевѣ, „кгды есмо с послуги кр. м. з Ынфляптъ до Киева прибыли", въ Кіевѣ. Старинѣ 1898, кн. I. Здѣсь упоминается о письмѣ „теперешнего часу пана Ивана Косого": должно быть Крутневичъ въ это именно время былъ выбранъ, и монахи обратились къ нему за подтвержденіемъ.

[2]) Ркп. библ. Замойскихъ.

[3]) Ср. замѣтку боркулабовскаго лѣтописца о томъ, что въ то время, какъ на приставствахъ въ Бѣлоруссіи были козаки, „на Волыни, на Подолю, у Кіеве—тамъ на тотъ часъ жолнеры лежали, которые зъ Волохъ выехали, яко десять тысячъ" (с. 28).

гіи, признавъ насъ сынами коронными [1]). Облагородивъ стародавными вольностями насъ, женъ нашихъ и имѣнія наши [2]), онъ только себѣ и ихъ м. панамъ великимъ гетманамъ изволилъ оставить начальство и власть надъ нами, утвердивъ это прочно универсалами, охранными письмами и конституціями." Козаки рѣшительно протестуютъ противъ расквартированія польскаго войска на Украинѣ, „гдѣ находится большинство нашихъ домовъ и имѣній, а кромѣ того кор. милость, государь нашъ за почтенныя заслуги наши изволилъ намъ предоставить для отдыха, въ ожиданіи нашего честно заслуженнаго жалованья, всю Украину, начиная отъ Могилева до самого устья Днѣпра; все это наши собственныя приставства, опустошенныя по винѣ вашей милости, и даже больше—дома и имѣнія опустошены, разорены хуже, чѣмъ непріятельскимъ способомъ, поруганы, осрамлены". Козаки протестуютъ также противъ писемъ, разосланныхъ Струсемъ по Украинѣ, въ которыхъ козаки называются своевольниками и имъ запрещается доступъ къ городамъ и королевскимъ имѣніямъ: „вслѣдствіе этихъ универсаловъ наши товарищи, которые тоже несли службу его кор. мил., не могли имѣть спокойнаго куска хлѣба и свободнаго передвиженія". Они протестують противъ этихъ претензій на какую-то власть надъ козаками—„чего никогда не будетъ." Требуютъ вывода солдатъ изъ Украины, угрожая въ противномъ случѣ военною расправою и оккупаціей винницкаго староства пана Струся. „Что постигнетъ нашихъ непріятелей за такое надругательство, презрѣніе и неуваженіе, это въ близкомъ будущемъ можно будетъ увидѣть и испытать на дѣлѣ, такъ какъ въ виду того, что сообщаютъ намъ наши товарищи,—придется, къ нашему сожалѣнію, насилію противопоставить насиліе; донесемъ его кор. милости о разореніи вами назначенныхъ намъ приставствъ и вынуждены будемъ расположиться въ Винницѣ и другихъ вашихъ владѣніяхъ и ждать тамъ себѣ жалованья, такъ какъ на Украинѣ и по своимъ домамъ намъ нечего дѣлать".

---

[1]) Популярное названіе, которое усвоивало себѣ польское дворянство.

[2]) Nass thym udarowacz mcziwie y upriwileyowacz raczył, ysz przizпawssi nass za syny coronne, starodawnymi wolnosciami nas, żony y maiętnosczi nasze uslachciwszi, sobie tylko y ich mc. panam hethmanom wielkiem nad nami zwierzchnoscz y władzę zostawicz raczył, dobrze tho uniwersały, gleithamiy costitutiami seymowemy warowawszi.

Это письмо бросаетъ свѣтъ на положеніе, создавшееся на Украинѣ въ это время. Администрація и господствующее сословіе хотѣли держаться буквы сеймоваго постановленія 1601 г., снимавшаго банницію лишь съ участниковъ ливонской кампаніи и оставлявшаго въ силѣ всѣ постановленія противъ своевольниковъ и всю „обычную юрисдикцію". Козачество, наоборотъ, за поданный мизинецъ тянуло всю руку: разсматривало конституцію какъ полное и неограниченное признаніе правъ и вольностей, на которыя оно претендовало. Оно признавало своими начальниками лишь короля и короннаго гетмана, а за свою службу Рѣчи Посполитой и вдобавокъ за неуплаченное жалованье—претендовало на роль полнаго хозяина Украины, какъ территоріи своихъ приставствъ, притомъ, очевидно, имѣя въ виду не только участниковъ ливонской войны, но и всѣхъ членовъ войска. На основаніи того, что нѣкоторая часть козаковъ несла „службу его кор. мил.", все козачество претендовало не только на всякія права и вольности, но и на „свободный кусокъ хлѣба", какъ скромно выражались козаки, иначе говоря —на право собирать контрибуціи для своего содержанія своихъ пограничныхъ войнъ, которыми занималось тогда козачество на югѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно считаетъ эту украинскую территорію заповѣдною для коронныхъ войскъ, не потому только, что этотъ конкуррентъ лишитъ козаковъ возможности собирать контрибуціи въ свою пользу, но и потому, что здѣсь рѣчь шла о массѣ окозаченнаго населенія, неофиціальнаго козачества, которое польскіе солдати могли-бы облагать своими контрибуціями. Это первый случай, гдѣ съ такой остротой выступаетъ вопросъ о солдатскомъ постоѣ на козацкой территоріи; какъ въ офиціальныхъ кругахъ такое расквартированіе польскаго войска считалось сильнѣйшею репрессіею по отношенію къ козакамъ, такъ въ козацкой сферѣ оно признавалось наибольшей непріятностью, какую можно было себѣ представить, и вмѣстѣ—наилучшимъ агитаціоннымъ мотивомъ противъ правительства и польскаго режима, если такой мотивъ былъ нуженъ по обстоятельствамъ.

О козацкихъ войнахъ на югѣ за это время имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія въ посольскихъ реляціяхъ Песочинскаго, ѣздившаго въ 1601 и 1602 гг. въ Крымъ и Турцію [1]). Лѣтомъ 1601 г. въ Крыму раздавались жалобы на козацкія нападенія, причемъ по обыкновенію говорилось, что Татары нападая на

---

[1]) Ркп. петерб. Публ. библ. Пол. IV № 171 л. 41—7.

Украину, только мстятъ за козацкія нападенія. Было какое-то козацкое нападеніе на турецкія поселенія въ окрестностяхъ Бѣлгорода. „Какой-то Киршта Волошинъ“ съ козаками не давалъ покоя Туркамъ и Татарамъ на сушѣ и на морѣ.

Весною 1602 г. козацкое войско (около двухъ тысячъ, какъ говорили) стояло надъ р. Каменицею за Брацлавомъ и предлагало свою службу молдавскому господарю. Послѣ разгрома воев. Михаила румынскія земли стали ареною междоусобій: противъ Симеона Могилы въ Валахіи поднялось возстаніе, окончившееся изгнаніемъ его изъ края и назначеніемъ господаремъ Рады Щербана Бессарабы (1602). Его поддержала Австрія, въ то время какъ Могила искалъ помощи у Поляковъ и Турокъ, и это снова открыло арену козацкому спорту. Но на этотъ разъ молдавскій господарь не принялъ козацкихъ услугъ, и тогда козаковъ стали ожидать въ Бѣлгородѣ. Въ маѣ на 30 чайкахъ и нѣсколькихъ галерахъ, отобранныхъ у Турокъ, козаки вышли въ море и подъ Киліею бились съ турецкими галерами; взяли одну галеру и перехватили купеческіе корабли. Подъ осень того же года встрѣчаемъ козаковъ подъ предводительствомъ какого-то Гурскаго—около тысячи ихъ шло въ Молдавію [1]). Эти занятія потянулись, очевидно, безъ большихъ перерывовъ и въ послѣдущихъ годахъ. Ханъ жаловался, что козаки, проживая на Днѣпрѣ, причиняютъ пепрестанные убытки и всяческія непріятности Крыму, и требовалъ, чтобы ихъ окончательно согнали съ Днѣпра [2]). Король въ своей инструкціи на сеймѣ 1603 г. обращаетъ вниманіе, что „за короткій срокъ козаки разрушили у турокъ три города“, и это грозитъ осложненіями со стороны Турціи [3]).

Возстановленіе козацкихъ вольностей и козацкаго престижа потянуло въ козацкіе ряды новыя массы населенія, увеличивая своевольную энергію козаковъ. Въ имѣющемся въ нашемъ распоряженіи королевскомъ универсалѣ конца 1603 г. указывается на какое то недавнее королевское распоряженіе въ видахъ усмиренія украинскаго своевольства и подтверждается со всяческими угрозами запрещеніе отцамъ семействъ отпускать своихъ сыновей „на козацство до тамтыхъ людей свовольныхъ, которыи покой посъполитый и перемирье с панъстви суседъскими взрушаютъ“; подъ страхомъ смертной казни воспрещается пропускать и достав-

[1]) Реляція Песочинскаго л. 83—106, 124.
[2]) Жерела VIII № 80 (около 1603).
[3]) Ibid. № 76.

лять козакамъ военные припасы и т. п. [1]). А кіевская шляхта въ своихъ инструкціяхъ конца 1604 г. распространяется въ жалобахъ, что съ уничтоженьемъ банниціи, начиная съ ливонской войны, козацкое озорство такъ усиливается, что приходится бояться, какъ бы „послѣднее не стало горше перваго", и требуетъ энергичныхъ репрессій противъ козачества [2]).

Однако вмѣсто желаемаго усмиренія украинскаго своевольства, къ чему такъ стремилось правительство и шляхетско-помѣщичьи круги, именно они бросили въ козацкую среду новый горючій матеріалъ, еще болѣе усилившій украинскую анархію и давшій возможность, подъ ея покровомъ, дальнѣе расти козачеству и его разлагающему вліянію на польско-шляхетскій режимъ. Этимъ горючимъ матеріаломъ была московская авантюра, созданная украинскими магнатами, но поддержанная въ концѣ концовъ и самимъ правительствомъ.

Сначала король не хотѣлъ впутывать въ эту аферу официальную Польшу и предоставилъ ее иниціативѣ магнатовъ. Во второй половинѣ 1603 г. Вишневецкіе выдвигаютъ извѣстнаго „царевича Димитрія" въ качествѣ московскаго претендента, законнаго сына царя Ивана, и уже зимой 1603|4 гг. должна была начаться вербовка охотниковъ для задуманнаго похода на Москву. На первый планъ выдвигались козаки. Уже въ передовыхъ полкахъ, какіе повелъ за собою лже-Димитрій въ концѣ лѣта 1604 г., шелъ цѣлый рядъ украинскихъ пограничниковъ—кн. Вишневецкій, Ружинскій, Струсь, остерскій староста Ратомскій, а вслѣдъ за ними должна была двинуться цѣлая туча украинскаго козачества—козаки дѣйствительно упоминаются въ этомъ войскѣ [3]). Не можетъ быть сомнѣнія, что въ тѣхъ

---

[1]) Издано у Кулиша Матеріалы с. 26. [2]) Жерела VIII № 78.

[3]) См. письмо въ Archiwum Radziwiłłów с. 233 (пересказъ реляціи очевидца). Въ исторической литературѣ козаковъ, принимавшихъ участіе въ первой стадіи операцій царевича, считаютъ донскими (новѣйшій пересмотръ вопроса у Жуковича Сейм. борьба, вып. I, с. 119). Но совершенно невѣроятно, чтобы донскіе козаки присоединились къ царевичу еще на правомъ берегу Днѣпра, передъ Кіевомъ: это могли быть только украинскіе козаки. Изъ современныхъ мемуаристовъ никто не называетъ ихъ донскими (Маскевичъ говоритъ, что царевичъ въ битвѣ съ Новгородомъ имѣлъ 2 тыс. запорожскихъ козаковъ, Борша называетъ ихъ козаками украинскими—Pamiętniki S. Maskiewicza с. 2, Рус. ист. библ. I с.

операціяхъ, какія одновременно велись на южной московской границѣ, начиная отъ Сейма, наряду съ донскими принимали участіе также и запорожскіе козаки. Главныя ихъ массы, однако, двинулись позднѣе, осенью 1604 г. Въ декабрѣ 1604 г. подъ Новгородъ Сѣверскій пришло большое запорожское войско—12 тысячъ, съ артиллеріею: „царевичъ (Дмитрій) давно послалъ имъ знамя, призывая къ походу; они имѣли съ собою хорошую артиллерію, нѣсколько пушекъ, и царевичъ былъ имъ очень радъ сильно надѣясь на ихъ мужество и большое количество ихъ войска“ [1]). Надежды эти не совсѣмъ оправдались, такъ какъ въ большой битвѣ подъ Добрыничами козаки, какъ жаловался потомъ царевичъ, покинули его и бѣжали [2]). Но хотя главное козацкое войско покинуло Дмитрія, украинскіе козаки остались участниками дальнѣйшаго похода, и на смѣну перваго корпуса ихъ мобилизовались въ московскій походъ все новыя партіи. Кіевская шляхта въ своей инструкціи, писанной въ первыхъ числахъ декабря н. с., указываетъ на новые отряды ихъ, собиравшіеся на Украинѣ, „выгребшись съ Низу“, и наводившіе страхъ на мѣстную шляхту, которая ждала отъ нихъ новыхъ поборовъ и контрибуцій и жаловалась на всякія безчинства, особенно въ заднѣпровскихъ волостяхъ, гдѣ собирались козацкіе полки для похода въ Московію [3]). На сеймѣ въ началѣ 1605 г. Янушъ Острожскій, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ изъ Украины, разсказывалъ, что козаки дѣйствительно „расписали универсалы по тамошнимъ краямъ, заставляютъ платить имъ деньги, поэтому боимся, какъ бы и наши крѣпостные не пристали къ козакамъ

367; одинъ изъ вождей этихъ козаковъ—Куцко приводитъ на память недавняго гетмана Куцковича). Донцы могли явиться уже дальше, за Днѣпромъ. И въ московскихъ разсказахъ о цар. Дмитріи его первыми союзниками выступаютъ козаки украинскіе и лишь позже донскіе—Рус. ист. библ. III с. 25, ср. 156, 799.

[1]) Рус. истор. библіотека с. 383, Сказанія современниковъ о Димитріѣ-самозванцѣ II с. 16, Собраніе госуд. грамотъ II с. 171 (здѣсь указано только 4 тыс.—быть можетъ передовой полкъ); нѣсколько извѣстій въ послѣднемъ томѣ Памятниковъ отношеній Москов. госуд. съ Польско-литовскимъ, IV (1912) с. 178, 258, 432 и др.

[2]) Рус. ист. б. с. 387—388, Сказанія II с. 20—1. Критическія замѣтки къ этимъ разсказамъ у Пирлинга La Russie et la Sainte Siège III с. 139—140, ср. Жуковича, ор. с. прим. 14.

[3]) Жерела VIII № 78.

и не присоединились къ нимъ при такомъ безнаказанномъ своевольствѣ“ [1]).

Но правительство не считало нужнымъ сдерживать энергію козачества, являвшагося тогда главнымъ помощникомъ въ московской авантюрѣ (отъ которой нъ придворныхъ кругахъ ждали большихъ политическихъ выгодъ). Занятые другими дѣлами польскіе правители не находили возможнымъ прибѣгать къ какимъ-либо репрессіямъ противъ козачества тѣмъ болѣе, что одновременно козаки несли и пограничную службу противъ Татаръ: напр. въ 1605 г. они разбили Татаръ на Днѣстрѣ, а въ письмѣ Григорія Изаповича гетмана и всего запорожскаго рыцарства, относящемся къ концу 1606 г., населеніе „Украины Поднѣпрской“ предупреждается ими о приближающемся татарскомъ нападеніи; вѣроятно, это посланіе одно изъ многихъ, сохранилось потому, что гетманъ просилъ свое письмо, какъ доказательство козацкой службы, занести въ акты [2]). Когда же въ началѣ 1606 г. вспыхнуло грозное шляхетское движеніе противъ короля и его ближайшихъ совѣтниковъ, повлекшее за собою вооруженный „рокошъ“ (1606—8), у правительства не было ни времени, ни возможности думать о чемъ-либо иномъ, кромѣ этого опаснаго движенія, грозившаго самого короля свергнуть съ престола [3]).

Козачество разрасталось, черпая все новыя силы въ своихъ вмѣшательствахъ въ заграничныя авантюры. Козаки принимали участіе въ московской смутѣ, послѣ паденія царевича Димитрія († 17/V 1605), поддерживая возстаніе противъ его преемника, царя Вас. Шуйскаго. Возстаніе это, разыгравшееся главнымъ образомъ на сѣверскомъ пограничьи подъ предводительствомъ Болотникова, носило сильную соціальную окраску въ духѣ украинскаго козачества (лѣто 1606—осень 1607). Возстаніе терскихъ козаковъ, выставившихъ претендента подъ именемъ царевича Петра, внука царя Ивана, и двинувшихся съ нимъ въ Поволожье еще при жизни царевича Димитрія, также нашло себѣ помощниковъ среди Запорожцевъ. Второй лже-Димитрій, позднѣйшій „Тушинскій воръ“, выступившій лѣтомъ 1607 г. и поднявшій возстаніе въ тѣхъ же сѣверскихъ земляхъ пользовался поддержкой со стороны разныхъ авантюристовъ изъ польско-литовскихъ областей (кн. Романъ

---

[1]) Жерела VIII № 82.
[2]) Жерела VIII № 84, Архивъ III. I № 45.
[3]) О рокошевомъ движеніи см. въ т. VI с. 577—8.

Ружинскій, Ад. Вишневецкій, Янъ Сапѣга, Тышкевичъ, Лисовскій), и кромѣ козацкихъ отрядовъ, навербованныхъ имъ, былъ поддержанъ также и запорожскими полками, въ особенности послѣ того какъ дѣло Болотникова и „царевича Петра“ было рѣшительно проиграно (въ октябрѣ 1607 г.). Такъ, въ походѣ этого самозванца изъ сѣверской земли, предпринятомъ въ это время, присоединились къ нему въ Карачевѣ запорожскіе отряды [1]) и хотя скоро отстали, но съ началомъ 1608 г. начали прибывать къ нему новые, со своими козацкими вождями или подъ предводительствомъ разныхъ шляхетскихъ авантюристовъ изъ Украины [2]). И съ дальнѣйшими успѣхами движенія, когда этому „Димитрію“ удалось пройти въ окрестности Москвы и здѣсь, расположившись лагеремъ въ с. Тушинѣ, повести блокаду столицы, число козаковъ участниковъ все увеличивалось. Въ концѣ 1608 г. въ его лагерѣ насчитывали до 13 тысячъ Запорожцевъ [3]). Они принимали выдающееся участіе въ московской смутѣ и разореніи московскихъ земель на ряду съ другими авантюристскими контингентами, подъ фирмою претендента, которому никто не придавалъ значенія, сдѣлавшими грабежи и разореніе московскихъ земель своимъ ремесломъ [4]). Къ веснѣ 1609 г. потянулись туда новыя партіи: въ одномъ изъ писемъ того времени (1/III) упоминаются Низовцы, идущіе туда черезъ Бѣлоруссію, въ количествѣ, какъ говорили, доходящемъ до 8 тысячъ [5]).

Одновременно съ этимъ не прекращались козацкія войны съ Татарами и Турками; въ переговорахъ Порты съ Польшею неизмѣннымъ мотивомъ звучатъ требованія прибрать козаковъ къ рукамъ, а польское правительство повторяетъ старыя оправданія, что оно ничѣмъ не можетъ тутъ помочь, такъ какъ это „племя непостоянное, непослушное, безпутное, состоитъ изъ бѣглецовъ московскихъ, татарскихъ, турецкихъ, украинскихъ, молдавскихъ, не имѣетъ ни отечества, ни закона, ни осѣдлости, живетъ грабежами и разбоемъ, скрываясь въ убѣжищахъ и пристанищахъ своихъ на Днѣпрѣ и другихъ рѣкахъ, своего имущества не

---

[1]) Рус. ист. библ. I с. 125, 127.

[2]) Marchocki Hist. wojny moskiewskiej с. 9—10.

[3]) Извѣстія собранныя у Соловьева с. 847 и сл.

[4]) Ср. разсказъ Мархоцкаго объ экскурсіи изъ Тушина подъ Новгородъ: kozakow Zaporoskich, ktorych sie iuž było do nas nagarnęło nie mało (с. 47).

[5]) Письма Ник. Радзивилла въ Публ. библ., Пол. № 185.

имѣетъ, для чужого опасно, никакой власти надъ собою не признаетъ и не терпитъ“ [1]). Въ королевскомъ универсалѣ конца 1605 г. упоминается о какихъ-то недавнихъ нападеніяхъ козаковъ на турецкія земли—козаки въ земли турецкаго султана „вривати се и шкоды немалые чинити мали“, и король приказываетъ старостамъ на будущее время не допускать такихъ нападеній [2]). Лѣтомъ 1606 г. козаки нѣсколько разъ нападали на турецкіе города черноморскаго побережья, ходили на Килію и Бѣлгородъ, захвативъ съ собою и присланнаго къ нимъ для порядка королевскаго дворянина. На морѣ захватили десять турецкихъ галеръ съ людьми, запасами и товарами; напали съ моря на Варну, перебили жителей и забрали съ собою болѣе чѣмъ на 180 тыс. злотыхъ добычи [3]). Съ этимъ походомъ связывается съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ старая пѣсня о взятіи Варны:

А в неділю пораненьку
Зібрали ся громадоньки
До козацької порадоньки:
Стали ради додавати,
Відкіль Варни доставати—
Ой чи з поля, чили з моря,
Чи з тої річки невелички?
Послали посла під Варну.
Поймав же посел Турчанина,
Старенького ворожбита,
Стали його випитувати,
Відкіль Варни діставати—
Ой чи з поля, чили з моря,
Чи з тої річки невелички?
„Ані з поля ані з моря,
А з тої річки невелички“.
А в неділю пораненьку
Зібрали ся громадоньки
До козацької порадоньки,
Стали ради радувати,
Відкіль Варни діставати:
Ой чи з поля, ой чи з моря,—
А чи з річки невелички?
Біжуть, плинуть човенцями,
Поблискують весельцями,
Ударили з самопалів,
З семи пятдесят [4]) запалів
Півсоткою із гармати,

[1]) Корреспонденція 1606 г.—Жерела № 80—90, записка въ Collectanea-хъ Сенковскаго I с. 123, Пам. снош. Моск. госуд. съ Польско-лит. IV с. 363, и др.

[2]) Матеріалы по исторіи гетманства Сагайдачнаго въ Чтеніяхъ кіевскихъ т. № 2; П. Н. Жуковичъ думаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о намѣреніи козаковъ итти на турецкія земли (ор. с. 122), но это невѣрно.

[3]) Рукоп. Публ. библ. Пол. № 119 с. 2063 (инструкція на сеймики, 24. II. 1607) Бантышъ—Каменскій I с. 23 (въ 1 изд., пріурочилъ этотъ эпизодъ къ 1605 г. съ которымъ онъ и былъ извѣстенъ до послѣдняго времени (Антоновичъ и Драгамоновъ I с. 247, Каманинъ „Очеркъ гетьманства Сагадайчнаго“ с. 5, и др); точную дату его указалъ лишь Жуковичъ (I с 122).

[4]) Др. Франко поправляетъ: семипяденних.

Стали її добувати,
Стали Турки нарікати.
Стали Варни діставати,
Стали Турки утікати,
Тую річку проклинати:
Бодай річка висихала,
Що нас Турків в себе взяла.
Була Варна здавна славна,
Славнійшії козаченьки,
Що тоі Варни дістали
І в ній Турків забрали [1]).

Случайно узнаемъ далѣе, что осенью 1608 г. козаки ходили на Перекопъ, „удивительною хитростью взяли, разграбили и сожгли" этотъ городъ, какъ записываетъ іезутскій лѣтописецъ этого времени [2]). Затѣмъ отъ 1609 г. (осень) имѣется извѣстіе, что козаки на 16 чайкахъ напали на устье Дуная, сожгли и разграбили придунайскіе города: Измаилъ, Килію, также Бѣлгородъ, но встревоженные приближеніемъ турецкаго флота не успѣли забрать всю добычу. [3]) Однако все это только отрывочныя, случайныя извѣстія о походахъ, сдѣлавшихся явленіемъ хроническимъ, обычнымъ.

Кромѣ нападеній на турецкія и татарскія земли, ареной для козацкихъ подвиговъ служили несчастные румынскіе края—теперь уже Молдавія, гдѣ со смертью Іереміи Могилы въ 1606 г. начались продолжительныя междоусобія съ неизмѣннымъ участіемъ разныхъ высокородныхъ авантюристовъ и козацкихъ отрядовъ. Польша поддерживала сыновей Іереміи; конкурентомъ выступилъ сначала давнишній претендентъ, Стефанъ Богданъ. Весною 1607 г. султанъ узналъ, что онъ отправился на Украину и тамъ собираетъ козаковъ, чтобы итти на Молдавію; онъ просилъ короля захватить тамъ претендента, но король, разумѣется, не въ состояніи былъ это исполнить [4]) Попытки Богдана впрочемъ не имѣли успѣха и гораздо болѣе серьезнымъ претендентомъ выступилъ

---

[1]) Русалка Днїстрова и Ż. Pauli Pieśni ludu ruskiego I с. 134, отсюда у Антоновича и Драгоманова I с. 246, варіанты еще у Франка Студи́и № XIV. Форма пѣсни сильно искажена, языкъ и ритмъ ея испорчены; выбираю изъ нея тѣ мѣста какія съ большей вѣроятностью можно возводить къ первоначальному тексту, исправляя кое-гдѣ насколько это возможно, и форму. Первая половина пѣсни—жалобы царицы (жены хана или султана) на море, поглотившее ея сына („Кляла цариця вельможная пані"...) не вяжется со второю, настоящею пѣснью о взятіи Варны и тѣ общія подробности, на которыя обратилъ вниманіе др. Франко, могли явиться въ имѣющемся текстѣ уже позднѣе.

[2]) Велевицкій II с. 280. [3]) Жерела VIII № 93.

[4]) Жерела VIII № 89.

братъ Іереміи, Симеонъ (неудачный волошскій господарь). Онъ купилъ себѣ милость турецкаго двора и съ его протекціею свергнулъ Константина, сына Іереміи, съ господарства, но на помощь семьѣ Іереміи двинулся Стефанъ Потоцкій, зять Іереміи, и прогналъ Симеона. Симеонъ вскорѣ потомъ умеръ, какъ говорили—отравленный Поляками, и борьба возгорѣлась между сыновьями Іереміи и Симеона, пока Константина Могилу не выбилъ изъ сѣдла другой претендентъ, Стефанъ Томша (сынъ претендента временъ Дмитрія Вишневецкаго). Стефанъ Потоцкій двинулся снова—посланный уже королемъ на помощь Константину, но не могъ осилить его соперника: Потоцкій былъ жестоко разбитъ, потерялъ все войско, самъ попалъ въ плѣнъ къ Туркамъ, и польское правительство должно было отказаться отъ своего вліянія на Молдавію [1]).

Козаки во время этихъ междоусобій, несомнѣнно, принимали постоянное участіе въ молдавскихъ дѣлахъ, хотя мы имѣемъ лишь изрѣдка точныя извѣстія объ этомъ [2]).

Одновременно съ этимъ размахомъ козацкой военной энергіи, при полной свободѣ и безнаказанности, какою пользовалась въ то время козацкая стихія на Украинѣ, все больше растетъ „козацкое своевольство“ среди мѣстнаго населенія, козацкая „непослушность“ среди различныхъ слоевъ его. Опасенія украинскихъ магнатовъ, что съ развитіемъ козацкой энергіи, козачество проникаясь все болѣе сознаніемъ своихъ силъ и дѣйствительно захватывая въ свои руки Украину, увлечетъ за собою и народныя массы, мѣщанъ и крѣпостныхъ [3]), были вполнѣ основательны. Это было время необычайнаго развитія „непослушности“, когда огромныя массы населенія, отдаваясь подъ козацкую власть и присудъ, отказывались отъ всякаго повиновенія своимъ „законнымъ“ властямъ, старостамъ и помѣщикамъ и проникаясь своевольнымъ козацкимъ духомъ, не хотѣли признавать надъ собою никакой власти.

---

[1]) Pisma Żołkiewskiego с. 413 и 452—7.

[2]) Кромѣ приведеннаго выше письма султана отъ 1607 г. см. упоминаніе въ письмѣ Острожскаго отъ 1610 г.—Жерела VIII № 92; ср. тоже реестръ войска, посланнаго съ Потоцкимъ въ 1612 г. (Pisma с. 452.), гдѣ немало также козацкихъ ротъ, навербованныхъ разными магнатами панами, и позднѣйшія приготовленія козаковъ къ походу на Молдавію въ 1613—4 гг. (смотри ниже).

[3]) Жерела VIII № 78 и 82, ср. также № 86.

Изъ такихъ эпизодовъ особенную огласку получили „своевольства мѣщанъ брацлавскихъ и корсунскихъ“, констатированныя королемъ на сеймѣ 1607 г.—что у нихъ „ни комиссіи, ни декреты наши (королевскіе) не имѣютъ никакого значенія“, и поэтому король отдаетъ ихъ въ распоряженіе старостъ, лишивъ права апелляціи въ какія-либо высшія инстанціи [1]). Относительно корсунскихъ бунтовъ мнѣ удалось отыскать рѣшенія королевскаго суда, въ количествѣ трехъ, довольно хорошо иллюстрирующія украинское своеволье, вызванное козацкимъ движеніемъ. Начались эти споры между корсунскими мѣщанами и ихъ старостою, извѣстнымъ магнатомъ Яномъ Даниловичемъ (собственно его представителемъ) по довольно ничтожному поводу: мѣщане не хотѣли мостить мосты за городомъ и являться передъ урядниками старосты „на муштру або оказованье“. Но затѣмъ это перешло уже во всякіе другіе „бунты розмаитые, ростерки и розненья“, характеризуемые въ концѣ концовъ старостою какъ „досить значная ребелия“. Мѣщане перестали платить ему арендную плату за право варенья и торговли напитками и другія льготы. Затѣмъ отказались отъ юрисдикціи замка, старостинскихъ властей, ограничивались исключительно своими судами, а старосту начали бойкотировать: всѣхъ послушныхъ мѣщанъ, желавшихъ и дальше оставаться подъ юрисдикціею старосты, они прогоняли съ городскихъ земель, какъ выражается королевская повѣстка въ судъ: „всю юрыздыцыю замковую старостинскую собе привлащаете, справы и розсудки всю межы укрывжоными, узявшы тое з моцы старосты нашого, сами надъ звыклость давную одправуете, а хто бы ся у реестръ вашъ, в юрыздыцыю вашую не вписалъ и против старосте нашому з вами не переставалъ, тогды з мѣста проч од маетности виганяєте, добра ихъ берете“. Когда староста хотѣлъ разыскать среди мѣщанъ бѣглыхъ, принадлежащихъ разнымъ разыскивавшимъ ихъ помѣщикамъ, и выдать послѣднимъ, мѣщане рѣшительно не допустили этого. Когда же урядники хотѣли выдать ихъ силою, мѣщане начали готовиться къ вооруженному отпору, заявивъ, что будутъ защищать этихъ бывшихъ крѣпостныхъ „до горлъ своихъ“ [2]).

На сеймъ 1607 г. шляхта украинскихъ воеводствъ при-

---

[1]) Volum. legum II с. 443.

[2]) Акты т. наз. Русской Метрики архива мин. юстиціи, 1604—5 гг.

везла съ собой цѣлый ворохъ жалобъ и нареканій на это украинское своевольство, и на сеймѣ былъ принятъ цѣлый рядъ законовъ объ обузданіи его. Кромѣ постановленія „объ украинныхъ городахъ“, направленнаго главнымъ образомъ противъ брацлавскихъ мѣщанъ, но изданнаго, очевидно, въ качествѣ общей нормы на случай всякихъ подобныхъ мѣщанскихъ своевольствъ,—имѣется еще нѣсколько постановленій въ высокой степени характерныхъ для тогдашнихъ украинскихъ отношеній. Конституція „Объ украинскомъ своеволіи“, изданная „для приведенія въ добрый обычай и порядокъ городовъ и старостствъ украинскихъ“, постановляетъ, что въ Кіевскомъ воеводствѣ мѣщане [1]), а въ Подольскомъ—мѣщане и бояре должны находиться подъ властью и управленіемъ старостъ, обязаны нести военную и замковую службу по ихъ указаніямъ, и старосты должны производить судъ по дѣламъ мѣщанскимъ и боярскимъ (очевидно, суды эти перестали уже функціонировать, такъ какъ никто не хотѣлъ имъ повиноваться); для проведенія въ жизнь этихъ постановленій старостамъ должны содѣйствовать своими военными силами гетманы [2]). Конституція „О козакахъ запорожскихъ“, подтверждая прежнія постановленія (1589, 1590 и 1601 г.), напоминала вновь, что козаки, живя на королевскихъ земляхъ, должны подлежать юрисдикціи старосты, а живущіе во владѣніяхъ шляхетскихъ и духовныхъ лицъ—власти своихъ помѣщиковъ и ихъ суду, „а также и наказаніямъ за всякіе проступки“; противъ своевольныхъ козацкихъ бандъ дается право репрессій, какъ противъ бунтовщиковъ [3]). Наконецъ среди постановленій в. кн. Литовскаго, принятыхъ на томъ же сеймѣ, на первомъ мѣстѣ находимъ длинное постановленіе „Объ усмиреніи своевольныхъ украинныхъ людей“, въ которомъ даются широкія судебныя и административныя полномочія по отношенію ко всякимъ своевольнымъ людямъ, „плебеямъ“ и шляхтичамъ, которые собираютъ людей и нападаютъ на чужія государства, нарушая миръ и доставляя хлопоты Рѣчи Посполитой [4]).

Однако всѣ эти постановленія остались лишь выраженіемъ пожеланій украинской шляхты и характеристикой украинскихъ от-

---

[1]) Изъ кіевскихъ городовъ этой конституціи должны были подлежать: Корсунь, Чигиринъ, Стеблевъ и Даниловъ.

[2]) Volum. legum II с. 443

[3]) Ibid. с. 447, ср. т. I этого сочиненія с. 355.

[4]) Volum. legum II с. 448.

ношеній, не давъ ничего новаго украинской администраціи: всѣ эти широкія полномочія противъ своевольниковъ она имѣла и раньше, и какъ прежде не была въ состояніи достигнуть съ ними ничего положительнаго, такъ не могла и теперь въ виду того, что правительство по прежнему предоставляло ее своимъ собственнымъ силамъ. Правительство же, совершенно поглощенное рокошевымъ движеніемъ, вспыхнувшимъ съ новою силою послѣ этого сейма, не могло и думать о чемъ-нибудь другомъ. Рокошъ внутри и смута въ сосѣднихъ московскихъ земляхъ усиливали еще болѣе всякіе своевольные элементы, въ томъ числѣ и козацкую стихію. Поэтому въ постановленіяхъ ближайшаго сейма (нач. 1609) мы снова читаемъ постановленье о своевольныхъ людяхъ, констатирующее еще большій ростъ своевольныхъ военныхъ бандъ за послѣднее время, а затѣмъ длинную и интересную конституцію „О запорожскихъ козакахъ", свидѣтельствующую о дальнѣйшемъ развитіи козацкой стихіи наперекоръ всѣмъ шляхетскимъ постановленіямъ и жалобамъ [1]).

Упомянувъ о прежнихъ постановленіяхъ, согласно которыхъ козаки подчиняются власти и юрисдикціи помѣщиковъ, а въ королевскихъ земляхъ—ихъ державцевъ, она констатируетъ, что на дѣлѣ происходитъ совершенно обратное: „вопреки этой конституціи и стариннымъ обычаямъ, козаки чинятъ страшное безправіе и своеволіе, не только не признавая власти нашихъ старостъ и своихъ пановъ, но имѣя своихъ гетмановъ и иную форму юрисдикціи (собственное козацкое устройство и свой судъ); тѣмъ самымъ они притѣсняютъ города и нашихъ мѣщанъ, создаютъ препятствія власти нашихъ чиновниковъ и украинной администраціи (конкуренціею своей козацкой юрисдикціи), производятъ безнаказанно невыносимыя безчинства и беззаконія, насилія и убійства; наконецъ—своевольно, помимо воли и вѣдома нашего и нашихъ военныхъ властей собираютъ огромныя банды, совершаютъ набѣги на наши города въ волостяхъ и на непріятельскіе замки, нарушая общественное спокойствіе и наши договоры съ сосѣдями". Въ виду этого сеймъ приказываетъ городамъ и мѣщанамъ не поддаваться подъ козацкую юрисдикцію и не дозволять этого своимъ сыновьямъ. Для возстановленія же среди козаковъ порядка, онъ назначаетъ комиссаровъ, въ обязанность которымъ, наряду съ ко-

[1]) Volum. legum II c. 465, ср. т. I с. 355.

роннымъ гетманомъ, кіевскимъ воеводой и старостою [1]), вмѣняется произвести судъ и расправу по всѣмъ учиненнымъ своевольствамъ, для чего должны быть призваны запорожскіе козаки „живущіе на вольностяхъ"; низовымъ козакамъ поручается назначить старшаго, установить среди нихъ порядокъ; освободить города отъ козацкой юрисдикціи и „опрессіи"; вообще обезпечить эти области отъ своевольства, „приноравливаясь къ условіямъ и нуждамъ этихъ земель и ихъ населенія".

Если однако мы припомнимъ, что тотъ же самый сеймъ принципіально (хотя и неофиціально) одобрилъ войну съ Москвою, ассигнововавъ для нея кредиты, и король и гетманъ въ дѣйствительности думали не объ обузданіи козаковъ, а о привлеченіи ихъ, какъ необыкновенно дешоваго и полезнаго войска, въ возможно большихъ размѣрахъ для будущаго похода на Московію —намъ станетъ яснымъ, до какой степени пустыми были всѣ эти разговоры. Хотя у насъ не имѣется болѣе подробныхъ свѣдѣній о назначенной комиссіи, но можно сказать съ увѣренностью, что назначенные комиссары даже не пробовали выполнить возложеное на нихъ порученіе. Въ концѣ августа, уже съ похода въ Москву, король посылаетъ со своимъ дворяниномъ письмо къ знатнѣйшему изъ украинскихъ магнатовъ, кн. Янушу Острожскому, поручая ему „укротить своеволье козаковъ на Украйнѣ, чтобы они не собирались и не нарушали договоровъ съ сосѣдними государствами". Но кн. Острожскій, не сочувствовавшій планамъ московской войны, отвѣтилъ королю довольно рѣзко, что онъ не чувствуетъ себя въ силахъ исправлять своими личными стараніями то, что портятъ со всѣхъ сторонъ: на Украинѣ какъ разъ идетъ вербовка козаковъ на королевскую службу и это даетъ право всякому сброду объявлять себя королевскимъ войскомъ и заявлять всякія претензіи. „Теперь именемъ вашей кор. милости по Украинѣ носятъ знамена и разные люди называютъ себя слугами вашей кор. милости, хотя это и не правда, и я вижу, что при такомъ управленіи не только я, но и обладающій большими силами, не сумѣетъ положить этому предѣлъ" [2]). Острожскій не могъ от-

---

[1]) Этотъ постъ кіевскаго воеводы Жолкевскій (ставшій великимъ гетманомъ послѣ смерти Замойскаго въ 1605 г.) получилъ незадолго до сейма 1609 г., послѣ Андрея Сапѣги, бывшаго преемникомъ кн. Конст. Острожскаго.

[2]) Жерела VIII № 92.

крыто сказать королю въ глаза, что онъ самъ своими вербовками поддерживаетъ украинскую смуту, и какъ же тутъ требовать отъ отдѣльныхъ украинскихъ магнатовъ, чтобъ они усмиряли это своеволіе!

Король и его приближенные не могли оставаться спокойными свидѣтелями успѣховъ, какіе выпадали на долю разныхъ польско-литовскихъ авантюристовъ въ Московскомъ государствѣ подъ фирмою московскаго „царика“, какъ называли въ Польшѣ и на Украинѣ второго Лжедимитрія, при содѣйствіи украинскаго козачества. Пока бушевалъ „рокошъ“, польскому правительству было не до того (у рокошанъ, стоявшихъ въ нѣкоторой связи съ московскими авантюристами, былъ даже планъ посадить „царика“ на польскій тронъ вмѣсто Сигизмунда). Лѣтомъ 1608 г., когда ликвидація рокоша оставалась еще подъ сомнѣніемъ, правительство Сигизмунда заключило даже съ московскимъ правительствомъ царя Василія Шуйскаго новый перемирный договоръ. Но рокошъ утихъ, польско-литовскія банды въ Московіи дѣлали дальнѣйшіе успѣхи, достигшіе въ срединѣ 1608 г. своего апогея, такъ что почти все Московское государство было въ рукахъ польско-литовскихъ авантюристовъ и украинскихъ козаковъ; правительство Шуйскаго вступило въ союзъ со Швеціею, съ Карломъ IX, смертельнымъ врагомъ Сигизмунда и Польши. Въ виду этого, въ придворныхъ польскихъ кругахъ во второй половинѣ 1608 г. возникаетъ рѣшеніе разорвать трактатъ о перемиріи съ царемъ, придравшись къ разнымъ мелкимъ поводамъ, чтобы использовать страшный развалъ Московскаго государства въ интересахъ Польши и ея династіи. Разсчитывали воспользоваться пріобрѣтеніями польско-литовскихъ авантюристовъ и, свергнувъ жалкаго Шуйскаго, посадить на московскій престолъ Сигизмунда, а потомъ—потомъ съ удвоенными силами уничтожить въ Швеціи оппозицію и вернуть Сигизмунду отцовскую корону, которую онъ потерялъ съ переходомъ на польскій тронъ,—и не могъ ее забыть.

Такіе планы складывались въ кругу приближенныхъ Сигизмунда. Однако выступать съ ними передъ широкими кругами польскаго общества, настроеннаго подозрительно ко всякаго рода династическимъ планамъ, ко всякому усиленію королевской силы и власти, было совершенно невозможно. Чтобы привлечь ихъ на

сторону своихъ плановъ московской войны, Сигизмундъ долженъ былъ перенести центръ тяжести на возвращеніе Польско-литовскому государству потерянныхъ провинціи—Смоленска и Сѣверскихъ земель, на расширеніе предѣловъ Польши, долженъ былъ обѣщать, что всѣ пріобрѣтенія этой войны получитъ Польша: король ничего не оставитъ ни себѣ, ни своему потомству, но передаетъ все Рѣчи Посполитой (формальныя деклараціи въ этомъ смыслѣ Сигизмундъ вынужденъ былъ сдѣлать, выступая въ походъ). И все-таки польское общество довольно холодно и подозрительно принимало всѣ эти королевскія увѣренія и обѣщанія, и сеймъ 1608 г., которому былъ предложенъ на обсужденіе этотъ вопросъ, хотя и принялъ къ свѣдѣнію королевскіе планы, но не сдѣлалъ никакихъ заявленій по этому поводу и не отпустилъ спеціальныхъ кредитовъ на это предпріятіе: былъ вотированъ лишь обычный налогъ на случай какихъ либо опасностей и на продолженіе ливонской войны.

Но Сигизмундъ, горѣвшій жаждою завоеваній и тріумфовъ, безъ одобренія сейма, съ пустою казной, съ разбитой государственной машиной и только что подавленной рокошевой смутой,—все таки ринулся въ московскую авантюру. И ему нужно было войско, по возможности въ большемъ количествѣ, по возможности недорогое и по возможности въ кредитъ. А гдѣ же, какъ не на Украинѣ, можно было искать его? И вотъ, какъ писалъ Янушъ Острожскій, разные авантюристы съ королевскими знаменами пошли гулять по Украинѣ, вербуя каждаго охотника.

Къ осени 1609 г. король двинулся черезъ Бѣлоруссію на Смоленскъ. Жолкевскій совѣтовалъ обратиться сначала къ другой утраченной провинціи—Сѣверской, какъ болѣе легкой добычѣ. Совѣтъ былъ благоразуменъ, тѣмъ болѣе, что Сѣверскія земли уже предшествовавшими возстаніями были сильно возбуждены и наводнены козаками; но король не послушалъ этого совѣта. Въ Сѣверскія земли послали козаковъ, король же двинулся на Смоленскъ, сильно укрѣпленный, почти неприступный [1]), и въ концѣ сентября осадилъ его. Съ нимъ было около 8 тыс. разнаго навербованнаго войска [2])—число для такой кампаніи совсѣмъ незначительное. Тѣмъ болѣе приходилось цѣнить Запорожцевъ, прибывавшихъ непрерывно и изъ Украины и изъ бандъ „царика“. Значительная часть польско-литовскихъ контингентовъ находившихся

[1]) Pisma Żółkiewskiego с. 19.

[2]) См. у Гурскаго Obleżenie Smoleńska с. 7.

въ войскѣ послѣдняго, получивъ приглашеніе присоединиться къ королевскому войску, присоединилась къ королю, разсчитывая на богатое жалованье, въ то время какъ другія банды предпочли организовывать самостоятельныя разбойничьи экскурсіи въ московскихъ земляхъ, а „царикъ" съ козаками, оставивъ Тушино, передвинулся на югъ въ Калугу, ближе къ козацкимъ краямъ. Съ нимъ, несомнѣнно, осталось много Запорожцевъ, въ то время, какъ другіе частью перешли въ королевское войско, частью занялись опустошеніемъ южныхъ земель.

Въ дневникѣ осады Смоленска подъ 7 октября находимъ извѣстіе о прибытіи депутаціи отъ запорожскихъ козаковъ къ королю съ извѣщеніемъ, что ихъ войско въ количествѣ 3000 идетъ къ королю и проситъ пожаловать имъ знамя; черезъ недѣлю войско это дѣйствительно прибыло. Полторы недѣли спустя явился отрядъ Запорожцевъ изъ цариковаго войска, изъ-подъ Бѣлой, а за ними новое посольство отъ козаковъ, еще остававшихся съ царикомъ, что они не хотятъ принимать участія въ конфедераціи оставшихся при царикѣ бандъ противъ короля, просятъ пожаловать имъ тоже королевское знамя и предлагаютъ королю свою службу. На слѣдующій день—посольство отъ козацкаго войска изъ-подъ Вязьмы, въ количествѣ 3 тыс. отборнаго войска, съ изъявленіемъ готовности служить королю [1]). Однако присоединяться къ королевскому войску эти козаки не очень спѣшили; такъ, два мѣсяца спустя, какъ видно изъ тѣхже записокъ, они продолжаютъ стоять подъ Вязьмою и Бѣлою и ведутъ переговоры то съ королемъ, то съ царикомъ, выжидая очевидно, кто лучше заплатитъ и чья возьметъ верхъ [2]).

Но и подъ Смоленскомъ козаковъ собралось не мало. Жолкевскій говоритъ въ своихъ запискахъ, что уже въ началѣ осады (въ началѣ октября) было тамъ 30 тыс. козаковъ, пришедшихъ подъ начальствомъ Олевченка [3]), а позднѣе еще прибавилось. По словамъ од-

[1]) Рус. истор. библ. I с. 453 (300 вмѣсто 3000), 459, 464, 466, 475—6.

[2]) Ibid с. 493, 498.

[3]) Pisma с. 32; трудно не вѣрить Жолкевскому—а простой опечатки не допускаетъ контекстъ; Маскевичъ въ своихъ запискахъ исчисляетъ козаковъ только въ 12 тыс., а hetman u nich ze Zborowa miasteczka, Zborowskim się zwał, kozak staranny—с. 14. Въ разсказѣ о приступѣ подъ Смоленскъ въ августѣ 1610 г. хроника осады называетъ козацкимъ гетманомъ какого-то Каленика (Kalenik hetman ich—Рус. ист. библ. I с. 656).

ного участника смоленской кампаніи, собралась тогда (зимою 1609/1610 г.) въ отвѣтъ на приглашеніе короля и по собственному усердію огромная масса украинскаго козачества: „запорожскихъ козаковъ по разнымъ мѣстамъ въ Москвѣ огромное количество, насчитывалось ихъ болѣе 40 тыс., причемъ прибывали все новые, чуть ли не со всѣмъ кошемъ вышли изъ Запорожья, а услугу королю оказывали выдающуюся“ [1]). Кромѣ козацкаго войска, присоединившагося къ королю послѣ бѣгства царика въ Калугу (въ январѣ 1610 г. [2]), является еще какой-то большой отрядъ „изъ Украины“ въ первыхъ числахъ февраля [3]); затѣмъ черезъ нѣсколько недѣль новое посольство отъ 7000 козаковъ изъ Украины „наилучшихъ“—онъ идетъ къ королю подъ его знамена. Въ іюнѣ еще 4 тыс. Запорожцевъ, 3 тыс. конныхъ, тысяча пѣшихъ, подъ предводительствомъ кіевскаго шляхтича Харлинскаго. Еще нѣсколько недѣль спустя какой-то Кульбака приводитъ 2500 козаковъ изъ Украины [4]), и т. д.

Кромѣ того, какъ уже было сказано, козацкій корпусъ занимался завоеваніемъ Сѣверскаго края и козаки взяли Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Почепъ, Брянскъ, Козельскъ и др. здѣшніе города [5]). Туда же къ веснѣ (1610 г.) выслалъ король часть вновь прибывшаго войска. Козаки подъ предводительствомъ своего старшины Искорки взяли Стародубъ, захвативъ неожиданнымъ нападеніемъ. Московскій гарнизонъ укрѣпился въ замкѣ и ни за что не хотѣлъ сдаваться; козаки подожгли замокъ, но тѣ бросались въ огонь и все же не сдавались: спасли кое-кого силою, взявъ въ плѣнъ. Новгородъ Сѣверскій безъ кровопролитія сдался „старшему полковнику“ Гунченку, съ трехтысячнымъ козацкимъ войскомъ подступившему къ городу. Другой отрядъ взялъ Почепъ; мѣстное населеніе, убѣдившись въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, сдалось козакамъ. [6]).

Изъ писемъ „старшого полковника“ Андрея Стороженка, писанныхъ весною 1610 г. изъ-подъ Почепа, узнаемъ, что съ нимъ въ Сѣверскомъ краѣ было въ это время отъ 10 до 15 тыс. козаковъ, причемъ количество ихъ постоянно увеличивалось. Сохранились два его письма одинаковаго со-

---

[1]) Pamiętniki Sam. Maskiewicza c. 15.
[2]) Рус. ист. библ. I с. 529. [3]) Упоминаніе ibid. с. 541.
[4]) Ibid. с. 543, 604, 616, 635. [5]) Маскевичъ с. 16.
[6]) Рус. ист. библ. I с. 543, 558—61, 566—7, 570—1.

держанія, одно отъ 30 мая, другое отъ 2 іюня; въ первомъ количество своихъ козаковъ онъ исчисляетъ въ „десять тысячъ и больше“, во второмъ уже до пятнадцати слишкомъ тысячъ [1]). Когда съ наступленіемъ весны 1610 г., послѣ долгой и безплодной осады Смоленска, польскія войска начали готовиться къ рѣшительному приступу, рѣшено было стянуть подъ Смоленскъ и сѣверскіе козачьи отряды; хотя и на смоленскомъ театрѣ было большое количество козаковъ, но очевидно, считали нужнымъ усилить ихъ составъ. Въ этомъ смыслѣ писалъ имъ Левъ Сапѣга, одинъ изъ главнѣйшихъ участниковъ смоленской кампаніи, и отвѣтомъ были упомянутыя письма „старшаго полковника“ сѣверскихъ полковъ, Андрея Стороженка [2]). Въ своихъ письмахъ онъ извѣщалъ, что войско готово идти на смоленскую службу, только хотѣло бы знать ея условія: сколько получатъ на человѣка, на долго ли берутъ ихъ на службу, „наконецъ—съ кого, изъ какихъ средствъ и гдѣ имѣютъ требовать этой убогой кровавой платы по окончаніи службы оставшіеся въ живыхъ“ [3]).

Но въ этомъ какъ разъ и заключался самый трудный вопросъ, на который не могъ бы отвѣтить не только Сапѣга, но и самъ король. Сигизмундъ самъ пускался въ эту войну по-козацки: „Не на те козак пє що є, а на те що буде“. Насобиравъ войска и изъ тушинскаго лагеря и со всевозможныхъ другихъ мѣстностей, онъ полагался на будущіе успѣхи войны. Между тѣмъ его тріумфы не принесли матеріальныхъ средствъ. Дневники отмѣчаютъ все новые и новые козацкіе отряды, приходившіе подъ Смоленскъ, но большею частію умалчиваютъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Хотя козацкое войско постоянно фигурируетъ въ качествѣ важнаго и виднаго фактора смоленской вой-

---

1) Письма въ кіевскихъ Чтеніяхъ VII с. 70.

2) Издатель этихъ писемъ, А. Стороженко-junior, предполагаетъ, что этотъ титулъ нужно понимать какъ „старшій“, т. е. козацкій гетманъ, но это не такъ: „гетманомъ“ называлъ себя тогда Тискиневичъ и этимъ титуломъ подписалъ извѣстное письмо относительно Грековича „за Порогами року 1610 мая 29 дня“. (Акты Ю. З. Р. II с. 66), поэтому А. Стороженко и подписался не просто „старшій“, а „старшій полковникъ“; для гетманства его мѣста въ это время не было, и „длиннаго промежутка“ въ реестрѣ запорожскихъ гетмановъ, усмотрѣннаго Стороженкомъ, въ дѣйствительности не существовало.

3) Чтенія, см. выше.

ны [1]), однако большая часть козачества, не получая никакого жалованія, съ теченіемъ времени оставляла королевское войско и пускалась или отдѣльно или вмѣстѣ съ Поляками въ самостоятельныя разбойничьи экскурсіи [2]). Поэтому и сѣверскіе козаки не спѣшили въ королевскій таборъ, и вѣроятно только часть ихъ перешла туда [3]).

При ликвидаціи тушинскаго эпизода бояре, находившіеся въ влагерѣ, рѣшили просить у Сигизмунда его сына королевича Владислава на царство московское. Этотъ планъ былъ принятъ затѣмъ и московскимъ боярствомъ, уже успѣвшимъ свергнуть царя Василія. Но Сигизмундъ находилъ нужнымъ прежде всего обезпечить для Польши спорныя земли (Смоленскъ и Сѣверскую область), да и на проэктъ коронаціи Владислава на московское царство долго не могъ рѣшиться. Благодаря этимъ колебаніямъ и разнымъ допущеннымъ имъ тактическимъ промахамъ, Сигизмундъ упустилъ моментъ: занятый осадою Смоленска, онъ безвозвратно потерялъ Москву и виды на царскую корону. Лишь лѣтомъ 1611 г. удалось наконецъ взять Смоленскъ, и Сигизмундъ созвалъ сеймъ, чтобы, импонируя ему своими завоеваніями и тріумфами, получить одобреніе своей московской войны (начатой безъ формальнаго согласія сейма) и солидныхъ кредитовъ на ея продолженіе.

Онъ разсчитывалъ, что возвращеніе утраченныхъ столѣтіе тому назадъ восточныхъ провинцій, выборъ на московскій престолъ польськаго королевича и вводъ польскаго гарнизона въ Москву, произведенный на этомъ основаніи—всѣ эти неслыханные тріумфы откроютъ ему сердца и карманы шляхты. Въ своихъ предсеймовыхъ инструкціяхъ и сеймовомъ предложеніи [4]) онъ подчеркивалъ, что счастливый ходъ этой войны и ея необычайные успѣхи ясно показываютъ, что война эта была дѣломъ божіимъ—воля божья избрала въ данномъ случаѣ польскаго короля орудіемъ своихъ судъ. Онъ обращаетъ вниманіе поль-

---

[1]) Напр. Рус. ист. библ. I с. 477, 485, 657, 640, 656.

[2]) См. напр. тамъ же с. 554, 573, 591, 604 и др.

[3]) Górski с. 100 говоритъ о 15 тыс., но въ дневникѣ Рус. ист. библ. этого нѣтъ, см. с. 635—7.

[4]) Содержаніе ихъ (изъ рукописныхъ источниковъ) у Жуковича Сейм. борьба вып. I с. 57—65.

скаго общества на важность момента, на перспективы, имъ открываемыя и—на тѣ средства, какихъ эти перспективы требуютъ для своего осуществленія, наконецъ призываетъ общество къ жертвамъ на благо государства. Но шляхта, очевидно, разсудила, что если сами суды божьи, какъ увѣрялъ король, противъ Москвы, то ей можно и въ дальнѣйшемъ спокойно положиться на милость божію, не заботясь ни о войнѣ, ни о кредитахъ для ея веденія. Сеймъ съ удовольствіемъ принялъ къ свѣдѣнію успѣхи короля, предоставилъ ему вести войну по своему благоусмотрѣнію (хотя и сдѣлалъ оговорку на будущее время, что наступательной войны король безъ согласія сейма не въ правѣ вести) и—вотировалъ лишь обычные военные налоги, совершенно недостаточные даже для расплаты съ войскомъ за двухлѣтнюю войну, а затѣмъ—предоставлялъ королю продолжать войну по-козацки: „не на то, что есть, а на то, что будетъ“: на счетъ тѣхъ пріобрѣтеній и сокровищъ, которыя должны были попасть в руки короля въ Москвѣ. И правительство Сигизмунда послѣ всѣхъ тріумфовъ и комплиментовъ очутилось снова съ неоплаченнымъ войскомъ и съ пустою казною передъ перспективой новой упорной войны, требовавшей для осуществленія грандіозныхъ плановъ, начерченныхъ Сигизмундомъ, войскъ и войскъ, денегъ и денегъ.

Это было осенью 1611 г. Обстоятельства сложились такъ, что польскіе планы были уже сильно испорчены и требовали энергичныхъ усилій, если хотѣлось исправить упущенное. Польскій гарнизонъ находился въ Москвѣ, Москвою правило боярское правительство именемъ Владислава, но въ разныхъ концахъ Московскаго государства подымалась все болѣе серьезная реакція противъ этого скомпрометированнаго правительства. Москва находилась въ блокадѣ, и только енергическая помощь изъ Польши могла ее спасти. Но отсутствіе денегъ парализовало все, и неоплаченныя роты расходились даже изъ московскаго гарнизона и посланнаго ему на помощь войска, подъ предводительствомъ литовскаго гетмана Ходкевича. При такихъ условіяхъ помощь козаковъ была особенно цѣнна для правительства—они были наименѣе притязательны, готовы были служить въ кредитъ, довольно мало надежный, и наверстывать невыплаченное имъ жалованье реквизиціями, контрибуціями и простыми грабежами. Подробностей относительно набора козаковъ на королевскую службу въ эти годы у насъ не имѣется, но очевидно, не безъ особаго поощренія правительства продолжали они двигаться въ московскія земли во вре-

мя кампаніи 1611—3 гг.: чѣмъ болѣе истощались рессурсы правительства на содержаніе польскаго войска, тѣмъ важнѣе была для него козацкая помощь. Въ письмахъ того времени встрѣчаются упоминанія о большомъ козацкомъ корпусѣ, въ 15 тысячъ, двигавшемся осенью 1611 г. изъ Украины черезъ Бѣлую Русь, очевидно въ Москву [1]). В ноябрѣ этого же года Ходкевичъ исчисляетъ количество всѣхъ козаковъ въ Московіи на королевской службѣ въ 30 тысячъ [2]); большой козацкій корпусъ находился при немъ, козацкій отрядъ сидѣлъ въ Москвѣ, въ гарнизонѣ. Другіе оперировали въ Сѣверскихъ земляхъ, а кромѣ того болѣе или менѣе значительные отряды козаковъ промышляли на собственный страхъ въ разныхъ концахъ Московскаго государства. Когда въ августѣ 1612 г. походъ Ходкевича подъ Москву не удался, и онъ долженъ былъ отступить, козацкое войско отдѣлилось отъ него и пустилось на сѣверъ, на Вологду, Тотьму, Сольвычегодскъ, хозяйничало здѣсь два года, разоряя край, захватывая города и замки, опустошая все огнемъ и мечемъ [3]). Другіе козацкіе отряды принимали участіе въ наѣздахъ извѣстнаго предводителя бандъ Лисовскаго (вплоть до 1615 г.).

Въ концѣ 1612 г. польскій гарнизонъ въ Москвѣ вынужденъ былъ сдаться московскимъ войскамъ, собраннымъ временнымъ правительствомъ (организованнымъ по инициативѣ Нижегородцевъ въ концѣ 1611 г.). Король не будучи въ состояніи расплатиться со старымъ войскомъ, не могъ собрать никакихъ новыхъ силъ. Даже польскіе солдаты, стоявшіе подъ Смоленскомъ, не получивъ выслуженнаго, не захотѣли идти съ нимъ подъ Москву. Точно на смѣхъ, Сигизмундъ съ сыномъ подошелъ подъ Москву съ горстью войска уже послѣ капитуляціи гарнизона и въ сознаніи своего безсилія и безнадежности положенія тотчасъ же отступилъ и двинулся обратно въ Польшу.

Военныя операціи продолжались затѣмъ только въ Сѣверскихъ земляхъ, и здѣсь главную роль играли козаки. Отъ февраля 1613 г. сохранилась королевская грамота къ Запорожцамъ „въ Путивлѣ, Запорожьѣ, на Украинѣ и въ другихъ мѣстахъ“: король выражаетъ имъ благодарность за услуги оказанныя въ московской

[1]) Письма Радзивилла—Ркп. Публ. библ. Пол. № 202 л. 154.
[2]) Bibl. ordyn. Krasińskich I c. 92.
[3]) Документальный матеріалъ по этому вопросу собранъ въ статьѣ Н. Ардашева: Изъ исторіи XVII вѣка (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1899, VI).

войнѣ вообще и за ихъ послѣднюю службу въ Сѣверскомъ краѣ, гдѣ они взяли Путивль. Этотъ городъ вмѣстѣ съ волостью король пожаловалъ Мих. Вишневецкому, положившему большія заслуги въ сѣверской войнѣ, въ роли пограничнаго съ Москвою магната, владѣльца Лубенскихъ лятифундій и старосты пограничной Остерской королевщины; король при этомъ выражаетъ надежду, что козаки помогутъ Вишневецкому удержать въ своихъ рукахъ Путивльскія земли [1]). Въ другомъ, болѣе позднемъ письмѣ король проситъ Запорожцевъ продолжать борьбу съ врагомъ и поддерживать Вишневецкаго [2]). Лѣтомъ того же года они вмѣстѣ съ людьми Лисовскаго и литовскимъ войскомъ завладѣли цѣлымъ рядомъ замковъ по южной границѣ московскаго государства и заходили подъ Калугу. На сѣверѣ на протяженіи 1613 и 1614 гг. украинскіе козаки продолжали добычничать, заходя подъ Архангельскъ, Холмогоры, Олонецъ, по временамъ соединяясь для общихъ операцій со шведскимъ войскомъ [3]). Одновременно несли службу и на южной границѣ: по призыву гетм. Жолкевскаго ходили оберегать ее сначала отъ Татаръ, а потомъ со стороны Молдавіи [4]).

Польское правительство не могло продолжать операцій въ Московскихъ земляхъ и тянуло безконечные переговоры съ московскимъ правительствомъ, не имѣя возможности выступить активнѣе. Сеймъ, созванный въ началѣ 1613 г., подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ неудачъ, а еще болѣе—тѣхъ своевольствъ, разореній и грабежей, какіе позволяли себѣ неоплаченныя войска, перенеся въ границы Рѣчи Посполитой ту разбойничью энергію, какую они развернули раньше въ Московскомъ государствѣ,—рѣзко и рѣшительно высказался противъ московской авантюры Сигизмунда, и всякія надежды на ея продолженіе на время были похоронены.

Четыре года оказывало украинское козачество непрерывныя услуги польскому павительству въ московской войнѣ. Удовлетворяя свои нужды московскимъ добромъ, мобилизировало и отправляло въ московскія земли десятки за десятками тысячъ украин-

---

[1]) Рукоп. Публ. библ. Разн. F. № IV № 85 с. 50. [2]) Ibid.

[3]) Акты Москов. госуд. I № 46—7, 52, 53, 55, 56, 69, 70.

[4]) Объ этомъ козаки доносили королю—ркп. № 85 с. 50, ср. реляцію о разгромѣ козаками Татаръ въ сентябрѣ 1612 г. въ ркп. Пол. F. IV № 202 л. 175.

скаго населенія, вырывая его изъ рамокъ „обычнаго подчиненія и повиновенія“ польскому режиму, увеличивало и расширяло до безконечности свои кадры, становясь силою все болѣе значительной и активной,—и вмѣстѣ съ тѣмъ обязывало польское правительство, какъ своего неоплатнаго должника за неуплаченое жалованье, за службу и кровь, ко всяческой снисходительности по отношенію и къ козацкимъ своевольствамъ и къ козацкимъ притязаніямъ. Козацкое вліяніе, козацкое право, козацкое господство на „украинѣ“, уже ранѣе широко развившееся, находитъ себѣ теперь новыя опорныя точки, новыя оправданія въ козацкой службѣ Рѣчи Посполитой, въ козацкихъ заслугахъ, въ козацкихъ претензіяхъ къ государственной казнѣ, и нельзя было и думать о томъ, чтобы этимъ претензіямъ ставить какія-либо границы или препоны. Мобилизируясь въ походъ, являясь на Украину въ антрактахъ между двумя экспедиціями, отдыхая и ремонтируясь по окончаніи походовъ, и козаки—подъ козацкою фирмою, „подъ заслоною и назвискомъ рыцерства низового козацкого“, и еще неизмѣримо худшій, гораздо болѣе хищный и разбойничій разный военный сбродъ—не знали удержу въ своихъ требованіяхъ и претензіяхъ по отношенію къ мѣстному населенію и его хозяевамъ—помѣщикамъ и державцамъ.

Привычки войны, хищной и разбойничьей по своему характеру, повсюду, не только у козачества, которое въ концѣ концовъ воевало за свой собственный счетъ, промышляло войною и тѣмъ самымъ осуждено было на мародерство, на обиранье населенія,—но также точно и у Поляковъ, и у сосѣднихъ Нѣмцевъ эпохи тридцатилѣтней войны,—переносились въ сферу частной жизни. Люди, особенно изъ мѣстностей близкихъ къ театру войны—Литвы, Бѣлоруссіи, Украины не находятъ словъ для своихъ жалобъ на притѣсненія и насилія, какія имъ приходилось терпѣть отъ всякаго рода войскъ, участвовавшихъ въ московской войнѣ. „Уже языкъ не можетъ описать бѣдъ и разореній отъ своевольнаго козацкаго войска и частыхъ постоевъ солдатъ въ нашемъ повѣтѣ за все время отъ начала московской войны; погибли силы и вся природа человѣческая“, пишетъ мозырская шляхта литовскому гетману въ нач. 1614 г. [1]. „Будемъ глядѣть на эту неволю и погибель нашу“, вторитъ пинскій шляхтичъ, донося о козацкихъ полкахъ

---

[1]) Рукоп. Публ. библ. Пол. F. IV 182, выдержка у Жуковича I ст. 132.

пришедшихъ въ концѣ 1613 г. въ Пинскій повѣтъ на постой: „воистину этотъ край уже обращенъ въ живодерню; какъ волки рвутъ бѣдныхъ подданныхъ (крѣпостныхъ), а достается и бѣдной шляхтѣ: приходится давать со своихъ домовъ стацію деньгами, какъ кто съ ними уговорится и согласится, кромѣ того пиво, водку—гдѣ хочешь, должень достать, а еще и угрозы разныя Рѣчи Посполитой себѣ позволяють". [1]) Тамъ находились отряды полк. Старжинскаго, Путивльца, Метлы, Топигы [2]).

А вотъ маленькая картинка изъ кіевскихъ земель (окрестностей Житомира) [3]). На лѣто 1610 г. въ Черняховской и Шершневской волостяхъ Стефана Немирича расположился полковникъ Григорій Пашкевичъ съ другими полковниками (Старжинскій, Магдаленскій, Федоръ Кнышъ, Козичъ и пр.); при нихъ было огромное количество солдатъ и разныхъ своевольныхъ людей (по словамъ Немирича—до восьми тысячъ). Они такъ безпощадно разоряли имѣнія Немирича и его крестьянъ, что тотъ, не видя другого выхода, принужденъ былъ откупиться, чтобы избавиться отъ нихъ: далъ Пашкевичу двухъ хорошихъ лошадей и 50 червонцевъ; убытки, причиненные этимъ постоемъ, Немиричъ исчисляетъ—разумѣется, преувеличивая,—въ 40 тыс. злотыхъ, кромѣ потерь въ хлѣбѣ, исчисленныхъ въ 7 тыс. Но несмотря на полученный выкупъ, въ началѣ 1611 г. Пашкевичъ снова явился въ имѣніяхъ Немирича и началъ ихъ „плюндровать" и издѣваться надъ людьми, какъ разсказываетъ о томъ Немиричъ: „розмаите се надъ поддаными моими безъ погамованья по погански и по содомску явне паствилъ"; „подданыхъ побилъ, помордовалъ, а никоторыхъ позабиявши на смерть не маемъ ведомости где ихъ тела подевалъ"—такихъ убитыхъ Немиричъ насчитываетъ шесть [4]). Возный (судебный приставъ) подтвердилъ, что видѣлъ въ имѣніяхъ убитыхъ и раненыхъ до семидесяти человѣкъ—старыхъ и молодыхъ, избитыхъ булавами, саблями, съ различными ранами на головахъ, спинахъ, ногахъ, рукахъ: „тые крычали и волали на тогожъ Григория Пашъковича и на люди при немъ своволне идучие, ижъ были побиты, потлучоны, поранены, и дочки ихъ погвалчо-

[1]) Жерела VIII № 97.

[2]) Рукоп. Публ. библ. Пол. F. IV № 202 л. 200, 214, 216, ср. Архивъ Ю. З Р. III. I № 54.

[3]) Акты въ Архивѣ Ю. З. Р. III. I № 49—53.

[4]) Ibid. с. 156—8.

ны, пошкаржены, маетности побраны, полупены" [1]). Въ концѣ концовъ дошло до вооруженнаго столкновенія между Пашкевичемъ и Немиричемъ, и Пашкевичъ съ нѣсколькими товарищами сложилъ въ немъ голову.

Изъ актовъ процесса выясняется, что Пашкевичъ и его товарищи были полковниками козацкихъ охотничьихъ полковъ, однимъ изъ тѣхъ ротмистровъ, которые получая „приповѣдныя грамоты" (право на вербованье для себя роты) [2]) и королевскія знамена въ знакъ этого собирали подъ эти знамена козаковъ и всякій сбродъ. По словамъ жены Пашкевича, онъ „ѣздилъ въ Москву на королевскую службу, и тамъ, какъ слѣдуетъ рыцарскому человѣку, свои обязанности исполнялъ и король, принявъ его на свою службу вмѣстѣ съ другимъ рыцарствомъ, далъ ему знамя и поручилъ его власти полкъ рыцарскихъ людей, и онъ, будучи надъ ними полковникомъ, служилъ отлично въ разныхъ мѣстахъ въ Московіи, а потомъ король и гетманъ (коронный) отправили его со своими грамотами въ здѣшніе края для разныхъ дѣлъ и для вербовки большаго числа людей рыцарскихъ" [3]). Ближайшими товарищами Пашкевича въ этой аферѣ выступаютъ не козаки, а разный сбродъ: Поляки, Сербы, Венгры, Молдаване и всякіе „чужоземцы" [4]). А вотъ реестръ имущества, забранаго у Пашкевича, по словамъ его жены—онъ даетъ намъ представленіе о томъ „добрѣ", какое привозили эти „рыцарскіе люди" на Украину изъ своей московской службы. Взято у него, послѣ его смерти, „золота, сребра робленого и ламаного (въ издѣліяхъ и ломѣ), клейнотовъ и перелъ, шатъ коштовныхъ, яко злотогłововыхъ, алътембасовыхъ и иньшихъ розмаитыхъ едвабныхъ и штуками розмаитыхъ акъсамитовъ, адамашокъ, атласовъ, китаекъ разное масти, и футеръ такъ же яко соболихъ, рысихъ, мормурковъ, кунихъ, бобровъ, лисихъ и иньшихъ розмаитыхъ", на сумму 100 тыс. польскихъ злотыхъ, деньгами—двѣ тысячи червонцевъ, „а на возу въ двухъ сундукахъ разною монетою, московскою и

---

[1]) Архивъ III. I с. 164.

[2]) См. объ этомъ въ V т. Історіи України с. 3?6.

[3]) Архивъ III. I с. 169, ср. 175.

[4]) Вотъ нѣсколько именъ: Войтехъ Малчинскій, Янушъ Липскій, Оршулъ и Петрашко Рекеты, Блажей, Иштванъ, Янушъ Тхоревскій, Войтехъ Бжезицкій, Мигаль Сербинъ, Марко Сербинъ, Григорій Полицкій, поручикъ „Раквиренцъ" Липскій (с. 157 и 177).

польскою, талерами и золотыми червонцами 20 тыс. злотыхъ поль.", двѣнадцать упряжныхъ лошадей и т. д. [1]).

По сравненію съ насиліями и разбоями этихъ разныхъ „своевольныхъ людей" изъ московской кампаніи чисто козацкія требованія и претензіи блѣднѣли и должны были казаться очень скромными и лояльными.

На сеймѣ 1611 г., несмотря на его оптимистическое настроеніе и сочувствіе королевскимъ планамъ, высказано было, хотя и въ осторожной формѣ, пожеланіе, чтобы король не принималъ на службу украинскаго козачества, „въ виду того, что украинское своеволье, подъ предлогомъ службы, такъ усиливается и причиняетъ огромные и невыносимые убытки и беззаконія шляхетскому сословію во владѣніяхъ его и нашихъ (королевскихъ)". Король обѣщалъ не принимать козаковъ ни на какую службу, „за исключеніемъ только внезапной необходимости для Рѣчи Посполитой", но и въ такомъ случаѣ наборъ козаковъ будетъ производится такимъ образомъ, что „приповѣдныя грамоты" будутъ выдаваться только мѣстнымъ шляхтичамъ-помѣщикамъ, имѣнія которыхъ могли бы служить порукой и расплатой за убытки, причиненные ихъ солдатами [2]).

Но неотложная нужда въ козацкомъ войскѣ не уменьшалась, а увеличивалась вслѣдствіе отсутствія средствъ на наемъ какого нибудь другого войска, а то обстоятельство, что вмѣсто настоящихъ козацкихъ контингентовъ подъ предводительствомъ выборныхъ козацкихъ полковниковъ, согласно желанію сейма, вводилась вербовка безъ разбора козаковъ и всякого сброда разными, хотя бы и шляхетно-рожденными бандитами-авантюристами, могло не улучшить, а только ухудшить дѣло. Хотя бы это были даже настоящіе шляхтичи-помѣщики, что можна было сдѣлать съ ними, какую управу найти, если правительство не выполнило со своей стороны обязательствъ по отношенію къ нимъ и не заплатило жалованья ихъ людямъ? Но шляхтичей помѣщиковъ богатыхъ, хорошей репутаціи и не могло быть много среди охотниковъ до этого ремесла, и правительству неизбѣжно приходилось обращаться къ разнымъ шляхетскимъ пройдохамъ, а какіе изъ этого получались результаты, показываютъ приведенные выше отзывы и разсказы.

---

[1]) Ibid. c. 171—2, см. еще „Матеріалы, относящіеся къ гетманству Сагайдачного", Чтенія кіевскія XV № 5.

[2]) Volum. legum III c. 16, постановленіе O swawoli ukrainne ykozackiey.

Сеймъ, созванный королемъ въ началѣ 1613 г. для ликвидаціи московской войны, упорно и ожесточенно нападалъ на короля и его совѣтниковъ-инициаторовъ московской войны; проэктировали судомъ требовать съ нихъ возвращенія убытковъ, понесенныхъ Рѣчью Посполитою; королю запретили безъ опредѣленнаго разрѣшенія начинать какую бы то не было войну. Для расплаты съ войскомъ вотировали тройной налогъ, но онъ былъ далеко недостаточенъ и созванный въ концѣ года новый сеймъ принялъ еще ушестеренный налогъ для той же цѣли. Представители восточныхъ провинцій, пострадавшихъ отъ козацкихъ постоевъ, указывали, что, кромѣ солдатъ, приходится думать и о козачествѣ. Виленскій епископъ въ своей рѣчи [1]) просилъ подумать о томъ, что дѣлать вообще съ этой огромной массой военнаго люда, мобилизированнаго, привыкшаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ къ военному ремеслу и разбойничьей жизни,—даже въ томъ случаѣ, еслибъ съ нимъ расплатились сполна за старое,—и обращалъ особенное вниманіе на козачество: „козацкихъ войскъ полно повсюду, такихъ которыхъ ни Рѣчь Посполитая, ни король, ни гетманъ не созывали—они либо постоянно будутъ насъ безпокоить и разорять, либо поссорятъ, вопреки договорамъ и трактатамъ, съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей; увидимъ, что устроятъ намъ эти козацкія банды разоряющія в. кн. Литовское и тѣ, что вышли изъ сапѣжинскихъ конфедератовъ“ (изъ прежнихъ бандъ „царика“).

„Еслибы мы имѣли благоустроенное государство“, разсуждаетъ далѣе епископъ-сенаторъ, ихъ можно было бы специальнымъ закономъ привести въ порядокъ и раскассировать, или вывести за границы на новыя поселенія; но такъ какъ у насъ дѣлается все слишкомъ поздно, а своеволіе приняло такіе размѣры, что ни король ни законъ (nec rex nec lex) не могутъ его сдержать, то для насъ не годятся тѣ средства, какія сами собой разумѣются въ благоустроенныхъ государствахъ,—нужно искать другихъ способовъ“. И онъ совѣтуетъ какимъ-либо образомъ обратить эти банды опять противъ Москвы.

Но широкіе шляхетскіе круги, натерпѣвшись отъ войска, и слышить не хотѣли о воинствующей политикѣ по отношенію къ Москвѣ. Сеймъ принялъ шестерное обложеніе для уплаты долга солдатамъ, чтобы избавиться отъ военныхъ контрибуцій, относительно же козаковъ, вопреки выводамъ епископа, утверждавша-

---

[1]) Жерела VIII № 98.

го, что съ ними можно что-либо предпинять лишь „въ благоустроенномъ государствѣ“ (in republica bene ordinata)—постановили массу законовъ и распоряженій. Всѣмъ своевольнымъ бандамъ отданъ былъ приказъ разойтись; разрѣшено каждому съ оружіемъ въ рукахъ защищаться отъ ихъ наѣздовъ; объявлены недѣйствительными всякія ссылки на приповѣдныя или рекомендаціонныя королевскія или гетманскія грамоты.

Наконецъ сеймъ не больше ни меньше какъ еще разъ отмѣнилъ всякую козацкую юрисдикцію, словно это не было уже сдѣлано неоднократно. „Такъ какъ эти люди, презирая нашу власть (королевскую) и выходя изъ подъ юрисдикціи своихъ помѣщиковъ и повиновенія власти, подъ которой живутъ, а поставивъ себѣ свои суды и старшихъ, не хотятъ являться ни на какой судъ, кромѣ суда атамановъ, постановленныхъ ими надъ собой, —то мы отмѣняемъ эту ихъ юрисдикцію, какъ противорѣчащую общему праву, и отдаемъ ихъ въ вѣдѣніе мѣстной власти по ихъ мѣстожительству“ [1]).

Король по требованію „всей Рѣчи Посполитой, единогласно и горячо домогавшейся усмиренія и наказанія своеволія“, отправилъ грамоту козакамъ: требовалъ, чтобы они оставили свое намѣреніе итти на Молдавію (объ этомъ какъ разъ пришло извѣстіе на сеймъ), разошлись и не разоряли волости, не затрагивали сосѣднихъ государствъ, и въ случаѣ неповиновенія грозилъ оружіемъ и карами, которыя падутъ на ихъ „имѣнія, женъ и дѣтей“ [2]). Не полагаясь однако на дѣйствіе этихъ приказовъ и угрозъ, назначилъ комиссію, которая должна была вооруженною силою принудить козачество къ порядку.

Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ польское правительство прекращало свои военныя дѣйствія въ Московскомъ государствѣ, а новое московское правительство, вполнѣ организовавшееся съ выборомъ новаго царя въ нач. 1613 г., возстановляло въ государствѣ порядокъ и спокойствіе и очищало его отъ разбойничьихъ бандъ, скитавшихся въ разныхъ мѣстностяхъ государства (1613—5), —козачество, мобилизированное въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ и выбитое изъ колеи московскою войною, возвращалось на Украину, гдѣ являлось сильнѣйшею помѣхою шляхетскому режиму, и съ удвоенною силою принималось за наступательныя дѣйствія противъ южныхъ „сосѣдей“—турецкихъ земель и турецкихъ вас-

---

[1]) Volum. legum I c. 122. [2]) Архивъ III. I №55.

саловъ. Такія столкновенія не прекращались все время—съ Турками, Молдавіею, Татарами [1]), но съ прекращеніемъ московской они войны достигаютъ небывалой силы. Это время, 1613—1620 годы—героическая эпоха, главнымъ образомъ морскихъ козацкихъ походовъ на турецкія земли, и всякихъ другихъ столкновеній съ Турціею и ея вассальными землями. А эти стычки чрезвычайно нервировали польское правительство и общество. Польша чувствовала за собой собственную вину—экспедицію Потоцкаго въ Молдавію, совершенную по королевскому приказу; она понимала, что и дальнѣйшія нападенія Турки будутъ относить на счетъ польскаго правительства, не взирая на всѣ его отрицанія, и со страхомъ думала, что въ концѣ концовъ раздраженіе турецкаго правительства можетъ вылиться въ грозномъ походѣ на Польшу, обезсиленную московскими войнами, солдатскими конфедераціями, лишенную войска и вовсе не способную къ борьбѣ.

Въ то же время козачество не давало покоя и шляхетскому режиму Украины. Немного намъ извѣстно подробностей объ этихъ „невыносимыхъ насиліяхъ“, но и изъ того, что знаемъ, можемъ понять это крайнее раздраженіе офиціальныхъ хозяевъ украинскихъ земель. Сеймъ 1613 г. (февральскій) между прочимъ долженъ былъ заняться гор. Хмельникомъ сожженнымъ Татарами и козаками (вѣроятно, у нихъ произошла какая-нибудь новая ссора со Струсемъ, хмельницкимъ старостою) [2]). Зимою 1613/4 года, какъ разсказываетъ Жолкевскій, козаки „выйдя большимъ войскомъ изъ Запорожья на волость, начали тѣснить и учинять всякія непріятности людямъ всякаго званія по всей Украинѣ“, и шляхта Брацлавскаго воеводства черезъ свою депутацію просила гетмана Жолкевскаго освободить ее отъ этой бѣды [3]). Осенью 1614 г. слышимъ, что „своевольное козачество, живущее на волости, не хотѣло пустить нѣкоторыхъ ротъ на квартиры“, назначенныя имъ гетманомъ, и Жолкевскій принужденъ былъ распорядиться, чтобы солдаты уступили этимъ претензіямъ—„избѣгали столкновеній, могущихъ привести къ озлобленію или къ пролитію

---

[1]) См. выше с. 20—3,36. Жуковичъ, не имѣвшій въ своемъ распоряженіи всего матеріала, въ обзорѣ історіи козачества (Сейм. борьба I с. 128—9) проводитъ мысль, что на время московскихъ походовъ Запорожцы оставили въ покоѣ Молдавію, и вообще ихъ столкновенія съ Турками и Татарами ослабѣли.

[2]) Volum. legum III с. 92.

[3]) Pisma Żółkiewskiego с. 509—10.

крови, и не давали повода къ этому", пока не выяснятся результаты переговоровъ комиссіи съ козаками [1]; и т. д.

И одновремено съ тѣмъ все усиливались опасные конфликты съ Турками, грозившіе навлечь на Польшу страшный турецкій походъ.

Первой причиной, вызвавшей турецкую опасность, была неосторожная экспедиція Потоцкаго въ Молдавію, закончившаяся его разгромомъ (лѣтомъ 1612 г.). „Какъ Іовъ когда-то проклиналъ день своего рожденія, такъ я проклинаю этотъ несчастный день", говорилъ Жолкевскій на сеймѣ 1618 г. [2]), представляя исторію наростанія этой турецкой опасности. „И раньше случались непріятности Туркамъ, но это была наибольшей изъ всѣхъ; бывали счастливые королевскіе походы—но съ этого времени мы какъ съ печи внизъ головой свалились: разсердились бусурмане, разсвирѣпѣли, потеряли уваженіе къ нашему рыцарству; упали мы, какъ камень въ пекло, и горимъ".

Немедленно, черезъ какія нибудь двѣ недѣли послѣ похода Потоцкаго пришелъ Махметъ-Гирей и опустошилъ подольскія земли. Жолкевскій, занятый переговорами съ солдатскою конфедераціею, едва успѣлъ выйти навстрѣчу, чтобы остановить татарскій походъ, но подъ Бѣлою Церковью настигли орду козаки, разбили и отняли около 5 тысячъ плѣнныхъ [3]). Въ томъ же году еще два раза повторились татарскіе набѣги, а Турки между тѣмъ начали готовиться къ войнѣ. Масла въ огонь подлили козаки: въ 1613 г. они два раза ходили на море и причинили большія потери землямъ турецкаго султана, какъ разсказываетъ Жолкевскій [4]). „Турецкій императоръ выслалъ въ очаковскій портъ не малый флотъ—галеры и чайки, чтобы разгромить здѣсь козаковъ, когда они разграбивъ нѣсколько городовъ въ Крыму будутъ возвращаться обратно, такъ какъ имъ сюда дорога назадъ на Низъ; но вышло наоборотъ, такъ какъ вмѣсто того, чтобъ Турки ихъ погромили, они сами ночнымъ дѣломъ подсидѣли неосторожныхъ Турокъ" [5]). Это произвело огромное впечатлѣніе и вызвало много разговоровъ на Украинѣ. Козаки поспѣшили порадовать короля донесеніемъ о такой славной побѣдѣ, но она на-

---

[1]) Pisma c. 421. [2]) Ibid c. 302.
[3]) Рукоп. Публич. библіотеки Пол. F. IV № 202 л. 175.
[4]) Pisma c. 507. [5]) Ibid. c. 508.

дѣлала много тревоги въ правительственныхъ и шляхетскихъ кругахъ на зимнемъ сеймѣ, обсуждавшемъ это извѣстіе. Съ разныхъ сторонъ, отъ разныхъ корреспондентовъ приходили вѣсти, что турецкое правительство сильно раздражено козацкими нападеніями и готовится къ походу на Польшу. Въ добавокъ на сеймъ пришло извѣстіе, что козаки собираются въ новый походъ въ Молдавію. По требованію сейма король отправилъ къ козакамъ своего секретаря съ упомянутою уже грамотою, рѣшительно запрещая козакамъ пускаться въ такой походъ. Но королевская грамота не произвела никакого впечатлѣнія и въ началѣ 1614 г. козаки двинулись через Брацлавскія земли въ Молдавію, имѣя съ собой какого-то претендента на молдавское господарство и собираясь посадить его на молдавскій тронъ. Изъ Турціи между тѣмъ приходили все новыя извѣстія о войнѣ: султанъ уже назначилъ главнокомандующимъ въ походъ на Польшу намѣстника Румеліи Ахметъ-пашу [1]). Жолкевскій, несмотря на незначительность своихъ силъ (солдатамъ еще не было заплачено и ихъ конфедерація еще продолжалась), рѣшилъ попробовать сдержать козаковъ вооруженною демонстраціею. Пригрозивъ козакамъ, что пойдетъ на нихъ съ войскомъ, и стягивая свои роты, какія можно было, онъ двинулся на Украину. Козаки рѣшили принять вызовъ и отступили сначала къ Днѣпру, потомъ за Днѣпръ подъ Переяславль и здѣсь стали устраиваться лагеремъ, готовясь къ битвѣ. Жолкевскій, не чувствуя себя въ силахъ идти на нихъ туда и начать дѣйствительную кампанію, рѣшилъ перейти къ переговорамъ: отправилъ двухъ ротмистровъ къ козацкому войску, приглашая козаковъ прекратить свои безчинства въ польскихъ провинціяхъ, не трогать сосѣдей и ждать королевской комиссіи, которая должна дать козацкому войску новую конституцію. Козаки заявили, что они будутъ ждать, и Жолкевскій вернулся во свояси со своимъ войскомъ [2]).

Въ комиссію нарочно были назначены наиболѣе могущественные магнаты Украины: кн. Янушъ Острожскій, кн. Янушъ Заславскій и другіе [3]); правительство надѣялось, что они приведутъ съ собою значительные полки и такимъ образомъ усилятъ

---

[1]) Pisma c. 508—10, Архивъ Ю. З. Р. III. I № 55.

[2]) Pisma c. 510

[3]) Ркп. Публ. бибд. Пол. F. IV № 99 л. 4, 6, 16, 17. Въ комиссіи приняли, очевидно, участіе далеко не всѣ назначенные.

слабыя силы короннаго гетмана и создадутъ приличную обстановку для комиссіи. Жолкевскій билъ тревогу въ своихъ донесеніяхъ королю и правительству—чтобы побудить комиссію двигаться какъ можно скорѣе и удержать козаковъ отъ дальнѣйшихъ походовъ на Турокъ. Изъ Турціи давали знать, что на св. Юрія уже назначенъ походъ и турецкимъ войскамъ въ балканскихъ земляхъ приказано мобилизироваться. Тѣмъ временемъ магнаты, назначенные въ комиссію, не очень охотно встрѣтили эту частичную мобилизацію, назначенную имъ въ формѣ комиссіи. Между прочимъ препятствіемъ служила трибунальская сессія, гдѣ обыкновенно всѣ эти господа должны были слѣдить за своими безчисленными процессами. Жолкевскій никакъ не могъ добиться, чтобы трибуналъ отложилъ дѣла участниковъ комиссіи [1]). Между тѣмъ козаки съ наступленіемъ весны снова двинулись въ походъ на море. Походъ не удался, такъ какъ разразившаяся буря разнесла по морю козацкія чайки, причемъ много войска погибло, а часть его, занесенная бурею на турецкіе берега погибла отъ руки Турокъ или попала въ плѣнъ. Мотивъ, воспѣтый въ извѣстной думѣ:

А по Чорному морю супротивна хвиля вставає,
судна козацькі на три части розбиває:
одну часть взяло—в землю Агарську занесло,
другу часть гірло Дунайське пожерло,
а третя де ся має—в Чорному морю потопає [2]).

Однако это несчастье нисколько не ослабило энергіи козаковъ. Лѣтомъ они собрались въ новый походъ, небывалый по смѣлости замысла, и въ концѣ іюля пустились прямо на югъ, вопоперекъ черезъ Черное море. Было ихъ около двухъ тысячъ, значитъ около сорока чаекъ. Перерѣзавъ море напрямикъ подъ Трапезундъ, козаки принялись опустошать побережье, усѣянное богатыми городами и селами, гдѣ населеніе жило безпечно, не зная страха, „такъ какъ до сихъ поръ ни отъ козаковъ, ни отъ кого другого не было тутъ тревоги и опасности, съ тѣхъ поръ какъ Турки завладѣли Малой Азіей“ [3]). Въ качествѣ проводниковъ, по разсказамъ турецкаго историка того времени Наимы

---

[1]) Жерела VIII № 102, 105, Pisma с. 512—3, ср. 225, Ркп. № 99 л. 19. [2]) Дума про бурю на Чорному морю й Олексія Поповича- Антоновичъ и Драгомановъ I с. 186.

[3])Pisma Żółkiewskiego с. 513, Жерела VIII № 105 (письмо Жолкевскаго отъ 26/IX).

эффенди, послужили козакамъ бѣглецы изъ Турціи [1]. „Напали на крѣпость Синопъ, лежащую на Анатолійскомъ берегу и извѣстную, за свои роскошныя окрестности, подъ названіемъ города влюбленныхъ; взявъ мѣстный старинный замокъ, вырѣзали гарнизонъ, разграбили и разорили дома мусульманъ и подъ конецъ такъ выжгли весь городъ, что это роскошное и чудесное мѣсто превратилось въ печальную пустыню", разсказываетъ тотъ же Наима. При этомъ уничтожили турецкій арсеналъ, сожгли все, что было тамъ— корабли, галіоны и галеры. Убытокъ исчислялся въ 40 милліоновъ [2]. И прежде, чѣмъ успѣло собраться противъ нихъ мѣстное населеніе, козаки забрали свою добычу на чайки и пустились назадъ. Султанъ, услышавъ объ этомъ происшествіи, впалъ въ страшный гнѣвъ и отдалъ было приказъ повѣсить великаго визира Насуфъ-пашу; едва удалось женѣ, дочерямъ и другимъ женщинамъ умолить султана даровать ему жизнь: султанъ ограничился тѣмъ только, что сильно избилъ его чеканомъ—о чемъ тотчасъ же разнеслась молва по всему Константинополю. Визирь оправдался, что онъ уже отправилъ войско и флотъ, которые должны уничтожить козаковъ на обратномъ пути.

Ахметъ-паша, двинувшійся тѣмъ временемъ къ Поднѣпровью, дѣйствительно рѣшилъ было захватить врасплохъ козацкій флотъ въ очаковскомъ портѣ на обратномъ пути и отправилъ туда турецкіе корабли изъ Бѣлгорода (Аккермана). Туда же посланы были и изъ Царьграда корабли подъ начальствомъ Али-паши. Но козаки во-время получили объ этомъ предостереженіе и раздѣлились на двѣ партіи. Одни отправились въ обходъ: высадившись къ сѣверу отъ устья Днѣпра, задумали перетянуть свои лодки сухимъ путемъ и обойти засаду; но здѣсь напали на нихъ Татары и козаки потеряли много людей и добычи. Другіе пошли на проломъ черезъ Очаковскій лиманъ, и тоже потеряли много добычи, такъ какъ принуждены были для облегченія чаекъ бросать добычу въ лиманъ; порядкомъ потеряли и людей, но въ концѣ концовъ все-таки пробрались на Низъ [3]. Туркамъ досталось въ руки всего

---

[1] Collectanea z dziejopisów tureckich przez Sękowskiego, I c. 126.

[2] Pisma c. 513

[3] Такъ представляю это козацкое возвращеніе изъ-подъ Синопа на основаніи довольно обстоятельнаго матеріала, имѣющагося у насъ для этой экспедиціи: Наима въ Collectanea-хъ Сеньковскаго, какъ

двадцать козаковъ, которые и были отправлены въ Константинополь, чтобы было на комъ сорвать сердце: когда къ султану пришли трапезундскіе депутаты съ жалобами на свое несчастье, имъ выдали этихъ козаковъ невольниковъ, чтобы они могли отплатить имъ за свою бѣду.

О предстоящей посылкѣ на Украину своего войска для усмиренія козаковъ султанъ предупредилъ короля дружескимъ письмомъ. Онъ напомнилъ избитую отговорку Польши по козацкому вопросу—что козачество не подвластно королю, и послѣдній ничего не имѣетъ противъ того, чтобы Турція или Орда сама расправилась съ нимъ; ввиду этого султанъ и посылаетъ теперь „немного войска“, увѣряя, что этотъ походъ не имѣетъ никакого враждебнаго характера по отношенію къ Польшѣ, и проситъ только не пускать козаковъ въ свои владѣнія въ случаѣ, еслибъ тѣ захотѣли скрываться тамъ отъ Турокъ [1]). Однако не смотря на весьма дружественный тонъ этого письма, а быть можетъ именно благодаря этому миролюбивому тону—польское правительство

указано выше, письма и реляціи того времени: Ахметъ-паши королю, въ Жерелахъ т. VIII № 101 (время указано не совсѣмъ вѣрно: не первая половина 1614 г., а осень, вѣроятно конецъ сентября, или начало октября) и Жолкевскому тамже № 106, реляціи Жолкевскаго—Pisma с. 302—3 и 513 и Жерела № 108 и тамъ же письмо № 105 (написанное еще до возвращенія козаковъ домой). Наима знаетъ объ обходномъ движеніи козаковъ, другіе источники (Жолкевскій, Ахметъ-паша) говорятъ только о засадѣ, устроенной подъ Очаковымъ. Но въ то время, какъ турецкіе источники (особенно Наима) говорятъ такъ, какъ будто бы козаки были разбиты совершенно, Жолкевскій черезъ годъ, когда можно было собрать обстоятельныя свѣдѣнія о судьбѣ этого похода, пишетъ, что изъ общаго количества козаковъ—около 2000, убитыхъ и раненыхъ было всего около 200. Позднѣе онъ говоритъ, что 18 козацкихъ лодокъ прорвалось черезъ очаковскую засаду, „а другіе, выскочивъ, бѣжали берегомъ“ (Pisma с. 303). Слѣдовательно, возвращеніе козаковъ вовсе не было такимъ плачевнымъ. Впрочемъ и Ахметъ-паша говоритъ, что „нѣкоторые съ нѣсколькими кораблями или лодками убѣжали и пошли въ польскія владѣнія къ Черкасамъ и Корсуню“ (№ 101, ср. 106: оба эти письма писаны приблизительно въ одно время). Возвращались козаки въ послѣднихъ числахъ сентября н. ст.; Жолкевскій въ письмѣ изъ Украины 26 сентября безпокоится, что о возвращеніи козаковъ ничего не слышно, а имъ уже давно пора бы быть.

[1]) Жерела VIII № 100—письмо это писано, должно быть, въ концѣ весны.

было сильно встревожено перспективою турецкаго похода на Украину. Король поспѣшилъ отправить къ султану гонца съ увѣреніями, что онъ уже поручилъ Жолкевскому вмѣстѣ съ другими наиболѣе высокопоставленными сенаторами пройти всю Украину и очистить ее отъ козаковъ; нѣсколько козацкихъ бандъ уже разбито и главные виновники отправлены въ Каменецъ, чтобы тамъ ихъ казнить въ присутствіи турецкаго посла (!). Съ другой стороны, король доводилъ до свѣдѣнія султана, что территорія, на которой турецкое войско собирается искать и ловить козаковъ, польская, слѣдовательно, эта экспедиція не можетъ обойтись безъ нарушенія польскихъ границъ, и султану слѣдуетъ отъ нея отказаться [1]).

Тревога въ польскихъ кругахъ тѣмъ болѣе возрастала, что одновременно съ Турками и Татары двинулись къ Днѣпру, что производило впечатлѣніе согласованнаго нападенія, хотя на самомъ дѣлѣ татарскій набѣгъ не столько былъ связанъ съ турецкимъ походомъ, сколько вызванъ крымскими междоусобіями. Такъ какъ эти междоусобія тянулись долго и сыграли не маловажную роль въ козацкихъ дѣлахъ, слѣдуетъ на нихъ нѣсколько остановиться [2]).

Виновниками крымскихъ смутъ были братья Магометъ и Шагинъ, сыновья Сеадатъ-Гирея. Претендуя на ханство, они старались получить его то заискиваніями и подкупами при султанскомъ дворѣ, то вооруженною борьбою противъ тѣхъ родственниковъ, которымъ доставалось ханство. Селяметъ-Гирей (1608—1610), сдѣлавшись ханомъ, захотѣлъ покончить съ такими безпокойными родственниками; братья подняли возстаніе въ Ордѣ, но были разбиты и принуждены были покинуть Крымъ. Послѣ смерти Селямета они попытались снова получить ханство отъ султана, но это имъ не удалось и ханомъ сталъ Джанибекъ. Тогда братья, расположившись по сосѣдству, около Бѣлгорода, собрали разбойничьи шайки и съ ними предпринимали нападенія на сосѣднія мѣстности. Эти нападенія очень надоѣдали хану и онъ, съ разрѣшенія султана, отправился походомъ на бунтовщиковъ и разбилъ ихъ подъ Бѣлгородомъ. Послѣ этого Магометъ явился въ Константинополь искать счастья при

---

[1]) Жерела № 103, въ томъ же духѣ писалъ польскій канцлеръ турецкому великому визирю ibid № 104.

[2]) Подробнѣе о нихъ у Смирнова „Крымское ханство" с. 472 и слѣд.

султанскомъ дворѣ; Шагинъ нѣкоторое время еще оставался на Украинѣ и строилъ какіе-то планы совмѣстно съ извѣстнымъ тогдашнимъ украинскимъ пограничникомъ Босымъ, изъ Брацлавскаго воеводства. Ханъ писалъ объ этомъ султану и послѣдній въ упомянутомъ выше письмѣ требовалъ, чтобы король поймалъ и выдалъ бунтовщика. Но не полагаясь на дѣйствіе султанскаго письма, ханъ лѣтомъ 1614 г. двинулся на Украину; разбилъ Босого, отыскалъ и Шагина и уничтожилъ его небольшой отрядъ. Шагинъ скрылся бѣгствомъ въ Добруджу, откуда затѣмъ отправился въ Персію на службу къ шаху, отъявленному врагу султана. А Украина провела лѣто въ 1614 г. въ сильнѣйшей тревогѣ, со дня на день ожидая татарскаго нападенія [1]).

Королевскія представленія не предотвратили похода Ахметъ-паши. Онъ прошелъ до Бѣлгорода и, узнавъ здѣсь о козацкомъ набѣгѣ на Синопъ, послалъ турецкій флотъ изъ Бѣлгорода въ Очаковскій лиманъ съ цѣлью перехватить козаковъ. Самъ же, перейдя Днѣстръ, двинулся туда же сухимъ путемъ. Отъ султана онъ имѣлъ порученье построить замки на козацкихъ путяхъ и заградить имъ такимъ образомъ доступъ къ турецкимъ владѣніямъ. Одинъ такой замокъ заложенъ былъ при Бугскомъ лиманѣ, а другой шестью милями выше, тоже на Бугѣ, при устьи Чичаклеи, гдѣ когда-то стоялъ городокъ Балаклей; кромѣ того имѣли быть возобновлены прежніе замки на нижнемъ Днѣпрѣ: въ Тягинкѣ, на правомъ берегу, и въ Аслангородкѣ—на лѣвомъ. Но былъ ужъ сентябрь мѣсяцъ, начиналась осенняя непогода, дожди, холода, и начинать постройку въ такую пору, среди безлюдныхъ степей было поздно. Турецкому войску вскорѣ наскучило стоять „на пустомъ мѣстѣ“, въ немъ начались нареканія, безпорядки. Паша увидѣлъ, что ему нужно итти, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, на зимовье за Дунай.

Когда изъ Константинополя пришли извѣстія о присланныхъ султанскому правительству королевскихъ увѣреніяхъ, что козаки будутъ усмирены польскими войсками, Ахметъ паша рѣшилъ воспользоваться этимъ какъ предлогомъ для своего возвращенія. Онъ отправилъ письма къ королю и Жолкевскому, гдѣ писалъ, что отъ взятыхъ въ плѣнъ козаковъ, участниковъ синопской экспедиціи, онъ узналъ, что всѣ козацкіе походы происходятъ съ согласія или самого короля или наиболѣе крупныхъ пограничныхъ магнатовъ (знаемъ уже эти увѣренья

---

[1]) Реляція Жолкевскаго, Pisma с. 223—4.

козаковъ, что всѣ свои походы на Турокъ и Татаръ они предпринимаютъ не иначе, какъ для короля, ради службы Рѣчи Посполитой), и добычу захваченную въ турецкихъ земляхъ, они передаютъ „королевскому монастырю и пограничнымъ панамъ". Узнавъ объ этомъ, паша собирался двинуть турецкія и татарскія войска къ польской границѣ, но султанъ остановилъ этотъ походъ, и турецкое войско отправляется обратно. Но польское правительство должно во чтобы то ни стало покончить съ козаками, ибо никакія оправданія больше не будутъ приняты и Польшѣ не миновать разоренія и порабощенія со стороны Турціи [1]).

Эти похвальбы звучали довольно непріятно, но и безъ нихъ одна уже прогулка турецкаго войска подъ самыя украинскія волости являлась очень грознымъ симптомомъ. На Украинѣ держались того мнѣнія, что только позднее время да мобилизація коронняго войска и комиссарскихъ полковъ противъ козаковъ, произведенная Жолкевскимъ какъ можно демонстративнѣе, предотвратили турецкій походъ на Украину на этотъ разъ, но весною нужно снова ждать Турокъ: съ разныхъ сторонъ приходили вѣсти о военныхъ планахъ Турціи. Украина переживала очень тревожные моменты—„тревога, страхъ были чрезвычайные, нѣкоторые хотѣли бѣжать изъ замковъ, еслибъ ихъ не ободряло расквартированіе войска и надежда на скорую помощь".

Въ виду этой турецкой опасности правительство спѣшило какъ можно скорѣе отправить на Украину комиссію, пазначенную еще весною для усмиренія украинскаго своеволія. Трибуналы отложили дѣла участниковъ комиссіи, и на 10 октября (н. ст., 30 сентября с. с.) удалось собрать въ Житомирѣ хотя кое-кого изъ магнатовъ-комиссаровъ: пріѣхалъ Янушъ Острожскій, Янушъ Заславскій, каменецкій староста Калиновскій и Жолкевскій; главнымъ образомъ постарался собрать значительныя силы Острожскій: онъ показалъ себя и прислалъ „выдающійся настоящій княжескій полкъ", какъ рекомендовалъ его Жолкевскій. Въ концѣ концовъ хотя комиссія не дала того, что могла бы дать, но всетаки значительно усилила коронное войско. Изъ владѣній кн. Збаражскихъ собрался не малый полкъ изъ его служебниковъ. Шляхта Брацлавскаго воеводства подъ предводительствомъ старосты поголовно двинулась на помощь коронному войску. И изъ другихъ земель прибывало немало шляхты „чувствовавшей опасность, висѣвшую

[1]) Жерела № 101 и 105.

надъ ея головой" [1]. Но мобилизація производилась на два фронта: противъ козачества и противъ турецкаго войска одновременно, и опасность со стороны Турокъ заставляла по возможности не доводить до конфликта съ козаками. Комиссары извѣстили козаковъ, и они тотчасъ же прислали своихъ уполномоченныхъ, которые заявили, что подробныхъ инструкцій для какихъ-нибудь постановленій отъ войска не имѣютъ, но войско во всякомъ случаѣ готово исполнить волю короля. Комиссары передали имъ слѣдующія распоряженія (т. н. ординацію):

Козацкое войско по старому обычаю будетъ нести пограничную службу противъ Татаръ и Турокъ, провѣдывая вѣсти о непріятелѣ и защищая переправы, за извѣстную плату, а именно 10 тыс. золотыхъ ежегодно и 700 штукъ сукна, которые ежегодно должны присылаться имъ въ Кіевъ.

Старшій долженъ назначаться отъ имени короля короннымъ гетманомъ.

Козаки должны жить на своихъ обычныхъ мѣстахъ (т. е. на Низу), выходить въ волость не имѣютъ права, никакихъ эксцессовъ и непріятностей причинять не должны.

Козацкія семьи и козаки, живущіе на земляхъ государственныхъ, духовныхъ и частныхъ, не будутъ претендовать на свою особую юрисдикцію—никогда не существовавшую и отмѣненную многими сеймовыми законами (!), а будутъ повиноваться своимъ помѣщикамъ или ихъ замѣстителямъ, какъ власти, установленной надъ ними Богомъ.

Терехтемировскій монастырь остается при нихъ, но долженъ служить мѣстомъ спокойнаго пребыванія для стариковъ, больныхъ и калѣкъ до ихъ смерти. Собирать или созывать козаковъ нельзя ни тамъ ни въ другомъ мѣстѣ, ибо въ такомъ случаѣ было бы отмѣнено это пожалованіе.

Запрещается безъ воли короля и Рѣчи Посполитой нападать на сосѣднія государства, нарушать прежніе государственные трактаты съ ними, а также принимать къ себѣ своевольныхъ людей [2].

Выслушавъ эту инструкцію, козацкіе делегаты заявили, что отвезутъ ее къ своимъ товарищамъ и ручаются за нихъ, что въ теченіе пяти недѣль на эти предложенія будетъ данъ отвѣтъ. Ординація была такова, что для того, чтобы заставить козаковъ

[1]) Pisma с. 516, 530, Жерела № 108.
[2]) Текстъ въ Жерелахъ VIII № 107.

принять ее серьезно и безпрекословно, нужно было разгромить ихъ такъ, какъ это было сдѣлано восемнадцать лѣтъ тому назадъ на Солоницѣ. Не выходить на волость, не собираться вмѣстѣ, не нападать на сосѣднія земли, во всемъ повиноваться помѣщикамъ—это было отмѣной всѣхъ правъ, всей козацкой жизни и быта. Но козаки, очевидно, не желали конфликта и не заявляли никакого рѣзкаго протеста, надѣясь, что изъ всего этого точно такъ же ничего не выйдетъ, какъ не выходило и изъ предшествующихъ сеймовыхъ конституцій, упоминавшихся въ этомъ комиссарскомъ рѣшеніи.

Комиссары расположили коронное войско по правому берегу Днѣпра, отъ Кіева до Черкасъ, Ян. Острожскій оставилъ свое войско вмѣстѣ съ коронным, разставивъ его въ Бѣлоцерковскомъ и Богуславскомъ староствахъ. Сдѣлано это было „для большей острастки, чтобы козаки, видя, что вопросъ ставится серьозно, повиновались комиссарскимъ постановленіямъ, остерегаясь навлечь на себя бѣду“ [1]). Послѣ этого комиссія разъѣхалась. Козаки же отправили къ королю депутатовъ съ письмомъ, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ намъ вполнѣ, но въ основныхъ пунктахъ довольно яснымъ: козаки, очевидно, указывали на невозможность исполнить комиссарскія рѣшенія и просили не принуждать ихъ къ этому. Однако король и сеймъ подтвердили постановленія комиссіи и поручили козакамъ держаться ихъ [2]), хотя впрочемъ сеймъ не могъ предпринять никакихъ правосильныхъ рѣшеній, такъ какъ былъ сорванъ и его голосъ въ этомъ вопросѣ имѣлъ значеніе скорѣе моральное, чѣмъ законно обязательное. Съ такимъ отвѣтомъ козацкіе делегаты были отправлены по окончаніи сейма, уже въ апрѣлѣ 1615 г.

Эти депутаты и переговоры были единственнымъ слѣдствіемъ комиссіи 1614 г. Козаки черезъ своихъ пословъ, хотя въ деликатной формѣ, но вполнѣ опредѣленно объявили непріемлемыми продиктованныя имъ условія. Правительство, въ виду угрожающей войны съ Турками и Татарами, не считало возможнымъ обострять отношенія съ козачествомъ. Еще осенью получались извѣстія, что ханъ готовится къ походу на Украину; вѣсти изъ Константинополя были также тревожны. Война висѣла въ воздухѣ;

---

[1]) Жерела VIII № 108, Ркп. № 99 л. 35—8.
[2]) Архивъ Ю. З. Р. III. I № 58.

турецкія увѣренія, что ихъ войско ограничится истребленіемъ козаковъ, считались лишь благовидною маскою, прикрывающею планы оккупаціи Украины, и въ Польшѣ смотрѣли на козаковъ, какъ на главный рессурсъ противъ этихъ плановъ: еслибы Туркамъ удалось уничтожить козаковъ, тогда они навѣрное завладѣли бы Украиной [1]). Въ случаѣ войны съ Турками—что казалось неминуемымъ—козаки были почти единственною военною силою, какою польское правительство могло располагать, такъ какъ конфедерація короннаго войска все еще не была улажена, а совершенно опустошенная касса и отсутствіе кредитовъ (сеймъ въ началѣ 1615 г. разошелся, не вотировавъ ничего) не позволяли и думать объ организаціи какого-нибудь новаго войска. Въ 1615 г. въ распоряженіи Жолкевскаго было всего 300 солдатъ! Надежды козаковъ, что изъ комиссарскихъ постановленій въ концѣ концовъ ничего не выйдетъ, оправдались блестяще, и козаки не обращали на нихъ никакого вниманія.

Уже во время сессіи сейма, въ началѣ 1615 г. пришли извѣстія, что какіе-то своевольные козаки съ полковниками Челядкою и Коробкою вошли въ границы в. кн. Литовскаго, собирая контрибуціи и совершая всяческія насилія. Сеймъ рѣшилъ отправить къ нимъ универсалъ, а въ случаѣ неповиновенія ему, гетманъ долженъ былъ итти съ войскомъ—котораго впрочемъ не было [2]).

Тотчасъ съ наступленіемъ весны козаки двинулись въ большую экспедицію, на 80 лодкахъ, ни больше ни меньше какъ на самыя окрестности Стамбула. Вышли на берегъ подъ Константинополемъ между Мизевною и Архіокою, константинопольскими портами, и сожгли ихъ; султанъ, находившійся въ это время на охотѣ, самъ изъ своихъ покоевъ видѣлъ дымъ отъ этого козацкаго пожара. Страшно разгнѣванный, онъ приказалъ своему флоту прогнать козаковъ. Эти послѣдніе, считая себя внѣ опасности, въ это время спокойно занимались грабежемъ окрестностей, затѣмъ забрали добычу и отправились обратно. Турецкій флотъ догналъ ихъ лишь у устья Дуная. Козаки не устрашились, бросились на турецкія галеры, на абордажъ, и разбили Турокъ. Самого турецкаго адмирала, раненаго, взяли въ плѣнъ; онъ давалъ за себя 30 тысячъ выкупа, но умеръ, не получивъ свободы.

---

[1]) Королевскія инструкціи и предложенія—Жерела VIII № 110, 116, 117.

[2]) Рукоп. Публ. библ. Пол. F. IV № 99 л. 48.

Уцѣлѣвшіе обратились въ бѣгство. Козаки захватили нѣсколько турецкихъ галеръ и, приведя ихъ подъ Очаковъ, въ насмѣшку сожгли на глазахъ очаковскаго гарнизона [1]. Послѣ этого съ большими силами напали на окрестности Очакова, увели стада, вели приступы къ замку [2].

Въ польскихъ правительственныхъ кругахъ рѣшено было снарядить новую комиссію противъ козаковъ, но потомъ раздумали: въ письмѣ къ старшинѣ комиссіи, Ян. Острожскому, король поясняетъ, что козаковъ не слѣдуетъ теперь раздражать, поэтому не стоитъ и начинать дѣло съ комиссіей; вмѣсто комиссіи король просилъ Острожскаго отправить свое войско противъ московскихъ вторженій на сѣверской границѣ. Вѣроятно, туда же правительство хотѣло направить и козаковъ. Вмѣсто этого пришли извѣстія о козацкомъ походѣ на Константинополь и на засѣданіи сената всетаки рѣшено выслать комиссію противъ козаковъ, прибавивъ еще новыхъ комиссаровъ. Въ трибуналахъ были пріостановлены („лимитованы“) дѣла комиссаровъ, чтобы дать имъ возможность принять личное участіе въ комиссіи [3]. Но имъ не пришлось отправиться, такъ какъ въ это время разразилась новая гроза, заставившая думать о собственной жизни и имуществѣ. Разгнѣванный дерзостью козаковъ, султанъ носился съ планами мести и репрессій. Прежде всего двинулъ Орду. Къ осени 1615 г. орда напала на Подольскія земли, оттуда на Волынь. Гетманъ Жолкевскій не могъ ничего ей противоставить. Король разослалъ универсалы шляхтѣ, но никто не тронулся. Орда прошла Подольскія земли, „по локоть купая руки въ нашей крови“, „уничтожая все мечемъ и огнемъ, нигдѣ не увидавъ направленнаго противъ нея оружія“, какъ не безъ ироніи описывала это бѣдствіе королевское предложеніе на сеймъ 1616 г. [4]. А ханъ послѣ этой прогулки отправилъ къ королю полное издѣвательствъ письмо, хвастаясь, что во время этого похода орда уничтожила 200 городовъ и другихъ поселеній, каждому Татарину досталось по семи, восьми

---

[1]) Такъ Жолкевскій разсказываетъ объ этомъ въ своей рѣчи-отчетѣ на сеймѣ 1618 г.—Pisma с. 503. Иначе описываетъ эти событія визирь—ркп. Публ. Библ. Разн. Q IV № 8 л. 132—у него побѣждаютъ Турки.

[2]) Жерела VIII № 115.

[3]) Рукоп. Публ. библ. Пол. F. IV № 19 л. 50—8. Pisma с. 532—3.

[4]) Жерела VIII № 117; Публ. библ. Пол. F. IV № 99 л. 80—1.

и десяти плѣнныхъ, а счетъ скоту знаетъ только одинъ Господь Богъ. „Завоевывать государства—это наслѣдіе, завѣщанное намъ отцами, гдѣ вамъ браться за войну? это не ваше дѣло; кто хочетъ нападать и воевать—вотъ такъ надо воевать", издѣвался крымскій разбойникъ, представляя свой набѣгъ отплатою на козацкое нападеніе на Очаковъ. „Не знаемъ, дѣлалось ли это съ вашего вѣдома или замысломъ и дѣломъ кн. Януша (Острожскаго), только знайте, что мы доходили до самаго Каменца, и въ будущемъ, что сможемъ съ божьей помощью, не оставимъ сдѣлать, а вы это благосклонно принимайте" [1]).

Король долженъ былъ молча принять эти неслыханныя надругательства на Рѣчью Посполитою, ея государственнымъ значеніемъ и „культурною миссіею въ украинскихъ земляхъ". Долженъ былъ молча смотрѣть на возобновленіе, стараніями новаго румелійскаго намѣстника, замковъ на Днѣпрѣ—Аслангородка и Тягинки, совершенное въ этомъ году [2]), и еще выслушивать отъ турецкихъ пословъ требованія—прислать продовольствіе для турецкаго войска, строившаго эти замки противъ козаковъ, и приготовить для нихъ строительные матеріалы. [3]) Приходилось радоваться уже тому, что какія-то препятствія остановили турецкій походъ на Украину, назначенный на этотъ годъ. Но осенью снова „точно масло въ огонь", какъ выразился Жолкевскій на сеймѣ, собрались въ Молдавію украинскіе магнаты—кн. Михаилъ Вишневецкій и кн. Самуилъ Корецкій чтобы, низвергнуть Томшу и посадить на господарство младшаго сына Іереміи, Александра. Польское правительство, незадолго передъ тѣмъ уступившее Томшѣ Хотинъ, чтобы расположить его къ себѣ, теперь поспѣшило увѣрить Томшу, что эта экспедиція произведена безъ воли и вѣдома короля. Но во всякомъ случаѣ реестръ турецкихъ обидъ обогатился еще однимъ новымъ фактомъ.

Къ счастью, война съ Персіею сдержала нѣсколько порывы гнѣва турецкаго правительства. Посланъ былъ только турецкій флотъ противъ козаковъ подъ предводительствомъ Али-паши, въ началѣ 1616 г., да нѣсколько мѣсяцевъ спустя десятитысячное войско подъ начальствомъ Искандеръ-паши въ Молдавію, на помощь Томшѣ противъ польскихъ наѣздниковъ. Отъ польскаго правительства потребовали вывода изъ Молдавіи польскихъ партизановъ, и выдачи ихъ единомышленниковъ, румынскихъ бояръ [4]).

[1]) Жерела VIII № 115. [2]) Пясецкій с. 365. [3]) Жерела № 118.
[4]) Жерела VIII № 168, Pisma с. 504.

Однако морская экспедиція противъ козаковъ снова, какъ и въ первый разъ, кончилась совсѣмъ плачевно. Али-паша отправился къ Днѣпровскому лиману, но козаки не испугались, вышли навстрѣчу и, ударивъ на турецкій флотъ, уничтожили его безъ остатка. Взяли около двадцати галеръ и до сотни мелкихъ судовъ. Самому Али-пашѣ едва удалось спастись бѣгствомъ [1]). Затѣмъ козаки направились къ крымскому побережью, опустошили его, взяли и сожгли Кафу, захвативъ и выпустивъ на свободу массу плѣнныхъ. Это было громкое дѣло, прославленное въ посмертномъ панегирикѣ Петру Сагайдачному, изъ котораго узнаемъ, что это онъ былъ козацкимъ гетманомъ въ это время (о перемѣнахъ на гетманскомъ урядѣ у насъ нѣтъ сколько нибудь точныхъ извѣстій съ самаго 1610 г.):

За своего гетманства взялъ въ Турцехъ мѣсто Кафу,
ажъ и самъ цесаръ турскій былъ въ великомъ страху,
бо му чотырнадцать тысячъ тамъ люду збилъ;
каторги едины палилъ, другіи потопилъ;
много тогды зъ неволѣ христіанъ свободилъ,
за што го Богъ зъ воинствомъ его благословилъ [2]).

Въ Константинополѣ поднялся страшный переполохъ. Пособирали находившихся въ плѣну козаковъ, призвали ихъ на во-

---

[1]) Такъ повѣствуетъ Жолкевскій въ томъ же докладѣ на сеймѣ 1618 г. Pisma с. 304.

[2]) Вѣршѣ на жалосный погребъ зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, гетмана войска его кор. милости Запорозкого, зложоны презъ инока Касіана Саковича, Кіевъ, 1622, с. 19. Здѣсь помѣщена картинка козацкаго нападенія на Кафу и при немъ дата: „Кафу воевалъ року ачѕі.“ Такъ какъ въ единственномъ извѣстномъ доселѣ экземплярѣ этой книжки цифра і была подведена чернилами, то это дало Максимовичу поводъ считать цифру за приписанную, а истинною датою 1606 годъ (см. замѣчаніе въ Собраніи сочиненій Максимовича I с. 359, на основаніи его рукописной замѣтки). На этомъ основаніи и Антоновичъ, принимавшій раньше дату 1616 г. (Истор. пѣсни I с. 203), затѣмъ измѣнилъ ее на 1606 г. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи выяснилось, что цифра і не приписана, а лишь наведена на неясно отпечатанной буквѣ—въ этомъ и я имѣлъ случай лично убѣдиться, и съ датой 1616 г. вполнѣ согласуются и другія извѣстія — какъ приведенное выше сообщеніе Жолкевскаго. Но Голубевъ, перепечатывая „Вѣршѣ“ въ своей книгѣ Исторія кіевской духовной академіи, прил. 5, принялъ 1606 г., и это, вѣроятно, послужило причиною того, что эту дату поддерживаютъ и до сихъ поръ—напр. Каманинъ Очеркъ гетманства Сагайдачнаго с. 6.

енный совѣтъ и допрашивали, какимъ путемъ можно было бы на будущее предотвратить повторенiе подобныхъ случаевъ и выгнать козаковъ изъ ихъ поселенiй. Неизвѣстно, что говорили тамъ эти эксперты-невольники, но передавались слухи, что на этомъ совѣщанiи были приняты страшные планы—приведенные въ исполненiе много десятилѣтiй спустя, и то лишь отчасти: рѣшено заселить Турками Молдавiю, занять Каменецъ и земли на востокъ отъ него до Кiева, размѣстить турецкiе гарнизоны на Днѣстрѣ. Къ польскому правительству обратились съ требованiемъ уступить Турцiи пограничные приднѣпровскiе замки: Черкасы, Каневъ, Бѣлую Церковь [1]).

Нѣкоторое удовлетворенiе турецкому правительству доставилъ походъ Искандеръ-паши на Молдавiю. Онъ безъ труда разбилъ молдавскихъ наѣздниковъ: Вишневецкiй умеръ отъ болѣзни, Корецкаго оставили солдаты, такъ какъ имъ не было заплачено жалованье, и Жолкевскiй, съ своей сторны, какъ говорятъ, настаивалъ, чтобы они бросили Корецкаго и не компрометировали Польшу передъ Портою. Корецкiй вмѣстѣ съ другими шляхтичами былъ взятъ въ плѣнъ Искандеръ-пашею и отправленъ въ Константинополь; Томша снова возстановленъ на господарствѣ. Въ Польшѣ со страхомъ ожидали турецкаго похода изъ Молдавiи въ подольскiе края. Жолкевскiй напрягъ всѣ силы, чтобы продемонстрировать снова свою боевую готовность на молдавскомъ пограничьи—бросился туда со своими небольшими силами, мобилизовалъ мѣстную шляхту и магнатовъ и, какъ думали, дѣйствительно произвелъ на Турокъ впечатлѣнiе и предотвратилъ вторжечiе ихъ изъ Молдавiи въ подольскiя земли [2]). Татаръ, вторгнувшихся на Покутье, удалось разбить.

Въ результатѣ польско-турецкая кампанiя закончилась переговорами подъ Хотиномъ, и „достоинство Рѣчи Посполитой“ было соблюдено [3]).

Однако вскорѣ козаки снова разрушили это едва достигнутое примиренiе. Осенью того же (1616) года они двинулись

---

[1]) Pisma c. 305, Жерела VIII № 119.

[2]) Pisma c. 304, Жерела VIII c. 168—9, 189.

[3]) Pisma c. 304. Жуковичъ истолковалъ ошибочно это извѣстiе, предполагая, что здѣсь идетъ рѣчь о козацкой кампанiи (с. 47): это именно то, что въ королевскомъ предложенiи 1618 г. названо: przyszło y do jakiegokolwiek z Turczynem zastanowienia pokoiu (Жерела с. 189), ср. повѣствованiе Пясецкаго с. 357.

въ новый походъ за море, на малоазіатское побережье, и этотъ походъ удался еще эффектнѣе предшествующаго, хотя участниковъ въ немъ было не болѣе 2000. Козаки направились подъ Самсунъ, но вѣтеръ отнесъ ихъ лодки къ Минерамъ. Выйдя на берегъ, они прошли до Трапезунда, взяли его и разграбили. Здѣсь ударилъ на нихъ турецкій флотъ состоявшій изъ 6 большихъ галеръ и множества меньшихъ судовъ, подъ начальствомъ генуэзскаго адмирала Цикали-паши, но козаки разбили его и потопили три галеры. Послѣ этой побѣды они узнали, что султанъ выслалъ подъ Очаковъ другую флотилію подъ начальствомъ Ибрагимъ-паши, чтобъ преградить имъ возвратный путь. Тогда они обратились къ Босфору, произвели здѣсь жестокія опустошенія, а потомъ, минуя Очаковъ, прошли въ Азовское море и оттуда—должно быть черезъ рѣки Молочную и Конку, переправили свои чайки въ Днѣпръ и такимъ образомъ вернулись на Украину.

Ибрагимъ-паша, желая выйти изъ такого глупаго положенія, прошелъ Днѣпромъ до Сѣчи. Засталъ ее почти пустою. Была уже поздняя осень, козаки не ушедшіе въ море, вышли „на волость". Оставался только незначительный гарнизонъ, нѣсколько сотенъ козаковъ; они отступили передъ турецкимъ войскомъ, и паша могъ отпраздновать свои тріуфъ въ пустомъ гнѣздѣ ненавистнаго врага. Захвативъ нѣсколько маленькихъ козацкихъ пушекъ и около двухъ десятковъ лодокъ, онъ съ этими трофеями своего фиктивнаго тріумфа направился въ Константинополь—утѣшить султана этою миѳической побѣдою въ перенесенныхъ униженіяхъ [1]).

Эта сказочная козацкая авантюра пріобрѣтаетъ особенную пикантность, если мы примемъ во вниманіе, что она была осуществлена какъ разъ въ то время, когда польское правительство вело съ козацкими старшинами переговоры объ усмиреніи украинскаго своевольства. Письмомъ отъ 16/IX н. с. король поручилъ Жолкевскому, раздѣлавшись съ Турками принять совмѣстно съ другими комиссарами всѣ мѣры къ тому, „чтобы украинскіе своевольники, ссорящіе насъ съ невѣрными, были обузданы и приведены въ какой-нибудь порядокъ и повиновеніе". Однако на этотъ разъ король и самъ уже не имѣлъ никакихъ иллюзій,—онъ прибавляетъ: „если и теперь не удастся достигнуть ничего

¹) Рѣчь Жолкевскаго—Pisma с. 305; Пясецкій с. 356.

положительнаго, то по крайней мѣрѣ среди невѣрныхъ распространится слухъ, что съ нашей стороны нѣтъ недостатка въ стараніяхъ" [1]). Такимъ образомъ порученіе должно было послужить лишь казовой демонстраціей добрыхъ намѣреній польскаго правительства. Кромѣ турецкихъ отношеній могли тутъ дѣйствовать и другіе мотивы. Сеймъ 1616 г. далъ наконецъ разрѣшеніе возобновить московскія предпріятія: позволилъ кор. Владиславу организовать экспедицію на Москву, съ цѣлью добиться осуществленія своихъ правъ на московскую корону. Устанавливая порядокъ въ козацкой службѣ, нужно было вмѣстѣ съ тѣмъ заручиться согласіемъ козачества на участіе въ московской экспедиціи. Но изъ всего этого все таки ничего не вышло.

Окончивъ переговоры съ Искандеръ-пашею, Жолкевскій прошелъ подъ Паволочь, гдѣ стояло какое-то козацкое войско, и тутъ снова возобновлены были переговоры: снова дана была инструкція козакамъ относительно поддержанія порядка и козацкой службы и прекращенія нападеній на Турцію [2]). Козаки, очевидно обѣщали дать отвѣтъ на эти предложенія, правительство же, вѣроятно, само не придавало на этотъ разъ никакого значенія этимъ переговорамъ. Рѣшено было выслать новую комиссію, съ болѣе импозантными военными аргументами, уже въ Кіевъ, на 1 марта 1617 г., и объ этомъ въ концѣ года были извѣщены козаки, вся украинская администрація и города: козакамъ воспрещено дѣлать какія-либо приготовленія къ новому морскому походу, допускать какія-либо нападенія на Турцію, изъ городовъ и мѣстечекъ Украины запрещалось пропускать къ козакамъ припасы для морской экспедиціи и т. п. [3]).

Очевидно, до правительственныхъ круговъ дошли слухи, что на весну готовится новый походъ на море. И онъ дѣйствительно состоялся—королевскіе универсалы не оказали никакого вліянія на козацкіе планы. Вмѣсто того, чтобы явиться въ Кіевъ на комиссію, козаки готовились въ походъ на море и двинулись около средины поста [4]). Подробности этого похода неизвѣстны. Но еще передъ нимъ на Украинѣ появилась Орда, подъ предводи-

---

[1]) Pisma c. 537.

[2]) Разсказываетъ объ этихъ переговорахъ Пясецкій, но очень кратко—с. 537—8.

[3]) Архивъ Ю. З. Р. III. I № 39.

[4]) Pisma c. 306.

тельствомъ калги, и напала на Волынь. Выступить противъ нея было не съ чѣмъ. Жолкевскій имѣлъ только 700 солдатъ. Козацкое войско попыталось преградить дорогу Ордѣ, но силы его были недостаточны и оно не могло противостать ей [1]). Вслѣдъ за тѣмъ пришло извѣстіе, что на Украину надвигается турецкое войско подъ предводительствомъ Алимазоръ-паши, съ цѣлью уничтожать козацкія поселенія и замки; трансильванскій воевода, господари Молдавіи и Валахіи должны были прислать къ нему вспомогательные отряды. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Жолкевскимъ, турецкаго войска было 30 тыс., трансильванскаго 12 тыс , приблизительно столько же молдаво-валашскаго и свыше 20 тыс. Татаръ. Вмѣсто комиссіи противъ козаковъ нужно было думать о мобилизаціи противъ Турокъ. Королевичу Владиславу предложено собранное имъ войско обратить къ южнымъ границамъ; мѣстную шляхту призвали въ походъ; украинскіе магнаты прислали кто что имѣлъ наготовѣ.

Но козаки уклонились; мотивы неизвѣстны—быть можетъ, они недовольны были обращеніемъ съ ними на предшествующихъ комиссарскихъ съѣздахъ и хотѣли принудить правительство къ инымъ отношеніямъ. „Хотя имъ писали и были приказы отъ вашей кор. мил. и королевича е. м., и я нѣсколько разъ напоминалъ имъ, чтобы они прислали помощь войску вашей кор. мил., разъ сами заварили эту кашу,— но они не захотѣли этого исполнить, и не исполнили и вмѣсто того грабятъ людей тамъ на Украинѣ, мучатъ своими вымогательствами,—и при этомъ дѣлаютъ видъ, будто бы такъ я имъ велѣлъ“ жаловался на нихъ сильно раздраженный Жолкевскій [2]). Королевичу Жолкевскій писалъ, что козаки распустили слухъ, будто бы Жолкевскій пригласилъ королевича на Украину на погибель козаковъ—чтобы ударить на нихъ и перебить, поэтому они не хотятъ итти противъ Турокъ, требуютъ отъ Жолкевскаго заложниковъ. Жолкевскій писалъ кіевскому подвоеводѣ, чтобы онъ собралъ кіевскихъ мѣщанъ, подлежащихъ военной службѣ, и разныхъ охотниковъ и, выступивъ на татарскій шляхъ подъ Ягнятинъ, тамъ соединился съ козаками [3]). Но и этотъ маневръ и посредничество подвоеводы очевидно ни къ чему не привели, и козаковъ такъ и не удалось привлечь къ участію въ турецкой кампаніи.

---

[1]) Ibid. с. 247, 251, 305. [2]) Pisma с. 276, ср. с. 284.
[3]) Жерела VIII с. 183.

Не смотря на это, Жолкевскому удалось стянуть довольно значительныя силы и еще разъ достигнуть своей цѣли: демонстраціею военныхъ силъ Польши удержать турецкое войско отъ перехода польской границы. Остановившись надъ Днѣстромъ, противъ турецкаго лагеря, онъ принудилъ и Искандеръ-пашу остановиться и начать переговоры. Жолкевскаго упрекали даже, что онъ, имѣя такія значительныя силы, самъ не далъ битвы Туркамъ; но это было переоцѣнкою его шансовъ, и Жолкевскій совершенно справедливо указывалъ, что такой шагъ былъ бы очень рискованнымъ, такъ какъ въ случаѣ проигранной битвы онъ отдалъ бы въ руки турецкаго войска совершенно безоружную Рѣчь Посполитую. Всѣ старанія Турокъ принудить его къ наступленію остались безуспѣшными; Жолкевскій не считалъ возможнымъ отдѣлить отъ своего войска хоть что-нибудь, такъ какъ это ослабило бы его позицію относительно турецкихъ силъ. Даже когда Татары, недовольные тѣмъ, что въ трактатѣ съ Турками Польша не приняла на себя обязательства виплатить имъ „упоминки“ за предшествующіе годы (когда они изъ года въ годъ грабили Украину), подъ носомъ у Жолкевскаго бросились грабить Галицію, онъ стоически смотрѣлъ на зарево татарскихъ пожаровъ и стоялъ надъ Днѣстромъ напротивъ турецкаго войска, не смѣя спасать соотечественниковъ и добиваясь лишь одного: чтобы Искандеръ паша ушелъ.

Это ему удалось. Послѣ долгой стоянки начались переговоры и въ концѣ концовъ былъ принятъ трактатъ, подписанный 23 сентября подъ Яругою. Первымъ пунктомъ его было: „Козацкіе разбойники не должны выходить изъ Днѣпра на море, чинить какія-либо опустошенія въ земляхъ императорскихъ (султанскихъ), вообще какимъ-бы то ни было образомъ они должны быть уничтожены, чтобы ни отъ насъ (Поляковъ), ни отъ козаковъ не было никакого ущерба и императорскому флоту не приходилось больше выходить въ Чорное море, и мы обѣщаемъ и обязуемся козаковъ и ихъ край усмирить и подвергнуть наказанію“. Кромѣ того, Польша обѣщалась не вмѣшиваться въ трансильванскія, молдавскія и валашскія дѣла, не поддерживать тамъ враждебныхъ Турціи движеній, выплатить Татарамъ ежегодную контрибуцію, а они за это обязывались не нападать на земли Польши. Искандеръ-паша, которому не давали спать прошлогодніе лавры Ибрагимъ-паши, „перевернувшаго Запорожье“, требовалъ еще уничтоженія пограничныхъ замковъ: Бѣлой Церкви, Канева, Корсуня, Черкасъ, Чигирина, но въ

этомъ былъ данъ рѣшительный отказъ, и паша долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что сжегъ Рашковъ и добился уничтоженія Бершады—гнѣздъ извѣстнаго пограничника Босого, не дававшаго покоя Туркамъ и Молдаванамъ. И съ этими результатами двинулся обратно. [1]).

Избавившись отъ Турокъ Жолкевскій съ имѣвшимися въ его распоряженіи силами хотѣлъ расправиться за одно и съ козачествомъ. Онъ считалъ это безусловно необходимымъ не только имѣя въ виду Турокъ, грозившихъ разрывомъ соглашенія въ случаѣ перваго же козацкаго нападенія,—Жолкевскій не принималъ этой угрозы за пустыя слова,—но и съ точки зрѣнія интересовъ самой Рѣчи Посполитой. Какъ я уже сказалъ, онъ былъ въ высшей степени раздраженъ неповиновеніемъ козаковъ, тѣмъ что это „озвѣрѣвшее хлопство", какъ онъ ихъ называлъ,—отказали въ помощи и службѣ въ такой рѣшительный моментъ, послѣ того какъ сами же навлекли на государство эту турецкую опасность, и вообще вышли изъ повиновенія—не хотятъ служить государству, и подъ предлогомъ службы лишь разоряютъ своими поборами населеніе: вмѣсто того, чтобы итти на помощь, когда ихъ призывали король и королевичъ, они „подъ предлогомъ, что идутъ къ намъ, немилосердно ограбили и разорили Украину (якобы собирая припасы на войну), а потомъ вернулись назадъ на Днѣпръ" [2]). Потомъ Жолкевскій отправилъ къ нимъ своего посланца, увѣдомляя, что съ Турками уже достигнуто соглашеніе,—чтобы козаки поэтому не разоряли Украины, а шли на Днѣпръ и прислали къ нему нѣсколькихъ почтенныхъ людей, чтобы столковаться съ ними относительно королевской воли". Но и этого посланца козаки отослали „довольно небрежно", сказавъ, что къ Жолкевскому не пойдутъ: „если кто нибудь имѣетъ до нихъ дѣло, пусть придетъ или пришлетъ къ нимъ". Очевидно безплодные комиссарскіе переговоры предшествующихъ лѣтъ, ставившіе передъ козаками невозможныя требованія и домогавшіеся обѣщанія относительно исполненія

---

[1]) Реляціи Жолкевскаго, переписка съ Искандеръ-пашою и трактатъ— Pisma с. 248—284, 422—447; отчетъ о переговорахъ съ Искандеръ-пашою парламентера Петра Ожги, теребовельскаго старосты, у Кулиша II с. 226 и слѣд. Записка объ этомъ походѣ турецкаго историка Наимы въ Collectanea-хъ Сенковскаго I с. 128-9. Chronica Пясецкаго с. 359, 361.

[2]) Pisma с. 215.

этихъ требованій, въ то время какъ съ своей стороны правительство ничего не предпринимало для ихъ осуществленія,—и раздражили козаковъ и уничтожили у нихъ вконецъ всякое уваженіе къ этимъ комиссарскимъ церемоніямъ и къ „достоинству Рѣчи Посполитой“.

Если бы во главѣ козачества стояли тѣ самые „почтенные люди“, державшіеся принципа „обманывать, разъ хотятъ, чтобы ихъ обманывали“ (mundus vult decipi, ergo decipiatur, какъ формулируетъ этотъ принципъ іезуитскій афоризмъ) и принимавшіе всѣ предшествующія инструкціи комиссій, откладывая въ долгій ящикъ ихъ исполненіе,—они, вѣроятно, и теперь не отказали бы Жолкевскому въ его довольно невинномъ требованіи „потолковать“ съ козацкими делегатами „относительно воли его кор. милости“. Но въ этомъ году въ козацкой политикѣ, очевидно, произошло нѣкоторое замѣшательство. Кормило общаго правленія на время выпало изъ рукъ умѣлаго руководителя козацкой политики, гетмана Сагайдачнаго, и очутилось въ рукахъ представителя козацкаго радикализма, въ родѣ позднѣйшаго Бородавки. Былъ имъ Дмитрій Богдановичъ Барабашъ, отецъ извѣстнаго лоялиста временъ Хмельницкаго, извѣстный намъ на гетманскомъ посту по универсалу отъ 7 марта 1617 года [1]). Этою перемѣною нужно объяснить то обстоятельство, что козаки такъ нетактично отказали правительству въ помощи противъ Турокъ и дали такой рѣзкій отвѣтъ на предложеніе Жолкевскаго вступить въ переговоры.

Разгнѣванный и озабоченный всѣмъ этимъ, Жолкевскій рѣшилъ дать козакамъ почувствовать свою силу. Онъ задумалъ захватить ихъ врасплохъ неожиданнымъ военнымъ походомъ: „распустить слухъ, что войско идетъ къ его мил. королевичу, и двинуться съ войскомъ въ кіевскіе края, такъ какъ кратчайшій путь въ самомъ дѣлѣ проходитъ черезъ Кіевъ или въ близкомъ сосѣдствѣ Кіева“, и въ случаѣ еслибы козаки не приняли требованій комиссіи, внезапно напасть на нихъ. Поэтому еще до окончанія переговоровъ съ Искандеръ-пашею, онъ просилъ короля прислать порученія комиссарамъ и „суровые манцаты этимъ разбойникамъ и украинскимъ городамъ, особенно приднѣпровскимъ:

---

[1]) Этотъ универсалъ извѣстенъ въ позднѣйшей копіи конца XVII в., изданной въ Кіевской Старинѣ 1883 кн. V с. 145 съ замѣткой пок. Антоновича. Въ этой редакціи нѣкоторыя мѣста универсала кажутся мнѣ подозрительными, быть можетъ они подправлены. Но думаю, что изъ-за этого нѣтъ основаній считать фальшивымъ имя гетмана и дату документа—они должны восходить къ подлиннику.

чтобы никто, подъ страхомъ жесточайшихъ наказаній—смерти, конфискаціи имущества, не смѣлъ посылать на Низъ живности и припасовъ; такъ какъ, если теперь ничего не будетъ сдѣлано, то потомъ снова собирать войско и вести его черезъ все государство—было бы и долго и трудно, а тѣмъ временемъ эти разбойники и договоръ нашъ съ Турками разорвутъ и будучи въ такой массѣ, Богъ знаетъ сколько зла могутъ причинить“ [1]).

Такого же взгляда на необходимость усмиренія козачества придерживался и король. Тѣмъ болѣе, что въ виду московской войны, важно было обезпечить козацкую службу и покорность: ни король ни Жолкевскій не могли быть настолько наивными, чтобы думать, что безъ козаковъ можно будетъ обойтись въ этой войнѣ, особенно при тѣхъ скромныхъ кредитахъ, какіе были вотированы сеймомъ на это предпріятіе. Универсалъ относительно комиссіи противъ козаковъ былъ изданъ королемъ еще въ іюлѣ; приходъ турецкаго войска не далъ комиссіи возможности осуществиться, да и изъ назначенныхъ въ комиссію магнатовъ почти никто не явился. Поэтому былъ изданъ новый универсалъ, 15 сентября н. с., и эти королевскія порученія комиссарамъ и мандаты козакамъ пришли какъ разъ во время, вслѣдъ за тѣмъ, какъ Искандеръ-паша началъ собираться домой. Жолкевскій сталъ готовиться къ походу на козаковъ, хотя здоровье его требовало отдыха послѣ продолжительной кампаніи. „Насколько хватитъ силъ, буду стараться усмирить своеволіе, такъ какъ, даже если не имѣть въ виду Турокъ, оно само по себѣ страшно для Рѣчи Посполитой“, писалъ онъ королю. „Столько развелось этихъ бродягъ, что трудно найти наемнаго слугу: все, что живо, идетъ къ этой сволочи на своевольство. Правда, не велики мои силы, но придется рискнуть, только бы счастье не измѣнило Рѣчи Посполитой“. Не надѣясь на свои, дѣйствительно незначительныя силы, Жолкевскій предполагалъ „дѣйствовать больше разумомъ, чѣмъ силою“, иначе говоря—интригою и хитростью, какъ и во время кампаніи 1596 г. „Я уже бросилъ въ ихъ среду кое-какія сѣмена раздора: старшина не миритъ съ черныю: старшина рада бы завести иной порядокъ, да при такой смутѣ его не можетъ быть: все покрывается крикомъ и гамомъ черни“ [2]). Вѣроятно, Жолкевскій, зная о внутренней борьбѣ между партіею „старшихъ“, во главѣ которой

---

[1]) Pisma с. 276 (письмо изъ Яруги, 16/IX).
[2]) Pisma с. 285.

стоялъ очевидно Сагайдачный, и „своевольцевъ“ Барабаша, вступилъ въ тайные переговоры съ „старшими“ и разсчитывалъ на ихъ поддержку въ дальнѣйшихъ переговорахъ. И дѣйствительно, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, во время переговоровъ, въ связи съ вооруженною демонстраціею Жолкевскаго, произошли перемѣны у козаковъ: наверхъ вышелъ снова Сагайдачный съ „старшими“ и устроилъ соглашеніе съ правительствомъ,—то есть еще разъ далъ согласіе на польскія требованія, желая избѣжать конфликта, какъ давалъ уже нѣсколько разъ, и точно также и теперь, какъ и раньше, не придавая всѣмъ этимъ обѣщаніямъ никакого значенія.

Въ послѣднихъ числахъ сентября н. с. Жолкевскій, покончивъ переговоры съ Турками, остановился на нѣсколько дней въ своемъ Барѣ (Барское староство въ это время находилось въ его владѣніи) и отсюда отправилъ козакамъ письмо, требуя, по примѣру прошлогодняго, чтобы они прислали своихъ делегатовъ въ Паволочь для переговоровъ, а черезъ нѣсколько дней съ четырьмя полками и самъ двинулся туда же. Но вмѣсто делегаціи навстрѣчу ему двинулось въ полномъ составѣ козацкое войско: „старшіе“ удерживали козаковъ, но тѣ все-таки шли, грозя Жолкевскому. Послѣдній, имѣя довольно значительныя силы, не далъ себя запугать. Кромѣ его собственнаго войска, прибыли значительные полки комиссаровъ: кн. Януша Острожскаго, кн. Збаражскаго, воеводы русскаго, и чигиринскаго старосты Даниловича (послѣдній явился лично). Надѣялся Жолкевскій и на кіевскую шляхту, также собранную тогда на смотръ (okazowanie, военный контроль) именно въ эту мѣстность—между Паволочью и Трилисами, быть можетъ, именно въ виду предстоящей встрѣчи съ козаками. Полагаясь, вѣроятно, не столько на свои силы, сколько на психологическое воздѣйствіе своего похода, Жолкевскій въ срединѣ октября н. с. двинулся съ своимъ войскомъ изъ-подъ Паволочи подъ Бѣлую Церковь, навстрѣчу козацкому войску, а одновременно написалъ имъ „очень любезное и мягкое письмо“, желая склонить ихъ къ „справедливымъ дѣйствіямъ справедливыми увѣщаніями“ [1]). Но въ отвѣтъ на это козаки „написали гордое и надменное письмо, считая обидой для себя, что (Жолкевскій) двинулся изъ Паволочи къ Бѣлой Церкви“, и увѣдомляли его, что они тоже направляются къ нему. Это была не-

[1]) Универсалъ Жолкевскаго кіевской шляхтѣ изъ Бѣлой Церкви 23/X н. ст.—Матеріалы относящіеся къ гетм. Сагайдачнаго № 16.

двусмысленная угроза войны, и Жолкевскій считалъ невозможнымъ уклониться отъ нея. Изъ-подъ Бѣлой Церкви онъ двинулся внизъ по Роси, въ то время, какъ козацкое войско двигалось навстрѣчу съ юга и, быть можетъ, тоже было уже вблизи Роси. Такая рѣшительность проявляемая Жолкевскимъ, за которымъ двинулась также и кіевская шляхта изъ-подъ Паволочи, произвела извѣстное впечатлѣніе. Съ другой стороны, не могли остаться безъ вліянія и убѣжденія „старшихъ", партіи Сагайдачнаго, который долженъ былъ выяснять невыгодныя перспективы такого остраго конфликта съ правительствомъ и преимущества политики мирной, оппортунистической. Его партія и поддерживаемая ею политика компромисса одержали верхъ. Въ польскій лагерь, стоявшій на урочищѣ Сухая Ольшанка (недалеко отъ теперешней Таращи) прибыли изъ козацкаго лагеря, стоявшаго тоже на Роси (мѣсто въ точности неизвѣстно), козацкіе делегаты и вступили въ переговоры. „Козаки, особенно старшіе, заявили, что они не хотятъ воевать съ коронным гетманомъ, тогда и другіе упали духомъ и начались переговоры", лаконически упоминаетъ въ своемъ сеймовомъ отчетѣ Жолкевскій. Къ сожалѣнію, онъ не выясняетъ, на сколько въ этой перемѣнѣ сыграли роль тѣ сѣмена раздора, которыя онъ старался посѣять среди козачества. Гетманская булава перешла снова въ руки Сагайдачнаго, и онъ повелъ дѣло методомъ предшествующихъ комиссій [1]).

Проэктъ постановленія комиссары выработали еще передъ походомъ подъ Бѣлую Церковь въ Житомирѣ, на съѣздѣ кіевской шляхты. Изъ длиннаго ряда назначенныхъ въ комиссію магнатовъ лично явились только Даниловичъ, Станиславъ Конецпольскій (будущій гетманъ) и родственникъ гетмана, Янъ Жолкевскій. Вмѣстѣ съ гетманомъ они, на основаніи постановленія комиссаровъ 1614 г., составили новую декларацію, въ томъ же духѣ, но еще болѣе требовательную. Число „запорожскихъ козаковъ" уменьшилось до тысячи, всѣ остальные лишались козацкаго званія и всякихъ претензій на свою козацкую юрисдикцію; для всѣхъ непокорныхъ и своевольниковъ установлялась смертная казнь; запрещалось пропускать на Низъ какіе-либо припасы безъ вѣдома кіевскаго воеводы и черкасскаго старосты [2]). Затѣмъ, когда въ польскій лагерь на Старой Ольшанкѣ (какъ разсказываетъ комис-

---

[1]) Pisma с. 285, 288, 311.
[2]) Pisma с. 313—5.

сарская декларація) явились передъ комиссарами козацкіе делегаты и заявили, что не имѣютъ намѣренія противиться волѣ короля и готовы вести переговоры относительно будущихъ отношеній, съ польской стороны были делегированы парламентеры, которые и выѣхали для переговоровъ въ козацкій лагерь, гдѣ предложили козакамъ проэктъ, выработанный въ Житомирѣ. Однако, онъ былъ настолько невозможенъ и неосуществимъ, что комиссары не считали умѣстнымъ настаивать на немъ: ограниченіе козацкаго войска одною тысячею было такимъ абсурдомъ, что сами комиссары принуждены были это признать: для защиты границы, порученной козакамъ, „необходимо большее количество людей". Всѣ вопросы—относительно размѣра ежегоднаго жалованія козацкому войску и подтвержденія за козаками ихъ вольностей, „издавна пожалованныхъ стариннымъ козакамъ прежними королями", козаки отложили до ближайшаго сейма: козаки предполагали выслать на сеймъ къ королю своихъ делегатовъ, а комиссары, съ своей стороны, обѣщали поддержать эти козацкія ходатайства. И такимъ образомъ было принято постановленіе въ формѣ двухсторонних декларацій (комиссарской и козацкой), нѣсколько различныхъ между собою.

Количество козацкаго войска не опредѣлялось, но козачество должно было исключить изъ своей среды разный сбродъ, проникшій въ козацкую среду за послѣдніе годы: „ремесленниковъ, купцовъ, шинкарей, войтовъ, бурмистровъ, кафанниковъ, балакзеевъ [1]), рѣзниковъ, портныхъ и другихъ лицъ безъ опредѣленныхъ занятій прогнать отъ себя и исключить изъ реестровъ („выписать"), также точно всѣхъ вновь прибывшихъ мѣщанъ, которые, выйдя изъ-подъ юрисдикціи своихъ законныхъ властей, пристали въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ къ нашему войску,—чтобы больше они не назывались козаками, и въ будущемъ таковыхъ безъ воли его м. короля и п. короннаго гетмана принимать въ войско не будемъ" [2]). Жалованье оставалось прежнее, въ размѣрѣ, установленномъ комиссіей 1614 г., но козаки, какъ уже было

[1]) Эти два слова остаются непонятными (можетъ быть испорчены).

[2]) Въ комиссарской декларацiи говорилось о вновь прибывшихъ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, въ декларацiи — только двухъ, и притомъ отмѣчено точно, что это мѣщане; возможно, что эта оговорка тоже ограничивала и уменьшала число лицъ подлежащихъ исключенію изъ войска.

сказано, оставили этотъ вопросъ до разрѣшенія его сеймомъ. При выплатѣ этого жалованья комиссары проэктировали провести „выписку исключенныхъ и составить реестръ войска, чтобы оставалось только точное число“; но козацкая декларація обошла молчаніемъ это обстоятельство.

Вторымъ пунктомъ, обратившимъ на себя вниманіе при переговорахъ, былъ вопросъ о „старшемъ“. Житомирскій проэктъ, точно также какъ и постановленіе 1614 г., говорилъ только, что ихъ старшій долженъ быть „изъ королевской руки“. Козаки домагались опредѣленнаго указанія, что этотъ старшій долженъ не назначаться правительствомъ, а избираться войскомъ и только утверждаться затѣмъ правительствомъ. Это и подчеркнуто въ козацкой деклараціи, въ то время какъ декларація комиссарская не высказывается такъ опредѣленно и, возможно, дѣлаетъ это умышленно, такъ что въ ея формулировкѣ старшаго слѣдуетъ понимать какъ назначеннаго, а не выбраннаго, а формулировка козацкой деклараціи звучитъ какъ опредѣленная поправка неяснаго текста комиссарской деклараціи.

Все остальное оставлено попрежнему, какъ и въ предшествующихъ деклараціяхъ: козаки будутъ находиться на своихъ обычныхъ мѣстахъ, не выходя на волость; не будутъ затрагивать сосѣднихъ государствъ и т. д. [1]).

Козацкую декларацію въ качествѣ козацкой старшины подписали: „Петръ Кунашевичъ, на этотъ часъ гетманъ е. к. м. войска Запорожскаго, собственною рукою, Богданъ Балыка, Харликъ Свиридовичъ, Иванъ Мамаевичъ, эсаулъ е. к. м. войска Запорожскаго, Лаврентій Пашковскій писарь е. к. м. войска Запорожскаго, Станиславъ Костжевскій, Янъ Мировскій“. Декларація написана по-польски,—мы имѣемъ ее впрочемъ только въ копіи.

Сеймъ, на который козаки должны были послать своихъ делегатовъ для рѣшенія различныхъ вопросовъ, оговоренныхъ ими, долженъ былъ собраться къ веснѣ 1618 г. Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколько мѣсяцевъ должны были существовать прежнія отношенія. Но козакамъ не приходилось озабочиваться этимъ

---

[1]) Pisma Żółkiewskiego: с. 311—5 житомирскій проэктъ, с. 315—8 декларація комиссаровъ съ датою 28 октября; с. 318—322 козацкая декларація, съ датою 30 октября. Декларація комиссаровъ также въ Архивѣ Ю. З. Р. III. I № 41.

сеймомъ, какъ и постановленіями комиссіи, въ виду условій, при какихъ эти постановленія вырабатывались. Въ то время, какъ шли переговоры надъ Росью, королевичъ Владиславъ съ небольшимъ войскомъ двигался къ Смоленску, чтобы своимъ появленіемъ поддержать свою кандидатуру на московскій тронъ, пока подоспѣютъ болѣе сильныя войска. Конфедерація войскъ, неполучившихъ жалованья, задержала его на зиму въ Вязьмѣ, и въ виду отсутствія средствъ и слабыхъ надеждъ на вотированіе необходимыхъ кредитовъ сеймомъ, принимаются всяческія мѣры къ тому, чтобы привлечь къ участію въ московской кампаніи въ возможно большихъ размѣрахъ козацкое войско, какъ единственную силу, которая можетъ быть сейчасъ, моментально мобилизована, чтобы спасти кампанію и королевича изъ того безвыходнаго положенія, въ которомъ онъ очутился такъ печально [1]. Этимъ, между прочимъ, объясняется также та снисходительность, какую на этотъ разъ проявилъ по отношенію къ козацкимъ капризамъ, ихъ „выдумкамъ и фантазіямъ“ старый ихъ врагъ Жолкевскій, отвѣчая „любезно и мягко“ на ихъ „гордыя и надменныя письма“ и стараясь всячески обойти конфликтъ. Такую же осторожность по отношенію къ козакамъ выказалъ и сеймъ: не желая уступать ни въ чемъ серьезномъ, онъ старался выиграть время. Неизвѣстно, посылали ли козаки своихъ делегатовъ по поводу вопросовъ, отложенныхъ до рѣшенія сейма, или сеймъ имѣлъ передъ собою только акты комиссіи, предложенные Жолкевскимъ, но это, собственно, не мѣняетъ дѣла. Сеймъ во всякомъ случаѣ не хотѣлъ обидѣть козаковъ, съ которыми какъ разъ тогда велись переговоры о походѣ въ Москву, а съ другой стороны — не хотѣлъ дѣлать сколько-нибудь серьезныхъ уступокъ козачеству; поэтому вопросъ этотъ по возможности затянули.

Резолюція сейма „о низовыхъ козакахъ“, повторивъ стереотипныя жалобы на „козацкое своеволіе“ и вредъ, причиняемый ими украинской шляхтѣ и польской иностранной политикѣ, постановила, что для приведенія козацкаго вопроса къ окончанію должна быть выслана новая комиссія, которая вмѣстѣ съ гетманомъ должна рѣшить все—всѣ спорные вопросы, перешедшіе къ

[1]) Недоставало не только денегъ, но и матеріала для войска, какъ пишетъ Жолкевскій: Alec y o ludzi słuzebnych nie tak łacno, lubo by to y pieniądze byli: wygynęło ich niemało przez te wołoskie niepotrzebne woyny, potracili konie y rystunki ; patricii zas opuscili sluzbę oyczyzny; ubodzy chocby chcieli, sposobu y dostatku nie maią.

сейму отъ предшествующей комиссіи [1]). Это было очевиднымъ маневромъ, такъ какъ осенними переговорами вопросъ былъ выясненъ даже слишкомъ и сеймъ лучше чѣмъ какая либо комиссія могъ оцѣнить, какъ далеко можно было пойти въ уступкахъ козацкимъ пожеланіямъ. Но въ данный моментъ онъ не считалъ возможнымъ высказать задушевныя свои мысли открыто, наученный опытомъ, который дали козаки своимъ отказомъ во время послѣдней турецкой кампаніи. Правительству же, королю и его приближеннымъ хотѣлось непремѣнно привлечь козаковъ къ участію въ московской войнѣ. Сеймъ, настроенный весьма отрицательно къ московскимъ планамъ короля, далъ годъ времени для улаженія отношеній съ Москвою и—почти никакихъ средствъ на веденіе войны (одни только обычные налоги). Такимъ образомъ приходилось спѣшить, чтобъ попытаться вырвать что-либо у капризной фортуны—и вся надежда была на козаковъ.

Резолюція кончалась угрозами козакамъ, если они снова пойдутъ въ море или инымъ образомъ будутъ безпокоить сосѣднія государства. Но на этотъ разъ были не однѣ угрозы: сеймъ принялъ и нѣчто болѣе реальное—постановилъ добиться отъ козаковъ, чтобъ они сожгли свои лодки, въ которыхъ ходили на море, и за это обѣщалъ уплатить имъ убытки—6000 золотыхъ [2]). Деньги эти даже были уплачены короннымъ подскарбіемъ. Дошли ли они до козаковъ, не знаю,—возможно даже и это. Но назначенное козакамъ ежегодное жалованье—несмотря на его ничтожность—и на этотъ разъ не было выплачено, и на одномъ этомъ основаніи козаки могли считать себя освобожденными отъ всякихъ обязательствъ и ограниченій, возложенныхъ на нихъ послѣднею комиссію—точно такъ же, какъ и предыдущими.

Постановленія комиссій послѣднихъ лѣтъ, сеймовые дебаты и резолюціи обнаруживали съ совершенной ясностью задушевныя желанія польскаго правительства и шляхетскихъ круговъ по отношенію къ козакамъ. Свести козачество къ небольшой кучкѣ пограничной стражи, въ числѣ одной тысячи,—какъ проэктировала комиссія 1617 года, отдать его въ полное и безконтрольное распоряженіе польской военной администраціи, прогнать изъ „волости“, лишить самостоятельной юрисдикціи, очи-

[1]) Volum. legum II c. 157. [2]) Pisma c. 314.

стить отъ всѣхъ атрибутовъ соціальнаго фактора, общественной оппозиціи—которымъ, собственно, козачество и было обязано своей стихійной силой и необычайнымъ ростомъ за послѣдніе годы,—такова была эта задушевная мечта польскихъ сферъ. Проэктъ комиссарскихъ постановленій 1617 г. (житомирскій) и послѣдующіе дебаты на сеймѣ обнаруживали эти тенденціи съ полною ясностью [1]), и Рѣчь Посполитая, занятая разными войнами, не имѣя свободнаго войска для усмиренія козаковъ, наоборотъ—сама нуждаясь въ помощи козацкаго войска,—до сихъ поръ не могла лишь на практикѣ осуществить своихъ пожеланій, не могла провести въ жизнь своихъ резолюцій и комиссарскихъ постановленій. Но это осуществленіе являлось, очевидно, только вопросомъ времени и улучшенія политической конъюнктуры. И вожди козачества должны были видѣть это съ полной ясностью.

Возникалъ такимъ образомъ тяжелый вопросъ—какой тактики держаться козачеству по отношенію къ правительству и польскому государству вообще?

Стараться ли усыплять его вниманіе, не поднимая никакихъ принципіальныхъ вопросовъ, увѣряя въ готовности со стороны козаковъ принять всѣ его требованія, представляя всѣ конфликты и столкновенія интересовъ явленіемъ преходящимъ, недоразумѣніемъ, не имѣющимъ большого значенія, а тѣмъ временемъ стремиться къ тому, чтобы всевозможными услугами сдѣлать козачество факторомъ необходимымъ съ точки зрѣнія нуждъ государства и по возможности расположить въ свою пользу это послѣднее? Или же всякій разъ ставить вопросъ рѣзко, торговаться за каждую свою услугу и требовать формальныхъ уступокъ въ козацкихъ притязаніяхъ и требованіяхъ—формулировать ихъ ясно и опредѣленно, хотя бы и не во всемъ ихъ объемѣ, не всѣ сразу, и шагъ за шагомъ добиваться для нихъ формальнаго признанія правительства?

Первое было легче: не обострять отношеній, избѣгать всякихъ конфликтовъ, полагая всю надежду на то, что все какъ-нибудь „образуется“, что фактическія условія: отсутствіе у Польши собственныхъ военныхъ силъ и нужда въ козацкомъ войскѣ, общая дезорганизація и слабость исполнительной власти не дадутъ польской администраціи возможности добиться на дѣлѣ исполненія

---

[1]) Сохранившаяся рѣчь литовскаго подканцлера на сеймѣ 1618 г. (Жерела № 130) обрисовываетъ ихъ достаточно опредѣленно.

своихъ требованій, и козаки, не демонстрируя своихъ притязаній, на словахъ соглашаясь на все, фактически останутся и далѣе господами положенія на Украинѣ, какъ были уже столько времени, несмотря на всѣ конституціи и комиссіи, постановленныя противъ нихъ. Правда, это былъ не достаточно надежный разсчетъ, такъ какъ первое улучшеніе въ общихъ политическихъ условіяхъ могло дать польскому правительству возможность выбить козачество изъ его позицій—хотя бы на нѣкоторое время, и не было сомнѣній, что правительство и шляхта не упустятъ такого случая. Никакое усыпленіе вниманія, никакія заявленія лойяльности, никакія задабриванья и заслуги не могли предохранить козачество отъ этого, разъ только оно стало выразителемъ соціальной оппозиціи шляхетско-польскому режиму.

Это былъ врагъ непримиримый, смертельный, и польско-шляхетскіе круги не могли владычествовать спокойно, пока онъ былъ живъ—пока козачество не было „очищено“ отъ этихъ соціальныхъ притязаній, не было сведено къ роли обыкновеннаго корпуса пограничной стражи. Козачество со всѣми своими пріобрѣтеніями и фактическимъ достояніемъ постоянно жило на вулканѣ.

Но и путь формальныхъ пріобрѣтеній, обезпеченія своихъ требованій и притязаній конституціонными, законодательными гарантіями былъ не только гораздо труднѣе, но не имѣлъ передъ собою также болѣе благопріятныхъ перспективъ. Съ тѣхъ поръ, какъ козачество пріобрѣло соціальную окраску и стало представителемъ общественныхъ стремленій народныхъ массъ (и еще болѣе—когда оно присоединило сюда еще религіозно-національныя требованія, сдѣлавшись выразителемъ національныхъ нуждъ и стремленій украинскаго элемента вообще)—его требованія шли слишкомъ далеко, подрывали слишкомъ глубоко весь соціально-политическій строй Рѣчи Посполитой для того, чтобы можно было надѣяться на реализацію его требованій законодательнымъ путемъ—даже если бы оно стало добиваться исполненія своихъ пожеланій частично, разложивъ ихъ осуществленіе на болѣе продолжительные сроки. Даже страшный ударъ, нанесенный Рѣчи Посполитой движеніемъ Хмельницкаго, пошатнувшій самые устои ея, не привелъ польскіе круги къ добровольнымъ уступкамъ козацкимъ требованіямъ даже въ сферѣ политики національной, не говоря уже о соціальной. И можно было заранѣе сказать, что прежде чѣмъ согласиться на какую-либо болѣе серьезную уступку козакамъ, Рѣчь Посполитая употребитъ всѣ свои силы, чтобы разбить козачество,—какъ разбила его въ 1596 г.

Слѣдовательно, оба пути сводились къ одному и тому же результату—къ вооруженной борьбѣ за козацкія требованія, и послѣднимъ критеріемъ могло быть лишь реальное отношеніе силъ. Поэтому для козачества въ его новой формѣ становилось вопросомъ жизни возможное увеличеніе военныхъ силъ, которыя могли бы обезпечить его роль господина положенія на Украинѣ и обезпечить отъ возможнаго разгрома со стороны враждебнаго польско-шляхетскаго режима. Пути, которыми шелъ ростъ козацкихъ силъ, мы уже видѣли—это была, так сказать, интенсификація соціальнаго характера козачества и благодаря ей—привлеченіе въ козацкую среду возможно болѣе широкихъ народныхъ массъ, расширеніе козацкой территоріи и развитіе военныхъ силъ, могущихъ стать на стражѣ окозаченныхъ массъ и территорій. Для развитія военныхъ силъ были необходимы удачныя, богатыя добычею войны. Для расширенія козацкаго вліянія среди массъ нужно было оберегать козачество отъ разгромовъ, неминуемо вызывавшихъ упадокъ духа и подрывавшихъ притягательную силу козачества. Слѣдовательно, до тѣхъ поръ пока не было вѣрныхъ шансовъ побѣды въ вооруженной борьбѣ съ государствомъ, слѣдовало вообще избѣгать всякихъ вооруженныхъ конфликтовъ. Шансы же борьбы еще долго должны были оставаться на сторонѣ Рѣчи Посполитой, пока она держала в своихъ рукахъ всѣ замки и укрѣпленные пункты „волости“ и единственною твердынею козачества оставалась Сичь. Слѣдовательно, пока, до времени, нужно было прежде всего избѣгать рѣзкихъ конфликтовъ, по возможности не давать мѣста острымъ репрессіямъ со стороны Рѣчи Посполитой, поменьше настаивать на формальныхъ уступкахъ и охранять фактически пріобрѣтенное.

Въ этомъ направленіи главнымъ образомъ и идетъ тактика козацкихъ политиковъ, тѣхъ „серіозныхъ“ или „старшихъ“ элементовъ, которые держали ее въ своихъ рукахъ, отъ Байбузы и Кишки до Сагайдачнаго и Кулаги. Не доводить до обостренія отношеній, не отказывать Рѣчи Посполитой въ услугахъ, постоянно давать чувствовать, что козацкая сила ей полезна,—однако и не выслуживаться чрезмѣрно, наоборотъ—по возможности не допускать, чтобы Польша освободилась отъ военныхъ заботъ. Можно думать, что во всѣхъ этихъ агрессивныхъ выступленіяхъ козаковъ противъ сосѣднихъ государствъ лежало не одно только своевольное добычничество, а могъ быть и извѣстный планъ—вовлекать Рѣчь Посполитую въ военныя затруд-

ненія, которыя отвлекали бы ея военныя силы и не давали возможности направить ихъ противъ козачества, а наоборотъ—заставляли бы Рѣчь Посполитую искать помощи у козаковъ; однимъ словомъ — непосредственныя выгоды добычничества могли сочетаться здѣсь съ болѣе глубокою хитрою политикою.

Таковы характерныя черты козацкой тактики за то время, когда мы можемъ видѣть въ ней влiянiя Сагайдачнаго.

1616—7 годами открывается историческая дѣятельность этого выдающагося козацкаго вождя, хотя, несомнѣнно, его влiянiе и значенiе въ козацкомъ войскѣ восходятъ къ гораздо болѣе раннему перiоду. Однако ни о комъ почти изъ выдающихся украинскихъ дѣятелей этого времени мы не знаемъ такъ мало, какъ о немъ. [1]) Посмертный панегирикъ, написанный по случаю похоронъ Сагайдачнаго ректоромъ братской школы Саковичемъ (Вѣршѣ на жалосный погребъ зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного, гетмана войска е. кор. милости Запорозкого, 1622)—главный источникъ для болѣе ранняго перiода его жизни, говоритъ о немъ очень мало:

Уродился онъ въ краяхъ Подгорскихъ Премысскихъ,
Выхованъ въ вѣрѣ церкви всходней зъ лѣтъ дѣтинскихъ.
Шолъ потомъ до Острога, для наукъ уцтивыхъ
. . . .
Тамъ теды Конашевичъ часъ не малый живши
И наукъ въ письмѣ нашемъ словенскомъ навыкши,
Потомъ видячи ся способнымъ до мензства,
Шолъ до Запорозкого славного рыцерства.
Межи которымъ презъ часъ не малый жиючи
И рыцерскихъ дѣлностей там доказуючи,
Гетманомъ потомъ собѣ войско го обрало
И зъ нимъ менжне Татаровъ и Турковъ бивало.

---

[1]) О Сагайдачномъ: Максимовича Изслѣдованiе о гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ (1843) и Сказанiе о гетманѣ П. Сагайдачномъ (1850)- перепечатаны въ I т. Собр. сочиненiй. Статья въ сборникѣ Антоновича Историческiе дѣятели Юго-Западной Россiи (1885). Лазаревскiй Еще извѣстiе о московскомъ походѣ Сагайдачнаго (К. Стар. 1886, I)—маленькая записка изъ курскаго лѣтописца. Каманинъ Очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго (Чтенiя кiевскiя т. XV и отдѣльно, 1901, съ сборникомъ документовъ); ѣдкая рецензiя на эту статью Т. Корзона въ Kwart. Histor. 1904. О. Чайкiвський, Початки гетьманування П. Сагайдачного, 1906 (Науков. Збiрник присв. М. Грушевському). Наконецъ названная уже статья П. Жуковича Историческiя обстоятельства, и т. д. Всѣ эти статьи однако далеко не использовали матерiалъ и не дали сколько нибудь исчерпывающей характеристики знаменитаго гетмана.

За своего гетманства взялъ въ Турцехъ мѣсто Кафу,
Ажъ и самъ цесаръ турскій былъ въ великимъ страху.
. . . .
Дознавалъ не по единъ кроть Турчинъ поганинъ
Его мензства, и прудковоенный Татаринъ.
Повѣсть и Мултянская земля и Волошинъ,
Якъ ихъ тотъ гетманъ зъ своимъ рыцерствомъ полошилъ.
Досвѣдчилъ и Інфлянтчикъ того войска силы,
Кгды ихъ там рыцеры як траву косилы.
Пулночныи тыжъ краи будутъ памятати
Далго его мужство, бо ся имъ далъ знати,
Велкого звитезства тамъ доказуючи,
Мѣста и городы ихъ моцныи псуючи.
И завше онъ дѣльностю своею въ то трафлялъ,
Якъ бы безъ шкоды своихъ, неприятелювъ досталъ.
А кгды якого мѣста въ христіанствѣ досталъ
Теды церкви въ покою оставляти казалъ.

Изъ помѣщеннаго въ этомъ панегирикѣ рисунка изображающаго Сагайдачнаго на лошади, съ гербомъ Побогъ (подкова съ крестомъ наверху) [1]) выводимъ заключеніе, что по происхожденію онъ былъ шляхтичъ, изъ какой то украинской православной семьи Перемышльской земли. Такъ и Ерличъ, кіевскій мемуаристъ младшаго поколѣнія, объясняя, откуда взялись такія доблести у какого-то козака, пишетъ о немъ: „онъ былъ не простого происхожденія, а шляхтичъ изъ-подъ Самбора“ [2]). (Однако Поляки, авторы хотинскихъ дневниковъ и въ томъ числѣ Собѣсскій, такъ много занимающійся Сагайдачнымъ, не считаютъ его шляхтичемъ—очевидно, Сагайдачный не подчеркивалъ своего дворянства). Если въ Острогѣ онъ учился довольно долго, то въ запорожское войско вступилъ уже не очень молодымъ. Первыми кампаніями, въ которыхъ Сагайдачный принималъ участіе, Саковичъ, какъ видимъ, называетъ молдавскую и ливонскую войны; судя по этому, начало военной карьеры Сагайдачнаго нужно отнести ко времени до 1600 года. Но „историческимъ лицомъ“ онъ становится лишь на склонѣ своей дѣятельности: имя его появляется въ документахъ только начиная съ 1616 г., и даже собственно не годы, а послѣдніе мѣсяцы его жизни и дѣятельности бросаютъ наиболѣе яркій свѣтъ на эту рѣдкую историческую личность, записанную такими похвальными гимнами въ лѣтописяхъ

---

[1]) Рисунки панегирика всѣ воспроизведены въ моей книгѣ: Культурно-національний рух.

[2]) Latopisiec I с. 5.

двухъ враждебныхъ другъ другу сторонъ—православной Руси и католическо-шляхетской Польши. Як. Собѣсскій, одинъ изъ комиссаровъ во время хотинской войны, имѣвшій и во время этой кампаніи и въ предшествующей московской много дѣла съ Сагайдачнымъ и хорошо знавшій гетмана [1]), даетъ слѣдующую характеристику его личности и дѣятельности въ своей исторіи хотинской войны:

„Этотъ Петръ Конашевичъ настолько возвышался надъ своимъ простымъ происхожденіемъ и образомъ жизни своимъ острымъ умомъ, выдающеюся зрѣлостью мыслей, необычайной находчивостью въ словѣ и дѣлѣ, что съ полною справедливостью можетъ быть включенъ потомствомъ въ число наиболѣе выдающихся людей Польши. Сколько ни предводительствовалъ онъ Запорожскимъ войскомъ, всюду, покрытый славою своихъ подвиговъ на сушѣ и морѣ, пользовался онъ чрезвычайнымъ расположеніемъ фортуны. Разбивъ нѣсколько разъ Татаръ въ Перекопскихъ степяхъ, наводилъ ужасъ на Крымъ. Тамъ онъ захватилъ скотъ въ степи, у самой цѣли отобралъ добычу, захваченную на Руси. Когда Владиславъ съ оружіемъ въ рукахъ возвращалъ себѣ право на московское государство, Конашевичъ необыкновенно находчиво, сильно обезкураживъ врага, соединился съ нимъ подъ самою Москвою, столицею государства, обнесъ свои побѣдныя знамена по безконечнымъ его пространствамъ, опустошивъ огнемъ и мечемъ непріятельскія земли, превративъ въ печальныя руины такія чрезвычайно сильные своею позиціею и гарнизономъ города, какъ Елецъ, Шацкъ, Ливны, Калуга. Обремененный богатою добычею, онъ сдѣлалъ свое имя грозою для Московіи, и рыдая отъ такихъ бѣдъ и несчастій, смотрѣла она, какъ его руки забирали ея добро, ея богатства, и причитая пересчитывала тѣ толпы плѣнниковъ разныхъ сословій, разнаго возраста, мужчинъ и женщинъ, которые шли за его колесницами, за его обозомъ.

„Не менѣе прославили имя Конашевича его морскіе походы: и въ этомъ сказывалась его пресловутая фортуна, всегда вѣнчавшая счастливыми результами его пиратскіе походы, и нѣсколько разрушенныхъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Европы и

---

[1]) Нѣкоторыя подробности его характеристики, напр. соображеніе что жизнь Сагайдачнаго сократили его половыя излишества давно уже вызывали извѣстное недовѣріе. При всемъ томъ въ характеристикѣ Собѣсскаго чувствуется много реальнаго.

Азіи, сожженныя окрестности Константинополя и наконецъ рѣдкая изворотливость, проявленная имъ въ этой послѣдней, хотинской войнѣ—все это непрерывно увеличивало его славу среди Турокъ. И вообще это былъ человѣкъ великаго духа, искавшій опасности, пренебрегавшій жизнью, первый въ битвѣ, послѣдній при отступленіи энергичный, дѣятельный. Въ лагерѣ онъ былъ бдителенъ, мало спалъ и не предавался пьянству такъ, какъ это бываетъ вообще среди козаковъ. Зато невоздержно служилъ Венерѣ, и это ускорило его смерть. На совѣщаніяхъ, трезвый или выпившій, онъ былъ остороженъ и во всякихъ разговорахъ скупъ на слова. Оставаясь всегда одинаково вѣрнымъ королю и Рѣчи Посполитой, онъ былъ такъ суровъ, сдерживая козацкое своевольство, что по ничтожнѣйшему поводу безъ жалости проливалъ козацкую кровь, и благодаря этому, возненавидивъ его, буйная толпа неоднократно лишала его старшинства надъ Запорожскимъ войскомъ. Греческую религію и обряды окружалъ онъ чрезвычайно горячимъ почитаніемъ, болѣе чѣмъ суевѣрнымъ, и для перешедшихъ въ лоно римской церкви былъ чрезвычайно упорнымъ и заклятымъ врагомъ; поэтому еще передъ самою его смертью въ обществѣ начали распространяться слухи и подозрѣнія о какихъ то его злыхъ замыслахъ по отношенію къ Рѣчи Посполитой" [1]).

Когда Сагайдачный выступилъ на первый планъ козацкихъ отношеній, остается неизвѣстнымъ. Гетманомъ Саковичъ называетъ его во время похода на Кафу 1616 г. Былъ ли онъ тогда впервые избранъ гетманомъ, разумѣется, трудно сказать, но судя по тому, что Саковичъ не назвалъ какого-либо болѣе ранняго похода, можно подумать, что выборъ на гетманство имѣлъ дѣй-

---

[1]) Собѣскаго Commentariorum belli Chotinensis l. III c. 35—38, польскій и русскій переводы (Мемуары II с. 59) передаютъ эту тираду съ нѣсколькими значительными неточностями. Менѣе интересна, болѣе шаблонна, характеристика у Петриція (с. 119), привожу ее въ сокращенномъ видѣ: „Въ наукахъ не образованный, какъ и большинство козаковъ, зато съ малолѣтства научился онъ натягивать лукъ, не выпускать изъ рукъ оружія и лошади, бороться съ непогодой не покровами, а выносливостью; легко переносить всякую тяготу, голодъ и трудъ; не бояться врага и въ опасности проявлять мужество; и поэтому на совѣщаніяхъ, когда его спрашивали о способѣ веденія войны, то тамъ, гдѣ другіе разсуждали болѣе теоретически, онъ удивительно разбирался благодаря прирожденному уму и продолжительному военному опыту".

ствительно мѣсто не много ранѣе 1616 г., послѣ долгой и славной, полной „рыцарскихъ подвиговъ“ военной карьеры [1]). Будучи представителемъ партіи „старшихъ“ и „солиднѣйшихъ“, онъ не разъ, даже и въ это „историческое“ время своей дѣятельности, 1616—1622, долженъ былъ уступать мѣсто вождямъ своевольниковъ, на время захватывавшихъ въ свои руки булаву—какъ это имѣло мѣсто въ 1617, а потомъ и въ 1620 году (быть можетъ и чаще). Но своего вліянія и значенія онъ не утрачивалъ и, давъ отшумѣть своевольной бурѣ, онъ снова бралъ въ свои руки общее управленіе. Мѣрою такого неофиціальнаго вліянія его служатъ событія 1620 года, когда булава переходитъ въ руки вождя своевольниковъ, но Сагайдачный продолжаетъ оставаться во главѣ городового войска и осуществляетъ дѣло, окружившее его безсмертною славою въ глазахъ украинскаго общества—возобновленіе іерархіи.

Своимъ союзомъ съ духовными и свѣтскими кругами украинской интеллигенціи, покровительствомъ и живымъ участіемъ въ церковно-національныхъ стремленіяхъ ея, Сагайдачный снискалъ ея уваженіе и горячую, необыкновенную признательность. Въ своемъ панегирикѣ Саковичъ прославляетъ Сагайдачнаго въ такихъ выраженіяхъ:

в нем залецаю
При мензствѣ вѣру его, въ которой статечне
Трвалъ, заставляючи ся за ню досыть сердечне.
И завше зъ своимъ войскомъ короля пана просилъ
Абы вѣру нашу святую успокоилъ,
Офѣруючи ся му тымъ хентнѣй служити,
Кгды бы рачилъ релію нашу успокоити.

Но въ широкихъ массахъ козачества и народа его компромиссная политика, ея цѣль и результаты не могли быть соотвѣтственно оцѣнены, и среди нихъ популярнымъ Сагайдачный вѣроятно никогда не былъ, несмотря на то, что козачество во многомъ было обязано ему своимъ могуществомъ и ростомъ своего престижа. Этимъ объясняются частыя движенія, направленныя противъ него.

В устахъ народа сохранилось одно имя Сагайдачнаго, утративъ всякую реальность, всѣ индивидуальныя черты, но отъ тѣхъ популярныхъ вождей, которые противоставлялись ему мас-

---

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи, датируя походъ на Кафу 1606 годомъ, относили и начало гетманства Сагайдачнаго къ болѣе раннему времени, 1604—5 гг.

сами, народная память не сохранила до нашего времени даже голаго имени [1]).

Козацко-польскія отношенія послѣ комиссіи 1617 г. носятъ характерныя черты политики Сагайдачнаго.

Принимая требованія комиссіи, онъ могъ разсчитывать навѣрное, что всѣ постановленія ея не будутъ имѣть никакого значенія въ виду плановъ московской войны, занимавшихъ короля.

Правительственные круги, исполняя королевскую волю, склоняли козаковъ къ участію въ этой кампаніи. Еще до сейма ведутся объ этомъ переговоры. Левъ Сапѣга, одинъ изъ главныхъ вдохновителей московской кампаніи, отправляясь на сеймъ, послалъ къ козацкимъ старшинамъ своего агента—склонить ихъ къ участію въ войнѣ: чтобы они какъ можно скорѣе послали свое войско въ московскія земли на помощь королевичу. Когда Сапѣга возвращался съ сейма, въ Слонимѣ встрѣтилъ его посолъ съ отвѣтомъ: козаки готовы двинуться на войну по первому приказанію короля. Такой приказъ, разумѣется, имъ былъ данъ, а сеймъ, по иниціативѣ Сапѣги, ассигновалъ козакамъ 20 тыс. зл., и эти

---

[1]) Имѣю въ виду извѣстный маршъ: „Ой на горі та женці жнуть“, гдѣ фигурируетъ

Сагайдачний,
що проміняв жінку
на тютюн на люльку,
необачний!

Въ виду того, что здѣсь онъ фигурируетъ рядомъ съ Дорошенкомъ, въ исторической литературѣ высказывались сомнѣнія, говорится ли здѣсь о гетманѣ Сагайдачномъ, или о болѣе позднемъ запорожскомъ кошевомъ того же имени. Каманинъ въ своей статьѣ о Сагайдачномъ высказался противъ такого предположенія, стараясь доказать, что эта пѣсня вполнѣ соотвѣтствуетъ реальнымъ фактамъ Хотинской войны и характеру Сагайдачнаго. Новѣйшая полемика по этому вопросу въ кіевскихъ Запискахъ (Б. Гринченко: Пісня про Дорошенка і Сагайдачного въ I т., І. Каманин: Ще за пісню про Петра Сагайдачного въ т. II, и резюме въ протоколахъ т. I с. 154—5). Я думаю, что въ пѣснѣ имѣемъ имя гетмана Сагайдачнаго, но только голое имя, оторванное отъ реальныхъ историческихъ условій и механически связанное съ характеристикою типичнаго забулдыги-Запорожца. Въ текстѣ пѣсни въ сборникѣ 1713 г., изданномъ проф. Перетцомъ (Замѣтки и матеріалы по исторіи пѣсни въ Россіи. Извѣстія петерб. академіи, 1901 кн. II) къ имени Сагайдачнаго еще не приложена эта характеристика, но и тутъ уже (въ формѣ: Сагайдачникъ) оно совершенно оторвано отъ реальной обстановки и анахронически связано съ именемъ Дрозденка, дѣятеля 1660 гг.

деньги были имъ отосланы для лучшаго настроенія [1]). Тѣмъ самымъ данъ былъ новый толчокъ для мобилизаціи всякихъ военныхъ элементовъ. На Украинѣ началась вербовка козацкихъ полковъ; разные авантюристы, призванные и еще больше—непризванные къ этому, „поднесши хоронкгевъ и зобравши до себе людей люзныхъ свовольныхъ“, говоря словами современнаго акта, не торопясь въ Москву, занялись набѣгами, собираніемъ контрибуцій. Другіе двинулись въ земли в. кн. Литовскаго, и уже въ началѣ января на сеймъ въ Вильну пришло извѣстіе, что „низовые козаки“ вступили немалыми отрядами, чиня всякіе убытки и насилія надъ населеніемъ и расположились лагеремъ гдѣ-то недалеко отъ Полоцка [2]). Одинъ изъ ограбленныхъ полѣсскихъ помѣщиковъ слѣдующимъ образомъ описываетъ эту новую вспышку украинскаго своевольства—„во время своеволія, когда гулящее козачество, подъ предлогомъ отправленія въ экспедицію московскую, якобы до королевича его милости, своевольно собирало банды и безъ позволенія его кор. милости гетмана великаго короннаго распуская знамена, только земли ѐ. кор. милости: Украину, Полѣсье и Литву опустошали“ [3]).

Эта вспышка своеволія, несомнѣнно, была однимъ изъ мотивовъ, съ новою силою пробудившихъ отрицательное отношеніе общества къ московскимъ планамъ короля и вызвавшихъ сеймовое постановленіе, дававшее только годъ сроку для ликвидаціи московскаго эпизода. Она же оказала вліяніе и на рѣшительность сеймовыхъ комиссаровъ, вопреки намѣреніямъ короля и королевича въ самомъ разгарѣ прервавшихъ кампанію съ Москвою мирнымъ договоромъ. Она же подлила масла въ огонь польско-козацкихъ отношеній—усиливъ раздраженіе шляхты противъ козацкаго своеволія. Волынская шляхта уже весной двинулась поголовно и занялась разгономъ своевольныхъ бандъ [4]). То же самое рекомендовалъ король и кіевской шляхтѣ въ маѣ мѣсяцѣ, когда она обратилась къ нему съ жалобами на набѣги, незаконные поборы и грабежи со стороны разныхъ предводителей своевольныхъ бандъ [5]).

---

[1]) Kobierzycki Historia Vladislai c. 560—1; нѣсколько записокъ о выдачахъ денегъ посламъ къ козакамъ—рукоп. Публ. библ. у Жуковича II с. 65.

[2]) Archiwum Radziwiłłów c. 261.

[3]) Архивъ Ю. З. Р. III № 62—66, 68, 71, Матеріалы, относящіеся къ гетманству Сагайдачнаго № 28, 36.

[4]) Архивъ Ю. З. Р. III I с. 25. [5]) Ibid № 70.

Тѣмъ временемъ низовое козачество накликало на Польшу новые страхи со стороны Татаръ и Турокъ. Кажется, еще осенью 1617 г. имѣлъ мѣсто какой-то козацкій походъ на море: козаки причинили Туркамъ много убытковъ и разбили турецкій флотъ, причемъ погибъ и самъ адмиралъ, какой-то большой паша, родственникъ султана [1]). Затѣмъ весной имѣемъ извѣстіе о крупной экспедиціи донскихъ козаковъ; враги Польши говорили, что эту экспедицію подстроила Польша и въ ней принимали участіе козаки изъ Польши [2])—послѣднее вполнѣ вѣроятно.

Результатомъ прежде всего были набѣги Татаръ, которымъ къ тому еще не была уплачена и обѣщанная контрибуція. Первый набѣгъ произошелъ въ маѣ, и Жолкевскій, несмотря на свои незначительныя силы, съумѣлъ дать ему отпоръ. Но во второмъ нападеніи, въ концѣ лѣта, принимали участіе гораздо болѣе значительныя силы, такъ что Жолкевскій не рѣшился выступить противъ орды, и „басурманинъ", по словамъ королевской инструкціи, „углубившись въ Покутье, огнемъ и мечомъ разорялъ и забиралъ людей въ свою мерзкую неволю, такъ что у этихъ хищниковъ уже, вѣроятно, ни рукъ для грабежа, ни лыкъ для связыванія не хватало, а что всего прискорбнѣе—онъ уже, какъ бы пренебрегая людьми низшаго сословія, немилосердно наполнялъ свои хищническія руки лишь шляхетскою кровью: сколько взято почтенныхъ людей, сколько обезчещено дѣвушекъ, сколько оцѣнено на неслыханныя цѣны (для выкупа)—стыдно вспомнить и сказать" [3]). А вслѣдъ за ордою къ границамъ Польши двинулся снова Искандеръ-паша съ турецкимъ войскомъ; по свѣдѣніямъ, имѣвшимся у Жолкевскаго, татарскій набѣгъ былъ извѣстнаго рода стратегическимъ маневромъ и имѣлъ цѣлью открыть дорогу турецкому войску и Жолкевскій до поздней осени стоически оставался подъ Орининымъ, заграждая дорогу Туркамъ. Разныя постороннія обстоятельства отвлекли Искандеръ-пашу отъ наступленія, и пассивность Жолкевскаго вызвала сильное недовольство въ шляхетскихъ кругахъ [4]).

---

[1]) Pisma c. 342, время этого похода Жолкевскій опредѣляетъ лишь приблизительно: послѣ трактата, заключеннаго подъ Подбилымъ; такъ онъ называетъ соглашеніе подъ Бушею-Яругою имѣвшее мѣсто въ сентябрѣ 1617 г. (ср. тамъ же с. 395).

[2]) Жерела VIII № 193. [3]) Ibid. c. 198.

[4]) Pisma Żółkiewkiego c. 342—347, 493–6, 432—3, Жерела VIII № 133, хроника Пясецкаго с. 370—1.

Низовое войско, послѣ долгихъ приглашеній, обѣщаній, уговоровъ, напоминаній двинулось въ московскія земли лишь лѣтомъ. Велъ его Сагайдачный, было въ немъ „больше 20 тысячъ козаковъ самого отборнаго войска“ [1]). Оно двигалось черезъ Сѣверскія земли на Путивль, Елецъ, Лебедянь, Шацкъ, Коломну, завоевывая замки, разрушая города, [2]) подъ Москву, гдѣ должно было соединиться съ войскомъ королевича, медленно двигавшимся туда же изъ Смоленскихъ земель, въ ожиданіи козаковъ.

Московское войско, высланное для того, чтобы преградить козакамъ дорогу, не сумѣло этого сдѣлать, и Сагайдачный свободно прошелъ подъ Москву. Извѣстіе о приближеніи козацкаго войска, пришедшее въ польскій лагерь въ серединѣ сентября, было встрѣчено тамъ съ особеннымъ удовольствіемъ: „при чрезвычайно тяжелыхъ для войска обстоятельствахъ, эта неожиданная какъ бы съ неба посланная помощь наполнила души всѣхъ необычной радостью“, пишетъ участникъ похода [3]): послѣ долгихъ ожиданій Поляки потеряли было уже всякую надежду на козаковъ и не имѣли отъ нихъ никакихъ извѣстій. Королевичъ осыпалъ козацкихъ пословъ подарками, а Сагайдачному черезъ своего посла, мстиславскаго войскового Мадалинскаго тоже послалъ богатые подарки, булаву, знамя и бубны. Козацкому войску поручено было пройти подъ Тушино и соединиться тамъ съ польскимъ войскомъ, что Сагайдачный и сдѣлалъ, удачно оттѣснивъ московское войско, и на торжественной аудіенціи передалъ королевичу взятыхъ въ плѣнъ московскихъ комендантовъ Ельца и Ливенъ и перехваченныхъ по дорогѣ московскихъ пословъ, направлявшихся съ письмами въ Крымъ. Послѣ этого тотчасъ же, на другой день (подъ 1 октября) была произведена ночная атака на Москву. Но

---

[1]) Kobierzycki Historia Vladislai с. 558

[2]) Городу Михайлову, однако, удалось отбиться отъ Сагайдачнаго, какъ повѣствуетъ мѣстная повѣсть: „всепагубный врагъ Сагайдачный съ остальными Запороги своими отъиде отъ града со страхомъ и скорбію, а жители богохранимаго града Михайлова совершаютъ по вся лѣта торжественныя празденства въ тѣ дни: въ первый приступный день (день первой атаки) августа въ 17 день чудо архистратига Михаила, а объ отшествіи отъ града Запорогъ августа въ 27 день празднуютъ великому чудотворцу Николѣ“ (Кіев. Старина 1885, XII с. 689). Это небольшое pendant къ чуду св. Яна изъ Дукли, тридцать лѣтъ спустя сохранившаго Львовъ отъ Хмельницкаго.

[3]) Kobierzycki l. с.

въ Москвѣ узнали о ней заранѣе, и благодаря этому, а также и нѣкоторымъ неожиданнымъ распоряженіямъ польскихъ вождей приступъ не удался [1]).

Несмотря на это приходъ козаковъ и ихъ приступъ, хотя и и неудачный, произвели свое впечатлѣніе въ московскихъ кругахъ, и посланные сеймомъ для выработки трактата комиссары, которые все время вели свои переговоры, поспѣшили использовать впечатлѣніе, чтобы подвинуть свои торги. Московское правительство стало болѣе уступчивымъ къ польскимъ требованіямъ, и комиссары, стараясь исполнить желаніе сейма—въ теченіе года ликвидировать московскій вопросъ, начали торопиться съ соглашеніемъ вопреки желаніямъ короля. Сигизмундъ, чтобы получить разрѣшеніе на дальнѣйшее веденіе войны, назначилъ новый сеймъ на начало 1619 г. Королевичъ со своими приближенными собирался зимовать въ московскихъ земляхъ, чтобы весною, съ новыми средсавами продолжать компанію. За продолженіе войны стоялъ и Сагайдачный, который послѣ неудачнаго приступа подъ Москву отправился къ Калугѣ, взялъ и раззорилъ ее и теперь прислалъ къ королевичу козацкаго полковника Путивльца съ представленіемъ, „чтобъ имъ изъ московской земли не выходить“. И отъ донскихъ козаковъ также приходили послы къ королевичу съ заявленіемъ, что они хотятъ помогать ему въ дальнѣйшей войнѣ. Но комиссары, не взирая на эти планы и желанія, всѣми силами старались довести до перемирія, которое и было заключено черезъ два мѣсяца послѣ приступа подъ Москву въ с. Деулинѣ на 14 лѣтъ. Московское правительство уступило польско-литовскому государству его завоеванія, Смоленскую и Сѣверскую области: Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Почепъ, Трубчевскъ. Путивль, Рыльскъ, Сѣвскъ стали пограничными городами

---

[1]) Kobierzycki c. 559—6. J. Ossolinskiego Autobiografia c. 70-2 (дата невѣрная). Ивановъ Описаніе разряднаго архива с. 283 (московскія офиціальныя записки). Максимовичъ въ своей біографіи Сагайдачнаго (Собр. сочин. I 362) нарисовалъ картину (правда—въ формѣ догадки), какъ Сагайдачный въ рѣшительный моментъ поколебался въ своемъ намѣреніи—добывать штурмомъ православную Москву для иновѣрныхъ Поляковъ—„когда Москва звономъ колоколовъ своихъ позвала провославный народъ къ заутренѣ на праздникъ Покрова, и руки осаждавшихъ ее козаковъ невольно поднялись на крестное знаменіе“. Эту сантиментальность стараго историка ѣдко высмѣялъ потомъ Кулишъ.

Московскаго государства. На время перемирія кор. Владиславъ обязывался оставить всякія попытки овладѣть московскою короною, Рѣчь Посполитая—не помогать ему ни въ чемъ. Но вывести изъ Московскихъ земель козаковъ—этого польскіе комиссары не хотѣли взять на себя, быть можетъ и не разсчитывали на повиновеніе со стороны козаковъ, а быть можетъ—открывали себѣ возможность козацкаго похода, въ случаѣ надобности.

Этимъ трактатомъ московское предпріятіе, вопреки желаніямъ короля и двора, было похоронено на долгое время. Достигнувъ мира на восточной границѣ, Польша могла подумать о безопасности южной, жившей послѣдніе время изъ года въ годъ такой тревожной и полной опасностей жизнью. Сеймъ, перенесенный съ осени 1618 г. на начало 1619 главнымъ образомъ для рѣшенія московскаго вопроса, обратилъ главное вниманіе уже на опасность съ юга, на которую на цѣломъ рядѣ сеймовъ указывалъ Жолкевскій. Имѣемъ широко начерченный имъ планъ мобилизаціи военныхъ силъ и военныхъ операцій для обезпеченія южной границы [1]: Жолкевскій проэктировалъ довести численность польскаго войска до 100 тыс., использовать козацкія силы, захватить черноморское побережье и земли по Дунаю—Тягинъ, Бѣлгородъ, Килію, и вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, снова поставить въ вассальныя отношенія Молдавію. Сеймъ не захотѣлъ итти такъ далеко въ помощи государству, но все-таки вотировалъ довольно значительные кредиты, принялъ организацію повѣтового войска и всеобщее ополченіе въ случаѣ нужды [2]; цѣль не называлась, чтобы не дразнить врага, но несомнѣнно, что здѣсь имѣлась въ виду опасность со стороны Турціи. Поручено было использовать для этой цѣли и козацкое войско, какое будетъ принято на службу государства. При этомъ сеймъ дипломатично далъ королю и гетману только въ общихъ чертахъ порученіе позаботиться объ усмиреніи своевольства, уменьшеніи козацкаго войска и установленіи для него опредѣленнаго числа, такъ какъ козаки нужны были „для нуждъ текущаго момента“ и было бы не тактично дразнить ихъ какими-либо репрессивными постановленіями [3].

Весною Жолкевскій началъ мобилизацію силъ на южной границѣ съ цѣлью произвести на Турокъ соотвѣтствующее впечат-

---

[1]) Жерела VIII № 139.
[2]) Volum. legum III с. 169, 170, 171.
[3]) Ibid с. 170.

лѣніе. Вѣроятно, она въ самомъ дѣлѣ предотвратила дальнѣйшія военныя демонстраціи со стороны Искандеръ-паши, высланнаго снова на границы Польши, а новый молдавскій господарь Каспаръ Граціанъ взялъ на себя роль посредника между Жолкевскимъ и Искандеръ-пашою, и въ результатѣ послѣдніе общими стараніями пришли къ „почетному и выгодному соглашенію“ [1]).

Козаки, кажется, не принимали участія въ этой мобилизаціи; офиціально они взяли на себя роль лѣваго крыла—защиты Украины отъ Татаръ [2]), неизвѣстно только, по порученію ли польскаго правительства, или по собственной инціативѣ—чтобы уклониться отъ похода на Турокъ. Но въ результатѣ они, кажется, двинулись весною въ морской походъ: Искандеръ-паша въ маѣ сообщалъ объ этомъ Граціану—что козаки пошли въ большомъ числѣ и подходили на чайкахъ подъ Тягинь [3]). Очевидно, походъ этотъ имѣлъ какое-то отношеніе къ Молдавіи, такъ какъ молдавскій и валашскій воеводы, желая обезпечить себя отъ хлопотъ съ козаками, рѣшили откупиться отъ нихъ,—подобно тому, какъ Поляки откупились ежегодною контрибуціей отъ Татаръ. Объ этомъ Граціанъ писалъ Жолкевскому, но послѣдній рѣшительно протестовалъ противъ такой тактики, такъ какъ подобный выкупъ лишь больше раздразнитъ козацкіе аппетиты: „противъ этихъ разбойниковъ нужно пустить въ ходъ оружіе“, писалъ онъ. „И прежде, когда число ихъ слишкомъ увеличивалась, также не было другого способа водворить среди нихъ порядокъ, какъ только сила и оружіе, и мнѣ послѣ всѣхъ безплодныхъ усилій пришлось ихъ разбить и разгромить въ нѣсколькихъ кровавыхъ битвахъ“ (рѣчь идетъ о 1596 г.) „И теперь нѣтъ иного выхода, и еслибъ только не мѣшали турецкіе и татарскіе походы, то обѣщаю искренне—мы найдемъ мѣры для обузданія и приведенія къ порядку этихъ злодѣевъ“ [4]). Только бы не затянулись переговоры съ Турками, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—„будетъ

---

[1]) Pisma с. 761—ркп. Публ. библ. Пол. F. IV л. 182.

[2]) Pisma с. 351.

[3]) Pisma с. 402; Жолкевскій не вѣрилъ этому извѣстію; но возможно, что упоминаніе въ раставицкихъ постановленіяхъ о недавнемъ походѣ на море нужно отнести къ этому походу.

[4]) Pisma с. 404. Жуковичъ ошибается усматривая въ этомъ письмѣ заявленіе Жолкевскаго, что онъ, задаривъ козаковъ, удержалъ ихъ отъ морского похода (III с. 3).

еще достаточно времени, чтобы закончивъ дѣла между собою ударить на злодѣевъ козаковъ“ [1]).

Дѣйствительно, полагаясь на то, что при посредствѣ Грацiана, все больше склонявшагося на сторону Польши и подпадавшаго подъ польскiя влiянiя, отношенiя съ Турками будутъ улажены, Жолкевскiй еще лѣтомъ началъ готовиться къ походу на козаковъ. Какъ въ предшествующiй разъ онъ задумывалъ застать ихъ врасплохъ неожиданнымъ походамъ,—такой же тактики держалось теперь и правительство. Въ iюнѣ с. с. король отправилъ къ козакамъ посла съ грамотами, точное содержанiе которыхъ неизвѣстно, кромѣ того что Жолкевскiй считалъ эту посылку очень полезною, такъ какъ она должна была отвлечь вниманiе козаковъ и успокоить ихъ, пока Жолкевскiй съ комиссарами двинется на нихъ подъ предлогомъ операцiй противъ Турокъ. Съ своей стороны онъ совѣтовалъ козакамъ итти съ днѣпровскихъ перевозовъ на Запорожье, или отправить туда нѣсколько тысячъ войскъ, „такъ какъ и безъ того ихъ очень много“ — лишь бы не шли на море [2]). Съ другой стороны, въ правительственныхъ кругахъ считали нужнымъ оказать вниманiе „болѣе солиднымъ“ козацкимъ кругамъ и ихъ вождю Сагайдачному и дать имъ понять, что правительство дѣлаетъ различiе между козацкимъ своевольствомъ и его лойяльными элементами. Такова была, очевидно, цѣль королевской грамоты, данной 13 (23) iюля на имя Сагайдачнаго [3]). Въ ней король выражаетъ свое удовольствiе и благодарность Сагайдачному по поводу оказанныхъ имъ и войскомъ Запорожскимъ заслугъ въ послѣдней московской войнѣ, а также старанiй его и „его старинныхъ товарищей“ относительно обузданiя своевольныхъ козаковъ. „И теперь на волости“, читаемъ здѣсь, „онъ сдерживаетъ и караетъ войско Запорожское, особенно же тѣхъ, которые не принадлежа къ Запорожскому войску, лишь носятъ это имя; другимъ—привыкшимъ своевольно пробираться и разстраивать отношенiя съ турецкимъ императоромъ—онъ запрещаетъ ходить на Чорное море и оказываетъ вмѣстѣ съ другими своими старинными товарищами всякое расположенiе и предупредительность намъ и Рѣчи Посполитой“. Однако и по отношенiю къ этимъ лойяльнымъ элементамъ правительство не рѣшилось на ка-

---

[1]) Pisma с. 401. [2]) Ibidem с. 351.
[3]) Издана въ Кiев. Старинѣ 1902 кн. XI.

кое-либо реальное выраженіе своей благосклоности и въ этой грамотѣ король обѣщаетъ лишь свою милость и покровительство Сагайдачному, его роднымъ и потомству!

Въ такихъ пересылкахъ прошло лѣто, а уже 24/VIII (3/IX) король издалъ универсалъ, назначая длинный рядъ украинскихъ магнатовъ помѣщиковъ и польскихъ ротмистровъ въ комиссію противъ козаковъ. „Въ виду того, что предшествующія условія не были выполнены, а число козаковъ, чѣмъ дальше, все болѣе возрастаетъ, такъ что эта сила не только можетъ поссорить насъ съ невѣрными, но и вызвать внутреннія междоусобія“—комиссіи поручалось войти съ козаками въ переговоры, „чтобы эти своевольники, которые и своихъ старшихъ часто не слушали, были обузданы и чтобы былъ у нихъ заведенъ порядокъ и повиновеніе“, и т. д. [1]).

Но и на этотъ разъ, даже еще меньше, чѣмъ въ предшествующій, удалось застать козаковъ врасплохъ. Репрессивныя намѣренія правительства не были для нихъ тайною. Въ придворныхъ варшавскихъ кругахъ разсказывали, что козаки перехватили переписку Жолкевскаго съ Искандеръ-пашею и узнали объ обѣщаніяхъ, какія дѣлались турецкому правительству объ усмиреніи козаковъ; услышавъ о нихъ, козаки тотчасъ двинулись—одни говорили, что они собираются итти съ оружіемъ въ рукахъ на Украину, другіе,—что они задумали соединиться съ Татарами [2]). Когда въ концѣ сентября Жолкевскій со своимъ войскомъ и комиссарскими полками пришелъ по прошлогоднему подъ Паволочь, на Раставицу,—козацкое войско придвинулось почти къ самой Бѣлой Церкви и расположилось лагеремъ на р. Узени. Но его было не такъ много, немногимъ болѣе десяти тысячъ вмѣстѣ съ артиллеріею. Силы Жолкевскаго и комиссаровъ въ точности неизвѣстны. Изъ огромнаго числа комиссаровъ-магнатовъ на этотъ разъ лично явились русскій воевода Даниловичъ, вновь назначенный кіевскій воевода Томашъ Замойскій (сынъ канцлера), Станиславъ Конецпольскій, также вновь назначенный польнымъ гетманомъ, и каменецкій и брацлавскій староста Калиновскій. Послѣ переговоровъ съ прибывшими изъ козацкаго лагеря, по приглашенію комиссаровъ, козацкими делегатами была выработана комис-

---

[1]) Pisma c. 329.

[2]) Письма Януша Радзивилла—Публ. библ. Пол. F. IV № 202 с. 349; не совсѣмъ точно у Жуковича III с. 4.

сарская декларація, и съ нею въ козацкій лагерь отправились для дальнѣйшихъ переговоровъ комиссарскіе делегаты.

Въ основу своей декларации комиссары положили предшествующую, ольшаницкую декларацію, и послѣ предварительныхъ переговоровъ, въ качествѣ ультиматума, поставили слѣдующія требованія: согласно вышеупомянутой ольшаницкой декларации, козаки должны исключить изъ войска всѣхъ не принадлежащихъ людей, приставшихъ къ козацкому войску за послѣднія пять лѣтъ, и принять то число реестрового войска, какое имъ затѣмъ опредѣлитъ король; должны быть прекращены походы на море, уничтожены еще оставшіяся лодки и наказаны участники послѣднихъ морскихъ походовъ; козаки признаютъ старшимъ, кого назначитъ имъ коронный гетманъ. Комиссары, съ своей стороны, дѣлали только одну уступку—увеличивали цифру ежегодной платы козакамъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, принимали и увеличеніе козацкаго реестра): съ 1620 г. козацкое войско должно было получать въ годъ 40 тыс. злотыхъ (вмѣсто прежнихъ 10 тыс. злотыхъ и 700 поставовъ сукна). При этомъ было заплачено войску жалованье за предшествующій и текущій годы, 20 тыс. злотыхъ за московскую службу и отдѣльно еще около 4 тыс. злотыхъ на пушки и для старшинъ „за покорность, проявленную ими“ [1]).

Эти значительныя суммы денегъ, выплаченныя въ такой моментъ, несомнѣнно имѣли значеніе масла, вылитаго въ бушующія волны. Золотой капсюль подсластилъ горькую пилюлю, которую польское правительство, использовавъ козачество до послѣдней возможности въ послѣдней московской кампаніи, преподнесло ему теперь, въ увѣренности, что больше ему не придется нуждаться въ козакахъ. Помогъ онъ и козацкимъ старшимъ склонить козацкія массы къ уступкамъ правительственнымъ требованіямъ, чтобъ не вызвать дальнѣйшаго обостренія конфликта. Однако, переговоры и торги тянулись долго. „Было не мало тергиверсацій (увертокъ)“, писалъ королю Жолкевскій по окончаніи дѣла: „ставили и хотѣли включить въ свой ‚реверсалъ‘ то одно, то другое, а особенно настаивали—и это отняло много времени—на такой оговоркѣ: еслибы имъ за какой-либо годъ не заплатили жалованья, то они имѣютъ право итти для добычи на море; ушло больше недѣли на сношенія съ ними и пересылки, но всетаки дѣло кончилось на томъ, что содержатъ въ себѣ эти

---

[1]) Pisma c. 362.

постановленія“ [1]). Имѣя при себѣ большія силы, не нуждаясь, какъ въ предшествующемъ году, въ козацкой помощи и расположеніи, комиссары на этотъ разъ держались по отношенію къ козакамъ рѣзче и непримиримѣе и угрожали войною, если козацкое войско не приметъ ихъ условій. „Къ такому сокрушенію въ значительной степени привело ихъ то, что видѣли передъ собою королевское войско: хоть и тяжела была осенняя непогода, снѣга, дожди и морозы—дня не проходило безъ ненастья,—войско сносило эти невзгоды; слышали они угрозы, что если не захотятъ подчиниться волѣ и наказамъ короля, королевскіе солдаты готовы поступить съ ними, какъ съ врагами, и благодаря этому дѣло приняло такой благопріятный для Рѣчи Посполитой оборотъ“, писалъ Жолкевскій [2]).

Итакъ, пріятный звонъ золота и самоувѣренное бряцанье польскихъ сабель, съ другой стороны, рѣшили дѣло. Козацкіе старшины, не надѣясь выиграть въ вооруженной борьбѣ съ Рѣчью Посполитой, а въ случаѣ неудачи рискуя потерять все то, что оставляли ей комиссарскія предложенія, рѣшили подчиниться и во чтобы то ни стало избѣжать конфликта.

Донесеніе польскихъ делегатовъ, посланныхъ въ козацкій лагерь для переговоровъ, отъ 5 (15) октября [3]), даетъ намъ нѣсколько характерныхъ подробностей этихъ переговоровъ и кое-какія бытовыя детали, такъ что стоитъ привести изъ него наиболѣе интересныя мѣста. „Мы поѣхали къ нимъ, когда только что разсвѣло, и застали ихъ за снаряженіемъ войска. Остановили насъ, не давъ переѣхать плотину на Узени: просили, чтобъ мы подождали, пока они построятъ полки. Долго передвигали полки на гору и за гору, долго суетились, и наконецъ прислали къ намъ, чтобъ мы ѣхали переписывать войско. Въ то же время и самъ гетманъ Сагайдачный приближался къ намъ; мы приблизились къ нему и сказали, что намъ важно не то, чтобъ мы войско переписали, а чтобы пришли къ соглашенію и комиссію закончили: вамъ передали ее (декларацію комиссаровъ), а отъ васъ взяли реверсалъ. Тогда они усиленно просили если не писать, то хотя посмотрѣть, и съ этой оговоркой мы поѣхали. Поставили они одиннадцать полковъ; почти всѣ были съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, рѣдкіе съ луками: на нашъ взглядъ ихъ могло быть око-

---

[1]) Pisma c. 361. [2]) Ibidem c. 362—3.
[3]) Рукоп. библ. Замойскихъ.

ло 8000. Подали намъ реестръ своей переписи, въ которомъ стояло 10.600. Полки по порядку давали залпы. Потомъ подвели насъ къ артиллеріи; при ней было приблизительно около 200 ч. пѣхоты. Дали выстрѣлы, стрѣляли изъ пушекъ. Потомъ повернули полки къ обозу, показывая ихъ намъ, и такъ каждый шелъ къ своему посту. Сагайдачный сойдя съ коня, просилъ насъ откушать. По просьбѣ нашей вскорѣ потомъ забили въ бубны, призывая на раду; потерявъ немного времени на ѣду, отправились мы на совѣщаніе. Тамъ признали, что видѣли у нихъ боевую готовность и похвалили ее; передали благодарность вашей милости (Жолкевскаго). По пунктамъ склоняли мы ихъ къ постановленіямъ комиссіи; доказывали, что здѣсь въ такомъ собраніи, среди шума, въ такой большой массѣ ни до чего нельзя договориться. Тогда они разрѣшили, чтобы Сагайдачный съ нѣсколькими десятками удалился вмѣстѣ съ нами. Прежде всего они не согласились брать деньги во Львовѣ, а въ Кіевѣ, на св. Илью, праздникъ русскій (по старому календарю), четыре недѣли спустя послѣ св. Ивана. Во-вторыхъ—просятъ, чтобъ изъ шляхетскихъ владѣній выходить имъ до того же праздника св. Ильи, и на это мы рѣшили согласиться. Въ третьихъ, когда мы передали имъ волю вашей милости (гетмана Жолкевскаго), чтобъ ихъ войска осталось только 3000,—на этомъ никакъ не хотѣли успокоиться. Говорили: „мы уже исключили 5000 непринадлежащихъ къ войску и остались одни, и это ничего не будетъ стоить королю и Рѣчи Посполитой сверхъ назначенныхъ намъ 40 тыс. золотыхъ; распустивъ разъ, уже не соберешь насъ больше въ такой массѣ,—а не дай Богъ, если какая нибудь внезапная опасность постигнетъ Рѣчь Посполитую отъ непріятеля?! а мы ихъ (сверхъ 3000) будемъ содержать на ту же плату, не собирая стацій ни откуда,—хоть бы и по грошу, будемъ дѣлиться съ ними; и такимъ образомъ болѣе сильными будемъ для отпора непріятелю, легко намъ будетъ и своевольныхъ изъ своей среды сдерживать, и походы на море прекратимъ“. Секретно увѣряли насъ: „мы теперь въ нашемъ сборѣ громко говоримъ, что всѣ такъ и останутся, а распустивъ, потомъ легче, безо всякихъ замѣшательствъ и опасности кровопролитія и междоусобій скоро выпишемъ (излишнихъ),—а еслибы теперь объявили опредѣленное число, никакъ не избѣжали бы (кровопролитія)“. Отъ присяги отказываются, говорятъ: „Если мы хранимъ словесное обѣщанье или подавая руку Татарамъ, то его кор. мил., пану на-

шему милостивому сдержимъ тѣмъ болѣе, давъ согласіе и обязательство наше письменно, съ печатью и приложеніемъ рукъ, и по рыцарски, по принятому у насъ обычаю, какъ было и на Ольшанкѣ, подтвердимъ (соглашеніе), подписавъ реверсалъ комиссіи". Видя, что имъ хотѣлось уже разойтись, мы, чтобъ задержать ихъ и увеличить надежду на болѣе вѣрное постановленіе, сказали отсчитать на завтра для нихъ деньги". Тѣмъ временемъ просятъ комиссары у гетмана инструкцій, какъ быть съ этими пожеланіями козаковъ.

Итакъ видимъ, во-первыхъ, что послѣ того, какъ козацкое войско приняло и исполнило требованіе объ исключеніи всѣхъ „непринадлежащихъ къ войску людей", вступившихъ за послѣднія пять лѣтъ, комиссары поставили требованье, чтобы козацкое войско было сведено къ 3 тысячамъ. Это было большой уступкой съ польской стороны, послѣ того какъ житомирская декларація 1617 г. проэктировала ограничить козацкое войско одною тысячею; но послѣ того, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Рѣчь Посполитая пользовалась помощью двадцатитысячнаго козацкаго корпуса, это требованіе было совсѣмъ безцеремоннымъ. Козаки не хотѣли принять этой цифры, какъ слишкомъ ничтожной, и не хотѣли произвести сейчасъ „выписки", говоря, что это привело бы къ волненіямъ. Въ концѣ концовъ рѣшено перепись отложить, провести ее въ городахъ, а точное опредѣленіе цифры козацкаго войска предоставить королю; всѣ выписанные должны были лишиться правъ на козацкія вольности и подлежать власти своихъ помѣщиковъ и державцевъ.

Особенное вниманіе было обращено на этотъ разъ на мѣсто жительства козаковъ. Козаки имѣютъ право жить и пользоваться своими льготами (свободою отъ власти помѣщика и козацкой юрисдикціей) только въ королевскихъ земляхъ „не обременяя собой владѣній духовныхъ и шляхетскихъ"; кто хочетъ состоять въ войскѣ, долженъ уйти изъ этихъ имѣній и переселиться въ одну изъ королевщинъ. Въ комиссарской деклараціи такимъ образомъ ставится дилемма: козаки или не должны жить въ имѣніяхъ духовенства и шляхты, или, если тамъ живутъ—они подчиняются власти владѣльцевъ и не имѣютъ права выходить изъ повиновенія имъ, или признавать надъ собою другую юрисдикцію. Но козацкій реверсалъ не принимаетъ такой альтернативы, не считая очевидно возможнымъ, чтобъ козакъ состоялъ не подъ войсковой юрисдикціей, а подъ помѣщичьей властью: онъ не хо-

четъ создавать подобнаго прецендента; кто хочетъ быть козакомъ, постановляетъ онъ,—долженъ выйти изъ частнаго имѣнія въ королевское. Въ королевскихъ имѣніяхъ козаки должны оказывать державцамъ и ихъ администраціи только „соотвѣтственное уваженіе", а не повиновеніе, не отказываться пойти на Татаръ, въ случаѣ явной необходимости, напр. при нападеніи ихъ, со старостою, подстаростою либо своимъ атаманомъ,—но не больше. На переселеніе въ королевскія имѣнія войско выторговало себѣ десять мѣсяцевъ. Но все это постановленіе—это ограниченіе козацкаго мѣстожительства оно называетъ въ своемъ реверсалѣ „огромнымъ ущербомъ нашихъ вольностей, дарованныхъ намъ привилеями покойныхъ королей", и оговариваетъ, что они еще обратятся съ прошеніемъ къ королю, чтобы онъ оставилъ ихъ при стародавнихъ вольностяхъ и правахъ.

Въ вопросѣ о назначеніи старшаго козаки уступили въ этотъ разъ настолько, что предоставили этотъ спорный пунктъ рѣшенію короля. „Что вы изволили включить въ комиссію, а именно, чтобы мы имѣли у себя старшаго изъ руки королевской и короннаго гетмана, какъ былъ когда-то покойникъ п. Оришовскій,—мы и этому не противимся; панъ канцлеръ и коронный гетманъ, не назначая (старшаго) сейчасъ, изволилъ отложить это до будущаго сейма, и мы пошлемъ туда своихъ пословъ, полагаясь на волю его кор. милости; только просимъ такого, чтобы вмѣстѣ съ нами служилъ во славу Рѣчи Посполитой, грудью становился противъ врага государства, и умѣлъ бы ходатайствовать передъ кор. милостью въ нашихъ нуждахъ".

Козаки обѣщали уничтожить оставшіяся, еще не уничтоженныя (sic) морскія лодки, а тѣ, какія будутъ оставлены для перевозовъ—держать подъ стражей; обѣщали своевольно ходившихъ въ послѣднее время на море наказать, и на будущее время „своимъ рыцарскимъ словомъ" обѣщаютъ въ морскіе походы „противъ земель императора турецкаго" самимъ не ходить изъ Днѣпра на море и другимъ не позволять и не допускать. Изъ вышеприведенной реляціи Жолкевскаго знаемъ, что козаки долго не соглашались на такое абсолютное отреченіе и хотѣли оставить за собой право ходить на море за добычею въ случаѣ, если имъ не будетъ выплачиваться жалованье, но комиссары на это не пошли. Однако козацкомъ „реверсалу" придана быть можетъ умышленно такая стилизація, что получается нѣкоторая условность: „получая выше указанную ежегодную плату отъ его кор. милости постоянно, мы обѣщаемъ" и т. д.

Этотъ козацкій реверсалъ имѣетъ дату 17 октября н. ст. (два дня спустя послѣ указаннаго донесенія польскихъ делегатовъ). Подписали его; „Петръ Кунашевичъ, старшій; Григорій Затыркевичъ, эсаулъ Запорожскаго войска: Лаврентій Пашковскій, войсковой писарь и рядъ другихъ лицъ безъ обозначенія ихъ урядовъ [1]). Кромѣ утвержденія его подписями и войсковою печатью, войско должно было принести присягу въ исполненіи этихъ обязательствъ: „старшіе полковники и ассесоры (sic) формально, а рядовымъ читалъ ихъ войсковой писарь, и они черезъ аккламацію принесли присягу, что будутъ все это исполнять". „Не сомнѣваюсь, что они будутъ расположены это исполнить", прибавилъ Жолкевскій [2]).

Надежда очень смѣлая въ виду глубокаго противорѣчія между пожеланіями и стремленіями козачества и тѣми ограниченіями и обязанностями, какія налагала на него комиссія! Но Жолкевскому хотѣлось вѣрить въ прочность достигнутыхъ имъ результатовъ, и онъ вѣрилъ. Уѣзжая изъ-подъ Паволочи въ 20-хъ числахъ октября н. с., онъ оставилъ „на самомъ краю Украины" только три роты, „чтобы выписанные, которыхъ козаки отсылаютъ отъ себя, не собирались вмѣстѣ", и для охраны границы отъ Татаръ. Все прочее войско отправлялъ въ прикарпатскіе края, къ венгерской и силезкой границѣ, гдѣ необходимо было охранять край отъ хищныхъ Лисовчиковъ изъ Венгріи, и гдѣ все большимъ пламенемъ разгоралась страшная тридцатилѣтняя война [3]). „На Украйнѣ глубокій миръ по милости божьей", писалъ онъ въ концѣ года своему помощнику, польному гетману Конецпольскому, и поручалъ отвести остальное войско къ Карпатамъ для охраны границы отъ карпатскихъ „сабатовъ" (гайдуковъ) [4]).

Однако, миръ вовсе не былъ глубокимъ. Несомнѣнно, козацкіе старшіе, уступая давленію со стороны правительства и его черной неблагодарности по отношенію къ козацкому войску, питали надежду, что и на этотъ разъ обстоятельства вскорѣ устранятъ всѣ ограниченія, наложенныя на козачество послѣднею комиссіею, и вовсе не смотрѣли на нихъ трагически. Сагайдачный, дѣйствительно, ѣздилъ на Низъ и жегъ козацкія чайки—такъ,

---

[1]) Напечатанъ онъ въ Pisma Żółkiewskiego с. 334; декларація комиссаровъ, съ датою 8 октября, тамъ же с. 330, и по другому списку въ Сборникѣ лѣтоп. къ ист. Южной и Зап. Россіи с. 246.

[2]) Pisma с. 362. [3]) Ibid. с. 364. [4]) Ibid. с. 367.

по крайней мѣрѣ, доносилъ правительственнымъ кругамъ [1]); но не въ первый уже разъ сжигались эти чайки, и тѣмъ не менѣе продолжали оставаться на лицо.

Выписка, несомнѣнно, была скорѣе формальностью. Съ переходомъ въ королевскія имѣнія козаки не спѣшили, справедливо разсчитывая, что до русскаго праздника Иліи могутъ произойти еще очень серьезныя измѣненія въ общемъ положеніи дѣлъ. Вопросъ о старшемъ оставался открытымъ. Старшій, назначенный правительствомъ, очевидно, могъ быть лишь правительственнымъ комиссаромъ при козацкомъ войскѣ, а не дѣйствительнымъ начальникомъ его, еслибы это назначеніе не совпадало съ войсковымъ выборомъ. Что касается запрещенія походовъ на море, то запрещая походы на турецкіе города, одновременно польскіе комиссары давали козакамъ понять, что не имѣютъ ничего противъ участія ихъ въ крымскихъ междоусобіяхъ и походахъ на Крымъ, а также, вѣроятно, открывали имъ перспективу участія въ австрійской войнѣ. Козацкіе послы, посланные нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ Москву съ трофеями крымскаго похода, объясняли, что имъ „на людей турецкаго царя запрещено ходить съ Запорожья, а не изъ малыхъ рѣкъ: изъ рѣкъ имъ, кромѣ Запорожья, трактатомъ ходить не запрещено, и на Крымъ ходить не запрещено“ [2]). И очевидно такое толкованіе было не совсѣмъ произвольнымъ; изъ писемъ Януша Радзивилла узнаемъ, что и въ офиціальныхъ кругахъ было извѣстно о подобной интерпретаціи новой ординаціи: „съ козаками постановлено только относительно моря, все остальное отложено до сейма, дано имъ однако право ходить на Орду“, писалъ Янушъ [3]).

Изъ другого его письма узнаемъ, что къ козакамъ пріѣзжали австрійскіе агенты съ письмами короля и гетмана, приглашая ихъ на императорскую службу. Козаки выражали готовность отправиться туда, въ числѣ тридцати тысячъ, но требовали гарантіи, что въ ихъ отсутствіе не будетъ никакихъ репрессій по отношенію къ козачеству, и деньги желали получить впередъ, мотивируя это тѣмъ, что въ противномъ случаѣ они были бы принуждены взымать для мобилизаціи разные поборы, что вызвало

---

[1]) Янушъ Радзивиллъ сообщалъ брату новость, что старшій (козацкій) ѣздилъ на Низъ, сжегъ и уничтожилъ лодки— ркп. Пуб. библ. Пол. F. IV № 202 с. 395.

[2]) Матеріалы Кулиша с. 94. [3]) l. c. с. 395.

бы нареканія и репрессіи со стороны шляхты [1]). Пока велись эти переговоры, козаки отправились въ Крымъ, очевидно, по приглашенію Шагинъ-гирея, по возвращеніи своемъ изъ Персіи вступившаго тогда вмѣстѣ съ братомъ въ упорную борьбу съ ханомъ Джанибекъ-гиреемъ. „Ходили съ Запорожья на крымскіе улусы, а было ихъ около 5000 человѣкъ, имѣли битвы съ крымскими людьми по эту сторону Перекопа, подъ самыми стѣнами; Татаръ въ Перекопѣ было около 7000 человѣкъ, а передовой стражи 1000, и козаки перебили много Татаръ, и много народу христіанскаго освободили изъ рукъ татарскихъ“ [2]). Такъ разсказывали въ Москвѣ козацкіе послы, посланные туда съ татарскими плѣнниками, приведенными изъ этого похода.

Польскіе государственные люди нашли выходъ для козацкой энергіи. Правда, это нѣсколько напоминало „тришкинъ кафтанъ“, но польская политика не въ первый разъ прибѣгала къ такому методу—сейчасъ нужно было успокоить Турка, приходилось за это поплатиться Татарину.

---

[1]) Упоминаніе, что козаки собираются въ Орду, даетъ хронологію этому извѣстію—l. c. c. 395—6.

[2]) Матеріалы Кулиша с. 94, Pisma Żółkiewskiego c. 365 (здѣсь узнаемъ, что въ походъ на Шагинъ-гирея ханъ двинулся въ послѣднихъ числахъ сентября н. с., и козацкій походъ долженъ былъ имѣть мѣсто приблизительно въ декабрѣ н. с.

II.

Козачество на службѣ украинскихъ національныхъ стремленій. Кіевское просвѣтительное движеніе и возстановленіе православной іерархіи.

Козачество провозглашаетъ свою солидарность съ украинскимъ обществомъ въ вопросѣ о правахъ православной религіи. Участіе его въ церковныхъ дѣлахъ во второмъ десятилѣтіи XVII в. Кіевское культурно-національное движеніе въ второмъ и третьемъ десятилѣтіи XVII в.; Ел. Плетенецкій и печерскій кружокъ; братство и братская школа. Возстановленіе іерархіи. Переговоры съ правительствомъ и хотинская война.

Вѣ то время, какъ польскіе политики и правители поздравляли себя съ „обузданіемъ украинскаго своевольства“, совершеннымъ комиссіею 1619 г., которая такъ безцеремонно продиктовала козачеству свои условія и угрозою вооруженной борьбы заставила принять ихъ, вопреки козацкимъ стремленіямъ и пожеланіямъ,—козачество готовило себѣ тріумфъ, гораздо болѣе важный и дѣйствительный, чѣмъ эти бумажныя комиссарскія побѣды. То, что раньше представлялось болѣе дальновиднымъ политикамъ скорѣе въ видѣ смутной тревоги или предчувствія, готово было проявиться въ фактѣ значенія въ тѣхъ условіяхъ необычайнаго. Козачество принимало на себя дѣло, являвшееся на протяженіи четверти столѣтія предметомъ неустанныхъ, упорныхъ, но безуспѣшныхъ стремленій украинской интеллигенціи. И то, что не удавалось достигнуть усиліями публицистовъ и богослововъ, политическихъ дѣятелей и религіозныхъ агитаторовъ, лучшихъ духовныхъ и свѣтскихъ силъ современной Украины и Бѣлоруссіи, было осуществлено благодаря тому, что дѣло взяло подъ защиту своей сабли „низовое рыцарство“. Возродилась православная іерархія, осужденная на смерть правительствомъ четверть вѣка тому назадъ, а съ нею и обреченная на медленную, но вѣрную, какъ

казалось, смерть церковно-національная жизнь Украины и Бѣлоруссіи, обставленная хитроумными преградами, о которыя столько десятилѣтій разбивались всѣ усилія украинскаго и бѣлорусскаго общества, вырвалась снова на просторъ и обезпечила себѣ новую возможность борьбы и развитія. Національной политикѣ правительства былъ нанесенъ ударъ, какого оно никогда не ожидало, — тѣми самыми покорными оппортунистами козацкими, которые такъ низко склоняли голову передъ ея величествомъ Рѣчью Посполитой и ея волею на Раставицѣ.

Козачество вступило въ новую фазу своего существованія, оказавъ неизмѣримо важную услугу религіозной, а съ тѣмъ вмѣстѣ и національной тогдашней украинской жизни, и включивъ съ тѣхъ поръ въ свою программу вполнѣ сознательно—служеніе національнымъ украинскимъ интересамъ въ ихъ религіозной формѣ. Въ ряду козацкихъ требованій, въ ряду пожеланій, предъявляемыхъ правительству козачествомъ съ тѣхъ поръ неизмѣнно фигурируетъ требованіе гарантій для православной церкви—этого національнаго украинскаго палладіума того времени,—какъ одна изъ наиболѣе интимныхъ, наиболѣе близкихъ козацкому сердцу нуждъ. Козачество становится всѣми признаннымъ, офиціальнымъ стражемъ и покровителемъ украинской церковной—а съ нею вмѣстѣ культурной и національной жизни.

Довольно неожиданна была эта роль для буйныхъ добычниковъ, такъ мало связанныхъ съ какою-бы то ни было церковною жизнью, что современникъ Сарницкій, собиравшій свѣдѣнія о козакахъ въ 1580 годахъ, считалъ ихъ „большей частью магометанами" [1]), а народная украинская поэзія въ цѣломъ рядѣ произведеній высмѣяла полную отчужденность запорожскихъ козаковъ отъ церковной жизни:

Славні хлопці,
Пани Запорожці,
Побачили вони
Скирду сіна въ полі;
Отаман і каже:
„Оце ж, браття, церква"!

---

[1]) Czerkasy—religio apud eos magna ex parte machometana. Mulieres fere ac viri belli munia apud eos obeunt (c. 1894). Возможно впрочемъ, что и здѣсь не обошлось безъ смѣшенія Черкасцевъ-козаковъ съ кавказскими Черкесами.

А осавул каже:
„Я в її сповідав ся“,
А кошовий каже:
„А я й причащав ся“... [1])

Но мы знаемъ эту тенденцію козачества — пріодѣть свое пограничное добычничество идеальнымъ покровомъ борьбы „съ непріятелемъ св. Хреста“, и можемъ понять, что даже такому одичалому добычнику, который при случаѣ не давалъ спуску одинаково ни басурману, ни своему единовѣрцу Москвитянину или Бѣлоруссу—даже ему пріятно было чувствовать какую то высшую миссію въ этой козацкой жизни, какое то идеологическое содержаніе въ своемъ буйномъ разгулѣ на степномъ пограничьи. Даже въ душѣ такихъ степныхъ волковъ идея защиты религіозныхъ интересовъ своего народа — т. е. того, что въ то время было наиболѣе идеальнымъ, высокимъ, святымъ, съ чѣмъ связаны были окутанныя идиллической дымкой воспоминанія молодости, дѣтскихъ годовъ „на волости“, подъ сѣнью своей приходской церкви и ея „цвинтаря“ (погоста), освященнаго семейною памятью—не могла не найти извѣстныхъ созвучныхъ струнъ. Но мы не должны забывать, что въ тогдашней массѣ козачества отчаянные козацкіе сорвиголовы, „мамаи“ были только частью, а преобладающее большинство козачества составляли элементы на-

---

[1]) Пѣсню эту привелъ въ своей Исторіи возсоединенія (II с. 81) Кулишъ, гдѣ подвергъ рѣзкой, но справедливой критикѣ традиціонные взгляды на козаковъ, какъ на какихъ-то подвижниковъ вѣры (главнымъ образомъ Костомарова). Онъ указалъ на полную неосновательность перенесенія нѣкоторыхъ элементовъ религіозной жизни болѣе поздней Сѣчи средины XVIII вѣка въ старое Запорожье XVI—XVII в. Однако и послѣ его критики это дѣлается постоянно: существованіе сѣчевой церкви въ Запорожьи принимаютъ на основаніи упоминанія въ думѣ о Самойлѣ Кишкѣ, въ раздѣлѣ добычи:

первую часть брали—на церкви накладали,
на святого Межигорського Спаса,
на Трехтемирівський монастир,
на святую сїчовую Покров давали,
которії давнїм козацкимъ скарбом будували,
щоб за їх вставаючи й лягаючи милосердого Бога благали,

(Антоновичъ и Драгомановъ I с. 219). Но само упоминаніе Межигорскаго монастыря указываетъ на болѣе позднее происхожденіе этого эпизода. Ср. еще примѣчанія ниже на с.100—1.

строенные культурно и общественно—земледѣльческое и ремесленное сельское и мѣщанское населеніе, всей душой привязанное къ тому, что считалось основами культурной, національной жизни. Во главѣ же козачества влiятельное положеніе занимали люди, бывшіе плотью отъ плоти и костью отъ кости той украинской интеллигенціи, которая на своихъ плечахъ выносила національное дѣло своего народа—представители шляхетскихъ и мѣщанскихъ украинскихъ круговъ, питомцы новыхъ школъ, включительно до разныхъ „рибалтовъ“ (школярей), подлежавшихъ выпискѣ согласно постановленіямъ комиссіи 1619 г., и наконецъ самъ тогдашній гетманъ, являвшійся, по словамъ его панегириста, воспитанникомъ острожской школы:

выхованъ въ вѣрѣ церкви всходней з лѣтъ дѣтинскихъ,
шолъ потомъ до Острога, для наукъ уцтивыхъ,
которыи тамъ квитли, за благочестивыхъ
княжатъ, которыи ся в наукax кохали,
на школы маетностій много фундовали,
абы ся млодь в наукахъ уцтивыхъ цвичила,
церкви й тыжъ ойчизнѣ пожитечна была—
тамъ теды Канашевычъ часъ немалый живши
и наукъ в писмѣ нашомъ словенскомъ навыкши,
шолъ до Запорозкого славного рыцерства [1]).

Въ виду этого становится вполнѣ понятнымъ и яснымъ, что, когда религіозная борьба и церковно-культурная и національная украинская жизнь ближе подошла къ козацкимъ кругамъ, они неминуемо должны были захватить въ кругъ своихъ интересовъ и козачество— по крайней мѣрѣ его наиболѣе интеллигентные и чуткіе къ подобнымъ вопросамъ элементы. И намъ вовсе не нужно ломать голову и доискиваться, *кто* подбилъ козачество, а Сагайдачнаго прежде всего, взять подъ свое покровительство церковный вопросъ и дать возможность, подъ защитою козацкаго оружія, возстановить православную іерархію [2]). Вопросы эти для

---

[1]) Вѣршѣ на погребъ Сагайдачного, XIII гл.

[2]) Пок. Кулишъ въ своихъ Матеріалахъ для исторіи возсоединенія Руси, печатая акты козацкаго посольства 1620 г. въ Москву (с. 91 и слѣд.), такъ далеко зашелъ въ своемъ скептицизмѣ въ отношеніи не только козачества, но и всего тогдашняго украинскаго общества, что въ концѣ концовъ инициативу возобновленія украинской іерархіи искалъ въ московскихъ правительственныхъ и духовныхъ кругахъ, главнымъ образомъ у патр. Филарета, а козацкія выступленія противъ уніи объяснялъ „наймомъ или подговоромъ“.

верхнихъ, наиболѣе интеллигентныхъ слоевъ козачества были настолько близки и само собой понятны, что они не нуждались ни въ какой спеціальной проповѣди или агитаціи,—достаточно было того, что козачество могло принять въ нихъ участіе и повліять на развитіе и судьбу этой борьбы. Не было ни преувеличенія, ни фальши въ томъ, что писали новопоставленные владыки въ своей запискѣ, предназначавшейся для правительства (весною 1621 г.) [1]), защищаясь отъ обвиненій въ агитаціи среди козаковъ:

„Что касается козаковъ, то объ этихъ рыцарскихъ людяхъ знаемъ, что они — нашъ родъ, наши братья и православные христіане. О нихъ думаютъ, что они—простаки, не обладающіе ни знаніями ни умомъ и были подговорены духовными. Но мы, какъ не отклоняемъ ихъ отъ надлежащаго повиновенія и не бунтуемъ, такъ не учимъ ихъ и разуму въ ихъ дѣлахъ и поступкахъ. Они имѣютъ прирожденную сметливость и богомъ дарованный разумъ, и ревность и любовь къ вѣрѣ, къ набожности, къ церкви среди нихъ живутъ и процвѣтаютъ, конечно, издавна.

„Вѣдь это племя славнаго русскаго народа, отъ сѣмени Іафетова, воевавшаго съ Греческой имперіей и на морѣ Чорномъ и на сушѣ. Это войско изъ того поколѣнья, которое во времена Олега, монарха русскаго, въ своихъ моноксилахъ по морю и по сушѣ, придѣлавъ къ лодкамъ колеса, плавало и Константинополь штурмовало. Вѣдь это они опустошали Грецію, Македонію, Иллирикъ при Владимирѣ, святомъ русскаго монархѣ. Вѣдь это ихъ предки крестились вмѣстѣ съ Владиміромъ, принимали вѣру христіанскую отъ константинопольской церкви, до сихъ поръ въ этой вѣрѣ рождаются, крестятся и живутъ. Живутъ не какъ язычники, а какъ христіане; имѣютъ пресвитеровъ, учатся грамотѣ, знаютъ Бога и свой законъ [2]). Какъ же думать, что они

---

[1]) Записка издана въ III т. „Статей по славяновѣдѣнію“.

[2]) По поводу этого мѣста проф. Жуковичъ заявляетъ: „Теперь уже нельзя, напр., повторить утвержденія П. А. Кулиша, что запорожскіе казаки обходились на сушѣ и на морѣ безъ священниковъ“. Но я думаю, что уважаемый ученый немного ошибается. Записка не говоритъ опредѣленно, что священники находились въ козацкомъ *войскѣ*, а ниже достаточно ясно указываетъ, что лишь на волости козаки имѣютъ подъ рукой священниковъ. Положеніе Кулиша, что въ Сѣчи и козацкомъ войскѣ не было священниковъ, остается не поколебленнымъ и настоящей запиской. Что

сами по себѣ, по милости божіей, не могли заботиться о вѣрѣ и спасеніи своемъ? Стоитъ только обратить вниманіе на ихъ набожность: когда они идутъ на море, прежде всего молятся, заявляя, что идутъ за вѣру христіанскую на невѣрныхъ. Другою своею задачею ставятъ освобожденіе невольниковъ. При этомъ даютъ благочестивыя обѣщанія, что своею добычею надѣлятъ прежде всего церкви, монастыри, госпитали и духовенство. Ради спасенія души своей выкупаютъ невольниковъ; воздвигаютъ каменные и деревянные храмы и богато надѣляютъ ихъ. И если въ безлюдныхъ мѣстахъ не забываютъ о вѣрѣ и благочестіи и свидѣтельствуютъ ихъ, то тѣмъ болѣе интересуются и пекутся о нихъ на волости, возвращаясь домой, гдѣ имѣютъ отцовъ, братьевъ и родственниковъ среди духовенства. Несомнѣнно, во всемъ мірѣ никто послѣ Бога не оказываетъ такихъ великихъ благодѣяній угнетенному христіанству, какъ Греки своими оплатами, испанскій король сильнымъ флотомъ, а войско Запорожское своею смѣлостью и побѣдами: чего другіе народы достигаютъ словомъ и преніями, то казаки доказываютъ самымъ дѣломъ. И что же, духовенство ли учитъ ихъ этому? Кто учитъ ихъ этому умѣнію воевать на сушѣ? кто—на морѣ, гдѣ они гарцуютъ на своихъ моноксилахъ, которыя, по сравненію съ кораблями и каторгами—не больше какъ корыта. Кто бунтуетъ ихъ, когда они, стоя обозомъ, вооруженные, по нѣскольку мѣсяцевъ ведутъ переговоры въ своихъ дѣлахъ противъ всевозможныхъ тонкихъ хитростей? [1]) Еще прежде чѣмъ мы стали владыками и явились въ Кіевѣ и на Украинѣ, прежде чѣмъ преосвященный епископъ Мелетій Смотрицкій побывалъ въ Кіевѣ — они уже свидѣтельствовали свою вѣру, писали, посольства посылали и присягу приносили [по вопросамъ вѣры]. Дѣло это явное и широко извѣстное. И къ этому не только духовенство не могло ихъ понуждать, но они [козаки] еще сами слѣдятъ за нимъ и мѣщанами, напоминаютъ и даже грозятъ имъ, чтобъ въ вѣрѣ не было никакого сообщества съ апостатами уніатами. Достаточно вспомнить недавнее—спросить, что было и что едва не случилось въ Печерскомъ монастырѣ изъ-за того только, что преосвященный его мил. бискупъ кіев-

---

они сильно опровергаютъ доводы Кулиша относительно равнодушія козачества къ религіознымъ вопросамъ, въ этомъ, конечно проф. Жуковичъ совершенно правъ.

[1]) Очевидный намекъ на послѣдніе комиссарскіе переговоры.

скій вошелъ въ алтарь — узнать, какакія нареканія были, какая ярость! Едва успокоили ихъ. А всетаки занесли они жалобу на монаховъ Печерскаго монастыря на Запорожьи, въ генеральной радѣ [1]). Нѣтъ ничего удивительнаго, если они имѣютъ свѣдѣнія о гоненіяхъ уніатовъ на православныхъ: изъ разныхъ повѣтовъ, городовъ и селъ приходятъ къ нимъ ‚въ козацтво‘ люди, одни по своей волѣ, другіе по причинѣ притѣсненій и вымогательствъ. Среди нихъ и духовные и свѣтскіе. Ничто не вызываетъ на Украинѣ столько волненій, какъ унія и притѣсненіе Руси благодаря ей, а также безправность и притѣсненія убогихъ людей. По истинѣ, сами уніаты разжигаютъ гнѣвъ козаковъ, гоня къ нимъ нашу обиженную братію и наполняя ею Украину. Итакъ несправедлива и неосновательна эта молва и клевета на насъ, будто мы бунтуемъ казáковъ. Сердцами и помыслами козацкими не управляемъ. Богъ правитъ ими, и только онъ знаетъ, зачѣмъ онъ сохраняетъ эти остатки старой Руси, широко и далеко распростирая десницу и силу ихъ на морѣ и сушѣ. Богъ содержитъ ихъ и ими управляетъ: какъ нѣкто писалъ, что онъ Татаръ положилъ на землѣ, какъ перуны и громы, и ими навѣщаетъ и караетъ христіанъ,—такъ и козаковъ низовыхъ, запорожскихъ и донскихъ, положилъ онъ, какъ вторые перуны и громы живые на морѣ и на сушѣ, чтобы ими страшить и громить невѣрныхъ Турокъ и Татаръ“ [2]).

Конечно, мы хотѣли бы имѣть больше матеріалу, больше подробностей для болѣе полной картины этой чрезвычайно интересной популяризаціи среди вооруженнаго украинскаго демоса тѣхъ религіозно-національныхъ и культурныхъ интересовъ, какими жили верхи современнаго украинскаго общества. Нужно пожалѣть, что и тутъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, мы по большей части располагаемъ одними отрывочными фактами, безъ ихъ внутренней мотивировки. Но само явленіе для насъ вполнѣ ясно,—яснѣе, чѣмъ многія другія явленія въ сферѣ козацкой жизни, такъ какъ изъ этой области имѣемъ все таки козацкіе манифесты, какихъ напрасно искали бы по другимъ вопросамъ. Взять хоть бы это заявленіе, сдѣланное въ кіев-

[1]) Тутъ слѣдуетъ неудачное повтореніе уже сказаннаго, некстати разрывающее ходъ мыслей: ‘Wiadome są y inne ich besprzeczęstwa smiałosci y przewagi bez wszelkiey pobudki duchownych. Na morze ze chodzą, yzali duchowni ich na to pobudzaią?

[2]) С. 149—150.

скомъ гродѣ козацкою депутаціею въ 1610 г.[1]), которое я, въ виду его тяжеловѣснаго канцелярскаго стиля, которымъ щегольнулъ здѣсь его милость гродскій писарь[2]), считаю за лучшее передать въ переводѣ, нѣсколько сглаженномъ:

„Узнали мы о протестаціи какого-то разстриги Антонія, выступника изъ чернеческаго, монашескаго чина, который, называя себя какимъ-то офиціаломъ или протопопомъ кіевскимъ, смѣлъ и отважился, непристойное измысливъ, внести въ кіевскія гродскія книги протестацію на поповъ здѣшнихъ кіевскихъ и на насъ и товарищей нашихъ, якобы они по побужденію или наговору поповъ здѣшнихъ кіевскихъ отзывались съ угрозами на митрополита кіевскаго, безъ уваженія сана его, и на этого Антонія. Противъ этой вымышленной протестаціи, въ отсутствіи помянутыхъ товарищей нашихъ, находящихся въ войскѣ на службѣ Рѣчи Посполитой въ землѣ Московской при его кор. милости, принимая мѣры къ тому, чтобы подобныя вымышленныя протестаціи не имѣли мѣста, протестуемъ именемъ товарищей, находящихся при его кор. милости, и именемъ всего войска Запорожскаго, которое съ давнихъ временъ противустоитъ народамъ басурманскимъ въ защиту вѣры христіанской, жертвуя здоровьемъ и головою своею все время, и много освобождаетъ народа христіанскаго изъ неволи непріятельской, отъ басурманъ Турокъ и Татаръ, также для защиты его кор. мил. и Рѣчи Посполитой добываетъ плѣнныхъ, языки отъ всякихъ непріятелей Турокъ и Татаръ достаетъ (такихъ плѣнныхъ и языковъ и при его кор. мил. и при ихъ мил. господахъ сенторахъ полно въ коронныхъ земляхъ, во многихъ мѣстахъ) и для усиленія народа христіянскаго православной вѣрѣ своей при всякомъ случаѣ оказывало услугу, и постоянно оказываетъ, не жалѣя здоровья и жизни своей. Когда же въ настоящее время тотъ бывшій чернецъ выдаетъ себя за официала или протопопа (неизвѣстно, отъ митрополита ли кіевскаго, или самъ вымысливши это) и нашей религіи — православной соборной апостольской церкви, святыми отцами на соборѣ узаконенной, причиняетъ затрудненія, препятствія, вопреки постановленію королевскому, сеймовою зарукою[3]) обез-

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Россіи II № 36.

[2]) Въ оригиналѣ все заявленіе составляетъ одинъ, очень нескладный періодъ.

[3]) Денежнымъ штрафомъ въ случаѣ нарушенія.

печенному,—то какъ ихъ милости княжата, панята, дигнитари, рыцарство, шляхта, народъ христіанскій, изъ разныхъ [1]) земель и повѣтовъ и изъ воеводства Кіевскаго непоколебимо охраняютъ старожитную православную религію и духовныхъ лицъ, той религіи вѣрныхъ, и согласно съ общею любовью торжественно обѣщаютъ стоять,—такъ и мы. Будучи сыновьями той же соборной апостольской восточной церкви, именемъ всего войска козаковъ запорожскихъ, изъ любви своей къ размноженію славы божіей и народа христіанскаго, и къ храмамъ божіимъ, церквамъ господнимъ, всякими прикрасами ихъ надѣляющихъ, украшающихъ и помощь оказывающихъ,—именемъ всѣхъ товарищей, находящихся на службѣ Рѣчи Посполитой при его кор. милости,—мы вмѣстѣ съ ихъ милостями панами, съ народомъ той-же православной вѣры, религіи старожитной, хотимъ стоять при духовныхъ особахъ, которыя не отступили и не отреклись отъ нея, и противъ злобы напастниковъ на нашу старожитную православную религію головами своими защищать ее“.

А что эти идеи, вложенныя въ протестацію, не были дѣломъ самаго пана гродскаго писаря, заносившаго ее въ акты, въ подтвержденіе этого приведемъ изъ собственнаго письма козацкаго гетмана Григорія Тискиневича къ кіевскому подвоеводѣ то, что относится къ этому вопросу [2]). Въ болѣе краткой формѣ мы почувствуемъ тѣ же самыя ноты, тѣ же идеи:

„Дана намъ справа, же нѣякійсь именемъ Антоній Грековичъ, ростpыга и преступникъ вѣры нашое, именует се быти нѣякимъ офицыяломъ албо ли протопопою тамошнимъ киевскимъ, который забороняетъ и не допускаетъ собору въ церкви божой у святое Софии збирать и монорацій (?) ведлѣ стародавного звичаю справовати. Што намъ жалосно есть и слышеть и не вѣмы и сами, што се въ тымъ дѣетъ: ежели зъ раменя короля его милости албо ли нѣ. А такъ мы унижоне а покорне просимы абы ваша милость, як намъ милостивый панъ, того оному ростpызѣ и преступнику допускать не рачилъ и въ тымъ помочнымъ быть, якож мы того боронить хочемъ, наветь и персей своихъ наставлять и литовать [3]) до конца хочемъ. И за церковь нашу во-

---

[1]) Здѣсь что-то пропущено, и я дополняю этимъ словомъ: „разныхъ“.

[2]) Акты Ю. З Р. II № 41.

[3]) Должно быть: „нелитовать“ (не жалѣть).

сточную и за вѣру греческую головы быхмы мѣли вси положити. Напродъ Богу милостивому оповѣдамы се, и вашей милости, нашему милостивому пану. И естли бы умыслу своего отмѣнити не мѣлъ оный рострыга, а мѣлъ бы збороняти,—дозволили есьмо его гдѣж колвекъ здыбавши, яко пса убити. А мы такого... (пропускъ) и боронить словомъ нашим рыцерскимъ обѣцуемъ".

Такимъ образомъ уже весною 1610 года козацкая делегація провозгласила открыто свою полную солидарность съ украинскою интеллигенціею—„народомъ шляхетскимъ“ и духовенствомъ въ дѣлѣ защиты своей религіи и готовность сложить за нее свои головы. И въ самомъ дѣлѣ, начиная съ этого заявленія на протяженіи всего второго десятилѣтія XVII в. козачество въ цѣломъ рядѣ случаевъ оказывало разныя услуги православному духовенству и мѣщанству Кіева въ ихъ борьбѣ противъ митрополитовъ-уніатовъ и ихъ претензій на власть надъ духовенствомъ, церквями и монастырями кіевской епархіи.

Остановлюсь на этомъ нѣсколько подробнѣе.

Первымъ извѣстнымъ намъ случаемъ вмѣшательства козаковъ въ церковныя кіевскія дѣла былъ именно тотъ, которымъ вызванъ вышеуказанный протестъ кіевскаго митрополичьяго намѣстника Грековича. Лѣтомъ 1609 г. Потій, опираясь на помощь правительства, подавилъ оппозицію православнаго духовенства и насильно, военною силою, забралъ въ свои руки православныя церкви въ своей бѣлорусской резиденціи Вильнѣ. Увлеченный этими успѣхами онъ задумалъ такимъ же путемъ задавить оппозицію и въ Кіевѣ. Присланный имъ намѣстникъ Грековичъ началъ принуждать мѣстное духовенство къ послушанію и грозилъ имъ: „имать и везать буду попы, поки отцу митрополиту послушенство отдасте“. Однако кіевское духовенство не хотѣло признавать власти митрополита и его намѣстника и не соглашалось служить вмѣстѣ съ нимъ. Когда Грековичъ пригласилъ кіевскихъ священниковъ явиться въ недѣлю православія въ кафедральную церковь св. Софіи, чтобы отслужить въ ней соборную службу, священики заявили, что они туда не пойдутъ, и людямъ не велѣли итти—„напугали и взбунтовали простыхъ людей и козаковъ, говоря, что кто пойдетъ къ св. Софіи, тѣхъ будутъ крестить въ лядскую вѣру“, какъ жаловался Грековичъ. А „направленные ими“ „кіевскіе козаки“ подъ предводительствомъ „нѣкоего козака Петра“, имѣвшаго съ собой „товариство свое“, убѣждали людей не итти въ кафедральную церковь, угрожая всѣмъ

непослушнымъ [1]). Грековичъ, какъ мы видѣли, занесъ протестъ въ судѣ, указывая, что кіевское духовенство подговорило противъ него козаковъ; духовенство отрицало это обвиненіе, якобы оно возбуждало народъ или козаковъ „направляло"—„што никгды не тылко въ учинку ани въ помышленню нашомъ не было ани исть, абысмо тое чинити мили". Козаки тоже протестовали, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъявляли свою готовность сложить головы противъ всякаго покушенія на православную церковь. Кіевская шляхта, собравшаяся на „рочки" земскаго суда, „услышавъ таковую скаргу священниковъ и немалую уйму у церкви божой хвалы божое и знищенье ее," заявила, что будетъ дѣйствовать судомъ противъ митрополита [2]). Кіевское мѣщанство заняло также очень враждебную позицію. И въ то время, какъ тѣ и другіе грозили больше „водле права", козачество выгородивъ духовенство, какъ мы видѣли, весьма недвусмысленно пригрозило Грековичу болѣе реальными способами воздѣйствія, а для болѣе сильнаго впечатлѣнія какой-то козакъ, придя къ Выдубецкому монастырю, гдѣ проживалъ Грековичъ, и увидѣвъ его тамъ, тотчасъ выстрѣлилъ въ него изъ ружья—хотѣлъ стрѣлять и вторично, но Грековичъ черезъ заднія двери убѣжалъ на Днѣпръ [3]).

Это сильно расхолодило пылъ Грековича, а вмѣстѣ и Потія. Грековичъ заявилъ, что его удовлетворили объясненія кіевскихъ священниковъ относительно этого эпизода—„что то учинили по своей старой натурѣ сами козаки, у которыхъ тут „бездержное своеволье", и поэтому онъ отказывается отъ своей протестаціи противъ священниковъ. И хотя для порядка годъ спустя они съ Потіемъ все таки привлекли въ сеймовый судъ кіевское православное духовенство и кіевскій магистратъ [4]), изъ этого процесса ничего не вышло, и этимъ исчерпалась вся энергія Потія въ отношеніи его кіевской резиденціи. И хотя король не переставалъ и потомъ надѣлять Потія все новыми и новыми пожало-

---

[1]) Акты Ю. З. Р. № 37, 41, Архивъ зап. рус. митрополитовъ № 316 док. 5. Потій и Грековичъ говорятъ, что кіевскіе священники не хотѣли итти и служить вмѣстѣ съ Грековичемъ въ кафедральной церкви въ первую недѣлю, когда онъ приглашалъ ихъ; священники говорили, что онъ не позволилъ имъ служить въ кафедральной церкви и запечаталъ ее. [2]) Акты Ю. З Р. II № 37.
[3]) Ibid. № 41. [4]) Архивъ Ю. З. Р. I. VI № 156, и ненапечатанные акты синодальн. архива.

ваніями и между прочимъ осенью 1612 г. пожаловалъ ему кіевскій монастырь св. Михаила [1]), но Потій съ Грековичемъ и не пробовали даже, кажется, завладѣть этимъ цѣннымъ подаркомъ.

Даже когда въ Кіевъ пріѣхалъ софійский митрополитъ Неофитъ (весною 1612 г.) и, поселившись въ Печерскомъ монастырѣ, подъ защитою мѣщанской общины и козацкаго войска, сталъ конкурентомъ владычнымъ правамъ митрополита: освящалъ церкви, поставлялъ священниковъ и діаконовъ,—Грековичъ не рѣшился виступить противъ этого „изъ-за угрозъ разнаго народа, духовнаго и свѣтскаго, а також козаковъ": даже жаловаться въ судъ не рѣшился [2]) Лишь годъ спустя самъ Потій уже поднялъ это дѣло, обжаловавъ въ люблинскомъ трибуналѣ (его духовномъ департаментѣ) кіевское духовенство за то, что оно ввело въ Печерскій монастырь Неофита и позволило ему, „какому-то чуждому монаху" посвящать въ духовный санъ и освящать церкви, а своему законному митрополиту не повинуется [3]). Дѣло окончилось ничѣмъ, такъ какъ трибуналъ рѣшилъ потребовать отъ обвиняемыхъ присяги въ томъ, что они этого Неофита въ монастырь не вводили и не поручали ему посвящать духовныхъ лицъ или освящать церкви; между тѣмъ привлеченныя къ суду духовныя особы, хотя и явились предъ судомъ, но лишь съ тѣмъ, чтобы заявить, что юрисдикціи этого суда они не признаютъ и рѣшенія его не принимаютъ [4]). Неофитъ же, очевидно, продолжалъ жить въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ его видимъ потомъ еще и въ 1620-хъ годахъ [5]), и подъ охраною козачества не прекращалъ епископскихъ функцій на глазахъ митрополичьяго намѣстника.

Печерскій же архимандритъ, знаменитый Елисей Плетенецкій не только не проникся послѣ этого процесса большимъ уваженіемъ къ уніатскому митрополиту, „какъ верховному своему пастырю", а наоборотъ,—тотчасъ же, послѣ смерти Потія († 18 Іюля 1613) пользуясь тѣмъ, что козачество заполонило тогда литовскія провинціи, онъ, главнымъ образомъ при помощи „козаковъ украинскихъ, людей своевольныхъ" захватилъ силою огромныя имѣнія въ земляхъ в. кн. Литовскаго, принадлежавшія Печер-

---

[1]) Акты Зап. Рос. IV № 186.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи VI № 161 (осень 1612).

[3]) Голубевъ П. Могила I приб. 27.

[4]) Содержаніе актовъ процесса сообщено въ Архивѣ западнорус. митроп. I № 343.

[5]) Архивъ Ю. З. Р. II № 166.

скому монастырю, а послѣ уніи отобранныя королемъ у Печерскаго монастыря и пожалованныя митр. Рогозѣ, и послѣ его смерти перешедшія къ Потію. Преемникъ Потія, митрополитъ Рутскій, подалъ жалобу на Плетенецкаго и выигралъ дѣло, но имѣніями фактически продолжалъ владѣть Плетенецкій, очевидно также при помощи козаковъ, такъ что въ концѣ концовъ Рутскій вынужденъ былъ за извѣстную денежную сумму согласиться на отказъ отъ этихъ владѣній, и король подтвердилъ ихъ за Печерскимъ монастыремъ (1616) [1]).

Все это въ то время общаго разгрома православной церкви было совершенно исключительнымъ успѣхомъ, который могъ лишь еще болѣе поднять духъ среди кіевскихъ православныхъ и позволить имъ еще лучше оцѣнить то богоданное оружіе, какое у нихъ оказалось въ лицѣ козацкаго войска. Между кіевскимъ духовенствомъ и православнымъ обществомъ, съ одной стороны, и намѣстникомъ уніатскаго митрополита, съ другой, завязывается новая борьба. Она мало извѣстна намъ въ подробностяхъ [2]), кромѣ громкаго, кроваваго финала ея—исполненія надъ Грековичемъ прежняго козацкаго приговора. Уніатскій митрополитъ въ это время располагалъ рядомъ церквей и монастырей въ Кіевѣ (въ томъ числѣ и старымъ соборомъ св. Софіи) и многочисленными имѣніями въ его окрестностяхъ, и его намѣстникъ старался расширить и пріумножить это владѣніе. Это вызвало конфликтъ. Мѣстный кіевскій лѣтописецъ говоритъ, что ближайшимъ поводомъ послужили притязанія Грековича на Михайловскій монастырь. Монастырь этотъ, какъ намъ уже извѣстно, еще раньше былъ пожалованъ митрополиту, теперь Грековичъ хотѣлъ фактически завладѣть имъ и накликалъ на себя бѣду: его „поймавши козаки тамже противъ Выдубицкого подъ людъ (ледъ) подсадили воды пити“, въ февралѣ 1618 г. [3]).

---

[1]) Архивъ зап. рус. митрополитовъ № 362 л. 9. Прибавленія къ I т. „Петра Могилы“ С. Голубева, № 30. И позже въ подобныхъ дѣлахъ Плетенецкій не переставалъ пользоваться козацкою помощью, см. напр. жалобу администраціи кн. Острожскихъ 1625 г. на Плетенецкаго, что онъ захватилъ имѣніе кн. Острожскихъ с. Ставокъ „съ немалымъ количествомъ людей украинскихъ и козаковъ, умышленно для того собранныхъ“—Синод. архивъ, неописанные акты зап.-рус. митрополитовъ № 1025.

[2]) Нѣсколько судебныхъ актовъ изъ этой борьбы за имѣнія—Архивъ западно-рус. митрополитовъ I № 408.

[3]) Сборникъ лѣтоп. Юж. и Зап. Рос. с. 85.

Убійцъ не нашли и убійство осталось ненаказаннымъ. Митроп. Рутскій подалъ жалобу въ кіевскій трибуналъ на кіевское духовенство, мѣщанъ и православную шляхту, обвиняя ихъ въ томъ, что они возмущаютъ противъ него народъ и козаковъ, подобно тому какъ возмущали противъ его предшественниковъ; они замышляютъ убить его и не будучи въ состояніи добраться до него самого убили его намѣстника[1]). Но дѣло это заглохло безслѣдно: правительство, старавшееся тогда всевозможными способами привлечь козачество къ участію въ московской войнѣ, очевидно, не рѣшилось принять какія-либо репрессивныя мѣры по отношенію къ козацкимъ или какимъ либо инымъ подозрѣваемымъ иниціаторамъ убійства. Точно такъ же заглохло и менѣе замѣтное, нѣсколько болѣе позднее убійство агента митрополита, Оклинскаго, посланнаго въ Кіевъ для сбора даней съ митрополичьихъ крестьянъ: по словамъ его брата, убили его кіевскіе „козачки“—могло ихъ быть человѣкъ тридцать, и поступали они „з ведомости войта киевского Федора Ходыки и всих радец тогож Киева, посполства того места Киевского“, имѣя злобу на митрополита кіевского, а митр. Рутскій подозрѣвалъ въ этихъ убійствахъ иниціативу только что основаннаго передъ тѣмъ кіевскаго братства[2]).

Таковы были извѣстные намъ наиболѣе ранніе факты участія козаковъ въ церковной борьбѣ, предшествовавшіе громкому факту, создавшему эпоху—возстановленію православной іерархіи подъ козацкой протекціей. Они въ общемъ мелки, могутъ быть сведены къ категоріи простыхъ козацкихъ безчинствъ, такихъ же, какимъ было участіе козацкихъ вождей въ разныхъ сосѣдскихъ спорахъ и набѣгахъ мѣстныхъ шляхтичей, каково участіе отрядовъ Наливайка въ счетахъ православныхъ волынскихъ помѣщиковъ. Но за этими фактами стоитъ козацкая декларація 1610 г.—провозглашеніе полной солидарности козаковъ съ украинскою интеллигенціею въ вопросахъ религіозной (или собственно религіозно-національной) борьбы и готовности со стороны козачества послужить ей всѣми своими силами. Эта декларація придаетъ болѣе глубокое значеніе всѣмъ этимъ разрозненнымъ фак-

[1]) Жалоба эта въ русскомъ переводѣ напечатана въ журналѣ Вѣстникъ Запад. Россіи г. 1864/5 кн. 6, № 4.

[2]) Матеріалы относящіеся къ гетм. Сагайдачнаго № 30, Вѣстникъ Зап. Россіи годъ 1864/5 кн. 4, с. 68.

тамъ и превращаетъ ихъ въ прологъ къ событіямъ 1621 года. Козачество стало сознательнымъ союзникомъ православнаго духовенства и общества, не замедлившихъ воспользоваться его помощью. Рѣзкія выступленія, подобныя убійству Грековича или Оклинскаго, въ этотъ счетъ не идутъ; они по всей вѣроятности не были продиктованы ни кіевскимъ братствомъ, ни магистратомъ, ни высшимъ кіевскимъ духовенствомъ. Но пользованіе козачьими силами въ церковныхъ дѣлахъ тѣмъ не менѣе стало фактомъ (таковы вооруженные наѣзды на захваченныя посторонними печерскія владѣнія, быть можетъ и нѣкоторые другіе факты). Кличка „Наливайковъ", брошенная на православныхъ десять—пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ качествѣ злобной инсинуаціи, находила теперь реальное оправданіе. Козачество за это время неизмѣримо выросло не только матеріально, но и морально. Стало силою, не только несравненно большею, прочною, но и почтенною, съ которою серьезно считались въ политической жизни и къ желаніямъ и настроеніямъ которой уже прислушивались при обсужденіяхъ религіозно-національныхъ вопросовъ на сеймахъ. Особенно подъ предводительствомъ такого крупнаго политика и администратора, какъ Сагайдачный, козачество стало настолько серьезнымъ и солиднымъ политическимъ факторомъ, что съ нимъ и его старшиною, вообще его верхами не было страшно ни стыдно пойти рука объ руку— стать подъ его защиту и заявить объ извѣстной связи съ нимъ. Это открыто признали кіевскіе духовные круги своимъ актомъ 1620/1 г. и выше приведеннымъ манифестомъ, гдѣ они не стѣсняются провозгласить козачество представителемъ государственныхъ, національныхъ и культурныхъ традицій „русскихъ", т. е. украинскихъ по теперешней терминологіи, русской славы и силы, — остаткомъ „старой Руси" сражавшейся съ Олегомъ подъ Царьградомъ, добывавшей для св. Владимира императорскія регаліи[1]) и вмѣстѣ съ нимъ принимавшей отъ цареградской церкви христіанскую вѣру и культуру.

Съ другой стороны, къ такому союзу вели козачество не только моральные, идеологическіе мотивы—религіозность или чувство своей солидарности съ украинскимъ обществомъ, но даже и чисто тактическія соображенія.

---

[1]) Полагаю, что упомянутые въ протестаціи походы Владимира Вел. „на Грецію, Македонію и Иллирикъ"—это отзвуки легенды о Владимировыхъ регаліяхъ.

Если козачество хотѣло осѣсть „на волости", овладѣть Восточной Украиной, утвердиться на ней,—ему необходимо было позаботиться о томъ, чтобы съ различными элементами мѣстного общества у него оказались извѣстныя точки соприкосновенія, извѣстныя связи, общіе интересы. Конечно, они могли найтись для него лишь у украинскихъ элементовъ. Съ сельскою массою уже существовала надежная и крѣпкая связь, хотя и не сведенная къ какой-либо ясной программѣ. Съ того времени, какъ вступленіе въ козачество стало освобожденіемъ отъ крѣпостного права и живымъ протестомъ противъ него, уже козачество имѣло за собой сельскія и низшія мѣщанскія массы и могло черпать изъ нихъ столько силы и помощи, сколько само могло проявить экстенсивной силы и энергіи. Ставъ на почву защиты религіозныхъ и національныхъ правъ украинской народности, оно провозгласило свою солидарность съ остатками украинской шляхты—еще довольно значительными тогда въ Восточной Украйнѣ, съ могущественнымъ духовнымъ сословіемъ и высшими слоями мѣщанства. Это были круги, не имѣвшіе ничего общаго съ козачествомъ въ соціально-экономическомъ отношеніи и даже прямо враждебные ему въ этой сферѣ, такъ какъ они стояли на почвѣ крупной земельной собственности, привилегированнаго землевладѣнія, крѣпостного права. Ихъ козачество могло привлечь на свою сторону лишь защитою религіозно-національныхъ интересовъ. Историческія условія украинской жизни привели къ тому, что въ этотъ моментъ національные интересы, національныя стремленія, національная борьба объединились въ вопросѣ поддержанія православной церкви[1]). Охраняя ея интересы, ея достояніе, козачество привлекало къ себѣ всѣ слои, отстаивавшіе національные и религіозные интересы украинскаго народа.

Такой союзъ на двѣ стороны былъ очень выгоднымъ для козачества. И съ обще-національной точки зрѣнія можно было считать благопріятнымъ тотъ фактъ, что между двумя полюсами украинскаго населенія, разобщенными соціально-экономическими интересами—этой пропастью польско-шляхетскаго права, оказывалось посредствующее звено въ видѣ козачества и связывало

---

[1]) Подробнѣе см. въ VI т. гл. IV; болѣе популярное изложеніе причинъ и обстоятельствъ, повліявшихъ на замѣну національнаго мотива религіознымъ, въ моей книгѣ: Культурно-національний рух на Україні в XVI—XVII в.), 1912.

новыми узами разсыпанную украинскую народность. Правда, можно было побаиваться, что, ища союза и соглашенія съ высшими духовными, дворянскими и мѣщанскими кругами, козачество ослабитъ свое тятотѣніе въ сторону крестьянскихъ, крѣпостныхъ круговъ: будетъ слабѣе подчеркивать свои общіе съ союзниками съ лѣвой стороны моменты, слишкомъ считаясь съ союзниками съ правой стороны—собственниками, владѣльцами земель и крѣпостныхъ. Дѣйствительно мы видимъ, что въ то время, какъ защита православной вѣры проявилась у вождей козачины во вполнѣ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ и требованіяхъ, включенныхъ въ козацкія обращенія къ правительству,—охрана интересовъ крестьянскихъ массъ не вышла за все время изъ первоначальныхъ, очень примитивныхъ стадій козацкой демагогіи среди крестьянства и стихійнаго уничтоженія всего, связаннаго съ крѣпостнымъ правомъ—въ періоды возстаній. До опредѣленнаго, вполнѣ сознательнаго протеста противъ шляхетскаго права вообще, до какой-либо программы защиты правъ сельской крестьянской массы или подданной вообще козачество не дошло: не вышло за предѣлы требованія извѣстныхъ исключеній изъ польскаго права для себя и не пришло къ принципіальному отрицанію польско-шляхетскаго режима вообще или, еще опредѣленнѣе говоря—козацкое отрицаніе крѣпостного права не вышло изъ стихійныхъ формъ разгромовъ въ моменты возстаній и не сложилось въ форму какихъ-либо программныхъ дѣйствій.

Конечно, трудно сказать опредѣленно, что въ этомъ направленіи повліялъ союзъ козачества съ привилегированными украинскими элементами, заключенный на почвѣ защиты религіозныхъ и національныхъ интересовъ. Возможно, что здѣсь сыгралъ главную роль тотъ фактъ, что задачи въ сферѣ религіозной были уже и безъ того продуманы и выяснены, имѣли характеръ вполнѣ ясный, конкретный, удобный для формулировки, а пожеланія народныхъ массъ—не вылились въ такомъ продуманномъ и сформулированномъ видѣ. У самихъ крестьянскихъ массъ они остались въ стадіи неясныхъ пожеланій и грезъ. Мечты о жизни „без холопа і без пана“ самимъ сторонникамъ ея казались, въ извѣстной мѣрѣ, утопической грезой, а практическое осуществленіе ихъ требовало чрезвычайно смѣлой и сильной творческой мысли и глубоко продуманной планомѣрной творческой работы. Также и чисто національныя требованія, хотя и были, несомнѣнно, близки и указаннымъ выше привилегированнымъ элементамъ и козаче-

ству, тоже не нашли своего выраженія въ его программѣ, за исключеніемъ сферы церковныхъ отношеній и нѣсколькихъ конкретныхъ вопросовъ (какъ-то: школы, допущеніе къ высшимъ должностямъ православныхъ и т. п.)—потому что тоже не были конкретизованы и выражены въ какой-либо ясной программѣ.

При томъ въ соціальномъ отношеніи само козачество, и въ особенности его высшіе, руководящіе круги не представляли чего либо единаго. Какъ раньше, такъ и теперь въ составѣ этихъ круговъ входили въ значительномъ количествѣ представители шляхетскихъ родовъ, шляхетскаго мелкаго (и даже средняго) землевладѣнія и отношеніе ихъ къ идеаламъ безпанскаго существованія было неизбѣжно иное, чѣмъ представителей крестьянскаго козачества или подлиннаго пролетаріата.

Важное значеніе имѣло также и то обстоятельство, что церковные и религіозные вопросы не стояли въ такомъ рѣшительномъ и непримиромъ противорѣчіи со всѣмъ общественнымъ укладомъ Рѣчи Посполитой и могли быть разрѣшены въ его предѣлахъ, въ то время какъ пожеланія безпанскаго существованія были вопросомъ жизни и смерти для всего этого уклада и могли быть осуществлены не иначе, какъ путемъ полнаго разгрома Рѣчи Посполитой или полнаго разрыва съ нею. Общественныя мысль и общественная энергія шли въ направленіи меньшаго сопротивленія.

Такъ или иначе, остается фактомъ, что свои отношенія къ религіозно-національнымъ вопросамъ козачество выяснило и въ видѣ извѣстныхъ конкретныхъ требованій включило въ свою программу по отношенію къ правительству. Отношенія же къ соціально-экономическимъ требованіямъ массъ не вышли изъ стадіи извѣстнаго созвучія, извѣстной симпатіи или общности интересовъ, и порвать совершенно и безвозвратно съ соціальнымъ міровоззрѣніемъ шляхетскихъ дворянскихъ круговъ и вообще всего общества Рѣчи Посполитой козачество такъ и не надумало,—или не рѣшилось.

Провозгласивъ въ началѣ второго десятилѣтія XVII в. религіозные украинскіе интересы своими интересами, заявивъ о своей солидарности съ православнымъ духовенствомъ и тѣми общественными элементами, которые выступали въ защиту этихъ интересовъ, козачество, а въ особенности его верхніе слои, съ теченіемъ времени должны были все глубже входить въ ту культурно-религіозную и національную жизнь, которая какъ разъ па

протяженіи второго десятилѣтія XVII в. все ярче разгоралась въ ближайшемъ, восточно-украинскомъ центрѣ, Кіевѣ.

Эти два явленія шли рядомъ, тѣсно переплетаясь своими вліяніями.

Кіевъ издавна стоялъ въ довольно тѣсной связи съ козачествомъ. Еще въ 1580 г. Кіевляне въ своихъ жалобахъ на воеводское управленіе обращаются къ козацкой старшинѣ („къ пану Оришовскому, гетману запорожскому") [1]. Теперь, по мѣрѣ того, какъ окозачивались ближайшія окрестности Кіева, какъ козацкія гнѣзда все болѣе густою и тѣсною сѣтью охватывали его со всѣхъ сторонъ, связь козачества съ Кіевомъ становилась еще тѣснѣе. По одному этому не могла оставаться безъ извѣстнаго впечатлѣнія и вліянія на козацкіе круги національная культурно-религіозная жизнь, начинавшая развиваться въ Кіевѣ. Съ другой стороны, имѣя подъ рукой, наготовѣ козацкую силу, увѣренные въ ея помощи и солидарности, кіевскіе духовные круги находили въ ней поощреніе для новыхъ, все болѣе смѣлыхъ и важныхъ шаговъ въ развитіи національной культурно-религіозной жизни, въ ея защитѣ, въ обезпеченіи ей крѣпкихъ основъ для дальнѣйшаго существованія [2].

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. VII I с. 255.

[2]) Кіевское религіозно-національное и просвѣтительное движеніе первыхъ десятилѣтій XVII в. до сихъ поръ еще очень мало изслѣдовано. То, что сдѣлано до сихъ поръ, заключается прежде всего въ двухъ работахъ проф. Голубева: Исторія кіевской духовной академіи т. I (единственный) 1886, и Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, т. I, 1883; здѣсь собраны нѣкоторыя свѣдѣнія и о печерскомъ кружкѣ, обслѣдовано начало братства и братской школы. Къ исторіи этой школы кое что цѣнное прибавляетъ еще работа проф. Харламповича: Западнорусскія православныя школы, въ меньшей мѣрѣ—книга польскаго историка Ал. Яблоновскаго Akademia Kijowo-Mohilanska, 1899 (болѣе компилятивная). Полемикѣ со взглядами Голубева на начало кіевскаго братства посвящены статьи Н. Оглоблина „Къ вопросу о началѣ кіевской академіи" (К. Стар. 1886, III) и Каманина „Еще о древности братства и школы въ Кіевѣ" (Чтенія кіевскія, IX. 1895)—они пытались защищать существованіе братства въ Кіевѣ уже въ концѣ XVI в. Изъ общихъ курсовъ церковной исторіи сравнительно больше занимался этимъ періодомъ митр. Макарій (т. X. с. 467—479), но все ж ограничился довольно поверхностнымъ обзоромъ главнѣйшихъ фактовъ; еще менѣе Пелешъ и Чистовичъ. Изъ историковъ придавалъ большое значеніе этой эпохѣ Кулишъ, чрезвычайно высоко ставя дѣятельность Сагайдачнаго и въ особенности Борецкаго (послѣдняго онъ представлялъ идеаломъ христіанскаго культурнаго дѣятеля); но онъ также останавливается главнымъ об-

Старый Терехтемировскій монастырь на половинѣ дороги между Кіевомъ и Черкасами (крайнимъ сторожевымъ пунктомъ волости, за которымъ начиналось уже полное и неограниченное господство козачества) являлся своего рода посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ. Здѣсь была полуофиціальная козацкая резиденція на волости, гдѣ происходили козацкія рады, гдѣ находился козацкій арсеналъ и вмѣстѣ съ тѣмъ монастырь, возобновленный Запорожцами, ихъ единственная патрональная святыня въ продолженіи долгаго времени. Такимъ образомъ Терехтемировъ объединялъ чисто козацкіе политическіе интересы съ религіозно-національными вопросами, которые считались теперь козачествомъ своимъ дѣломъ. Во главѣ Терехтемировскаго монастыря стоялъ тогда (въ 1616—1620 гг). человѣкъ, прошедшій мало замѣченнымъ въ нашихъ источникахъ, но несомнѣнно сыгравшій въ тогдашнихъ отношеніяхъ очень видную роль. Это былъ архимандритъ Іезекіиль Курцевичъ-Булыга, изъ рода волынскихъ князей Курцевичей-Булыгъ; слѣдовательно свой человѣкъ въ средѣ украинскихъ помѣщиковъ и магнатовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ просвѣщенный, образованный, бывалый—воспитанникъ падуанскаго университета, въ каталогахъ котораго онъ одинъ изъ всѣхъ записалъ подъ 1600 г. по-украински свое имя. Подъ его рукою Терехтемировскій монастырь занимаетъ важную и интересную политическую позицію. Сюда наѣзжало кіевское духовенство, даже самъ митрополитъ, чтобы присутствовать на козацкой радѣ, вліять на ея совѣщанія и быть въ курсѣ козацкой политики. Терехтемировскіе

разомъ на фактахъ внѣшнихъ, начиная съ возобновленія іерархіи, и все болѣе впадаетъ въ своемъ изложеніи въ беллетристически-риторическую манеру (т. II и III Исторіи возсоединенія). Не изучено ближе даже печатное наслѣдіе кіевскаго кружка этихъ временъ—кіевскія изданія, весьма цѣнныя для исторіи кіевской культурной жизни этого времени; о нихъ Каратаевъ Описаніе славяно-рус. книгъ, Голубевъ П. Могила I с. 392—401; о граверахъ единственная работа: Ровинскій Словарь русскихъ граверовъ (многочисленные снимки). Наиболѣе вниманія привлекало къ себѣ возобновленіе православной іерархіи и борьба за ея признаніе; литература и источники указаны ниже. Наконецъ, есть нѣсколько біографическихъ статей, посвященныхъ главнѣйшимъ дѣятелямъ этой эпохи: П. Викулъ Кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій (Подол. епарх. вѣдом. 1894), К. Харламповичъ Іосифъ Курцевичъ, архіепископъ суздальскій, б. владимирскій и брестскій (1621—4) (Волынскія Епарх. Вѣдомости, 1900); о Плетенецкомъ и Берындѣ см. ниже, с. 119 и 125. Болѣе раннія работы о Смотрицкомъ указаны въ т. VI Исторіи Украины прим. 10.

монахи являлись представителями кіевскихъ круговъ въ самомъ сердцѣ козачества. Замѣтное въ это время движеніе въ окрестностяхъ Терехтемирова было однимъ изъ симптомовъ роста козачества на волости. Лѣтомъ 1618 г. кіевскій земскій писарь Сущанскій-Проскура заносилъ жалобу на „игумена и всѣхъ черницовъ монастыря Терехтемировскаго и всѣхъ фундаторовъ албо надавцовъ того-жъ монастыря то есть гетмана, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ и всѣхъ козаковъ (войска) Запорозского“, что они захватили въ сосѣднихъ имѣніяхъ Проскуръ село Григоровъ, наславъ козаковъ и терехтемировскихъ мѣщанъ, и присоединили его къ Терехтемировскому монастырю. Точно также и около того же времени козаки захватили и отдали Терехтемировскому монастырю другое сосѣднее имѣніе Олизара—село Подсуче. Козацкая резиденція и козацкій монастырь ширились и росли и играли важную роль въ качествѣ посредниковъ между новымъ возрожденнымъ Кіевомъ и козачествомъ съ его новымъ курсомъ національной политики.

Въ теченіе перваго и второго десятилѣтій XVII в. Кіевъ становится все болѣе замѣтнымъ центромъ украинской религіозной національной жизни и пульсъ великой религіозно-національной борьбы чувствуется въ немъ все сильнѣе и ярче. Благодаря козацкому реваншу, благодаря росту колонизаціи съ концомъ XVI в. онъ переставалъ быть—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, уединеннымъ замкомъ на украинскомъ пограничьѣ, военнымъ форпостомъ, открытымъ для всякой тревоги и опасности, какимъ былъ раньше. Въ немъ развивалась общественная и культурная жизнь, а съ нею все сильнѣе устремлялись сюда представители тогдашней офиціальной польской культуры и по реакціи—вызывали тѣ явленія и формы, въ какихъ выливалась тогдашняя національная украинская оппозиція противъ посягательствъ государственной культуры. Бискупъ кіевскій Христофоръ Казимирскій, получивъ въ 1598 г. кіевскую католическую каѳедру, заботится объ устройствѣ своей резиденціи въ Кіевѣ (его предшественникъ Верещинскій, первымъ послѣ долгихъ вѣковъ лично явившійся въ своей кіевской діецезіи, имѣлъ свою резиденцію въ Фастовѣ). Казимирскій строитъ себѣ палату, предпринимаетъ мѣры къ постройкѣ католической каѳедральной церкви, собираетъ для этой цѣли пожертвованія среди благочестивыхъ католиковъ [1]). Старая домини-

[1]) Стороженко О существовавшихъ въ г. Кіевѣ римско-католическихъ храмахъ (сборникъ Eranos).

канская миссія, разросшись, строитъ себѣ въ началѣ XVII в. костелъ изъ остатковъ вышгородской церкви Бориса и Глѣба, а позднѣе каменный же конвентъ (монастырь). Почитатель іезуитовъ Жолкевскій, будучи кіевскимъ воеводою, носится съ планами основанія іезуитской коллегіи, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его ухода съ воеводства, этотъ планъ приводится въ исполненіе кіевскимъ бискупомъ Радошовскимъ: въ 1620 г. онъ, въ самомъ дѣлѣ, устроилъ въ Кіевѣ первую іезуитскую миссію; но въ Кіевѣ іезуитамъ не понравилось, они поселились въ Фастовѣ, и только въ 1640-хъ годахъ воевода Тышкевичъ положилъ основаніе іезуитской коллегіи въ Кіевѣ. Менѣе взыскательные бернардины поселились здѣсь еще съ 1620-хъ гг. [1]).

Но одновременно появляются и украинскія просвѣтительныя учрежденія. Печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій, преемникъ въ игуменствѣ славнаго Никифора Тура, вооруженной силой отстоявшаго отъ уніи Печерскій монастырь,—умѣлъ использовать козацкую силу не только для возвращенія печерскихъ имѣній, конфискованныхъ королемъ, но и развилъ подъ покровомъ козацкой опеки чрезвычайно живую и плодотворную культурную работу. Огромныя средства, собранныя и старательно сбереженныя поколѣніями печерскихъ старцевъ и игуменовъ, нашли себѣ, послѣ долгихъ вѣковъ застоя, благородное примѣненіе въ нуждахъ культурныхъ и національныхъ запросахъ своего народа.

Подчас праве утисков, подчас бѣд церковных,
Подчас ей турбацій и невчасу полныхъ,

какъ выражается его панегиристъ, Плетенецкій открылъ новую эпоху въ жизни этой твердыни украинскаго аскетизма и превратилъ Печерскій монастырь въ первостепенную культурную силу. Его сотрудникъ, позже преемникъ на посту игумена, Зах. Копыстенскій, съ особою силою отмѣчаетъ, что Плетенецкій „былъ отцомъ не только для лавры, но и для всего народа русскаго“, „и такъ ся тому святому заслужилъ мѣсцу, ижъ штоколвекъ по немъ за помочю божею въ томъ пречистой Богородицы монастыру дѣетъ и дѣяти будетъ, все на его основѣ, на его фундаментѣ, на его будовли починати будовати и кончити будетъ“ [2]). Этимъ

[1]) Сборникъ матеріаловъ о Кіевѣ с. 103—4, Лебединцевъ Истор. замѣтки о Кіевѣ—Кіев. Старина 1884, X с. 233, Петровъ Истор. топогр. очерки Кіева с. 218—9, Załęski Jezici w Polsce IV с. 1440—2, Стороженко ор. с.

[2]) „Омилія на роковую память о. Елисея Плетенецкого“ с. 50.

онъ заслужилъ себѣ вѣчную память въ исторіи украинской жизни, и приходится сильно пожалѣть, что намъ такъ мало извѣстны подробности о немъ и его культурной работѣ въ Кіевѣ.

Изъ двухъ сочиненій, посвященныхъ печерскому архимандриту—панегирика, изданнаго въ 1618 г. подъ варварскимъ заглавіемъ: „Вѣзерункъ цнотъ превелебного въ Бозѣ его милости господина отца Елисеа Плетенецкого архимандрита кіевского монастыря печарского“ [1]), и надгробнаго слова его преемника Захарія Копистенскаго [2]) мы получаемъ лишь скудныя и отрывочныя свѣденія, которыя лишь въ очень немногомъ можемъ пополнить изъ другихъ источниковъ [3]). Знаемъ, что Елисей Михайловичъ Плетенецкій былъ шляхетского рода („зацныхъ и побожныхъ родичовъ былъ уроженый“), изъ мелкопомѣстной шляхетской семьи, получившей фамилію отъ своего родового гнѣзда Плетеничъ, недалеко отъ Золочева, въ окрестностяхъ Львова [4]). Родъ этотъ ничѣмъ не выдавался и исчезъ въ началѣ XVII в. Будущій архимандритъ родился около 1550 г. Онъ выбралъ себѣ духовную дѣятельность. Въ началѣ 1590-хъ годовъ, сорока лѣтъ отъ роду, онъ сдѣлался архимандритомъ пинскаго лещинскаго монастыря и въ этомъ званіи принималъ участіе въ православномъ берестейскомъ соборѣ. Вѣроятно, здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе рѣшительною оппозиціею уніи, и благодаря этому три года спустя (1599) получилъ печерскую архиманцрію — важнѣйшую православную позицію того времени, и на соймѣ 1605 г. православнымъ удалось добиться отъ правительства утвержденія его на этомъ посту [5]).

---

[1]) Перепечатано въ кіевскихъ Запискахъ т. V, проф. Перетцомъ.

[2]) Казанье на честномъ погребѣ блаженного мужа и превелебного отца Кур Еліссеа въ іеремонасѣхъ Евѳимія Плетенецкого, архімандріта монастыра печерского кіевского, преставленного въ року 1624, въ октобру дни 29 презъ іеромонаха Захарію Копистенского тогды нареченного, а тепер милостію божіею архимандрита того же монастыря печерского кіевского твореное и проповѣданое, Кіевъ, 1625.

[3]) Краткія біографіи Плетенецкаго у Голубева Исторія кіев. Академіи с. 100, также въ его книгѣ П. Могила т. I с. 165 и слѣд., и при указанной перепечаткѣ „Вѣзерунка“.

[4]) Въ львовскихъ актахъ XV в. (Akta gr. i ziem. т. XIV и XV): Ивашко, Федько, Андрей, Филипко, Иванъ, Стахно, Василій alias Васько, Евфимія Плетенецкая. Въ 1578 г. Иванъ Плетенецкій, сынъ его Каспаръ (кн. галицкаго грода № 95). Въ переписи 1651 г. Плетенецкихъ въ Плетеничахъ уже нѣтъ.

[5]) Акты Ю. З. Р. II № 17, ср. т. VI Исторіи Украины, с. 573—4.

На позиціи печерскаго архимандрита Плетенецкій пробылъ полныхъ двадцать пять лѣтъ, до своей смерти въ 1624 г.

Однако и здѣсь мы довольно долго не слышимъ ничего выдающагося объ его дѣятельности—кромѣ процессовъ за монастырскія имѣнія и жалобъ, принесенныхъ на него и на другихъ монастырскихъ старшихъ частью монастырской братіи: монахи эти жаловались, что архимандритъ и „старшіе полатники и застолпники монастырскіе“ неизвѣстно куда дѣваютъ значительный излишекъ монастырскихъ доходовъ, „который слѣдовало бы скорѣе обращать на нужды монастырскія и монашескія“ [1]. Можно думать, что уже тогда архимандритъ сталъ откладывать кое-что изъ расходовъ на сытую и пьяную монастырскую жизнь, предназначая ихъ на иныя, культурныя потребности и началъ привлекать въ монастырь людей съ литературными и научными интересами. Но все то, что изъ сферы дѣятельности Плетенецкаго извѣстно намъ подробнѣе, относится уже къ срединѣ второго десятилѣтія XVII в., когда въ Кіевѣ сразу обозначается сильное культурное и просвѣтительное движеніе, подъ вліяніемъ той поддержки, какую оказало и обѣщало оказывать впредь въ религіозно-національныхъ вопросахъ козачество.

Печерскій архимандритъ покупаетъ типографію, основанную въ Стрятинѣ Гедеономъ Балабаномъ въ разгаръ его борьбы съ львовскимъ братствомъ, и потомъ заброшенную; перевозитъ ее въ Кіевъ, расширяетъ и увеличиваетъ—быть можетъ воспользовавшись стрятинскимъ инвентаремъ лишь какъ моделью для гораздо большаго новаго инвентаря. Упомянутый панегирикъ такъ описываетъ это памятное въ кіевской жизни событіе:

Бось воскресилъ друкарню припалую пыломъ
Балабана цнотъ велких речю и тежъ дѣломъ:
Онъ за благословенствомъ отца намъ святого
Удалъ ся до ремесла (могу речи) цного,
Ты засъ яко милостник церкви збытъ ревнивый,
Хотѣлъ и допялесь то яко не лѣнивый:
По зестю его з свѣта друкарню вскресити
И презъ выдаванье книгъ церковъ украсити.

По всей вѣроятности, это имѣло мѣсто около 1615 г. [2]).

---

[1]) Акты Ю. З. Р. II № 28.

[2]) По этому вопросу неоднократно велась оживленная полемика: была ли печерская типографія въ это время основана впервые или существовала и раньше и лишь была расширена и возобновлена черезъ присоединеніе къ ней стрятинской. Оба взгляда ведутъ

Въ концѣ 1616 или въ 1617 г. вышла уже первая книга изъ новой печерской типографіи—Часословъ [1]). Еще ранѣе ея начато монументальное для того времени изданіе „Анѳологіонъ“ (16+1048 стр. въ листъ), но оно вышло только въ 1619 г., и передъ выходомъ его наскоро былъ отпечатанъ и выпущенъ въ свѣтъ упомянутый Часословъ, между прочимъ—чтобы удовлетворить спросъ на него кіевскихъ школъ какъ на первую школьную книжку. Огромные доходы Печерскаго монастыря нашли теперь себѣ приложеніе. Книга выходила за книгою. За пятнадцать лѣтъ со времени появленія Часослова (1617—1631) печерская типографія выпустила нѣсколько десятковъ книгъ: нам извѣстно свыше 30 печатныхъ произведеній, среди нихъ цѣлый рядъ изданій монументальныхъ для того времени размѣровъ, а также такихъ, которыя являлись результатомъ трудовъ собранныхъ здѣсь литературныхъ силъ. Въ суммѣ это превосходило все

свое начало еще изъ XVIII ст., обзоръ этой старой литературы въ статьѣ Голубева О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ (К. Старина 1882 кн. VI). Строевъ, м. Евгеній, потомъ Максимовичъ и Закревскій выяснили достаточно обстоятельно начатки кіевскаго книгопечатанія и печерской типографіи, пріурочивая ихъ приблизительно къ 1615 г. Троцкій, Малевичъ, Гильдебрандтъ въ своихъ статьяхъ, печатавшихся въ 1860—1870 годахъ, пробовали отодвинуть его начало назадъ, перенося даже въ XVI в., но для этого до сихъ поръ нѣтъ никакихъ прочныхъ основаній. Цитированный панегирикъ Плетенецкому (Вѣзерункъ цнотъ) и типографскія статьи при изданіяхъ Часослова 1617 г. и Анѳологіона 1619 выясняютъ начало печерской типографіи очень обстоятельно. Аргументы, выдвинутые защитниками гипотезы о болѣе раннемъ началѣ типографіи, не существенны. Критика ихъ въ указанной статьѣ Голубева и въ его же книгѣ П. Могила, т. I, экскурсъ на с. 386—412. Новѣйшая полемика Голубева и Титова (Голубевъ Объяснительные параграфы по исторіи западнорусской церкви (Труды кіев. акад. 1906, XII), Титовъ Разъяснительные параграфы по исторіи западнорусской церкви (ib. 1907 VI) и Голубевъ Нѣсколько страницъ изъ новѣйшей исторіи Кіевской Духовной Академіи, 1907), въ общемъ мало интересна и выдвигаетъ снова позднѣйшія упоминанія печерскихъ актовъ о лаврскихъ изданіяхъ до 1616 г. (особенное значеніе придается здѣсь акаѳисту успенію 1606 г., упомянутому въ официіальной перепискѣ лавры съ синодомъ конца XVIII в.). Безъ ближайшаго обслѣдованія лаврскаго архива трудно придавать этимъ позднѣйшимъ упоминаніямъ значеніе въ виду категорическихъ современныхъ извѣстій 1617—1619 гг.

[1]) Заглавный листъ не сохранился, предисловіе датировано 20 декабря 1616 г. (Каратаевъ с. 340).

то, что дали всѣ остальныя типографіи Украины за все время, начиная отъ ихъ основанія и до указаннаго времени (1631 года). Для удовлетворенія нуждъ типографіи Плетенецкій основалъ бумажную фабрику въ монастырскомъ имѣніи въ Радомыслѣ, на р. Тетеревѣ „коштомъ немалымъ не подивене в томъ краю якъ речъ небывалую“ [1]). Должна была существовать своя словолитня. Появляются свои граверы и живописцы; - уже Анѳологіонъ 1617 г. украшенъ 18 изображеніями святыхъ, нѣкоторыя изъ нихъ очень интересны какъ отзвуки старыхъ мѣстныхъ художественныхъ традицій. На этомъ поприщѣ—гравюры, иллюстраціи, Печерскій монастырь надолго занялъ единственную въ своемъ родѣ позицію не только въ цѣломъ украинскомъ, но и во всемъ восточно-славянскомъ мірѣ въ качествѣ наиболѣе крупнаго разсадника церковной живописи, гравюры, иллюстраціи. По сравненію съ чрезвычайно скудными въ этомъ отношеніи острожскими изданіями, почти лишенными какихъ-бы то ни было печатныхъ украшеній, печерская типографія открываетъ новую эпоху въ украинскомъ искусствѣ.

Собирается и цѣлый рядъ литературныхъ и научныхъ силъ, превращающихъ Печерскую лавру въ своего рода богословскую академію. Копыстенскій, одинъ изъ членовъ этого кружка, избранный потомъ Плетенецкимъ своимъ „сукцессоромъ“ на архимандріи, въ своемъ надгробномъ словѣ Плетенецкому подчеркиваетъ какъ особенную заслугу это собираніе печерскаго ученаго кружка („людей учоныхъ, от негож на тое мѣсце зведеныхъ“) [2]) и въ своемъ словѣ, произнесенномъ въ годовщину его смерти, называетъ его „учоныхъ людей прибѣжище, науки любячихъ промотора и школъ на разныхъ мѣсцахъ зычливого фундатора“ [3]). Онъ „намъ науки познанія разныхъ діалектовъ и пониманія божественнаго писанія желалъ и дидаскаловъ искусныхъ разыскивалъ, іерокириковъ, то есть проповѣдниковъ слова божьяго церковнаго приспособлялъ, пристраивалъ и содержаніе ихъ положенію и обязанности пристойное и достаточное доставлялъ“ [4]).

Въ качествѣ первостепенныхъ силъ этого печерскаго кружка намъ извѣстны прежде всего самъ Копыстенскій, затѣмъ Тарасій Земка, Памва Берында, Лаврентій Зизаній, а въ близкомъ отношеніи къ нему стоялъ и первый ректоръ кіевской братской

---

[1]) Казанье на погребъ, с. 56. [2]) Казанье с. 26.
[3]) Омиліа с. 49. [4]) Казанье с. 31.

школы (позже игуменъ Михайловскаго монастыря и митрополитъ) Іовъ Борецкій, вѣроятно, тоже не безъ посредничества Плетенецкаго очутившійся въ Кіевѣ.

Копыстенскаго, родственника извѣстнаго перемышльскаго владыки, впервые встрѣчаемъ въ Кіевѣ въ нач. 1616 г., когда онъ вписывается въ новое кіевское братство вмѣстѣ съ Тарасіемъ Левковичемъ Земкою. Надъ изданіемъ печерскаго Анѳологіона онъ работаетъ въ это время вмѣстѣ съ Борецкимъ и Памвою Берындою. Кромѣ своихъ заслугъ, положенныхъ имъ въ качествѣ преемника Плетенецкаго въ печерской архимандріи и достойнаго продолжателя его культурной работы, Копыстенскій прославился какъ выдающійся богословъ, полемистъ, церковный историкъ и проповѣдникъ. Его монументальная „Палинодія или книга обороны каѳолической, святой апостолской всходней церкви и святых патріарховъ“, написанная по поводу книжки Льва Кревзы Obrona iednosci cerkiewnei (1618), законченная и одобренная къ печати въ 1621 г., но ненапечатанная, осталась верхомъ богословской эрудиціи того времени [1]). Огромный трактатъ (868 столбцовъ теперешней печати) распадается на двѣ половины, въ первой (часть первая и вторая) авторъ полемизируетъ съ католическою доктриною о главенствѣ папы, вторая посвящена исторіи уніи (въ третьей части разбиваются доказательства того, будто бы кіевская митрополія находилась въ уніи съ Римомъ до флорентійской уніи, часть четвертая посвящена исторіи берестейской уніи). Почему эта капитальная и для своего времени чрезвычайно цѣнная работа осталась неизданной, остается неяснымъ (довольно вѣроятно предположеніе, что въ то вре-

[1]) О ней монографія Завитневича: Палинодія Зах. Копыстенскаго (Варш. 1883), кое-что также въ статьѣ Ал. Сушка: Причинки до студий над текстом Палїнодиї (Записки львовскія т. LIV,—здѣсь же и объ одной позднѣйшей компиляціи, опиравшейся на Палинодіи), и въ той же книжкѣ Записокъ замѣтка Ив. Франка о значеніи названія трактата: значеніе это не ясно, есть слово παλινῳδία (отъ ᾠδή) отвѣтное пѣніе, отповѣдь и παλινοδία (ὁδός) обратный путь; очевидно, должно быть принято первое толкованіе. Текстъ Палинодіи изданъ въ т. IV Рус. истор. библ. по двумъ, не очень исправнымъ копіямъ, въ 1878 г. Въ нѣкоторыхъ копіяхъ вмѣстѣ съ Палинодіею помѣщается еще „Книга о правдивой едности православныхъ христіанъ церкви восточной... черезъ іером. Захарія Копистенского написано“, но въ очень плачевномъ состояніи (см. у Завитневича ор. c.).

мя, 1622—1627, сочли нетактичнымъ продолжать религіозную полемику и дразнить противную сторону, добиваясь легализаціи возобновленной православной іерархіи). Произведеніемъ того же Копыстенскаго считается напечатанная безъ имени автора „Книга о вѣрѣ единой св. соборной апостольской церкве“ [1])—дополненная передѣлка болѣе ранняго виленскаго изданія, чрезвычайно популярная позже особенно въ московскихъ кругахъ. Съ именемъ Копыстенскаго были напечатаны только двѣ вышеупомянутыя проповѣди—на похоронахъ и въ годовщину смерти Плетенецкаго, характеризующія его какъ дѣйствительно выдающагося проповѣдника, и кромѣ того нѣсколько предисловій при печерскихъ изданіяхъ этого времени. Копыстенскій, какъ показываетъ содержаніе этихъ предисловій, принималъ очень дѣятельное участіе въ печерскихъ изданіяхъ въ качествѣ переводчика, редактора, издателя.

Памва Берында прославилъ свое имя своимъ словаремъ—„Лексиконъ славянороссій и именъ тлъкованіе, тщеніемъ, вѣденіемъ же и иждивеніемъ малѣйшаго въ іеромонасѣхъ Памвы Берынды, протосѵггела ѳрону іерусалимского“, изд. въ 1627 г. О происхожденіи его и образованіи не имѣемъ сколько нибудь надежныхъ свѣдѣній. О своихъ филологическихъ занятіяхъ самъ Берында въ посвященіи своего лексикона панамъ Балабанамъ разсказываетъ, что живя въ домѣ Федора Балабана, основателя стрятинской типографіи, онъ уже тогда, по его указанію, началъ собирать „реченія и имена словенския“, „аки не у сущу тогда лексікону развѣ любомудра кѵр Лаврентіа Зізаніи“. Этимъ послѣднимъ пользовался вначалѣ и самъ Берында и въ продолженіи цѣлаго ряда лѣтъ не переставалъ пополнять свое собраніе словъ, пока наконецъ, перейдя въ Кіевъ—призванный въ печерскую типографію для редакціи бесѣдъ на апостольскія посланія, надъ которыми онъ работалъ два года „нощеденствуя“, онъ рѣшилъ издать извлеченіе изъ своего собранія „въ пользу спудеемъ (учащимся)“[2]). Словарь этотъ надолго остался самымъ большимъ

---

[1]) О ней у Голубева Библіограф. замѣчанія о старопечатныхъ книгахъ—Труды кіевск. акад 1876, II и арх. Леонида Замѣтка объ одной старопечатной книгѣ—Чтенія московскія 1880, I, Завитневичъ ор. с., Рус. ист. библ. IV прим. 29, Каратаевъ с. 348.

[2]) О словарѣ Берынды въ общихъ обзорахъ: Житецкій, Очеркъ литерат. исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. 1889; Буличъ, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, 1904; Гринченко, Огляд української лексикоґрафії (Записки львов. т. 66), Огієнко, Огляд україн-

и наиболѣе полнымъ толкованіемъ словъ, и послѣ смерти автора былъ перепечатанъ еще въ 1653 г. Независимо отъ того, переселившись въ Кіевъ (вѣроятно, одновременно съ перевозкою въ Печерскій монастырь типографіи Балабана, хотя окончательно онъ устроился здѣсь около 1620 г.) и принявъ здѣсь на себя обязанности завѣдующаго типографіей („архитипографа"), Берында все время, до самой смерти (1632) принималъ очень дѣятельное участіе въ литературныхъ трудахъ печерскаго кружка, исправляя рукописи, просматривая изданія, предпосылая имъ свои предисловія, и т. п.

Третьимъ, тоже весьма дѣятельнымъ, хотя и менѣе замѣтнымъ членомъ печерской издательской компаніи былъ Тарасій Левковичъ Земка, игуменъ братскаго богоявленскаго монастыря и печерскій проповѣдникъ, какъ онъ расписался въ предисловіи къ лексикону Берынды, справщикъ книгъ и начальникъ типографіи, мужъ ученый въ языкѣ греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и русскомъ, какъ величаетъ его въ позднѣйшей эпитафіи Кальнофойскій [1]). Начиная съ первыхъ шаговъ печерскаго издательства (подпись его вмѣстѣ съ Копыстенскимъ читается на братскомъ уписѣ 1616 г. какъ іеромонаха—вѣроятно печерскаго) и до своей смерти въ 1632 г. онъ оставался дѣятельнымъ участникомъ печерскихъ изданій и Кальнофойскій въ указанной эпитафіи напоминаетъ типографамъ: „жили вы имъ, пока онъ жилъ, и онъ жилъ вами". Въ печерскихъ изданіяхъ встрѣчаемъ его стихи, предисловія, переводы „па малороссійскую бесѣду общую", и т. п.

Нѣсколько далѣе, хотя тоже въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ этому кружку, стояли два другихъ выдающихся литературныхъ дѣятеля:

Лаврентій Зизаній, бывшій дидаскалъ (преподаватель) львов ской братской школы, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ и разносторонныхъ людей своего времени, авторъ букваря, грамматики, словаря, катехизиса,—педагогъ, полемистъ, проповѣдникъ, пере-

---

ського язикознавства (ib. т. 79); наиболѣе новая работа о Берындѣ: А. Сычевская, Памва Беринда и его Вирши на Рождество Христово, 1912 (Чтенія общ. Нестора XXIII). Сводъ болѣе старой литературы о немъ—въ рецензіи М. Возняка въ „Запискахъ" львовскихъ т. СХIII.

[1]) Teraturgema, 1638 (выдержки въ Сборникѣ матеріаловъ для ист. Кіева).

водчикъ и редакторъ, онъ появляется въ Кіевѣ около 1620 г., прибывъ изъ сосѣдняго Корца, гдѣ былъ священникомъ съ 1612 г. Въ Кіевѣ онъ переводитъ Бесѣды Златоуста, толкованія Андрея Кесарійскаго на Апокалипсисъ; предисловія этихъ изданій прославляютъ его, какъ „благоговѣйна мужа, словеснѣйша дідаскала и вѣтію, художнаго еллиногреческаго языка умѣніе и искусство стяжавша“, и поясняютъ, что переводъ Бесѣдъ онъ сдѣлалъ по просьбѣ Плетенецкаго.

Иванъ, въ монашествѣ Іовъ Борецкій, тоже бывшій львовскій дидаскалъ, въ Кіевѣ появляется первымъ изъ этого кружка: возможно, что уже въ 1611—2 г. онъ былъ здѣсь священникомъ Воскресенской церкви [1]), а съ основаніемъ братской школы сталъ ея первымъ ректоромъ, потомъ михайловскимъ игуменомъ и митрополитомъ, и въ силу своего положенія лишь отчасти могъ принимать участіе въ трудахъ печерскаго кружка. Кальнофойскій въ своей эпитафіи прославляетъ его за христіанскія и аскетическія добродѣтели, но Косовъ въ „Патерикѣ“ отмѣчаетъ и другія характерныя черты знаменитаго митрополита: что онъ „въ наукахъ свободныхъ, въ знаніи языка греческаго, латинскаго, русскаго едва-ли имѣлъ равныхъ“ [2]). Съ значительною вѣроятностью можно видѣть его произведенія въ интересной протестаціи 1621 г., изъ которой выше мы привели выдержку о козакахъ, и „Юстификаціи“ 1622 г.

Наряду съ этими виднѣйшими дѣятелями встрѣчаемъ цѣлый рядъ второстепенныхъ литераторовъ, каковы—Александръ Митура, авторъ вышеупомянутаго панегирика Плетенецкому (Вѣзерункъ цнотъ, 1618), сынъ Памвы Беринды Лукашъ и родственникъ Стефанъ (авторъ стиховъ въ честь Плетенецкаго), Филоѳей Кизаревичъ, Іосифъ Кирилловичъ и др. Въ большинствѣ это были Галичане—навѣрное знаемъ какъ галицкихъ эмигрантовъ Борецкаго, Копыстенскаго, Зизинія, Берынду [3]); сюда нужно прибавить еще Кас. Саковича, ректора братской школы въ

---

[1]) „Пресвитеромъ храма воскресенія Христова“ называетъ онъ себя еще въ 1617 г.—былъ имъ, очевидно, до перехода въ игумены Михайловскаго монастыря, и Иванъ священникъ воскресенскій, извѣстный намъ съ 1611—2 гг., вѣроятно былъ тотъ же Борецкій.

[2]) Paterikon, с. 180.

[3]) Къ нимъ причисляютъ еще львовскаго клирика Гавріила Дорофеевича, но былъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, въ Кіевѣ,—неизвѣстно.

1620—4 гг., и нѣсколько болѣе поздняго Кальнофойскаго. Это было первое „нашествіе Галичанъ“ на Кіевъ, которые подъ покровомъ и протекціею козацкаго гетмана, также Галичанина, старались культурными средствами Западной Украины возродить на кіевской территоріи заглохшую культурно-національную жизнь и вернуть старой столицѣ Украины ея давнюю національную и культурную роль и значеніе.

Новое движеніе не ограничивалось однимъ Печерскимъ монастыремъ, а расширяясь, создавало все новые очаги его. Плетенецкій съ товарищами, по приведенному выше свидѣтельству Копыстенскаго, желалъ наукъ разныхъ діалектовъ и изученія св. писанія и основывалъ „школы въ разныхъ мѣстахъ“. Одновременно съ основаніемъ типографіи при печерскомъ монастырѣ возникаетъ фундація Гальшки, жены мозырскаго маршала Стефана Лозки. Дарственною своею отъ 14/X 1615 г. отказываетъ она на всенародныя нужды—„правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народа россійскаго въ повѣтахъ воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, сословіямъ духовнымъ и свѣтскимъ, всякаго званія и положенія людямъ россійскимъ, однако лишь тѣмъ, которые въ православной благочестивой восточной церкви, въ послушаніи и благословеніи св. патріарха константинопольскаго неотмѣнно пребываютъ и пребывать будутъ“ свой дворъ въ Кіевѣ, „свое собственное наслѣдственное имѣніе съ правами и вольностями шляхетскими“. Подробность для того времени очень важная, такъ какъ лишь на шляхетскихъ земляхъ основанныя церкви и монастыри не подпадали правительственнымъ репрессіямъ, какъ показали тогдашніе процессы. На этихъ отказанныхъ Гальшкою „добрахъ“ имѣли основаться различныя религіозныя и просвѣтительныя учрежденія: они отдаются на монастырь ставропигіальный, также на школу для дѣтей шляхетскихъ и мѣщанскихъ и на иные способы богоугодной жизни, а также на гостинницу странникамъ духовнымъ. А для болѣе надежнаго осуществленія этихъ плановъ,—заявляетъ основательница—она уже сейчасъ ввела и вводитъ въ это мнѣніе „благовѣрнаго священноинока (печерскаго священника) отца Исаію Купинскаго и другихъ монаховъ, точно также и школу“ [1]).

---

[1]) Дарственная напечатана въ Памятникахъ кіев. комиссіи II № 1 и по другой копіи у Голубева Исторія кіев. акад. приб. 2.

Это были временные владѣльцы, но вслѣдъ за тѣмъ явился на сцену и настоящій хозяинъ, для котораго предназначалось это имѣніе „съ вольностями и правами шляхетскими“. Было имъ братство, задуманное еще раньше, но не организованное формально—вѣроятно въ ожиданіи для него благословенія отъ константинопольскаго патріарха, за которымъ послали инициаторы братства. Въ послѣднихъ числахъ 1615 года братство уже основалось: имѣемъ его „уписъ“ (учредительный актъ), но въ болѣе поздней копіи, безъ даты и лишь съ нѣкоторыми подписями; одинъ изъ меньшей братіи „во иноцехъ Захарія Копистенский исповѣдникъ“ подписался подъ нимъ съ датою 4 янв. 1616 г.—это даетъ дату „упису“ [1]).

Братство учреждалось на основаніи „порядка правъ, пожалованныхъ св. патріархами“ братствамъ львовскому, виленскому, могилевскому и другимъ. Своею цѣлью оно ставило „утѣшеніе и утвержденіе в благочестіи нашему россійскому роду—сыномъ всходнего православія, обывателемъ воеводства Кіевскаго, такъ духовного вшелякого яко и свѣтского, шляхетского стану и всее речи-посполитое местское [2]) и всѣмъ христоименитымъ людемъ, на выконанье христіанскихъ милосердныхъ учинковъ такъ духовныхъ (въ размноженю и въкорененю христіанскихъ добродѣтелей, честного иноческаго житья, въ подаваню наукъ учтивыхъ и въ цвиченю дѣтей народу христіанского—отколя хвала всемогущаго Бога на земли множится, потѣха родичамъ изъ сыновъ наказанныхъ ростетъ, речи посполитой оборона и оздоба предивная фундуется и цвѣтетъ)—яко и тѣлесныхъ (въ обороненю вдовъ и сиротъ и въ поратованю всякихъ людей упадлыхъ)“.

Въ братство записалось „безчисленно“ всякаго народа изъ мѣстнаго духовенства—прежде всего изъ того печерскаго кружка, который несомнѣнно былъ настоящимъ и главнымъ инициаторомъ основанія братства, и свѣтскихъ людей—мѣщанства и шляхты. А самымъ знаменательнымъ было то, что записался и гетманъ

---

[1]) Напечатанъ въ Памятн. Кіев. ком. II № 2 и по другой копіи у Голубева Ист. Кіев. ак. приб. № 1. Первыя подписи подъ „Уписомъ“ относятся къ позднѣйшему времени—вплоть до подписи Копыстенскаго.

[2]) Кіевской городской „рѣчипосполитой, т. е. кіевской мѣщанской общины.

Сагайдачный со всѣмъ козацкимъ войскомъ, принимая такимъ образомъ братство подъ свое спеціальное покровительство и присваивая себѣ формальное право всюду и всегда выступать въ качествѣ его официальнаго заступника и покровителя. Къ сожалѣнію, неизвѣстна болѣе точная дата этого важнаго факта; упоминаетъ о немъ Саковичъ въ своихъ виршахъ на погребеніе Сагайдачнаго, что онъ

При церкви братской честно въ Кіевѣ похованъ,
Въ которое ся братство зо всѣмъ войскомъ вписалъ
И на него ялмужну значную одказалъ [1]).

Но что это случилось не во время предсмертныхъ распоряженій гетьмана, а много раньше, до акта 1620 г.—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Братство объединилось съ фундаціей Гулевичевны и основаннымъ на ея землѣ монастыремъ Богоявленія, превращеннымъ въ патрональный монастырь братства. При немъ тотчасъ же была основана братская школа. Ея первымъ ректоромъ былъ Борецкій. Отъ іюня 1617 г. имѣется его расписка, выданная имъ во Львовѣ львовскимъ братчикамъ за взятыя у нихъ „книжки грамматики грецкіе друка лвовскаго“, то есть за братскій „Адельфотесъ“ [2]). Борецкій, называющій здѣсь себя „ректоромъ братской школы въ Кіевѣ“, вѣроятно нарочно ѣздилъ въ Львовъ во время вакацій, чтобы сдѣлать запасъ всего необходимаго для новой школы. Послѣ него эту должность занималъ, кажется, Мелетій Смотрицкій, до своего посвященія въ полоцкіе архіепископы [3]), а въ 1620—4 гг. Каликстъ (въ монашествѣ Кассіанъ) Саковичъ, сынъ протопопа изъ Потылича, воспитанникъ замойской академіи и краковскаго университета, человѣкъ способный, остроумный, но слабохарак-

---

[1]) Ср. реляцію Рутскаго у Гарасевича с. 250.

[2]) П. Могила I приб. 34.

[3]) Смотрицкаго и Саковича называетъ своими предшественниками по ректорству братской школы Сильвестръ Косъ (Коссовъ) въ своемъ Exegesis-ѣ (выдержки у Голубева Исторія кіев. акад. I прил. с. 83). Голубевъ полагаетъ, что Смотрицкій былъ ея ректоромъ въ 1626—8 гг. по возвращеніи съ Востока, а въ 1618—1620 гг. ректорствовалъ Борецкій (с. 216), но это менѣе вѣроятно, особено въ виду того, что по возвращеніи Смотрицкаго съ Востока братства стояли въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ къ нему, въ виду того что онъ выхлопоталъ у патріарховъ грамоты, лишавшія ихъ ставропигіальныхъ правъ, и вскорѣ его стали подозрѣвать въ уніатскихъ замыслахъ.

терный (перейдя потомъ въ люблинскую школу, онъ перешелъ въ унію, позднѣе въ латинство и сталъ однимъ изъ наиболѣе ярыхъ обличителей и уніи и православія) [1]).

Отъ его времени сохранилось первое свидѣтельство успѣховъ братской школы, извѣстныя уже намъ „Вѣршѣ на жалосный погребъ зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачного", читанныя учениками братской школы, но составленныя не ими, а самимъ Саковичемъ [2]). Имена учениковъ, указанныя при читанныхъ ими строфахъ, характеризуютъ составъ братской школы—все это главнымъ образомъ представители мѣщанскихъ и духовныхъ семей, родственники извѣстныхъ намъ кіевскихъ и другихъ литераторовъ—Берынды, Саковичи, Ставровецкіе, дѣти священниковъ, но есть здѣсь также и шляхтичи—Вороничи, Козаринъ, Скаржевскій и др.

Стихи служатъ иллюстраціею того направленія, въ которомъ шло школьное обученіе въ литературной сферѣ. Они носятъ характеръ вполнѣ схоластическій, испещрены псевдо-классической премудростью, и по стилю и по языку стоятъ подъ вліяніями польско-латинской школы, воспитанникомъ которой былъ Саковичъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуты очень сильнымъ козацкимъ патріотизмомъ, не только благодаря своей темѣ и войску Запорожскому, которому эти стихи посвящены, но и отражая тѣмъ тѣсныя связи, соединявшія кіевское братство съ козацкими кругами. Тутъ, напримѣръ, читаемъ:

О запорожском войску кто письма читаетъ,
Тотъ имъ мензство и славу хоть не радъ признаетъ,
Бо завше въ немъ такіе рыцери бывали,
Што менжне непріателей ойчистыхъ бивали.
И жадное рыцерство въ насъ не есть такъ славно,
Як Запорозкое, и непріателюмъ страшно.

За время ректорства Борецкаго школа имѣла, должно быть, сильнѣе выраженный „греко-славянскій" характеръ, въ духѣ львовской братской школы. Вообще кіевская школа, вѣроятно, организовалась по образцу львовской и шла по ея слѣдамъ: мы видѣли, что во главѣ этого просвѣтительнаго движенія стояли главнымъ образомъ галицкія, львовскія силы, и само братство организова-

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о немъ собраны у Голубева Ист. кіев. акад. с. 214—6 и Харламповича с. 402—4.

[2]) Заключительная строфа „до чительника" проситъ: „автора вѣршевъ тыхъ ласкаве споминай".

лось по образу львовскаго прежде всего. Общій характеръ братской науки характеризуетъ патр. Θеофанъ, называя ее въ своей ставропигіальной грамотѣ „школою наукъ еллино-словенскаго и латино-польскаго письма", а цѣлью ея ставитъ, въ духѣ того времени, воспитаніе въ благочестивой жизни и сообщеніе соотвѣтствующихъ наукъ, „гдѣ желающимъ учиться, а особенно младенческому уму, познаніе вѣры и догматы, установленные св. вселенскими соборами восточной церкви, должны быть искренне предлагаемы и внушаемы учителями той же церкви".

Однако дѣятельность и вліяніе братства не ограничивались тѣсными рамками однихъ братскихъ учрежденій. Очень скоро послѣ своего основанія братство, чувствуя за собой покровительство православной шляхты, мѣстнаго магистрата, а главное—козацкой силы, и имѣя въ своемъ распоряженіи значительныя культурныя средства, которыми обладало кіевское общество 1615—1620-хъ гг., заставило своихъ противниковъ почувствовать свое значеніе. Митрополитъ Рутскій въ своей запискѣ о мѣрахъ къ утвержденію уніи въ Кіевѣ наибольшимъ препятствіемъ для распространенія уніи считаетъ это „новое братство, основанное схизматиками три года тому назадъ, безъ королевской привилегіи,—тамъ они имѣютъ свои собранія и совѣщанія, а слѣдствіемъ ихъ было сейчасъ же то, что вопервыхъ—утопили митрополичьяго официала, потомъ слугу его, собиравшаго подати, поймали съ деньгами, вывели въ дикія степи и приковали къ пушкѣ, а теперь схваченъ также и уніатскій священникъ—а онъ только одинъ и былъ здѣсь, и неизвѣстно, куда его дѣвали; трудно думать о чемъ-нибудь хорошемъ, если не будетъ уничтожено это братство, а уничтожить его можно или властью воеводы, или привлеченіемъ къ надворному королевскому суду" [1]).

Но ни кіевскій воевода, ни самъ митрополитъ не рѣшились поднять на него руки, и братство, а за нимъ и кіевское православное общество все выше поднимали голову. Посѣщеніе патр. Θеофана въ 1620 г. и посвященіе православныхъ владыкъ еще болѣе усилили значеніе братства. Не зная, чѣмъ закончится это предпріятіе, кіевскіе монастыри и вообще духовные круги старались по возможности меньше связывать себя съ этимъ смѣлымъ дерзновеніемъ. Его взяло на себя братство, съ одной стороны и

---

[1]) Напечатана въ Основѣ, 1861, кн. VIII с. 75 (съ ошибочнымъ 1626 г.).

покровители братства—козаки, съ другой. Патріархъ пріютился въ братскомъ „странно-пріимномъ дворѣ“ и жилъ здѣсь все время; въ братской монастырской церкви былъ посвященъ въ митрополиты бывшій братскій ректоръ Іовъ Борецкій, а другой, тогдашній ректоръ—Мелетій Смотрицкій—въ слѣдующую іерархическую позицію, въ полоцкіе архіепископы.

При этомъ братство получило отъ патр. Θеофана (уполномоченнаго на это константинопольскимъ патріархомъ) права ставропигіи для своего монастыря и для другихъ своихъ институцій,—какъ онъ выражается въ своей грамотѣ: „въ ознаменованіе бытности нашей въ городѣ Кіевѣ, на землѣ братской при церкви святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія крестъ водружаемъ и за достойное судивши быть ему ставропигіею патріаршею, на то благословляемъ, никакой духовной власти—митрополичьей, архіепископской епископской и никакой иной въ духовныхъ дѣлахъ, судѣ и благословеніи оно никогда не будетъ подлежать и не будетъ повинно на вѣчныя времена, кромѣ патріаршей константинопольской вселенской столицы“ [1]). Рядомъ грамотъ Θеофанъ утвердилъ и благословилъ братство, основавъ при немъ кромѣ „братства старшаго“ еще „братство младенческое“, которое должно было составиться изъ молодежи, вѣроятно, изъ учениковъ братской школы по образцу ученическихъ „содалицій“ въ католическихъ, особенно іезуитскихъ школахъ. Утвердилъ и благословилъ братскую школу и другія учрежденія—„страннопріимный дворъ“, гдѣ онъ самъ проживалъ „по силѣ дарованія божьяго обывателями города принятый страннолюбно“. Похвалилъ ихъ организацію и пожелалъ на будущее „пребывать въ немъ богобоязненно со всякимъ усердіемъ, въ любви и согласіи [2]).

Кіевъ, послѣ долгаго упадка своей церковной жизни, снова сталъ церковной столицей, резиденціей митрополита, больше того—резиденціей почти всего православнаго епископата для всѣхъ украинскихъ и (бѣлорусскихъ) земель, на долгое время, пока православные владыки, неувѣренные въ своей безопасности, считали за лучшее не показываться въ свои епархіи, оставаясь подъ покровомъ козацкой протекціи въ кіевскихъ и сосѣднихъ монастыряхъ. Становился главнѣйшимъ и важнѣйшимъ культурнымъ

---

[1]) Грамота у Голубева приб. 4.

[2]) Грамоты напечатаны въ Памятникахъ кіев. ком. III № 3—5 и у Голубева приб. 3—5.

центромъ для всѣхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ земель, куда съ разныхъ концовъ и сторонъ созывались и стекались культурныя, научныя, просвѣтительныя силы, борцы за возрожденіе своего народа, увѣренные здѣсь въ безопасности своего убѣжища и въ хорошемъ пріемѣ, даже въ достаткѣ, если не въ карьерѣ. Изъ глухой пограничной берлоги, непривѣтливаго и тревожнаго форпоста превращался онъ въ національную столицу, вмѣстѣ съ тѣмъ—въ боевой лагерь возрожденной украинской Руси, готовой къ борьбѣ, реваншу, завоеванію утраченныхъ позицій.

Такимъ боевымъ настроеніемъ прежде всего было проникнуто это кіевское братство. „Что есть еже въ нашей земли братство православныхъ?—писали въ 1625 г. кіевскіе братчики московскому думному дьяку Грамотину, прося помощи на постройку братской церкви, и такъ поясняли значеніе и задачи своей организаціи: „Братство нарицается, егда христіане православные живуще посредѣ иновѣрныхъ, посредѣ Ляховъ, унѣятовъ и проклятихъ еретиковъ и хотяще отъ нихъ отлучитися и съ ними ничтоже смѣстно имѣти, сами со собою любовно совокупляють ся, имена свои во едино списують и братіами нарицають ся,—се же да твердѣе и скорѣе противовѣрныхъ отразити возмогутъ“ [1]).

Различныя пожертвованія въ пользу братства и покупки земель за значительныя цѣны, совершенныя имъ 1620-хъ годахъ [2]), указываютъ на ростъ его матеріальныхъ средствъ. Въ 1625 г. оно закончило постройку новой братской церкви [3]). А три года спустя король Сигизмундъ, несомнѣнно, хорошо понимавшій роль и значеніе этого гнѣзда схизматиковъ, принужденъ былъ въ виду ходатайства кіевской православной шляхты издать грамоту, гдѣ заднимъ числомъ разрѣшалось основать въ земляхъ Гулевичевны „братство милосердія водле рекгулы св. Василія“, то есть монастырь, при немъ церковь и госпиталь „для людей убогихъ, старыхъ и уломныхъ, такъ духовныхъ, яко и свѣцкихъ, и людей рыцерскихъ, на послугахъ нашихъ и рѣчипосполитое отъ неприятелей нашихъ въ разныхъ битвахъ покалѣчоныхъ“ [4]). О школѣ пока умалчивалось, но это не мѣшало ей продолжать существовать и функціонировать.

---

[1]) Архивъ Ю. З. Р. I. VI 221.
[2]) Онѣ перечислены у Голубева Ист. кіев. акад. с. 167—9.
[3]) Ibid. [4]) Памятники кіев. ком. II № 7.

Во второй половинѣ 1620-хъ годовъ можно замѣтить между различными группами этого возрожденнаго православнаго Кіева извѣстную конкурренцію, нѣкоторую натянутость, которая впрочемъ скоро сглаживается подъ давленіемъ общества, и снова прежде всего—козачества. Возрожденная православная іерархія не сразу сумѣла найти свое мѣсто въ тѣхъ отношеніяхъ, какія сложились въ православной церкви за предшествующіе годы при отсутствіи іерархіи, съ широкою автономіею монастырей и братствъ, выработавшейся вслѣдствіе отступничества владыкъ и санкціонированной патріаршими ставропигіальными грамотами. Рѣзкимъ проявленіемъ этого отсутствія оріентаціи была миссія Смотрицкаго на Востокѣ (1624—5), увѣнчавшаяся патріаршей грамотою, которая уничтожала автономію ставропигіальныхъ церквей, братствъ и монастырей и отдавала ихъ во власть епископа. Я вернусь еще къ этому эпизоду ниже [1]), здѣсь отмѣчу лишь, что эти попытки, равно какъ и извѣстная тенденція къ компромиссу съ католическо-уніатскими кругами, проявленная возрожденною іерархіею въ интересахъ своей легализаціи,—поставили православный епископатъ, собравшійся въ Кіевѣ, въ довольно натянутыя отношенія и къ братству и къ печерскому кружку. Съ другой стороны, новый печерскій архимандритъ, преемникъ Копыстенскаго (съ 1627 г.), энергичный и самолюбивый молодой „воеводичъ земель молдавскихъ“, Петръ Могила, также проявилъ извѣстную склонность къ конкурренціи съ братскими кругами.

Недовольный ли характеромъ и направленіемъ братской школы или просто желая имѣть свою собственную школу, Могила дѣлаетъ попытки къ основанію собственной коллегіи при Печерскомъ монастырѣ и не взирая на неудовольствіе и оппозицію, вызванную этими планами въ кіевскихъ кругахъ и даже среди братіи самого Печерскаго монаттыря, осуществляетъ этотъ планъ.

По словамъ позднѣйшаго воспитанника могилянской коллегіи, П. Могила вскорѣ послѣ своего посвященія въ печерскіе архимандриты, „послалъ отъ имени всѣхъ духовныхъ кіевскихъ къ патріарху въ Константинополь и получилъ отъ него благословеніе на то, чтобъ завести въ Кіевѣ латинскія и польскія школы и, выбравъ прежде всего подходящихъ монаховъ, отпра-

---

[1]) См. въ главѣ IV-ой.

вилъ ихъ въ разныя страны для науки“ [1]). Оппозиція печерскихъ монаховъ, которымъ мало удовольствія доставляло это новое обремененіе печерскаго бюджета, была сломлена суровыми репрессіями; современникъ, кіевскій шляхтичъ Ерличъ разсказываетъ, что когда монахи госпитальнаго монастыря св. Тройцы, предназначеннаго Могилою для помѣщенія новой коллегіи, воспротивились планамъ архимандрита, Могила удалилъ игумена, отнялъ у него деньги, посадилъ въ тюрьму и велѣлъ бить, такъ что тотъ вскорѣ умеръ [2]). Митрополитъ Борецкій, также, кажется, до извѣстной степени отдавшій дань этому соперничеству, поддерживая своими средствами и протекціею частную типографію, находившуюся подъ управленіемъ Спиридона Соболя [3]) и выпустившую въ 1628—9 гг. рядъ изданій, конкурируя съ печерской типографіей [4]),—тщетно старался повліять на Могилу и отклонить его отъ конкурированія съ братствомъ. Въ своемъ завѣщаніи, назначая Могилу своимъ душеприказчикомъ и оставляя ему свою коллекцію греческихъ и латинскихъ книгъ, Борецкій убѣждалъ и ставилъ ему „за наперший и церкве божой и всему православному народови российскому потребнѣйший пунктъ“, „абы школы въ братствѣ кіевскомъ для цвиченя дѣтокъ хрестиянскихъ, а не гдѣ индей фундованы были,—подъ неблагословеніемъ приказую“ [5]). Но Могила стоялъ на своемъ.

За научными и просвѣтительными средствами для своей коллегіи онъ обратился туда же, откуда черпали культурныя силы организаторы печерскаго кружка и братской школы. Лѣтомъ 1631 г. Могила появляется во Львовѣ и 15 іюня даетъ слѣдующую декларацію: „Я, Петръ Могила, божіею милостью ар-

---

[1]) Письмо Гавріила Домецкаго въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ 1846, V с. 37.

[2]) Latopisiec I s. 58—9. Костомаровъ сомнѣвался въ справедливости этого извѣстія (Рус. исторіи въ жизнеописаніяхъ II[3] с. 79), но другія, документальныя извѣстія подтверждаютъ, что въ основѣ его лежитъ дѣйствительный фактъ (Евгенія Описаніе Кіево-печ. лавры приб. 5—7, ср. Голубева П. Могила I с. 332—4). Ерличъ самъ жилъ въ Печерскомъ монастырѣ и очевидно передаетъ печерскую традицію о суровомъ архимандритѣ.

[3]) „Во дворѣ Іова Борецкаго митрополита“—значится на Лимонарѣ 1628 г. изданномъ въ типографіи Соболя.

[4]) См. у Каратаева подъ 1628—9 г.г.

[5]) Завѣщаніе въ Пам. кіев. ком. II № 8.

химандритъ кіевскій печерскій, видя въ православной церкви великую утрату въ душахъ человѣческихъ вслѣдствіе необразованности духовныхъ и недостатка обученія молодежи, по милости и съ помощью божіей и по собственной волѣ моей желая предотвратить такую великую утрату и вернуть заблудшихъ отъ православія, умыслилъ основать школу для того, чтобы молодежь во всякомъ благочестіи, въ обычаяхъ добрыхъ, въ наукахъ свободныхъ была обучаема,—и то не для какой-либо выгоды или славы моей, а только во славу и честь живоначальной Троицы, на пользу и утѣшеніе правовѣрнаго рода. Для этого дѣла божія собралъ я у себе братію, желая, чтобы она, на извѣстныхъ правилахъ, участвовала въ этомъ святомъ дѣлѣ. Ей я буду выдавать подобающее содержаніе, какъ на прожитокъ и одежду, такъ и на иныя потребности, изъ своихъ собственныхъ средствъ на вѣчныя времена, на извѣстное число лицъ, соотвѣтственно фундаціи, чтобы они безпрепятственно отправляли дѣло божье. Однако, пока меня благодать божія держитъ на этомъ свѣтѣ, я всячески и во всемъ буду ихъ опекуномъ и споспѣшникомъ, насколько будутъ позволять мнѣ мои способности и занятія архимандричьи и насколько будутъ требовать этого ихъ надобности при служеніи душамъ людскимъ. А чтобы осуществленіе этого дѣла божія не терпѣло замедленія, и чтобы братія призванная къ этому, собиралась безъ всякой отговорки, я теперь тѣмъ при мнѣ пребывающимъ честнымъ отцамъ и братіи: іеромонаху Исаи Трофиміусу и монаху Сильвестру Косову и впредь къ нимъ собирающимся обѣщаю отъ всего сердца моего передъ Господомъ Богомъ, что я все, написанное въ моей фундаціи, данной имъ мною, безъ промедленія буду проводить въ исполненіе въ Кіевѣ, въ монастырѣ Печерскомъ, или гдѣ я и они найдемъ нужнымъ. А эту фундацію въ формѣ законной и вполнѣ надежной представлю имъ какъ можно скорѣе, не долѣе во всякомъ случаѣ, какъ двѣнадцать мѣсяцевъ будутъ они ждать исполненія этого моего обѣщанія. А все это, чтобы было надежнѣе, я добровольно обѣщаю въ храмѣ Успенія во Львовѣ, передъ престоломъ господнимъ. А еслибъ я изъ міра взятъ былъ не закончивъ этого божьяго дѣла, долженъ обезпечить это завѣщаніемъ и въ качествѣ блюстителей исполненія его безъ всякаго нарушенія моей воли имѣю взять людей честныхъ и сильныхъ“ [1]).

---

[1]) Пам. кіев. ком. II № 9.

Съ осени того же года собранныя Могилою профессорскія силы начали преподаваніе въ организованной имъ лаврской школѣ. Во главѣ стояли упомянутые въ приведенной деклараціи львовскіе профессора, Исаія Трофимовичъ Козловскій и Сильвестръ Косъ, воспитанники люблинской коллегіи и замойской академіи; первый сталъ ректоромъ, второй—префектомъ лаврской школы. Изъ другихъ профессоровъ намъ извѣстенъ еще Софроній Почасскій, „риторики профессоръ“, воспитанникъ кіевской братской школы. Въ противоположность братской, эта лаврская школа подходила скорѣе къ типу іезуитскихъ коллегій, съ преобладающимъ латинскимъ характеромъ, и очевидно, это была руководящая идея Могилы, что въ виду практическихъ потребностей современной украинской жизни школа должна отдавать предпочтеніе элементу латино-польскому предъ греческо-славянскимъ [1]).

Но незабывали и „рущины“. Доказательствомъ этого долженъ былъ послужить изданный въ первый же годъ, какъ свидѣтельство успѣховъ новой школы, панегирикъ основателю школы Петру Могилѣ. Онъ носитъ довольно длинный титулъ: „Ευχαριστηριον албо вдячность, ясне превелебнѣйшему въ Христѣ его милости господину отцу кѵръ Петру Могилѣ, воеводичу земель молдавскихъ, великому архимандритови святои великои лавры чудотворнои печерскои кіевскои, вѣры православнои въ церкви святой восточной промоторови побожному и несмертельнои славы годному оборонци одъ спудеовъ гимназіумъ его милости зъ школы реторіки за гойныи добродѣйства себѣ и церкви православной въ фундованю школъ показанныи при вѣншованю святъ хвалебныхъ воскресенія Христа Спасителя міру повинне а упрейме отданая (з друкарни того монастира Печерск. Кіевск. року 1632 мѣсяца марта 29 дня)“. Содержитъ онъ кромѣ предисловія—посвященія профессора С. Почасскаго, рядъ стихотвореній, въ которыхъ описываются отдѣльные предметы новой школы (обычное trivium и quadrivium) подъ общимъ заглавіемъ: „Геликонъ“, а потомъ, во второй части (Парнассъ) характеризуются отдѣльныя музы и посвященныя имъ науки; все это съ

---

[1]) Коссовъ въ своемъ „Эксегезисѣ“—апологіи новой школы, въ качествѣ ея характерной черты отмѣчаетъ, что новые профессора palladyiskie kunszly, w akademiach katolickich idaeowane, na dowcipach ruskich solidius anizeli przed nami bedący latina lingna florizować zaczęli (Ист. кіев. ак. приб. 12).

панегирическими отступленіями по адресу основателя [1]). При каждомъ стихотвореніи находимъ фамиліи учениковъ, декламировавшихъ, а быть можетъ и сочинявшихъ, подъ руководствомъ своего профессора, эти стихи. Видимъ здѣсь имена и родовитой мѣстной шляхты, которую, очевидно, умѣлъ привлечь своимъ престижемъ печерскій воеводичъ.

Но этотъ primum munus Minervae (первый даръ Минервы), говоря стилемъ ея профессоровъ, былъ и послѣднею памятью о новой школѣ. Надъ нею уже собиралась гроза, и упорный воеводичъ, не побоявшійся отказа въ благословеніи со стороны своего пріятеля митрополита, долженъ былъ сложить оружіе передъ недовольствомъ, которое поднималось противъ его учрежденія среди кіевскаго населенія, и особенно—среди всемогущаго козачества. „Отъ неученыхъ поповъ и козаковъ великое было негодованіе", пишетъ цитированный уже воспитанникъ братской школы—„на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ дотуду не бывало, и спасались!" „Хотѣли было самого Петра Могилу и учителей на смерть убить: насилу ихъ уговорили" [2]). Приблизительно то же разсказываетъ въ своемъ хитросплетенномъ Exegesis'ѣ префектъ лаврской школы Коссовъ. Упомянувъ о планахъ, съ которыми основывалась эта школа, — „чтобы мы преславному народу нашему, выросши среди него, могли дать свѣтъ Аполлона", онъ говоритъ затѣмъ: „Но какъ только мы съ его м. отцомъ Петромъ Могилою заглянули къ тебѣ, вѣчнопамятный Кіеве, и пожирая глазами твои сотни святыхъ и твои необозримые валы, стали готовить первый даръ Минервы,—тотчасъ начали про насъ въ ушахъ людскихъ разсѣвать такіе слухи, что мы уніаты, что мы неправославные. Какіе изъ этого перуны, какіе громы и молніи начали сыпаться на насъ, того языкъ чернильный не сможетъ анатомировать! Было уже время, когда мы, исповѣдавшись, только того и ждали, когда нами захотятъ начинять животы днѣпровскихъ осетровъ, или пока одного огнемъ, другого мечомъ не пошлютъ на тотъ свѣтъ" [3]).

Не трудно догадаться, что этими злобными агитаторами были не только „неученые попы" и печерскіе или братскіе монахи, но въ агитаціи повинны были и нѣкоторые болѣе интеллигент-

[1]) Перепечатанъ въ прибавленіяхъ къ Ист. кіев. акад. Голубева № 8. [2]) Г. Домецкій, см. выше.

[3]) Ист. кіев. ак. I приб. с. 8-а.

ные элементы. Коссовъ скромно не доискивается ихъ, повѣствуя объ этомъ уже послѣ состоявшагося компромисса. Какъ бы то ни было, какъ только удалось двинуть противъ печерскихъ новшествъ козачество, вопросъ былъ рѣшенъ: печерскій воеводичъ принужденъ былъ пойти на капитуляцію. Зимою 1631/2 г. достигнуто было соглашеніе по этому вопросу между нимъ и братствомъ. Отъ 30 декабря имѣемъ уже формальный договоръ по этому вопросу. Кіевскіе шляхтичи и другіе братчики кіевскаго братства заявляютъ, что они желая имѣть школу при своемъ братствѣ, упросили П. Могилу перенести основанную имъ школу въ братство и здѣсь ее сорганизовать, а братство, взамѣнъ этого признаетъ его пожизненнымъ старшимъ братчикомъ, попечителемъ и блюстителемъ своего братства, съ тѣмъ, что выборные „старосты“ братства въ вопросахъ завѣдыванія имъ ни въ чемъ не будутъ противиться совѣту и волѣ Могилы, а во всемъ будутъ его слушать [1]). Подъ этимъ актомъ подписалось тридцать кіевскихъ шляхтичей—интересный реестръ православныхъ дворянскихъ родовъ, еще державшихся своей національности—хотя большинство подписывались уже по-польски. Кромѣ того, это соглашеніе подтвердили отдѣльными грамотами кіевскіе владыки (митрополитъ съ двумя епископами именемъ всего духовенства) и козацкое войско [2]).

Изъ этихъ грамотъ узнаемъ, что объединить учрежденіе Могилы съ братствомъ просило не только братство и духовенство, но точно также и войско Запорожское—гетманъ и все рыцарство, считая это „речь быти святобливую и всей церкви православной велице потребную и пожитечную“. Какъ члены братства, „гетманъ, асаулове, и все войско е. к. м. Запорожское“ дало свое согласіе на признаніе за Могилою правъ „доживотного дозорцы, опекуна и оборонцы братства“ и поручили кіевскому атаману и всѣмъ товарищамъ имѣть его во всякомъ попеченіи „яко завше зъ предковъ своихъ войско Запорожское звикло чинити стараніе о добримъ и пожитечнимъ церкви божой, не мней и теперь въ томъ не уставаючи, звлаща видячи знать зезволенье Духа святого, тудежъ згодное застановенье всего народу нашего российского, духовного и свѣцкого—ихъ милости пановъ шляхты яко и посполитства, абы науки або цвиченя въ

[1]) Пам. кіев. ком. II № 10.
[2]) Памятники кіев. ком. № 11 и 12.

письмѣ святомъ ку подпоре благочестія нашего при церкви брацкой св. Богоявленій были за старанемъ, коштомъ и накладомъ въ Бозѣ превелебного отца е. м. П. Могилы,—теды и мы видечи барзо речь слушную и церквомъ божіимъ пожитечную,—тоеюжъ милостю братерскою обовязанные будучи, зезволяемъ и на то припадаемъ, и при той церкви братской яко и при школѣ новозаложеной и при шпиталѣ до ней належачомъ обовязуемъ стоять и опоновать до горлъ своихъ" [1]).

Несомнѣнно, позиція, занятая въ этомъ вопросѣ войскомъ Запорожскимъ, главнымъ образомъ и рѣшила его для Могилы. Козачество чувствовало за собою не только обязанности, но и права по отношенію къ церковной и національной жизни, взятой имъ подъ свое покровительство и защиту, и не жалѣя своихъ услугъ—когда нужно было нагнать надлежащій страхъ на какого-нибудь „непріятеля вѣры святой", диктовало свои желанья также и самому православному обществу и православной іерархіи, обязанной ему своимъ существованіемъ. Такъ поступало оно въ вопросахъ церковной политики, въ щекотливой сферѣ компромиссовъ православныхъ съ уніатами, занимавшихъ въ то время украинское общество и особенно кіевскіе круги,—и точно также, какъ видимъ, поднимало свой голосъ въ вопросахъ просвѣщенія, въ организаціи школы, въ характерѣ школьнаго преподаванія. Козаки вовсе не хотѣли оставаться пассивными и индиферентными зрителями этихъ споровъ и разногласій, занимавшихъ современное кіевское общество.

Но характеръ, энергія, способности, проявленные молодымъ печерскимъ архимандритомъ въ этомъ школьномъ инцидентѣ. очевидно были надлежащимъ образомъ оцѣнены и въ кіевскихъ интелигентскихъ сферахъ и въ козацкихъ кругахъ. Капитуляція была проведена съ честью для него: за цѣну перенесенія фундаціи въ братство онъ пріобрѣталъ роль его старѣйшины и энергичный, полный иниціативы и честолюбія характеръ Могилы давалъ гарантію, что въ его рукахъ эти права старшого братчика не будутъ простымъ почетнымъ титуломъ. А когда годъ спустя Могилѣ, при живомъ еще митрополитѣ Исаіи Копинскомъ, досталась митрополичья митра, эта комбинація не вызвала никакого сколько нибудь рѣшительнаго протеста со стороны козачества, точно такъ же, какъ и со стороны кіевскихъ интеллигентскихъ круговъ, хотя

---

[1]) Памятн. кіев ком. II № 13.

Исаія, какъ человѣкъ направленія консервативнаго, староверска-го, болѣе подходилъ подъ симпатіи козацкихъ круговъ, враждебно настроенныхъ ко всему, что отзывалось религіознымъ компромиссомъ. И несмотря на это обстоятельство, неканоническое назначеніе Могилы было принято молчаливымъ согласіемъ, очевидно не столько изъ оппортунистическихъ мотивовъ, сколько въ виду личныхъ качествъ этого официальнаго кандидата.

Комбинація эта открывала очень важныя перспективы особенно для кіевскихъ круговъ, заинтересованныхъ успѣхами культурнаго, національнаго движенія. Всѣ три центра, всѣ три наиважнѣйшія позиціи—Печерская лавра, братство, митрополія, между которыми возникли было извѣстныя тренія, нѣкоторая нежелательная дисгармонія, соперничество, теперь объединились въ однѣхъ рукахъ—энергичнаго и талантливаго печерскаго архимандрита, и онъ имѣлъ возможность всѣ тѣ матеріальныя и моральныя средства и силы, какія давало ему довѣріе общества, и престижъ главы церкви, и литературно-научныя дарованія кіевскихъ литераторовъ, и услуги типографскаго станка сконцентрировать и планомѣрно использовать въ цѣляхъ осуществленія своихъ просвѣтительныхъ и религіозно-національныхъ плановъ. Кіевскія церковныя и культурно-просвѣтительныя институціи слились на нѣкоторое время въ одну мощную, могучую институцію, направляемую сильною рукою Могилы, налагающаго глубокіе слѣды своей индивидуальности на весь характеръ культурно-религіозной кіевской жизни того времени и даже на культурную жизнь всей Украины, благодаря тому центральному, выдающемуся значенію, какое пріобрѣтаетъ Кіевъ для всей Украины (а отчасти и Бѣлоруссіи) въ второе и третье десятилѣтіе XVII в.

Полный упадокъ Острожской академіи, начавшійся уже во второмъ десятилѣтіи, доходитъ до крайности со смертью Януша Острожскаго († 1620). Ослабленіе культурной жизни замѣтно въ это время и во Львовѣ, гдѣ братчики, занятые постройкой и украшеніемъ церкви, меньше заботились о школѣ, такъ что навлекали на себя даже упреки партіарха. Виленское братство также переживало черные дни; о другихъ менѣе значительныхъ центрахъ, нечего и говорить. Враги украинскаго національнаго движенія злорадно указывали на упадокъ старѣйшихъ разсадниковъ-очаговъ національной культуры. „Всѣ ваши заботы о просвѣщеніи не приводятъ ни къ чему“, писалъ православнымъ Смотрицкій послѣ своего перехода въ унію, въ концѣ 1620-хъ го-

довъ: „плохи были ваши школы раньше, а теперь еще хуже. Гдѣ школа острожская, львовская, берестейская и другія? А виленская? Много на нее потрачено денегъ, а пользы немного: вотъ уже сколько лѣтъ изъ нея, какъ изъ камня—ни огня ни воды! Дѣти въ вашихъ школахъ только ту пользу и получаютъ, что изъ телятъ превращаются въ воловъ“ [1]).

Вслѣдствіе этого Кіевъ становится несомнѣннымъ центромъ для всего православнаго міра Польши и Литвы, стягиваетъ къ себѣ силы со всѣхъ его концовъ, и его культурно-національная жизнь съ ея свѣтлыми и темными сторонами, въ третьемъ, четвертомъ, пятомъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка пріобрѣтаетъ необычайное значеніе для всей Украины и Бѣлоруссіи.

Отмѣтивъ тѣ условія, какія сдѣлали изъ Кіева—наиболѣе окозаченнаго изъ всѣхъ большихъ городовъ Украины, центральный очагъ церковной, культурной и національной жизни Украины (и Бѣлоруссіи), и тѣ моменты, которые привели козачество къ роли покровителя и защитника этого движенія, разсмотримъ теперь въ подробностяхъ важнѣйшія явленія общественно-политической и національной украинской жизни и участіе въ нихъ козачества, какъ наиболѣе активнаго національнаго украинскаго фактора этого времени. Изучая исторію роста козачества, его политической и соціальной энергіи, мы параллельно съ этимъ будемъ слѣдить за исторіею современныхъ общественно-политическихъ и національныхъ украинскихъ стремленій, такъ тѣсно сплетавшихся въ это время съ ростомъ и колебаніями козацкихъ силъ. Полныя значенія событія 1620—1 гг., къ которымъ мы подошли при обзорѣ исторіи козачества, послужатъ намъ теперь исходнымъ пунктомъ.

Мы оставили козачество зимою 1619/20 года, въ тотъ моментъ, когда польское правительство, уладивъ, какъ казалось, достаточно прочно свои отношенія съ Турціей и „принудивъ“ военною силою козачество къ капитуляціи, считало возможнымъ перенести свое вниманіе на западъ, на борьбу протестантскихъ и католическихъ партій и государей, представлявшую огромный интересъ для католически настроеннаго короля Польши и его ближайшихъ совѣтниковъ. Козацкая старшина во главѣ съ Сагайдачнымъ вздохнула легче, освободившись отъ угрозы конфликта съ

---

[1]) Paraenesis с. 32.

шляхетскими сферами, и приложила всѣ старанія, чтобы по возможности деликатно свести на нѣтъ ограниченія, которыми стѣсняла козачество комиссія 1619 г. Какъ намъ уже извѣстно, въ цѣломъ рядѣ пунктовъ старшина оставила за собой право переговоровъ и петицій къ центральному правительству и, вѣроятно, имѣла намѣреніе не спѣша, по-немножку и по-тихоньку тянуть эти переговоры. А чтобы занять тѣмъ временемъ козацкія массы, Сагайдачный обратился къ крымскимъ междоусобіямъ, и какъ мы уже знаемъ—въ концѣ года козаки ходили на Перекопъ подъ его предводительствомъ, счастливо и успѣшно, безъ ущерба для достоинства рѣчипосполитой [1]).

Для козацкой политики обстоятельства складывались тѣмъ благопріятнѣе, что отношенія съ Портою въ дѣйствительности не были вполнѣ улажены и уже въ началѣ 1620 г. начали приходить изъ Турціи тревожныя вѣсти, вопреки недавнимъ ожиданіямъ, предсказывавшія близкую и очень серьезную войну съ Турціею. Съ Персіею осенью заключенъ былъ миръ, у турецкаго правительства были развязаны руки и воинственные совѣты увлекали молодого султана Османа къ новымъ предпріятіямъ. Самой легкой добычей казалась Польша и ей грозила война въ первую очередь. Козачеству нужно было лишь выждать, и такую политику выжиданія велъ Сагайдачный. Но привить ее козацкимъ массамъ было не такъ легко, и еще разъ козацкая стихія (какъ и въ 1617 г.) вырвалась изъ его суровыхъ рукъ. Недовольно подчинялась она политикѣ его и старшины, не мирилась съ уступками, сдѣланными польскому правительству, ограниченіями реестра, запрещеніями походовъ на море. Когда Сагайдачный со старшиною и реестровиками отправился на Перекопъ, среди недовольныхъ, особенно выписанныхъ изъ реестра, поднялось движеніе противъ него. Въ результатѣ это своевольное козачество смѣстило Сагайдачнаго съ гетманства и выбрало гетманомъ Яцка Неродича Бородавку, „изо всѣхъ самаго недостойнаго и непокорнаго“, какъ аттестовалъ его Жолкевскій [2]). „Онъ заявилъ имъ, что не только на море, а хоть бы и въ пекло готовъ итти съ ними“. Грандіозный походъ на море—было первое, чего требовало отъ своего

[1]) Z kilkiem tysięcy wojska przebranego chodził pod Perekop, i dobrze mu tam było szczęscie posłużyło, dostał kilkunastu więzniów Tatar, съ сочувствіемъ упоминаетъ Жолкевскій, которому Сагайдачный, вѣроятно, также послалъ татарскихъ „языковъ“ изъ этого похода (Listy № 111). [2]) l. c.

избранника это своевольное козачество, и тотчасъ начались къ нему приготовленія. Уже въ февралѣ распространились извѣстія не только по Польшѣ, но и по Турціи, что козаки собираются огромнымъ походомъ, готовятъ триста лодокъ [1]). Запорожье перешло въ руки этихъ своевольниковъ [2]).

Но на волости—въ Кіевѣ, въ Терехтемировѣ, этомъ центрѣ городового козачества, продолжалъ править козачествомъ Сагайдачный, котораго избраніе Бородавки, очевидно, вовсе не лишило вліяній и власти среди городового козачества (я уже указывалъ, что въ этомъ эпизодѣ впервые замѣчаемъ извѣстное раздѣленіе между козачествомъ городовымъ, осѣвшимъ на волости, и тѣми своевольными элементами, которые собирались на Низу). Офиціально Сагайдачный числился полковникомъ Запорожскаго войска, подъ региментомъ гетмана Бородавки [3]), неофиціально былъ полнымъ хозяиномъ на волости, совершенно независимо отъ Бородавки. И въ то время, какъ своевольное козачество Бородавки занялось приготовленіями къ морскому походу, вопреки категорическому запрещенію послѣдней комиссіи и вгоняло тѣмъ въ крайнюю тревогу польскихъ политиковъ,—Сагайдачный со своею старшиною спокойно занялся осуществленіемъ плана, возникшаго въ кіевскихъ кругахъ, быть можетъ, еще въ 1619 г., если не раньше, и теперь находившаго очень удобныя условія для своего осуществленія въ политической конюнктурѣ, когда польскіе политики, въ виду турецкой опасности и козацкаго своеволія должны

---

[1]) Жерела VIII № 138.

[2]) Иное, совершенно фантастическое освѣщеніе придала этому перевороту Исторія Руссовъ, представивъ Бородавку креатурой польскаго правительства, противопоставленнаго Сагайдачному: „Поляки въ опроверженіе гетмана Сагайдачнаго, а болѣе чтобы всѣять вражду и междоусобіе въ войскахъ Малороссійскихъ“, назначили гетманомъ сначала Кушку, а потомъ Бородавку, но Сагайдачный схватилъ его и разстрѣлялъ. Этотъ фантастическій взглядъ нашелъ отзвукъ не только въ старинной польской исторіографіи (L. Powidaj Kozacy Zaporożcy na Ukrainie, 1862, с. 45), но и въ украинской: по старой традиціи онъ былъ принятъ даже пок. Антоновичемъ и фигурируетъ въ его Бесідах про козацькі часи (с. 44), ср. біографію Сагайдачнаго въ Историч. дѣятеляхъ Югозап. Россіи с. 7.

[3]) Въ протестаціи Борецкаго, писанной въ февралѣ 1621 г., передъ паденіемъ Бородавки (свергнутаго въ августѣ 1621 г.) читаемъ (с. 142): W tym czasie sławny y zacny rycerski mąż pan Piotr Konaszewicz Sahaydaczny, przedtym hetman, a na ten czas

были бросать умильные взгляды въ сторону болѣе умѣреннаго городового козачества и его низвергнутаго гетмана [1]).

Еще до начала кампаніи 1618 года проѣхалъ черезъ Орду и украинское пограничье по дорогѣ въ Москву іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, приглашенный туда, чтобы принять участіе въ посвященіи отца царя, митр. Филарета въ московскіе патріархи. Во время кампаніи 1618 г. онъ проживалъ въ Тулѣ, по сосѣдству съ театромъ военныхъ дѣйствій, принималъ участіе въ московско-польскихъ переговорахъ и, по всей вѣроятности, имѣлъ случай познакомиться и съ Сагайдачнымъ и съ другими выдающимися старшинами. Передъ этимъ онъ еще долгое время былъ задержанъ въ Крыму (цѣлый годъ, по словамъ Борецкаго), такъ что на Украинѣ заблаговременно были подготовлены къ его прі-

---

pułkownik, ktoremu to y inszim pułkownikom od hetmana slawnego pana Jakuba Nerodycza Borodawki y od wszego woyska zaporozkiego było zlecono, upatrzywszy czas bezpieczny od Tatar y od rozboynikow, z Terechtemirowa s. oyca patryarche... odprowadził do Soroki. Но царская грамота 21/IV 1620 писана на имя „гетмана Петра Конашевича“, хотя въ Москвѣ должны были бы тогда знать о гетманствѣ Бородавки. Гетманство его, вѣроятно, не было признано вездѣ и сразу.

[1]) Въ старой традиціи и въ новѣйшей исторіографіи главная заслуга въ обновленіи іерархіи среди козацкихъ дѣятелей признавалась за Сагайдачнымъ. Въ послѣднее время П. Н. Жуковичъ сдѣлалъ попытку выдвинуть на первое мѣсто Бородавку—быть можетъ подъ вліяніемъ вновь найденной протестаціи м. Іова, писанной во времена гетманства Бородавки, гдѣ онъ и фигурируетъ въ качествѣ гетмана. По мнѣнію проф. Жуковича, высказанному, правда, довольно сдержанно,—Сагайдачный съ его лойяльною политикою не рѣшился бы на такой смѣлый шагъ: „Для этого дѣла рѣзкій и дерзкій, дѣйствовавшій безъ оглядки, козацкій вождь годился больше, чѣмъ вождь осторожный и корректный“. Но ни въ какихъ источникахъ, отъ польскихъ мемуаристовъ до нелицепріятнаго Густинскаго лѣтописца включительно, Бородавкѣ не приписывается никакой активной роли въ этомъ дѣлѣ. Во всѣхъ моментахъ, связанныхъ съ обновленіемъ іерархіи—отъ встрѣчи патріарха до посольства къ королю передъ Хотинскою войною выступаетъ постоянно лишь Сагайдачный. И полагаю, что Бородавкѣ, вождю буйной голытьбы, выбранному подъ знаменемъ своевольства, походовъ „хоть въ пекло“, нечего и навязывать роль покровителя церковныхъ интересовъ въ виду того, что они имѣли своего покровителя, извѣстнаго и документально засвидѣтельствованнаго, въ лицѣ Сагайдачнаго.

ѣзду [1]). Лѣтомъ 1619 г. онъ окончилъ свои дѣла въ Москвѣ, Филаретъ былъ посвященъ, на Украинѣ ждали возвращенія Ѳеофана, и этимъ его проѣздомъ рѣшено было воспользоваться въ цѣляхъ возсозданія православной іерархіи [2]).

Условія украинской жизни сообщили этому вопросу чрезвычайную остроту за послѣднія десятилѣтія. Послѣ того, какъ почти весь украинскій и бѣлорусскій епископатъ съ провозглашеніемъ уніи покинулъ православную церковь, православные прежде всего хотѣли добиться того, чтобы этихъ владыкъ отступниковъ отрѣшили отъ ихъ должностей, лишили ихъ сана и епископскія кафедры были замѣщены православными кандидатами. Однако этотъ планъ разбился о желѣзное упорство правительства Сигизмунда III,—рѣшившаго не дѣлать никакихъ уступокъ православнымъ и считать архіереевъ-уніатовъ законными главами „русской“ или „греческой вѣры“ Польско-литовскаго государства, присоединеніе которыхъ къ католической церкви нисколько не повредило ихъ полномочіямъ. Послѣ десятилѣтнихъ усилій въ

---

[1]) Протестація Борецкаго с. 142—3, ср. Obrona verificaciey—Архивъ I. VII с. 380.

[2]) Впервые довольно подробно изложилъ исторію возстановленія украинской іерархіи м. Макарій (въ т. XI, гл. IV), много мѣста отвелъ ему также Кулишъ (Ист. возсоед. т. III). Затѣмъ въ недавнее время рядъ отдѣльныхъ статей посвятилъ ему Жуковичъ: кромѣ цитированнаго выше (с. 8) еще: „Первый польскій сеймъ послѣ возстановленія патр. Ѳеофаномъ западно-русской церковной іерархіи“ (Христ. Чтеніе 1905, XI—XII), „Архіепископъ Мелетій Смотрицкій въ Вильнѣ въ первые мѣсяцы послѣ своей хиротоніи“ (ibid. 1906, IV—VI), „Запорожскіе гетманы Бородавка и Сагайдачный въ своихъ послѣднихъ церковныхъ и политическихъ дѣлахъ“ (ibid. 1906, VIII и IX)—они собраны затѣмъ въ его книгѣ „Сеймовая борьба“ вып. III. Самымъ фактомъ возобновленія іерархіи Жуковичъ однако не занимается спеціально, а главнымъ образомъ посвящаетъ свое вниманіе различнымъ политическимъ и религіознымъ усложненіямъ, вызваннымъ этимъ эпизодомъ; современнаго культурнаго и національнаго движенія не затрагиваетъ вовсе. Статейка П. Орловскаго Участіе запорожскихъ козаковъ въ возстановленіи православной южно-русской іерархіи въ 1620 г. (Кіев. Старина 1905) не даетъ почти ничего, кромѣ извлеченія изъ цитированной выше протестаціи м. Іова, изданной въ III т. академическаго сборника: „Статьи по славяновѣдѣнію“ п. з. „Протестація митроп. Іова Борецкаго и другихъ западно русскихъ іерарховъ, составленная 28 апрѣля 1621 года“, съ предисловіемъ проф. Жуковича. Какъ источники для изученія этого эпизода, изъ литературныхъ памятниковъ

этомъ направленіи православные убѣдились, что это—потерянное дѣло; на рокошевыхъ съѣздахъ 1607 г. они въ послѣдній разъ поставили требованіе лишенія сана владыкъ-уніатовъ, но при компромиссѣ съ правительствомъ отступили отъ него [1]).

Начиная съ этого времени православные добиваются лишь, чтобы на будущее время правительство раздавало бенефиціи принадлежавшія православной церкви лицамъ православнымъ, и правительство какъ будто согласилось на это, въ сеймовыхъ постановленіяхъ 1607 г. Но замѣнивъ болѣе опредѣленную формулировку этого постулата, предложеннаго православными, своею формулою, менѣе ясною, правительство истолковало по своему это постановленіе о роздачахъ православныхъ бенефицій „людямъ истинной греческой вѣры“ и систематически продолжало заполнять всѣ духовныя мѣста, имѣвшіяся въ его распоряженіи, уніатскими кандидатами. Всѣ протесты православныхъ по этому поводу оставались безуспѣшными. Непосредственно послѣ постановленія 1607 г. король пожаловалъ луцкое владычество уніату Еловичу-Малинскому, и всѣ протесты волынской шляхты по этому поводу остались безуспѣшными [2]). Точно также и всѣ представленія перемышльской шляхты и даже формальная война, какую повела она противъ навязаннаго ей королевскаго ставленника уніата Крупецкаго (1610) [3]), не произвели никакого впечатлѣнія на правительственные круги и не повліяли на его политику.

Тѣмъ менѣе могли подѣйствовать бумажные протесты, которыми православное шляхетское общество встрѣтило назначеніе королемъ въ митрополиты по смерти Потія Веніамина Рутскаго,

---

важны въ особенности: полемическія брошюры 1621—2 г.г. (часть ихъ издана въ Архивѣ Ю.-З. Р. часть I, VII, нѣкоторыя вѣроятно выйдутъ въ т. VIII), записки изготовленныя православными для правительства (тамже, въ Статьяхъ по славяновѣдѣнію т. III и въ Документахъ объясн. исторію Зап. рус. края), современныя кіевскія записки въ Сборникѣ лѣтописей относ. къ исторіи Ю. и Зап. Россіи, лѣтопись Густинскаго монастыря (Лѣтописецъ о первомъ зачатіи и созданіи святыя обители монастыря Густынскаго), описывающая эти событія очевидно на основаніи разсказовъ Исаіи Копинскаго, одного изъ ставленниковъ 1620 г., изд. въ Чтеніяхъ москов. 1848 г. и отдѣльно. Документальный матеріалъ для событій 1620-хъ г.г. главнымъ образомъ—въ добавленіяхъ къ „Петру Могилѣ“ С. Голубева т. I.

[1]) Подробнѣе обо всемъ этомъ въ Історіи України-Руси т. VI гл. VI, с. 575 и сл.

[2]) См. въ т. VI с. 581. [3]) Ibid. с. 244 и 589—90.

вѣрнаго уніата, римскаго воспитанника (московскаго эмигранта, по происхожденію) [1]). Это не была серьезная оппозиція, и такъ она и оцѣнивалась правительствомъ. На владимирскую кафедру Потія король назначилъ Илью Мороховскаго, секретаря Потія, и протестъ волынской шляхты, заявленный на сеймѣ 1616 г., и требованіе, чтобы на эту кафедру былъ назначенъ волынскій шляхтичъ [2]), остались тоже безъ всякихъ послѣдствій. Между тѣмъ все это грозило уже полнымъ исчезновеніемъ православной іерархіи, такъ какъ уже съ 1610 г. (со смерти Копыстенскаго), единственнымъ епископомъ на всѣ украинскія и бѣлорусскія земли оставался львовскій владыка Тисаровскій, да и онъ получилъ эту каѳедру, лишь обѣщавъ подъ присягою держаться уніи, хотя этой присяги не сдержалъ. И еслибы въ въ будущемъ не нашлось другого охотника пройти такимъ контрабанднымъ способомъ, православные очень легко могли оказаться безъ владыкъ вовсе.

Между тѣмъ правительство, размѣстивъ на православныхъ каѳедрахъ уніатовъ, твердо стояло на томъ, что эти владыки являются единственно законными властями для православныхъ и должны имѣть подъ своею властью и послушаніемъ всѣ церковныя институціи своихъ епархій. Измѣнивъ въ свою пользу текстъ конституціи 1609 г. и передавъ всѣ споры между православными и уніатами юрисдикціи духовнаго департамента трибунала, гдѣ большинствомъ располагало католическое духовенство, правительство поставило православныхъ просто въ безвыходное положеніе. Всѣ процессы съ уніатскими владыками, съ ихъ притязаніями на православныя церкви, монастыри, братства, имѣнія и т. д., на власть и юрисдикцію надъ православными, неизмѣнно проигрывались православною стороною. Всѣ протесты православныхъ, ихъ усилія на всѣхъ сеймахъ во второмъ десятилѣтіи XVII в., оставались безъ сколько-нибудь замѣтнаго успѣха.

Оппозиціонное движеніе среди шляхты ослабѣло, и всѣ требованія и протесты православныхъ депутатовъ не находили сколько нибудь энергичной поддержки даже въ посольской палатѣ. Законопроектъ въ интересахъ православныхъ, принятый ею на сеймѣ 1613 г., не былъ утвержденъ правительствомъ [3]). На сеймѣ

[1]) Архивъ Ю. З. Р. II. I с. 104.
[2]) О нихъ Synopsis—Архивъ Ю. З. Р. I. VII с. 569.
[3]) См. т. VI с. 585.

1615 г. требованія православныхъ были поддержаны лишь оппозиціонною группою пословъ, которая и сорвала сеймъ, не будучи въ состояніи добиться удовлетворенія православныхъ и диссидентовъ [1]). Безрезультатно прошелъ и новый сеймъ (1616) [2]). Въ 1618 г. правительство, нуждаясь въ козакахъ для московской войны, дало православнымъ обѣщаніе, въ видѣ сеймового постановленія „о греческой религіи“, гдѣ вопросъ о „полномъ успокоеніи греческой религіи“, не разрѣшенный на настоящемъ сеймѣ вслѣдствіе скопленія разныхъ дѣлъ, откладывается до ближайшаго сейма, а тѣмъ временемъ людямъ греческой вѣры гарантируется спокойствіе, свободное богослуженіе и исключается всякое принужденіе судебное или иное въ религіозныхъ дѣлахъ [3]). Но эта „довольно мягкая“, какъ ее называли православные, конституція, тотчасъ же была опротестована клерикально настроенными сенаторами и депутатами, какъ неправосильная [4]), а обѣщаніе „полнаго успокоенія“, сдѣланное новымъ сеймомъ (1619), совершенно не было исполнено, несмотря на настоянія украинскихъ депутатовъ [5]) и всѣ „акклямаціи и голоса“ въ этомъ вопросѣ [6]). Религіозный миръ вовсе не соблюдался, когда на карту

---

[1]) Протестъ оппозиціи изъ украинскихъ пословъ подписанъ Лаврентіемъ Древинскимъ (волынскимъ депутатомъ) и Михаиломъ Кропивницкимъ (брацлавскимъ депутатомъ)—см. Ркп. Публ. библ. Пол. № 33, с. 89. Они заявляютъ здѣсь: persuadowalismy, ze pokoy domowy wewnętrzny, ktory acz zawsze, ale osobliwie podczas postronnych niebezpieczęstw potrzeba aby był obwarowany, ale persuasie w tym nasze nie szły w posłuch, a zatym wszystkie o contentowaniu ludzi religey greckiey y inszych rosroznionych w wierze, a po wielkiey częsci a poczesci (sic) privatim odprawowane starania y tractaty, gdyz publice koła naszego tym trudnic sie nie zdało—zadnego zgoła skutku nie wzięli.

[2]) Требованія православныхъ, предложенныя на этомъ сеймѣ, иллюстрируетъ волынская инструкція въ Архивѣ Ю. З. Р. II I с. 104. [3]) Volum. legum III с. 158.

[4]) Протестація уніатскихъ владыкъ, сенаторовъ и пословъ (среди нихъ епископъ краковскій и каменецкій, воеводы серадзскій и дерптскій, канцлеръ Сапѣга и др.), внесенная въ книги варшавскаго „грода“, въ синодальномъ архивѣ (не описанные акты западнорус. митроп. № 120). Протестанты заявляютъ, что на эту конституцію не было ихъ согласія; король, въ виду оппозиціи, обѣщалъ вычеркнуть ее.

[5]) Ср. инструкцію кіевской шляхты (Архивъ Ю. З. Р. II. I с. 117).

[6]) Synopsis подъ 1619 г.—здѣсь упомянута протестація, внесенная православными депутатами въ книги брянскаго грода.

ставились интересы уніи. Новый уніатскій архіепископъ полоцкій, Іосафатъ Кунцевичъ какъ разъ въ это время принялся подчинять своей власти православныя церкви, и королевскій судъ всецѣло сталъ на его сторону, присудивъ всѣ могилевскія церкви и монастыри полоцкому архіепископу, а за вооруженное сопротивленіе, оказанное могилевскими мѣщанами, зачинщики были приговорены къ смертной казни.

Такимъ образомъ десятилѣтнія усилія православной шляхты на парламентской аренѣ не привели ни къ чему. Дѣло православной церкви оставалось въ такомъ же безвыходномъ положеніи, и даже надежды на какой либо выходъ изъ него слабѣли и исчезали, по мѣрѣ того, какъ рѣдѣли ряды украинскихъ и бѣлорусскихъ православныхъ шляхтичей. „Ваше духовенство вело свое дѣло только при помощи свѣтскихъ людей, но эти вліятельные помощники ваши замѣтно убываютъ, а новыхъ не прибываетъ“, писалъ въ 1617 г. уніатскій полемистъ арх. Кревза [1]), и православные съ болью должны были чувствовать справедливость этихъ словъ.

Въ виду всего этого, когда въ кіевскихъ кругахъ узнали о предстоящемъ проѣздѣ Ѳеофана, здѣсь сама собою должна была возникнуть мысль—при помощи іерусалимскаго патріарха обновить православную іерархію, самовольно, на собственный рискъ, пользуясь опекой и протекціей козачества, которая здѣсь „какъ на Украинѣ“ дѣлала православныхъ неприкосновенными для правительственныхъ и уніатскихъ факторовъ.

Переговоры и совѣщанія, веденные по этому дѣлу, разумѣется, погибли для насъ безвозвратно, какъ погибло почти все изъ неофиціальной, интимной жизни этихъ круговъ. Видимъ только, что кіевское духовенство, въ виду возможныхъ репрессій со стороны правительства, рѣшило явно не выступать въ осуществленіи этого плана, и все взяло на себя козачество, отчасти—кіевское братство.

Мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что упомянутое козацкое посольство въ Москву, отправленное подъ новый годъ (1620), имѣло цѣлью не одни переговоры съ московскимъ правительствомъ и даже не столько эти переговоры, сколько соглашеніе съ патріархомъ, находившимся тогда еще въ Москвѣ (московскому пра-

---

[1]) Рус. Ист. Библ. IV с. 290.

вительству, къ которому якобы были посланы эти козацкіе послы, они, собственно не имѣли ничего передать—развѣ только разузнать, не захочетъ ли Москва давать козакамъ „жалованье“, для дальнѣйшихъ походовъ на Крымъ. Настоящая цѣль посольства была, вѣроятно, иная. Въ цитированной протестаціи м. Борецкаго можно видѣть довольно опредѣленный намекъ на то, что козацкіе послы въ Москвѣ имѣли сношенія съ патріархомъ [1]), и я думаю, что соглашеніе съ патріархомъ было уже тогда достигнуто. Когда онъ, выѣхавъ изъ Москвы въ мартѣ 1620 г., прибылъ на Украйну, его встрѣтило козацкое войско подъ предводительствомъ самого Сагайдачнаго и подъ этимъ военнымъ эскортомъ онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ остановился въ братскомъ домѣ чуть ли не на цѣлый годъ. „Провождажу же его множество воинъ козаковъ, гетманъ Сагайдачный Петръ (мужъ зѣло воинственъ бяше и страшенъ бѣ врагомъ всѣмъ) и поставиша святѣйшаго отца патриарху во братствѣ, средѣ града киевского, и обточиша его стражбою аки пчелы матицу свою, тако святѣйшого отца и пастыря овцы словесныи отъ волковъ противныхъ стежаху“, пишетъ современный украинскій лѣтописецъ [2]). Охрана была дѣйствительно необходима, такъ какъ въ польскихъ кругахъ относились къ патріарху очень подозрительно, предполагая въ его путешествіи въ Москву политическую миссію противъ Польши: подозрѣвали, что турецкое правительство послало его возбуждать Москву противъ Польши, и потому онъ ѣхалъ такою „необычною дорогою“, черезъ Орду. Теперь узнавъ о его пріѣздѣ въ Кіевъ, въ польскихъ кругахъ предположили, что патріархъ имѣетъ порученіе изъ Москвы вести интригу противъ Польши среди козаковъ [3]). Жолкевскій, прослышавъ, что патріархъ долженъ возвращаться изъ Москвы черезъ Львовъ, намѣревался безцеремонно арестовать его. Въ Кіевѣ сдѣлать это было трудно и, узнавъ о пріѣздѣ патріарха въ Кіевъ, Жолкевскій отправилъ туда своего агента Пачановскаго, поручивъ ему скло-

---

[1]) Jednego czasu iednego roku w Moskwie y patriarcha y kozacy byli, takze y w Kiiowie y w Terechtemirowie rok bez kilka niedziel mieszkał, a zadne praktyki y szpiegowanie nie pokazały się (c. 143). Это сопоставленіе Москвы, Кіева и Терехтемирова, очевидно, исходитъ изъ убѣжденія, что въ Москвѣ патріархъ долженъ былъ видѣться съ козаками.

[2]) Лѣтопись Густынскаго монастыря с. 11—2.

[3]) Письмо Жолкевскаго, гетмана и кіевскаго воеводы— Listy № 111.

нить патріарха для безопасности возвращаться через Подольскія земли, на Каменецъ. Для отвода глазъ этому порученію приданъ былъ возможно невинный характеръ; упомянутый агентъ якобы высылался ради почета и удобства патріарха. Жолкевскій пересылалъ съ нимъ письма къ кіевскому магистрату и украинскимъ „обывателямъ“, вызванныя якобы извѣстіями, полученными отъ патріарха, и поручалъ имъ принимать патріарха съ „достойнымъ уваженіемъ, какъ великаго человѣка и уважаемаго гостя“, особенно ввиду натянутыхъ отношеній съ Турціею, и оказать ему возможность свободнаго и удобнаго переѣзда до Хотина через Каменецъ [1]). Въ дѣйствительности, патріарха ожидала, очевидно, участь несчастнаго экзарха Никифора, еслибы онъ положился на эти приглашенія [2]).

Но патріархъ это понималъ, какъ понимали и его окружающіе; современникъ, упомянувъ о выѣздѣ его изъ Кіева въ Терехтемировъ, говоритъ, что патріархъ опасался „абы од Ляхов не был посланый в заточение“ [3]). Поэтому на уговоры Пачановскаго онъ не поддался и крѣпко держался Кіева, гдѣ его не рѣшались тронуть—„чтобы изъ этого не выросло еще большихъ бунтовъ и мятежей среди козаковъ“. При этомъ о дѣйствительной цѣли патріаршаго пріѣзда въ польскихъ кругахъ не имѣли, очевидно, никакого представленія: польскіе политики XVII в. были такими же невѣждами въ вопросахъ украинской жизни, какъ и ихъ позднѣйшіе преемники.

Тѣмъ временемъ патріархъ объѣзжалъ церкви и монастыри Кіева и его окрестностей; былъ въ Межигорьѣ, Бѣлой Церкви, Терехтемировѣ—всюду, гдѣ чувствовалъ себя въ безопасности подъ козацкимъ покровительствомъ; посѣщалъ дома православныхъ помѣщиковъ, „приймаючи человѣколюбіе и достойную честь“ и своимъ присутствіемъ, похвалами и благословеніями поддер-

---

[1]) Грамоты эти, отъ 5 мая н. с. были напечатаны въ Verificati-и niewinnosci—Архивъ Ю. З. Р. I, VII с. 289—90, также Pisma Żółkiewskiego с. 369—370, ср. Протестацію с. 140.

[2]) Въ упомянутомъ письмѣ къ Замойскому Жолкевскій высказываетъ опасенія, какъ бы патріархъ изъ Кіева не поѣхалъ въ Терехтемировъ, такъ какъ тамъ изъ-за козаковъ его нельзя было бы арестовать.

[3]) Записка очевидца, 1621 г., въ концѣ сборника лѣтописей, переписаннаго въ Животовѣ—Пол. собраніе лѣтописей т. II, изд. 2, пред. с. XIII.

живая духъ православныхъ [1]). Съ разныхъ сторонъ Украины и Бѣлоруссіи прибывали къ нему депутаціи православныхъ, прося подтвержденій и благословеній для братствъ, монастырей, церквей и получая отъ него грамоты и ставропигіальныя права. Ѳеофанъ запасся отъ константинопольскаго патріарха полномочіями на всякія церковныя функціи въ его кіевской діоцезіи; кромѣ того, при немъ былъ и экзархъ константинопольской церкви Арсеній, скрѣплявшій своею подписью нѣкоторыя грамоты. Такъ напр. получили отъ нихъ грамоты съ благословеніемъ и утвержденіемъ (или подтвержденіемъ) въ правахъ ставропигій братство кіевское, луцкое, слуцкое, львовское и др. [2]). Въ виду тревожныхъ слуховъ, ходившихъ о немъ, патріархъ отправилъ къ королю своихъ пословъ, увѣряя его въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ и прося безпрепятственнаго пропуска черезъ земли Короны, и король отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ выражалъ свое довѣріе патріарху и гарантировалъ ему свободный проѣздъ—черезъ Каменецъ [3]).

Тѣмъ временемъ шли переговоры и приготовленія къ посвященію владыкъ. По словамъ лѣтописца, происходило это „по совѣту многихъ благочестивыхъ людей пановъ шляхетскаго рода и всѣхъ посполитыхъ христіанъ, а главное, гетмана войска Запорожскаго, Петра Сагайдачнаго и множества изъ всѣхъ областей: Волынскихъ, Подольскихъ, Подгорскихъ, Покутскихъ, Подляшскихъ, княжества Литовскаго и Украинскихъ—благочестивыхъ (православныхъ), духовныхъ и свѣтскихъ; много было тогда дивныхъ и неисповѣдимыхъ гаданій и совѣтовъ, не токмо въ духовныхъ, но и свѣтскихъ“ [4]). Образовался въ нѣкоторомъ родѣ національный конгрессъ, гдѣ рѣшающую роль играла новая національно-политическая сила — козачество. Смотрицкій указываетъ точнѣе время этого съѣзда—праздникъ Успенія, храмъ печерской церкви [5]). Этотъ съѣздъ выступилъ передъ патріархомъ съ формальнымъ ходатайствомъ—поставить имъ новую іерархію. Ѳеофанъ долго отказывался, боясь бѣды „отъ короля и Ляховъ“,

---

[1]) Грамота его отъ 26/V въ Памят. кіев. ком. II № 4.

[2]) Пам. кіев. ком. I № 4, II № 4 и др.

[3]) Письма въ Verificatia niewinności Архивъ I, VII с. 292—3, Протестація l. c.

[4]) Лѣтопись Густин. мон. с. 13. Эти слова: „Не токмо в духовныхъ, но и в свѣцкихъ“, можно понимать двояко: о духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ, или о духовныхъ и свѣтскихъ лицахъ.

[5]) Архивъ Ю. З. Р. I, VII с. 296, ср. 287.

и только увѣренія козаковъ, что они защитятъ его отъ всякой бѣды, придали ему смѣлости: „Святѣйшаго патріарха взяли на рамена и опеку свою благочестивое войско и гетманъ, Петро Сагайдачный“, и патріархъ рѣшился [1]). Подобнымъ образомъ передаетъ объ этомъ въ своей протестаціи м. Іовъ: „Правда, находились и такіе, которые отговаривали патріарха ввиду тѣхъ опасностей, которыя, въ самомъ дѣлѣ, намъ угрожаютъ теперь; но люди рыцарскіе, духомъ пылающіе, сказали святѣйшему: ‚не былъ бы ты патріархомъ, не былъ бы добрымъ пастыремъ, не былъ бы намѣстникомъ христовымъ и апостольскимъ, еслибы ты, святость твоя, не посвятилъ и не оставилъ народу русскому митрополита и епископовъ, заставъ насъ здѣсь безъ пастырей среди гоненій‘ “ [2]).

Тонъ всему задавало козачество, а его поддерживала, выражая свою полную солидарность, мѣстная православная шляхта. Кіевскіе депутаты на осеннемъ сеймѣ 1620 г., домагаясь гарантій для православной религіи, мотивировали свои требованія тѣмъ, что „козаки и многіе вліятельные люди взяли ее („греческую религію“) подъ свою защиту и поклялись другъ другу не отступать отъ нея, такъ что легко можетъ дойти до волненій и возстанія, если они этихъ гарантій не получатъ“ [3]). Главное значене въ этомъ дѣлѣ, какъ въ православныхъ, такъ и уніатскихъ кругахъ, приписывается козачеству, а среди послѣдняго центральная роль отводится Сагайдачному. Саковичъ въ своемъ панегирикѣ такъ описываетъ это:

Тымъ часомъ патріарха вчасне къ намъ завиталъ
З землѣ святой мѣста Іерусалима,
Отколь вышла на въвесь свѣтъ правдивая вѣра.
Которого тотъ гетманъ зъ войскомъ наведивши
Въ Кіевѣ и поклонъ му достойный отдавши
Съ православными, почалъ раду въ томъ чинити
Жебы могли пастырей православныхъ мѣти
Въ церкви своей, на мѣстцахъ владыковъ унѣтовъ,
Которыхъ маетъ народъ нашъ за езуитовъ,
Кдыжъ унѣяты зъ ними единомудрствуютъ,
Всѣхъ побити подъ владзу папы усилуютъ.
Обравши теды згодне всѣ зъ людей духовныхъ
Честныхъ мужей и въ писмѣ бѣглыхъ, особъ годныхъ,
Патріарсѣ святому ихъ презентовали,
О посвяченя ихъ ва владыцства жадали.

---

[1]) Лѣтопись Густинскаго мон. с. 13. [2]) Статьи с. 146, у Жуковича III с. 71. [3]) Извлеченіе у Жуковича III с. 71.

А кгды святѣйшій отецъ зъ ексархомъ обачилъ
Слушность въ жаданю, особъ тыхъ посвятити рачилъ:
Іова Борецкого на митрополію
И владыкъ на кождого ихъ епископію.

Гарантіи, данныя козачествомъ и православною шляхтою рѣшили вопросъ. Отъ 13 августа имѣется окружное посланіе патріарха къ православнымъ Польши и Литвы, въ которой онъ, между прочимъ, въ довольно глухихъ выраженіяхъ, поручаетъ имъ назначить кандидатовъ для посвященія—выбрать себѣ епископа, согласно съ апостольскими правилами, „повелѣній и запрещеній міра не боящеся“ [1]). Въ виду таинственности, съ которой велось все это дѣло, грамота эта имѣла чисто формальное значеніе; рѣшающее значеніе имѣли совѣщанія собранныхъ въ Кіевѣ делегатовъ изъ разныхъ мѣстностей, или тайныя сношенія съ православными общинами епископскихъ резиденцій. Считали необходимымъ избавиться отъ королевскаго комиссара, остававшагося въ Кіевѣ для наблюденія за патріархомъ, подъ предлогомъ сопровожденія его до границы. Патріархъ заявилъ, что онъ уже поѣдетъ, и двинулся въ путь. Ѣхать черезъ Подольскіе края онъ не пожелалъ, и Пачановскій проводилъ его только лишь до Бѣлой Церкви, передавъ тамъ на руки козацкаго полковника Богдана Кизима, который долженъ былъ доставить патріарха до границы, самъ же Пачановскій послѣ этого отправился къ королю. Тогда патріархъ вернулся въ Кіевъ, мотивируя это опасностью дальнѣйшаго пути, и здѣсь, не имѣя уже надъ собою королевскаго ока, приступилъ къ посвященію владыкъ [2]).

Первымъ былъ посвященъ извѣстный намъ игуменъ кіевскаго братскаго монастыря Исаія Копинскій—въ перемышльскіе епископы, черезъ нѣсколько дней Іовъ Борецкій въ митрополиты, а затѣмъ

[1]) П. Могила I приб. 37.

[2]) Такъ объясняю я этотъ эпизодъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ только недавно, изъ протестаціи м. Іова (с. 141). Жуковичъ, игнорируя окружную грамоту отъ 13/VIII и извѣстія Смотрицкаго объ успенскомъ съѣздѣ, думалъ сначала, что, въ самомъ дѣлѣ, только лишь цецорская катастрофа рѣшила дѣло посвященія владыкъ: патріархъ вернулся съ дороги и подъ впечатлѣніемъ катастрофы онъ и православные рѣшились на этотъ смѣлый шагъ (вып. III, с. 43). Но затѣмъ онъ самъ принялъ во вниманіе заявленіе Смотрицкаго (во второмъ изданіи Verificati-и, л. 28 об.), что посвященіе произошло до цецорской катастрофы, и на этомъ основаніи усумнился въ традиціонныхъ датахъ посвященій у Густинскаго лѣтописца (III с. 47—8). Слова протестаціи, что Пачановскій оставилъ митро-

Мелетій Смотрицкій въ полоцкіе архіепископы[1]). Совершалось это съ большой таинственностью, въ братской церкви, ночью, при чемъ окна церкви были заколочены досками и завѣшены, чтобы свѣтъ въ церкви не привлекъ чьего-либо вниманія. Пѣлъ тихо одинъ лишь пѣвчій патріарха[2]). Кромѣ патріарха, какъ два другихъ епископа, принимали участіе въ посвященіи извѣстный намъ митр. Неофитъ, издавна проживавшій въ Кіевѣ, и епископъ Авраамій, пріѣхавшій съ Ѳеофаномъ.

Потомъ, выѣхавъ въ концѣ года изъ Кіева, подъ охраною козацкаго полка и самого Сагайдачнаго, въ сопровожденіи духовенства, шляхты и другихъ лицъ, патріархъ въ разныхъ мѣстахъ своего пути посвятилъ еще трехъ владыкъ. Въ Терехтемировѣ посвятилъ онъ мѣстнаго игумена Іезекіиля Курцевича во владимирскіе епископы (на эту каѳедру предназначался виленскій игуменъ Леонтій Карповичъ, но онъ захворалъ и умеръ въ это время). Въ Бѣлой-Церкви посвященъ былъ игуменъ черничицкаго монастыря Исаакій Борисковичъ въ луцкіе епископы. Наконецъ, заѣхавъ въ имѣніе кн. Стеф. Четвертинскаго, м. Животовъ, въ Брацлавскомъ воеводствѣ, въ первыхъ числахъ февраля с.с., патріархъ посвятилъ здѣсь еще мелецкаго игумена Паисія Ипполитовича въ холмскіе епископы[3]). Производились ли эти посвя-

---

полита въ Бѣлой Церкви, posłyszawszy o nieszczęsnym obrocie woyny w Wołoszech, не противорѣчатъ данному въ текстѣ толкованію, такъ какъ несчастный оборотъ война приняла еще за три недѣли до послѣдней катастрофы, и дѣйствительно, первыя посвященія могли происходить по возвращеніи патріарха, передъ цецорскою катастрофою.

[1]) Густинскій лѣтописецъ говоритъ, что Копинскаго посвятили 6 окт., а Борецкаго въ „в недѣлю по немъ“ 9 окт. с. ст. и черезъ восемь недѣль Смотрицкаго (с. 14); эти даты обычно принимаются. Но Смотрицкій, какъ мы видѣли, рѣшительно заявляетъ, что посвященія эти состоялись передъ молдавскою катастрофою, закончившейся 7 окт. н. ст., а Борецкій въ протестаціи пишетъ, что патріархъ послѣ посвященія пробылъ на Украйнѣ почти еще полгода. Приходится думать, что посвященія состоялись раньше, но возможно, что разница здѣсь не велика.

[2]) Лѣтоп. Густин. мон. 14; Epanorthosis Саковича с. 33 (выдержка въ книгѣ Голубева П. Могила I с. 259); Лиѳосъ с. 101 (Архивъ Ю. З. Р. I. X.).

[3]) Лѣтоп. Густин. мон. с. 15—17. Грамота Борисковичу съ датою 30 янв. въ моск. архивѣ иностранныхъ дѣлъ (у Макарія XI с. 263). Вновь изданная животовская запись (Пол. собр. лѣтоп. II², с. XIII) даетъ болѣе точную дату пребыванія патріарха въ Животовѣ, 3—5 февраля с.с.

щенія въ дорогѣ для сохраненія тайны, такъ какъ дѣло начало уже принимать широкую огласку, или кандидаты, не поспѣвъ во-время въ Кіевъ, доганяли патріарха уже въ дорогѣ, трудно сказать.

Въ концѣ концовъ были посвящены митрополитъ и пять епископовъ, шестой же пріѣзжій епископъ Авраамій назначенъ былъ пинскимъ владыкою. Такимъ образомъ православный епископатъ Украины и Бѣлоруси былъ обновленъ во всемъ составѣ.

Но теперь возникалъ гораздо болѣе сложный вопросъ—какъ добиться у правительства признанія и легализаціи этой іерархіи, поставленной самовольно, съ нарушеніемъ вѣками освященнаго королевскаго „права подавванія“ православныхъ бенефицій. Затруднительное положеніе польскаго правительства подавало на это надежды, и даже возможно, что съ правительственной стороны были даны нѣкоторыя основанія для этихъ надеждъ. Но отсюда до формальной легализаціи было еще далеко.

Польскіе правительственные круги прожили весь 1620 г. въ большой тревогѣ, все возраставшей на протяженіи цѣлаго года. Сверхъ ожиданія, соглашеніе достигнутое въ прошломъ году съ Турками, оказалось не только не прочнымъ, а наоборотъ—стало прелюдіей къ грознымъ планамъ полнаго завоеванія Польши, принятыхъ въ султанскихъ кругахъ. Ближайшимъ поводомъ къ разрыву послужилъ фактъ, что во время войны трансильванскаго воеводы Бетленъ-Габора, члена протестанской лиги, съ главою католической партіи, имп. Фердинандомъ польское правительство поддерживало своего союзника Фердинанда, и польскія своевольныя банды т. наз. Лисовчиковъ напали осенью (1619) на Венгрію и разбили войско Габора. Бетленъ-Габоръ былъ турецкій вассалъ, стоялъ подъ особымъ покровительствомъ Порты и это полуофиціальное участіе Польши въ его разгромѣ записано было въ турецкихъ сферахъ въ счетъ Польшѣ. Къ этому Искандеръ-паша присоединялъ еще слухи о планахъ козаковъ предпринять грандіозный морской походъ на турецкія земли.

Подъ вліяніемъ всего этого уже къ веснѣ 1620 г. въ турецкихъ кругахъ была рѣшена и объявлена война съ Польшею. Султанъ рѣшилъ самолично двинуться въ походъ зимою, чтобы съ весною ударить на Польшу и завоевать ее, а пока—выслать Искандеръ-пашу въ Молдавію, чтобы свергнуть воеводу Граціана, скомпрометировавшаго себя въ глазахъ турецкаго правительства

въ качествѣ союзника Польши. Всѣ представленія польскаго посла въ Константинополѣ нисколько не помогали, съ нимъ обращались съ полнымъ пренебреженіемъ.

Единственно, что могло бы, по мнѣнію визира, предотвратить войну—это, если бы польское правительство разрушило пограничные украинскія города и въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ уничтожило козаковъ. Впрочемъ турецкое правительство, не полагаясь на увѣренія Поляковъ, само рѣшило обезпечить себя отъ козацкихъ нападеній и еще въ мартѣ отправило пашу на устье Днѣпра съ порученіемъ выстроить тамъ замки противъ козаковъ [1]). Когда же, не взирая на всѣ принятыя мѣры въ іюлѣ этого же года своевольные козаки дѣйствительно двинулись на море, дѣло было рѣшено безповоротно: польскій посолъ поспѣшилъ бѣжать изъ Константинополя [2]). Козаки проникли въ окрестности Стамбула и грабили ихъ съ неслыханною отвагою, а страхъ передъ ними былъ настолько великъ, что приходилось палками сгонять турецкихъ матросовъ на тѣ нѣсколько галеръ, какія снарядили, чтобы выслать противъ козаковъ [3]). Конечно, въ такихъ условіяхъ эта импровизирован-

---

[1]) Депеши французскаго посла де-Сези въ Historica Russiae monumenta II с. 412.

[2]) Третьякъ, разбирая въ своей монографіи о хотинской войнѣ козацко-польскія отношенія 1620 г. (с. 29—34), не совсѣмъ вѣрно освѣщаетъ ихъ. Прежде всего онъ думаетъ, что въ 1620 г. было два козацкихъ похода на море, одинъ—весною, другой въ іюлѣ; но весенній походъ явился у него лишь по недоразумѣнію: письмо Жолкевскаго отъ 30 іюня, на основаніи котораго онъ констатируетъ походъ, говоритъ о прежнихъ походахъ на море, за которые козаки должны были понести наказаніе по постановленію комиссіи 1619 г. Іюльскій козачій походъ Третьякъ объясняетъ тѣмъ, что козаки, въ виду объявленной Турками войны считали такой походъ на Турокъ дозволеннымъ и не предполагали нарушать этимъ постановленій комиссіи (ор. с. с. 29). Но намъ извѣстно, что это было дѣломъ козаковъ своевольныхъ, не хотѣвшихъ знать комиссіи и рѣшившихъ походъ заранѣе. Соображенія о томъ, что Жолкевскій самъ не зналъ, желать ли ему морскихъ козацкихъ походовъ или нѣтъ, также не находитъ себѣ никакой опоры въ письмахъ Жолкевскаго, на которыхъ Третьякъ основывается.

[3]) Les Cosaques sont à toute heure près d'ici sur la mer Noire, ou ils font des prises incroiables veu leur faiblesse et sont en telle reputation, qui'l faut des coups de baston pour faire resoudre les soldats turcs à aller à la guerre contre eux sur quelques galèes que le Grand-Seigr. y envoie avec la grande peine—Депеши де-Сези с. 412.

ная эскадра не могла нисколько сдержать козаковъ, и послѣдніе, разоривъ окрестности Царьграда, отправились въ другіе края. Взяли и сожгли до основанія Варну, гдѣ было не менѣе 15 тыс. населенія. Бушевали свободно по всему побережью, какъ доносилъ французскій посолъ [1]).

Война была рѣшена. Съ началомъ лѣта Искандеръ-паша съ огромными силами двинулся на Молдавію; одновременно изъ Крыма выступила Орда, а Бетленъ-Габоръ выслалъ свое войско. Воевода Граціанъ умолялъ Польшу о помощи. Но Жолкевскій располагалъ очень небольшимъ войскомъ—всего около 5 тыс.; отъ козаковъ тоже не могъ ожидать сколько-нибуть значительной помощи. Однако рѣшилъ на этотъ разъ оставить оборонительную тактику, какой благоразумно держался во время предшествовавшихъ кампаній, а перенести войну въ Молдавію. Онъ разсчитывалъ, что на молдавской територіи Поляки будутъ имѣть поддержку со стороны Граціана, а давъ возможность Туркамъ уничтожить его, должны будутъ принять всѣ удары на себя.

Но еще больше чѣмъ холоднаго расчета было здѣсь нервовъ: старый гетманъ, наслушавшись нареканій и подозрѣній за свою пассивность въ предшествующія кампаніи, на этотъ разъ хотѣлъ закрыть ротъ своимъ критикамъ, и рѣшился рискнуть послѣднимъ. Въ своемъ письмѣ королю, выступая въ походъ, онъ высказалъ еще разъ свое глубокое убѣжденіе, что съ турецко-татарскими силами возможна только наступательная открытая борьба: напоминалъ подобныя планы Баторія и указывалъ, что выполнить эти планы теперь, имѣя большую козацкую силу легче, чѣмъ при Баторіи, когда козаковъ „не было и сотой части“ [2]).

Но въ этомъ козацкомъ вопросѣ шефъ польскихъ военныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—офиціальный начальникъ козацкаго войска никогда не умѣлъ разобраться. Кровавая солоницкая рѣзня, полная безпощаднаго звѣрства и коварства, лягла между нимъ и козачествомъ непроходимою пропастью на всѣ послѣдующіе годы. Козаки не вѣрили Жолкевскому, какъ онъ самъ признавался [3]); для него они оставались „озвѣрѣвшимъ холопствомъ“, „сволочью“ [4]), „разбойниками“ (его любимое выраженье о козакахъ). Единственнымъ раз-

---

[1]) Cependant les Cosaques avec les 150 barques ravagent toute la mer Noire—l. c. c. 412. [2]) Pisma c. 377.

[3]) Жерела VIII c. № 125.

[4]) Chłopstwo zbestwione, sentyna—Жерела VIII c. 138, Pisma c. 285.

рѣшеніемъ козацкаго вопроса онъ считалъ—уничтожать ихъ, рубить, топить въ потокахъ крови, какъ писалъ воеводѣ Граціану [1]). Между тѣмъ самъ отлично зналъ, насколько трудною стала всякая вооруженная расправа съ козаками. При всякихъ военно-политическихъ выкладкахъ ему приходилось разсчитывать на участіе и помощь козаковъ; какъ государственному человѣку ему нужно было въ виду этого думать объ установленіи modus vivendi съ козачествомъ. Но его козацкая политика оставалась политикою нервовъ шляхтича, который инстинктивно чувствовалъ, „что это холопство по природѣ своей народу шляхетскому непріязнено", какъ писалъ онъ кіевской шляхтѣ. Въ отношеніяхъ къ козачеству онъ зналъ одно лишь—не спускать, ничего не позволять, пока можно было страхомъ оружія сдерживать ихъ. И жертвою этой недальновидной политики, которая въ концѣ концовъ погубила Рѣчь Посполитую, теперь суждено было пасть ему самому прежде всего.

Жолкевскій зналъ о расколѣ, происшедшемъ въ козачествѣ, зналъ и о намѣреніяхъ своевольниковъ. Политическій расчетъ указывалъ на необходимость сближенія съ партіей Сагайдачнаго, „которая держится прошлогоднихъ постановленій, установленныхъ комиссарами его кор. мил.",—поддержать ее всѣми силами противъ своевольниковъ и расположить къ себѣ всякими возможными уступками. Безусловно, Сагайдачный настолько еще имѣлъ значенія на Украинѣ, что могъ съ своей стороны доставить очень значительные контингенты для турецкой войны. Но Жолкевскій безпомощно стоялъ передъ этимъ козацкимъ расколомъ, передъ козацкимъ своевольствомъ и не дѣлалъ никакихъ серьезныхъ попытокъ, чтобы привлечь козачество къ себѣ. „Что касается козаковъ, не знаю, какой оборотъ примутъ у нихъ отношенія: если возьметъ верхъ та сторона, которая держится прошлогоднихъ постановленій, принятыхъ комиссарами вашей кор. милости,—нужно имѣть наготовѣ, что имъ обѣщано дать", писалъ онъ въ письмѣ къ королю отъ 30 іюня. Правда развивая тамъ же планъ христіанской лиги противъ Турокъ и наступательной войны съ ними, онъ обращалъ вниманіе короля на то, что еслибы Рѣчь Посполитая приняла этотъ планъ, то нужно оставить мысль о наказаніи виновныхъ въ прежнихъ морскихъ походахъ и привлечь козаковъ, давъ имъ „чего они хотятъ, чтобы Туркамъ причини-

---

[1]) См. выше с 86.

ли побольше потерь и жестокостей“ [1]). Но это былъ планъ, далекій отъ осуществленія: видѣть его принятымъ не надѣялся, навѣрное, и самъ Жолкевскій. А пока онъ представлялъ козацкимъ отношеніямъ складываться самостоятельно, какъ имъ Богъ дастъ, быть можетъ не безъ той задушевной мысли, какую искренно высказывали шляхетскіе политики 20 лѣтъ тому назадъ: „лучше, если они между собой будутъ грызться“.

Въ іюлѣ, когда проходилъ срокъ выплаты козацкаго жалованья, Жолкевскій съ коронным подскарбіемъ послали къ козакамъ своихъ агентовъ съ запросомъ, будутъ ли они держаться постановленій комиссіи—въ такомъ случаѣ имъ будетъ выдано жалованіе. Эти агенты были высланы, очевидно, на Запорожье, къ козакамъ своевольнымъ, и самъ Жолкевскій, конечно, понималъ, что никакою платою не удержишь ихъ отъ своевольствъ и отъ похода на море, для котораго, какъ доносили Жолкевскому, они снарядили уже двѣсти лодокъ [2]). Съ этой стороны дѣло стояло безнадежно. Но и съ Сагайдачнымъ сблизиться Жолкевскій не старался, хотя тотъ, съ своей стороны, самъ дѣлалъ первые шаги, разославъ какой-то универсалъ, въ которомъ предостерегалъ населеніе отъ турецко-татарскаго похода... Наоборотъ, какъ разъ въ это время Жолкевскій раздумывалъ надъ тѣмъ, какъ ему поймать въ свои руки патріарха, выманивъ изъ козацкой территоріи, „чтобы не произошло большихъ волненій среди козаковъ“. Въ результатѣ и партія Сагайдачнаго осталась въ сторонѣ, и если даже считать „козаковъ наемныхъ“, значащихся въ войскѣ Жолкевскаго [3]), за козацкій полкъ, высланный въ помощь Жолкевскому Сагайдачнымъ согласно съ его лойяльной политикой, то этотъ маленькій отрядъ (1600) являлся скорѣе ироніей, чѣмъ дѣйствительнымъ содѣйствіемъ.

---

[1]) Письмо приведено въ статьѣ Лиске, приб. V.

[2]) Listy № 111.

[3]) Среди контингентовъ Жолкевскаго значатся: Ukraińcow z p. Chmielewskim (sic) 800, z Tyskiewiczem 400, barskich 300, kazaków pienieżnych 1600 (Wojcicki Biblioteka starożyt. pisarzów IV c. 207) это единственный слѣдъ козацкаго участія въ экспедиціи—на основаніи его говорится объ участіи Запорожцевъ въ кампаніи 1620 г. болѣе или менѣе рѣшительно (напр. у Третяка с. 31). Позднѣйшіе разсказы объ участіи въ Хотинской войнѣ Хмельницкаго-отца въ качествѣ козацкаго сотника, являются легендою (о ней буду имѣть случай говорить при разборѣ другихъ легендъ о Хмельницкомъ).

Для Сагайдачнаго не было интереса навязываться польскому правительству: въ данный моментъ ему было нужно, чтобы польское правительство просило его и онъ могъ продиктовать ему козацкія требованія (особенно въ церковномъ вопросѣ). И въ этотъ моментъ, когда Жолкевскій двигался на Молдавію, въ пасть турецкаго льва, Сагайдачный со своею партіею занимался возстановленіемъ іерархіи, увѣренный, что рано или поздно Рѣчь Посполитая всетаки обратится къ нему за помощью, и тогда настанетъ время продиктовать ей кое-что.

Жолкевскій въ первыхъ числахъ сентября н. с. перешелъ Днѣстръ и двинулся со своимъ войскомъ въ глубь Молдавіи, подъ Яссы, чтобы соединиться съ войскомъ господаря [1]). Но появленіе такого небольшого польскаго войска вызвало лишь панику среди Молдаванъ; они теперь сочли дѣло окончательно проиграннымъ и начали покидать господаря и переходить къ Туркамъ. Граціанъ, увидѣвъ это, хотѣлъ бѣжать въ Польшу съ чѣмъ попало, и только Жолкевскій удержалъ его. Но когда вмѣсто ожидаемаго молдавскаго войска присоединилась къ нему лишь

[1]) Исторія турецкихъ войнъ 1620 и 1621 г. разработана главнымъ образомъ въ польской исторіографіи; перечисляю только важнѣйшую литературу: X. Liske Der türkisch-polnische Feldzug im Jahre 1620 (Archiv für österr. Geschichte XLI) и его-же: Stanisława Żółkiewskiego klęska i zgon na polach Cecorskych (Fygodn. literacki 1869, ч. 1—16), съ собраніемъ документовъ изъ библіот. Рачинскихъ. Szujski Cecora i Chocim (Przegl. polski 1871, I и затѣмъ въ Dziela-хъ серія II т. VI). Górski O wyprawie i klęsce cecorskij (Bibl. Warsz. 1886 III). Darowski Wojna Chocimska, 1862. Tretiak Historya wojny chocimskiej 1889 (старательно и научно написанная книга). Кромѣ этого: Kondratowicz Samuel Korecki, 1858. Bartoszewicz Stanislaw Koniecpolski (Tygodn. ilustr. 1863). Chomętowski Książe Krysztof Zbaraski koniuszy koronny (Bibl. Warsz 1865). Богатая литература мемуаровъ для Хотинской войны собрана отчасти въ сборникѣ Ж. Паули Pamiętniki o wyprawie chocimskiej, 1853. Одинъ дневникъ въ Starożytnosci Грабовскаго I, одинъ въ добавленіяхъ у Третяка. Кромѣ того, Я. Собѣсскаго Commentariorum Chotinensis belli libri tres, 1646 (это роскошное современное изданіе не было повторено, и въ литературѣ пользуются чаще его переводами—польскимъ въ сборникѣ Dziejopisowie krajowi 1854, или русскимъ въ II кн. Мемуаровъ Мельникъ—Антоновичъ, но переводы эти довольно свободны, ср. рецензію въ Запискахъ львов. т. XXIV). Petricii Rerum in Polonia ac praecipue belli cum Osmano gesti historia, 1637. W. Potocki (подъ псевд. А. Липскаго) Wojna Chocimska (1850). Прочая менѣе значительная литература указана у Третяка.

небольшая свита Грацiана, стало дѣйствительно ясно, что дѣло проиграно: переходъ за Днѣстръ былъ роковою ошибкою, и Жолкевскому нужно было какъ можно скорѣе возвращаться назадъ. Однако гордость стараго бойца была плохимъ совѣтникомъ; Жолкевскiй не хотѣлъ возвращаться, расположился лагеремъ подъ Яссами, на Цецорскихъ поляхъ и сталъ ожидать Турокъ.

Во второй половинѣ сентября (н. ст.) подошелъ Искандеръ-паша съ крымскою ордою и съ Ногайскими Татарами мурзы Кантемира; Жолкевскiй исчислялъ это войско въ 60 тыс., другiе насчитывали больше. Двѣ битвы, данныя имъ, прошли не особенно удачно для польскаго войска и въ ночь послѣ второй битвы въ лагерѣ началась паника. Грацiанъ обратился въ бѣгство; многiе изъ польскаго войска тоже. Послѣ этого Жолкевскiй не считалъ возможнымъ держаться и началъ отступленiе съ оружiемъ въ рукахъ. Такимъ образомъ ему удалось дойти до Днѣстра, но въ ночь передъ послѣднимъ переходомъ, въ двухъ миляхъ отъ Могилева, снова повторилось бѣгство въ его лагерѣ. На этотъ разъ гетманы уже ничего не могли подѣлать и турецко-татарское войско, ударивъ на Поляковъ, безъ труда разсѣяло ихъ останки (7 октября н. с.). Жолкевскiй остался на полѣ битвы, польный гетманъ Конецпольскiй и цѣлый рядъ другихъ видныхъ лицъ попали въ плѣнъ. Немного больше тысячи человѣкъ успѣло спастись. Польша осталась безъ войска и вождей, и большимъ счастьемъ было для нея, что только Татары распустили свои загоны по Подольскимъ и Волынскимъ землямъ и Галицiи. Турецкое войско не перешло черезъ Днѣстръ—хотя въ этомъ переполохѣ могло бы взять безъ труда все, что хотѣло.

Но это еще не былъ конецъ. Походъ Искандеръ-паши былъ лишь рекогносцировкою, а главный походъ, подъ предводительствомъ самого султана, долженъ былъ начаться послѣ этого. Сейму, созванному еще до катастрофы, въ началѣ ноября н. с., правительство поручало не заниматься ничѣмъ инымъ, какъ только изысканiемъ способовъ защиты. Посольская палата, правда, не разъ обращалась къ вопросу, какiя собственно причины вызвали войну, и кто виноватъ въ ней; но эти вопросы были непрiятны правительству, которое своею австрофильской политикой не мало провинилось въ этомъ инцидентѣ, и оно рекомендовало лучше думать о мѣрахъ обороны. Посольская палата приняла въ восемь разъ увеличенный налогъ—вещь неслыханную; но то, что можна было сдѣлать съ этими кредитами, было не Богъ знаетъ

что—можно было нанять около тридцати пяти тысячъ войска на одинъ годъ. Рѣшено было обратиться къ „христіанскимъ государямъ“ Европы, чтобы привлечь ихъ къ участію въ борьбѣ съ Турками.

Но люди хотя бы немного освѣдомленные въ европейской политикѣ могли напередъ предугадать, что изъ этихъ посольствъ и предложеній ничего не выйдетъ. Ближайшій союзникъ, апостолическій императоръ, занимался христіаннѣйшею борьбою съ протестантами и ни за что не хотѣлъ нарушать перемирія съ императоромъ „языческимъ“, и въ результатѣ мысли всѣхъ сами собою обращались къ „прирожденному“ врагу магометанскаго міра—козачеству.

Молдавскую катастрофу считали слѣдствіемъ пренебреженія козацкой помощью. Современный украинскій лѣтописецъ записываетъ ходившую въ то время поговорку: „канцлѣра Жолковскаго у Волосѣхъ забито и Корецкого взято, бо безъ козаковъ войну почалъ, мовилъ такъ: не хочу я зъ Грицями воевати, нехай идутъ до ролѣ або свинѣ пасти“ [1]). Подобное говорилось, вѣроятно, не въ однихъ лишь украинскихъ кругахъ. И среди Поляковъ не было недостатка въ политикахъ, которые готовы были даже во главу угла положить вопросъ объ участіи козачества въ защитѣ Польши. Имѣется довольно популярная записка о мѣрахъ защиты Рѣчи Посполитой отъ Турокъ и Татаръ, относящаяся къ этому времени [2]), она придаетъ особое значеніе участію козацкаго войска, какъ въ виду его количества такъ и „имени ихъ, у басурманъ весьма славнаго и уважаемаго“. Главнымъ средствомъ для привлеченія козаковъ авторъ считаетъ „успокоеніе религіи“, а за посредничествомъ совѣтуетъ обратиться къ патріарху (Ѳеофану), — пробовать даже подкупить его; на освободившуюся тогда луцкую кафедру рекомендуетъ поставить православнымъ владыку, какого они пожелаютъ; увеличить жалованье козакамъ; „старшаго и порядковъ ихъ не трогать“; раздать имѣнія и староства вліятельнѣйшимъ козацкимъ старшинамъ, „но сдѣлать это умѣло“; для переговоровъ съ козацкимъ войскомъ послать „не коморника или дворянина, а сенатора, на котораго могли бы они положиться“.

Несомнѣнно, въ подобныхъ соображеніяхъ не было недостатка

---

[1]) Рус. истор. сборникъ III с. 237. [2]) Жерела VIII № 142.

и на сеймѣ. Проэктъ организаціи обороны, внесенный въ началѣ сейма (открытаго 3 ноября н. с.) и очень энергично поддерживаемый посольскою палатою, настаивалъ особенно на принятіи въ государственную службу 20 тысячъ козаковъ, съ платою 100 тыс. злотыхъ въ годъ. Это было дешево и сердито, такъ какъ регулярнаго войска на эти 100 тыс. злотыхъ нельзя было бы имѣть и тысячи человѣкъ. Сенатъ пояснилъ посольской палатѣ, что король еще до сейма послалъ своего агента къ козакамъ, „чтобы съ ними обо всемъ условиться", а теперь предполагаетъ отправить еще нарочнаго гонца [1]). Для того чтобы склонить козаковъ къ службѣ Польшѣ, считали весьма желательнымъ посредничество патріарха. Мысль эта была принята королемъ еще въ началѣ сейма, и отъ 10 ноября н. с. имѣется королевское письмо, отправленное патр. Өеофану съ дворяниномъ Барт. Обалковскимъ. Король просилъ патріарха повліять на Запорожское войско, чтобы оно исполнило королевскій приказъ и приняло участіе въ войнѣ съ Турками; подробнѣе по этому вопросу долженъ былъ переговорить съ патріархомъ Обалковскій [2]). О содержаніи этихъ устныхъ переговоровъ нѣкоторое представленіе можетъ дать грамота патріарха къ козакамъ, явившаяся результатомъ переговоровъ, и въ такой же мѣрѣ предназначавшаяся для козаковъ, какъ и для польскаго правительства, желанія котораго патріархъ исполнялъ этой грамотой.

Въ этомъ письмѣ (на слѣдующій день послѣ посвященія Курцевича въ Терехтемировѣ) патріархъ убѣждалъ козаковъ явиться со своими силами на службу Рѣчи Посполитой, такъ какъ этимъ они пріобрѣтутъ милость королевскую, славу войску своему, молитвы патріарха для себя и всего войска, послужатъ своему отечеству и т. д., и наконецъ—„и то тоже вашею искреннею и выдающеюся услугою отъ найяснѣйшаго короля и господина вашего достигнете, что обновленную нами въ св. церкви украинской іерархію: митрополита и епископовъ, нами посвященныхъ на мѣсто отпавшихъ отъ св. апостольскаго константинопольскаго престола, онъ подтвердитъ и обезпечитъ своимъ королевскимъ разрѣшеніемъ и грамотами—этого усердно-усердно должны вы

---

[1]) Выдержки изъ дневника сейма, изъ виляновской библіотеки, у Жуковича l. c.

[2]) Грамота издана въ Verificatia niewinności, изд. 2 л. 28, и въ старинномъ украин. переводѣ—изъ кіевскихъ записокъ въ Сборникѣ лѣтоп. Юж. и Зап. Рос. с. 87.

добиваться у найясн. короля, господина вашего, вашими усердными прошеніями“ [1]).

Несомнѣнно, что свое убѣжденіе относительно предстоящаго подтвержденія королемъ вновь поставленной іерархіи за козацкую службу патріархъ высказывалъ на основаніи своихъ переговоровъ съ Обалковскимъ. Король, очевидно, поручилъ своему посланцу подать всяческую надежду на исполненіе тѣхъ требованій, какія будутъ выставлены патріархомъ и козаками. Въ этомъ убѣжденіи ихъ должны были поддержать также и письма разныхъ сенаторовъ, даже духовныхъ: имѣется письмо отъ краковскаго епископа къ патріарху, посланное съ того же сейма и подобнаго же содержанія какъ королевское [2]).

Но внушая такія надежды, даже увѣренность въ исполненіи главнаго требованія православныхъ, и король и католическіе круги не хотѣли, однако, дать какихъ-либо надежныхъ гарантій по этому вопросу. Старанія въ этомъ направленіи, предпринятыя на сеймѣ со стороны православныхъ, остались безуспѣшными, несмотря на всю настойчивость, съ которою они подчеркивали связь этого религіознаго вопроса съ вопросами обороны. По словамъ сеймового дневника, въ такомъ духѣ говорили кіевскіе послы, выставляя „успокоеніе греческой религіи“ условіемъ своего участія въ оборонѣ, иначе грозили волненіями и возстаніями. Въ такомъ же духѣ держалъ свою знаменитую рѣчь волынскій депутатъ Лаврентій Древинскій [3]).

---

[1]) Грамота была написана по-гречески, имѣется въ переводахъ—украинскомъ (неполномъ) въ тѣхъ же кіевскихъ запискахъ, въ Сборникѣ лѣтоп. Юж. и Зап. Рос. с. 89, и въ польскомъ—Verificatia niewinności, изд. 2.

[2]) Verificatia niewinnosci, изд. 2.

[3]) Пустилъ ее въ обращеніе Бантышъ Каменскій senior въ своей книгѣ Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи (1795, въ изд. 1864 г. с. 66) въ русскомъ переводѣ, съ ссылкою на „записную книгу кіев. митр. П. Могилы“. До послѣдняго времени это былъ единственный извѣстный текстъ; за исключеніемъ нѣкоторыя ошибокъ или неточностей перевода, содержаніе его не возбуждало подозрѣній, и изслѣдователи, какъ съ православной стороны, кончая м. Макаріемъ (XI с. 257) и Жуковичемъ (III с. 72), такъ и съ католической, до Третяка (op. c. 55) и Ликовскаго (изд. 1907 г. с. 207) включительно, принимали эту рѣчь за подлинную. Дѣйствительно, поддѣланной въ такомъ видѣ она не могла быть, и содержаніе рѣчей волынскихъ депутатовъ, приведенное сеймовымъ дневникомъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію

Онъ указывалъ королю и посольской палатѣ, что въ предстоящей войнѣ Польша будетъ оперировать православными силами, а между тѣмъ православнымъ нѣтъ никакого смысла жертвовать собою въ интересахъ государства, которое трактуетъ ихъ такъ непріязненно: „Въ этой войнѣ противъ главнаго врага креста святого, смѣло могу сказать, ваша кор. милость едва ли не большую часть контингента будетъ требовать отъ народа нашего русскаго, а народъ этотъ, если и впредь не будетъ удовлетворенъ въ своихъ требованіяхъ и прошеніяхъ, какъ можетъ защищать, вмѣсто окоповъ, грудьми своими государство ваше? Какъ можно прилагать стараніе къ спокойствію отъ сосѣдей, не имѣя внутренняго спокойствія у себя дома? съ какимъ сердцемъ, съ какимъ чувствомъ, будетъ онъ гасить своею кровью зажженныя пылающія стѣны своего отечества, не видя угашаемымъ внутренняго огня пылающихъ стѣнъ домашнихъ? Кто же, о Боже живый, не видитъ этого своими глазами, какія великія тяготы, притѣсненія и невозможныя обиды терпитъ этотъ исконный народъ русскій?

И ораторъ сильно, въ чрезвычайно рѣзкихъ чертахъ рисуетъ картину униженія русской вѣры и православнаго населенія:

„Начиная отъ Кракова въ Коронѣ какъ умножается слава божія съ помощью этой вновь выдуманной уніи? Уже по большимъ городамъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя разорены, по монастырямъ скотину вмѣсто монаховъ запираютъ. Перейдемъ въ в. кн. Литовское—тамъ творится тоже самое, даже въ городахъ пограничныхъ съ московскимъ государствомъ [1]). Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви запечатаны, священники разогнаны [2]). Въ Пинскѣ то же самое; монастырь Лещинскій обращенъ въ корчму. Благодаря этому дѣти умираютъ некрещенными, тѣла мертвыхъ вывозятся изъ городовъ безъ церковнаго обряда, какъ падаль; люди безъ браковъ живутъ въ нечистотѣ, не исповѣдываясь, не

рѣчи Древинскаго въ этомъ текстѣ. Теперь, когда въ нашемъ распоряженіи имѣется еще болѣе надежный оригинальный польскій текстъ, въ сборникѣ печерской лавры (прил. № 20, по описанію проф. Петрова № 74 л. 90), подлинность этой рѣчи стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній.

[1]) Московская пограничная область указана тутъ съ умысломъ, въ виду давняго употребленія, какое московская политика дѣлала изъ вопроса о положеніи православныхъ въ польско-литовскомъ государствѣ—ср. въ т. VI ст. 596.

[2]) Это были эпизоды борьбы полоцкаго уніатскаго владыки Курцевича съ православными.

причащаясь разстаются съ жизнью. Развѣ это не обида самому Богу? развѣ не будетъ Богъ мстить за это?..

„Перейдемъ къ другимъ неправдамъ и притѣсненіямъ неслыханнымъ. Развѣ не обида нашему русскому народу то, что, не говоря о другихъ городахъ, дѣлается во Львовѣ? Кто греческаго закона, не уніатъ, тотъ не можетъ жить въ городѣ, торговать на локти и кварты, и въ цехи не можетъ быть принятъ [1]). Если кто умретъ, живя въ городѣ, его мертвое тѣло нельзя провести черезъ городъ съ церковною церемоніей и къ больному съ тайнами господними итти не не допускають. А въ Вильнѣ развѣ это не притѣсненія? слыханное ли дѣло? Если мертвое тѣло изъ-подъ замка хотятъ провести черезъ замковыя ворота (черезъ которыя ходятъ и ѣздятъ всѣ, даже Евреи и Татары), то эти ворота запираютъ, такъ что православные должны мертвеца своего выносить черезъ другія ворота, черезъ которыя только городскіе отбросы вывозятъ. Даже воды не могутъ добиться (православные) и большую въ томъ видятъ неправду; какой нибудь избенкѣ позволяютъ имѣть трубу съ водой, а на такую большую усадьбу, на столько построекъ, одной трубы не даютъ, хоть знаютъ, что была прежде, и теперь есть слѣды. Монаховъ, которые къ уніи не пристали, въ Новгородкѣ и другихъ городахъ уніаты грабятъ, бьютъ на публичной дорогѣ и сажаютъ въ тюрьму. Въ городской совѣтъ людей способныхъ и ученыхъ, потому только что уніи не держатся, не допускаютъ, а замѣщаютъ мѣста въ поруганье русскому мѣщанству—хлопами простыми (такъ что иной не умѣетъ даже опредѣлить, что такое справедливость). Денежные штрафы тянутъ съ невинныхъ безъ справедливой причины. Однимъ словомъ—давно уже огромныя, неслыханныя неправды терпитъ Лнродъ нашъ русскій какъ въ Коронѣ, такъ и въ в. кн. аитовскомъ.

„А эти неправды и это внутреннее междоусобіе“,—заявляетъ затѣмъ ораторъ, выражая шляхетскіе взгляды своего сословія [2]), „не отъ чего другого происходятъ, какъ отъ того, что ваша кор. мил. вопреки справедливости, вопреки праву и вольностямъ шляхетскимъ на престолы епископскіе и на прочія духовныя должности назначаетъ людей, не обращая вниманіе

---

[1]) Объ этихъ львовскихъ ограниченіяхъ см. т. V с. 240 и сл.

[2]) Съ этой точки зрѣнія его выводы вовсе не такъ странны, какими находитъ ихъ проф. Жуковичъ (III с. 73).

на ихъ происхожденіе. Кто не знаетъ того, что нынѣшній—какъ онъ себя называетъ—архіепископъ полоцкій родомъ изъ Владимира, сынъ Кунца сапожника, и передѣлавъ изъ того шляхетскую фамилію, называетъ себя Кунцевичемъ. Кто не видитъ этого собственными глазами, что нынѣшній перемышльскій владыка, по прозванію Шишка [1]), сынъ свинопаса, и родной братъ его отца и теперь сидитъ на волокѣ въ Хлопушахъ крѣпостнымъ кіевскаго воеводы? Кто не знаетъ, что владимирскій владыка [2]) сынъ львовской мѣщанки Стецковой Маримушиной, который родился черезъ полтора года послѣ смерти Стецка, а нѣкій Михайловскій и Никопольскій отдали его въ ученіе? Кому неизвѣстно—свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ—что владыка холмскій сынъ виленскаго купца, по прозванію Пакость [3]), укравшій у одного виленскаго бурмистра кармазинъ, такъ что еслибъ не спасъ его монашескій клобукъ, давно бы пошелъ на висѣлицу [4]). Кто не знаетъ и того, что, нынѣшній владыка пинскій родомъ изъ мѣстечка Заблудова? Только и пользы вашей кор. милости отъ уніи, что за двадцать лѣтъ искусственнаго поддерживанія этой уніи не могутъ уніаты предложить прирожденныхъ шляхтичей, которые были бы достойны засѣдать на этихъ высокихъ должностяхъ. Вотъ и теперь дали намъ въ Луцкъ, вопреки нашимъ правамъ и вольностямъ, Почаповскаго—его шляхетскаго происхожденія не отрицаемъ, но что касается лѣтъ, то онъ не только такой должности не достоинъ, но и діаконской, не то что священической—потому и отцомъ его называть не можемъ, такъ какъ нѣтъ ему еще и двадцати лѣтъ".

---

[1]) Съ этимъ Шишкою не все въ порядкѣ; не говоря уже, что Хлопецкій-Шишка былъ шляхтичемъ, а не крѣпостнымъ (вообще и въ другихъ подробностяхъ, разсказанныхъ Древинскимъ, многое нужно принимать cum grano salis), остается сомнительнымъ, былъ ли даже еще живъ этотъ Шишка осенью 1620 г. Добрянскій (Исторія епископовъ еп. Перемышльской, с. 26), опираясь на рукописной хроникѣ перемышльской капитулы, думаетъ что онъ умеръ гораздо раньше 1620 г., приблизительно въ 1611. Но опредѣленныхъ извѣстій объ этомъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ не уніатъ, а православный, и осенью 1620 г., когда на перемышльскую кафедру назначили Копинскаго, возможно, что Шишки-Хлопецкаго не было уже въ живыхъ.

[2]) Илья (въ монашествѣ Іоакимъ) Мороховскій, секретарь и близкій человѣкъ Потія. [3]) Аѳанасій Пакоста.

[4]) Въ оригиналѣ фраза риѳмована: y by nie ratowała go kapica, pewnie że by go nie minęła szubienica.

А весь этотъ непорядокъ, продолжаетъ ораторъ, больше всего происходитъ „отъ того, что санъ пріобрѣтается неправильно —не отъ настоящаго своего пастыря принимается посвященіе— отступили отъ царьградскаго патріарха, которому эта власть принадлежала въ государствѣ вашей кор. мил.“ И онъ кончаетъ пожеланіемъ, чтобы по крайней мѣрѣ на будущее время епископатъ былъ приведенъ въ послушаніе патріарху, а имѣнія церковныя, если не сейчасъ, то по крайней мѣрѣ со смертью теперешнихъ владѣльцевъ были возвращены законнымъ (православнымъ) хозяевамъ.

„Въ противномъ случаѣ, если и на этомъ сеймѣ—сохрани Боже—не дойдетъ до полнаго успокоенія и исцѣленія этихъ тяжелыхъ ранъ,—придется намъ возопить вмѣстѣ съ пророкомъ: суди мя, Боже, и разсуди прю мою“!

Какъ видимъ, даже и въ этой, наиболѣе смѣлой и рѣзкой рѣчи, не говоря объ остальныхъ, не упоминалось о требованіи, висѣвшемъ въ воздухѣ—утвержденіи королемъ православной іерархіи и допущеніи ея къ пользованію ея функціями и бенефиціямъ. Какъ Древинскій, такъ и другіе представители православныхъ (кромѣ депутатовъ кіевскихъ и волынскихъ сеймовый дневникъ упоминаетъ требованія успокоенія греческой релегіи въ рѣчахъ литовскихъ, и спеціально брестскихъ депутатовъ)—всѣ по примѣру прежнихъ сеймовъ добивались лишь возвращенія церковныхъ отношеній къ прежнему состоянію. Считали ли они слишкомъ рискованнымъ выдвигать вопросъ о возобновленной іерархіи въ виду нарушенія королевскаго права патроната, или просто изъ техническихъ соображеній не дѣлали этого—такъ какъ на совѣщанія сеймиковъ этотъ вопросъ не успѣлъ попасть—трудно сказать. Остается фактомъ, что лишь виленское братство подняло этотъ вопросъ—въ письмѣ, адресованномъ къ королю и прочитанномъ на сеймѣ. Въ этомъ письмѣ именемъ всего православнаго населенія оно „презентовало“ королю новопосвященныхъ владыкъ и просило „передать имъ бенефиціи, принадлежащія имъ согласно ихъ званію“ [1]). Но это обращеніе имѣло чисто теоретическое значеніе—что фактъ возстановленія православной іерархіи былъ доведенъ до свѣдѣнія правительства [2]); никакихъ совѣщаній по

---

[1]) Verificatia—Архивъ I. VII с. 307.

[2]) Это академическое значеніе заявленія отмѣчаетъ Смотрицкій, во второмъ изданіи „Верификаціи“: „благодаря этому письму, представленному въ посольскую палату, духовная инвеститура была оглашена на сеймѣ“ (л. 40, 56).

этому поводу не было, тѣмъ болѣе—не принято никакихъ резолюцій.

Сеймовый дневникъ, разсказывая о рѣчахъ волынскихъ депутатовъ, говоритъ, что другіе послы прерывали ихъ своими разговорами и даже смѣхомъ; рѣчь Древинскаго своими анекдотическими подробностями, дѣйствительно, могла дать къ этому поводъ. Но независимо отъ этого, настроеніе польской палаты въ общемъ не было неблагопріятно для православныхъ. Уніатская сторона, ища поддержки папскихъ и правительственныхъ сферъ, даже въ очень трагическихъ краскахъ представляла свое положеніе. Папа опираясь на клерикальныхъ, должно быть уніатскихъ реляціяхъ, въ своей инструкціи нунцію упоминалъ, что на сеймѣ православные чуть не добивались возвращенія бенефицій, розданныхъ уніатамъ. „Козаки, придерживающіеся схизмы, усиленно требовали этого, и Поляки, нуждаясь въ ихъ помощи противъ Турокъ, уже готовы были исполнить ихъ желаніе; но настойчивость нунція и благочестіе короля сдѣлали то, что они ничего не добились“ [1]. Несомнѣнно, посольская палата оцѣнивала унію, какъ источникъ очень непріятныхъ политическихъ затрудненій, и настроеніе было довольно неблагопріятное для послѣдней.

По словамъ Рутскаго уніаты представлены были самимъ себѣ и только папскій нунцій поддерживалъ въ нихъ отвагу. „Кромѣ ихъ двухъ (короля и нунція) не было никого, кто бы не то, что помогалъ намъ, но хотя бы ласкаво заговорилъ; въ одинъ голосъ насъ называли причиною смутъ, унію называли несчастной; пальцами показывали на насъ: вотъ кто сѣетъ смуту въ государствѣ! Было намъ очень горько, но Богъ не попустилъ искусить насъ свыше силъ!..“ Нунцій, по его словамъ, по ночамъ обходилъ сенаторовъ, настраивая ихъ противъ требованій православныхъ. Король держался также выше всякихъ похвалъ; по словамъ позднѣйшаго іезуитскаго историка, онъ говорилъ, что лучше отречется отъ короны и пойдетъ въ изгнаніе, чѣмъ позво-

---

[1]) Relacye nunciuszów II с. 124. Инструкція эта, данная 30 мая 1621 г., передъ сеймомъ 1621 г., говоритъ опредѣленно о сеймѣ 1620, а не 1621 г., происходившемъ не зимою (письмо Рутскаго говоритъ о „зимнихъ ночахъ“—Unia brzeska изд. 1907 г. с. 253), а лѣтомъ: Ликовскій ошибочно представляетъ себѣ какой-то сеймъ въ началѣ 1621 г.

литъ схизматицкому митрополиту засѣсть въ Кіевѣ[1]), и дѣйствительно даже подъ угрозой гибели польскаго государства не допустилъ никакихъ серіозныхъ уступокъ православнымъ. Сеймъ повторилъ только старую конституцію 1607 г., обезцѣненную и дискредитированную позднѣйшими дѣйствіями короля (назначеніями, вопреки ей, уніатовъ на православныя каѳедры). Постановленіе это гласило:

„Успокаивая греческую религію, возобновляемъ конституцію 1607 г. и будемъ держаться ея и въ будущемъ при роздаваніи церковныхъ бенефицій“[2]).

Правительство рѣшило держаться и впредь по отношенію къ православнымъ своей лукавой политики, какую вело послѣ конституцій 1607 и 1609 гг. и теперь подавъ различныя надежды православнымъ черезъ Обалковскаго, оставляло себѣ открытымъ путь къ дальнѣйшему угнетенію православныхъ.

Въ козацкомъ вопросѣ, приглашая козачество на службу государству со всѣми его силами, оно также не хотѣло платить за это какими нибудь реальными уступками. Сеймовая конституція призвала козаковъ къ участію въ войнѣ какъ наемное войско, и назначила плату, „съ тѣмъ условіемъ, что они будутъ подъ региментомъ и властью гетьмана нашего“[3]). Юридическое status quo оставалось неизмѣннымъ, правительство оставляло за собой право, по минованіи надобности, снова вгонять козацкое войско угрозой вооруженной расправы въ игольное ухо комиссарскихъ постановленій 1619 г.

Если-бъ правительство хотѣло дать понять украинскимъ, спеціально козацкимъ кругамъ, что имъ невозможно притти съ нимъ къ какому-нибудь соглашенію, то не могло бы этого сдѣлать лучше, чѣмъ сдѣлало это своей политикой 1620 г.

Патріархъ уѣхалъ. Подъ козачьимъ эскортомъ, въ сопровожденіи Сагайдачнаго и новопоставленныхъ владыкъ, проѣхавъ черезъ Кіевщину и Браславщину и посвятивъ по дорогѣ остальныхъ епископовъ, въ концѣ февраля с. ст. прибылъ онъ на молдавскую границу къ Бушѣ, обойдя Подолію, куда его приглашали Поляки. Въ Бушѣ распрощался онъ съ украинскими спутниками

---

[1]) Kojałowicz Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in M. D. Lithuaniae c. 55.

[2]) Volum. legum. III c. 184. [3]) Ibid. c. 181.

своими, среди которыхъ пробылъ почти цѣлый годъ. Передъ выѣздомъ издалъ грамоту, гдѣ указывалъ на нѣкоторые безпорядки въ церковной украинской практикѣ (между прочимъ напомнилъ, что на Ѳоминой недѣлѣ поминали мертвецовъ на могилахъ древней тризной, пирами и музыкой)[1]). Наконецъ наступило прощанье. Патріархъ ставъ на рынкѣ среди мѣстечка, среди собраннаго народа, преподалъ ему послѣднія наставленія, затѣмъ прочелъ молитвы „прощательныя и разрѣшительныя". Присутствующіе припавъ къ землѣ, набожно выслушали эти молитвы. Спеціально къ козакамъ патріархъ обратился съ увѣщаніемъ, чтобы они на будущее время не ходили на войну на московскія земли, въ противномъ случаѣ угрожалъ имъ за это гнѣвомъ Божьимъ. „Если не исполните моей просьбы, васъ уничтожитъ Богъ! Не смѣйте озлоблять такъ православныхъ христіанъ". Это было, вѣроятно, единственное порученіе, данное патріарху московскимъ правительствомъ относительно Украинцевъ и патріархъ исполнялъ его, выйдя за предѣлы досягаемости польскаго правительства[2]). Козаки обѣщали—„но не сохраниша сего якоже обѣщали бяху", замѣчаетъ лѣтописецъ[3]). 12 марта патр. Ѳеофанъ увѣдомилъ уже изъ Молдавіи московскаго патріарха Филарета, что по милости Божіей и молитвами вѣрныхъ, онъ „освободился отъ людей, противныхъ вашей вѣрѣ" и благополучно проживаетъ въ Молдавіи[4]).

Тѣмъ временемъ надъ посвященной имъ іерархіей собирались темныя тучи. Уніатскіе епископы еще въ концѣ 1620 г. забили тревогу по поводу посвященія новыхъ владыкъ, въ особен-

[1]) Архивъ Ю. З. Р. I. V ч. I.; грамота датирована 1620 г., но среди епископовъ упомянутъ и Паисій Ипполитовичъ, посвященный патріархомъ при выѣздѣ изъ Украины.

[2]) Съ польской точки зрѣнія, эти наставленія не были очень лояльными и въ польско-уніатскихъ сферахъ усиленно распространялись слухи о томъ, что патріархъ бранилъ козаковъ за походы на Москву и запрещалъ ихъ (Sowita wina—Архивъ I. VII с. 485). Чтобы обѣлить патріарха, Verificatia niewinności (Архивъ с. 340) разсказываетъ, что когда козаки съ Сагайдачнымъ сами по своей иниціативѣ просили патріарха дать имъ отпущеніе за ихъ московскій походъ, то патріархъ разъяснилъ имъ, что козаки, исполняя приказаніе своего правительства, не творятъ грѣха и несутъ вину только за ту жестокость, какую проявили по собственному влеченію, и эту вину онъ имъ отпустилъ.

[3]) Лѣтоп. Густин. мон. с. 16.

[4]) Извлеченіе у Макарія XI с. 265.

ности изъ-за Мел. Смотрицкаго, пріѣхавшаго послѣ своего посвященія въ Вильно, въ Братскій монастырь и здѣсь начавшаго, хотя со всякими осторожностями, отправлять епископскія функціи. Это произвело сильное впечатлѣніе на Бѣлоруссію. Въ своей брошюрѣ Sowita wina (1622) уніаты разсказываютъ, что въ Вильнѣ православные объявляли публично въ церквяхъ, что возобновленіе іерархіи произошло на основаніи формальнаго разрѣшенія короля; что бенефиціи будутъ возвращены православнымъ, а уніатамъ будутъ предоставлены различныя мѣста въ церкви католической. Уніаты были чрезвычайно обезпокоены этими слухами, опасались полной отмѣны уніи и собирались переходить въ латинство[1]). Въ этомъ было, вѣроятно, много преувеличеннаго (православные большею частію отрицали существованіе подобныхъ заявленій и утверждали, что Смотрицкій не исполнялъ никакихъ епископскихъ функцій въ своей епархіи). Но во всякомъ случаѣ уніатская іерархія почуяла грозную опасность и бросилась къ правительственнымъ сферамъ съ просьбами о покровительствѣ и защитѣ. Она представляла весь инцидентъ въ такомъ видѣ, что патріархъ дескать былъ самозванцемъ, политическимъ агентомъ турецкаго правительства, пріѣзжалъ бунтовать козаковъ, и тѣмъ же занимался Борецкій со своими товарищами. Вновь посвященныхъ епископовъ уніаты считали незаконно посвященными; разсказывали, что они собираютъ своевольныя банды и съ ними готовятся отбирать силою помѣстья и бенефиціи у уніатовъ, и т. п.

Правительственныя сферы очутились въ оченъ затруднительномъ положеніи; съ одной стороны они всѣмъ сердцемъ желали прійти на помощь уніатамъ и уничтожить возобновленную іерархію. Съ другой стороны, неудобно было раздражать православныя сферы въ такое время, имѣя въ виду козачество. Но въ концѣ концовъ католическая ревность одержала верхъ надъ политическими соображеніями. По ходатайству митроп. Рутскаго, король издалъ въ началѣ февраля н. с. универсалы, приказывая арестовать Борецкаго и Смотрицкаго, какъ людей подозрительныхъ, посвященныхъ самозваннымъ патріархомъ по соглашенію съ турецкимъ султаномъ[2]). Но Борецкій благоразумно оставался со своими сотоварищами владыками въ кіевской области, и тамъ,

[1]) Sowita wina—Архивъ Ю. З. Р. I VII с. 495—497.
[2]) Археограф. сборникъ вилен. I ч. 142, II ч. 29.

конечено, трогать его не имѣли никакого намѣренія. Хотѣли спасти для уніатовъ Бѣлую Русь, лишенную козацкой опеки. Но и здѣсь, считаясь съ настроеніями козачества, въ правительственныхъ сферахъ не хотѣли подымать громкой исторіи; канцлеръ литовскій Сапѣга очень неохотно контрасигнировалъ королевскій универсалъ, замѣтивъ, что „нужно имѣть въ виду запорожскихъ козаковъ, чтобы не надѣлать бѣды, такъ какъ этотъ самозванецъ (пат. Ѳеофанъ) среди нихъ, и они его очень уважаютъ“ [1]). Совѣтовалъ во всякомъ случаѣ не торопиться съ опубликованіемъ универсала и этотъ совѣтъ былъ принятъ во вниманіе. Прежде всего отправлена была въ Вильно комиссія, признавшая дѣятельность Смотрицкаго незаконной; затѣмъ Смотрицкаго призвали къ суду уніатскаго митрополита, осудили и прокляли,—и только тогда опубликованъ былъ универсалъ противъ вновь поставленныхъ епископовъ, какъ самозванцевъ, шпіоновъ и измѣнниковъ [2]). Вильно, Полоцкъ, Витебскъ сдѣлались ареной новой упорной борьбы между уніатами и православными. Въ Вильнѣ передъ самой Пасхой магистратъ по королевскому приказу началъ слѣдствіе и судъ надъ православными мѣщанами, признававшими Смотрицкаго, оказавшими ему какое-либо содѣйствіе, устраивавшими складчину на епископскія облаченія для него и т. п. Ихъ арестовывали, держали въ тюрьмахъ, а король собирался ни болѣе ни менѣе какъ подвести ихъ подъ смертную казнь; до этого, правда, не дошло, но православное населеніе лишено было права занимать выборныя городскія должности, исключено изъ цеховъ, отобраны у нихъ всѣ привилегіи [3]). Въ полоцкой епархіи администрація со всей энергіей поддерживала епископа Кунцевича, силой принуждая православныхъ къ повиновенію, арестовывая непокорныхъ, отбирая церкви и т. п. [4]).

---

[1]) Арх. Сборникъ II ч. 29 (переводъ).

[2]) Sowita wina—Архивъ Ю. З. Р. I. VII с. 487. Грамота отъ 15 марта противъ Борецкаго и Смотрицкаго, адресованная въ Вильно, въ извлеченіи у Жуковича III с. 107. Универсалъ, помѣченный 22 марта, въ переводѣ напечатанъ въ Вѣстникѣ Зап. Россіи 1864/5 кн. XII № 5. Очевидно въ различные города высланы были грамоты противъ различныхъ епископовъ—такъ на Волынь высланы были грамоты противъ Курцевича, епископа владимирскаго, Архивъ I. VI ч. 197. [3]) Verifikatia l. c. с. 282.

[4]) Анонимная замѣтка по этому вопросу въ „Кіев. Старинѣ“ (1905, X. с. 140) (не покойнаго ли В. Б. Антоновича?) представляетъ дѣло такъ, что всѣ гоненія на православныхъ производились пра-

Вмѣстѣ съ тѣмъ шла оживленная литературная полемика, между виленскимъ православнымъ братствомъ съ одной стороны, и мѣстнымъ уніатскимъ монастыремъ св. Тройцы, съ другой, разумѣется, на польскомъ языкѣ, имѣя въ виду правительственныя сферы, для которыхъ эти изданія предназначались. Въ апрѣлѣ вышла съ православной стороны брошюра Verificatia niewinności (Оправданіе невинности), написанная Смотрицкимъ [1]). Здѣсь опровергались обвиненія, возведенныя на православныхъ епископовъ: припоминалось, что правительство само признало Ѳеофана законнымъ патріархомъ, сносилось съ нимъ и т. п., доказывалась законность произведеннаго имъ посвященія епископовъ, перечислялись притѣсненія отъ уніатовъ. Уніаты отвѣтили книжкою Sowita wina (Двойная война [2]), гдѣ поддерживали свои обвиненія, и такимъ образомъ разгорѣлась полемика, постепенно отъ академическаго тона первыхъ публикацій переходившая къ формамъ все болѣе и болѣе острымъ и не совсѣмъ парламентарнымъ [3]), а на ряду съ ней шла борьба уличная, вооруженная, кровавая.

вительствомъ для виду: король далъ напередъ свое согласіе на посвященіе православныхъ епископовъ, и позднѣйшіе грозные универсалы его были „не болѣе какъ дипломатической уступкой со стороны короля всемогущей въ тогдашней Польшѣ клерикальной партіи", и поэтому эти универсалы не имѣли непріятныхъ послѣдствій для епископовъ. Но правительственныя репрессіи, хотя не затрагивали личностей епископовъ, выходили далеко за границы дипломатіи и принесли православнымъ много бѣдъ, а изъ корреспонденціи короля съ Сапѣгой (державшимся болѣе умѣренной тактики), видимъ, что король былъ очень враждебно настроенъ по отношенію къ новой іерархіи (см. у Когновицкаго Życia Sapiehów I с. 341—4).

[1]) Полное заглавіе: Verificatia niewinności y omylnych po wszytkiey Litwie i Białey Rusi rozsianych żywot y uczciwe cnego narodu Ruskiego o upad przyprawić zrządzonych nowin pod miłosciwą pańską y oycowską naywyszey y pierwszey po Panu Bogu narodu tego zacnego zwierzchności obronę... poddane chrześcianskie uprzątnienie. Было два изданія: первое помѣчено 5 апрѣля (перепечатанное въ Архивѣ Ю. З. Р. VII. 1), второе вышло съ помѣтою 16 іюля, значительно расширенное и дополненное новымъ документальнымъ матеріаломъ.

[2]) Перепечатана въ Архивѣ Ю. З. Р. I. VII.

[3]) На брошюру Sowita Wina православные отвѣтили книгой Oborona verificaciey od obrazy maiestatu krola i. m. czystey (перепечатано тамже). Уніаты въ отвѣтъ на это выпустили двѣ брошюры: List do zakonników monastera Sw. Ducha и Examen Obrony. Пра-

Правительственныя репрессіи противъ возобновленной іерархіи и противъ православныхъ вообще должны были въ высшей степени взволновать украинскія сферы. Какъ нужно было понимать поведеніе правительства и короля? Онъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы привлечь козачество къ самому энергичному участію въ новой кампаніи, и надежды, поданныя его агентомъ Обалковскимъ, которому поручено было во чтобы то ни стало привлечь къ участію въ войнѣ козачество и воспользоваться для этого вліяніемъ патріарха, должны были внушить козацкимъ и вообще украинскимъ кругамъ убѣжденіе, что въ награду за козацкую помощь будутъ сдѣланы существенныя уступки въ области церковно-національной жизни, а прежде всего—будетъ признана и санкціонирована правительствомъ новая православная іерархія. Такъ объявлялъ объ этомъ вполнѣ категорически, на основаніи переговоровъ съ Обалковскимъ, патріархъ въ вышеприведенной своей грамотѣ [1]). Принимая во вниманіе столь благочестивые аргументы и мотивы козачество со всей энергіей принялось за приготовленія къ войнѣ. Зимой козаки собрались въ походъ на окрестности Бѣлграда, взяли городъ, захватили плѣнниковъ—христіанскихъ невольниковъ три тысячи освободили, какъ разсказывали на Украинѣ [2]). Это должно было послужить прелюдіей войны. Къ веснѣ 1621 г. козачество начало уже мобилизоваться въ сухопутный походъ на Турокъ, слѣдуя настояніямъ Обалковскаго, имѣвшаго порученіе присмотрѣть за этой мобилизаціей и находившагося для этого при козацкомъ войскѣ.

Въ апрѣлѣ козаки уже „выгреблись“ изъ Запорожья на волость и обѣщали королю всяческое содѣйствіе [3]). Изъ польскихъ сферъ ихъ склоняли къ новому большему походу на море, но козаки считали очень рискованнымъ такой большой походъ въ

вославное братство выпустило въ нач. 1622 г. тоже два изданія: Elenchus pism uszczypliwych i Appendix na Examen obrony. Съ уніатской стороны вышелъ Antelenchus троицкаго игумена Ант. Селявы. [1]) См. выше с. 165—6

[2]) Объ этомъ пишетъ въ началѣ февраля 1621 г. (н. ст.) на основаніи извѣстія, полученнаго отъ какого то владыки (мб. украинскаго) Евст. Тышкевичъ: „козаки запорожскіе, взявъ Бѣлгородъ, отобрали три тысячи нашихъ невольниковъ“—у Жуковича III с. 150.

[3]) Жерела VIII № 143, письмо Ходкевича писанное въ апрѣлѣ; протестація м. Іова, 28/IV, также упоминаетъ, что козаки по приказу короля идутъ на войну съ Турками, и изъ Запорожья ихъ вывелъ Обалковскій (с. 144).

виду принятыхъ Турками мѣръ защиты. Дѣйствительно, въ Константинополѣ очень опасались козаковъ: отчасти подъ впечатлѣніемъ ихъ послѣдняго нападенія, отчасти подъ вліяніемъ предостереженій партіи мира, смущавшей султана перспективами козацкаго нападенія на Стамбулъ, могущаго вызвать здѣсь возстаніе христіанъ. Главному адмиралу, капитанъ-пашѣ, поручено было выйти въ море съ 40 галерами для охраны береговъ—онъ тщетно старался всячески избѣжать такой опасной миссіи—„едва не умеръ отъ огорченія" (или страха). Населеніе Константинополя находилось въ сильнѣйшей тревогѣ, не полагаясь на эту защиту. „Никогда еще не было такого страха, какой вижу я въ Константинополѣ—доносилъ французскій посолъ своему правительству: много людей приготовилось выѣхать отсюда, какъ только уѣдетъ султанъ, опасаясь, что придутъ козаки и все разрушатъ" [1]). Козаки, въ виду такого напряженнаго вниманія и страха, считали неудобнымъ идти на море и готовились къ сухопутному походу. На польскія уговариванья съ чисто украинской ироніей они напомнили польскому правительству, что годъ тому назадъ они вынуждены были по требованію самого правительства сжечь морскія лодки, и теперь имъ не въ чемъ ѣхать. Польское правительство иронію поняло („что они упоминаютъ о потопленіи лодокъ, этому не слѣдуетъ вѣрить", писалъ король), но принуждено было принять къ свѣдѣнію эту перемѣну плана. Въ виду ея проэктировало диверсію противъ Татаръ, чтобы не дать имъ соединиться съ турецкимъ войскомъ [2]). Козаки тѣмъ временемъ, въ виду проэктированнаго похода, принялись собирать всякіе припасы въ украинскихъ волостяхъ: забирали лошадей подъ артиллерію, порохъ, свинецъ, по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ разослали реестры, кто сколько и чего долженъ имъ дать. На вопросы встревоженныхъ такими контрибуціями магнатовъ козаки отвѣчали, что иначе и быть не можетъ: вѣдь они же обязались службой королю, и Обалковскій, выводя ихъ изъ Запорожья, призналъ за ними право брать все, сколько имъ нужно, въ имѣніяхъ королевскихъ и панскихъ [3]).

---

[1]) Hist. Russiae mon. II с. 413.

[2]) Королевскія письма 1621 г. въ ркп. краков. унив. № 2 (одинъ изъ нихъ въ Жерелахъ VIII, № 157, ошибочно подъ 1622 г.)

[3]) Listy ks. Jerzego Zbaraskiego № 12. Эти козацкія контрибуціи изслѣдователи относятъ ко времени послѣ рады въ Сухой Дубровѣ (Третякъ, Жуковичъ); но изъ содержанія письма Збаражскаго вполнѣ ясно, что онѣ начались еще съ весенней мобилизаціи.

И вотъ какъ разъ въ это самое время на Украину стали доходить первыя извѣстія о жестокихъ гоненіяхъ на православныхъ въ Вильнѣ со стороны того самого правительства, которому какъ разъ приготовлялась послужить православная Украина за первую серіозную уступку въ церковно-національномъ вопросѣ.

Украинскіе круги и м. Іовъ во главѣ ихъ вскипѣли гнѣвомъ въ виду этого новаго проявленія іезуитскаго двоедушія правительства. Въ самомъ дѣлѣ это не была чистая работа. Приглашали украинское населеніе, украинское козачество послужить государству и привлекали обѣщаніями признанія новой іерархіи и возстановленія церковной православной жизни—а въ то же время подвергали жестокимъ наказаніямъ и незаконнымъ репрессіямъ людей, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они принимали представителей этой новой іерархіи. Обращались къ помощи и посредничеству патріарха, чтобы онъ расположилъ козачество къ возможно энергичной борьбѣ противъ Турокъ—и объявляли этого же самого патріарха турецкимъ шпіономъ, а поставленныхъ имъ епископовъ—султанскими агентами, мятежниками и измѣнниками. Призывали православныхъ проявить свою лояльность и вѣрность Рѣчи посполитой—и оскорбляли въ самыхъ священныхъ чувствахъ, грубо касались ихъ самыхъ больныхъ мѣстъ.

28 апрѣля, черезъ мѣсяцъ послѣ виленскаго погрома православныхъ м. Іовъ приготовилъ извѣстный уже намъ протестъ отъ имени всѣхъ вновь назначенныхъ епископовъ, противъ образа дѣйствій правительства [1]). Онъ протестуетъ здѣсь противъ объявленія патр. Ѳеофана шпіономъ и мятежникомъ и въ подтвержденіе своихъ положеній разсказываетъ о путешествіи патріарха въ Москву и на Украину, припоминаетъ отношенія къ нему польскаго правительства и открываетъ истинную причину вражды къ нему правительственныхъ и клерикальныхъ сферъ—поставленіе православныхъ епископовъ, оправдывая этотъ поступокъ церковными канонами, многовѣковой практикой православной украинской церкви и обѣщаніями самого короля (сеймовыми конституціями)—хранить неприкосновенность православной церкви и давать ей іерархію православную. Отсутствіе у патріарха формальнаго права посвященія (въ виду королевскаго права патроната) митрополитъ возмѣщаетъ принципіальными, нравственными мотивами: долгъ передъ Богомъ и спасеніемъ своей души обязывалъ право-

[1]) Статьи по славяновѣдѣнію, изд. петербургской академіей, III.

славныхъ воспользоваться случаемъ, посланнымъ имъ Богомъ для возстановленія православной іерархіи,—„ревность о славѣ божьей і состраданіе къ народу нашему принудили насъ къ этому святому дѣлу“, понудили слѣдовать примѣру первыхъ христіанъ во времена гоненій на нихъ. Въ особенности подчеркиваетъ митрополитъ полную невинность Виленцевъ и ихъ пастыря Смотрицкаго: что они даже не просили себѣ епископа и только „чудомъ“ получили себѣ его. Подробно останавливается на характеристикѣ козачества [1]), сыгравшаго такую важную роль въ дѣлѣ возстановленія іерархіи, и доказываетъ, что дѣйствовало оно при этомъ не благодаря какой-либо интригѣ, а вслѣдствіе искренней и горячей привязанности къ своей церкви, какую козаки всегда проявляли. Оправдываетъ себя и своихъ товарищей въ виду брошенныхъ на нихъ инсинуацій: „Мы не шпіоны и не укрываемъ шпіоновъ. Мы обыватели этой земли, благородно и честно рожденные въ домахъ шляхетскихъ, здѣсь живущіе, живемъ открыто и хорошо извѣстны людямъ всѣхъ состояній... Боремся за то, что оставлено намъ нашими предшественниками,—на что намъ даютъ права божескія и человѣческіе законы, обычаи и болѣе чѣмъ 600-лѣтняя практика. Проповѣдуемъ ту же вѣру, что и предшественники наши. Поучаемъ о вещахъ душеполезныхъ, о царствіи небесномъ. Ни на чью жизнь и ни на чье имущество не посягаемъ. Волостями, городами, замками не владѣемъ. Обидъ преступленій, насилій не учиняемъ. На войну на христіанъ не зовемъ, убивать не учимъ. Наоборотъ, научаемъ давать себя убивать, имущество свое терять и не жалѣть о немъ, памятуя о лучшемъ и вѣчномъ сокровищѣ на небѣ... Не бунтовщики мы и не мятежники, а люди обреченные на мученичество. Пусть о латинской церкви и объ уніатахъ идетъ злая слава по всему свѣту, что они преслѣдуютъ и мучатъ русскій народъ. О насъ же пусть во всѣ стороны свѣта расходится добрая слава мученичества — пусть знаетъ каждый, что прежде чѣмъ взять на себя это святое служеніе, мы возложили на себя вѣнецъ мученическій... Не на господство и роскошь пошли мы, и никакой страхъ, при помощи божьей, ни наказанія, ни муки не отвратятъ насъ отъ истинной вѣры и служенія Богу“.

И въ такихъ же тонахъ—призыва къ подвижничеству и готовности претерпѣть и пострадать до конца, обращалось это по-

[1]) Приведена выше с. 101—103.

сланіе ко всѣмъ православнымъ съ заключительнымъ кличемъ:

„Стойте твердо, не колеблясь и не тревожась! Веселыми ногами спѣшите къ блаженному мученичеству! Возвращаются для насъ тѣ годы и дни, какіе были отъ часовъ апостольскихъ до Константина Великаго... Радуйтесь преслѣдованіямъ, мукамъ, смерти братіи нашей—ибо велика награда наша на небѣсахъ“.

Но обращаясь къ наиболѣе идеальнымъ мотивамъ въ душахъ своихъ земляковъ и вѣрныхъ, какъ къ послѣднимъ ресурсамъ—вплоть до готовности жертвовать всѣмъ для вѣры митрополитъ не оставлялъ безъ вниманія и болѣе реальныхъ путей въ интересахъ своего дѣла [1]).

Спустя двѣ недѣли онъ внесъ въ книги кіевскаго грода заявленіе, какъ отъ себя, такъ и отъ всѣхъ епископовъ, всего духовенства и всего православнаго общества, обвиняя уніатскій епископатъ въ томъ, что онъ незаконно претендуя на епископскія права среди русскаго народа, побудилъ короля и правительство къ репрессіямъ противъ православныхъ и законно (канонически) поставленной православной іерархіи [2]).

Не выступая прямо противъ правительства, митрополитъ недвусмысленно даетъ понять, что послѣдніе королевскіе универсалы и репрессіи онъ считаетъ незаконными—ввиду актовъ и конституцій, на которыя ссылается. И причисливъ затѣмъ всяческія насилія, несправедливости и беззаконія, испытываемыя въ послѣднее время православными въ Вильнѣ, Могилевѣ, Минскѣ, Оршѣ, а также по различнымъ поводамъ въ различныхъ мѣстахъ Украины (въ Перемышлѣ, Ярославѣ, Соколѣ, Бужскѣ, Белзѣ, Красноставѣ, Брестѣ, Пинскѣ, Кременцѣ и пр.) [3]), онъ возла-

---

[1]) Проф. Жуковичъ, въ предисловіи къ своему изданію протестаціи, высказываетъ мысль, что послѣдней не было дано оффиціальнаго хода“; на эту мысль навела его приписка: taka protestatią zgotował był Borzecki z Smotrzyckim przeciwko krolowi y rzeczy pospolitey. Но въ курсъ она должна была все таки пойти судя по тому, что и въ руки уніатскія попала и на ея апологію козачества можно замѣтить нѣкоторые намеки въ уніатской полемикѣ (List do Zakonników).

[2]) Копія этого заявленія въ польскомъ переводѣ, въ архивѣ уніат. митроп.—№ 458 л. 44—6 (въ печатномъ описаніи I ч. 458 упомянута очень коротко); краткое изложеніе по рукописи Кишки у Петрушевича, Сводная лѣтопись с. 58.

[3]) Въ Перемышлѣ (во время борьбы православныхъ съ поставленнымъ противъ ихъ воли уніатскимъ епископомъ Крупецкимъ) всѣхъ священниковъ и 24 мѣщанъ мучатъ, держатъ въ смрадной

гаетъ на уніатскихъ епископовъ отвѣтственность за послѣдствія, могущія возникнуть изъ этого. „Еслибъ вслѣдствіе такихъ дѣйствій народъ русскій, не дай Богъ, въ виду такихъ значительныхъ и очевидныхъ несправедливостей и беззаконій пришелъ и вынужденъ былъ прійти къ какому нибудь движенію — обвинитель заявляетъ настоящимъ, что это произошло не почему либо иному и не по какой иной причинѣ, а отъ самыхъ этихъ уніатовъ — благодаря тому, что они такъ насильственно попираютъ свободу, религію, личность и имущество“.

Эти слова являлись недвусмысленной угрозой, и такъ не преминули ихъ истолковать уніатскіе публицисты, хотя православные и поясняли, что въ этихъ словахъ не было ничего болѣе, кромѣ предостереженія и свидѣтельства собственной невинности въ могущихъ явиться послѣдствіяхъ [1]). Позиція кіевскихъ митрополичьихъ сферъ неизбѣжно являлась угрожающею; они должны были понимать, что теперь или никогда они выиграютъ свое дѣло. А для этого имъ необходимо было на дѣлѣ убѣдить правительственныя и клерикальныя сферы въ небезопасности начатыхъ ими репрессіи. Въ Кіевской землѣ объ этомъ ходили достаточно грозные слухи. Королевскій агентъ кс. Оборницкій, разсказывая о козацкой радѣ 15 іюня н. с. (эту реляцію его сейчасъ приведу), говоритъ, что козаки грозили, еслибы король не утвердилъ вновь назначенныхъ епископовъ, „хватать въ плѣнъ шляхту, какъ имъ это совѣтовалъ Борецкій“. Извѣстіе во всякомъ случаѣ схваченное на мѣстѣ, въ разгарѣ событій, а не изъ отдаленныхъ слуховъ виленскихъ или варшавскихъ. Оно не правдоподобно: религіозная борьба все еще опиралась въ значительной мѣрѣ на православные шляхетскіе элементы, какъ разъ именно въ Кіевской землѣ и на Волыни, между тѣмъ на эти элементы должна была обратиться козацкая жакерія, которой инціатива при-

---

тюрьмѣ, подвергаютъ пыткамъ. Въ Берестьи нѣсколькихъ человѣкъ: Дороша съ братьями и сыновьями бросили въ глубокую, смрадную яму и мучатъ уже долгое время. Въ Красноставѣ вошли въ каменную церковь не черезъ двери, а черезъ проломанную въ стѣнѣ дыру, взяли церковь и многихъ невинныхъ людей изувѣчили. Въ Сокалѣ церковь отобрали, священниковъ подвергли истязаніямъ. Въ Белзѣ и Бужскѣ также чинятъ противозаконныя насилія. Въ Ярославѣ, въ Давидъ-Городкѣ, въ Кременцѣ и описать трудно всѣ насилія причиненныя православнымъ. Въ Пинскѣ всѣ церкви отобраны, а людей томятъ въ тюрмахъ.

[1]) List do zakonników c. 17, Elenchus л. 12.

писывалась митрополиту. Послѣдній, какъ разъ теперь прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы принудить ихъ въ возможно энергическимъ выступленіямъ въ религіозномъ вопросѣ и онъ, конечно, не могъ одновременно подымать противъ нихъ козачество. Но какъ отголосокъ того, что говорилось въ кіевскихъ офиціозныхъ кругахъ, извѣстіе это имѣетъ свою цѣнность. Кіевскія православныя сферы далеки были отъ пассивной покорности и призывая населеніе къ готовности претерпѣть муки и гоненія, менѣе всего склонны были къ пассивному непротивленію злу [1]). Но прежде чѣмъ думать о какой-нибудь активной оппозиціи, они имѣли еще передъ собою средства оппозиціи пассивной. Правда, не они сами непосредственно, а козачество играло здѣсь роль. Но они могли воздѣйствовать на него въ этомъ направленіи.

Выступая съ протестами противъ репрессій отъ имени не только новой іерархіи, а всего православнаго общества, митр. Іовъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ этому обществу съ призывомъ прибыть на общій соборъ въ Кіевъ, чтобы вмѣстѣ съ духовенствомъ обсудить свое положеніе и дальнѣйшіе способы борьбы. Этотъ соборъ состоялся „на святкахъ", очевидно на православную Тройцу, въ двадцатыхъ числахъ мая ст. ст. Тогда былъ большой съѣздъ „духовенства и людей религіи греческой", пишетъ о немъ кн. Збаражскій, не сообщая ничего о предметѣ совѣщаній, кромѣ намека, что продолженіе этихъ совѣщаній должно было происходить на козацкой радѣ въ Сухой Дубровѣ [2]). Уніатскіе полемисты кромѣ этого собора для „поповъ", знаютъ еще какой то съѣздъ, собранный митрополитомъ въ Житомірѣ съ участіемъ шляхты [3]). Вѣроятно, онъ имѣлъ мѣсто во время сеймика Кіевскаго воеводства, сбиравшагося въ Житомірѣ, передъ сеймомъ, созваннымъ на августъ этого года. Въ промежуткѣ между этими двумя съѣздами состоялась козацкая рада, назначен-

---

[1]) Для контраста съ губителями культуры козаками пок. Кулишъ въ своей Исторіи возсоединенія обрисовалъ Борецкаго какъ человѣка не отъ міра сего, какъ воплощеніе незлобивости и милосердія. Но какъ современное козачество не было такимъ воплощеніемъ зла, такъ и Борецкій не былъ безплотнымъ духомъ, а человѣкомъ съ костьми и плотью, умѣвшимъ энергично бороться за то, что считалъ своимъ дѣломъ. Его участіе въ козацкихъ совѣщаніяхъ не оставляетъ сомнѣній въ этомъ.

[2]) Listy ч. 15 (изъ Кракова, 9 іюля н. ст.).

[3]) Sowita wina—Архивъ с. 497.

ная въ Сухой Дубровѣ, о которой, къ счастью, имѣемъ болѣе подробныя извѣстія отъ королевскаго агента кс. Оборницкаго бывшаго на ней лично. Позволю себѣ привести полностію его разсказъ, такъ какъ онъ выяснитъ намъ многое въ этихъ обстоятельствахъ и событіяхъ [1]).

„Рада или собраніе козаковъ было 15 іюня. Продолжалось три дня. Были и духовные: пп. митрополитъ Борецкій (онъ пригласилъ меня къ своему двору спустя двѣ недѣли) [2]), Курцевичъ, избранный козаками епископомъ, 300 священниковъ съ 50 монахами. Въ первый день говорилъ Борецкій, съ большимъ воодушевленіемъ, очень сильно, жалуясь на Рѣчь Посполитую и короля, угнетающихъ, уничтожающихъ, попирающихъ ихъ старую, святую вѣру. Онъ вынулъ письмо, присланное Виленцами, и прочиталъ; прочелъ перечень, сколько тамъ убито за вѣру, сколько взято въ тюрьму, сколько брошено въ ямы [3]). Затѣмъ Сагайдачный досталъ письмо лжепатріарха; сперва его поцѣловалъ, затѣмъ, прочитавъ, положилъ себѣ на голову. Тогда сразу поднялся крикъ: всѣ присягали, что будутъ защищать свою старую вѣру „до горла“.

„На слѣдующій день привели въ средину круга королевскаго посла. Поставили для него двѣ деревянныхъ кадки или бочки на землѣ [4]) и заслали коврами. Послѣ того какъ онъ сказалъ краткую рѣчь, гетманъ Бородавка велѣлъ стрѣлять изъ ружей и пушекъ, и эта стрѣльба продолжалась цѣлыхъ два часа. По окончаніи ея приносили присягу на вѣрность королю и въ томъ, что въ настоящей нуждѣ Рѣчи Посполитой они готовы ко всякой службѣ—если исполнены будутъ ихъ просьбы.

„На третій день назначили сотниковъ, полковниковъ, атамановъ, эсауловъ, и пословъ къ королю: Сагайдачнаго, п. Курцевича и еще двоихъ. Главная задача посольства—чтобы король утвердилъ на митрополіи и епископствахъ лицъ посвященныхъ патріархомъ; иначе будутъ хватать въ плѣнъ шляхту, какъ имъ посовѣтовалъ Борецкій. Послѣ этого производили между собой выборъ, кому дать королевскія деньги, и рѣшили дать только тѣмъ, кто имѣетъ хорошее вооруженіе и кто былъ по нѣскольку

---

[1]) Знаемъ его въ излеченіи, напечатанномъ Лукашевичемъ въ его книгѣ Dzieje kosciołów wyznania helweckiego w Litwie, I с. 165.

[2]) Письмо писано 28 іюня, изъ „Фаустинова“ (Фастова).

[3]) Ср. выше с. 181—2.

[4]) Вмѣсто возвышенія.

разъ въ морскихъ походахъ противъ Турокъ. Такъ пришлось по одному золотому на двухъ: было отборнаго козачества, на коняхъ, съ ружьями сорокъ тысячъ. И наконецъ, назначивъ города и волости подъ квартиры, установивъ наказанія и законы разошлись спокойно и къ ночи пришли въ Бѣлую Церковь, сдѣлавъ три мили".

Разсказавъ затѣмъ происшествіе, случившееся въ Бѣлой Церкви (у одного Еврея въ кладовой нашли поруганную икону, и это дало поводъ Бородавкѣ предоставить козакамъ грабить Евреевъ на всей Украинѣ,—„что они и выполняютъ добросовѣстно), кс. Оборницкій присоединяетъ еще нѣсколько замѣтокъ о настроеніи среди козачества:

„Нужно очень опасаться, чтобы козаки не произвели какого-нибудь большого возстанія и чтобъ не вышло крестьянской („хлопской") войны. Очень они здѣсь разошлись, и все болѣе растетъ ихъ смѣлость и своеволіе, когда увидѣли они себя въ такомъ числѣ и силѣ. Бородавка въ своей рѣчи на этой радѣ сказалъ между прочимъ: ‚Передъ войскомъ Запорожскимъ дрожитъ земля польская, турецкая и весь свѣтъ'. Сохрани, Боже, здѣшнихъ католиковъ, малочисленныхъ и слабыхъ! Некуда бѣжать; всѣ насъ покинули. Города, волости опустошены козаками. Людей нѣтъ: что только живо, пошло въ козачество. Самъ султанъ турецкій и ханъ не принесъ бы болѣе вреда".

Этотъ разсказъ бросаетъ немного свѣта на тогдашнее положеніе.

Очевидно въ козацкихъ отношеніяхъ произошла какая то заминка. Хотя козачество выгреблось изъ Запорожья еще подъ весну, въ сопровожденіи королевскаго дворянина, и начало мобилизацію,—мобилизація эта затѣмъ затормозилась. Для участія козаковъ въ кампаніи необходимо еще было принципіальное рѣшеніе. Не было ли это результатомъ вліяній кіевскихъ круговъ? Возможно, даже очень. Но въ массѣ козачество не настолько еще находилось подъ ихъ вліяніемъ, чтобы взять на себя ихъ дѣло, и кіевскій соборъ рѣшилъ поддержать свои планы на самой радѣ.

Правительство уже отказалось отъ морского похода и желало воспользоваться козачествомъ для диверсіи противъ Татаръ. Дѣло не терпѣло отлагательства, такъ какъ уже въ концѣ апрѣля турецкое войско двинулось изъ Константинополя. Чтобы понудить ихъ къ скорѣйшей мобилизаціи, къ козакамъ былъ отправленъ

посланецъ съ деньгами—съ незаплаченнымъ жалованьемъ за прошлый годъ, 20 тыс. злотыхъ. Съ украинской стороны на раду, которая должна была формально рѣшить это дѣло, отправилось въ большомъ количествѣ духовенство съ епископами, и ихъ козацкіе сторонники, съ Сагайдачнымъ во главѣ—участники кіевскаго собора. Своими рѣчами и вліяніемъ имъ удалось достигнуть, что козачество все цѣликомъ приняло церковный вопросъ, какъ свое дѣло, и первымъ условіемъ своего участія въ войнѣ поставило правительственное утвержденіе возобновленной іерархіи.

Было ли это именно то, чего могли желать кіевскія сферы? Не совсѣмъ. Послѣ того, какъ правительство въ этомъ вопросѣ успѣло уже такъ безцеремонно провести православныхъ: пообѣщавъ всѣхъ благъ патріарху, подняло такія гоненія на православныхъ, а его самого провозгласило шпіономъ, мятежникомъ, и т. д.,—трудно было полагаться на добрую волю короля. Въ моментъ совѣщанія, въ срединѣ іюня н. ст. уже съ полной очевидностью выяснилось, какъ неизмѣримо важно для правительства участіе козаковъ въ войнѣ. Тучи турецкаго войска уже двигались къ Дунаю, а польское войско едва начало собираться, и было его мало, и было оно плохо—плохо снаряжено и еще хуже дисциплинировано [1]). Въ суммѣ козацкое войско, принявшее участіе въ кампаніи, было также велико, какъ польское и не хуже его — хуже вооружено, но не хуже дисциплинировано, и гораздо лучше вышколено въ войнѣ съ Татарами и Турками, а при томъ по сравненію съ польскимъ войскомъ почти ничего не стоило. На козачествѣ лежала половина дѣла, и всякая дальнѣйшая проволочка, всякое промедленіе со стороны козачества могло послужить несравненнымъ давленіемъ на правительство. Еслибы козачество въ этотъ моментъ поставило вопросъ остро, — либо правительство сейчасъ дастъ гарантіи въ исполненіи требованій, либо козаки снова пойдутъ на Низъ ловить рыбу—это могло бы въ данныхъ условіяхъ рѣшить многое. И такая рѣшительная постановка нужна была кіевскимъ сферамъ. Но козачество не поставило дѣло такъ рѣшительно. Какъ часто передъ тѣмъ и послѣ того, оно остановилось на полдорогѣ: требованія поставило, а обезпечить ихъ выполненіе не постаралось.

---

[1]) См. напр., письмо Ходкевича въ Жерелахъ VIII ч. 143 или замѣтки Любомирскаго въ его дневникѣ—Pauli с. 68.

Была ли эта психологія порабощенныхъ, которые даже держа въ рукахъ своихъ властелиновъ такъ часто не отваживаются выступить противъ нихъ рѣзко, открыто, безцеремонно? Въ украинскихъ выступленіяхъ болѣе раннихъ и послѣ позднихъ видимъ неразъ эту психологію—увидимъ и сейчасъ же, нѣсколько недѣль спустя въ Варшавѣ. Не надоѣдать, не настаивать черезмѣрно, чтобы не испортить отношеній, не создать непріятной репутаціи своею надоѣдливостью.

Или, можетъ быть, кіевскія сферы сами не имѣли мужества сказать козачеству открыто: постойте до конца?

Однако все-таки легче было совѣтовать, чѣмъ самому такъ поступать.

Можетъ быть обнаружилось здѣсь и отсутствіе отзывчивости на кіевскія требованія у партіи Бородавки. Козачество Сагайдачнаго давно смотрѣло на церковно-національное дѣло, какъ на свое; оно могло уже раньше вести среди козачества агитацію въ пользу демонстраціи. Но козацкіе головорѣзы Бородавки можетъ быть и не принимали такъ близко къ сердцу этихъ вопросовъ, и звонъ червонцевъ съ перспективою большой кампаніи на королевской службѣ, добычничества и полной свободы и своеволія „на волости“ подъ предлогомъ этой королевской службы взяли верхъ надъ огненными словами митрополита, картинами виленскихъ истязаній и пытокъ и послушаніемъ увѣщаніямъ святѣйшаго патріарха? И свою христіанскую ревность они предпочли засвидѣтельствовать погромомъ украинскихъ Евреевъ по поводу еврейскаго кощунства (фиктивнаго вѣроятно), вмѣсто того чтобы входить изъ религіозныхъ причинъ въ конфликтъ съ „христіаннѣйшимъ королемъ“.

Не въ интересахъ козачества было доводить до полнаго разрыва съ правительствомъ. Но, можетъ быть, этотъ расколъ, эта недостаточная отзывчивость Бородавки и его сторонниковъ отозвались затѣмъ на его паденіи, судѣ, смерти?—такъ какъ церковно-національные интересы украинскіе въ этотъ моментъ требовали отъ козачества службы болѣе усердной, болѣе теплой, болѣе ревностной...

Все это возможно, хотя и остается въ области предположеній.

Козачество начало готовиться къ войнѣ, обирая Евреевъ и такъ усердно пополняя свои козацкія прорѣхи въ имѣніяхъ коро-

левскихъ и панскихъ, что смятеніе охватило шляхетскія сферы. „И такъ терплю уже слишкомъ много несправедливостей отъ солдатъ и всякихъ прочихъ гулящихъ бродягъ, такъ что уже почти все у меня опустошено, а если еще и эту послѣднюю жестокость я долженъ претерпѣть отъ этого своеволія (козацкаго), то уже для моего сердца это было бы равно смерти“, писалъ королю одинъ изъ богатѣйшихъ магнатовъ Украины кн. Ю. Збаражскій и требовалъ суроваго наказанія Обалковскому за то, что онъ далъ козакамъ позволенье собирать припасы. Но время для репрессій было не подходящее. Король въ отвѣтномъ рескриптѣ призналъ фактъ козачьяго своеволія, но указалъ только, что самъ Обалковскій занесъ уже протестацію на нихъ въ кіевскій гродъ. „Дѣйствительно, это сильное средство противъ такихъ честныхъ людей“, иронизировалъ на это магнатъ, первый сенаторъ государства, и самъ конечно, не придавшій бы никакого значенія такой протестаціи, поданной на него [1]).

Часть козаковъ пошла все-таки на море. Выйдя изъ Запорожья и обойдя турецкій флотъ, расположившійся около устья Дуная, чтобы стеречь отъ козаковъ турецкія владѣнія, козацкія чайки шныряли по морю. Было ихъ, кажется, не много, но переполоха онѣ надѣлали достаточно и въ беззащитномъ Стамбулѣ и на остальномъ побережьи. „Нельзя и описать, какой былъ здѣсь страхъ“, сообщалъ въ рединѣ іюля н. с. французскій посолъ изъ Константинополя. „Шестнадцать кораблей козацкихъ прошло этими днями, достигнувъ до Помпеевой колонны на устьи черноморскаго пролива (Босфора), раззорили Карамусолъ, сожгли и разграбили здѣшнія селенія, и такой былъ отъ этого переполохъ, что множество людей начиная отъ Перы и Касомбаши до Арсенала уже начали перевозить свое имущество въ Константинополь“. Въ столицѣ не было никакой охраны, никакого порядка; только три галеры стояли на стражѣ Босфора, и каймаканъ, замѣститель визиря, съ начальникомъ султанскихъ дворцовъ собирали на улицахъ разную голытьбу и поснимавъ различныя орудія съ чужихъ кораблей, стоявшихъ въ портѣ, кое-какъ снарядили кромѣ этихъ галеръ еще сорокъ разныхъ суденъ и выслали ихъ противъ козаковъ. Но эти импровизированные моряки чувствовали такое почтеніе къ козачеству, что подъѣхавъ къ козацкой флотиліи и увидя, что козаки грабятъ какое-то селеніе, не отважились напасть на эти

---

[1]) Listy Zbaraskiego № 12 и 15.

шестнадцать чаекъ—изъ которыхъ половина людей ушла на берегъ и не могла ихъ защищать. Посмотрѣли на разведенный козаками пожаръ и тихонько, подъ покровомъ ночи вернулись къ себѣ обратно въ Константинополь, а предводитель этой удивительной экспедиціи поспѣшилъ выслать 20 тысячъ цехиновъ въ султанскій лагерь—15 тыс. для самаго султана, а 5 тыс. для визира, чтобы отвратить султанскій гнѣвъ отъ своего малодушія [1]).

Больше посчастливилось капуданъ-башѣ, при возвращеніи козацкой флотиліи задавшему ей битву, и не смотря на значительныя потери, нанесенныя ему козаками, успѣвшему захватить нѣсколько чаекъ съ людьми. Онъ поспѣшилъ препроводить ихъ къ султану, стоявшему съ войсками неподалеку, уже надъ Дунаемъ, и падишахъ сорвалъ теперь свой гнѣвъ на уцѣлѣвшихъ плѣнникахъ, а виновниковъ столь знаменитаго тріумфа щедро одарилъ. „За такую славную побѣду" (громаднаго турецкаго флота над горстью чаекъ!), повѣствуетъ турецкій историкъ, онъ былъ дважды одаренъ великолѣпной шубой, а также получилъ награду для 18 янычарскихъ старшинъ флота, а войско употребило взятыхъ негодяевъ (козацкихъ плѣнниковъ) для своей забавы: часть ихъ обратило въ цѣль для стрѣльбы изъ луковъ, и изъ нихъ самъ султанъ пробилъ нѣсколькихъ собственными стрѣлами, прочіе разорваны были слонами, нѣкоторыхъ присудили разорвать крючьями, разрубить и прочимъ лютымъ мукамъ предать, а одинъ изъ нихъ, отступникъ отъ вѣры исламской, былъ изрубленъ на мелкіе куски" [2]).

Въ концѣ концовъ среди шума слуховъ и преувеличенныхъ вѣстей, объ этомъ козацкомъ походѣ (пускавшихся даже умышленно, по разнымъ соображеніямъ) не легко судить о его размѣрахъ и конечныхъ результатахъ (напр. польскому гонцу, бывшему въ Киліи, по сосѣдству этой битвы турецкаго флота съ козаками, разсказывали, что козаки, пустивъ 16 чаекъ фальшивыхъ, сдѣланныхъ изъ камыша, завлекли турецкій флотъ въ за-

---

[1]) Депеши de Cesi—Historica Russiae Mon. II с. 414.

[2]) Наима у Сенковскаго, Collectanea с. 150—1, ср. извѣстія Histor. Russiae Mon. с. 415, Жерела VIII № 144—здѣсь разсказывается, что султанъ самъ порывался рубить головы плѣнникамъ, сажалъ на колъ, закапывалъ живьемъ и т. п. Современный проповѣдникъ польскій Бирковскій разсказываетъ, что сорокъ плѣнниковъ козацкихъ султанъ велѣлъ посадить въ лодку и обливъ смолой зажечь и пустить такъ по Дунаю.

падню и тамъ разгромили его такъ, что мало кто спасся)[1]. Въ конечномъ результатѣ экспедиція интересна болѣе тѣмъ громаднымъ резонансомъ, какой она произвела, чѣмъ своими размѣрами или результатами.

Вниманіе польскихъ круговъ было тѣмъ временемъ сосредоточено около приготовленій къ кампаніи, подвигавшихся однако очень медленно и нескладно, и около тревожныхъ вѣстей, приходившихъ съ Дуная о движеніяхъ турецкаго войска, его громадныхъ размѣрахъ и сильномъ раздраженіи противъ Польши, проявляемомъ при каждомъ удобномъ случаѣ султаномъ. Украинскія же сферы съ напряженнымъ вниманіемъ и тревогой ждали результатовъ посольства, высланнаго къ королю съ козацкой рады. Давно еще не было такого рѣшительнаго момента въ борьбѣ украинской жизни съ враждебнымъ ей режимомъ и заинтересованные съ нетерпѣніемъ ожидали, что возьметъ теперь такой сильный козырь, какимъ было въ этой игрѣ участіе козацкаго войска въ турецкой кампаніи.

Посольство прибыло въ Варшаву въ іюлѣ—Сагайдачный, Курцевичъ и еще двое. Эти послѣдніе намъ не извѣстны, но тѣ два были выбраны очень удачно. Сагайдачный, покрытый славой столькихъ походовъ, съ репутаціей высокой лойяльности по отношенію къ Рѣчи Посполитой и королю, съ незабвенными заслугами для нихъ, увѣнчанными недавней московской экспедиціей, когда онъ вывелъ изъ такого невозможнаго положенія королевича и далъ возможность закончить съ честью эту безконечную московскую авантюру. И Курцевичъ князь-владыка, воспитанникъ италіанскаго университета, аристократъ по происхожденію и европеецъ по воспитанію подъ рясой игумена козацкаго монастыря и митрой возобновленной іерархіи, отражавшій какъ въ фокусѣ въ себѣ разнообразныя теченія, перекрещивавшіяся въ украинской жизни этого знаменательнаго момента. Уніатскій публицистъ сберегъ для насъ вкратцѣ содержаніе записки, предложенной этими послами королю; судя по сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ, онѣ повторяла мысли, изложенныя въ протестаціи м. Іова и вѣроятно

---

[1]) Жерела VIII с. 228. Во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія думать, что въ концѣ концовъ концовъ козаки истреблены были поголовно, какъ принимаетъ напр. Третякъ (на основаніи депеши де Сези).

вышла изъ подъ его же пера[1]). Въ ней много говорилось о патріархѣ Θеофанѣ, его пребываніи въ Москвѣ и на Украинѣ; высказывались огорченія по поводу худыхъ слуховъ, пущенныхъ о немъ и обо всемъ народѣ украинскомъ; кратко, но достаточно опредѣленно и недоброжелательно упоминалось объ уніатскихъ владыкахъ. Козаки просили уладить религіозный вопросъ, отмѣнить универсалы, изданные за послѣднее время противъ православныхъ, и утвердить королевскими грамотами новоизбранныхъ іерарховъ въ ихъ должностяхъ. Обѣщали за то послужить, если король исполнитъ эти просьбы[2]).

Первая аудіенція имѣла мѣсто 20 іюля н. ст. Отпущено было посольство 31 іюля[3]). О содержаніи переговоровъ, о королевскихъ отвѣтахъ мы имѣемъ только отрывочныя и случайныя извѣстія общаго характера. Въ запискѣ православныхъ владыкъ, приготовленной для зимняго сейма 1622—3 г., королю приводится на память пріемъ, сдѣланный имъ Курцевичу: „Послѣ того, какъ онъ надлежащимъ образомъ выяснилъ свою и нашу невиновность, ваша кор. мил. приняли его въ милость свою, допустили къ своей рукѣ и отпустили его отъ своего королевскаго величества съ такими словами: „Получилъ ты милость нашу! Скажи и другимъ, чтобы поступили также—заслужатъ нашу милость“! А изъ

---

[1]) Уніаты называли авторами ея виленскихъ монаховъ (List do zakonników л. 14), но тѣ опровергали это (Elenchus л. 10) и очевидно это не была вѣрная догадка. Къ ней долго прилагалось упоминаніе Сапѣги въ позднѣйшемъ письмѣ къ Кунцевичу о „деклараціи Сагайдачнаго“: O deklaracyi Sahaydacznego mogę rzec: Verba sunt, Pamphile (такъ въ текстѣ рукописнаго оригинальнаго Processus canonisationis въ библ. Петерб. Академіи у Ликовскаго Historia unii kościoła ruskiego z kościołem rzymskim, приб. 3, немного ниже: Verba sunt pamphila). До послѣдняго времени этотъ текстъ ходилъ въ болѣе чѣмъ свободномъ перефразированіи Бантышъ-Каменскаго: „Въ разсужденіи объявленія Сагайдачнаго можно сказать, что сочиненіе его предрагоцѣнное“ (Ист. извѣстія объ уніи, изд.1864 г с. 73) и на этомъ основаніи говорилось о литературномъ творчествѣ Сагайдачнаго (еще у м. Макарія и Каманина). Въ дѣйствительности эти слова совершенно не касаются Сагайдачнаго: Сапѣга говоритъ Кунцевичу, что его слова по поводу деклараціи Сагайдачнаго, какими Кунцевичъ хотѣлъ лишить значенія эту декларацію—пустые слова („Пустыя твои слова, Памфилъ“—свободная цитата изъ Теренція). [2]) List do zakonników л. 14—5.

[3]) Современныя записки королевскаго дворянина у Кулиша Ист. возсоед. II с. 403.

королевскаго отвѣта, даннаго Запорожскому войску письменно, та же записка приводитъ такія слова: „Но его кор. милость по своей врожденной добротѣ допускаетъ это—не спѣшить исполненіемъ своихъ мандатовъ, ждетъ, что они сами признаютъ свою вину противъ его величества,—какъ это уже призналъ одинъ изъ нихъ предъ его королевской милостью“ [1]).

Судя по этимъ сообщеніямъ, король отвѣтилъ довольно сдержанно и уклончиво на предложенныя ему требованія. Онъ обѣщалъ только задержать пока исполненіе мандатовъ (и то, быть можетъ, лишь по отношенію къ владыкамъ лично); обѣщалъ простить имъ вину самовольнаго поставленія, если они явятся къ нему и покаются въ своемъ проступкѣ. Но отсюда было еще очень далеко до признанія за ними ихъ званій и утвержденія на ихъ духовныхъ должностяхъ и, очевидно, въ письменныхъ королевскихъ отвѣтахъ ничего подобнаго не было. Но въ устномъ отвѣтѣ должны были подаваться извѣстныя надежды на благопріятное разрѣшеніе религіознаго вопроса, хотя бы въ выраженіяхъ и формахъ по возможности неопредѣленныхъ—такъ чтобы затѣмъ можно было безъ большого затрудненія отречься отъ всего этого, какъ уже разъ правительство отреклось отъ надеждъ и обѣщаній, данныхъ партіарху. По крайней мѣрѣ козацкіе депутаты услышали въ этихъ отвѣтахъ очень много пріятнаго, и по словамъ современника Сагайдачный, возвращаясь изъ посольства, былъ вполнѣ доволенъ его результатами—„съ большимъ удовлетвореніемъ получилъ утѣшительный для войска отвѣтъ“ [2]). Это пишетъ человѣкъ, видѣвшійся и имѣвшій случай не разъ говорить съ Сагайдачнымъ непосредственно послѣ его посольства, и трудно допустить, чтобы старый козакъ считалъ нужнымъ „принимать довольный видъ при неудачной игрѣ“. И въ украинскихъ кругахъ считалось фактомъ, что король обѣщалъ „успокоить“ религіозный вопросъ [3]). А въ католическихъ кругахъ ходила фраза записанная позднѣйшимъ іезуитскимъ историкомъ—что король обѣщалъ скорѣе позволить отобрать у себя корону чѣмъ разрѣшить схизматику занять кіевскую митрополію [4]). Каждый имѣлъ чѣмъ себя утѣшить.

---

[1]) Justificacia niewinnośćr—Архивъ I. VII с. 525—6.

[2]) Такъ записываетъ Як. Собѣсскій; — дневникъ с. 117 ср. Commentarii (с. 35): redibat ille Varsovia, ubi legatione apud regem tunctus, optatum suis ferebat responsum.

[3]) Матеріалы къ гет. Сагайдачнаго № 40. [4]) См. выше с. 171—2.

Въ виду данныхъ королемъ обѣщаній, православные считали не деликатнымъ выступать съ какими либо требованіями по этому вопросу на сеймѣ, созванномъ тогда, въ августѣ мѣсяцѣ, для обсужденія (слишкомъ поздно, конечно) военныхъ вопросовъ. Въ позднѣйшей своей запискѣ владыки поясняли, что исполняя желаніе короля, они дѣйствительно явились было на сеймъ, готовые представить всякаго рода объясненія, но слѣдуя совѣту компетентныхъ людей и сами разсудивъ, что теперь для этого не время, они отложили свое дѣло, чтобы не казалось, что они своими частными дѣлами хотятъ причинить затрудненія Рѣчи Посполитой, находившейся тогда въ такомъ трудномъ и тяжеломъ положеніи[1]). Въ такомъ случаѣ, конечно, нечего было и стараться и ѣздить на сеймъ. Вѣроятно, обѣщанія данныя королемъ козацкой депутаціи въ послѣдній моментъ обезоружили православныхъ. Король обѣщалъ—лойяльнымъ подданнымъ слѣдовало съ полнымъ довѣріемъ и спокойствіемъ ждать исполненія его обѣщанія. Было бы неделикатно торопить его или надоѣдать упорнымъ повтореніемъ требованій, разъ уже ему предложенныхъ, и лойяльныя подданные скромно разъѣхались.

Козачество не ожидало для своего похода результатовъ посольства. Въ августѣ, когда въ Варшавѣ еще только собирался сеймъ для обсужденія способовъ борьбы, армія Османа уже перешла Дунай и праздновала байрамъ, въ срединѣ августа н. ст., подъ Бѣлгородомъ, а польская армія, которая должна была встрѣтить Османа на Дунаѣ, еще только собиралась надъ Днѣстромъ и послѣ долгихъ совѣщаній рѣшила перейти его. Паника, тревога, во всѣ стороны летѣли требованія скорѣйшаго прибытія—въ томъ числѣ и къ козакамъ. Нужно было спѣшить, не ожидая королевскаго отвѣта на козацкія петиціи.

Правда, моментъ былъ таковъ, что именно теперь можно было принудить правительство къ уступкамъ, поставивъ ему опредѣленое conditio sine qua non. Но козаки не были безстыдными политиками, подстерегающими корону, чтобы предъявить ей свои требовнія, когда она очутится въ затруднительномъ положеніи. Это были добрые подданные, преисполненные лойяльности къ коронѣ всегда нынѣ и присно.

Въ послѣднихъ числахъ августа н. ст., когда польская ар-

[1]) Justificacia, Архивъ с. 526.

мія, ставъ противъ Хотина, собиралась переходить на молдавскій берегъ Днѣстра, козацкое войско подъ предводительствомъ Бородавки стояло уже на нижнемъ Днѣстрѣ и занималось опустошеніемъ молдавской стороны. Опустошили околицы Сорокъ и Оргѣева, захватили гдѣ-то стражу господаря, и этимъ такъ напугали его, что онъ бѣжалъ изъ Яссъ въ турецкій лагерь. Присоединяться къ польскому войску козаки не хотѣли, пока оно не перейдетъ за Днѣстръ: такъ заявили они черезъ свое посольство въ отвѣтъ на призывы польскихъ гетмановъ; въ польскомъ лагерѣ объяснялось это тѣмъ, что козаки не вѣрятъ Полякамъ и боятся съ ихъ стороны какой-либо измѣны—выдачи Туркамъ, какъ главныхъ виновниковъ турецкаго похода[1]). Это было одной изъ причинъ, принудившихъ Поляковъ въ концѣ концовъ принять рѣшеніе перейти за Днѣстръ—и польское войско стало готовиться къ переходу. Долго не могли устроить переговора, пока какой-то „человѣкъ на видъ простой и незамѣтный“, вѣроятно мѣстный крестьянинъ,—„одни говорили, что Русинъ, другіе—что Литвинъ“ [2]) не взялся за 100 зл. устроить мостъ черезъ Днѣстръ, и сдѣлалъ это очень остроумно и смѣло, вызвавъ всеобщее удивленіе и радость въ польскомъ войскѣ. Къ 20 августа н. с. польское войско перешло и ставъ лагеремъ подъ Хотиномъ, съ нетерпѣніемъ ожидало козаковъ, посылая къ нимъ гонца за гонцомъ.

Вмѣсто нихъ неожиданно пріѣхалъ Сагайдачный, на возвратномъ пути изъ Варшавы (21 августа н. с.). Онъ думалъ, что козацкое войско уже соединилось съ польскимъ, и поэтому направился къ польскому лагерю. Его приняли съ большой радостью. Гетманы одарили его и придавъ для безопасности двѣ козацкія хоругви и нѣсколько десятковъ польскихъ солдатъ, просили какъ можно скорѣе отправиться къ козацкому войску и повліять на козаковъ, чтобы они поспѣшили прибыть къ польскому войску. Передъ лицомъ турецкихъ и татарскихъ ордъ польское войско чувствовало себя очень сиротливо, и боясь или не довѣряя Бородавкѣ, всѣ надежды возлагало на Сагайдачнаго и его вліяніе, какъ искренняго сторонника Рѣчи Посполитой.

Однако оказалось, что Сагайдачный былъ посланъ напрасно. Черезъ два дня прибыло посольство Бородавки—„Дорошенко, полковникъ, пользовавшійся хорошей репутаціей у молодцевъ за свою храбрость и всегда благожелательнный къ королю и Рѣчи Посполи-

---

[1]) Дневникъ Собѣсскаго с. 111 и 119, его же Commentarii с. 26 и 41, Петрицій с. 88. [2]) Петрицій с. 90.

той“ (позднѣйшій гетманъ) съ товарищами. Эти послы сообщили польскимъ вождямъ о произведенныхъ ими въ Молдавіи опустошеніяхъ и прося распоряженій, куда имъ двинуться, обѣщали ихъ съ точностью исполнить. Гетманъ Ходкевичъ передалъ Бородавкѣ порученіе спѣшить въ польскій лагерь [1]).

Но вслѣдъ за тѣмъ разошлись тревожныя вѣсти, что турецко-татарскія войска задумали предупредить соединеніе козацкаго войска съ польскимъ, и пользуясь тѣмъ, что значительная часть козацкаго войска была разбросана по Молдавіи въ подъѣздахъ („чатах“), рѣшили задержать козацкое войско и тѣмъ временемъ ударить на польскій лагерь. Въ польскомъ лагерѣ поднялась тревога: „каждый и самый незначительный зналъ, какъ намъ нужны козаки“, записываетъ очевидецъ. Ходкевичъ послалъ своихъ солдатъ на развѣдки, но имъ не удалось пробиться. Затѣмъ пришли болѣе утѣшительныя вѣсти. Татарамъ и Туркамъ дѣйствительно случилось разгромить нѣкоторыя козацкія „чаты“, зашедшія въ глубину Молдавіи, но задержать козацкое войско не удалось. Часть ихъ, тысячи три, изъ бывшихъ „въ подъѣздахъ“, въ тотъ же день прибилась къ польскому войску; главныя козацкія силы двинулись въ слѣдъ. При этомъ разсказы о неслыханной отвагѣ и энергіи, обнаруженныхъ козаками въ происшедшихъ битвахъ, чрезвычайно обрадовали и ободрили польское войско.

Особенно большую извѣстность среди Турокъ и Поляковъ получилъ одинъ эпизодъ [2]). Татарское войско встрѣтило козацкій подъѣздъ, около 300 чел., возвращавшихся изъ подъ самой Сучавы. Не будучи въ состояніи захватить ихъ, Татары дали знать султану, и тотъ двинулся противъ этой горсти козаковъ со всей

[1]) Aby z wojskem swem u Stepanowice stanął—Дневники с. 120. Подъ Степановцы отправился и Сагайдачный, надѣясь найти тамъ козацкій лагерь. Это мѣсто намъ неизвѣстно. Комментаторъ Собѣсскаго (Мемуары II с. 64) видитъ здѣсь Стефанешти на Реутѣ (на границѣ уѣзд. Сорокскаго и Оргѣевскаго), Жуковскій Стефанешти на Прутѣ (III с. 172). Но никому бы не пришло въ голову выдвигать козацкое войско такъ далеко на югъ; кромѣ того, если Сагайдачный, направляясь къ Степановцамъ, очутился не очень далеко отъ Днѣстра и Могилева, то, очевидно, указанное селеніе находилось гдѣ-то между Могилевомъ и Хотиномъ, недалеко отъ Днѣстра.

[2]) О немъ: Наима у Сенковскаго I с. 155—6, дневникъ т. наз. Любомирскаго с. 74 (здѣсь дано описаніе на основаніи письма Шемберга, находившагося въ турецкомъ войскѣ и бывшаго свидѣтелемъ эпизода) и дневникъ Собѣсскаго с. 120—1, ср. Commentarii с. 45—7; Грабовскаго I с. 136.

арміей. Меньшая часть козаковъ, около 1000 чел., засѣли въ скалистой пещерѣ подъ Прутомъ, и тамъ защищались нѣсколько дней, отстрѣливаясь и отбиваясь отъ турецкихъ войскъ, пока наконецъ султанъ не прекратилъ атакъ, приказавъ взять козаковъ дымомъ. Разложили огни, зажгли порохъ, и дѣйствительно выкурили козаковъ. Одинъ за другимъ они выходили изъ пещеры и попадали подъ сабли янычаръ. Остальная, большая часть, окопалась въ лѣсу на другомъ берегу Прута. Паши съ большимъ войскомъ и артиллеріей напрасно атаковывали ихъ лагерь цѣлый день. Напрасно султанъ, сидя въ шатрѣ на высокомъ берегу, ободрялъ войско, раздавая богатые дары каждому, кто приносилъ ему козацкую голову. Турки понесли громадныя потери въ людахъ. Въ польскомъ лагерѣ разсказывали, что въ битвѣ съ этимъ ничтожнымъ козацкимъ отрядомъ погибло нѣсколько тысячъ янычаръ. Но козацкаго лагеря все-таки взять не могли. Ночью козаки потихоньку вышли изъ табора и, раздѣлившись на двѣ части, начали отступать лѣсомъ. Когда наступилъ день, они снова стали таборомъ, выкопали себѣ саблями траншеи и засыпавъ землей разставленные вокругъ возы образовали изъ нихъ импровизированный валъ. Снова цѣлый день турецкое войско штурмовало ихъ, и наконецъ подъ вечеръ, „послѣ росы“, взяло эти небольшіе остатки козацкого отряда—всего тридцать человѣкъ, остальные погибли за эти два дня, нѣкоторые успѣли убѣжать.

Всего было поймано изъ козацкихъ подъѣздовъ больше двухсотъ плѣнниковъ, и султанъ устроилъ себѣ изъ нихъ кровавую потѣху: козаковъ рубили на куски, разстрѣливали изъ луковъ и ружей; нѣсколькихъ султанъ застрѣлилъ собственноручно. Два остались въ живыхъ: одного султанъ подобно античному тирану, воспѣтому Шиллеромъ, оставилъ въ качествѣ заложника, а другого послалъ къ козакамъ, подговаривать ихъ покинуть Поляковъ и пристать къ Туркамъ—обѣщалъ имъ за это всяческую милость и покровительство, предоставляя въ качествѣ козацкой столицы любой городъ,—Кіевъ или Каменецъ [1]).

---

[1]) Это была не первая попытка со стороны Турокъ возмутить козаковъ. Одинъ агентъ разсказывалъ, что изъ Адріанополя были посланы на Украину 12 шпіоновъ съ патріаршими письмами къ Украинцамъ схизматикамъ—Теки Нарушевича № 111, № 145, и въ дневникѣ т. наз. Любомірскаго читаемъ, что султанъ передъ своимъ прибытіемъ разослалъ къ козакамъ плѣнниковъ и монаховъ съ патріаршими письмами, подговаривая противъ Польши (с. 68).

Среди этихъ движеній турецко-татарскихъ войскъ, имѣвшихъ цѣлью отрѣзать козакамъ иуть къ польскому лагерю, едва не погибъ самъ Сагайдачный, такъ неосторожно посланный польскими гетманами черезъ наполненную непріятелемъ территорію. Гдѣ стояло козацкое войско, въ польскомъ лагерѣ не знали; отправившись наугадъ, Сагайдачный съ спутниками попали на широкій слѣдъ войска и полагая, что это слѣдъ козацкій, двинулись по этому слѣду. Была уже ночь; издали виднѣлся дымъ и огни какого-то большого лагеря; увѣренный, что передъ нимъ козацкій лагерь, Сагайдачный смѣло направился туда, торопясь скорѣе прибыть. Но когда стало свѣтать, Сагайдачный присмотрѣвшись къ лагерю замѣтилъ свою ошибку: передъ нимъ виднѣлись турецкіе шатры. Нужно было убѣгать какъ можно скорѣе. Но турецкая стража успѣла замѣтить непріятеля и бросилась за ними. Видя, что на своихъ измученныхъ лошадяхъ онъ все равно не убѣжитъ, Сагайдачный смѣло ударилъ на погоню. Но въ это время въ турецкомъ лагерѣ разошлась уже вѣсть о непріятелѣ и всѣ полетѣли на помощь. Сагайдачный получилъ въ этой битвѣ опасную рану—ему прострѣлили руку. Увидѣвъ, что Турокъ прибываетъ все больше и силы становятся неравными, онъ бросился въ кустарники, и оставивъ лошадей, пѣшкомъ пробирался по лѣсу. Проблудивъ цѣлыя сутки въ лѣсу, безъ проводниковъ, не зная дороги, измученный тяжелой раной—такъ и не зажившей и сведшей его потомъ въ могилу—Сагайдачный все таки избѣжалъ погони. Добравшись до берега Днѣстра и переправившись, онъ въ концѣ концовъ добрался все таки до козацкаго лагеря, стоявшаго въ это время около Могилева [1]).

Пріѣздъ Сагайдачнаго произвелъ перемѣну въ козацкихъ отношеніяхъ. Среди козаковъ было большое недовольство Бородавкой. Или онъ не доросъ до роли вождя въ большемъ стилѣ или ему не повезло—но во всякомъ случаѣ подъ его предводительствомъ дѣла шли плохо. Неудачно разбросавъ подъѣзды, онъ далъ возможность Туркамъ и Татарамъ переловить и избить много козаковъ, кромѣ того не успѣлъ сдѣлать достаточныхъ запасовъ для лошадей, а теперь этого уже нельзя было поправить, когда турецко-татарскія войска подошли подъ самый фронтъ. Не легко даже было соединиться съ польскимъ войскомъ,

---

[1]) Этотъ эпизодъ разсказываетъ Собѣсскій—дневникъ с. 123, Commentarii с. 48 (пер. с. 64)).

Турки могли отрѣзать козаковъ отъ него. Враждебныя Бородавкѣ теченія и круги брали верхъ. Когда Сагайдачный явился въ козацкій лагерь, его встрѣтили оваціями. Съ одобреніемъ приняли его отчетъ о результатахъ посольства къ королю, о встрѣчѣ съ королевичемъ, спѣшившимъ со своимъ отрядомъ въ хотинскій лагерь, о переговорахъ съ польскими гетманами въ хотинскомъ лагерѣ. Тактика Сагайдачнаго, рекомендовавшая возможную лойяльность и предупредительность по отношенію къ Рѣчи Посполитой, чтобы достигнуть реализаціи обѣщаній данныхъ королемъ (вѣроятно, также и королевичемъ)—была одобрена. Бородавка оказавшійся не на высотѣ положенія, по независѣвшимъ ли отъ него препятствіямъ, или потому что не имѣлъ вообще желанія принаравливаться къ польскимъ интересамъ и ставилъ интересы козацкаго добычничества выше интересовъ кампаніи—долженъ былъ поплатиться за неблагопріятное положеніе дѣлъ. Рада лишила его гетманства и избрала гетманомъ Сагайдачнаго.

Противъ Бородавки выставлены были разныя обвиненія; его заковали въ кандалы и нѣсколько дней спустя, уже подъ Хотиномъ, судили, осудили на смерть и казнили въ козацкомъ кругу, 8-го сентября н. с. Обвиненія возведенныя на него, современникъ передаетъ такъ: „онъ неблагоразумно, а правду говоря неудачно разослалъ отряды по молдавской землѣ, направляясь къ лагерю, и благодаря этому погибло нѣсколько сотъ козаковъ"; другой современникъ, исходя больше изъ польской точки зрѣнія, прибавляетъ еще другую вину—опозданіе въ польскій лагерь [1]). Вѣроятно, недостатокъ припасовъ для лошадей, обнаружившійся сейчасъ же по приходѣ въ польскій лагерь и вызвавшій волненіе среди козаковъ, былъ едвали не главнѣйшей причиной трагическаго конца несчастливаго гетмана: на него, на его неудачныя распоряженія сложили вину всѣхъ этихъ злоключеній, вслѣдсвіе которыхъ козаки понесли большія потери и боялись окончательно остаться безъ лошадей въ виду поздняго прихода фуража [2]). Но, конечно, совершенно фантастическими были слухи, ходившіе въ польскомъ лагерѣ—будто на Бородав-

---

[1]) Дневникъ с. 23, 83, 123 и письмо Собѣсскаго у Третяка с. 207. Грабовскій I. с. 140, Петрицій с. 118.

[2]) Дневникъ с. 144.

ку пали подозрѣнія, что онъ хотѣлъ измѣнить, передаться Туркамъ и т. п. [1]).

Такимъ образомъ булава еще разъ—послѣдній уже, перешла въ израненную руку Сагайдачнаго, столько разъ носившую ее. Неизвѣстно, на сколько онъ самъ добивался этого. Въ извѣстіяхъ современниковъ Поляковъ о казни Бородавки никакимъ намекомъ не подчеркивается личное участіе Сагайдачнаго въ переворотѣ, но эти извѣстія кратки и отрывочны [2]). Такъ или иначе онъ получилъ возможность повести дѣло соотвѣтственно своимъ взглядамъ и своей тактикѣ.

Его тактику мы знаемъ—„заслужить" у короля и этимъ путемъ обезпечить осуществленіе данныхъ имъ обѣщаній. И ведомые желѣзной энергіей Сагайдачнаго, козаки съ своей стороны выполнили эту задачу и сдѣлали изъ исторіи хотинской кампаніи

---

[1]) Дневники с. 18, 23 и еще одинъ аналогическій разсказъ въ петерб. публ. библ. Разнояз. № 17. Третякъ допускаетъ, что Бородавку дѣйствительно подозрѣвали въ сношеніяхъ съ Турками и намѣреніи передаться имъ, а Сагайдачный опасался, что Бородавка находясь въ лагерѣ, можетъ поднять противъ него козачество, а потому для обезпеченія своей власти „обжаловалъ Бородавку передъ козацкимъ кругомъ" (с. 151). Но въ такомъ случаѣ, несомнѣнно, обвиненіе въ измѣнѣ было бы опредѣленнѣе указано въ современныхъ дневникахъ. Иное освѣщеніе дается этому эпизоду у нѣкоторыхъ украинскихъ историковъ. Въ „Бесїдах про козацькі часи" пок. Антоновича Сагайдачный, согласно съ „Исторіей Руссовъ" (см. выше с. 144), требуетъ у Поляковъ выдачи Бородавки, обвиняетъ его въ измѣнѣ козацкому дѣлу, какъ вѣрнаго слугу Поляковъ, велитъ разстрѣлять передъ польскимъ лагеремъ, и послѣ этого присоединяется къ польскому войску (с. 44). У Каманина козаки избираютъ Бородавку на время, пока Сагайдачный ѣздилъ въ польскій лагерь и блуждалъ затѣмъ въ поискахъ козаковъ: они думали, что Сагайдачный погибъ и выбрали Бородавку (авторъ упускаетъ изъ виду, что Бородавка былъ гетманомъ полтора года) Вернувшись въ козацкій лагерь, Сагайдачный „для возвращенія себѣ власти, нашелъ какія то вины за Бородавкой и казнилъ его". Такимъ образомъ его смерть осталась на совѣсти Сагайдачнаго: „совѣсть свою умирая Сагайдачный облегчаетъ тѣмъ, что поручаетъ записать Бородавку въ свой помянникъ" (ст. 27).

[2]) Наоборотъ одинъ изъ дневниковъ припоминаетъ Бородавкѣ, что онъ годъ тому perversis factionibus ac machinationibus отнялъ булаву у Сагайдачнаго (дневникъ Публ. библ., тоже въ дневникѣ Остророга с. 23). Симпатіи Поляковъ были на сторонѣ Сагайдачнаго— этого также не слѣдуетъ упускать изъ виду.

исторію несравненныхъ подвиговъ отваги и самоотреченія на пользу и честь республики-мачехи, — подвиговъ, преисполнившихъ удивленія и признательности очевидцевъ Поляковъ, а въ потомкахъ этихъ героевъ вызывающихъ смѣшанныя чувства гордости, сожалѣнія и—стыда за эти рабскія геройства ради врага-господина, непримиримо-враждебнаго режима, каждая услуга которому въ концѣ концевъ была преступленіемъ передъ собственными національными интересами [1]).

Прежде всего передъ Сагайдачнымъ лежала трудная задача—провести козацкое войско для соединенія съ польскимъ. Татарская орда и передовыя турецкіе полки уже врѣзывались между ними и грозили разорвать сообщенія. Но Сагайдачный удачными движеніями съумѣлъ проложить дорогу своимъ войскамъ со всѣмъ обозомъ. Это потянулось цѣлую недѣлю, но благодаря искусству Сагайдачнаго обошлось безъ большихъ потерь, хотя все время приходилось идти съ оружіемъ въ рукахъ, отбиваясь отъ враговъ,—одинъ изъ польскихъ дневниковъ записываетъ, что Турки захватили только одного козака и привели къ султану, а тотъ, узнавъ, что это козакъ, велѣлъ разстрѣлять его. И перваго сентября н. с., вечеромъ, имѣя позади татарскую орду, козацкое войско подошло къ польскому лагерю и стало отъ него „на выстрѣлъ изъ лука", на лѣвомъ флангѣ [2]). Было козацкаго войска, по польскимъ извѣстіямъ, до сорока тысячъ [3]), его составъ описывается такимъ образомъ: полкъ Сагайдачнаго 3000 коннаго войска, полкъ Ивана Зыскаря (?) 2.320, Богдана Куроши 1600, Тимоша Федоровича 1400, Мойсиха (?) Писарка 2500,

---

[1]) Съ этой стороны исторія Хотинской кампаніи, не особенно интересной для непосредственной нашей задачи, цѣнна и для насъ—подробностями козацкаго участія въ ней, характерными для исторіи быта и для оцѣнки отношеній польскаго правительства къ козачеству.

[2]) Дневники с. 18, 44, 125, Жерела VIII с. 249, Грабовскій I с. 130.

[3]) Третякъ въ своемъ изслѣдованіи принимаетъ цифру козацкаго войска въ 30 тыс.—какъ у Собѣсскаго, Пясецкаго и въ неизданномъ реестрѣ Текъ Нарушевича 111 с. 403 (здѣсь замѣчаніе, что посчитаны только тѣ, кто имѣлъ по крайней мѣрѣ ружье). Реестръ, изданный у Паули считаетъ 40 тыс., какъ и Вассенбергъ. Детальный подсчетъ, изданный въ Жерелахъ VIII № 151 приведенный въ текстѣ имѣетъ больше значенія, чѣмъ эти общія цифры; онъ даетъ общее число козаковъ 41520.

Федора Билобородька 3200, Данила Деркала 3000, Адама Подгурскаго 3700, Сидора Семаковича 3500, Василя Луцкевича 4100, Яцка Гордієнка 2700, Цецюры Севрука 3200, Ивана Гордія 2000 [1]). Артиллерія козацкая состояла изъ 20 мѣдныхъ пушекъ и 2 желѣзныхъ съ запасомъ пороха и пуль. Польскаго войска было 35 тысячъ, вмѣстѣ съ полкомъ королевича Владислава, пришедшимъ вслѣдъ за козаками. Въ этомъ числѣ было около 8—10 тыс. регулярныхъ козацкихъ хоругвей. Артиллерія польская была въ очень плохомъ состояніи, многія пушки были не годны, не имѣли ядеръ. Также плохо была поставлена доставка провіанта. Нерегулярное, почти безплатное, убогое козацкое войско [2]) во многихъ отношеніяхъ стояло выше государственнаго войска, особенно подъ желѣзной рукой Сагайдачнаго. Турецкаго войска, годнаго къ бою, насчитывали 150 тысячъ (а со всякой прислугой до 300 т.), кромѣ того при немъ была огромная орда Татаръ, нѣсколько десятковъ тысячъ [3]).

Сагайдачный какъ разъ во время привелъ свое войско, такъ какъ вслѣдъ за нимъ на другой день подъ Хотинъ подошли турецкія войска. И первымъ дѣломъ они ударили на козацкій лагерь, выдвинутый впередъ и еще не вполнѣ укрѣпленный— противъ козаковъ Турки и Татары были особенно раздражены, и могли разсчитывать, что уничтоживъ козаковъ, легко покончатъ и съ польскимъ войскомъ. Но козацкое войско не смотря на то, что было утомлено труднымъ маршемъ и не успѣло еще какъ слѣдуетъ расположиться, держалось хорошо и поддержанное польскими вспомогательными отрядами, дало непріятелямъ дружный отпоръ. На другой день нападеніе повторилось, снова Турки „всю фурію свою обратили на запорожскихъ козаковъ“ и козаки снова „очень мужественно выдержали весь этотъ натискъ“, по словамъ очевидца, и даже сами перешли въ атаку. Еще болѣе значительная битва имѣла мѣсто на третій день (4 сентября),

[1]) Жерела VIII № 151, с. 250, имена полковниковъ сильно испорчены; исправляю ихъ по возможности.

[2]) О вооруженіи козацкаго войска замѣчаетъ цитированный дневникъ Текъ Нарушевича: запорожскихъ козаковъ было 30.000 по крайней мѣрѣ имѣвшихъ ружья и годившихся для пѣшей службы, а сабли имѣли не всѣ—с. 403.

[3]) Сводъ разныхъ извѣстій о числѣ турецко-татарскаго войска у Третяка с. 131—4, гдѣ также указано, какъ въ польскихъ источникахъ постоянно увеличивалось количество этого войска для вящаго возвеличенія хотинскаго тріумфа.

когда турецкое войско ударило всѣми силами, и снова главнымъ образомъ на козаковъ. Самъ султанъ выѣхалъ посмотрѣть на турецкіе тріумфы. Но на этотъ разъ козаки не только отбились [1]), но, выйдя изъ лагеря, при поддержкѣ Поляковъ сбили Турокъ съ позицій, уничтожили ихъ пушки, ворвались въ турецкій лагерь и только благодаря своей несдержанности—бросившись грабить обозъ—дали возможность турецкому войску оправиться и вытѣснить ихъ изъ лагеря. Все-таки козаки захватили нѣсколько знатныхъ лицъ и одного пашу Сагайдачный прислалъ въ подарокъ Ходкевичу. Все это навело на Турокъ такой страхъ, что они собирались бѣжать, а султанъ, какъ разсказывали, просто плакалъ отъ злости [2]).

Затѣмъ было нѣсколько дней болѣе спокойныхъ. Турки время отъ времени возобновляли свои атаки, нападая главнымъ образомъ на козацкій лагерь [3]). Обстрѣливали его изъ пушекъ. Ногайская орда Кантемира передвинулась за Днѣстръ и разорвала сообщеніе съ Каменцемъ. Все это предвѣщало долгую, затяжную войну и тревожило польское и козацкое войско. Подвозъ запасовъ прерывался, недоставало многаго, даже пороху; лошадямъ не хватало овса и корма, они болѣли и погибали въ большомъ количествѣ. Въ польскомъ лагерѣ болѣло много людей. Въ немъ началось дезертирство, и Ходкевичъ нарочно не велѣлъ исправлять мостъ черезъ Днѣстръ, чтобы меньше народу убѣгало. Много шляхтичей изъ знатныхъ фамилій, какъ передаетъ польскій мемуаристъ, пряталось въ возахъ, которые должны были идти за провіантомъ, чтобы такимъ образомъ выбраться изъ лагеря; не разъ ихъ вытаскивали оттуда и съ позоромъ водили по лагерю [4]).

Въ виду описанныхъ симптомовъ упадка духа и деморализаціи польскіе и козацкіе вожди считали необходимымъ приложить всѣ усилія, чтобы рѣшительнымъ ударомъ окончить кампанію. Смѣлая козацкая атака на турецкій лагерь дала мысль произвесть на Турокъ ночное нападеніе. Этотъ планъ,

---

[1]) „Защищались удивительно храбро", замѣчаетъ о нихъ въ разсказѣ объ этой битвѣ Собѣсскій.

[2]) Дневники с. 126—7, 129, 130—1, письмо Собѣсскаго у Третяка с. 204.

[3]) См. дневники с. 134—137, 139; пишетъ это лицо, находившееся не въ козацкомъ лагерѣ, а въ польскомъ и съ точки зрѣнія польской. [4]) Commentarii с. 99—100.

вѣроятно поданный козаками и горячо поддержанный Сагайдачнымъ на польскомъ военномъ совѣтѣ, рѣшено было осуществить въ ночь подъ 12 сентября. Главную роль должны были играть козаки: они должны были подползти подъ турецкій обозъ въ количествѣ 20 тысячъ, и съ ними венгерская пѣхота. Конные регулярные козаки должны были напасть первыми, за ними имѣли ворваться въ турецкій лагерь пѣшіе запорожскіе козаки съ венгерской пѣхотой, а польская конница, съ большимъ шумомъ для вящшаго эффекта, съ музыкой, трубами и бубнами тоже должна была двинуться противъ Турокъ. Ночью былъ данъ знакъ и войско стало готовиться; но сборы потянулись довольно долго и когда войска вышли изъ лагерей, уже стало свѣтать. Однако Запорожцы пошли ползкомъ, успѣли приблизиться къ самому лагерю, пока еще разсвѣло; они были уже у турецкихъ шатровъ, не замѣченные Турками. Но въ это время пошелъ дождь. Козаки опасались, что у нихъ замокнутъ ружья и нельзя будесъ стрѣлять. Дали знать Ходкевичу, что изъ нападенія, вѣроятно, ничего не выйдетъ и войску былъ данъ приказъ возвратиться, а планъ сохраненъ въ тайнѣ [1]).

Эта неудача, отодвигая конецъ войны на неопредѣленное время, послужила причиной волненій въ козацкомъ лагерѣ. Какъ было указано выше, козацкіе полки, опоздавъ, не успѣли приготовить запасовъ, и въ козацкомъ лагерѣ приходилось терпѣть большія лишенія. Лошади гибли безъ корма, и козаки боялись остаться пѣшими. Скитались по польскому лагерю, выпрашивая сѣна, и польскіе воины, какъ милостыню, бросали имъ вязки фуражу, кто сколько могъ, и дѣлились сухарями. Но такъ выпрошеннымъ принасомъ трудно было существовать, тѣмъ болѣе, что польское войско и само не роскошествовало: за отсутствіемъ сѣна кормили лошадей дубовыми листьями, да и ихъ трудно было достать. Недовольство среди козаковъ все увеличивалось. Жертвой его палъ Бородавка, казненный 8 сентября. Послѣ неудачной экспедиціи 12 сентября снова начались волненія въ козацкомъ лагерѣ. Козаки приставали къ Сагайдачному, требуя, чтобы онъ бросилъ Поляковъ и возвращался на Украину. Другіе обращались къ польскимъ вождямъ, указывая, что изъ-за ничтожной платы 40 тыс. зл., которые они имѣли получить за службу (и то это было еще журавль въ небѣ), они не могутъ рисковать погибнуть здѣсь безъ хлѣба и фуража.

---

[1]) Дневники с. 85, 142, Commentarii 86—7.

Конашевичъ далъ знать объ этомъ Ходкевичу и королевичу Владиславу. Владиславъ, очень популярный среди козаковъ, былъ въ это время боленъ и не могъ лично служить посредникомъ. Рѣшено было, что онъ пошлетъ отъ себя комиссаровъ—воеводу познанскаго Опалинскаго, Стан. Любомірскаго, замѣщавшаго тогда гетмана польнаго, и Як. Собѣсскаго (автора наиболѣе цѣнныхъ мемуаровъ объ этой кампаніи). Они были приглашены на козацкую раду и здѣсь Собѣсскій, хорошо знакомый съ козаками еще по московской войнѣ, держалъ рѣчь, восхваляя ихъ заслуги передъ Рѣчью Посполитой, старыя и новыя, и просилъ ради кор. Владислава выдержать до конца эту кампанію; обѣщалъ именемъ польскихъ комиссаровъ прибавку 10 т. зл. при томъ условіи, что возвращаясь козаки не будутъ производить никакихъ насилій и спокойно будутъ ожидать уплаты, гдѣ имъ будетъ указано. Прибавка была жалкая, и при томъ еще въ далекой перспективѣ, поэтому рада козацкая неохотно приняла сладкія рѣчи Собѣсскаго, жалуясь, что деньги все таки малыя, и неизвѣстно еще, когда ихъ уплатятъ. Но Сагайдачный и остальная козацкая старшина пустила въ ходъ все свое вліяніе, и благодаря ихъ авторитету и популярности королевича, для котораго якобы все это дѣлалось, козаковъ удалось успокоить и уговорить остаться до конца кампаніи. Козаки потребовали только, чтобы имъ все обѣщанное было подтверждено письменно комиссарами и сенаторами, бывшими въ польскомъ войскѣ, и это было исполнено [1]). И когда гетманъ Ходкевичъ нѣсколько дней спустя созвалъ военный совѣтъ съ участіемъ Сагайдачнаго и козацкихъ полковниковъ и чтобы узнать настроеніе войска, поставилъ вопросъ, не лучше ли своевременно отступить, въ виду отсутствія запасовъ и деморализаціи войска—козацкая старшина рѣшительно воспротивилась этому и поддержала настроеніе польскихъ вождей. „Не будучи шляхтичемъ, онъ доказалъ, что отвагой можетъ помѣряться съ самыми выдающимися рыцарями“, наивно замѣчаетъ при этомъ польскій мемуаристъ о Сагайдачномъ [2]). А среди наступившаго затѣмъ затишья козаки для развлеченія осуществили собственными силами планъ ночного нападенія, только въ меньшихъ размѣрахъ, одинъ разъ и другой, съ большимъ эффектомъ: побили Турокъ, разграбили и настрашили пашей; едва не поймали

---

[1]) Дневники с. 144, Commentarii с. 116—8=92—3 пер.
[2]) Commentarii 126—7=97 пер.

самаго Гуссейна-пашу, бывшаго визира—онъ скрылся въ лѣсу и тамъ пролежалъ въ какой то ямѣ, до утра, едва живой отъ страха, а козаки съ тріумфомъ принесли въ лагерь его дорогую соболью шубу, крытую парчей, и другія вещи. Разохоченные этимъ успѣхомъ козаки два дня спустя снова ударили на турецкій лагерь, расположенный за Днѣстромъ, около моста и разгромили его; однако снова „вопреки запрещенію своего гетмана" соблазнились грабежомъ и дали Туркамъ время оправиться [1]).

Среди такихъ непріятныхъ сюрпризовъ и неудачныхъ атакъ на польскій и козацкій лагери, успѣлъ остыть военный пылъ султана, сначала ничего не хотѣвшаго слышать о какомъ либо соглашеніи. Переговоры, начатые еще послѣ упомянутой неудачной ночной атаки при посредствѣ молдавскаго господаря, но не поддержанные тогда Турками, теперь были приняты ими гораздо болѣе охотно. Еще разъ, получивъ извѣстіе о смерти старика Ходкевича (24 сентября), они сдѣлали попытку использовать этотъ моментъ. Хотя смерть Ходкевича скрывали, но Турки узнали о ней немедленно и на другой же день, надѣясь воспользоваться замѣшательствомъ, ударили всѣми силами на польскія и козацкія войска. Но когда и эта битва не удалась, они на другой день предложили прислать пословъ для рѣшительныхъ переговоровъ. Правда, попробовали, не будетъ ли польско-козацкое войско менѣе осторожно, полагаясь на эти переговоры, и еще разъ завязали битву со всѣми своими силами—болѣе жестокую, чѣмъ всѣ предыдущія (28 сентября), но она была и послѣдней. Польское и козацкое войско, которому Турки „давали себя знать всею своею силой" [2]), отбило ихъ и причинило большія потери, и этимъ военныя дѣйствія закончились. Несмотря на одержанную побѣду польская старшина тоже горячо жаждала конца войны въ виду отчаяннаго своего положенія: совсѣмъ уже не хватало ни пороху, ни пуль, сообщеніе было прервано, татарскія отряды шатались въ тылу арміи, а о вспомогательныхъ полкахъ изъ Польши, о всеобщемъ шляхетскомъ ополченіи, давно созванномъ, все еще ничего не было слышно, не смотря на всѣ напоминанія изъ подъ Хотина. Поэтому на другой же день были высланы послы для переговоровъ; въ инструкціи поручалось имъ заключить миръ на старыхъ условіяхъ [2]), а для того, чтобы сдѣлать турецкія

[1]) Дневникъ Собѣсскаго с. 147, 149, 150. [2]) Дневникъ с. 154.
[3]) Инструкція въ дневникахъ с. 157.

сферы болѣе уступчивыми, посламъ разрѣшено дать подарки наиболѣе вліятельнымъ турецкимъ вельможамъ.

Но хотя султанъ уже сильно остылъ и отъ прежней его горячности не осталось ничего,—всетаки на предложенныхъ ему условіяхъ онъ мириться не хотѣлъ. Турецкіе уполномоченные требовали для Порты ежегоднаго „харача“ (дани) и наказанія козаковъ за ихъ нападенія. Польскіе послы не соглашались на эти требованія. Относительно козаковъ они лишь на будущее время обѣщали, что козацкіе наѣзды не будутъ повторяться; при этомъ повторяли старые разсказы, что козачество возрастаетъ вслѣдствіе татарскихъ нападеній, а морскіе походы по большей части исходятъ отъ донскихъ козаковъ—они именно были въ послѣднемъ походѣ; валили все на мертваго Бородавку—что онъ былъ главнымъ зачинщикомъ, за что уже поплатился жизнью: сами козаки его казнили. Теперь же, заявляли послы, о наказаніи козаковъ не можетъ быть и рѣчи, послѣ того какъ они провели эту кампанію совмѣстно съ Поляками, и Поляки ручались имъ, что не выдадутъ ихъ. „Не пристало намъ отступаться и наказывать тѣхъ, кто несетъ такую службу нашей отчизнѣ, какую и Турки сами видѣли: теперь они уже не своевольники, а товарищи наши принятые Рѣчью Посполитой на службу и жалованіе какъ и мы“ [1]).

Кромѣ такихъ благородныхъ мотивовъ, которыми Поляки очень гордились, въ этомъ случаѣ принимались въ расчетъ и болѣе практическія соображенія: дать возможность Туркамъ отдѣлить Поляковъ отъ козаковъ было очень опасно, такъ какъ прежде всего сами же Турки могли воспользоваться такимъ раздѣленіемъ. Поэтому послы не приняли совѣта одного изъ посредниковъ обмануть Турокъ, выдавъ имъ какихъ нибудь арестантовъ изъ каменецкой или иной тюрьмы подъ видомъ запорожскихъ предводителей: послы сообразили, что это оттолкнуло бы козаковъ отъ нихъ и „лишило бы польскій лагерь отличныхъ воиновъ“ [2]). Но подобную фикцію относительно харача они допустили: обязать Рѣчь Посполитую ежегодною данью султану послы рѣшительно отказались, но согласились дать дары султану и хотя понимали, что эти дары визирь предложитъ султану въ качествѣ харача, дани—все таки не протестовали противъ этого [3]).

---

[1]) Дневники с. 165—6, Commentarii с. 166—7=112—3 пер.
[2]) Commentarii 171 с. 115 пер.
[3]) Срав. у Третяка ор. с. 187.

Щедрые подарки, обѣщанные главнѣйшимъ совѣтникамъ султана, устранили всѣ затрудненія, и въ 3—5 числахъ октября соглашеніе было установлено, а 9 октября заключено формально и о немъ извѣстили козацкую раду. „Еще при жизни пок. великаго гетмана (Ходкевича) было имъ обѣщано честью и совѣстью, что отъ нихъ не отступимъ, Туркамъ не выдадимъ и безъ сношенія съ ними не приступимъ къ трактатамъ, тѣмъ болѣе—не заключимъ; и все время гетманъ Сагайдачный со старшинами и важнѣйшими полковниками бывали на самыхъ тайныхъ совѣщаніяхъ, поэтому и теперь я въ ихъ колѣ далъ подробный отчетъ о всѣхъ переговорахъ и заключеніи трактата, а одновременно именемъ королевича и п. гетмана спросилъ объ ихъ намѣреніяхъ относительно порядка передвиженія войска подъ Каменецъ; они выразили удовольствіе по поводу условій мира и обѣщали исполнить все касавшееся ихъ въ той покорности, какой они обязаны по отношенію къ Рѣчи Посполитой“—записываетъ одинъ изъ пословъ Як. Собѣскій [1]). Здѣсь имѣется въ виду первое условіе договора—что козаки не будутъ выходить на море. Старшина должна была понимать, что безъ этого соглашеніе съ Турками не можетъ состояться, и должна была дать согласіе, очевидно полагаясь на то, что какъ нибудь все это еще образуется.

Что касается порядка отступленія, Сагайдачный изъявилъ готовность согласоваться съ распоряженіями королевича. Но затѣмъ не придерживаясь этихъ распоряженій козаки спѣшно ночью двинулись за Днѣстръ, не ожидая польскаго войска: вѣроятно, они боялись, какъ бы несмотря на всѣ благородныя увѣренія Поляковъ, имъ не пришлось плохо. Перейдя Днѣстръ, они расположились лагеремъ подъ Брагою и продолжительной стрѣльбой привѣтствовали королевича, когда онъ проѣзжалъ мимо ихъ лагеря [2]).

---

[1]) Дневники с. 179, Commentarii 162=с. 124 пер.

[2]) Дневники с. 181. Никакихъ подробностей прощанія королевича съ козацкимъ войскомъ или Сагайдачнымъ дневники не даютъ; для этого и не было мѣста, такъ какъ козацкое войско поспѣшило какъ можно скорѣе, украдкою уйти изъ польскаго лагеря. Въ виду этого обильныя подробности о всяческихъ знакахъ вниманія кор. Владислава къ Сагайдачному, разныхъ подаркахъ, данныхъ ему при прощаніи, съ такими соблазнительными деталями сообщаемыя въ сборникѣ Величка, должны считаться фантазіями точно также какъ и приведенная тамже якобы подлинная корреспонденція Сагайдачнаго съ кор. Жигимонтомъ. Эти письма—фальсификаты, вѣроятно, самаго Величка; разсказы его—фантазіи въ

Уходя изъ-подъ Хотина, козаки послали также посольство къ королю. Обѣщали въ будущемъ свою службу и послушаніе, обѣщали не нарушать договора съ Турками, на море не выходить, а за то, въ виду оказанныхъ услугъ и безчисленныхъ жертвъ кровью и жизнью, понесенныхъ для Рѣчи Посполитой, просили разныхъ льготъ, и между прочимъ—„успокоенія вѣры нашей старинной греческой“ [1]).

Въ этомъ смыслѣ просили ходатайствъ передъ королемъ у королевича, гетмана и комиссаровъ—свидѣтелей ихъ „кровавыхъ заслугъ и вѣрности“.

томъ же духѣ. Третякъ, признавъ эти письма апокрифами „созданными вѣроятно во времена Хмѣльницкаго“ (въ дѣйствительности—въ эпоху Мазепы, какъ показываетъ ихъ языкъ), все таки хотѣлъ видѣть въ разсказѣ Величка образецъ того, какъ „въ преданіяхъ козацкихъ отразился образъ королевича и его отношенія къ козакамъ“, и кое-что всетаки ввелъ въ свое изложеніе (с. 194—онъ ссылается при этомъ на предсмертное письмо Сагайдачнаго, напечатанное въ Актахъ Юж. и Зап. Рос. II № 47, но это письмо взято у Величка же, I прил. с. 47, также какъ и разсказъ Лукомскаго ibid. IV с. 175). Каманинъ также воспользовался этими величковскими документами и извѣстіями, и вызвалъ этимъ ѣдкія замѣтки Корзона (см. выше с. 75). Жуковичъ въ виду замѣчаній Корзона былъ осторожнѣе, хотя въ его словахъ и звучитъ нѣкоторое недовѣріе къ такой гиперкритикѣ и кое-что онъ заимствовалъ изъ этихъ апокрифовъ, хотя и съ оговоркой (III с. 190—1). Но, конечно, ихъ разъ на всегда слѣдуетъ выбросить изъ историческаго обихода, какъ и всякую другую величковщину: она имѣетъ интересъ для изученія эпохи Величка, а не описываемыхъ имъ событій.

[1]) Жерела VIII ч. 152.

III.

Отъ Хотина до Курукова.

Конецъ турецкой грозы. Разочарованія православныхъ. Церковно-національныя требованія и козачество. Польско-козацкая война 1625 г.

Хотинская война была апогеемъ козацкой славы въ польской Рѣчи Посполитой. Поляки участники и современники войны не находили выраженій признательности за услуги, оказанныя козаками общей отчизнѣ, словъ похвалы за ихъ военные подвиги, отвагу и мужество. Ихъ сравнивали съ классическими образцами отваги и патріотизма, ставили даже выше античныхъ героевъ — больше уже нельзя было сказать въ эти псевдоклассическія времена [1]). Ихъ считали главными спасителями Польши отъ страшной турецкой опасности — современный украинскій мемуаристъ, шляхтичъ Ерличъ, далеко не сторонникъ козачества, передавая взгляды своихъ круговъ, признаетъ главную заслугу въ этой войнѣ за Сагайдачнымъ; „онъ несъ на себѣ всю тяжесть войны, и руководилъ ею, и что совѣтывалъ, то принимали гетманы и королевичъ е. милость“ [2]). Правда, онъ при этомъ не упускаетъ пояснить, что этотъ Сагайдачный былъ человѣкъ не простого происхожденія, а шляхтичъ изъ Самбора. Но Поляки, не подозрѣвая этого шляхетскаго происхожденія Сагайдачнаго, великодушно признавали, что онъ и прочіе его товарищи, не будучи

[1]) Современный біографъ кор. Владислава Вассенбергъ, разсказывая приведенный выше эпизодъ, какъ Турки бились съ небольшимъ козацкимъ отрядомъ (выше с. 195) пишетъ: Macte beatissimos meo judicio viros et Lacedaemoniorum gloriam longe superautes. Illi quippe trecenti et ad Thermopylas; hi nonnisi sexaginta numero et in aperto campo parem Xerxis exercitus multitudinem fatigavere (Gestorum Vladislai, c. 100). [2]) Latopisiec c. 5.

шляхетскаго званія, равнялись своими доблестями съ прирожденными шляхтичами.

Но подвиги были совершены, славословія прошумѣли и на сцену выступила обыкновенная исторія: „Мавръ сдѣлалъ свое дѣло,—Мавръ можетъ уйти“. Козацкое честное воинство громило турецкія орды на свою голову. Стоя грудью за Рѣчь Посполитую, обезпечивая ее отъ военной опасности, оно дѣлало ненужными свои услуги въ ближайшемъ будущемъ. Оно подрывало ту почву, на какой зиждилось raison d'état козачества, съ точки зрѣнія польскихъ государственныхъ интересовъ.

Король Жигимонтъ, недоступный никакимъ благороднымъ движеніямъ благодарности, признательности, и несомнѣнно раздраженный противъ козачества за его вмѣшательства въ церковную политику и нарушенія его королевскихъ религіозныхъ плановъ, поспѣшилъ не оставить у хотинскихъ героевъ ни на минуту какихъ-нибудь иллюзій, какихъ-нибудь надеждъ на то, что ихъ геройство, ихъ безграничное самопожертвованіе, ихъ всѣми признанныя заслуги предъ Рѣчью Посполитой принесутъ имъ какія нибудь реальныя пріобрѣтенія, какое-нибудь улучшеніе ихъ убогаго быта, укрѣпленіе ихъ полубезправнаго положенія. На козацкую петицію, высланную съ залитыхъ козацкой кровью хотинскихъ равнинъ, на эти чрезвычайно безпретенсіозныя просьбы скромныхъ героевъ, онъ готовитъ грубый, холодный, безсердечный отвѣтъ.

Козацкая петиція гласила:

„Посольство запорожскихъ козаковъ къ королю е. м. и Рѣчи Посполитой—просьбы за кровавыя, всему міру христіанскому извѣстныя и всему язычеству наглядныя заслуги.

„Послы наши должны подтвердить готовность къ службамъ королю и Рѣчи Посполитой—никогда не были мы непокорными, и въ теперешней войнѣ съ императоромъ турецкимъ всюду, гдѣ надо было, не жалѣя своего здоровья и имущества, ставали мы нашей грудью, сколько силъ нашихъ хватало, за вѣру христіанскую, за честь королевскую, за цѣлость отечества нашего будучи готовыми сложить головы свои безъ сожалѣнія. И впредь, теперь и всегда, мы желаемъ какъ можно болѣе полно согласоваться съ ихъ волей (короля и правительства). Не будемъ нападать на земли императора турецкаго ни сухимъ путемъ, ни Чорнымъ моремъ, не хотимъ нарушать священнаго мира, освященнаго стариной—и рѣшительно желаемъ отказаться отъ Чернаго моря.

„Только хотѣли бъ мы знать, съ чѣмъ намъ находиться на службѣ Рѣчи Посполитой на своихъ обычныхъ мѣстахъ и съ какой платой. На предыдущихъ комиссіяхъ назначено намъ было годичное жалованіе по 40 тыс. золотыхъ, но исполнено не было и теперь намъ, очевидно, приходится, отложивъ въ сторону эти постановленія комиссіи, просить короля и ихъ милостей, чтобы намъ назначена была эта годичная плата 100 тыс., и чтобы она ежегодно получалась въ опредѣленное время.

„А такъ какъ теперь война турецкая окончилась, послы должны просить, чтобы король е. м. соизволилъ учинить въ скоромъ времени справедливое вознагражденіе за кровавыя заслуги наши и убытки, понесенные нами въ коняхъ и во всемъ прочемъ въ этой экспедиціи, какъ то и паны комиссары обѣщали намъ письмомъ своимъ.

„Имѣютъ просить е. м. королевича, ясновельможнаго п. гетмана и п. комиссаровъ, чтобы они потрудились похлопотать передъ королемъ, чтобы е. м. король, нашъ милостивый панъ, принимая во вниманіе кровавыя заслуги и вѣрность нашу, соизволилъ успокоить древнюю нашу греческую религію, а вольности, пожалованныя намъ его предками и самимъ королемъ за кровавыя заслуги наши въ войнахъ—изволилъ въ цѣлости и неприкосновенности сохранить и привилегіями своими подтвердить.

„Е. м. королевичъ, п. гетманъ и прочіе видѣли собственными глазами, сколько изъ нашего товариства сложило свои головы при нихъ, защищая ихъ передъ лицемъ непріятеля; у другихъ изувѣчены члены такъ, что они уже не пригодны болѣе къ войнѣ, не могутъ и заработать своего пропитанія до конца дней своихъ. Итакъ п. послы должны просить короля, чтобы онъ на прожитье калѣкамъ изволилъ назначить какой-нибудь городъ на Украинѣ въ дополненіе къ шпиталю, возобновленному на Украинѣ по королевской милости, а въ особенности велѣлъ возвратить помѣстья, пожалованныя имъ нашимъ предкамъ—Борисполь съ окрестностями.

„Чтобы наши товарищи имѣли свободное пребываніе въ помѣстьяхъ королевскихъ, княжескихъ, шляхетскихъ и духовныхъ, гдѣ кто жилъ или гдѣ кому понравится, оставаясь при вольностяхъ своихъ безъ всякаго притѣсненія отъ властей.

„Еслибы насъ пригласилъ къ себѣ какой-нибудь государь христіанскій при какой-нибудь надобности, чтобы можна было намъ отправиться на службу къ нему, увѣдомивъ короля.

„Нѣкоторые изъ товарищей не имѣютъ жилищъ и средствъ и не могутъ пропитаться—да будетъ позволено имъ промышлять ловлей звѣря или рыбы, еслибы кто могъ и хотѣлъ этимъ заняться.

„Даже и тѣ, которые имѣютъ свою осѣдлость, занятые королевской службой, находясь въ отсутствіи, не приготовили запаса для себя, своихъ женъ и дѣтей, а тѣмъ болѣе неимѣющіе своихъ жилищъ—поэтому просить, чтобы для отдыха и поправки лошадей, еще уцѣлѣвшихъ, были намъ назначены стоянки и приставства въ городахъ по полкамъ.

„И въ городахъ, гдѣ мы имѣли свое мѣстопребываніе, а въ особенности въ воеводствѣ Кіевскомъ, чтобы никакіе солдаты не имѣли своихъ лежъ и стоянокъ“ [1]).

Таковы были требованія козачества въ моментъ его наибольшаго тріумфа, его неоцѣненныхъ, общепризнанныхъ заслугъ для Рѣчи Посполитой. Несомнѣнно очень, даже слишкомъ скромныя. Не подчеркивая этого опредѣленно, козаки домагались фактической отмѣны наиболѣе непріятныхъ постановленій послѣдней комиссіи (1619 г.). Добивались отмѣны запрещенія жить и пользоваться козацкими правами въ помѣстьяхъ шляхетскихъ и духовныхъ, и уничтоженія ограниченій реестра (это обозначено вопросомъ объ увеличеніи платы, не касаясь числа реестровыхъ). Въ деликатной формѣ повторяются старыя пожеланія по вопросу о приставствахъ и лежахъ, съ исключеніемъ коронныхъ войскъ отъ расквартировокъ въ козацкихъ мѣстностяхъ. Высказывается желаніе, чтобы не воспрещалась старая практика козацкой службы постороннимъ государствамъ. Припоминается давняя свобода звѣриной и рыбной ловли, подпадавшая все большимъ ограниченіямъ съ заселеніемъ Украины, съ расширеніемъ привилегированнаго землевладѣнія. Возбуждается вопросъ о козацкихъ владѣніяхъ не возвращенныхъ при реституціи 1601 г. Наконецъ, въ очень скромной формѣ „успокоенія“ напоминается недавняя петиція по религіозному вопросу. За все это козачество обѣщаетъ полную покорность, неприкосновенность трактатовъ, отказъ отъ моря,— уступки весьма значительныя, тяжелыя, полныя самопожертвованія для козачества.

---

[1]) Жерела VIII № 152, другой варіантъ этихъ петицій у Третьяка приб. VII—онъ часто буквально сходенъ съ первымъ, мѣстами исправляетъ его ошибки или дополняетъ этотъ текстъ. Въ своемъ переводѣ я сводилъ оба варіанта.

Козацкіе предводители знали чрезвычайную щекотливость „шляхетскаго народа“ и его правительства въ вопросѣ о козацкихъ претензіяхъ и стилизировали свои требованія по обыкновенію возможно скромно и непритязательно, не намекая ничѣмъ на какія-нибудь коренныя измѣненія въ положеніи козачества, въ его отношеніяхъ къ государству, на какія-нибудь спеціальныя права, пріобрѣтенныя послѣдней службой. Конечно, изъявленіе королевскаго согласія на предложенныя пожеланія имѣло бы большое значеніе въ смыслѣ легализаціи фактическихъ пріобрѣтеній козачества и ихъ дальнѣйшаго расширенія. Но эти пожеланія во всякомъ случаѣ были поставлены очень скромно, безъ оскорбленія шляхетскаго величества. Козачество очень считалось съ этими сферами и ихъ настроеніями и не напрасно опасалось ихъ щекотливости—такъ какъ и въ отвѣтъ на свои скромныя пожеланія получило все-таки очень неблагопріятный отвѣтъ.

Вмѣсто королевскаго отвѣта непосредственно козацкимъ посламъ, мы имѣемъ королевскую инструкцію комиссарамъ, высылаемымъ для устройства козачества [1]). Вѣроятно, король заявилъ посламъ, что его отвѣтъ и волю сообщатъ козакамъ его послы-комиссары. Эти послы-комиссары должны были объявить благодарность и милость королевскую за козацкую службу. Король,—должны были заявить они—со своей стороны соглашается на обѣщанную хотинскими комиссарами прибавку къ жалованью за это войну—и только. Деньги эти должны быть уплачены немедленно, и послѣ этого козацкое войско (вѣроятно находившееся гдѣ-нибудь на Подоліи, въ ожиданіи результатовъ своихъ петицій) должно было сейчасъ же разойтись „на обычныя мѣста“, не чиня населенію притѣсненій, и для этого двигаться не полками, а небольшими отрядами и не оставаться на волости. Это было отвѣтомъ на козацкія просьбы по вопросу о расквартированіи. Король пояснялъ, что неурожай и запустѣніе не позволяютъ расквартировать войска по волостямъ, и поэтому польское войско также возможно скорѣе распускается [2]), и будетъ расхо-

[1]) Инструкція эта (въ Жерелахъ VIII ч. 153) въ различныхъ копіяхъ помѣчена разными числами—въ одной 18/X, въ другой 28/X. Число 18/X менѣе вѣроятно, такъ какъ не легко предположить, чтобы комиссія такъ скоро была организована, если только 11/X козацкой старшинѣ было сообщено о заключеніи договора и окончаніи кампаніи.

[2]) Дѣйствительно, былъ недородъ и скудость была крайняя—ср. письма Збаражскаго, с. 43.

диться не полками, а небольшими отрядами, не оставаясь на волости.

На другія просьбы поручено было дать такой отвѣтъ, „еслибъ козаки добивались его“. Въ вопросахъ религіи король не чинитъ никому несправедливости или насилія, козаки въ этихъ вопросахъ какъ ранѣе не терпѣли никакой несправедливости, такъ и впредь не будутъ. Касательно пожалованія на шпиталь и вступленія въ службу заграничнымъ владѣтелямъ король отсылалъ козаковъ къ сойму. По вопросу о правѣ охоты обѣщалъ снестись съ мѣстными старостами и городами.

Относительно права проживанія козаковъ въ частныхъ помѣстьяхъ отвѣтъ былъ довольно неопредѣленный, но въ концѣ концовъ частная юрисдикція признавалась неприкосновенной и постановленія комиссіи 1619 г. должны были остаться въ силѣ. Вообще комиссарамъ поручено было возобновить и подтвердить комиссарскія постановленія 1619 г. Въ этихъ постановленіяхъ число козаковъ не было обозначено, и такимъ образомъ комиссарамъ предоставлялось торговаться съ козачествомъ и по возможности свести козацкое войско до минимума, „имѣя въ виду, чтобы большая масса не была обременительна для тамошнихъ обывателей и не послужила бы поводомъ къ дальнѣйшему своеволію и увеличенію числа“; во всякомъ случаѣ козацкаго войска никакъ не должно было быть болѣе трехъ тысячъ. Платы до 100 тыс. увеличить нельзя—пусть комиссары стараются сохранить прежнюю цыфру 40 тыс., а еслибы это было невозможно, то могутъ увеличить ее до 60 тыс. Реестръ этого войска долженъ быть составленъ немедленно, при комиссарахъ же; реестровые будутъ пользоваться „полной свободой въ своихъ юрисдикціяхъ“, выписанные должны подлежать „обычной юрисдикціи пановъ и старостъ своихъ“. Гетманъ, предложенный войску отъ имени короля, долженъ принести присягу въ послушаніи, точно также полковники и всѣ козаки. Всѣ лодки должны быть выданы комиссарамъ, и впредь никто не смѣетъ подъ угрозой смерти строить лодокъ; извѣстное количество ихъ можетъ быть оставлено только для подвоза припасовъ козацкой заставѣ „на Низу“.

Какъ видимъ, инструкція поручала комиссарамъ привести козацкія отношенія къ нормамъ ante bellum. Свести козацкій реестръ по возможности къ 1—2 тыс., всѣхъ остальныхъ изъ 40 тысячнаго козацкаго войска, участвовавшаго въ хотинской войнѣ, возвратить въ первобытное подданство; старшину назна-

чить. Что касается церковнаго вопроса, то король прежде всего, какъ видимъ, ставилъ вопросъ такъ, какъ будто здѣсь шла рѣчь только о свободномъ отправленіи своей религіи козаками, да и тутъ не обѣщалъ имъ ничего больше сверхъ прежнихъ благодатей—„такъ было—такъ будетъ“, будутъ пользоваться той же религіозной свободой, какую имѣли до сихъ поръ. Иначе говоря, король хотѣлъ игнорировать всѣ свои обѣщанія, всѣ надежды послѣдняго года, хотѣлъ вычеркнуть всѣ факты и событія послѣдняго времени, этого тяжелаго года: „рабъ сдѣлалъ свое дѣло“— и долженъ былъ снова возвратиться въ свое рабское состояніе.

Такъ! Но это должно было быть сказано не по адресу покорнаго, безоружнаго, безпомощнаго раба, а войска, съ оружіемъ въ рукахъ ожидавшаго отвѣта правительства, арміи, равной по силѣ съ войсками, какія могла выставить польская корона, и прославленной до небесъ польскими очевидцами за свои высокія качества и доблести и великодушно поставленной польскими шляхтичами наравнѣ съ самой польской шляхтой.

Въ королевскихъ инструкціяхъ, писанныхъ черезъ двѣ недѣли послѣ хотинской войны, уже заключался въ полномъ видѣ вызовъ вооруженнаго конфликта съ козачествомъ, вооруженнаго усмиренія спасителей польской Рѣчи Посполитой, и только благодаря разнымъ обстоятельствамъ этотъ вооруженный конфликтъ произошелъ не сейчасъ, а четырьмя годами позже [1]).

---

[1]) Общія работы по исторіи козачества и отношеній украинско-польскихъ, турецко-татарскихъ и московскихъ въ этихъ годахъ тѣ же, а какія указаны были выше, на с. 7, для предыдущаго десятилѣтія. Спеціальная литература по исторіи самаго козачества невелика: кромѣ перечисленной выше (с. 75) литературы о Сагайдачномъ исторіи козачества въ 1621—5 гг. и участію его въ церковныхъ дѣлахъ посвящены статьи проф. Жуковича: „Первое вмѣшательство западно-русскихъ козаковъ въ сеймовую борьбу съ церковной уніей (Христ. Чтеніе 1907), „Первый польскій сеймъ послѣ убійства Іосафата Кунцевича“ (ib. 1908), „Передъ козацкимъ разгромомъ (варшавскій сеймъ 1625 года) (ib.),—онѣ собраны въ IV вып. „Сеймовой борьбы“ автора. Вторую группу статей имѣемъ для кампаніи 1625 г.: Никифоровъ Куруковскій договоръ козаковъ съ Поляками 1625 г. (К. Стар. 1885, IV), Николайчикъ Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Куруковскаго договора (ib. 1889, X), Рудницкий Козацько-польська війна р. 1625 (Записки львовскія т. XVII). На этихъ годахъ подробнѣе останавливается также послѣдняя (неоконченная) работа Кулиша Украинскіе козаки и паны въ

Нельзя сказать, чтобы король не давалъ себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, отвѣчая такъ рѣзко на требованія хотинскихъ героевъ. Инструкція оканчивалась такимъ характернымъ порученіемъ:

Комиссары должны передать Запорожскому войску отвѣты короля и своими уговорами и обѣщаніями королевскихъ милостей повліять, чтобъ они повиновались королевской волѣ. Для этого они должны завязать тайныя сношенія съ Сагайдачнымъ и войсковой старшиной и обѣщать имъ отъ короля особыя пожалованія. Пункты комиссіи, (подтверждавшіе постановленія 1619 г.) пусть остаются въ тайнѣ, чтобы преждевременно не дошли до свѣдѣнія козаковъ.

И такъ разсчитывали на угодливость старшины, на подкупы, деморализацію. Но эти разсчеты едва ли оправдались бы...

Добрые духи на время отвратили опасность кроваваго междоусобія, которое неизбѣжно должно было возникнуть, еслибъ королевскіе комиссары задумали выполнить данную имъ инструкцію— возобновить постановленія 1619 г. Исполненію королевскихъ плановъ помѣшало нѣсколько обычныхъ, но непреоборимыхъ для польской политики препятствій. Нельзя было выполнить перваго пункта королевской инструкціи—уплатить козакамъ признаннаго вознагражденія, значить нельзя было и потребовать, чтобы они ра-

---

двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Б. Хмельницкаго (Рус. Обозрѣніе 1895). Кромѣ того для дипломатическихъ отношеній этихъ годовъ: A. Gołębiowski Szahin giraj i kozacy (ibid. 1852). Объ Александрѣ Яхіи: Макушевъ Восточный вопросъ въ XVI и XVII в. (Славян. сб. III) и его же статья въ Ж. М. Н. П. 1872, X; V. Catualdi (Гассекъ) Sultan Sahja dell'imperial casa ottomana, Тріестъ, 1889 (скорѣе беллетристическое чѣмъ научное произведеніе), выдержки отсюда напечаталъ А. Гирсъ п. загл. Графъ Александръ Черногорскій—султанъ Яхія. Страница изъ исторіи Запорожья (Рус. Старина 1890, III). Изъ матеріаловъ для украинско-польскихъ отношеній 1622—1625 гг. много цѣннаго даетъ корреспонденція кн. Юр. Збаражскаго, она собрана А. Соколовскимъ и издана п. з. Listy ks. Ierzego Zbaraskiego kaszt. krakow. z lat. 1621—1631 въ Scriptores rerum polonicarum, т. V и отдѣльно (объ этомъ изданіи замѣтка Лазаревскаго Украинскіе козаки въ двадцатыхъ годахъ XVII в., Чтенія кіевскія т. XV); собраніе однако неполное, есть нѣсколько писемъ въ другихъ изданіяхъ (Сборникъ лѣтоп., Жерела VIII) и немало неизданныхъ писемъ въ рукописяхъ (петерб. Публичн. библ. и др.). Цѣнную коллекцію матеріаловъ изъ краковскихъ библіотекъ для этихъ лѣтъ даетъ т. VIII Жерелъ. О козацкихъ по-

зошлись, и вообще поступить съ ними по всей строгости королевскихъ инструкцій. Во-вторыхъ — для того, чтобъ приступить ко второй части программы — возобновлять и осуществить комиссарскія постановленія 1619 г., необходимы были соотвѣтственныя военныя силы, чтобъ звономъ польскаго оружія поддержать влiянiя лойяльной старшины. Противъ тогдашнихъ козацкихъ силъ нужно было выставить значительныя силы, а между тѣмъ хотинская война окончилась, разумѣется, солдатской конфедераціей—въ виду неуплаченнаго жалованія. Поэтому не только большого, а и никакого войска противъ козаковъ нельзя было сейчасъ собрать.

Поэтому проведеніе комиссарскихъ постановленій 1619 г. пришлось отложить. Комиссія не состоялась. Не уплативъ денегъ козакамъ, нельзя было предъявлять къ нимъ никакихъ серіозныхъ требованій.

Однако на требованія козачества долженъ былъ послѣдовать отвѣтъ въ духѣ королевскихъ инструкцій, неблагопріятный для козацкихъ требованій. Специально по религіозному вопросу намъ извѣстно, что козакамъ данъ былъ отвѣтъ въ духѣ королевской инструкціи—такъ какъ дѣло шло только о свободномъ отправленіи религіи для козаковъ [1]). И эти уклончивые, мало обѣщающіе отвѣты правительства теперь, когда настало время исполненія обѣщаній, давали полное понятіе о неблагопріятномъ курсѣ правительства и должны были глубоко задѣть козаковъ. Въ отплату за кровь, за раны, за голодъ и смерть снова іезуитское политиканство, холодное non possumus. Массы должны были негодовать,

---

ходахъ на море—собранія константинопольскихъ депешъ: англійскія въ Zbiór pamiętników o dawnej Polsce Нѣмцевича, т. V, 1830 (1620—1626 г.), французскія въ Historica Russiae Monimentam (1620—1627 г.). Для событій 1624—5 гг. много цѣннаго въ московскихъ актахъ о пріѣздѣ Яхіи, изданныхъ Кулишемъ (Матеріалы, I); зато въ Актахъ Московскаго госуд. для этихъ временъ еще нѣтъ ничего интереснаго. Для кампаніи 1625 г. имѣемъ старую рукописную выборку, очень популярную (напр. въ петерб. Публичной библіотекѣ есть нѣсколько копій ея), она заключаетъ дневникъ похода и акты комиссіи, издана цѣликомъ въ VI т. Zbiór-a Нѣмцевича, дневникъ кромѣ того въ другой редакціи въ Сборникѣ лѣтописей, акты въ Zrzódła-хъ Грабовскаго. Кромѣ того пространно и подробно описываетъ этотъ періодъ Żywot Tomasza Zamojskiego, написанный его дворяниномъ Станиславомъ Журковскимъ (изданъ во Львовѣ въ 1860 г.).

[1]) Знаемъ это изъ письма Леоновича, см. ниже.

умѣренные элементы — скандализироваться такой грубой безтактностью, поставившей въ невозможное положеніе и ихъ и всякую лойяльную политику. Какъ можна было располагать къ умѣренности, къ лояльности по отношенію къ правительству, не постаравшемуся уплатить даже этой жалкой суммы за кровавую службу и отказывавшему козачеству во всѣхъ его пожеланіяхъ? Специально Сагайдачный, и безъ того едва живой отъ турецкой раны, отъ понесенныхъ трудовъ и тревогъ, былъ оскорбленъ въ своихъ самыхъ святыхъ чувствахъ, въ самыхъ дорогихъ надеждахъ.

На том же пляцу тотъ нашъ гетманъ пострѣленый
Пріихалъ до Кіева наполы умерлый,
Где розмаитыхъ лѣкарствъ долгій часъ заживалъ
На докторы отъ кроля самого коштъ мѣвалъ [1]).

Знаки королевскаго расположенія къ нему лично не могли радовать Сагайдачнаго въ виду полнаго компрометированія его политики — въ виду того, что король отрекся отъ всѣхъ тѣхъ обѣщаній, которыя побудили войско отправиться въ послѣднюю войну, уступая увѣреніямъ Сагайдачнаго, что его пожеланія приняты королемъ.

Войско, получивъ королевскій отвѣтъ на свои петиціи, выслало зимой новыхъ пословъ. До сихъ поръ объ этомъ посольствѣ имѣемъ только коротенькое упоминаніе, отъ февраля 1622 г., когда эти новые послы направлялись въ Варшаву. „Много объ удовлетвореніи (религіознаго вопроса) и отмѣнѣ уніи тамъ написано, и если не будутъ удовлетворены, грозятъ конфедераціей, еще неслыханной; первое посольство отправлено съ обѣщаніемъ, что ихъ удовлетворятъ, и на это въ другомъ письмѣ они такъ написали: если король е. мил. хочетъ только насъ (козаковъ) удовлетворить, то въ такомъ случаѣ вся Русь захочетъ быть удовлетворенной въ вѣрѣ; кромѣ того просили заслуженныхъ денегъ, согласно обѣщанію королевича“. Такъ передаетъ содержаніе этой новой петиціи нашъ случайный корреспондентъ [2]).

Митр. Іовъ въ это же время разослалъ свое окружное посланіе ко всѣмъ православнымъ, призывая ихъ держаться своей православной іерархіи, оказывать ей всяческое содѣйствіе, а уніатовъ не признавать и свои духовныя нужды удовлетворять, если невозможно на мѣстѣ, то въ Кіевѣ у своихъ епископовъ, пребы-

---

[1]) „Вѣршѣ“ Саковича, с. 32.

[2]) Письмо Ѳеоф. Леоновича—Матеріалы къ гетм. Сагайдачнаго, ч. 40.

вавшихъ въ этой недоступной для польскихъ репрессій твердынѣ [1]).

Тѣмъ временемъ козацкое войско, игнорируя королевскій приказъ не оставаться на волости, расположилось здѣсь на зиму, главнымъ образомъ въ Кіевскомъ воеводствѣ. Правительство, не исполнивъ своего обѣщанія—уплаты денегъ, должно было смотрѣть на это сквозь пальцы, и не вводило туда своихъ войскъ, чтобы не дать повода для кровавыхъ столкновеній. Съ своей стороны и козачество, повидимому, вело себя по возможности сдержанно—не только уступая вліяніямъ старшины, но и въ сознаніи собственныхъ интересовъ — чтобы не дать правительству повода отказать ему въ заслуженныхъ деньгахъ и во всѣхъ прочихъ обѣщаніяхъ. И хотя кіевская шляхта роптала и жаловалась королю на козацкія „тяжкости", какъ волынская на коронныхъ солдатъ, расквартированныхъ тамъ также безъ уплаты жалованія, и король всячески долженъ былъ успокаивать ее, но войско козацкое сильно подчеркивало впослѣдствіи, что оно, возвращаясь съ войны, никакихъ запасовъ не добивалось и получивъ условленную плату, расходилось домой", и король не считалъ возможнымъ отрицать такую козацкую корректность [2]).

Козацкая депутація имѣла аудіенцію у него 21 февр. н. с. [3]). Содержанія королевскаго отвѣта не знаемъ. Король, очевидно, по вопросу объ уплатѣ жалованія принужденъ былъ повторить то, что передъ тѣмъ уже писалъ къ утѣшенію всѣхъ заинтересованныхъ: что деньги лежатъ „отсчитанныя" во Львовѣ, что его дворянинъ Обалковскій въ самомъ ближайшемъ будущемъ отправится съ ними къ козакамъ, а королевскіе комиссары, явившись вмѣстѣ съ нимъ, при уплатѣ жалованія уладятъ всѣ прочія козацкія дѣла [4]). И кромѣ этого, вѣроятно, были увѣренія, ссылки на сеймъ и т. п.

---

[1]) „Знаючы каждый о своемъ власномъ светители до богоспасаемого града Кіева, второго руского Іерусалима, принамней духовныхъ пилныхъ, коли трафятся, потребахъ, минаючи унитскую безбожную яму, если мило спасеніе, або ся не лѣнилъ приходити и присылати" — П. Могила I приб. 38. Жуковичъ, мнѣ кажется, не вполнѣ правильно истолковывалъ этотъ документъ, III с. 194.

[2]) См. Жерела VIII ч. 155, 156, 162, ср. письма Збаражскаго, ч. 25.

[3]) Публ. библ. Пол. F. IV № 138 л. 5: 21 februari Kozacy zaporowscy od wojska swego posolstwo odprawowali.

[4]) Ср. Жерела VIII ч. 155, 158.

По двумъ вопросамъ правительству нужно было сговориться съ козаками: чтобы полки ихъ вышли изъ волости и разошлись, и чтобы они не задирали Турокъ и не портили дипломатическихъ отношеній. Хотинскіе прелиминаріи требовали еще окончательной ратификаціи; для этого должно было отправиться въ Турцію польское посольство, и нужно было въ особенности теперь избѣгать всего, что могло бы раздражить Турокъ и помѣшать ратификаціи трактата. Была мысль привлечь козаковъ въ войнѣ со Швеціею, чтобы отвлечь ихъ отъ походовъ на Турокъ. Козаки приняли это предложеніе очень охотно: зимой 1621/2 г. двадцати-тысячное козацкое войско двинулось въ Литву и въ февралѣ у гетмана литовскаго Кр. Радзивила явились козацкіе послы, полковники Осипъ Путивлецъ, Адамъ Подгорскій и Донецъ, заявляя свою готовность, въ исполненіе королевскаго приказа, двинуться въ Ливонію и нести службу даже безплатно. Радзивилъ готовъ былъ принять ихъ предложеніе, надѣясь такимъ бразомъ предупредить ихъ походъ на море, но очень боялся козацкихъ своеволій и грабежей, а литовская шляхта рѣшительно возстала противъ этого проэкта, опасаясь новыхъ опустошеній, и настаивала, чтобы гетманъ не принималъ козаковъ къ себѣ на службу [1]). Радзивилъ послѣ долгихъ колебаній принялъ на службу въ Ливонію только небольшой козацкій полкъ, самыхъ „старинныхъ и комонныхъ“ козаковъ, а остальныхъ отправилъ обратно [2]), такъ что этотъ маневръ не могъ оказать сколько нибудь значительнаго вліянія на козацкія отношенія на Украинѣ; и надежда на нѣкоторое смягченіе украинскихъ треній благодаря этому ливонскому походу должна была окончательно исчезнуть [3]).

Оставалось возложить всю надежду на вліяніе старшины и извѣстное удовлетвореніе, какое могла вызвать уплата денегъ. Но

---

[1]) Въ дневникѣ читаемъ: „едва только гетманъ отправилъ козацкихъ пословъ, какъ уже по всей Литвѣ загремѣли слухи, что гетманъ принимаетъ нѣсколько тысячъ Запорожцевъ на погибель в. кн. Литовскаго. Напуганные примѣромъ предшествующей экспедиціи, когда гетманъ Замойскій привелъ въ Литву 15 тыс. козаковъ, всѣ единодушно начали его умолять въ письмахъ, чтобы онъ отвелъ эту саранчу“—ibid. с. 174.

[2]) Ibid. с. 137, 172—4, 187; Радзивилъ предполагалъ взять тысячу, а сколько взялъ въ дѣйствительности, неизвѣстно.

[3]) Срав. еще отзывъ о козакахъ Воловича—Публ. библ., автографы 119, № 55.

хотя эти деньги, какъ писалъ король, еще съ января лежали „отсчитанныя“ во Львовѣ, все таки никакъ не могли оттуда попасть на Украину. А нужно было торопиться, такъ какъ приходили уже тревожныя извѣстія, что козаки собираются итти на море, если не съ Днѣпра, то съ Дона — чтобы не компрометировать польское правительства и не вызывать столкновенія съ нимъ [1]). Но участіе украинскихъ козаковъ въ такомъ донскомъ походѣ навѣрно осталось бы для Турокъ секретомъ полишинеля, и доказывай тогда турецкому правительству, что это были не польскіе, а московскіе козаки! Слишкомъ ужъ старая это была пѣсня!

Ко всему этому, еще и Сагайдачный умеръ къ тому времени—10 апрѣля ст. ст. 1622 г. „По многихъ знаменитыхъ военныхъ заслугахъ и звитязствахъ на ложи своемъ простеръ нози свои, приложился къ отцемъ своимъ, съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыни“, какъ отмѣчаетъ его кончину синодикъ тогдашней митрополичьей резиденціи, монастыря св. Михаила въ Кіевѣ [2]). Огорченный и удрученный нарушеніемъ королевскихъ обѣщаній, крахомъ своихъ плановъ и надеждъ, онъ посвятилъ послѣднія минуты своей жизни распоряженіямъ своимъ имуществомъ, въ духѣ стремленій и плановъ, одушевлявшихъ его въ послѣдніе годы многотрудной жизни. За пять дней до смерти (5 апрѣля) онъ распорядился въ завѣщаніи своимъ имуществомъ, назначивъ „шафарами и вѣрными депозитарами“ послѣдняго митрополита Іова и своего преемника на гетьманствѣ Олифера Голуба.

Маетность свою роздалъ едину на шпиталѣ
Другую зась на церквы, школы, монастирѣ,

Какъ отмѣчаетъ его панегиристъ. „Ялмужну значную“ записалъ на кіевское братство — „тысячій килка“ [3]). Изъ остальныхъ пожертвованій ближе извѣстенъ фондъ, учрежденный его „духовницею“ при львовскомъ братствѣ, культурно національномъ центрѣ его ближайшей родины. Полторы тысячи золотыхъ назначилъ онъ на неприкосновенный капиталъ при Успенскомъ львовскомъ братствѣ „на науку и цвичене дѣтокъ християнскихъ, на вихованье бакаларовъ учоныхъ, вѣчными лѣты“: доходъ съ этого ка-

---

1) Жерела VIII ч. 158.
2) Приведено у Максимовича, Собр. сочиненій I с. 376—7.
3) Вѣршѣ с. 33 і 36.

питала долженъ былъ расходоваться „на кождый рокъ на вихованье учоного майстра въ греческомъ языку бѣглого, церкви божой и дѣткамъ християнскимъ народу росийскому потребного", и ни на что другое эти доходы не должны были обращаться, кромѣ обученія [3]). Если это была вполнѣ самостоятельная идея стараго гетмана, то старый воспитанникъ „острожскихъ школъ" остался вѣренъ ея греческо-русскимъ традиціямъ до конца. Панегиристу же своему онъ далъ поводъ поставить Сагайдачнаго „каждому рыцарю" козацкаго сословія въ примѣръ того, какъ слѣдуетъ „шафовать своею маетностью":

С того гетмана кождый рыцеръ нехъ ся учитъ,
Якъ бы тыжъ мѣлъ на свѣтѣ тотъ животп свой кончитъ:
Ото онъ въ вѣрѣ своей святой трвалъ статечне,
И ойчизны своей бронилъ тыжъ менжне.
И маетностю добре своею шафовалъ,
Не на костки и карты и збытки оберталъ,
Але яка есь слышалъ, на речи добрыи,
Души его по смерти барзо потребныи.

Смерть эта была тяжелымъ ударомъ для православныхъ, вообще для Украинцевъ, имѣвшихъ всякія основанія возлагать большія надежды на ходатайства Сагайдачнаго передъ королемъ въ религіозныхъ и національныхъ украинскихъ нуждахъ, на значеніе его личности, его вліянія и заслугъ въ правительственныхъ сферахъ. Глубокою печалью вѣетъ отъ эпиграфа, поставленнаго на панегирикѣ братской школы на его „жалостный погребъ":

Не вѣсте ли, яко властелинъ великъ паде въ сій денъ въ Ізраили.

Погребеніе было въ самомъ дѣлѣ „жалобное", и эта утрата еще болѣе уменьшила шансы осуществленія королевскихъ обѣщаній 1621 г. Но очень чувствительна была она также и правительству: оставивъ стараго гетмана съ его старомодными надеждами на королевское слово при довольно печальномъ интересѣ, оно все же продолжало полагаться на его лойяльность и вліяніе среди козачества. Кн. Юрій Збаражскій, первый сенаторъ Короны, въ качествѣ украинскаго магната считавшійся спеціалистомъ по украинскимъ дѣламъ, забилъ тревогу при первомъ извѣстіи о

---

[3]) Письмо митрополита къ львовскому братству, устанавливающее порядокъ пользованія доходомъ съ этого фонда—Архивъ Ю. З. Р. III, I № 74. Этотъ фондъ существовалъ еще въ концѣ XVII в. и доходъ съ него, по 8% шелъ на vivende szkoły ruskiei, szpitala, iako i chorych w teiże szkole—Архивъ I, XII, с. 346. Тамже I—XI с. 365 кое-что о вещахъ, пожертвованныхъ братству Сагайдачнымъ.

смерти стараго гетмана: „Какъ бы нам снова не попасть въ турецкую войну! Съ козаками до сего дня не покончено, хотя времени для переговоровъ съ ними у насъ было достаточно, даже слишкомъ. Панъ Обалковскій, не отправленный своевременно съ деньгами, не могъ поспѣть во время, а тѣмъ временемъ, какъ вчера я получилъ извѣстіе—умеръ Сагайдачный, такой вѣрный и преданный в. корол. милости и Рѣчипосполитой гетманъ запорожскій: легко сообразить, насколько было легче уговариваться съ козаками при его начальствѣ. Теперь Богъ знаетъ, какого они гетмана выберутъ себѣ: очень вѣроятно, что наиболѣе своевольнаго, ибо и натура ихъ того требуетъ и дисциплина предшествующаго была для нихъ слишкомъ тяжела. Очень легко могутъ выйти вещи совсѣмъ неожиданныя. Кажется, немало ихъ прокралось къ Донцамъ и ушло съ ними на море—значитъ Турки сейчасъ будутъ сердиться. Въ Орду посолъ королевскій не отправленъ, ни Джанъ-Антонъ не отпущенъ, и этимъ царь (т. е. ханъ) очень обиженъ; есть извѣстія отъ плѣнниковъ изъ Перекопа и Бѣлгорода (Аккермана)—пишутъ родственникамъ, что и царь и калга собираются на войну, раздраженные тѣмъ, что ихъ пословъ такъ долго задерживаютъ".

Князь-референтъ по украинскимъ дѣламъ совѣтовалъ поторопиться съ высылкой чрезвычайного посольства въ Турцію, для ратификаціи трактата (въ посольство назначенъ былъ его братъ, кн. Криштофъ). Рекомендовалъ написать сейчасъ письмо визирю, что козаки, отправившіеся въ море, это Донцы, высланные Москвой, чтобы повредить Польшѣ: пусть Турки не вѣрятъ, если ихъ будутъ увѣрять, что это украинскіе, запорожскіе козаки. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ пожаловаться за набѣгъ на Украину мурзы Кантемира. Спѣшно выслать посольство къ хану и уладить козацкія отношенія. „Козакамъ обязательно изволь ваша корол. милость назначить теперь отъ себя какъ можно скорѣе гетмана—козака тамошняго запорожскаго, потому что кого-нибудь другого они не примутъ, и былъ бы онъ ни къ чему. Только трудно угадать, кого именно назначить, не зная ни его вѣрности, ни характера. Я думалъ бы такъ: пусть бы ваша кор. милость изволилъ послать письмо съ пробѣломъ, а тамъ Обалковскій, посовѣтовавшись съ тѣми, какіе вашей кор. мил. и рѣчипосполитой наиболѣе вѣрные (онъ же тамъ не разъ бывалъ между ними!), пусть бы назначилъ—лишь бы былъ человѣкъ популярный среди нихъ и заслуженный, потому что иной не имѣлъ бы на нихъ ни-

какого вліянія и не смогъ бы удержать ихъ въ повиновеніи. Только все это нужно устроить сейчасъ, скоро, такъ какъ слишкомъ непродолжителенъ этотъ удобный моментъ, и если только промедлить, дѣло будетъ потеряно“ [1]).

Правительство встревожилось и тоже засуетилось. Ускорено было отправленіе посольства въ Константинополь, а козакамъ, чтобы море ихъ не соблазняло, „приказано выйти на волость и оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока посолъ не возвратится или не получится какое-нибудь извѣстіе“ [2]). Интересы украинской шляхты были принесены въ жертву политическимъ интересамъ. Обалковскій съ деньгами былъ высланъ еще раньше. Въ догонку за нимъ (въ маѣ)была снаряжена комиссія для установленія соглашенія съ козаками; ей же поручено было заняться избраніемъ новаго гетмана, послѣ того какъ получено было извѣстіе о смерти Сагайдачнаго.

Обѣщаніями и деньгами удалось сдержать козачество въ этотъ критическій моментъ отъ морскихъ походовъ. Козацкое войско вышло изъ Запорожья на волость, чтобы заняться избраніемъ новаго гетмана и переговорами съ правительствомъ. Только небольшая партія, на пяти чайкахъ, прокралась въ море, вмѣстѣ съ Донцами вѣроятно, и за ними вдогонку посылали на Донъ, чтобы ихъ вернули назадъ [3]). Но комиссарамъ не удалось взять въ свои руки избранія гетмана. Рада для избранія была назначена на р. Русавѣ, за двѣ недѣли послѣ св. Юрія, и козаки избрали гетмана сами, не ожидая королевскаго предложенія.

Впрочемъ всетаки выборъ выпалъ для правительства благопріятно. Не смотря на то, что лойяльная политика Сагайдачнаго такъ жестоко была скомпрометирована самимъ правительствомъ, вліяніе Сагайдачнаго и его сторонниковъ было настолько еще сильно, что въ гетманы вышелъ ихъ человѣкъ—близкій къ Сагайдачному, назначенный имъ душеприказчикомъ по распоряженію его имуществомъ—Олиферъ Остаповичъ Голубъ, и онъ сколько могъ, продолжалъ политику покойнаго гетмана, то-есть по возможности избѣгалъ конфликта съ правительствомъ. Но все таки въ правительственныхъ сферахъ были недовольны этимъ выборомъ; по крайней мѣрѣ кн. Збаражскій сильно жаловался и предвѣ-

---

[1]) Listy № 27 (изъ Кракова, 8 мая н. с.).
[2]) Письмо изъ Умани, отъ 6 мая, въ библ. Замойскихъ.
[3]) Цитированное письмо отъ 3 мая, и Listy Збаражскаго.

щалъ всевозможныя бѣдствія. „Это народъ буйный, заносчивый и такъ возгордился послѣдней турецкой войной, что мало обращаетъ вниманія на всякіе приказы, а теперь тѣмъ болѣе, имѣя гетмана изъ самыхъ подонковъ[1]), устроивъ это избраніе вопреки королевскому постановленію, обидивъ свою старшину,—какъ станутъ ихъ науськивать попы, нечего и думать, чтобы они обратились къ послушанію, пока не испугаются своей собственной крови“, писалъ онъ королю[2]). А въ письмѣ къ одному изъ товарищей—сенаторовъ прибавлялъ къ этимъ грознымъ предсказаніямъ: „Я это предчувствовалъ, и писалъ королю еще при жизни Сагайдачнаго, такъ какъ зналъ, что онъ уже умираетъ, да и самъ онъ, бѣдняга, человѣкъ честный, серьозный и отважный, и къ Рѣчи-Посполитой весьма расположенный, какого козаки никогда не имѣли въ своей средѣ,—предостерегалъ, что такъ оно будетъ послѣ его смерти“[3]).

Въ концѣ концовъ гетманъ съ точки зрѣнія правительства былъ выбранъ не плохой, и пострадалъ только принципъ — что козаки не приняли гетмана изъ рукъ короля, а выбрали сами. Но козачество вообще совершенно не было расположено слушать, что ему будетъ диктовать правительство, и миссія комиссаровъ потерпѣла полнѣйшее фіаско. „Побѣдила сильная партія черни“, писалъ король на основаніи реляцій комиссаровъ, „избрала себѣ гетмана по своему вкусу, такого, что и старшинѣ ихъ не будетъ на руку“[4]). Возможно, что окончательное провозглашеніе гетмана отложено было до пріѣзда комиссаровъ, но Голубъ былъ избранъ независимо отъ ихъ воли,

О возобновленіи постановленій 1619 г. не могло быть и рѣчи. Козаки напомнили, что деньги имъ привезены прошлогоднія, а пора получить и новыя — по давнему постановленію онѣ должны раздаваться въ день св. Иліи, а эти переговоры съ комиссарами происходили въ концѣ мая ст. ст. или въ началѣ іюня. За свое отреченіе отъ морскихъ походовъ козаки добивались увеличенія платы, а также права постоя на волости и сборовъ на содержаніе (лежъ и приставствъ)—разъ Рѣчь Посполитая не пускаетъ ихъ на море и на какую нибудь другую войну не по-

---

[1]) Ex fece—изъ подонковъ, въ другомъ письмѣ (№ 34) авторъ замѣняетъ это словами z czerni.

[2]) Listy № 32. [3]) Ibid. № 34.

[4]) Жерела VIII № 159, 167.

сылаетъ. Въ противномъ случаѣ грозили уйти на Запорожье и оттуда на море, на Турокъ, ссылаясь на то, что съ покойнымъ гетманомъ (Жолкевскимъ) у нихъ было такое условіе: если деньги не приходятъ во время, то они могутъ итти на море [1] (въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ [2]), такое условіе комиссіей 1619 г. не было принято, но козачество настаивало на немъ, и комиссія 1622 г. принимаетъ за фактъ существованіе такого условія [3]). Вѣроятно, предъявляли и другія требованія — напр. много говорилось о необезпеченности раненыхъ и старыхъ козаковъ; но въ современной кореспонденціи рѣчь идетъ главнымъ образомъ объ этихъ двухъ вопросахъ: уплатѣ на св. Илію увеличеннаго жалованія и правѣ приставствъ на Украинѣ [4]). О выпискѣ и уменьшеніи войска до указаннаго предыдущими сеймами числа козаки не хотѣли и слышать.

Такой ультиматумъ козацкое войско поставило на радѣ „на полѣ подъ Кагарлыкомъ" въ послѣднихъ числахъ мая. Комиссары выпросили только отсрочку — чтобы войско подождало еще пять недѣль королевскаго отвѣта, а отъ себя пообѣщали, что плата имъ будетъ увеличена до 50 тысячъ и уплачена на св. Илію. Комиссары опирались при этомъ на письмѣ присланномъ имъ съ Обалковскимъ, что въ случаѣ надобности они могутъ прибавить козакамъ десять или даже двадцать тысячъ. А обстоятельства въ самомъ дѣлѣ были таковы, что козаки совершенно не обращали вниманія на королевскія требованія; комиссары не привели съ собой никакихъ болѣе значительныхъ силъ, войска въ распоряженіи правительства вообще не было благодаря конфедераціи. Но король не былъ расположенъ принять этого въ расчетъ: онъ не только не хотѣлъ разрѣшить приставствъ—такъ какъ эта перспектива наводила панику на украинскую шляхту,—но и на увеличеніе платы не соглашался. Жестоко упрекалъ комиссаровъ въ томъ, что они преступили свои полномочія, пообѣщавъ козакамъ прибавку жалованія, и велѣлъ имъ снова ѣхать къ козакамъ, къ тому времени, когда имъ будутъ высланы деньги (то есть на св. Илію, но конечно, съ нѣкоторымъ опозданіемъ) [5]).

---

[1]) Bo contract z p. hetmanem niebosczykiem byl taki: gdzieby na s. Jlię pieniędzy nie dano, na morze isc będzie wolno.

[2]) См. выше с. 93.

[3]) Реляція комиссаровъ въ библ. Замойскихъ.

[4]) Жерела VIII № 159, 167, 168, 170, ркп. библ. Замойскихъ ср. инструкцію на сеймики—Zbiór Нѣмцевича VI с. 332.

[5]) Это опозданіе предвидѣлъ самъ король—Жер. № 170.

Комиссары на этотъ разъ должны были выторговать у козаковъ, чтобы они отказались отъ увеличенія жалованія и разошлись, „оставивъ только три тысячи или немного болѣе“ (три или четыри тысячи — въ другомъ письмѣ). „Никогда войско, возвращаясь изъ другихъ военныхъ экспедицій, не требовало этого (расквартированія): получивъ условленную плату, разъѣзжалось по домамъ и жилищамъ своимъ, не надоѣдая коронnымъ обывателямъ; надо, чтобы и теперь сохраненъ былъ прежній порядокъ: пусть сами сообразятъ, что такая масса въ конецъ все уничтожила бы, куда бы не обратилась“, убѣждалъ король комиссаровъ. Въ томъ же духѣ, очень мягко, писалъ онъ и козацкому войску [1]). Но и самъ не возлагалъ большихъ надеждъ на успѣхъ новой комиссіи и поручилъ подскарбію приготовить все-таки, по секрету отъ самихъ комиссаровъ, эти добавочныя 10 тыс. зл., чтобы ихъ имѣлъ при себѣ довѣренный писарь на случай, еслибы комиссарамъ все таки не удалось уговорить козаковъ. А въ вопросѣ о постояхъ поручено комиссарамъ просить въ крайности козаковъ, чтобы они оставались въ послушаніи и ждали новой комиссіи „изъ великихъ и знатныхъ особъ“.

Король очевидно сознавалъ, что эта комиссія — какъ ни старался онъ привлечь къ ней значительныхъ участниковъ, не была достаточно авторитетна. Главное, нельзя было совершенно снабдить ее войскомъ. Войска не было совсѣмъ. Солдатская конфедерація все еще продолжалась, и кн. Збаражскій не ошибался, думая, что примѣръ этой солдатской конфедераціи можетъ настроить козачество еще болѣе рѣшительно [2]). „Все на конфедератовъ и лисовчиковъ ссылаются—берутъ съ нихъ примѣръ,— что имъ милліоны платятъ и сквозь пальцы смотрятъ вездѣ на ихъ разбои, и они не только припасы, но и ‚лановыя деньги‘ на волости собираютъ безъ всякой пощады, да еще и полное жалованіе получаютъ“, писали о козакахъ комиссары, и справедливо прибавляли: „трудную задачу возлагаютъ на насъ — словами опровергать то, въ чемъ они самыми фактами убѣждаются“. На пожеланіе, чтобы козаки вышли изъ волости и стали на татарскихъ шляхахъ, преграждать Ордѣ путь на Украину, козаки „отвѣтили вопросомъ — что они тамъ будутъ ѣсть, если тѣхъ трехъ или четырехъ злотыхъ, какіе получатъ на саблю, не хватитъ и на прожитье (pro victu et amictu), такъ какъ они

---

1) Жерела VIII № 170, ср. 162.   2) Listy № 32.

обносились и изголодались". „Все время спрашиваютъ, гдѣ дѣваться калѣкамъ, не могущимъ заработать себѣ на хлѣбъ на соль, или тѣмъ, кто домовъ не имѣетъ, ни копать не умѣетъ, а просить стыдится? Если имъ столько же достанется, какъ и тѣмъ, что много съ непріятелемъ не воевали, то не за что имъ будетъ и жилищемъ и усадьбою обзавестись—такъ какъ этого за нѣсколько злотыхъ не пріобрѣсти" [1]).

Приходилось всячески лавировать не доводя до разрыва, чтобы не допустить до похода на море. Итакъ вырывались небольшіе отряды на море: какъ было упомянуто, какая то небольшая экскурсія имѣла мѣсто въ маѣ (кн. Збаражскій писалъ, что ходили пять чаекъ козацкихъ и захватили турецкій корабль) [2]). Затѣмъ, въ іюлѣ французскій посолъ писалъ изъ Константинополя, что тридцать козацкихъ чаекъ появились недалеко отъ столицы, въ 15 лье, разоряли побережье Анатоліи, взяли много турецкихъ кораблей на морѣ; въ большой опасности была также Кафа. Въ Стамбулѣ былъ большой переполохъ, „ибо слухъ о четырехъ козацкихъ чайкахъ на Черномъ морѣ пугаетъ Турокъ сильнѣе, чѣмъ чума въ Мореѣ или Берберіи — такъ они перепуганы въ этомъ отношеніи", поясняетъ тотъ же посолъ [3]).

Къ тому же еще своевольныя банды изъ Браславщины и Подолья—люди старосты браславскаго и каменецкаго произвели набѣгъ на окрестности Бѣлгорода и разграбили молдавскія земли. Мирза Кантеміръ отвѣтилъ на это походомъ на Покутье [4]). Все это чрезвычайно запутывало отношенія съ Турціей, и безъ того неясныя вслѣдствіе перемѣны на султанскомъ тронѣ: Османъ погибъ въ маѣ отъ войсковой революціи, и на тронъ вступилъ новый султанъ Мустафа. А тутъ какъ разъ собирался въ Турцію этотъ „великій посолъ", кн. Кр. Збаражскій, для заключенія трактата.

Въ виду этого комиссія прежде всего должна была озаботиться прекращеніемъ морскихъ походовъ. Комиссары рѣшительно отказались отъ королевскаго порученія—ѣхать на козацкую раду на св. Илію и уговаривать козаковъ согласиться на прежнюю

---

[1]) Рукоп. библ. Замойскихъ.
[2]) Listy № 28 (письмо отъ 8/VI н. с. изъ Кракова).
[3]) Hist. Russ. mon. II с. 420 — 1, ср. реляціи англійскаго посла Zbiór V с. 427—8.
[4]) Listy Zbaraskiego № 28. Жерела VIII № 163—5.

плату (40 тыс. злотыхъ): отвѣтили короли, что это не только имъ самимъ „смертью пахнетъ“,—а хотя, конечно, имъ „сладка смерть за отчизну“, они все таки считаютъ за лучшее сохранить себя для дальнѣйшей службы королю и Рѣчипосполитой,— но кромѣ того такой шагъ скомпрометировалъ бы въ глазахъ козаковъ и короля и государство, навлекъ бы всяческія бѣдствія на Украину (въ видѣ козацкихъ лежъ) и турецкую грозу на рѣчь посполитую—въ результатѣ походовъ на море. „Трудно и толковать даже съ болѣе разсудительной старшиной, а что будетъ, если нахлынетъ безыменная чернь — тамъ разума и Духа Святаго и не спрашивай“. Войско козацкое и такъ, не разсчитывая на своевременную присылку денегъ, назначило было походъ черезъ недѣлю послѣ св. Иліи, и приказало готовить припасы, а для полученія платы оставляло своихъ делегатовъ. Новой комиссіи, задуманной королемъ, ждать не хотятъ — говорятъ, что на Запорожьи будутъ вести съ ней переговоры [1]).

Въ концѣ концовъ новая комиссія вынуждена была уплатить войску прибавку, 10 тыс., а за то Запорожцы обѣщали, что пока не будутъ закончены переговоры съ Турками — не будетъ обезпеченъ миръ и посолъ изъ Константинополя не возвратится, они не будутъ ходить на море. Вопросъ о лежахъ и приставствахъ остался открытымъ: прибавку къ платѣ войско считало только компенсаціей за то, чтобы не итти на море. Пообѣщало, что на волости людямъ надоѣдать не будутъ, пойдутъ на Запорожье, на свои обычныя мѣста и „тамъ, въ степи будутъ заботиться о своемъ пропитаніи“. Такъ написали и королю. Но о выпискѣ и уменьшеніи войска и о прочихъ постановленіяхъ и слышать не хотѣли. Говорили, что войска будетъ еще больше, до ста тысячъ, и если имъ не найдется на весну другой службы, то они все таки пойдутъ на море. Объ уничтоженіи лодокъ, значитъ, нечего было и говорить [2]).

---

[1]) Рукоп. библ. Замойскихъ (іюльскія реляціи комиссаровъ).

[2]) Жерела VIII № 172. Zbiór pamiętników VI с. 331. Реляція въ библ. Замойскихъ. Король серіозно задумывался надъ тѣмъ, куда бы направить козачество, но не было куда: въ Литвѣ козаковъ не хотѣли, „со Шведами въ августѣ былъ заключено на годъ перемиріе, съ Москвой отношенія также улаживались (Жерела VIII № 159). Хотѣлъ обратить козаковъ противъ Кантемира (№ 157), но вѣроятно, козаки не полакомились на это предпріятіе. Ложный слухъ о походѣ Олифера съ 15 тыс. козаковъ подъ Бѣлгородъ въ письмѣ Кр. Збаражскаго, Публ. библ. Разн. F. IV № 67 с. 273.

Такое козацкое „самомнѣніе“ очень сердило правительственныя сферы и развивало убѣжденіе, что нужно возможно скорѣе устроить козачеству новую кровавую баню. Эту мысль напр. не перестаетъ на всѣ лады повторять въ своихъ письмахъ и рѣчахъ кн. Збаражскій. Но пока, скрѣпя сердце, приходилось уступать, отложивъ расплату до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Въ этихъ переговорахъ, или собственно ихъ отраженіяхъ въ королевской перепискѣ, такъ какъ декларацій козацкихъ ни отъ первой (майской), ни отъ второй (августовской) коммиссіи, ни содержанія ихъ петицій, высланныхъ послѣ второй комиссіи къ королю съ козацкимъ посольствомъ (въ концѣ августа с. с.) мы не имѣемъ и можемъ судить о нихъ только по этимъ отголоскамъ въ правительственныхъ сферахъ,— выступаютъ все желудочные вопросы козачества: вопросъ о прибавкѣ жалованья, о правѣ приставствъ и лежъ. Если здѣсь нѣтъ односторонности самыхъ рефлексій (правительство могло напр. спеціально интересоваться только „реальными“ вопросами, игнорируя прочую „идеологію“), то такое спеціальное вниманіе къ нимъ козачества можно бы пояснить двумя причинами. Во первыхъ перевѣсъ взяла чернь, козацкая масса, отодвинувъ старшину на второй планъ (этотъ мотивъ о перевѣсѣ черни надъ старшиной постоянно повторяется въ правительственныхъ сферахъ во второй половинѣ 1622 г.) [1]), а масса могла дѣйствительно интересоваться вопросами пропитанія больше, чѣмъ національными интересами. Во вторыхъ, вопросы церковно-національные король вѣроятно, съ самаго начала со всею рѣшительностью отложилъ на сеймъ—что тамъ ихъ нужно будетъ разрѣшить, и козачеству и всѣмъ заинтересованнымъ приходилось ожидать сейма по этимъ вопросамъ.

Сеймъ былъ назначенъ въ началѣ 1623 г. и въ украинскихъ кругахъ задолго началась агитація и приготовленія къ соотвѣтствующимъ выступленіямъ на сеймѣ. Руководилъ этимъ митрополитъ Іовъ, послѣ смерти Сагайдачнаго ставшій главою религіозно-національнаго украинскаго движенія, единымъ и безраздѣльнымъ. Новый гетманъ не имѣлъ соотвѣтственнаго авторитета и стоялъ на второмъ планѣ, но старый дидаскалъ львовскій съ достоинствомъ держался на митрополичьемъ престолѣ „второго

[1]) Кромѣ цитированнаго уже см. еще рѣчь Збаражскаго— Listy. с. 70.

Іерусалима“ и опираясь на сочувствіе козацкой старшины, смѣло принялъ на себя роль духовнаго вождя Украины.

г Выше было упомянуто его окружное посланіе конца 1621 ., гдѣ онъ призывалъ православныхъ держаться своихъ правос- вавныхъ владыкъ и ни въ чемъ не уступать уніатской іерархіи [1]). Въ концѣ 1622 года онъ напечаталъ меморіалъ, назначенный для правительственныхъ сферъ п. з. Iustificatia. Меморіалъ адресованъ королю и носитъ подпись: „Іовъ Борецкій, митрополитъ со всѣми епископами низко челомъ бьетъ“. Записка эта написана, конечно, по польски, главнымъ образомъ повторяетъ мысли и аргументы прежней „Протестаціи“, только въ формѣ болѣе сдержанной. Подробно выясняетъ лойяльность украинскаго народа; защищаетъ его отъ подозрѣній и обвиненій въ шпіонствѣ и мятежѣ, брошенныхъ въ послѣднее время на украинское общество, духовенство и патр. Ѳеофана. Оправдываетъ посвященіе епископовъ; увѣряетъ, что они не искали никакихъ личныхъ выгодъ, и охотно откажутся отъ своихъ правъ на епархіи, если король захочетъ осуществить свое право презентаціи и назначитъ на эти епископства лицъ православныхъ: Ѳеофаново посвященіе было вынуждено необходимостью, такъ какъ король пересталъ презентовать епископовъ патріарху [2]).

Эта печатная записка должна была замѣнить личныя оправданія митрополита и епископовъ передъ королемъ. Митрополитъ упоминаетъ о желаніи короля, высказанномъ въ прошломъ году Курцевичу—чтобы епископы лично явились къ нему. Онъ признаетъ, что ему съ арх. Смотрицкимъ дѣйствительно слѣдовало бы явиться къ королю, поблагодарить за милость, за присланныя охранныя грамоты („глейты“)—„но и убожество наше и крайняя слабость моего здоровья не дали къ тому возможности“. Очевидно митрополитъ и архіепископъ считали за лучшее основаться въ своихъ резиденціяхъ, чѣмъ отдаваться на милость королевскую, хотя бы и подъ покровительствомъ охранныхъ грамотъ.

Одновременно съ адресованной королю епископской „юстификаціей“ была приготовлена и отпечатана, также по польски „Суппликація къ сенату Короны и в. кн. Литовскаго отъ обы-

---

1) См. выше с. 219

2) Записка переиздана въ Архивѣ Ю. З. Р. I. VII (заглавная страница этой брошюры не сохранилась).

вателей коронныхъ и в. кн. Литовскаго, шляхетскаго сословія, религіи старинной греческой, послушанія восточнаго [1]). Она служила дополненіемъ къ запискѣ епископовъ. Написанная сильно, мѣстами даже рѣзко, безъ смиренной (впрочемъ тоже не унижавшей своего достоинства) покорности „Юстификаціи", она впадала въ тонъ козацкаго меморіала 1621 г. или сеймовой рѣчи Древинскаго [2]). Смѣло вскрывая противозаконныя нарушенія правительствомъ правъ, гарантированныхъ православнымъ, она рѣзко нападала на руководителей этихъ притѣсненій и безаконній, уніатскихъ епископовъ—„этихъ Пакостъ, Шишекъ, Стецекъ, Душехватовъ, Палисвѣтовъ, Почаповскихъ и Рутскихъ, изображающихъ въ данную минуту русскихъ епископовъ" [3]).

Она характеризуетъ эти тенденціи, какъ стремленіе къ тому, чтобы на „Руси не было Руси". „Стараться измѣнить вѣру русскую значитъ стремиться уничтожить русскій народъ, а стремиться уничтожить русскій народъ не значитъ ли замышлять уничтоженіе значительной части самого отечества" [4]), замѣчаетъ она, и поясняетъ, что—„восточная вѣра не можетъ быть уничтожена иначе какъ съ уничтоженіемъ народа русскаго". Давъ нѣсколько примѣровъ этихъ обидъ и притѣсненій, претерпѣваемыхъ православными, и безконечный перечень городовъ и мѣстечекъ, гдѣ православные „устранены отъ должностей лавицы городской ратушной, ремесленники изъ цеховъ вытѣснены, лишены церквей, предками ихъ той же вѣры изъ камня и дерева построенныхъ, а при томъ терпятъ невыносимыя издѣвательства, тюремныя заключенія, банниціи, устраненіе отъ должностей, наказанія, секвестры и т. п." [5]),—меморіалъ переноситъ вопросъ на политическую почву, въ духѣ сеймовой рѣчи Древинскаго: „унія нашихъ отступниковъ (церковная) очевиднымъ образомъ

---

[1]) Supplicatia do przeoswieconego i iasnie wielmožnego przezacney korony Polskiey i w x.. Litewskiego oboiego stanu duchownego i swieckiego senatu—перепечатана въ сборникѣ „Документы объясняющіе исторію западно-русскаго края, 1865 г. Брошюра датирована 1623 г., безъ означенія мѣста печатанія.

[2]) Нѣкоторое сходство въ идеяхъ и мотивахъ подсказываетъ предположеніе, что Древинскій могъ быть авторомъ этой брошюры.

[3]) См. 294.

[4]) Противъ этого церковно-національнаго credo въ оригиналѣ помѣщена указующая рука, подчеркивающая особую важность этого положенія. [5]) См. 292.

колеблетъ, разрываетъ, уничтожаетъ унію русскаго народа съ польскимъ королевствомъ" (связь политическую). „Народъ русскій, долженствующій служить для королевства не преодолимой стѣной отъ враговъ, наполняетъ уши своимъ плачемъ и жалобами въ городахъ и мѣстечкахъ, а наконецъ и въ селахъ королевскихъ, и едва уже Низъ и Украина могутъ вмѣстить людей, вытѣсненныхъ изъ домовъ и имѣній своихъ, благодаря уніи" [1]). „Пока еще стоитъ въ неприкосновенности политическая унія, обезпечивающая цѣлость отчизны, свободу, права и вольности всѣмъ тремъ народамъ—надо выбросить это яблоко раздора, эту фальшивую унію церковную [2]). Выбросить совсѣмъ, а не стараться уладить дѣло какими либо компромиссами. Потому что, оканчиваетъ авторъ —„русскій народъ не удовлетворится разсѣченіемъ ребенка на двѣ половины (мать не позволитъ этого!), т. е. не раздѣломъ епископій и раздваиваніемъ митрополіи,—ибо это значило бы не успокоить насъ, народъ русскій, въ религіи и оставить насъ при нашихъ правахъ, а обезпокоить и подавить въ безправіи [3]).

Эта записка украинской шляхты давала тонъ православнымъ участникамъ сейма. Среди нихъ былъ снова и самъ Древинскій, въ качествѣ волынскаго депутата, и инструкція волынской шляхты поручила своимъ депутатамъ добиваться обезпеченія религіозной свободы диссидентамъ и полнаго удовлетворенія греческой религіи [4]). Особенное вниманіе было обращено на Запорожское войско. Митр. Рутскій пишетъ, что передъ сеймомъ состоялось большое собраніе козаковъ „на кіевскихъ поляхъ", и тамъ рѣшено было добиваться полной отмѣны уніи во всемъ государствѣ, а еслибъ это было невозможно, то по крайней мѣрѣ чтобы уніатскіе епископы были устранены съ ихъ должностей, помѣстья отъ нихъ отобраны и отданы православнымъ [5]). Въ козацкой петиціи, высланной на сеймъ и повторявшей въ основныхъ чертахъ хотинскую петицію,—такъ какъ король по этимъ вопросамъ самъ отослалъ войско къ сейму, церковный вопросъ былъ выдвинутъ теперь на первый планъ. Въ первомъ пунктѣ козацкимъ посламъ поручалось просить, чтобы его милость ко-

---

[1]) Интересно сравнить это одностороннее представленіе о религіозной борьбѣ, какъ причинѣ всѣхъ бѣдъ у публициста 1-ой пол. XVII в. съ аналогичными взглядами историковъ XIX в.

[2]) См. 302, 304. [3]) С. 310. [4]) Архивъ Ю. З. Р. П. I. с. 134.

[5]) Письмо отъ 24 февр. 1623, напечатанное у Гепена II с. 551, ср. реляцію Рутскаго у Гарасевича с. 260.

роль, согласно своему обѣщанію, положилъ конецъ религіозной борьбѣ въ Коронѣ и въ в. кн. Литовскомъ, изволивъ приказать основательно удовлетворить старинную греческую религію, устранить уніатовъ отъ церквей и помѣстій, а епископамъ, посвященнымъ іерусалимскимъ патріархомъ предоставить церкви и помѣстья, издавна принадлежавшія имъ, и отмѣнить изданные противъ нихъ универсалы. Кромѣ этого, въ петицію включенъ еще пунктъ относительно кіевскаго братства, къ которому принадлежало войско: „просятъ привилегій для братства при церкви Богородицы въ Кіевѣ и для школы, основанной для наукъ и обученія различнымъ языкамъ".

Изъ другихъ дополненій этой петиціи по сравненію съ хотинской, укажемъ еще требованіе подтвержденія козацкой юрисдикціи и смѣшаннаго суда въ процессахъ съ мѣщанами, права наслѣдованія безъ отумерщины—поводъ къ этому подали, вѣроятно, грамоты, испрошенныя королевскимъ секретаремъ Еловицкимъ на выморочныя козацкія имѣнія. Просили также возмѣщенія потери, понесенной при полученіи жалованія вслѣдствіе разницы въ курсѣ [1]).

Какъ иллюстрація религіозныхъ притѣсненій, вызвавшихъ требованіе полнаго уничтоженія уніи для успокоенія греческой религіи, сейму предложенъ былъ,—вѣроятно, тѣми же козацкими делегатами—реестръ противозаконныхъ поступковъ и несправедливостей, какія пришлось въ послѣднее время претерпѣть православнымъ [2]). На первомъ планѣ, какъ во всѣхъ тогдашнихъ жалобахъ, фигурируютъ притѣсненія и несправедливости, причиненныя православнымъ въ Вильнѣ и въ епархіи фанатическаго владыки полоцкаго. Затѣмъ слѣдуютъ украинскіе города. Во Львовѣ Русины устранены изо всѣхъ цеховъ; магистратъ не позволяетъ звонить въ церквяхъ въ колокола, ходить съ тайнами къ

---

[1]) Петиція въ полномъ текстѣ не извѣстна, имѣется только содержащееся въ сеймовыхъ дневникахъ содержаніе (нѣсколько копій этого дневника въ рукоп. Публ. библ.—Пол. IV F. № 29, № 76, № 96 и поздн. копія № 174). Первый обратилъ вниманіе на нее Костомаровъ, но ошибочно отнесъ ее къ сейму 1625 г. (Б. Хмѣльницкій I[4] с. 74). Истинную дату указалъ Жуковичъ IV с. 25.

[2]) Obrazy ktore sobie pretenduią mieć w religii greckiey—въ сеймовыхъ дневникахъ (тамже) они слѣдуютъ непосредственно за козацкой петиціей и потому изслѣдователи считали ихъ поданными козаками. Это вполнѣ правдоподобно.

больнымъ, сопровождать съ процессіею похороны въ городѣ и отправлять публично прочіе обряды. Въ Перемышлѣ Крупецкій уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ заперъ всѣ церкви; невинныхъ мѣщанъ томилъ полгода въ смрадной темницѣ, подвергалъ пыткамъ и нѣсколькихъ замучилъ на смерть. Въ Соли томили заключеніемъ игумена добромильскаго. Въ Ярославѣ по требованію апостата Крупецкаго отобрали у православныхъ церковь; Русь сажаютъ въ тюрьму и мучатъ изъ-за уніи. Въ Бужскѣ, Белзѣ, Сокалѣ и Красноставѣ холмскій апостатъ Пакоста забралъ всѣ церкви и мучитъ священниковъ. Въ Кременцѣ, Берестьи, Кобринѣ и другихъ городахъ владимірской епархіи апостатъ Мороховскій отнялъ церкви, томитъ священниковъ и людей. Въ Луцкѣ, Ровно и другихъ городахъ луцкой епархіи апостатъ Почаповскій отобралъ церкви; священ. Ивана Немильскаго схватили изъ-за уніи и въ кандалахъ привезли въ Замостье. Въ Пинскѣ и по всей пинской епархіи апостатъ Сахновскій захватилъ церкви и мучилъ людей. Кіевскій апостатъ Рутскій учинилъ много беззаконій и издѣвательствъ надъ людьми старой греческой вѣры и привелъ до полнаго упадка кіевскую церковь (св. Софіи).

Всѣ эти приготовленія православныхъ заранѣе тревожили католическіе, а главнымъ образомъ уніатскіе круги. Особенно безпокоило ихъ враждебное настроеніе по отношенію къ уніи (въ виду политическихъ затрудненій ею вызываемыхъ), проявлявшееся въ польскихъ политическихъ кругахъ уже на предыдущихъ сеймахъ и все усиливавшееся въ послѣднее время. Свое выраженіе оно нашло въ извѣстномъ письмѣ старѣйшаго сенатора в. кн. Литовскаго Льва Сапѣги къ архіеписк. Кунцевичу, написанномъ дѣйствительно въ очень раздраженномъ и рѣзкомъ тонѣ [1]). Уніатскіе владыки и особенно митрополитъ Рутскій въ чрезвычайно мрачныхъ краскахъ рисовали свое положеніе и передъ королемъ и передъ папской куріей, желая понудить послѣднюю употребить свое вліяніе на польское правительство. Папа нарочно выслалъ

---

[1]) Его опубликовалъ Туманскій въ русскомъ переводѣ въ 1793 г. (Россійскій магазинъ ч. II, кн. 6), а широкую популярность сообщилъ Бантышъ-Каменскій, приведя выдержки изъ него въ своемъ трудѣ объ уніи—отсюда онѣ были переведены снова на польскій языкъ. Оригинальный польскій текстъ издалъ Шимanскій въ 1862 г. (Przegląd Poznański), оттуда у Ликовскаго Historya Unii 1875, доб. 3. Другой, болѣе исправный текстъ въ рукоп. петер. академіи наукъ въ коллекціи П. Доброхотова.

нунція въ концѣ 1622 г. для присутствованія на сеймѣ, и всячески убѣждалъ его поторопиться, чтобы захватить еще сеймъ и своимъ вліяніемъ помочь отстоять унію [1]) Писалъ также непосредственно королю и примасу, прося оказать митрополиту и уніи покровительство и защиту противъ враговъ, на которыхъ такъ горько жаловались уніаты [2]).

Со своей стороны они постарались настроить правительственные круги противъ тѣхъ насилій, какія приходится терпѣть уніатамъ отъ православныхъ и козаковъ. Особенно раздутъ былъ случай, происшедшій въ томъ году въ Кіевѣ: на Рождество Богородицы козаки поймали четырехъ уніатскихъ монаховъ, служившихъ въ соборѣ св. Софіи, отвезли въ Терехтемировъ и держали тамъ. Митр. Рутскій изъ-за этого поднялъ большой шумъ. Король и разные сановники писали козакамъ, требуя освобожденія этихъ монаховъ и даже обѣщая взамѣнъ исполнить на сеймѣ всякія козацкія желанія. Митр. Іовъ съ своей стороны постарался, чтобы эти монахи были выпущены (однако козаки обязали ихъ, чтобы они впредь не смѣли оставаться ни въ Кіевѣ, ни въ Кіевщинѣ, и чтобы въ Кіевѣ никто явно не отправлялъ уніатскихъ обрядовъ). Теперь этотъ эпизодъ былъ использованъ вмѣстѣ съ другими болѣе давними случаями, чтобы обвиненіе въ насиліяхъ и притѣсненіяхъ перенести съ уніатской іерархіи на православныхъ [3]).

Вообще предвидѣлась рѣшительная схватка уніи съ православіемъ, и съ обѣихъ сторонъ владыки прибыли въ Варшаву, чтобы быть на мѣстѣ. „Со всѣхъ мѣстъ пріѣхали предводители схизматиковъ, духовные и свѣтскіе“—писалъ съ сейма Рутскій.

Главное значеніе опять таки придавали козакамъ. Но на благодарность за ихъ заслуги разсчитывать было трудно послѣ того, какъ король отнесся такъ холодно къ козакамъ послѣ хотинской кампаніи. Королевская инструкція не оставляла никакихъ иллюзій въ этомъ отношеніи: она трактовала козаковъ не какъ спа-

---

[1]) Relacye nunciuszów II с. с. 167, ср. характеристику тогдашнихъ обстоятельствъ тамже с. 164—5 и позднѣйшую (писанную уже послѣ сейма) реляцію Рутскаго у Гарасевича с. 258 и сл.

[2]) Theiner Monumenta Poloniae III ч. 298, 301.

[3]) Объ этомъ эпизодѣ въ письмѣ Рутскаго (Guépin l. c.) и въ позднѣйшей реляціи 1628 г. (напечатана въ Rocznik towarz. hist-liter. w Paryżu, 1868 с. 54). Supplementum Synopsis—Архивъ Ю. З. Р. I. VII с. 588.

сителей польскаго отечества, а какъ опаснаго врага спокойствія и мира, — просила подумать не надъ способами вознагражденія за козацкія заслуги, а надъ способомъ усмиренія этого опаснаго элемента [1]).

И дѣйствительно, на сеймѣ ни разу не зазвучала нота благодарности за козацкія заслуги—начиная съ вступительной рѣчи маршалка Як. Собѣсскаго [2]), участника хотинской компаніи. Въ своихъ запискахъ о хотинской войнѣ онъ такъ высоко ставитъ заслуги и доблести козаковъ, но въ этой вступительной рѣчи, восхваляя польскій тріумфъ надъ Османомъ, и словомъ не упомянулъ о заслугахъ козацкихъ, — зато не пропустилъ козацкой опасности. И вопросъ объ усмиреніи козачества, охранѣ отъ козаковъ спокойствія и порядка государства поднимался безпрестанно. Съ своей стороны козаки, потерявъ надежду на благодарность польскихъ хозяевъ государства — грозили. Грозили уже зимой 1621/2 г. послѣ перваго отказа въ ихъ требованіяхъ. И съ новой силой грозили теперь.

„Королю, сенату и посламъ земскимъ козаки, присланные въ посольствѣ на сеймъ, заявляли, что если не будутъ исполнены ихъ требованія, то они поднимутъ возстаніе и причинятъ государству большую бѣду. Присланы на сеймъ письма бискупа кіевскаго, что они уже выбрали 100 полковниковъ и 100 тыс. козаковъ вписали въ войско—число страшное для государства; это подтверждаетъ и мой Саковскій“ — писалъ съ сейма Рутскій. Какъ человѣкъ, интересующійся церковными дѣлами, онъ подъ козацкими требованіями подразумѣваетъ только церковныя—чтобы уніаты были лишены должностей и послѣднія были переданы православнымъ. Но между козацкими требованіями были и другія, чрезвычайно важныя для козаковъ. Увеличеніе жалованія (и заключавшееся въ этомъ требованіи увеличеніе „законнаго“ контингента войска), исключеніе изъ Кіевскаго воеводства солдатскихъ квартиръ и фактическое превращеніе его въ козацкую территорію (право козаковъ жить здѣсь повсемѣстно и повсюду пользоваться своими правами и юрисдикціею)—вотъ что содержалось въ нихъ.

Король Жигимонтъ въ своемъ ультрамонтантскомъ упорствѣ былъ, однако, недоступенъ никакимъ мольбамъ, ни угрозамъ, ни напоминаніямъ объ его обѣщаніяхъ, когда дѣло касалось интере-

---

[1]) Zbiór pamiętników VI с. 351—3 (Жерела VIII ч. 172).

[2]) Напечатана тамже с. 385 и сл.; см. с. 388.

совъ святой католической вѣры. Тѣмъ болѣе, что въ данный моментъ козацкія угрозы не были такъ страшны, какъ могли быть въ другое время. На политическомъ горизонтѣ было спокойно, польское правительство не нуждалось въ козацкой службѣ и не особенно боялось козацкаго возстанія, имѣя свободныя руки и надѣясь послѣ сейма покончить съ солдатской конфедераціей и имѣть свободное войско въ своемъ распоряженіи. То обстоятельство, что козаки вмѣшивались въ его церковную политику, хотѣли оказывать давленіе въ этой сферѣ своими военными силами, должно было только непріязненно настраивать короля вообще по отношенію къ козацкимъ требованіямъ.

Но сенатъ и посольская палата не были такъ односторонне настроены по отношенію къ католическимъ интересамъ и не могли такъ стоически выслушивать козацкія угрозы и предостереженія шляхетскихъ православныхъ депутатовъ относительно того, что данный курсъ церковной политики можетъ привести къ домашней войнѣ.

„Козацкіе депутаты сильно взялись за земскихъ пословъ, представляя имъ различныя опасности, могущія произойти въ случаѣ, если не будутъ исполнены ихъ просьбы“ [1]), и шляхта не была глуха къ ихъ словамъ, въ особенности послы южныхъ воеводствъ, которыя могли сдѣлаться ареной козацкой жакеріи, или быть отданными „на зарѣзъ“ Татарамъ. Въ „экзорбитанціяхъ“ (реестрахъ замѣченныхъ безпорядковъ), предложенныхъ королю посольской палатой, рядомъ съ неособенно пріятнымъ для козаковъ вопросомъ — „почему козаки не приведены въ порядокъ согласно съ конституціею 1619 г. о наемномъ войскѣ“, былъ поставленъ также и такой запросъ: „почему нарушаются права людей греческой вѣры, противъ конституціи 1607 и 1620 г. о греческой вѣрѣ?“ [2]).

Запросъ этотъ заключалъ упрекъ королю, что онъ не назначалъ на православныя бенефиціи православныхъ кандидатовъ. Но король, воспользовавшись не совсѣмъ удачной стилизаціей, отвѣтилъ на этотъ вопросъ „хитро“, какъ выражается Рутскій. Людямъ греческой вѣры не чинится никакой несправедливости отъ короля, гласилъ этотъ отвѣтъ; король не приказываетъ ни-

---

[1]) Рутскій (Guépin II с. 533).

[2]) Болѣе краткій текстъ экзорбитанцій изданъ у Нѣмцевича VI, см. с. 424, пространный въ упомянутыхъ дневникахъ. Публ. библ. (№ 29 л. 16, № 76 л. 24, № 96 л. 15).

кого принуждать или приневоливать къ уніи, ни ограничивать кого-нибудь въ правахъ или притѣснять изъ-за религіи; согласно съ законами и старыми обычаями онъ раздаетъ духовныя бенефиціи людямъ шляхетскаго званія греческой вѣры.

„Наоборотъ, вопреки этимъ законамъ, давней практикѣ и обычаямъ безразсудные люди [1]) плебейскаго званія—Борецкій и Смотрицкій и прочіе отважились безъ назначенія и вѣдома короля принять посвященіе на митрополію и епископства при живыхъ епископахъ отъ подозрительнаго чужестранца, турецкаго подданнаго, не имѣвшаго въ здѣшнихъ краяхъ никакой юрисдикціи и для того, очевидно только и посланнаго, чтобы бунтовать королевскихъ подданныхъ во время турецкой войны. Это crimen laesae maiestatis, оскорбленіе достоинства и власти королевской, данной ему Богомъ, ибо никто въ королевскомъ государствѣ не можетъ быть архіепископомъ, епископомъ, митрополитомъ, владыкою иначе какъ назначенный и предложенный королемъ. А къ тому еще изъ-за нихъ происходятъ большіе эксцессы и безпорядки. Въ Кіевѣ четырехъ монаховъ, взявъ силой отъ алтаря, заключили въ тюрьму, мучили и только недавно выпустили; нѣсколько лѣтъ тому назадъ схватили и утопили кіевскаго оффиціала, замѣстителя митрополита. Въ Минскѣ и другихъ городахъ силой отбираютъ церкви королевскаго пожалованія, бьютъ и убиваютъ священниковъ, монаховъ и другія крайнія насилія чинятъ. „Такимъ образомъ именно жалобщики нарушаютъ законы и права королевской власти, а отъ короля и уніатовъ никакого нарушенія ихъ правъ не происходитъ, и никакой вины указать они не могутъ“.

Былъ это, какъ видимъ, отвѣтъ просто несравненный по своей беззастѣнчивости, принимая во вниманіе все происшедшее. Легко понять энтузіазмъ Рутскаго, когда ему заранѣе сообщили набросокъ отвѣта: „Дай Боже, многія лѣты найяснѣйшему! чуть ли не одинъ борется онъ за насъ“ [2]). Но настроеніе посольской палаты и сената было таково, что такимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ нельзя было ограничиться и въ концѣ своего отвѣта король прибавляетъ кое что:

„Король его м. желаетъ, чтобы для устраненія этихъ пререканій между людьми греческой вѣры, духовныя особы съ объ-

[1]) Ludzie lekcy, ошибочно въ копіи № 174 lekkiey (plebeiae conditionis). [2]) У Гепена II с. 552.

ихъ сторонъ назначили время и мѣсто и собравшись тамъ по взаимному соглашенію безъ лишняго количества свѣтскихъ людей (непричастныхъ этимъ дѣламъ) въ присутствіи назначенныхъ для этого королевскихъ комиссаровъ, обсудили и обмѣнялись мыслями объ установленіи взаимнаго прочнаго согласія. А еслибы не могли прійти къ соглашенію, то на будущее время съ обѣихъ сторонъ долженъ былъ бы сохраняемъ миръ, согласно съ постановленіями 1607, 1609 и 1620 г. и одна сторона не должна чинить другой никакихъ правонарушеній и несправедливостей" [1]).

Такой проэктъ не могъ нисколько понравиться православной сторонѣ, такъ какъ послѣдней желательно было не установленіе какого-нибудь компромисса съ уніей, а полная отмѣна уніи. Но король хотѣлъ засвидѣтельствовать передъ сенаторскими и посольскими сферами свое желаніе что-нибудь сдѣлать для успокоенія этой религіозной борьбы, уже успѣвшей имъ надоѣсть. А притомъ могъ быть увѣренъ, что отъ предложенныхъ имъ совѣщаній православныхъ съ уніатами, безъ участія свѣтскихъ круговъ, но при участіи и подъ контролемъ королевскихъ комиссаровъ, уніи никакого ущерба не можетъ произойти.

Дѣйствительно посольская палата и сенатъ уже слишкомъ наслушались этихъ „преслѣдованій греческой религіи", и хотѣли какъ-нибудь успокоить эти жалобы. Рутскій въ цитированныхъ письмахъ говоритъ, что изъ сената никто не выступалъ въ защиту уніи, король самъ выносилъ ее на своихъ плечахъ, а настроеніе земскихъ пословъ было настолько ненадежно, „что пришлось ходить къ земскимъ посламъ и выяснять имъ наше дѣло, чего до сихъ поръ мы никогда не дѣлали". Но отъ такого настроенія (все таки, вѣроятно, слишкомъ пессимистически представленнаго Рутскимъ) далеко было до опредѣленнаго сочувствія православнымъ. Хотѣли только обязательно какого-нибудь выхода изъ этого непріятнаго положенія, какого-нибудь компромисса, modus vivendi.

На королевскій отвѣтъ по религіозному вопросу посольская палата заявила, что послы „ждутъ и просятъ покорно удовлетворенія греческой вѣры основательнаго и дѣйствительнаго съ обѣихъ сторонъ", — для этого они уже назначили изъ своего круга депутатовъ къ панамъ сенаторамъ [2]). Не желая отклады-

---

[1]) Ркп. № 29 л. 18—9 и др.
[2]) Ркп. № 29 л. 22 об. и проч.

вать компромисса до обѣщаннаго королемъ духовнаго собора, палата хотѣла сейчасъ собственными средствами попытаться достигнуть соглашенія. Король не противился этому, и такъ при окончаніи сейма составлена была комиссія изъ девяти депутатовъ посольской палаты и пяти назначенныхъ королемъ сенаторовъ, подъ предсѣдательствомъ примаса Гембицкаго. Она пригласила на совѣщаніе епископовъ—уніатскихъ и православныхъ. Но православные, конечно, приняли этотъ экспериментъ достаточно холодно и дѣйствительно изъ этой сеймовой комиссіи не вышло ничего.

Православные представили свои аргументы, выяснили свои права и претензіи, уніаты на это отвѣтили своимъ объясненіемъ, и этимъ дѣло кончилось. Комиссія въ концѣ концовъ ничего иного не придумала, какъ со своей стороны повторить предложеніе созвать соборъ. Православные епископы заявили на это, что соборъ собственно не нуженъ, такъ какъ никакихъ религіозныхъ споровъ не можетъ быть, притомъ же соборъ долженъ былъ бы состояться подъ предсѣдательствомъ константинопольскаго патріарха [1]). Съ точки зрѣнія православныхъ это было логично, но сейму не могло показаться ничѣмъ инымъ какъ непріятнымъ упрямствомъ. По его убѣжденію, необходимъ былъ компромиссъ, а компромиссъ не могъ быть достигнутъ безъ обоюдныхъ уступокъ.

Въ концѣ концовъ сеймъ по религіозному вопросу ограничился временнымъ постановленіемъ: всѣ приговоры и процессы по религіознымъ дѣламъ отмѣнилъ, провозгласилъ религіозный миръ, и рѣшеніе религіознаго вопроса отложилъ до будущаго сейма „изъ-за иныхъ государственныхъ дѣлъ“ (какъ разъ теперь именно ихъ не было) [2]).

Такъ отдѣлалось польское общество отъ національнаго вопроса — заключавшагося въ этой религіозной оболочкѣ. Еще болѣе отрицательно отнеслось оно къ требованіямъ спеціально козацкимъ. Ростъ козацкихъ силъ и претензій грозилъ господству шляхетскаго народа. Вмѣшательство козаковъ въ церковныя отношенія и ихъ угрозы оставили очень непріятное впечатлѣніе не только у короля, но и у сейма. Сеніоръ сената кн. Збаражскій

---

[1]) Ркп. № 29 л. 23 об., № 76 л. 60 об., № 96 с. 35—6. Реляція Рутскаго у Гарасевича с. 252—3 и письмо l. c.

[2]) Volumina legum III с. 217.

въ своей рѣчи указалъ на необходимость уладить козацкій вопросъ „не только въ виду опасности турецкой войны, тяжелѣе которой нѣтъ ничего на свѣтѣ, но и въ виду нашей собственной домашней опасности и неволи, которую терпимъ отъ своихъ собственныхъ хлоповъ, и грозитъ намъ съ этой стороны буря, благодаря религіозному вопросу и крайнему самомнѣнію этихъ людей“. И въ виду этого онъ уговеривалъ сеймъ обратиться къ радикальнымъ мѣрамъ. „Не успокаивать, но освободиться отъ этой бѣды слѣдуетъ намъ“ [1]).

Безъ сомнѣнія, этотъ голосъ находилъ сочувствующихъ слушателей. Даже православные депутаты, въ національныхъ (церковныхъ) вопросахъ охотно искавшіе поддержки у козаковъ, относительно борьбы съ ростомъ козацкой силы и претензій были солидарны съ польской шляхтою [2]). Проэктъ Збаражскаго, предлагавшаго выслать отъ всего сейма: отъ короля, сената и посольской палаты спеціальныхъ делегатовъ и поставить козачеству ультиматумъ—былъ принятъ сеймомъ. Козаки должны были покориться—распустить войско до указаннаго числа, это указанное войско вывести на Запорожье, подъ присягою, что на море ходить и затрагивать Турокъ они не будутъ, и сейчасъ съ королевскимъ дворяниномъ на Запорожьѣ учинить судъ и расправу надъ своевольниками. Въ такомъ случаѣ правительство пошлетъ къ козакамъ своихъ комиссаровъ и установитъ дальнѣйшій порядокъ относительно реестра и жалованья. Если же козаки не примутъ этихъ условій, то противъ нихъ будетъ послано войско, чтобы уничтожить ихъ совершенно [3]).

Это было только однимъ изъ трехъ средствъ, какія князь имѣлъ въ виду для усмиренія козачества; о другихъ средствахъ онъ не хотѣлъ говорить публично. Король также не хотѣлъ высказываться относительно его плановъ усмиренія козачества въ отвѣтъ на запросъ посольской палаты [4]). Правительство и шляхта, оче-

---

[1]) Listy Zbaraskiego c. 77—8.

[2]) Ср. инструкцію волынской шляхты, гдѣ она поручаетъ своимъ депутатамъ по соглашенію съ другими искать gruntownych y wczesnych sposobów dla zatrzymania w posłuszenstwie y w rządzie козаковъ (Архивъ II, 1 с. 136).

[3]) Listy c. 552, ср. Volum. legum III c. 216 и письмо Рутскаго l. c. c. 552.

[4]) Поэтому я не могу согласиться съ Жуковичемъ (l. c. IV c. 65), что сеймъ не хотѣлъ доводить до рѣшительнаго разрыва съ козачествомъ. Именно, теперь онъ особенно остро ставитъ этотъ вопросъ.

видно, были готовы къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ козаковъ и въ отвѣтъ на козацкія угрозы носились съ мыслью о кровавой расправѣ, вродѣ Солоницкой.

Число козаковъ желали свести къ двумъ тысячамъ [1]); но въ секретной инструкціи для комиссаровъ maximum козацкаго войска опредѣлялось въ 5 т., и плату имъ разрѣшалось увеличить до 60 тыс. [2]). Удивительная тактика—maximum уступокъ держать въ строгомъ секретѣ и испытывать уступчивость противной стороны такимъ низкимъ minimum'омъ, звучавшимъ какъ иронія!

Въ коммисію назначены были самые вліятельные магнаты, въ надеждѣ на ихъ авторитетъ и на ихъ полки. Збаражскій особенно налегалъ, чтобы комиссія явилась на Украинѣ своевременно, „прежде чѣмъ начнетъ падать ледъ", иначе будетъ поздно. И необходимо расквартировать на Украинѣ войска; количество ихъ въ секретной запискѣ было опредѣлено въ три съ половиной тысячи, кромѣ козацкихъ хоругвей.

Таковъ былъ отвѣтъ на козацкія требованія. Не уступать!

Какъ въ вопросахъ общенаціональныхъ, такъ и спеціально козацкихъ заинтересованные очутились передъ непроницаемой стѣной католическо-шляхетскаго „non possumus".

Кампанія была проиграна. Въ ту же ночь, когда окончился сеймъ, православные владыки „спасались какъ можно болѣе быстрымъ бѣгствомъ"—пишетъ Рутскій [3]).

Онъ, по его словамъ, былъ освѣдомленъ заранѣе о такомъ финалѣ сеймовыхъ совѣщаній, благодаря сношеніямъ съ королемъ и разными вліятельными лицами. „Насколько по началу можемъ судить о концѣ сейма, схизматики ничего не получатъ. Они уже начали чувствовать это и нѣсколько разъ испускали крики отчаянія и гнѣва, и говорили объ этомъ — не только моимъ священникамъ, но и мнѣ самому сказалъ Древинскій: „Видимъ, что ничего мы не получимъ противъ васъ, пока живъ этотъ король, но во время безкоролевья мы всѣми силами возстанемъ противъ васъ". Мы посмѣялись надъ этимъ, потому что дѣйствительно, надъ этимъ можно только смѣяться. Королю Богъ дастъ долго жить; возростетъ и число нашихъ сторонниковъ; не будетъ недостатка и въ милостяхъ апостольскаго престола, который своимъ

[1]) Письмо Рутскаго, см. выше.
[2]) Жерела VIII № 175. [3]) l. c. с. 553.

вліяніемъ побудитъ руководителей нашего государства, и въ томъ, что отъ Бога—его святой помощи".

Какъ мы видѣли, натискъ православныхъ разбивался на пунктѣ интересовъ соціальныхъ, классовыхъ: солидарные между собой въ религіозно-національныхъ вопросахъ союзники—шляхта и козачество—сталкивались на этой соціальной почвѣ, какъ враждебныя стороны.

И все таки достопочтенные отцы смѣялись преждевременно, забывая французскую поговорку, гласящую, что всего лучше смѣется тотъ, кто смѣется послѣднимъ.

Довольно легко проходили постановленія противъ козаковъ—гораздо затруднительнѣе было осуществленіе этихъ хитроумныхъ постановленій.

Повидимому, посылку ультиматума въ концѣ концовъ было рѣшено соединить съ посылкой комиссаровъ, чтобы они, соотвѣтственно тому положенію, какое займутъ козаки, или вступили въ переговоры съ ними, или „поступали съ ними сурово", какъ деликатно выражалась тайная инструкція [1]). Для этого комиссарамъ нужно было привести съ собой готовое войско, и въ виду этого въ комиссію назначены были самые богатые и могущественные магнаты.

Но шли мѣсяцы, а эта комиссія все еще не могла никакъ собраться, „отчасти изъ-за моровой язвы, отчасти изъ-за постоянныхъ тревогъ и частыхъ нападеній Татаръ—изъ-за нихъ ни комиссары не могли съѣхаться, ни панъ гетманъ не могъ двинуть войско въ тѣ края" [2]). А если король, быть можетъ, и пробовалъ повліять на козаковъ съ своей стороны, черезъ своихъ пословъ [3]), то это посредничество не могло произвести никакого впечатлѣнія послѣ всего предшествовавшаго.

---

[1]) Жерела VIII № 175.

[2]) Королевская инструкція на сеймики (конецъ 1623 г.)—Жерела VIII № 176.

[3]) Въ упомянутой инструкціи король такъ описываетъ свои мѣропріятія противъ козацкихъ своеволій: „не оставлялъ король черезъ своихъ комиссаровъ и посланцевъ удерживать этихъ людей въ послушаніи, стеречь чрезъ посредство приставовъ берега Днѣпра, откуда они обычно ходятъ на море, жечь и отбирать челны и уплачивать своевременно жалованіе, назначенное имъ отъ рѣчи посполитой". Но это общая картина, не спеціальная для происшествій этого года, такъ какъ затѣмъ добавлено: „хотя въ этомъ году (жалованіе) имъ не уплачено, за то что пошли на море".

Однако настроеніе козачества не было особенно угрожающимъ. И козачьи угрозы на сеймѣ—поднять возстаніе въ виду неисполненія ихъ требованій, хотя и приняты были очень серьезно [1]), въ дѣйствительности такими серіозными не были. И это не особенно солидно рекомендовало козацкія заявленія и угрозы. Но умѣренная часть козачества, очевидно, продолжала старательно избѣгать конфликта съ Рѣчью Посполитой, направляя козацкую энергію въ сторону наиболѣе безопасную въ этомъ отношеніи, и ожиданія неизбѣжной козацко-польской войны въ защиту вѣры, подъ вліяніемъ духовенства, пока не оправдались.

Можетъ быть, здѣсь сыграла свою роль и смѣна гетмана. Безуспѣшность козацкихъ требованій на сеймѣ лишила булавы Олифера Голуба. Но его мѣсто занялъ представитель той же „статочной" политики, Михаилъ Дорошенко. Человѣкъ несомнѣнно очень способный, вождь и политикъ, пользовавшійся авторитетомъ у своихъ, онъ былъ уважаемъ и въ польскихъ кругахъ и имѣлъ тутъ репутацію человѣка расположеннаго къ Рѣчипосполитой („Дорошенко, полковникъ хорошей репутаціи у молодцовъ за свою отвагу, и къ королю и Рѣчипосполитой всегда расположенный", какъ рекомендовалъ его въ своемъ дневникѣ Хотинской войны Як. Собѣсскій) [2]).

Онъ несомнѣнно не былъ сторонникомъ конфликта и своимъ вліяніемъ могъ только смягчить напряженныя отношенія, въ которыхъ козачество находилось съ правительствомъ, въ особенности съ послѣдняго сейма [3]). Возможно, что онъ даже подавалъ какія то надежды правительству въ этомъ направленіи [4]). Но су-

1) Въ константинопольскихъ кругахъ этого возстанія ожидали совершенно серіозно еще весной 1623 г., см. депешу французскаго посла о раздраженіи козаковъ противъ польскаго правительства на религіозой почвѣ. Эти слухи подтвердилъ и польскій агентъ, пріѣхавшій тогда въ Константинополь и сообщившій о козацкихъ вооруженіяхъ; закрытіемъ православныхъ церквей, по его словамъ, козаки взволнованы чрезвычайно, они собрали тридцать тысячъ вейска, и вся надежда на королевскихъ комиссаровъ, что имъ быть можетъ удастся предотвратить войну (l. c. c. 425).

2) Дневники с. 119.

3) Не вижу однако въ этомъ избраніи Дорошенка какого нибудь шага со стороны козачества на встрѣчу правительству,—въ угоду которому оно замѣнило Голуба болѣе пріятнымъ для правительства Дорошенкомъ, какъ думаетъ Жуковичъ IV с. 108.

4) Намекъ вижу въ письмѣ Збаражскаго, Сборникъ лѣтоп. къ ист. Ю. З. Р. с. 252.

ществующее напряженіе, разумѣется, не могло исчезнуть такъ легко, и самъ Дорошенко не могъ имѣть какихъ нибудь иллюзій въ этомъ отношеніи.

Къ веснѣ 1623 г. козаки, какъ заявляли еще въ прошломъ году, собрались въ походъ на Черное море. Экспедиція не отличалась значительными размѣрами, но турецкій флотъ стоялъ тогда въ Кафѣ, занятый водвореніемъ на ханствѣ Махметъ-гирея, и казацкія чайки, появившись вблизи беззащитнаго Стамбула, нагнали здѣсь большого страху. Наскоро начали снаряжать противъ нихъ галеры, набирая всякій сбродъ, занявшійся грабежемъ предмѣстій вмѣсто экспедиціи на козаковъ. Пока эти галеры вышли въ море, козаковъ и слѣдъ простылъ [1]). Едва успѣвъ возвратиться изъ этой экспедиціи, козаки къ концу лѣта снова собрались на море. „Оставивъ одну добычу, пошли за другой". На этотъ разъ турецкому флоту удалось поймать нѣкоторое количество козаковъ: привезли въ Константинополь нѣсколько живыхъ плѣнниковъ и нѣсколько козацкихъ головъ и поднесли ихъ новому султану, а тотъ велѣлъ положить эти головы около себя въ рядъ передъ народомъ, и это произвело на турокъ очень пріятное впечатлѣніе [2]). Збаражскому писали, что въ этомъ походѣ было 30 чаекъ. Подробностей никакихъ у насъ нѣтъ. Въ промежуткахъ между этими двумя морскими походами Дорошенко, выѣзжавшій на Запорожье—для поддержанія надеждъ на успокоеніе своевольства, собрался походомъ на Перекопъ. Это носило характеръ отместки ордѣ за походъ на Украину, устроенный подъ весну. Козаки забрали много добычи, массу скота [3]).

Эти козацкіе походы не причинили особыхъ хлопотъ правительству. Турецкое правительство приняло поясненіе польскихъ пословъ, что эти походы были вызваны татарскимъ набѣгомъ [4]), и только на будущее время ставило требованіе, чтобы козацкихъ

---

[1]) Донесенія англійскаго посла—Zbiór pam. c. 434—5, письмо Збаражскаго въ Сборникѣ лѣтоп. I. c. Збаражскій имѣлъ свѣдѣнія, что это была совсѣмъ небольшая экспедиція: сперва доносили ему о 22 чайкахъ, затѣмъ только о 13; но хотя ихъ ходило только 13, однако натворили столько, словно было ихъ гораздо больше, замѣчаетъ онъ.

[2]) Донесенія англійскія с. 438 и письмо Збаражскаго с. 253; ср. Акты моск. госуд. I. 173. [3]) Сборн. лѣт. I. c.

[4]) См. письмо короля въ ркп. публ. библіот. Разн. F. IV № 67 л. 320 и 323.

нападеній больше не было. Они не помѣшали ратификаціи трактовъ, наоборотъ вынуждали Турокъ желать мира съ Польшей, чтобы обезпечить себя отъ подобныхъ козацкихъ нападеній. Съ другой стороны послѣднее нападеніе Татаръ вызвало въ Польшѣ нѣкоторое сожалѣніе о разрывѣ съ козаками, не считавшими теперь нужнымъ выслуживаться передъ Польшей.

Въ позднѣйшихъ козацкихъ отвѣтахъ на обвиненія польскаго правительства (послѣ погрома 1625 г.) старшина упоминала, что она арестовала предводителей весенняго похода на море и представила ихъ въ кіевскій гродъ, желая съ своей стороны предупредить морскіе походы, но такъ какъ затѣмъ правительство не уплатило условленнаго жалованья,—они „принуждены были сами о себѣ промышлять“.

За своевольные походы на море правительство считало нужнымъ наказать козаковъ лишеніемъ жалованья. Выходъ пріятный для королевской казны, но тактика сомнительнаго качества. Напряженіе только увеличивалось, и козаки считали себя тѣмъ менѣе обязанными чѣмъ нибудь по отношенію къ правительству.

„Козацкое войско страшно волнуется“, доносилъ осенью Ю. Збаражскій, „хотятъ итти на волость, говорятъ, что терпятъ притѣсненія въ вѣрѣ; хотятъ смѣстить Дорошенка, а гетманомъ поставить снова Олифера [1]).

Осень принесла событіе, еще больше обострившее это напряженіе. 12 ноября въ Витебскѣ разъяренная толпа убила архіепископа Кунцевича, наиболѣе агрессивнаго представителя уніи. Своей острой, непримиримой борьбой съ православіемъ—отбираніемъ православныхъ церквей, арестами духовныхъ лицъ, всяческими административными репрессіями онъ вызвалъ чрезвычайное раздраженіе среди православныхъ своей епархіи и пріобрелъ репутацію жесточайшаго преслѣдователя православной вѣры, такъ что навлекъ на себя рѣзкіе упреки даже такого испытаннаго покровителя уніи какъ литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга. Расположенные къ Кунцевичу люди давно уже предостерегали его, что это можетъ плохо окончиться для него, но онъ сознательно пренебрегалъ предостереженіями, даже желалъ для себя „мученической смерти“, какъ человѣкъ экзальтированный и фанатически преданный католической идеѣ. Арестъ одного православнаго священника въ Витебскѣ, произведенный по его распоряженію въ день катастрофы, вы-

---

[1]) Сборникъ лѣтоп. с. 253.

звалъ уличное скопище, раздраженная толпа бросилась на архіепископскую палату, и при этомъ нападеніи былъ убитъ самъ Кунцевичъ [1]).

Такое неслыханное событіе дало поводъ королю излить свой гнѣвъ на православныхъ. Присланная имъ на мѣсто судебная комиссія присудила къ смертной казни десятки людей; у г. Витебска было отобрано право самоуправленія, запрещено на будущее время звонить въ городскихъ церквяхъ и т. п. И въ другихъ городахъ уніатская сторона воспользовалась этимъ случаемъ для новаго натиска на православныхъ.

Рутскій началъ новый процессъ съ виленскимъ братствомъ, обвиняя его между прочимъ и въ томъ, что грамоты Смотрицкаго, принятаго братствомъ къ себѣ, побудили къ убійству Кунцевича. Смотрицкій счелъ за лучшее удалиться не только изъ Вильны, но и вообще изъ предѣловъ государства, и отправился путешествовать по востоку—и оттуда возвратился уже уніатомъ. Митр. Іовъ, полгода спустя характеризуя положеніе православныхъ, называлъ это время особенно тяжелымъ, „когда всѣ сговорились было совершенно уничтожить православный родъ“ [2]). Даже въ Кіевѣ уніатская партія отважилась на нѣкоторыя агрессив-

---

[1]) Этотъ громкій эпизодъ имѣетъ значительную литературу, въ особенности канонизація Іосфата Кунцевича въ 1865 г., какъ манифестація противъ мѣропріятій противъ уніи въ Россіи, превративъ его въ символъ уніи, вызвала большую полемику, болѣе церковно-политическую впрочемъ, чѣмъ научнаго характера. Изъ болѣе раннихъ сочиненій упомяну: Суши Cursus vitae et certamen martyrii b. J. Kuncewicii, перепеч. Мартыновымъ въ Парижѣ 1865 г., того же Мартынова Saint Iosaphat et ses détracteurs, Ліонъ, 1875; A. Guépin S. Ioasaphat archevêque de Polock, I—II, Пуатье 1874 г. (переведено по польски Калинкой, Львовъ 1885 г.), новое изданіе 1897—8 гг. п. з. Un apôtre de l'union des églises au XVII s. Saint Iosaphat et église greco-slave en Pologne et en Russie, Парижъ. Съ православной стороны: Кояловича І. Кунцевичъ (1570—1623), изъ исторіи литовской церковной уніи (Правосл. обозрѣніе 1861); Говорскаго І. Кунцевичъ полоцкій уніатск. архіеп., канонизированный папой Піемъ IX, Вильно, 1865 г.; Сикорскаго Реликвіи І. Кунцевича—Журналъ министерства нар. просв. 1870 г. Совершенно особнякомъ стоятъ новѣйшія статьи Жуковича, посвященныя Кунцевичу и написанныя вполнѣ объективно: Убійство Іосафата Кунцевича (Христ. чтеніе, 1907, IX, перепеч. въ IV вып. Сеймовой борьбы), О неизданн. сочиненіяхъ Іосафата Кунцевича (Изв. отд. рус. яз. 1909).

[2]) Письмо къ Хр. Радзивиллу 24 дек. 1624 въ Археогр. сборн. вилен. VII ч. 55.

ныя выступленія: запорожскіе посланные упоминали, что митр. Іовъ жаловался козакамъ на нарушеніе христіанской вѣры, опечатываніе церквей и т. п. [1]).

Сеймъ, назначенный на февраль 1624 г. прошелъ среди такого глухого напряженія. Ничего не слышно о козацкихъ петиціяхъ, депутаціяхъ, ни о какихъ либо спеціальныхъ стараніяхъ православныхъ. Не затрогивало этихъ вопросовъ и правительство [2]). Обѣ стороны стояли одна противъ другой вполнѣ непримиримо, не видя и не ища никакихъ возможностей сближенія.

Возобновлено было прежнее постановленіе относительно высылки комиссаровъ; назначены суровыя наказанія тѣмъ, кто оказалъ бы какое-нибудь содѣйствіе козакамъ или покупалъ бы отъ нихъ добычу. Рѣшено выполнить прошлогоднія постановленія относительно распредѣленія войскъ на Украинѣ, для обузданія своеволія. Указано держателямъ украинскихъ старостъ, „начиная отъ Бара и до московскихъ границъ", что ихъ абсентеизмъ содѣйствуетъ возрастанію козацкого своеволія, и предложено имъ изъ своихъ доходовъ содержать нѣкоторое количество войска для усиленія государственнаго контингента, какой будетъ отправленъ на Украину [3]).

Религіозный вопросъ, снова поднятый шляхетскими экзорбитанціями, былъ отложенъ вмѣстѣ со всѣми другими до будущаго сейма [4]).

Вниманіе козачества было отчасти отвлечено отъ этихъ вопросовъ тѣми интересными комбинаціями, какія начали возникать съ возвращеніемъ на ханство нашего стараго знакомаго Махметъ-гирея. Возвратившись обратно на ханство и пригласивъ къ себѣ своего неукротимаго брата Шагина, Махметъ повелъ съ нимъ въ Крыму расправу съ старыми своими врагами и вызвалъ этимъ жалобы и нареканія передъ султанскимъ диваномъ. По отношенію къ своему повелителю-султану братья также вели себя очень непокорно, не исполняли его распоряженій, между прочимъ не хотѣли заняться постройкой замковъ на нижнемъ Днѣпрѣ, порученной имъ султаномъ совмѣстно съ намѣстникомъ Кафы, чтобы воспрепятствовать козацкимъ походамъ на море. А въ до-

---

[1]) Кулиша Матеріалы с. 159 (объ этомъ еще ниже).
[2]) Ср. инструкцію на сеймики. Жерела VIII № 176.
[3]) Volumina legum III с. 222—3.
[4]) Supplementum—Архивъ I. VII с. 571.

вершеніе всего пришли въ Константинополь извѣстія, что братья замышляютъ походъ на самую Турцію, хотятъ взять Адріанополь и завладѣть султанскимъ трономъ. Въ виду всего этого султанское правительство рѣшило Махметъ-гирея возвратить въ первобытное состояніе, а на ханствѣ водворить снова Джанибекъ-гирея [1]).

Но братья не желали повиноваться волѣ султана, и противъ Порты обратились за помощью къ козакамъ, которыхъ еще такъ недавно вполнѣ лойяльно, какъ надлежитъ султанскимъ вассаламъ, поручали польскому королю уничтожить, а чайки ихъ сжечь [2]).

Это произошло весной 1624 г., но подготовлялось вѣроятно значительно раньше. Такъ французскій посолъ доносилъ о козацкомъ походѣ на Кафу, и этотъ походъ могъ имѣть характеръ первой экскурсіи въ интересахъ Махметъ-гирея. Правда, козаки поясняли впослѣдствіи королевскимъ комиссарамъ, что соглашенія съ Гиреями у нихъ не было, и въ войскѣ Шагина они очутились потомъ случайно. Говорили, что ихъ въ Крымъ занесла буря, когда они отправились на море съ Донцами, а случилось это во время войны Махметъ-гирея съ Турками. Тогда Шагинъ-гирей пригласилъ ихъ на службу, и они находясь въ бѣдственномъ состояніи, не видя другого выхода, охотно поступили на службу къ братьямъ, служили имъ вѣрно, и изъ этого вышла ихъ позднѣйшая дружба съ Шагинъ-гиреемъ: по окончаніи войны онъ съ честью отправилъ ихъ на Запорожье и съ ними христіанскихъ плѣнниковъ бывшихъ въ Крыму [3]). Но мы этой благовидной исторіи не обязаны принимать очень серіозно.

---

[1]) См. объ этихъ событіяхъ у Смирнова Крымское Ханство с. 481 и далѣе. Hammer Geschichte des Osman. Reiches V с. 35 и далѣе, Zinkeisen op. c. IV c. 487 и сл. (турецкіе источники).

[2]) Ркп. Публ. библ. Разн. F. IV 67 л. 302.

[3]) Zbiór pamiętn. VI c. 190. Нѣсколько отлично, хотя въ томъ же духѣ разсказываетъ эту исторію нашъ анонимный корреспондентъ (осень 1624 г.): Шагинъ-герой „подъ самую тую его з Турками у Кафу ексъпедицыю самых невольников козаков семсот вызволеных маючи при собѣ, всю справу свою ратовалъ и знамените Турковъ поразивши, татарскіе орды подъ свою юридыку побралъ, и все товариство казацкое свободою даровавши з добычею турецкою червоными по килкодесять кожного и на десятокъ по два бойволы з тѣлегами обьдаровавши, до своее землѣ за Пороги випроводити казалъ. И тепер послы его за Порогами очекиваютъ посланныхъ до короля его милости: если ласка его к. млти будетъ

Лѣтомъ 1624 г., когда турецкій флотъ подъ предводительствомъ капитана-паши (адмирала) Реджебъ-паши двинулся изъ Константинополя къ Кафѣ, чтобы свергнуть непокорныхъ вассаловъ, козацкій флотъ, пользуясь этимъ случаемъ, двинулся къ Константинополю. Не смотря на то, что угрожающіе слухи о козацкомъ походѣ, даже въ преувеличенныхъ размѣрахъ, заранѣе ходили въ Стамбулѣ, капитанъ-паша оставилъ столицу безо всякой защиты, и козацкія чайки безпрепятственно появились у Босфора. 9-го іюля н. ст. на разсвѣтѣ приплыли они туда въ количествѣ 70—80 чаекъ, на каждой по 50 человѣкъ. Высадившись по обоихъ берегахъ пролива, они начали безпрепятственно жечь и грабить окрестности. Сожгли Буюкъ-дере и Еникіой на европейскомъ побережьи, Стенію на азіатскомъ. Уничтоживъ цѣлый рядъ роскошныхъ виллъ и богатыхъ усадебъ въ теченіе шести часовъ, и забравъ массу добычи, около 9 часовъ ушли на море.

Въ Константинополѣ поднялась страшная тревога. Султанъ выѣхалъ самъ на море и занялся организаціей обороны. Выслано было пѣшее и конное войско; за отсутствіемъ галеръ собраны были разныя судна, посадили на нихъ всякій сбродъ и выслали нѣсколько сотъ такихъ лодокъ противъ козаковъ. Предполагали, что они обратятся въ бѣгство. Но козаки, увидя эту импровизированную армаду, расположились среди пролива, разставивъ полукругомъ свои чайки и спокойно ожидали нападенія. Противный вѣтеръ не давалъ имъ возможности идти самимъ противъ Турокъ. Турки издали дали огонь. Козаки не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ и не двигались съ мѣста. Увидя такую непоколебимую отвагу, Халиль-паша, руководившій этимъ импровизированнымъ флотомъ, не осмѣлился напасть на козаковъ. Онъ соображалъ, что въ случаѣ, еслибы атака не удалась и козаки его разгромили, они могли бы напасть на самый Стамбулъ. И козаки, простоявъ спокойно до вечера передъ глазами встревоженной „столицы міра“, безъ препятствій отправились со своей добычей домой.

дати ему козаков на помоч, оферуется и около Константинополя на лѣто помыслити, ґдыж и с Персомъ юж взялъ лиґу и оженился повинную перского взявши, и королеви пану нашиму добре собѣ тушити кажетъ в необлудной приязни и послугах своих, як самъ его к. мст. зезволити будетъ хотѣлъ. Зачимъ разумѣем жебы и комысия ихъ задержатися скажетъ, едно намъ безмолствовати и житіе исправляти потреба“—Лавр. библ. доп. № 20 л. 83 об.

Черезъ двѣ недѣли ихъ флотъ снова явился у Константинополя, еще въ большихъ размѣрахъ—чаекъ было самое меньшее 150, и за ними слѣдовали резервы, какъ разсказываютъ константинопольскіе очевидцы. М. Іовъ вѣроятно объ этой второй экспедиціи разсказываетъ, что козаки, имѣя 102 чайки, у устья Днѣпра встрѣтили турецкій флотъ изъ 25 большихъ галеръ и около 300 меньшихъ судовъ, такъ наз. ушкаловъ, вмѣщающихъ отъ 25 до 50 челов. Это была, очевидно, эскадра капитанъ-паши; нѣсколько дней Турки бились съ козаками, усиливаясь не пропустить ихъ на море, но козаки разгромили ихъ и пошли на Константинополь. О дальнѣйшемъ разсказываютъ константинопольскіе корреспонденты. Козаки простояли у береговъ Босфора три дня, какъ бы насмѣхаясь надъ безсиліемъ падишаха. Сожгли Фаросъ, нѣсколько селеній. Угрожали нападеніемъ на арсеналъ, и это наполнило страхомъ весь Стамбулъ. Городъ стерегли непрерывно патрули. Наконецъ снарядили двѣ галеры и около 20 лодокъ и выслали ихъ на море, чтобы предотвратить нападеніе козаковъ. Козаки, постоявъ тамъ, отплыли съ большой добычей.

Обезпокоенный диванъ послалъ курьера къ капитанъ-пашѣ, призывая его какъ можно скорѣе, оставивъ крымскія дѣла, возвратиться въ Константинополь, тѣмъ болѣе, что нѣсколько козаковъ, пойманныхъ во время этого нападенія, сказали, что козаки предприняли это нападеніе въ союзѣ съ ханомъ: это еще усилило тревогу въ Стамбулѣ. Козацкія нападенія такимъ образомъ, кромѣ собственнаго добычничества послужили диверсіею въ интересахъ союзниковъ-Гиреевъ. Можетъ быть они и имѣли такую цѣль [1]).

Ободренные этими успѣхами козаки 16 августа н. с. собрались въ третью экспедицію на Константинополь. Такое количество большихъ экспедицій въ одинъ сезонъ было вещью неслыханной. На этотъ разъ было также около 150 чаекъ. Но противные вѣтры задержали ихъ подъ Очаковымъ болѣе мѣсяца; козаки

---

[1]) Наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ двухъ морскихъ походахъ содержатся въ англійскихъ донесеніяхъ: о первомъ нападеніи подъ 9/VII, о другомъ въ депешѣ отъ 24/VII (Zbiór c. 440 и 442). Второе нападеніе имѣло мѣсто около 20/VII: въ депешѣ французскаго посла отъ 21/VII говорится о „вчерашнемъ" нападеніи (Hist. R. mon. c. 427). Ср. Zinkeisen IV c. 495—5, Наима у Сенковскаго I c. 178. Письмо Борецкаго въ Археограф. сборникѣ VII № 55.

истратили здѣсь много припасовъ и нѣсколько десятковъ чаекъ поэтому возвратилось обратно, а сто съ лишнимъ все таки двинулись дальше, но никакихъ подробностей объ этомъ походѣ не знаемъ [1]).

Другая часть козаковъ тѣмъ временемъ помогала Гиреямъ въ Крыму, гдѣ миссія капитанъ-паши окончилась также полною неудачею. Прибывъ въ Кафу, онъ выслалъ къ Махмету и Шагину письма, увѣдомляя ихъ о назначеніи нового хана и требуя, чтобы они сложили свои должности, но тѣ не повиновались. Послѣ нѣсколькихъ недѣль мелкой войны Реджебъ-паша, послушавъ совѣта Джанибекъ-гирея, съ войскомъ и артиллеріей пустился въ глубину страны противъ непокорныхъ братьевъ. Но на третій день похода они увидѣли передъ собой вдалекѣ большое войско Махметъ-гирея; при немъ находился также козацкій отрядъ (800 козаковъ, по турецкимъ источникамъ). Турки, чтобы выйти изъ такого опаснаго положенія, рѣшили капитулировать и отказаться отъ своей миссіи. Джанибекъ-гирей, услышавъ объ этомъ, обратился въ бѣгство по направленію къ Кафѣ. Тогда Татары Махмета напали на турецкое войско и разгромили его. Татары и козаки взяли вслѣдъ за этимъ Кафу. Реджебъ-паша, укрывшись на галерахъ, не видѣлъ другого исхода, какъ утвердить на ханствѣ Махмета. Такъ онъ и поступилъ. Махметъ послѣ этого выдалъ орудія и плѣнниковъ, захваченныхъ въ этой войнѣ, и возвратился во свояси [2]).

Но Махметъ и Шагинъ понимали, что вынужденное согласіе ничего не значитъ и Порта не проститъ имъ такого дерзкаго бунта. Поэтому, разгромивъ Турокъ, Шагинъ, являющійся въ этой исторіи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, хотѣлъ обезпечить себѣ и на будущее время помощь со стороны Украины. Кромѣ непосредственныхъ сношеній съ козаками, онъ обратился также и къ польскому правительству, не столько, очевидно, разсчитывая получить активную помощь съ его стороны, сколько желая до-

---

[1]) Объ этомъ третьемъ походѣ—въ письмѣ Борецкаго Археогр. Сб. VII с. 82 и въ неизданномъ письмѣ отъ 3 октября 1624 г. въ цитированномъ лаврскомъ сборникѣ с. 83 об., также Roe у Цинкайзена с. 495. Жуковичъ къ третьей экспедиціи прилагаетъ извѣстіе Наимы о сожженіи окрестностей Константинополя, но у Сенковскаго дата невѣрная, 4—X вмѣсто 21—VII, какъ это уже указалъ въ свое время Рудницкій.

[2]) Смирновъ, Гаммеръ—см. выше, французскія депеши с. 427.

биться, чтобы оно не препятствовало козакамъ въ ихъ новомъ союзѣ съ Крымомъ. Имѣемъ интересное письмо Шагина къ кор. Сигизмунду отъ 19 августа н. ст. того же года [1]). Онъ въ очень идиллическомъ тонѣ вспоминаетъ добрыя старыя времена, когда Гиреи поддерживали пріятельскія отношенія съ Ягайловичами: „Были мы братьями и пріятелями, мы вамъ и вы намъ также помогали всегда, войска наши при предкахъ нашихъ ходили сообща и вмѣстѣ, люди наши къ вамъ, а ваши къ намъ пріѣзжали, и никто не спрашивалъ, куда или откуда идемъ; ни малому ребенку, ни убогой вдовицѣ не было никакой обиды". Только Османы разъединили этихъ друзей, возстановивъ однихъ на другихъ. Теперь Османы сдѣлались общимъ врагомъ Крыма и Польши, и Шагинъ приглашаетъ короля къ совмѣстной борьбѣ съ этимъ врагомъ. Проситъ помощи противъ Турокъ, пороха и свинца (такъ какъ эти припасы обычно покупались у Турокъ, а теперь они могутъ прекратить ихъ подвозъ), но самое главное—отпустить къ нему козаковъ.

Нѣсколько разъ онъ повторяетъ въ своемъ письмѣ эту просьбу о козакахъ. Во время послѣдней войны онъ имѣлъ у себя, по его словамъ, только 300 козаковъ, но они оказали ему большую услугу. „Козаковъ днѣпровыхъ вашихъ... въ компанію пришло триста козаковъ.—Дай Богъ много здоровья этимъ тремъ стамъ козакамъ, пришедшимъ на помощь и въ компанію и дѣйствуя тамъ, насъ защищавшимъ какъ того хотѣло сердце наше!" „Дайте намъ днѣпровскихъ козаковъ, а мы съ ними легко управимся съ Турками". „Велите днѣпровскимъ козакамъ, чтобы пришли къ намъ—жаждемъ ихъ имѣть не потому, чтобы мало у насъ было войска: имѣемъ его, благодареніе Богу, достаточно, но такъ какъ у Османовъ немало янычаръ съ ружьями, то и намъ надо противъ ружей ружейнаго войска". Шагинъ проситъ прислать тысячу козаковъ зимой, а другое войско—послѣ Пасхи; только, чтобы козаки не трогали татарскихъ стадъ, которыя Татары хотятъ на зиму выгнать за Днѣпръ—а козаки „падки на добычу". Шагинъ обѣщаетъ за это удержать крымскихъ и ногайскихъ Татаръ, „такъ что и курица не пропадетъ въ вашихъ земляхъ". Намѣревается возобновить старыя границы съ литовско-польскимъ

---

[1]) Напечатано Голембіовскимъ (Bibl. Warsz 1852 II с. 18), но не особенно точно. Другая копія въ Публич. Библ. F. IV № 67 с. 303. Ср. Матеріалы Кулиша с. 159.

государствомъ: по Днѣпръ, Овечью воду, рѣку „Бузукъ“ и до Дона, что за Днѣпромъ и за этими рѣками—пусть будетъ королево. Обѣщаетъ королю возвратить Бѣлгородъ, Тегиню, Килію и вывести Бѣлгородскую орду на крымскую сторону.

Въ этихъ предложеніяхъ, оставляя къ сторонѣ восточныя гиперболы и хвастовство, лежала совершенно реальная мысль: Шагинъ и Польша имѣли общаго врага, въ лицѣ мирзы Кантемира, повелителя Бѣлгородской орды. Онъ главнымъ образомъ безпокоилъ своими нападеніями коренныя земли (въ этомъ году ему однако не посчастливилось, и Конецпольскій дважды разгромилъ его, въ началѣ года у Скалы, и лѣтомъ подъ Мартыновымъ, около Галича)[1]. Одновременно онъ былъ также заклятымъ и опаснымъ врагомъ Шагина, будучи непосредственно подчиненъ Портѣ. Зимой 1624—5 г. Шагинъ неосторожно предпринялъ противъ него походъ, но Кантемиръ жестоко разгромилъ его.

Польское правительство очутилось въ довольно затруднительномъ положеніи. Оно не рѣшалось нарушить соглашеніе съ Турціей, оказывая помощь Шагину, но и не рѣшалось отклонить его предложенія. Поэтому до времени старалось сохранить по отношенію къ послѣднему сочувственный нейтралитетъ. Зато съ козаками Шагинъ, отправляясь въ походъ на Кантемира, по пути въ Запорожье въ ур. Карайтебенъ, 24 декабря, заключилъ формальное соглашеніе:

„Я, Шагинъ-гирей, царь крымскій, даемъ этотъ нашъ присяжный листъ козакамъ запорожскимъ: пану гетману, эсауламъ, атаманамъ и всему войску, объявляемъ этимъ письмомъ нашимъ и присягами, что отъ меня и отъ людей нашихъ Крымскаго государства никакихъ несправедливостей и вреда не будетъ, а еслибы кто какой вредъ своевольно причинилъ, я ихъ съ женами, дѣтьми и родственниками, учинивъ судъ, долженъ десять за одного выдать. И отъ нихъ (козаковъ) того же требую, чтобы такъ было. Пока отъ нихъ не будетъ какого нибудь вреда,—пока я живъ, отъ насъ не будетъ, въ этомъ присягаю Аллахомъ и пророкомъ нашимъ Магометомъ—пусть буду я устраненъ отъ сонма его, если поступлю иначе. Пока не будетъ отъ нихъ, и отъ насъ не будетъ никакой непріятности—даемъ въ этомъ пространное присяжное письмо п. гетману, эсауламъ и всему войску, чтобы

---

[1]) Ср. французскія депеши с. 428. Kwart. Hist. 1892 с. 97

всѣ всему этому вѣрили, и даемъ это наше пространное присяжное письмо Богу и Пророку. Если бы явился у пана гетмана эсауловъ, атамановъ и всего войска Запорожскаго какой нибудь непріятель, я Шагинъ-гирей, какъ только меня извѣстятъ, со всѣми беями и мурзами долженъ имъ помогать. А еслибы явился непріятель у меня, они должны, за моимъ увѣдомленіемъ, помогать мнѣ согласно съ присяжными письмами" [1]).

Такъ гласитъ этотъ первый извѣстный намъ трактатъ козачества съ ордой, предшественникъ позднѣйшихъ трактатовъ, сыгравшихъ такую важную роль въ исторіи украинскаго народа.

Этотъ союзный трактатъ съ ордой, какъ казалось, давалъ новую точку опоры козацкой политикѣ—въ томъ положеніи, какое козачество занимало по отношенію къ Польшѣ. Правда, вскорѣ выяснилась непрочность и ненадежность этого союза на случай польско-козацкаго конфликта: этимъ грѣшили и всѣ послѣдующіе козацкіе союзы съ ордою. Но пока его реальная цѣнность не могла быть соотвѣтственно оцѣнена, эта новая комбинація открывала передъ козачествомъ новыя, весьма утѣшительныя перспективы. Въ козацкихъ кругахъ чувствовался чрезвычайный подъемъ энергіи и иниціативы. „Сам Христос вѣдает, яким духом войско запорозкое што часу в силу збирается, а як не слихано было досѣлѣ так много чолнов морских готовят и готовити збираются, иж и сами старинные дивуются, на што бы тую силу тых лѣт повернути хочет, еднож видно, же всѣ ку Чорному мору берутся: только бы Бог голову им даровал, мужа по серцу своему, певне бы снадне и врага креста Христова и христіанского покуситися важили!" пишетъ кіевскій корреспондентъ въ октябрѣ 1624 г. И вотъ въ этотъ моментъ, наряду съ такимъ многообѣщающимъ союзомъ съ Крымомъ передъ глазами козачества открылись новыя, еще болѣе широкія политическія перспективы.

Ихъ принесъ съ собой извѣстный авантюристъ, претендентъ

---

[1]) Сборникъ Печер. лавры доп. № 20 л. 71 об. Ср. также письмо митрополита напеч. у Голубева I с. 275 и сообщеніе запорожскихъ пословъ у Кулиша Матеріалы с. 159: пріѣзжалъ Шагинъ гирей на Запорожье за недѣлю до Рождества, „зъ запорозскими козаками перемирья взялъ же, что имъ межъ себя нѣ воеватца, а итти съ нимъ Шинъ-гирѣемъ Турского земли воевать за одно", и пошелъ затѣмъ на Бѣлгородскую орду.

на тронъ турецкаго султана Александръ Яхія, пріѣхавшій во время этихъ переговоровъ съ Шагиномъ на Запорожье.

Это была интересная и загадочная фигура. Называлъ себя онъ сыномъ султана Магомета IV, умершаго въ 1603 г., внукомъ султана Мурада [1]).

Мать его происходила не болѣе не менѣе какъ отъ императорскаго рода Комненовъ; Гречанка, по происхожденію, она втайнѣ исповѣдывала христіанство. Яхія жилъ сперва съ отцомъ въ Малой Азіи; когда по смерти Мурада Магометъ отправился въ Константинополь, чтобы занять султанскій тронъ (въ 1595 г.) мать Яхіи, вмѣсто того, чтобы утѣшаться блестящими перспективами, которыя раскрывались передъ нею, какъ султаншей, воспользовалась будто бы этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы скрыться изъ гарема, и убѣжавъ съ сыномъ въ Македонію, возватилась къ религіи отцовъ и окрестила сына Яхію въ православной вѣрѣ, съ именемъ Александра. Когда ему исполнилось 15 лѣтъ, въ 1604 году, она выслала его ко двору императора Рудольфа, и съ этого времени начинается безконечная одиссея этого авантюриста. Онъ скитался по разнымъ странамъ, рекомендуя себя какъ законнаго наслѣдника султанскаго престола и ища покровительства у различныхъ непріятелей Турціи, принималъ участіе въ различныхъ планахъ, во всяческихъ предпріятіяхъ противъ Турціи, стараясь присосѣдиться къ какой нибудь политической комбинаціи, которая дала бы ему возможность выплыть на верхъ и сдѣлать карьеру.

Въ Вѣнѣ онъ встрѣтился съ т. наз. Лисовчиками, наемными авантюристами изъ польскихъ земель, странствовавшими на службѣ императора Фердинанда по различнымъ средне-европейскимъ странамъ. Они посовѣтовали ему обратиться къ Запорожцамъ, а одинъ изъ Лисовчиковъ, кн. Масальскій вызвался быть посредникомъ и началъ съ митр. Іова Борецкаго. Разсказалъ ему фантастическую исторію этого „Александра Оттомануса“, наслѣдника греческой имперіи и оттоманскаго престола, котораго якобы съ нетерпѣніемъ ожидаетъ весь христіанскій міръ Турціи. „Множество много воинства православныхъ Болгаръ, Сербовъ, Албанитовъ и Грековъ“, присягнувшихъ ему какъ своему законному государю, ожидаютъ его съ войскомъ въ 130 тысячъ. Для

[1]) Ср. автобіографію Яхіи, написанную для митр. Іова, и разсказы передъ царскими людьми — Матеріалы Кулиша с. 193 и 165.

полноты православнаго міра не доставало только еще Украины и Московіи, чтобы съ ними разрушить магометанскую Порту и на ея мѣстѣ основать великое православное царство.

Трудно сказать, насколько м. Іовъ повѣрилъ всему этому и этой возможности разрушить Порту, но планы Яхіи — организовать коалицію противъ Турціи съ участіемъ козаковъ, Москвы, Крыма и различныхъ европейскихъ государей показались ему очень подходящими для даннаго времени. Онъ принялъ къ себѣ Яхію и тотъ въ двадцатыхъ числахъ октября 1624 г. пробылъ съ недѣлю въ митрополитанскомъ монастырѣ св. Михаила [1]). Затѣмъ митрополитъ повезъ его къ козакамъ и встрѣтя въ дорогѣ своего довѣреннаго человѣка священника Филиппа, возвращавшагося изъ Запорожья, отправилъ его съ Яхіей въ Крыловъ, откуда Яхія съ козаками поѣхалъ на Запорожье. Здѣсь онъ развилъ свои планы передъ козачествомъ, и войско заявило свою полную готовность помогать въ его намѣреніяхъ добиваться константинопольскаго трона. Рѣшено было, что съ нимъ на войну пойдетъ 18 тысячъ козаковъ, и онъ будетъ платить имъ — коннымъ по 6 ефимковъ въ мѣсяцъ, а пѣшимъ по 4, да кромѣ того на войско дастъ 30 зл. польскихъ.

Было устроено ему также свиданіе съ Шагиномъ, пріѣзжавшимъ въ то время на Запорожье. Яхія однако держалъ себя съ этимъ союзникомъ очень осторожно, и когда Шагинъ пригласилъ его къ себѣ, не поѣхалъ къ нему, отговариваясь тѣмъ, что козаки его не пускаютъ: онъ подозрѣвалъ, что Шагинъ, поймавъ его, можетъ за хорошее вознагражденіе выдать Туркамъ. И свиданіе у нихъ происходило на деликатномъ разстояніи: оба союзника стояли на противоположныхъ берегахъ Днѣпра, и около Яхіи стояли съ ружьями козаки „въ четыре круга“. Однако, рѣшено было, что Шагинъ - гирей съ братомъ будутъ поддерживать Яхію [2]).

Послѣ этого Яхія послалъ за деньгами для войска во Флоренцію, а украинскіе благопріятели его начали раздумывать надъ тѣмъ, какъ бы еще заручиться помощью со стороны Москвы. Въ то время, какъ козачество могло прельщаться перспективой богатой платы, для кіевскихъ митрополитанскихъ круговъ особен-

---

[1]) О пріѣздѣ Яхіи въ Кіевъ (24 окт.) современное письмо въ цитир. сборникѣ Лавр. библ.

[2]) Кулиша Матер. с. 160, 169, 213—5.

ную привлекательность имѣла именно эта сторона — организація широкой православной коалиціи, при участіи московскаго царя — въ виду того желѣзнаго католическаго кольца, съ такой неумолимой рѣшительностью тѣснившаго православную украинскую стихію (и бѣлорусскую съ нею). Еще передъ появленіемъ Яхіи на кіевскихъ горизонтахъ въ кіевскихъ митрополитанскихъ кругахъ пришли къ мысли искать поддержки у московскаго правительства въ томъ безвыходномъ, какъ казалось, положеніи, въ какомъ православная іерархія, говоря словами писемъ епископовъ къ царю, — „тѣснилась въ маленькомъ уголкѣ Украины, въ землѣ Кіевской, подъ крыломъ христолюбиваго воинства запорожскихъ козаковъ“ [1]).

Эти тяготѣнія къ московской протекціи по причинѣ (или подъ предлогомъ) религіозныхъ преслѣдованій—имѣли свою давнюю традицію въ кн. Литовскомъ. Такой ирредентизмъ отбилъ было въ началѣ XVI в. у польско-литовскаго правительства всякую охоту къ какимъ бы то ни было религіознымъ давленіямъ на своихъ православныхъ подданныхъ почти на цѣлое столѣтіе [2]). Только съ ослабленіемъ Московскаго государства въ концѣ XVI в. оно снова набралось смѣлости, а московское „смутное время“

---

[1]) Въ письмѣ Исаіи Копинскаго (1622): „не имамы къ кому прибѣгнути: царей и князей и боляръ благочестивыхъ не имамы— всѣ отступницы отъ благочестивые вѣры нашей: едины ляхи, вторыи унеяты, третиї сынове еретичестиі. Отовсюду обстоятъ ны скорби и гонение на благочестие наше и церковь сионскую восточную, матку нашу, хотяще ны растерзати... И нигдѣ не имамы отъ нихъ упокою, только всѣ мы благочестивыі въ маленькомъ кутку тесниимося на Украине въ землѣ Киевской, колько насъ особъ святительскихъ благочестивыхъ, которыхъ посвятилъ на степень святительства всесвятѣйшиі патриархъ ерусалимскиі кνръ Θеофанъ“. Въ письмѣ м. Іова (1624): „всячески гоненіе на православныхъ, не хотящихъ послѣдовати нечистотамъ ихъ, воздвигоша, наипаче же насъ, православныхъ епископовъ, отъ престолъ, отъ мѣстъ и отъ обителей нашихъ изгнаша и до крове на святую православную вѣру вънружишася, олтари Господни осквернишa, церкве православные въ латинскую прелесть превратиша, и просто рещи—всесилнѣ и королевскою державою мечъ на православныхъ обостриша. Тѣмже мы, помняще реченное: укрийте ся въ малѣ, дондеже мимо идетъ гнѣвъ, се здѣ крыющесь подъ крилѣ христолюбиваго воинства черкасскихъ молодцовъ, восхотѣхомъ посещати и великодержавное владычество ти“... Матеріалы Кулиша с. 130—1, 136.

[2]) См. въ т. IV изд. 2 с. 265 и сл., въ т. V с. 539—541.

уничтожило всякія опасенія въ польско-католическихъ кругахъ. Но Москва поднималась отъ своего паденія, и у польско-литовскихъ политиковъ начала возникать тревожная мысль, что въ конецъ утѣсняемые православные могутъ снова обратиться къ покровительству Москвы, и та снова начнетъ свои происки на религіозной почвѣ. Въ упомянутомъ выше письмѣ Льва Сапѣги къ Кунцевичу шефъ литовской политики, указывая на политическую безтактность уніатскихъ гоненій на православныхъ, напоминаетъ старыя утраты, понесенныя благодаря православной ирредентѣ польско-литовскимъ государствомъ: „Новгородъ Великій, Псковъ, Стародубъ, Черниговъ, Козельскъ и много другихъ замковъ отторгла отъ насъ эта унія и теперь эта же унія сильно способствовала отчужденію народа московскаго отъ королевича“ (Владислава) [1]. А съ дальнѣйшимъ ростомъ московскихъ силъ неизбѣжно возникала опасность новой православной ирреденты въ московскую сторону въ земляхъ бѣлорусскихъ и украинскихъ.

Съ точки зрѣнія православныхъ владыкъ и прочихъ ревнителей національной и церковной идеи, укрывавшихся отъ польско-католическихъ гоненій въ этомъ кіевскомъ „кутку“, искать опеки и покровительства, помощи и защиты въ московскихъ кругахъ было мыслью вполнѣ естественною. Вѣдь это было пограничье, стоявшее въ сферѣ московскихъ династическихъ и политическихъ интересовъ (вспомнить только разговоры московскихъ политиковъ нач. XVI в. о Кіевѣ, какъ отчинѣ московскихъ царей) [2]. До московской смуты, изъ кіевскаго „города“ хорошимъ глазомъ можно было видѣть московскую границу. Она отодвинулась за послѣднія годы, но теперь, когда эта смута могла казаться случайнымъ, преходящимъ эпизодомъ, можно было ожидать новыхъ проявленій московской экстенсивной энергіи. Независимо отъ этихъ разсчетовъ, просто вслѣдствіе совпаденія интересовъ, украинское населеніе, какъ мы видѣли, и такъ не разъ, игнорируя политическіе рубежи, дѣйствовало силами обѣихъ „украинъ“, польско-литовской и московской. Планы Дм. Вишневецкаго были наиболѣе блестящимъ проявленіемъ такой тактики, и украинское козачество, начиная съ его временъ, не разъ довольно ловко умѣло служить „на двѣ стороны“, черпая средства по очереди или даже одновременно изъ одной казны и изъ другой, московской и польско-литовской, и играло роль посредствующаго поли-

[1]) l. c. [2]) См. т. IV^2 с. 280.

тическаго фактора между двумя государственными организаціями. Послѣднія сношенія козачества съ московскимъ правительствомъ мы знаемъ зимой 1620 г. [1]). На ряду съ ними извѣстны посылки различныхъ духовныхъ особъ въ московскую столицу за „милостыней“ на различныя благочестивыя, церковныя цѣли.

Такъ въ 1622 г. послалъ къ царю слезное письмо Исаія Копинскій, номинальный перемышльскій епископъ, прося пожертвованій для своихъ монастырей, основанныхъ имъ въ лубенскихъ и прилуцкихъ мѣстахъ. Кромѣ писанной грамоты посланные имъ монахи должны были устно сообщить пограничнымъ московскимъ воеводамъ (въ Путивлѣ), чтобы они запросили царя, не позволитъ ли онъ Исаіи съ монахами перейти за московскую границу отъ польскаго гоненія. „Да и всѣ де, государь, православные крестьяне и запорожскіе козаки, какъ имъ отъ Поляковъ утѣсненья будетъ, многія хотятъ ѣхать къ тебѣ, государю“, прибавляли отъ себя воеводы, на основаніи того, что разсказывали имъ посланцы Исаіи [2]).

Лѣтомъ 1624 г., подъ вліяніемъ тогдашняго обостренія католическо-уніатскаго натиска на православныхъ, съ аналогичными заявленіями высылаетъ своего посла непосредственно къ самому царю самъ митрополитъ Іовъ. Отъ того самого дня, 24 августа 1624 г., когда писались его грамоты къ царю, имѣемъ письмо самого митрополита же къ главѣ литовскихъ протестантовъ Кришт. Радзивиллу; оно хорошо иллюстрируетъ намъ то психологическое состояніе, въ какомъ предпринимали этотъ знаменательный шагъ кіевскіе духовные круги. Прося содѣйствія литовскаго магната для ближайшей сеймовой кампаніи, митрополитъ такъ характеризировалъ горестное положеніе православныхъ: „Такъ насъ стѣснили со всѣхъ сторонъ, что хуже измѣнниковъ и уличенныхъ преступниковъ, хуже, чѣмъ отъ враговъ Креста и самихъ язычниковъ, терпитъ преслѣдованія отъ вавилонской, опьянѣвшей отъ крови блудницы нашъ народъ вѣрный, государямъ своимъ благожелательный, народъ невинный, народъ древній христіанскій. Каждый день и каждый часъ какъ волъ обуха ждемъ мы, бѣдняки, вмѣстѣ съ нашими святынями, священниками, народомъ, рыцарствомъ, шляхтой“. А козачество своими своевольными выходками — морскими походами, предпринимаемыми даже вопреки волѣ своей собственной старшины,

[1]) См. выше с. 95—6. [2]) Кулиша Матеріалы с. 126—7.

прибавляетъ митрополитъ, — еще болѣе обостряетъ неудовольствіе противъ православныхъ епископовъ, такъ какъ ихъ подозрѣваютъ въ союзѣ съ козаками [1]). Передъ магнатомъ, хотя и союзникомъ, хотѣлось митрополиту очиститься отъ этихъ подозрѣній.

Въ этотъ же самый день митрополитъ писалъ письмо къ царю, къ его отцу патріарху и вершителю московской дипломатіи дьяку Грамотину, рекомендуя имъ своего посла епископа луцкаго Исаакія Борисковича. Въ письмахъ, адресованныхъ къ нимъ, онъ и Исаакій описывали горестное положеніе православныхъ въ Польшѣ и Литвѣ, умоляли царя помнить объ этихъ своихъ единовѣрцахъ и не оставлять своей милостью, а въ особенности просили допустить Исаакія до личной аудіенціи, какъ „мужа во всѣмъ вѣрна и тайну царскую могуща сохранити“ [2]). Допущенный, благодаря этой рекомендаціи, послѣ продолжительныхъ московскихъ церемоній, къ царю въ январѣ 1625 г. Борисковичъ 14 января с. с. имѣлъ секретное совѣщаніе съ боярами кн. Черкасскимъ и дьякомъ Ив. Грамотинымъ и сообщилъ имъ секретное порученіе, данное ему митрополитомъ. Къ сожалѣнію имѣемъ только отрывокъ изъ протокола этого совѣщанія [3]), и въ немъ нѣтъ текста митрополичьяго письма. Изъ отвѣтовъ бояръ видно, что митрополитъ указывалъ на притѣсненія, причиняемыя православной вѣрѣ со стороны Поляковъ, на перспективу польскаго похода на Украину; высказывалъ опасенія, что козаки сами не въ силахъ будутъ отстоять Украину отъ польскихъ войскъ, поэтому просилъ царя принять Украину и войско козацкое подъ свою руку, и простивъ козакамъ ихъ прежнія опустошенія Московскихъ земель, защитить ихъ отъ Поляковъ. Бояре, разспросивъ подробнѣе, убѣдились, что въ этихъ предложеніяхъ еще нѣтъ ничего положительнаго, рѣшеннаго и такъ отвѣтили Борисковичу: „И по тому письму и по твоимъ рѣчамъ

[1]) Археограф. сборникъ VII № 55.

[2]) Грамоты у Кулиша Матеріалы с. 132—6.

[3]) Моск. архивъ мин. иностранныхъ дѣлъ, дѣла малороссійскія 1625, февраль № 1: „Пріѣздъ въ Москву изъ Кіева Луцкаго епископа, присланнаго отъ кіевскаго митрополита Іова Борецкаго с представленіемъ государю царю Михаилу Ѳедоровичу и патріарху Филарету Никитичу о принятіи Малороссіи и Запорожскихъ козаковъ в покровительство, и о прощеніи имъ вины противу его государя учиненной“.

та мысль и въ самыхъ васъ еще не утверждена и о томъ укрѣпленія межъ васъ еще нѣтъ. А про козаковъ еси сказалъ, что козаковъ столько не будетъ, чтобъ имъ стоять проти Поляковъ собою безъ помочи, а въ вѣстяхъ сказываешъ, что нынѣ Запорожское войско идетъ на весну на Турского морем. И нынѣ царскому величеству того дѣла всчати нельзя потому, что еще у васъ о томъ укрѣпленія нѣтъ и казаки идутъ всѣ на море на Турского войною". Вины козаковъ „противъ царскаго величества и всего Россійскаго государства" прощаются съ тѣмъ, чтобы на будущее козаки „царскому величеству служили". „А если будутъ вамъ въ будущемъ притѣсненія въ вѣрѣ отъ Поляковъ, а у васъ противъ нихъ будетъ твердое рѣшеніе (соединенье и укрѣпленье)— сказалъ въ заключеніе дьякъ—„дайте знать царскому величеству и святѣйшему патріарху, а они это обсудятъ, какъ бы православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ видѣть въ избавленіи" [1]).

Митрополиту Іову поручено засвидѣтельствовать милость царскую и патріаршее благословеніе да передать икону въ серебрянной ризѣ и пять сороковъ соболей, цѣною въ сто рублей; довольно щедрые дары даны самому Борисковичу и „протосинкелу" Памвѣ Берындѣ, бывшему съ нимъ, и поднесшему патріарху четыре книги. Борисковичъ, благодаря за милость, просилъ передать царю и патріарху, что у нихъ эта мысль тверда, всѣ они царской милости рады и хотятъ быть подъ царской рукой—будутъ сговариваться объ этомъ между собой, только боятся, если тѣмъ временемъ Поляки внезапно на нихъ нападутъ, то имъ, кромѣ царской милости дѣваться некуда: тогда всѣ они — митрополитъ, епископы и войско Запорожское обратятся къ царской милости и поѣдутъ на царское имя (явятся къ пограничнымъ воеводамъ съ просьбой принять ихъ въ подданство) — пусть же царь ихъ пожалуетъ, не велитъ отгонять, ибо имъ кромѣ царя некуда дѣваться [2]).

[1]) „И вы о томъ вперед царскому величеству и святѣйшему патріарху вѣдомо учините и царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ от еретиковъ во избавленье видѣти".

[2]) „И епископъ на государево и святѣйшаго патріарха на жалованье билъ челомъ а говорилъ, что онъ государскую милость Иеву митрополиту кіевскому скажетъ, и образъ и соболи довезет, да билъ челом чтоб его челобите до государя и до святѣйшаго

Таково было это первое предложеніе принятія Украины подъ царскую власть—интересное какъ первая рекогносцировка совершившагося позднѣе переворота. Что въ этихъ предложеніяхъ, какъ они дѣлались московскому правительству въ этотъ разъ, еще очень мало было конкретнаго, это должны были понимать въ самыхъ митрополитанскихъ кругахъ. Но прежде, чѣмъ распространять мысль о подданствѣ подъ московскую протекцію въ широкихъ украинскихъ кругахъ и приводить его въ „твердую мысль и постановленіе“, инициаторамъ необходимо было знать, насколько склонно вообще московское правительство заняться ближе украинскимъ вопросомъ, и тогда уже соображать, что можно сдѣлать съ этимъ московскимъ вмѣшательствомъ и насколько можно рисковать изъ-за него. Таково более глубокое содержаніе этихъ сношеній, проглядывающее изъ за козацкихъ прошеній „жалованья“ и монашескихъ моленій о „милостынѣ“, составляющихъ внѣшнее содержаніе этихъ сношеній съ Москвой и послѣ первыхъ удачныхъ результатовъ 1622—1625 гг. начинающихъ принимать все большіе размѣры [1]). Но чтобы вывѣдать московскія намѣренія основательнѣе, нужно было затронуть московское правительство

патріарха донесли—что у нихъ та мысль крѣпка, что они всѣ государской милости ради и под государскою рукою быть хотять, и о томъ совѣтоват меж собою будутъ, а нынѣ боятца того, любо на них Поляки наступят вскорѣ и им кромѣ государевой милости нѣгдѣ дѣтца: всѣ в то время — митрополит и епископи и войско Запорожское—прибѣгнуть ко государской милости и поѣдут на государское имя и государь бы ихъ пожаловалъ, отринуть не велѣлъ, а имъ кромѣ государя дѣтца негдѣ. И бояринъ и думной дякъ говорили, что они о томъ государя и святѣйшаго патріарха извѣстятъ, а онъ бы нынѣшней государевъ указъ митрополиту сказалъ, а что у них учнетъ дѣлатца и они б о томъ государю вѣдомо учинили и государь смотря по дѣлу и мыслить о томъ будетъ“.

[1]) Такъ, въ нач. 1625 г. возобновилъ посольство Копинскій, благодаря за полученное и ходатайствуя о новомъ пожалованіи. Осенью того же года эмигрировалъ въ Москву епископъ Курцевичъ и остался здѣсь, получивъ епархію. Прибылъ монахъ отъ епископа львовскаго Тисаровскаго за милостыней. Въ 1626 г. снова приходили монахи изъ монастырей Копинскаго и изъ Почаева; въ 1627 г. изъ монастыря чигиринскаго, каневскаго и терехтемировскаго; въ 1628 г. изъ манявскаго скита и изъ виленскаго монастыря, и т. д., см. матеріалъ собранный у Макарія Ист. рус. церкви XI с. 319—320.

чѣмъ-нибудь болѣе сенсаціоннымъ, чѣмъ плачи митрополита и епископовъ о притѣсненіяхъ и убожествѣ. И такой удобный случай представляло появленіе Яхіи съ его фантастическими планами, безчисленными протекторами, таинственными союзами на западѣ и востокѣ и т. п.

Въ январѣ 1625 г. митр. Іовъ выѣхалъ изъ Кіева въ козацкія стороны, въ Корсунь, а оттуда въ Терехтемировъ. При этомъ, очевидно, онъ намѣревался войти въ болѣе близкое соглашеніе съ козацкой старшиной и приготовить новое посольство въ Москву, по дѣлу Яхіи. Посольство это было отправлено изъ Запорожья второго января с. с., сейчасъ послѣ отъѣзда Шагинъ-гирея; оно состояло изъ запорожскаго посольства съ Иваномъ Гирею во главѣ, изъ посланнаго Яхіи, какого то Марка Федоровича Македонянина и козака Ивашка Мартыновича. Митропол. Іовъ отъ себя далъ имъ рекомендательныя письма къ путивльскому воеводѣ и автобіографію Яхіи, записанную у него, и поручалъ особому вниманію воеводы все это дѣло. „Прочитавъ эту повѣсть, писалъ онъ ему, увидишь ты, что благодатью божьей приближается уже конецъ нечестиваго, вавилонскаго турецкаго царства, и если исповѣдники православія прійдутъ къ соглашенію, то и сейчасъ будетъ положено начало этому. Молимъ объ этомъ всесильную десницу Христову, чтобы разбивъ тяжелыя оковы православныхъ, далъ своей церкви и православному множеству единовѣрныхъ Грековъ получить желанную, дорогую свободу. Просимъ, чтобы и вы съ благочестивымъ царемъ вашимъ подали руку помощи единовѣрнымъ братьямъ, дабы и сами въ день суда отъ вѣчной избавились неволи“ [1]). Яхія въ своемъ письмѣ къ царю увѣдомлялъ, что къ веснѣ собирается походомъ, морскимъ и сухопутнымъ, съ козаками, въ Грецію, а тамъ ожидаютъ его Болгары, Сербы, Албанцы и Греки, присягнувшіе уже Яхіи, какъ своему законному государю—это долженъ былъ засвидѣтельствовать въ Москвѣ посолъ Яхія, „Марко Македонянинъ изъ земли Сербской“. Этотъ Марко устно пояснялъ, что кромѣ помянутыхъ присяжниковъ помощь Яхіи обѣщалъ король испанскій: онъ долженъ предоставить ему 60 галеръ съ войскомъ, герцогъ флорентійскій обѣщалъ прислать 20 тыс. ружей, пушекъ и различнаго другого оружія, другія страны также обѣщали помощь людьми и деньгами. На Шагинъ-гирея надѣются, что онъ пришлетъ орды

[1]) Кулиша Матеріалы с. 162, ср. 161.

до 100 тыс., и со всѣми этими силами Яхія отправится весной на Константинополь. У царя же проситъ помощи людьми или деньгами—какъ царь соизволитъ [1]).

Московскіе политики не остались равнодушны къ такимъ обширнымъ и привлекательнымъ—хоть и фантастическимъ планамъ. Посолъ Яхіи былъ представленъ царю, хотя и incognito: во время аудіенціи запорожскихъ пословъ былъ допущенъ къ царской рукѣ, но безъ провозглашенія имени Яхіи, какъ это было принято. Яхіи были посланы подарки очень богатые, щедрые, особенно принимая во вниманіе тогдашнія тяжелыя для московской государственной казны обстоятельства. Но активно вмѣшаться въ планы Яхіи и козаковъ московское правительство не рѣшилось—боялось разрыва съ Польшей. Царь пожелалъ „царевичу Александру“ всяческаго успѣха—добиться своего отцовскаго царства, но помочь ему царь не можетъ, такъ какъ „царевичъ“ находится въ Литовской землѣ, у запорожскихъ Черкасъ, подданныхъ польскаго короля, а польскій король непріятель царю и не позволилъ бы послать войска черезъ свою землю, и даже будучи теперь въ союзѣ съ султаномъ, причинилъ бы, пожалуй, еще какое нибудь затрудненіе царевичу; поэтому и грамоты царевичу царь не посылаетъ, а только устно шлетъ ему привѣтъ.

Таковъ былъ отвѣтъ, данный посламъ Яхіи 10 августа с. с. [2]). Онъ категорически показалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и въ козацкія дѣла вообще московское правительство въ этотъ моментъ не считаетъ возможнымъ вмѣшаться, чтобы не вызвать новаго разрыва съ Польшей.

Широкія политическія перспективы, начавшія было раскрываться передъ козачествомъ въ 1624 г., подымая духъ и отвагу козацкихъ массъ, должны были вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать сильное движеніе среди нихъ и борьбу съ направленіями болѣе умѣренными, болѣе склонными учитывать весь рискъ этихъ выступленій. Жизнь козачества въ это время, зимой 1624—5 г. должна была отличаться особымъ напряженіемъ и намъ было бы интересно приглянуться къ внутреннимъ отношеніямъ козацкой старшины и козацкихъ массъ—гораздо интереснѣе, чѣмъ напр. заниматься отношеніями польскаго правительства къ козачеству. Но къ великому сожалѣнію мы и сейчасъ не имѣемъ матеріаловъ, кото-

---

[1]) Кулиша Матеріалы с. 169—172. [2]) Ibid с. 173.

рые могли бы глубже ввести нась въ козацкую жизнь и отношенія, и только частая смѣна старшины свидѣтельствуетъ намъ о разныхъ внутреннихъ теченіяхъ среди козачества, на ряду съ тѣмъ розмахомъ экстенсивной козацкой энергіи, какой проявляется въ тогдашнихъ походахъ.

Морскіе походы козацкіе 1624 г., какъ увѣряетъ Іовъ Борецкій Кр. Радзивилла, произошли противъ желанія старшины—это ходили новички (tyrones)[1]). Это вполнѣ возможно, митрополитъ могъ писать это не только изъ тактическихъ соображеній. И въ связи съ этимъ могла стоять и смѣна гетмана. Осенью 1624 г. гетманомъ на Запорожьи былъ Каленикъ Андріевичъ („Каленикъ Андреевъ“ въ московскихъ матеріалахъ, считавшихъ своимъ долгомъ передѣлывать украинскія имена на чистый московскій ладъ): возможно, что это извѣстный уже намъ „гетманъ Каленикъ“ Смоленской войны 1610 г.[2]). А въ августовскомъ морскомъ походѣ предводителемъ былъ еще Грицько Чорный, позднѣйшій гетманъ по королевскому назначенію (видно остепенился впослѣдствіи)[3]). Каленика Андріевича видимъ на гетманствѣ отъ октября до января 1625 г.[4]), затѣмъ вообще не имѣемъ свѣдѣній о гетманѣ, а только отъ іюня мѣсяца имѣемъ гетманское письмо, писанное на Запорожьи—былъ гетманомъ снова Дорошенко[5]). Затѣмъ на первый планъ выступаетъ Пирскій, „бывшій у нихъ гетманомъ на Запорожьи“, и Жмайло, выступающій во главѣ козацкаго войска во время осенней войны 1625 г., чтобы послѣ капитуляціи снова дать мѣсто Дорошенку. Эти перемѣны и вся эта борьба за гетманство не имѣли впрочемъ особенно обостреннаго характера, судя по тому, что всѣ эти лица, бывшіе и будущіе гетманы, начиная съ Олифера Голуба и оканчивая Жмайломъ и Дорошенкомъ—всѣ выступаютъ во главѣ козацкаго войска въ войнѣ его съ Конецпольскимъ въ качествѣ наиболѣе выдающихся старшинъ[6]). Судя по этому, партія такъ сказать оппортунистская и радикальная—не стояли въ какомъ либо непримѣримомъ противорѣчіи по отношенію другъ къ другу, и смѣны лицъ до нѣкоторой степени должны быть скорѣе результатомъ затруднительныхъ и сложныхъ обстоятельствъ козацкой жизни, чѣмъ рѣзкой, взаимно исключающей борьбы двухъ политическихъ теченій.

---

1) Археограф. сб. VII с. 82. 2) См. выше с. 30.
3) Сборникъ Лавр. библ. доб. 20 л. 83 об.
4) Кулиша Матеріалы с. 158, 228. 5) Ibid с. 234.
6) Ibid с. 181.

Зима 1624—5 г. прошла у козачества въ широкихъ военныхъ планахъ на будущій годъ. Походъ Шагинъ-гирея противъ Кантемира, на Дунай, предпринятый въ нач. 1625 г., долженъ былъ служить прелюдіей. Шагинъ велъ съ собой претендента на молдавское воеводство, якобы сына Іереміи, чтобы посадить его подъ своей властью[1]). За этимъ долженъ былъ послѣдовать походъ Яхіи на Турцію. Яхія уговаривалъ итти въ походъ еще зимой, чтобы пройти по льду до моря, а весной моремъ и Дунаемъ черезъ Молдавію и Валахію проникнуть къ своимъ союзникамъ, отдавшимся подъ его власть. Онъ принялъ къ себѣ на службу 18 тыс. козаковъ, а кромѣ того по собственному желанію, въ качествѣ волонтеровъ, записались къ нимъ въ походъ козаки изъ городовъ: „изъ Переяслова, Канева и другихъ городовъ". Но козаки, вѣроятно, не положились на простое обѣщаніе платы и походъ былъ отложенъ, пока придутъ Яхіи деньги изъ Флоренціи: онъ писалъ герцогу тосканскому, и тотъ долженъ былъ прислать ему 60 тыс. золотыхъ. А тѣмъ временемъ отправлено было извѣстное намъ посольство къ московскому царю, чтобы заручиться его помощью, если не военной, то денежной. Обѣщали также итти въ походъ съ Яхіей донскіе козаки. А на Запорожьи тогда, зимой, находилось 6 тыс. войска[2]).

Эти политическія комбинаціи козацкая старшина пыталась использовать также для того, чтобы ослабить напряженіе, грозившее все время острымъ конфликтомъ съ польскимъ правительствомъ. Союзъ козачества съ Шагинъ-гиреемъ и старанія Шагинъ-гирея заключить союзъ съ польскимъ правительствомъ, не отвергнутыя польской стороной и возобновленныя Шагиномъ снова во время пребыванія на Запорожьи въ концѣ 1624 г.[3]), подавали козацкой старшинѣ нѣкоторую надежду на устройство своихъ отношеній къ правительству. Les amis de nos amis sont nos amis; много разъ цитированный нами кіевскій корреспондентъ, имѣя въ виду предложенія Шагина, высказывалъ надежду, что и комиссія на козаковъ теперь не состоится[4]). Козачество могло ожидать, что крымская комбинація, давая до нѣкоторой степени созвучное содержаніе козацкой и правительственной политикѣ, ослабитъ старыя тренія, и это дало козакамъ поводъ обратиться съ меморіаломъ къ созванному тогда сейму.

---

[1]) Письмо Борецкаго (П. Могила I с. 275).

[2]) Кулиша Матеріалы с. 158—9, 214, 215—6, 225, 228—9.

[3]) Письмо Борецкаго—П. Могила I приб. с. 276. Кулиша Мат. с. 268. [4]) См. выше с. 251, прим.

Уже послѣ того, какъ выслано было это козацкое посольство на сеймъ, прибылъ въ войско королевскій дворянинъ, въ обществѣ бывшаго войскового писаря Волка, съ какими то инструкціями. Несомнѣнно, эти инструкціи стояли въ связи съ извѣстными уже намъ крымско-турецкими авантюрами, но содержанія ихъ не знаемъ. Козацкіе послы, отправленные въ Москву и встрѣтившіеся въ дорогѣ съ этимъ посольствомъ, говорили со словъ Волка, что эти послы везли на Запорожье „королевскій приказъ всѣмъ козакамъ—весной итти на турецкаго (султана), воевать его землю, моремъ и сухопутью“ [1]). Но такой инструкціи не могло быть, самое большее, если польское правительство, по поводу предложеній Шагина, давало понять козакамъ, что ихъ помощь Шагину не будетъ нежелательной съ точки зрѣнія намѣреній правительства, а козаки сдѣлали изъ этого дальнѣйшій выводъ, что въ такомъ случаѣ можна и имъ на Турка итти въ союзѣ съ Шагиномъ, и съ правительствомъ можно будетъ столковаться.

Козацкая инструкція на сеймъ намъ извѣстна. Въ качествѣ пословъ были отправлены Яцко Острянинъ [2]), Иляшъ Федоровичъ и Дацко Гордіенко. Имъ поручено было просить, „аби е. корол. милость з милостивое ласки своее, маючы на памяти заслуги войска своего Запорозкого, за тые шкоди, што тепер за смиреньемъ ордъ поносимо и поносити мусимо, чымъ знаменитымъ войско з скарбу своего королевского контентовати што рокъ ухвалити рачылъ; чымъ бы уконтентовани охотни до далшихъ поволностей и рицерскихъ дѣльностей серца не тратили, и овшемъ завше ставитися охотне могли“. Во вторыхъ—„просити о причину, абы вѣру нашу рускую ведлугъ старых прав и волностей нашыхъ, и нашыхъ духовныхъ старшыхъ—митрополита Йова Борецкого и владыковъ пры послушенствѣ и благословенстве церкви всходнее въ покою заховати и листомъ своимъ ствердити и добрами церковными осмотрети велети рачилъ; а унитомъ, которые братю нашу мучатъ, больше мучити и церквей преслѣдовати з милостивое ласки заказати и з церквей уступати розказати рачылъ“. Наконецъ, третье—чтобы король изволилъ подтвердить избраннаго незадолго передъ этимъ на освободившуюся

---

[1]) Кулиша Матеріалы с. 158.

[2]) Онъ называется въ этой копіи и въ письмѣ пословъ „Яцкомъ Острожаниномъ“; я думаю, что это Острянинъ (Ostrzanin, отсюда Острожанинъ).

архимандрію печерскую Захарію Копыстенскаго, „человѣка въ животѣ чернеческомъ и в писме божомъ добре учоного“ [1]). Къ посламъ сеймовымъ (а также, вѣроятно, и къ благожелательнымъ сенаторамъ) съ депутатами было отправлено письмо, гдѣ войско, увѣдомляя о своемъ посольствѣ, просило еще отъ себя поддержать ихъ требованія по обоимъ вопросамъ—увеличенію козацкаго жалованія и успокоенію православной религіи [2]).

Какъ я уже отмѣтилъ, вѣроятно, именно это „смиреніе“ съ Крымской ордой, положенное во главу угла петиціей, послужило настоящимъ поводомъ для посольства — для новаго нащупыванія возможныхъ отношеній съ польскимъ правительствомъ. Церковный вопросъ былъ включенъ уже позже. Мит. Іовъ въ своемъ письмѣ изъ Корсуня отъ 12 января 1625 г. с. с. разсказываетъ, что онъ встрѣтился съ этимъ козацкимъ посольствомъ и не зная, упомянули ли козаки о церковныхъ дѣлахъ, посылалъ за нѣсколько миль вернуть пословъ, и вернувши „штомъ на прудце разумѣлъ, оным написавши“ и добавивъ на случай нѣсколько бланковъ со своимъ именемъ, отправилъ дальше [3]). Инструкція въ выше приведенной формѣ вышла вѣроятно уже изъ рукъ митрополита. На сеймъ этотъ, созванный въ началѣ 1625 г., вообще не возлагали никакихъ надеждъ въ православныхъ кругахъ и не дѣлали никакихъ приготовленій для выступленій на немъ (митр. Іовъ въ упомянутомъ письмѣ называетъ его „отчаяннымъ отъ христолюбивыхъ“, а изъ одного письма писаннаго въ октябрѣ 1624 г., изъ духовныхъ кіевскихъ круговъ, узнаемъ, что всякія выступленія въ эту сессію рѣшено было оставить, „такъ приватне як и сеймовне“, „ бо тож и скучилося великое презорство их“ [4]). Поэтому посылка козацкой депутаціи была довольно неожиданнымъ событіемъ, и самая мысль объ

---

[1]) Отрывокъ напечатанъ у Голубева П. Могила I с. 276, изъ старой копіи сборника кіевской лаврской библіотеки доп. кат. 20 л. 72: я пользовался этимъ сборникомъ; инструкція имѣетъ здѣсь подпись Andrzey Krzywoblcki pisarz woyska iego kro. m. Zaporozkiego, печать описана: chłop z samopałem na ramieniu.

[2]) Лавр. библ. доп. № 20 л. 72 об. (письмо подписалъ Каленикъ Андріевичъ съ войскомъ Запорожскимъ 1 января 1625 г.); цитата въ украин. изданіи.

[3]) Письмо м. Іова у Голубева, П. Могила I с. 273.

[4]) Лавр. библ. доп. № 20 л. 72 об. (такъ читаю я этотъ довольно неразборчивый,—потому вѣроятно и неопубликованный до сихъ поръ текстъ).

этомъ, вѣроятно, возникла на Запорожьи подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій въ послѣднихъ дняхъ 1624 г. Но мы благодаря этому обстоятельству получаемъ характерную для тогдашнихъ отношеній картину—какъ смѣло и свободно распоряжается митр. Іовъ среди козаковъ: призываетъ пословъ, самъ безъ войскового рѣшенія измѣняетъ ихъ инструкціи на сеймъ, включаетъ совершенно новые пункты. Чрезвычайно интересны эти близкія отношенія и вліяніе митрополита среди этого самаго козачества, отъ котораго въ своихъ сношеніяхъ съ болѣе офиціальными кругами онъ считалъ за лучшее всячески отграничиваться, трактуя козацкое войско какъ что-то очень далекое и чуждое.

Но сеймъ былъ дѣйствительно безнадежный. Кромѣ общаго положенія, настроеніе его по отношенію къ православнымъ было испорчено еще извѣстіями о козацкой расправѣ съ уніатами въ Кіевѣ, случившейся какъ разъ въ первыхъ дняхъ января. Я уже приводилъ извѣстіе запорожскихъ посланцевъ о томъ, какъ м. Іовъ жаловался козакамъ на враждебныя выступленія противъ православныхъ тогдашняго кіевскаго войта Федора Ходыки. „Въ Филипповъ постъ писалъ кіевскій митрополитъ Іовъ Борецкій на Запорожье гетману и войску, что Поляки хотѣли посягнуть на вѣру христіанскую и запечатали церкви, по замыслу и приглашенію кіевскаго войта Федора Ходыки и кіевскаго мѣщанина Созона. Въ виду этого гетманъ запорожскій прислалъ въ Кіевъ двухъ полковниковъ — Якима Чигринца и Антона Лазоренка, и велѣлъ имъ собрать въ окрестностяхъ Кіева здѣшнихъ козаковъ и итти въ Кіевъ для защиты христіанской вѣры“[1]). На упреки позднѣйшей комиссіи по поводу кіевскихъ эксцессовъ козаки, не упоминая объ участіи въ этомъ дѣлѣ митрополита, оправдывались тѣмъ, что они, видя какія несправедливости чинятся православнымъ изъ-за уніи на Бѣлой Руси, на Волыни и Галиціи, слѣдили за тѣмъ, чтобы и у нихъ, въ восточной Украинѣ, не началось что-либо подобное. „Когда мы увидѣли, что за подстрекательствомъ этого попа (Юзефовича, убитаго въ кіевскихъ волненіяхъ) войтъ тутъ же у насъ въ Кіевѣ запечатываетъ церкви, отбираетъ доходы, издавна принадлежавшіе приходу, осмѣливается произносить самыя обидныя слова, противныя доброй славѣ, на нашего митрополита и на насъ, тогда не только

---

[1]) Кулиша Матеріалы с. 159—60.

мы, но и человѣкъ самаго послѣдняго званія не выдержалъ бы“ [1]. Другое заявленіе, сдѣланное непосредственно послѣ инцендента, хотя и безъ всякой связи съ нимъ и тѣмъ еще болѣе цѣнное,— указываетъ намъ еще одно обстоятельство, настроившее тревожно кіевскіе круги и заставившее ихъ прислушиваться ко всякимъ слухамъ о замыслахъ противъ православной церкви, ко всякимъ симптомамъ какихъ-либо выступленій противъ нея. Какъ разъ подъ Филипповъ день умеръ печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій и въ православныхъ кругахъ боялись какихъ либо покушеній на эту освободившуюся позицію — важнѣйшую твердыню православной Украины. Прошелъ слухъ, что король, минуя избраннаго на архимандрію Зах. Копыстенскаго, пожаловалъ ее кн. Юрію Чарторыйскому, и уже двигаются войска, чтобы силой ввести его въ монастырь [2].

Среди такихъ тревожныхъ обстоятельствъ получены были на Запорожьи извѣстія о направленныхъ противъ православныхъ приготовленіяхъ въ Кіевѣ. Дѣйствительно ли митрополитъ самъ непосредственно обратился къ гетману, или только съ его именемъ ходили эти тревожные слухи—трудно сказать; могло быть и то и другое. Во всякомъ случаѣ Запорожское войско приняло сообщеніе близко къ сердцу, и въ Кіевъ явился большой отрядъ запорожскаго войска — „рыцерство с посродку себе килка тисячей войска до Киева прислали“.

---

[1]) Zbiór pam. IV с. 101.

[2]) П. Могила II доб. с. 298—9. Жуковичъ въ своемъ трудѣ (IV с. 145) обсуждая этотъ инцидентъ, считаетъ преувеличенными извѣстія о какихъ то враждебныхъ выступленіяхъ Ходыки, и исходной точкой кіевскаго движенія принимаетъ слухи о пожалованіи печерской архимандріи и присылкѣ въ Кіевъ солдатъ. Это уже другая крайность. Во-первыхъ, изъ даннаго документа явствуетъ, что въ моментъ, когда подъ Кіевъ двинулись двѣ роты солдатъ, вызвавъ подозрѣніе, что они идутъ силой захватить Печерскій монастырь, — козацкое войско уже находилось въ Кіевѣ и выслано было туда еще раньше. Во-вторыхъ, козацкіе послы, проѣзжавшіе чрезъ Кіевъ, ничего не знаютъ о печерской архимандріи какъ причинѣ кіевской исторіи, а говорятъ только о поступкахъ Ходыки. Также поясняютъ кіевскій инцидентъ козаки передъ слѣдственной комиссіей. Движеніе польскихъ солдатъ подъ Кіевъ могло послужить непосредственной причиной смерти Ходыки, но дѣло началось всетаки изъ-за какой-то церкви—вѣроятно, той же воскресенской.

Тогда въ Кіевѣ началась расправа съ сторонниками и защитниками уніи. Былъ убитъ Иванъ Юзефовичъ, священникъ церкви св. Василія (теп. Трехъ-Святителей). Какъ мы видѣли, на слѣдствіи его называли иниціаторомъ войтовскихъ распоряженій. Послѣ перехода своего на унію, получивъ отъ митрополита Рутскаго церковь св. Василія, стоявшую на софійскихъ земляхъ, онъ затѣмъ выпросилъ себѣ у короля грамоту на воскресенскую церковь на Подолѣ, гдѣ былъ священникомъ раньше, еще будучи православнымъ. Однако мѣщане не хотѣли отдать ему эту церковь, и вѣроятно, это и была та церковь, которую войтъ на основѣ королевскаго или митрополичьяго (Рутскаго) рѣшенія запечаталъ и тѣмъ надѣлалъ бѣды. Церковь была распечатана. Ходыка былъ схваченъ, ему отрубили голову; то же сдѣлали и съ Юзефовичемъ. Какіе то солдаты, показавшіеся на Печерскѣ, были заподозрѣны, что они подосланы королевскимъ кандидатомъ на печерскую архимандрію, ихъ тоже схватили. Воеводскому намѣстнику нанесли оскорбленія. „Отколѣ была великая тривога не только межи людомъ посполитым, але теж и межи шляхтою уросла“ [1]).

Этотъ кіевскій инцидентъ, происшедшій какъ разъ въ началѣ сеймовой сессіи (кіевскія событія произошли „послѣ крещенія“, а сеймъ начался 10 января с. с.), не могъ не ухудшить еще больше настроеніе придворныхъ и правительственныхъ круговъ, такъ раздражавшихся при всякомъ вмѣшательствѣ въ церковныя отношенія. „Отчаянный“ сеймъ прошелъ безъ всякихъ положительныхъ результатовъ для церковно-національнаго вопроса — кромѣ утвержденія Копыстенскаго королемъ на печерской архимандріи, послѣдовавшаго во время сейма (7 февр.) [2]). По словамъ православнаго „Синопсиса“ посольская палата, занятая своей борьбой съ королемъ, сама просила „пословъ греческой вѣры“ отложить религіозный вопросъ до дальнѣйшаго сейма, и онъ былъ дѣйствительно отложенъ [3]).

Подъ конецъ сейма (1 марта н. с.), королемъ дана была

---

1) П. Могила l. c. Матеріалы Кулиша l. c. Zbiór pam. VI с. 180; записка Рутскаго — переводъ въ Rocznik towarz. hist.-liter. w Paryżu за г. 1868 с. 55. Нѣсколько документовъ въ Матеріалахъ для исторіи кіев. митроп. Лебединцева (Кіев. епарх. вѣдом. 1873 № 17).

2) П. Могила I доб. 42.

3) Архивъ Ю. З. Р. I, VII с. 571.

аудіенція козацкому посольству [1]). Содержаніе переговоровъ не извѣстно, но въ виду послѣдняго проявленія козацкого своеволія въ Кіевѣ козацкая депутація не могла услыхать ничего пріятнаго [2]). Могло имѣть мѣсто только повтореніе старыхъ требованій, чтобы козаки оставили свои своевольства, вышли изъ волости, прекратили походы на море, распустили войско—тогда можно будетъ говорить о жалованьи, а иначе коронное войско двинется противъ козаковъ какъ враговъ государства.

Козачество, столько разъ слышавъ эти приказанія, конечно, не имѣло охоты повиноваться имъ и на этотъ разъ. Но между тѣмъ и его широкіе планы, обѣщавшіе выходъ изъ этого затруднительнаго положенія, распадались одинъ за другимъ.

Первой непріятностью была неудача, встрѣтившая походъ Шагинъ Гирея на Кантемира и Молдавію. Этимъ походомъ долженъ былъ открыться рядъ операцій противъ Турціи, между тѣмъ онъ окончился полнымъ фіаско,—Кантемиръ разбилъ Шагина подъ Бабадагомъ. Затѣмъ, деньги для Яхіи все не приходили изъ Флоренціи, и изъ Москвы его послы возвратились безъ всякаго существеннаго успѣха. Въ концѣ концовъ вмѣсто проэктированнаго грандіознаго похода на Константинополь все окончилось морской экспедиціей, только, быть можетъ, въ нѣсколько увеличенныхъ размѣрахъ: константинопольскіе источники говорятъ о 300—380 козацкихъ чаекъ, что указывало бы на очень большіе размѣры предпріятій, 15—20 тыс. козаковъ (такъ ихъ и считаетъ французскій посолъ—20 тыс.) [3]).

По полученіи извѣстій объ этомъ походѣ на море, королевскій дворянинъ, извѣстный намъ Пачановскій, былъ посланъ на Запорожье съ приказаніемъ, чтобы козаки воздержались отъ всякихъ походовъ противъ Турокъ, но получилъ рѣзкій и чрезвычайно характерный отвѣтъ: козаки знаютъ, что король черезъ своего посла заключилъ миръ съ императоромъ турецкимъ—но это козаковъ не касается [4]).

---

[1]) Публ. библ. Пол. F. IV, 138, л. 5.

[2]) Предшествующее неблагопріятное для козачества настроеніе правительства отражаетъ инструкція на сеймики—Жерела VIII N. 176, и королевскія письма къ сенаторамъ—см. напр. письмо къ Сапѣгѣ, Публ. библ. автографы 177 л. 30.

[3]) L. c. c. 430.

[4]) Isz wiedzą, ze w. k. m. raczył wziąc przymierze z cesarzem tureckiem przez posła swego, ale nie oni.—Жерела VIII №. 119. Объ этомъ отвѣтѣ кн. Збаражскій имѣлъ извѣстіе уже 20 іюля

Извѣстный намъ митрополичій повѣренный попъ Филиппъ разсказывалъ, что Пачановскій передалъ кромѣ того королевскій ультиматумъ: чтобы козаки произвели сами выписку, въ противномъ случаѣ, если выписка не будетъ произведена и походы не прекратятся, то коронное войско двинется противъ козаковъ. Онъ прибавляетъ, что этотъ ультиматумъ произвелъ сильное впечатлѣніе на козаковъ („козаки услыхавъ, испугались“), они заявили Пачановскому, что пошлютъ къ королю своихъ старшихъ съ челобитьемъ, но тотъ отвѣтилъ, что это посольство ни къ чему не приведетъ—король своего рѣшенія не измѣнитъ [1]). Но изъ козацкаго отвѣта даннаго Пачановскому и извѣстнаго намъ изъ польскихъ правительственныхъ круговъ, наоборотъ, видно, что козаки совсѣмъ не обнаруживали охоты слѣдовать указаніямъ польскаго правительства. Хотѣли дѣйствовать по своему усмотрѣнію, не обращая вниманія на желанія польскаго правительства, разъ оно перестало исполнять свою первую обязанность—платить жалованье козакамъ.

О самихъ морскихъ походахъ этого года мы не имѣемъ вполнѣ точныхъ извѣстій. Морская кампанія наполнила собой весну, лѣто и начало осени 1625 г., и очевидно, состояла изъ трехъ походовъ, какъ это опредѣленно говоритъ король въ своей инструкціи [2])—хотя въ ходячихъ извѣстіяхъ все это сливается обыкновенно въ одинъ походъ. Кн. Збаражскій, писавшій объ этой кампаніи въ сентябрѣ 1625 г., тоже разбиваетъ ее на нѣсколько походовъ. О первомъ походѣ онъ не сообщаетъ никакихъ подробностей, только намекаетъ, что онъ былъ неудаченъ. Затѣмъ „во второй разъ, когда они были за Очаковымъ, сначала побили немало Турокъ и чаекъ ихъ уничтожили, набрали пушекъ, только потомъ, безразсудно пустившись на штурмъ оча-

---

н. с. Слѣдовательно Пачановскій на Запорожьи былъ, вѣроятно, не позже средины іюня н. ст, а посланъ онъ былъ по полученіи извѣстія о первомъ походѣ козаковъ на море.

[1]) Матеріалы Кулиша с. 299. Разсказы Филиппа вообще имѣютъ часто слѣды вліянія позднѣйшихъ событій—напр. когда онъ говоритъ, что Пачановскій велѣлъ козакамъ уменьшить войско до 6 тыс. Неумѣстно также запрещеніе походовъ на крымскаго хана, считавшагося лѣтомъ еще союзникомъ козаковъ. Въ виду этого нельзя особенно полагаться на точность разсказа Филиппа и онъ никоимъ образомъ не можетъ стоять наравнѣ съ писаннымъ по самимъ горячимъ слѣдамъ извѣстіемъ Збаражскаго.

[2]) Жерела VIII с. 285.

ковскаго замка, потеряли больше тысячи своихъ людей; отступивъ затѣмъ изъ подъ Очакова—хотя имъ тоже не везло, такъ какъ ихъ разбросала буря и турецкіе выстрѣлы потопили нѣсколько лодокъ—они все-таки сожгли городъ Килію"[1]).

Вѣроятно, то, что разсказываютъ константинопольскія депеши, относится къ первому походу. Первыя извѣстія о козацкомъ флотѣ пришли въ Константинополь еще въ мартѣ. Ходили слухи, что козаки идутъ на Кафу, подговоренные татарскимъ ханомъ, но вмѣсто того они неожиданно явились невдалекѣ отъ Босфора[2]). Турецкій флотъ получилъ приказъ подъ начальствомъ самаго капитанъ-паши своевременно занять позицію между Варной и Стамбуломъ, чтобы преградить козакамъ дорогу[3]), но пока капитанъ-паша туда собрался—пока снарядилъ корабли, пока усмирилъ возстаніе янычаръ на своихъ корабляхъ — было уже поздно. Козаки уже вышли въ море и явились вблизи Константинополя; навели такой страхъ, что все населеніе столицы искало спасенія въ бѣгствѣ. Но на этотъ разъ козаки шли на востокъ, въ окрестности Трапезунта, и начали грабить тамошнее побережье. Уничтожили въ этой окрестности 250 городовъ и мѣстечекъ, только не могли взять самого трапезунтскаго замка; такія извѣстія были получены въ Константинополѣ въ первыхъ числахъ іюня н. ст.[4]). Судя по этому, эти козацкіе подвиги относятся къ апрѣлю или маю. Капитанъ-паша, лишь теперь собравшійся въ походъ, не зналъ куда ему обратиться, и въ концѣ концовъ рѣшилъ ждать возвращенія козаковъ у лимана Днѣпра. Здѣсь онъ простоялъ очень долго, полтора мѣсяца, какъ говоритъ турецкій хронистъ—пока пришелъ козацкій флотъ. Встрѣтилъ его подъ Кара-Керманомъ, и здѣсь въ послѣднихъ дняхъ іюня или въ началѣ іюля н ст.[5]) произошла битва, описанная самимъ капитанъ-пашей въ его реляціяхъ, а за нимъ и въ турецкихъ источникахъ, какъ огромный тріумфъ турецкаго оружія надъ коза-

---

[1]) Сборникъ лѣтописей с. 253, Listy с. 97 (въ обѣихъ копіяхъ вставленная фраза разбиваетъ разсказъ).

[2]) Депеши Roe у Цинкайзена с. 496.

[3]) Французскія депеши—Hist. Russiae mon. I с. 429.

[4]) Ibid с. 430.

[5]) Дата опредѣляется тѣмъ, что объ этой битвѣ читаемъ въ депешѣ отъ 13 іюля, какъ о событіи послѣднихъ дней, l. c. с. 430.

чествомъ, тоже, дескать, показавшимъ чудеса отваги, но все-таки разбитымъ Турками.

По словамъ этихъ реляцій, изъ турецкаго флота, состоявшаго изъ 43 галеръ, только половина—21, принимала участіе въ битвѣ, остальныя отстали, такъ какъ не было вѣтра, а гребцы были утомлены. На одну турецкую галеру приходилось почти 20 чаекъ; на каждой было по 50 вооруженныхъ козаковъ съ ружьями, а у Турокъ только на девяти галерахъ былъ хорошій янычарскій экипажъ. Положеніе ихъ было тѣмъ болѣе опасно, что при штилѣ даже одна чайка можетъ помѣряться силами съ галерой, а при хорошемъ вѣтрѣ мало ихъ и двадцати—поясняетъ турецкій авторъ. „Началась страшная битва; мусульмане бились съ неописуемой отвагой и съ крайнимъ отчаяніемъ. Корабль капитанъ-паши находился въ крайней опасности и едва не сталъ добычей разъяренной сволочи. Эти злодѣи, узнавъ его по тремъ фонарямъ, украшавшимъ его заднюю стѣну, какъ бѣшеные бросились на него съ боковъ и съ фронта, ибо сзади его защищали пушки и частая ручная стрѣльба. Не обращая вниманія на массу своихъ труповъ, двѣсти негодяевъ взобралось на корабль и завязало на палубѣ горячую битву. Все пространство отъ носа корабля до мачты было завалено трупами невѣрныхъ, такъ что нельзя было пройти. Гребцы галеры, состоявшіе поголовно изъ козацкихъ невольниковъ, перестали работать веслами и навѣрно напали бы вмѣстѣ съ врагами на мусульманъ, если бы не были заблаговременно закованы въ кандалы. Но вотъ, когда на остальныхъ корабляхъ думали, что адмиральскій корабль уже тонетъ, уничтоженный козаками, какъ разъ нечеловѣческая отвага его геройскаго экипажа одержала найвысшую побѣду: какъ только освободили палубу отъ этихъ злодѣевъ, былъ данъ выстрѣлъ съ одной и другой стороны и массу чаекъ съ обѣихъ сторонъ поглотила морская пучина. Галера адмиральскаго намѣстника была также въ неменьшей опасности и съ такой же отвагой побѣдила своихъ враговъ. Но много другихъ кораблей уже дѣлались жертвой разъяренныхъ невѣрныхъ; уже мусульмане, видя неминуемую гибель, падали на землю, моля помощи у Бога—какъ вдругъ эту страшную тишину, предоставлявшую каждую галеру ея судьбѣ, не позволяя помогать другъ другу, — счастливо развѣялъ налетѣвшій шквалъ. Надуваются паруса, жизнь и надежды возвращаются къ отчаявшимся воинамъ и черезъ нѣсколько минутъ множество опрокинутыхъ и разбитыхъ челновъ наполняютъ море тысячами непріятельскихъ труповъ, изъ 350 чаекъ едва

тридцать доплыло до берега, и горсть этихъ злодѣевъ спасла себя бѣгствомъ“ [1]).

Такъ разсказываетъ турецкая хроника. Но болѣе точныя извѣстія значительно ослабляютъ картину этой побѣды. Оказывается, что турецкій флотъ дѣйствительно былъ на краю гибели, такъ какъ козаки взяли его на абордажъ, въ томъ числѣ также и адмиральскую галеру: разбили каюты, рули, и только поднявшійся въ это время сильный вѣтеръ спасъ Турокъ, такъ какъ вода стала заливать чайки. Но потери козаковъ совсѣмъ не были велики—погибло лишь нѣсколько сотъ человѣкъ и когда къ вечеру вѣтеръ немного утихъ, они даже гнались за турецкимъ флотомъ, убѣгавшимъ отъ нихъ. Капитанъ-паша послалъ въ Стамбулъ просьбу о скорѣйшей присылкѣ подкрѣпленія, и тамъ собрали всѣхъ, кто только могъ носить оружіе, и послали къ нему. Однако все это не помѣшало капитанъ-пашѣ, возвратившись осенью съ 270 козацкими плѣнниками, попавшими въ его руки, устроить тріумфальное шествіе, превознося до небесъ свою побѣду и сравнивая ее съ тріумфами Помпея и т.п. [2]).

О дальнѣйшихъ стадіяхъ морской кампаніи не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній сверхъ того, что разсказываетъ Збаражскій. Изъ его словъ выходитъ, что козацкія операціи концентрировались около Очакова и дунайскаго устья. Козаки громили Турокъ, но и сами потерпѣли въ какой-то неудачной битвѣ: попъ Филиппъ въ своихъ сообщеніяхъ упоминаетъ, что Турки козаковъ „били въ двухъ мѣстахъ да на морѣ потопили 22 или 23 чайки“, и вообще кампанія считалась для козаковъ неудачной, т. е. ея результаты не соотвѣтствовали ея размѣрамъ.

Морская война затянулась такъ, что наступила уже осень, и когда коронное войско осенью двинулось на козаковъ, послѣдніе еще не возвратились изъ похода. Это было однимъ изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя обусловили неудачу ихъ войны съ Поляками.

---

[1]) Collectanea I с. 179—181. Реляцію Магметъ-Дяка, сердара (начальника) войскъ черноморскихъ, въ письмѣ къ Конецпольскому см. въ украин. изд. Скромнѣе описываетъ эту битву нѣсколько болѣе позднее письмо каймакана Махметъ-Джурджи (ркп. Пуб. библ. 241 с. 598). Чаекъ козацкихъ, запорожскихъ и донскихъ, по его словамъ было около 205; подъ Синопомъ погибло козаковъ больше тысячи. „Затѣмъ встрѣтились съ дунайскими чайками, захватившими семь лодокъ и старшину—отослали ихъ къ царю“.

[2]) Французскія депеши с. 430, Roe у Цинкайзена с. 497.

Какъ мы знаемъ, уже сейчасъ же послѣ Хотинской кампаніи, когда козачество, исполнивъ все, чего требовала отъ него шляхетская Рѣчь Посполитая, не пожелало покориться и исчезнуть, какъ того требовала послѣдняя по окончаніи войны,—уже тогда въ правительственныхъ кругахъ принято было рѣшеніе усмирить козачество новымъ кровопусканіемъ. Нашъ землячокъ кн. Збаражскій въ своихъ письмахъ и рѣчахъ даетъ характерную иллюстрацію того, какъ этотъ мотивъ—необходимости козацкаго кровопусканія звучалъ во всѣ эти годы неизмѣннымъ руководящимъ тономъ, шляхетскимъ praeterea censeo. „Не успокаивать ихъ, но совершенно освободиться отъ этого бѣдствія“. „Не черезъ комисаровъ вести дѣло съ ними — ибо благодаря этому они только больше важничали и проникались фальшивымъ самомнѣніемъ, что съ ними какъ съ какой нибудь иностранной націей, черезъ выдающихся людей Польши вели дѣло переговорами, а не военной силой“ [1]). Такъ пишетъ этотъ украинскій магнатъ, высказывая, безъ сомнѣнія, настроеніе всего своего сословія.

Но бѣда была въ томъ, что и онъ и все это сословіе не спѣшили собственными своими руками способствовать „освобожденію отъ этого бѣдствія“, и когда король приглашаетъ его къ участію въ вооруженной комиссіи, имѣющей цѣлью покончить съ этимъ козацкимъ бѣдствіемъ—этотъ господинъ находитъ уже безконечный рядъ „консидерацій“ на ту тему, что козачество стало большой силой, къ войнѣ съ нимъ слѣдуетъ хорошо приготовиться, а не спѣшить, съ чѣмъ попало. „Сохрани Богъ, чтобы не произошло какой катастрофы съ войскомъ, если выступить легкомысленно! Побѣда не надежна, наигоршая бестія, какъ говорится. Сколько въ рукахъ этихъ людей (козаковъ)? Всѣ эти русскіе края, отчасти считающіе себя угнетенными панскимъ правомъ, отчасти въ своемъ глупомъ рвеніи жалующіеся изза уніи и религіи — всѣ они безъ сомнѣнія поднялись бы и разомъ съ ними (козаками) захотѣли бы мщенія. И здѣсь въ Коронѣ сдавленныя своевольныя банды (солдатскія) и всѣ, кто до такого хлѣба охочъ, сейчасъ бы поднялись и бросились... Ваша королевская милость не располагаешь въ этомъ государствѣ никакими силами, которыя могъ бы двинуть для защиты достоинства и цѣлости своего государства: универсалами конечно не могъ бы ни

---

[1]) Listy c. 78, 96.

успокоить, ни побудить никого на защиту—остались бы только плачъ, стонъ и ужасъ... И не дай Богъ быть пророкомъ—потомъ и заграничные и внутренніе противники вашей кор. милости, какіе существуютъ—захотѣли бы вмѣшаться и ловить рыбу въ мутной водѣ“ [1]).

Отсюда выводъ—не выступать противъ козачества съ случайными отрядами. Лучше ввести коронное войско въ центръ вост. Украины и „не дразня эту гадину, а придобриваясь“, расположить войско на зимнія квартиры, навести на козаковъ спасительный страхъ и затѣмъ при удобномъ случаѣ выступить противъ нихъ съ свѣжими силами [2]).

Такія благоразумныя „консидераціи“, безъ сомнѣнія повторяемыя на разные лады разными господами въ отвѣтъ на королевскія приглашенія къ участію въ вооруженной комиссіи, служили главнымъ препятствіемъ для осуществленія принятаго рѣшенія. Годъ за годомъ проходилъ среди пустыхъ угрозъ со стороны Рѣчи Посполитой, непослушанія и отговорокъ со стороны козачества. Военныя силы короля были сначала парализованы конфедераціей. Затѣмъ ихъ отвлекала охрана границъ отъ Татаръ. Да и мало было этого коронного войска, и слишкомъ рискованно было выступить съ нѣсколькими тысячами противъ козацкаго войска, котораго теперь считалось 40—80 тыс. Опасно было вызывать его на борьбу на жизнь и смерть. А послѣдняя зима принесла еще новыя осложненія въ видѣ формальнаго союза козачества съ Крымомъ, сношеній его съ Москвой. Въ офиціальныхъ кругахъ съ тревогой обсуждали то обстоятельство, что во время послѣдней морской компаніи (1625) козаки находили помощь и поддержку въ крымскихъ городахъ [3]). Можно было опасаться, чтобы выступивъ съ войскомъ противъ козаковъ, не наткнуться на козацко-татарскій союзъ [4]).

Но съ другой стороны, „самомнѣніе“ и „дерзость“ козацкая достигли уже такихъ размѣровъ, что дальше никакъ нельзя было терпѣть—ни государственному престижу, ни мѣстному „шля-

---

[1]) Какъ видимъ нашъ землякъ не худо обрисовалъ перспективы, какія ожидали Рѣчь Посполитую при первой катастрофѣ въ борьбѣ съ козаками. Въ эпоху Хмельниччины все это осуществилось вполнѣ.

[2]) Жерела VIII N. 179.

[3]) Listy с. 97, ср. французскія депеши с. 430.

[4]) Ср. соображенія Збаражскаго l. c.

хетскому народу“. Козацкіе походы на море серіозно грозили навлечь на Польшу новую турецкую войну. Козачество начинало выступать какъ вполнѣ самостоятельная политическая сила. Его союзъ съ Крымомъ, сношенія съ Москвой, проэкты открытой войны съ Портой въ интересахъ Яхіи (неизвѣстными польскому правительству эти планы не могли остаться)—все это обозначало новый курсъ козацкой политики—самостоятельной государственной политики. Въ своемъ отвѣтѣ на ультиматумъ, привезенный Пачаповскимъ, козачество заявило это открыто: „король заключилъ съ султаномъ трактатъ, а мы—нѣтъ“...

Съ другой стороны козачество стало хозяиномъ восточной Украины и рядомъ съ нимъ становилось тѣсно панскому праву. Кіевскій эпизодъ произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на шляхетскія и правительственныя сферы. На ряду съ кіевскими комиссія упоминаетъ еще какія-то „убійства богусловскія, корсунскія и много другихъ, наѣзды на дома шляхетскіе“ [1]). Королевская инструкція на сеймики 1625 г. даетъ такую картину (уже отчасти цитированную нами) этого невыносимаго для шляхты положенія:

„Домашнее своеволіе беретъ верхъ и такъ усилилось, что намъ самимъ отяготительно и съ сильными сосѣдями насъ ссоритъ. Забывъ совершенно вѣрность и подданство, они (козаки) устроили свое удѣльное государство. Грозятъ жизни и имуществу невинныхъ людей. Вся Украина имъ подвластна. Шляхтичъ не свободенъ въ своемъ домѣ. По королевскимъ городамъ и мѣстечкамъ все управленіе, вся власть у козаковъ; захватываютъ юрисдикцію, издаютъ законы. Не упоминая уже о другихъ экцессахъ, въ прошломъ году они, напавъ на Кіевъ, убили войта и съ нимъ нѣсколько другихъ невинныхъ урядниковъ; прочимъ велѣли заплатить большой выкупъ. Не одинъ домъ шляхетскій опозоренъ, обезчещенъ, окровавленъ собственными подданными подъ именемъ козаковъ. Годъ тому назадъ осмѣлились они отъ своего собственнаго имени заключить перемиріе съ султанъ-калгой, установлять договоры, принимать обязанности службы по отношенію къ нему. Въ этомъ году обмѣнивались посольствами и подарками съ Москвой. По своей волѣ рѣшаютъ войну и миръ, нарушаютъ заключенныя Рѣчью Посполитой перемирія. Въ этомъ году, пренебрегая королевскимъ запрещеніемъ, три раза ходили на море, и

[1]) Zbiór pamiętn. VI с. 181.

хотя получили значительный отпоръ со стороны турецкаго флота, однако причинили большія потери въ отдаленныхъ краяхъ Турецкаго государства“ [1]).

Союзъ козачества съ Ордой сталъ важнымъ препятствіемъ для усмиренія козаковъ. Но съ другой стороны, дальше его никакъ нельзя было откладывать, имѣя въ виду Турцію. Съ каждымъ днемъ все ближе надвигался новый разрывъ и война на сѣверѣ, со Швеціей—немыслимо было оставлять въ такой опасности южную границу, въ виду возможности разрыва съ Турціей. И наконецъ позиція занятая козачествомъ во внутреннихъ отношеніяхъ, ея рѣшительное заявленіе, что для нея необязательны воля и трактаты Польши, ея полное и безусловное господство на Украинѣ! Hannibal ante portas шляхетской Рѣчи-Посполитой, шляхетской жизни и права! Прежде чѣмъ двинуть коронное войско на Шведовъ, нужно было непремѣнно положить конецъ этому „своеволію“.

Конецпольскій, тогдашній шефъ короннаго войска, годъ передъ этимъ назначенный великимъ гетманомъ, рѣшилъ во чтобы то ни стало разорвать союзъ Орды съ козаками. И это ему удалось лѣтомъ 1625 г. Объ этомъ имѣемъ лишь довольно случайныя извѣстія, но фактъ самъ по себѣ ясенъ. Шагинъ продалъ своихъ союзниковъ и Конецпольскій могъ приняться за козаковъ. Въ августѣ въ Каменцѣ были уплачены хану и колгѣ „упоминки“ за два года [2]).

Кромѣ этого золотого аргумента Конецпольскій постарался въ этомъ направленіи использовать также турецкія вліянія. Отвѣчая турецкому коменданту пограничныхъ земель и войскъ Махметъ-Дьяку на его письмо, въ которомъ онъ укорялъ Польшу за козацкіе походы на море и хвалился послѣднимъ разгромомъ козаковъ, Конецпольскій старался обезпечить себѣ не только турецкій нейтралитетъ, но и вліяніе на Крымъ, чтобы козакамъ не нашлось тамъ помощи. Онъ поручаетъ своему послу напомнить лойяльность польскаго правительства по отношенію къ Портѣ—вплоть до недавняго ареста претендента на молдавское господарство Константина Антоновича. Выражая „несказанное удо-

---

[1]) Жерела VIII N. 178.

[2]) Попъ Филиппъ разсказывалъ въ Москвѣ: „с Турскимъ и Крымскимъ польской король перемирье взялъ для тово, чтобы съ козаки запорожскими справитца“—с. 244, объ упоминкахъ с. 269.

вольствіе“ свое по поводу разгрома козаковъ, напоминаетъ сеймовыя постановленія объ уничтоженіи козацкаго своеволія и поясняетъ, что только неопредѣленная позиція Турціи не позволяла ему до сихъ поръ приняться за уничтоженіе козаковъ. Увѣдомляя о своемъ намѣреніи итти противъ нихъ, „какъ только козаки съ моря и Днѣпра возвратятся по своимъ домамъ“ [1]), требуетъ дружественнаго нейтралитета со стороны Турціи, грозя, что Польша въ противномъ случаѣ примирится съ козаками и съ ними вмѣстѣ обратится противъ Турціи.

„Я увѣренъ“, передавалъ черезъ своего посла Конецпольскій,— „что когда я направляюсь съ войскомъ туда, здѣшнія границы и все государство королевское будутъ спокойны; ибо въ противномъ случаѣ, хотя мы съ козаками и разошлись, примирились бы легко, если бы услышали о чемъ либо враждебномъ съ этой (турецкой) стороны, а затѣмъ и тѣсный союзъ у насъ съ ними (козаками) наступилъ бы. Да и то пусть паша своимъ мудрымъ разумомъ устроитъ, чтобы козаки не имѣли никакого содѣйствія отъ Татаръ, ихъ пріятелей и союзниковъ. Вѣдь навѣрное, эти разбойники (козаки), услыхавъ о сильномъ королевскомъ войскѣ, и въ глаза ему не посмѣютъ глянуть, или убѣгутъ въ московскую сторону на Донъ, или на Днѣпрѣ въ своихъ убѣжищахъ засядутъ, а если бы имъ туда отъ ихъ пріятелей Татаръ стали доставлять какіе либо припасы, то они легко перезимовали бы тамъ, удовлетворяясь даже скуднымъ пропитаніемъ, а весной двинулись бы на Черное море“ [2]).

Королевское письмо къ комиссарамъ датировано 20 іюля н. стиля [3]). Вѣроятно, дѣло съ Шагиномъ было уже налажено и нужно было подумать лишь о томъ, чтобы собрать соотвѣтственныя силы для вооруженнаго усмиренія козачества. Король въ общихъ выраженіяхъ упоминаетъ о непріятностяхъ, какія имѣла

---

[1]) Однако на всякій случай предостерегалъ отъ слишкомъ оптимистическихъ надеждъ. Такъ какъ это предпріятіе серьезное и не легко осуществимое въ виду многочисленности козацкаго войска, Турки не должны удивляться, если исполненіе его займетъ больше времени, чѣмъ можно было бы желать.

[2]) Instructia od i. m. p. Stanisława Koniecpolskiego woiewody sendomirskiego, hetmana polnego koronnego i. m. panu Marcinowi Wolinskiemu do Mehmet-Diak baszy posłanemu w Barze 23 augusti roku 1625 dan.—Публ. библ. Пол. F. IV № 241 с. 595.

[3]) Ibid. с. 695.

Рѣчь Посполитая, благодаря козачеству, напоминаетъ сеймовое постановленіе 1623 г., назначившее комиссію противъ козаковъ, но неисполненное „изъ-за непрерывныхъ почти татарскихъ нападеній“, и въ такихъ же общихъ выраженіяхъ поручаетъ комиссарамъ привести въ порядокъ козацкое войско, способами, какіе укажутъ обстоятельства. „Чтобы вся эта своевольная чернь была выписана, подданные возвращены ихъ панамъ, всѣмъ потерпѣвшимъ людямъ всѣхъ сословій была оказана справедливость, а преступленія были наказаны. Чтобы козаки на будущее время пребывали на опредѣленныхъ кочевьяхъ (sic!), назначенныхъ имъ Рѣчью Посполитой и гетьманомъ, лѣтомъ и зимой, готовые какъ слѣдуетъ къ службѣ королю и Рѣчи Посполитой, въ опредѣленномъ для нихъ числѣ, вписанные въ реестръ, подъ управленіемъ старшихъ указанныхъ и назначенныхъ королемъ. Чтобы они никакой юрисдикціи не присваивали себѣ въ городахъ и королевскихъ, духовныхъ и шляхетскихъ, имѣніяхъ, но жили подъ правомъ и властью каждой мѣстности. Чтобы въ духовныя дѣла не вмѣшивались, не брали подъ свою опеку людей, подъ покровомъ духовныхъ дѣлъ занимающихся политическими интригами съ иностранными государствами и присваивающихъ себѣ епископскіе титулы безъ воли и утвержденія короля. Чтобы не принимали къ себѣ заграничныхъ бѣглецовъ, обманомъ выдающихъ себя за царевичей и господаричей, и выдали этого Исая (sic), явнаго обманщика, находящагося теперь у нихъ и называющаго себя сыномъ турецкаго султана“. Послѣ приведенія козацкаго войска въ такой порядокъ, поручалось принять его на государственное жалованіе, при чемъ однако въ инструкціи не указывалось ни размѣра платы, ни высоты реестра: очевидно, ихъ предоставлялось установить примѣнительно къ фактическимъ обстоятельствамъ.

Къ участію въ проведеніи этого порученія король призвалъ длинный рядъ украинскихъ магнатовъ и пановъ (около тридцати), которые должны были своими частными отрядами дать возможность гетману исполнить это не легкое предпріятіе. По обыкновенію и на этотъ разъ многіе изъ нихъ поспѣшили отказаться подъ разными предлогами отъ этого порученія. Нашъ добрый знакомый кн. Юрій Збаражскій въ отвѣтъ на приглашеніе извѣщая гетмана, что они съ братомъ вышлютъ въ походъ своихъ людей, снова щедрой рукой разсыпалъ скептическія замѣчанія о раціональности этой комиссіи и вообще всякихъ переговоровъ съ козаками:

„Я увѣренъ, что козаки сдѣлаютъ одно изъ двухъ: или не выйдутъ изъ Запорожья, узнавъ, что ваша милость выступилъ съ войскомъ, и зная давно, что ихъ ожидаетъ. А тѣмъ изъ своихъ, кто остался въ дальнихъ украинскихъ городахъ, велятъ или велѣли уже укрыться на Запорожье. Теперь они не пойдутъ противъ вашей милости и перезимуютъ хотя бы въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, надѣясь, что польское войско будетъ распущено или послано на зимнія квартиры, и тогда для нихъ наступятъ условія болѣе благопріятныя. Или пришлютъ нѣсколько десятковъ козаковъ, заявятъ, что подчиняются волѣ короля и Рѣчи Посполитой и готовы исполнить наказы комиссіи—войско дескать само не могло явиться изъ-за своего убожества и потому что не было готово къ походу, но черезъ пословъ заявляетъ свою покорность и это имѣетъ такую же силу, какъ если-бы они всѣ присутствовали. Я знаю, что в. м. легко оцѣнитъ, сколько въ этомъ будетъ искренности, но что же тогда, спрашиваю, придется предпринять, по принципу комиссіи? Поставить имъ условія—они все примутъ очень охотно—вѣдь покоряются: хотя бы кровью писались эти условія, они всему подчинятся на время по своей привычкѣ, лишь бы избавиться отъ этого похода и избѣжать опасности. Перебить присланныхъ и на этомъ успокоиться—значило бы испортить все дѣло; это и не въ характерѣ ваш. милости, да и не могло бы быть искупленіемъ тѣхъ бѣдъ, какія неустанно грозятъ отъ нихъ, и не усмирило бы ихъ. А затѣмъ комиссары по давнему обычаю разъѣхались бы по домамъ, пригрозивъ имъ письменно, а положеніе еще больше ухудшилось бы“.

„А здѣсь не словами и не переговорами, какъ ваша милость хорошо знаешь, нужно успокаивать и обезпечивать себя отъ турецкой войны, а оружіемъ воздать справедливость за прежнее и теперешнее непослушаніе“, повторяетъ свою обычную пѣсню нашъ землякъ. „Мести столь нужной и справедливой надъ этими людьми“ жаждетъ его шляхтское сердце. Онъ увѣренъ, что и Конецпольскій жаждетъ того же, но считаетъ, что нынѣшняя комиссія не приведетъ къ этому, и поэтому напрасно стягиваютъ панскіе полки, тратятъ панскія деньги на этотъ походъ. „Если бы козаки явились всей массой или ихъ захватить гдѣ нибудь, въ то время какъ они будутъ идти на Украину,—было бы не плохо“, разсуждаетъ онъ, но меланхолически добавляетъ: „Но я увѣренъ, что они теперь не покажутся изъ Запорожья, такъ

какъ уже самыя неудачи на морѣ не допустять ихъ до такой дерзости: не будутъ разсчитывать на успѣхъ и не посмѣютъ напасть на в. милость, пустятъ въ дѣло волчьи слова и ухватки и будутъ ожидать, пока войско будетъ распущено". И боясь, что комиссія, не выкупавъ козачество въ крови, только раздражитъ его противъ участниковъ экспедиціи, онъ умоляетъ Конецпольскаго взять подъ свое покровительство его украинскія имѣнія и для устныхъ переговоровъ по этому вопросу посылаетъ къ Конецпольскому кн. Четвертинскаго, прося имѣть къ нему полное довѣріе какъ бы къ самому Збаражскому. „Хотя онъ греческой вѣры, но нравъ у него не козацкій; знаю, что радъ онъ былъ бы видѣть ихъ всѣхъ утопленныхъ въ одной ложкѣ",—рекомендуетъ его и себя украинскій магнатъ" [1]).

Со своихъ стоянокъ на Подольи коронное войско двинулось на Украину въ срединѣ сентября н. ст. Всего насчитывало оно около 8 тыс. [2]). Шло оно на Поросье, на Паволочь—дня 25 сентября туда прибылъ самъ гетманъ, отправивъ разныя посольства. Оттуда онъ медленно двигался Поросьемъ мимо Бѣлой Церкви, ожидая комиссарскихъ полковъ, одинъ за другимъ прибывавшихъ къ нему. Къ козакамъ выслалъ онъ впередъ Хмѣлецкаго, извѣстнаго пограничника, запрашивая ихъ, гдѣ они желаютъ сойтись съ нимъ, чтобы комиссія могла исполнить свое порученіе: сообщить имъ волю короля и прийти къ соглашенію относительно организаціи войска. Не получивъ на это никакого отвѣта, Конецпольскій выслалъ съ Раставицы въ послѣдній день сентября второго посла, укоряя козаковъ за такое неуваженіе и увѣряя, что идетъ не со злымъ умысломъ, но съ любовью и уваженіемъ къ Запорожскому войску—„такъ какъ самъ нося саблю у бока, умѣю чтить людей рыцарскихъ". Лишь въ случаѣ, если бы они не захотѣли повиноваться королю и Рѣчи Посполитой,—грозилъ онъ,—вынужденъ былъ бы, „хотя и съ сожалѣніемъ, исполнить свой долгъ" [3]).

Козачество было захвачено этимъ походомъ и посольствами совершенно врасплохъ. Какъ разъ передъ походомъ Конецполь-

---

[1]) Письмо Збаражскаго въ Публ. библ. Пол. F. IV. 241 с. 605. Выдержки въ украин. изд.

[2]) Къ нему, очевидно, относится сообщенная Збаражскимъ цифра войска, съ которымъ приходится итти Конецпольскому на козаковъ—Жерела VIII с. 288. Ср. соображенія Рудницкаго о количествѣ войска въ его изслѣдованіи, с. 21. [3]) Zbiór pamiętn. c. 167—8.

скаго козацкое войско отправилось въ морской походъ, третій сряду, а козацкая старшина съ главными силами была еще на Запорожьи, когда Конецпольскій приближался уже къ Днѣпру— обстоятельства небывалыя при прежнихъ комиссіяхъ. Вѣроятно, козачество полагалось на свой союзъ съ Шагиномъ, и такое продолжительное промедленіе на Запорожьи по всей вѣроятности объясняется тѣмъ, что старшина всячески старалась разорвать союзъ Шагина съ Польшей и возобновить его союзъ съ козачествомъ. Однако все это закрыто для насъ, точно также какъ и та внутренняя борьба и перемѣны, которыя должны были происходить одновременно со всѣмъ этимъ и въ послѣдній моментъ во главѣ козачества гетманомъ и вождемъ поставили новаго человѣка, Жмайла, предводительствующаго козачествомъ въ этой войнѣ.

11 октября коронное войско подошло къ Каневу. Въ городѣ было около 3 тыс. козаковъ. Они выслали къ Конецпольскому пословъ, извѣщая, что ихъ гетманъ Жмайло находится еще на Запорожьи и они не знаютъ, какъ имъ быть—просятъ, чтобы польскія войска не нападали на нихъ и дали возможность снестись и посовѣтоваться. Конецпольскій послалъ имъ увѣщаніе писанное отъ имени комиссаровъ, гдѣ они, перечисливъ всякіе козацкіе грѣхи и пригрозивъ вооруженной расправой за непослушаніе, обращались къ „людямъ рыцарскимъ, честнымъ, заслужившимъ себѣ своею кровью добрую славу въ чужихъ краяхъ“—успокаивали ихъ, что имъ не грозитъ никакая опасность— ни ихъ правамъ, ни имуществу, ни религіи [1]). Очевидно, по Украинѣ распространились слухи, что польскія войска отправлены для уничтоженія православной вѣры [2]), и комиссары считали особенно нужнымъ уничтожить эти подозрѣнія. Но ихъ увѣщанія не имѣли никакого успѣха.

Козацкая „рада“, состоявшаяся въ Каневѣ, кончилась тѣмъ, что козаки не сдались, а вышли изъ города, чтобы присоединиться къ главному войску. Тогда Конецпольскій, „видя грубое и упорное непослушаніе этихъ людей“, отправилъ противъ нихъ

---

[1]) Zbiór с. 169 (въ заглавіи ошибочно стоитъ 20—X, такъ и въ рукп. Публ. библ.).

[2]) Такъ пояснялъ въ Москвѣ цѣль похода митрополичій повѣренный попъ Филиппъ: „чтобъ козаковъ уменьшить, а уменьша козаковъ и вѣру римскую въ Кіевѣ и во всѣхъ литовскихъ городахъ учинити“ (Кулиша Матер. с. 181).

передовой отрядъ, 10 хоругвей, подъ начальствомъ Одрживольскаго. Козацкое войско шло быстро. Поляки догнали его уже подъ Мошнами и ударили на козаковъ. Но козаки защищались упорно, не смотря на понесенныя потери („не мало ихъ подъ саблю пошло", доносилъ королю объ этой битвѣ Конецпольскій). Пришлось отправить Одрживольскому подкрѣпленія изъ главного войска, но козаки, отбиваясь, въ порядкѣ отступали передъ нимъ обозомъ, не позволяя разбить его. Такъ дошли до Черкассъ, гдѣ стоялъ козацкій гарнизонъ изъ 2 тыс. Онъ присоединился къ каневскому полку и разомъ съ нимъ сталъ отступать къ козацкому войску, начавшему, съ приближеніемъ польскаго войска, отступленіе подъ Крыловъ.

Главныя польскія силы подходили уже къ Черкассамъ, а гетманъ Жмайло только лишь двигался со своей артиллеріей. Положеніе козаковъ было чрезвычайно неблагопріятно. Очевидно, козаки были убѣждены, что съ Поляками имъ придется биться, а не мириться. Городовое войско, не чувствуя себя въ силахъ вступить въ битву съ главнымъ польскимъ войскомъ, отступало, чтобы соединиться съ Запорожцами, и старалось при этомъ задержать Конецпольскаго переговорами. Выслало подъ Черкассы посла, увѣдомляя Конецпольскаго, что Жмайло уже выступилъ изъ Запорожья; черезъ два дня явилось новое посольство съ просьбою, чтобы польское войско не наступало на нихъ, пока не явится Жмайло съ артиллеріей. Такъ шли посольства за посольствомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней.

Имѣемъ одно изъ такихъ писемъ, отъ 18 октября, посланное съ послами Иваномъ Манастырскимъ и Григоріемъ Трощаномъ съ товарищами. Письмо написано „Яремою Михайловичемъ присланнымъ съ Запорожья", отъ имени всего товариства, находящагося на устьѣ Тясмина", въ очень покорномъ, даже униженномъ тонѣ: козаки просятъ гетьмана „соизволить немного обождать, пока прибудетъ старшій изъ Запорожья, и мы съ нимъ будемъ имѣть возможность все какъ слѣдуетъ установить, чтобы исполнить волю и приказъ королевскій и вашъ, нашихъ милостивыхъ пановъ"—„такъ какъ мы безъ старшаго ничего, никакого порядка не можемъ устанавливать". Проситъ также, чтобы польское войско не производило никакихъ насилій надъ козацкими семьями—женами, дѣтьми и убогимъ имуществомъ нашимъ, какое гдѣ нибудь осталось [1]).

---

[1]) Zbiór pam. VI с. 171—3.

Конецпольскій съ комиссарами отвѣтили на это посольство новыми увѣреніями, что козакамъ нечего бояться какой-нибудь бѣды отъ нихъ, если захотятъ быть послушными королю. Но польскія войска опустошали козацкіе края для внушенія спасительнаго страха, вѣроятно не безъ согласія комиссіи—„города разорили, поплѣнили и выжгли“—какъ разсказывалъ въ Москвѣ попъ Филиппъ [1]).

Комиссары рѣшили подождать для переговоровъ Жмайла, и медленно подвигались къ козацкому лагерю, стоявшему за Крыловымъ надъ р. Цибульникомъ, на старомъ городищѣ, „гдѣ и теперь еще есть остатки турецкой мечети“, какъ отмѣчаетъ современная запись [2]). Это теп. ур. Табурище, гдѣ еще недавно были виды слѣды палисада. Въ концѣ концовъ польское войско подошло къ козакамъ такъ близко, что изъ польскаго лагеря былъ хорошо виденъ козацкій обозъ.

Польское войско было въ полномъ сборѣ—послѣдніе комиссарскіе полки прибыли подъ Черкасы. Главными участниками комиссіи были: Том. Замойскій воевода кіевскій (привелъ съ собою 300 чел. и 5 пушокъ), Янъ Даниловичъ воевода русскій (550 чел.), Гавріилъ Гойскій каштелянъ кіевскій съ братомъ и сыномъ (200), Матвѣй Лесневскій каштелянъ белзскій, Мартынъ Казановскій каштелянъ галицкій; затѣмъ: Стан. Потоцкій подкоморій подольскій, Стефанъ Немиричъ подкоморій кіевскій, Якубъ Собѣсскій староста красноставскій, Александръ Балабанъ теребовльскій, Адамъ Калиновскій брацлавскій, кн. Вишневецкій, кн. Заславскій, Елецъ, Стрыбиль—Поляки и Украинцы почти поровну—то, что въ московскихъ извѣстіяхъ называлось „Ляхи и Поляки“, (Поляки—ополяченная Русь). Всего комиссары привели войска около 8 тыс. [3]). Поэтому все польское войско должно было за-

---

[1]) Матеріалы Кулиша с. 229.

[2]) Публ. библ. Пол. F. IV № 96 л. 43.

[3]) Перечень комиссарскихъ полковъ (Zbiór с. 161—2) даетъ общее число 7336 и 16 пушекъ, но здѣсь пропущены нѣкоторые полки, и есть очевидныя ошибки. Перечень въ ркп. Публ. библ. Пол. F. IV № 241 заключаетъ такія отличія: Даниловичъ привелъ не 3000 Украинцевъ, а 300 „выбранцевъ“ (и въ другихъ мѣстахъ не Ukraincow, а wybrancow, только при Калиновскомъ Ukraincow, но можетъ быть тоже по ошибкѣ); между присланными полками: кн. Корецкаго 300 коней, Яна Фирлея гусаровъ 12 и пѣшихъ 20. Въ суммѣ этотъ реестръ даетъ меньше печатнаго на 2000 слишкомъ.

ключать до 18 тыс., а съ прислугой можно считать свыше 30 тыс. Эту послѣднюю цифру и даютъ намъ украинскіе источники [1]). Козацкаго войска насчитываютъ они 20 тыс., а старшими называютъ полковниковъ Дорошенка, Жмайла, Олифера и Пырскаго [2]). Поляки очевидцы насчитываютъ козацкаго войска до 30 тысячъ [3]).

Такимъ образомъ козацкое войско было по численности или равно польскому или слабѣе его, но польское войско было лучше вооружено и снаряжено. Уже это одно ставило козаковъ въ очень невыгодное положеніе. Вѣроятно, козацкое войско, бывшее на морѣ, не все успѣло возвратиться изъ похода и кромѣ того не было времени произвести полную мобилизацію козацкихъ кадровъ на Украинѣ, и этимъ объясняется такое сравнительно небольшое число козаковъ [4]).

Дня 25 октября н. с. гетманъ Жмайло извѣстилъ наконецъ польскую комиссію и гетмана о своемъ прибытіи къ войску, и на другой день комиссары выслали для переговоровъ съ козацкимъ войскомъ двухъ своихъ представителей-Украинцевъ Немирича и Стрыбыля, передавъ черезъ нихъ свою декларацію.

Декларація эта начиналась съ напоминанія, какими милостями и щедротами пользовалось козацкое войско за свои заслуги. „Не будучи по большей части людьми шляхетскаго сословія, они не только въ отношеніи личной свободы, но и имущественными правами своими были сравнены съ этимъ первымъ сословіемъ государства. Весь міръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на

---

[1]) Попъ Филиппъ въ Москвѣ: „было Поляковъ тысячъ съ тридцать, а Нѣмецъ цысарскихъ три тысячи“—Кулиша Матер. с. 181. [2]) Ibid. [3]) см. ниже с. 302—3.

[4]) Изъ словъ попа Филиппа въ Москвѣ можно заключить, что козаки не всѣ поспѣли съ моря на войну: „въ тѣ же поры безъ нихъ (т. е. бывшихъ на морѣ) пришелъ на нихъ гетманъ Конецпольской съ Поляки и съ Ляхи съ многими людьми и городы Черкасомъ и Крыловъ и иные и мѣста разорили и попленили и выжгли. А какъ они съ моря пришли и хотѣли съ Конецпольскимъ бой учинить, и онъ имъ собратца не далъ и пришелъ на станъ ночью и былъ бой великой“—Матеріалы с. 229—30. Дѣйствительно капитанъ-паша возвратился съ моря въ Стамбулъ въ первыхъ дняхъ октября (французъ. депеши с. 430); въ виду этого едвали козаки съ артиллеріей могли поспѣть съ послѣдней экспедиціи подъ Крыловъ на 25 октября н. с.

столь долгое снисхожденіе къ ихъ безчинствамъ и частое из виненіе того, за что публичное право наказало бы даже людей самыхъ выдающихся, самыхъ старинныхъ родовъ". Затѣмъ перечислялись всѣ извѣстные уже намъ грѣхи и прегрѣшенія козацкіе: походы на море, самостоятельныя дипломатическіе сношенія, вмѣшательства въ церковныя дѣла, нарушенія помѣщичьяго права, городской и королевской юрисдикціи (спеціально подчеркивался послѣдній кіевскій инцидентъ). Въ концѣ концовъ ставились требованія: войско выдастъ предводителей морскихъ походовъ и другихъ эксцессовъ, сожжетъ лодки при комиссарскихъ делегатахъ и на будущее время никто изъ нихъ не будетъ ходить на море ни изъ Днѣпра ни изъ Дона. Оно представитъ пословъ, ѣздившихъ въ Москву, чтобы получить отъ нихъ показанія, выдастъ корреспонденцію съ „московскимъ княземъ" и „царька Яхію". Сократитъ козацкое войско до „числа ранѣе указаннаго рѣчью посполитой", исключитъ всѣхъ имѣющихся сверхъ этого числа и пропишетъ всѣхъ оставленныхъ въ реестрѣ съ подробнымъ означеніемъ ихъ мѣстожительства—а проживать и пользоваться своими правами они могутъ только въ королевскихъ городахъ, „такъ какъ имѣнія шляхетскія и духовныя подлежать этому не должны и не могутъ". Возвратитъ земли, захваченныя козаками въ королевскихъ имѣніяхъ безъ старостинскаго пожалованія. Дастъ удовлетвореніе по всѣмъ жалобамъ на нихъ. Прекратитъ сношенія съ иностраннымигосударствами, принесетъ присягу на вѣрную службу, не будетъ держать войска на волости, на низу будетъ содержать опредѣленное число козаковъ и лишь столько лодокъ, сколько нужно для подвоза припасовъ. При исполненіи этихъ условій, Рѣчь Посполитая будетъ выплачивать козакамъ ежегодное жалованіе, установленное подъ Хотиномъ [1]).

Въ главнѣшихъ чертахъ это было не что иное какъ повтореніе мыслей королевской декларацiи, составленной послѣ Хотинской войны—возвращеніе козачества къ отношеніямъ, какія были указаны ему передъ Хотинской войной.

Получивъ комиссарскую декларацію, козацкая старшина признала ея условія „тяжелыми", но передала на разсмотрѣніе рады. Рада эта происходила на другой день съ утра до полуд-

---

[1]) Zbiór pam. c. 177—8, съ другой копіи въ Źródła do dziejów pol. Грабовскаго и Пшездзецкаго.

ня и признала условія невозможными. Отвѣтъ былъ данъ письменно, въ тонѣ вѣжливомъ, но полномъ достоинства [1]).

Мы достаточно цѣнимъ то,—начинался отвѣтъ — что отъ предковъ нашихъ получили за вѣрную службу нашего войска, какую несло оно на многихъ мѣстахъ противъ каждаго непріятеля государства, не жалѣя своего здоровья и имущества и не изъ - за какой либо награды. Въ этомъ оно не руководилось иными побужденіями, какъ только желаніемъ снискать себѣ милость покойныхъ королей и его кор. милости милостиваго государя нашего, счастливо нами правящаго. И за то предки наши и мы сами были награждены предшественниками его кор. милости и имъ самимъ свободами въ личной жизни, въ вопросахъ имущественныхъ и въ судахъ, какъ приличествовало людямъ рыцарскимъ. Пользуясь этими свободами, мы заботились всегда о томъ, чтобы какъ получили отъ нашихъ предковъ эти права и вольности, такъ ихъ и передать нашимъ потомкамъ въ цѣлости и ненарушимости, преумноживъ лишь славу—чтобы и они такимъ образомъ, преемственно принимая, передавали въ послѣдующія времена, какъ слѣдуетъ подданнымъ, вѣрнымъ и. м. королямъ, государямъ нашимъ. И никогда мы не заслужили какой либо немилости короля, нашего милостиваго государя или какихъ нибудь наказаній за непослушаніе—вѣдь всегда были мы вѣрны этому подданству и теперь остаемся вѣрными".

Переходя затѣмъ къ отдѣльнымъ обвиненіямъ и требованіямъ, поставленнымъ козацкому войску комиссарами, козацкая декларація объясняетъ, что зачинщики первыхъ морскихъ походовъ были войскомъ выданы для наказанія, а позднѣйшіе походы были вызваны тѣмъ, что правительство перестало выдавать козацкому войску его жалованье, и козаки, не имѣя чѣмъ жить, „вынуждены были сами о себѣ промышлять". Сношенія съ Шагинъ-гиреемъ объясняются случайностью (мы уже знаемъ это объясненіе),—при этомъ козачество дескать полагалось на то, что Шагинъ одновре-

---

[1]) Изданъ въ двухъ редакціяхъ—Zbiór VI с. 188 и Źródła VI с. 174; стилистически онѣ нѣсколько отличаются и это указываетъ, что тексты передаютъ оригиналъ довольно свободно. Копіи въ сборникахъ петер. публ. библ. (№ 19, 96 и др.) имѣютъ подъ этой козацкой деклараціей подпись: Laurenty Paszkowski pisarz na ten czas woyskowy и помѣтку „войсковой печати". Въ обѣихъ редакціяхъ встрѣчаются неисправности, но ихъ можно исправить, сопоставляя обѣ версіи.

менно хотѣлъ быть союзникомъ Польши. Сношенія съ Москвой имѣли цѣлью не какіе либо союзы, а поддерживались по „давнему обычаю" только для того, чтобы московское правительство „не переставало присылать казну": „издавна московскіе князья имѣли обычай присылать нашему войску, контентацію", и не желая терять того, что передали намъ наши предшественники, мы посылали, напоминая объ этомъ; но чтобы это соединено было съ какимъ либо оскорбленіемъ королевскаго величества [1]) или противъ Рѣчи Посполитой, того и въ мысли у насъ не было и не дай того Боже". Но выдать правительству своихъ пословъ, ѣздившихъ въ Москву, войско все таки не хотѣло. Также и относительно Яхіи заявило, что какъ пришелъ онъ неизвѣстно откула, такъ и ушелъ неизвѣстно куда. Въ дѣйствительности, когда Конецпольскій двинулся съ войскомъ на козаковъ, козацкая старшина выслала Яхію съ Запорожья въ Черкасы, откуда онъ пробрался въ Кіевъ, и здѣсь митрополитъ Іовъ держалъ его у себя въ монашеской одеждѣ, а когда Поляки стали усиленно разыскивать его, отослалъ со своимъ довѣреннымъ попомъ Филиппомъ на московскую границу, а изъ Москвы его, продержавъ довольно долго, выпустили потомъ черезъ Архангельскъ [2]).

---

[1]) Оскорбленіе величества усматривалось въ томъ, что козаки признавали за московскимъ царемъ царскій титулъ, а на этотъ титулъ все еще претендовалъ королевичъ и потому польское правительство не признавало царскаго титула за царемъ Михаиломъ Федоровичемъ.

[2]) Кулиша Матеріалы с. 216—7, 229—30. Въ Москвѣ Яхія разсказывалъ фантастическія исторіи, которыя могли быть пріятны московскому правительству: когда польскія войска двинулись на козаковъ, козаки говорили Яхіи, что объявятъ его своимъ царемъ и подъ его предводительствомъ будутъ биться съ Поляками или пользуясь его походомъ перейдутъ черезъ коронныя земли въ балканскіе края, признавшіе Яхію царемъ. Но Яхія сталъ ихъ отговаривать, доказывая невозможность этихъ плановъ, и совѣтывалъ послать къ московскому царю, прося принять ихъ въ подданство и занять Поднѣпровье своимъ войскомъ: „Будетъ они хотятъ царя христіансково (очевидно, польскій король, какъ католикъ, не считался христіаниномъ), и они бъ послали бить челомъ государю царю и вел. князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи, чтобъ ихъ принялъ подъ свою державу и послалъ къ Киеву ратныхъ людей, чтобъ Кіевъ со всѣми городы и землями и Запороги привести подъ ево государеву руку, и тамъ имъ будетъ лутче". И козаки дескать собирались выслать такое посольство въ Москву, но въ это время пришло польское войско, „Поляки и Ляхи, и учали ихъ побивать безъ пощады", и это помѣшало отправленію посольства.

Такимъ образомъ по этимъ политическимъ вопросамъ козаки отвѣтили довольно уклончиво. Но въ вопросѣ религіозномъ заняли позицію вполнѣ рѣшительную, очевидно считая вопросомъ чести не отвиливать дипломатическими отговорками, а постоять за религію. „О святѣйшемъ патріархѣ и прочихъ духовныхъ" они не желали входить въ дальнѣйшія разсужденія, считая что свое положеніе тѣ сами достаточно выяснили королю,—подчеркивали только титулъ святѣйшаго патріарха, въ виду того что комиссары въ своей декларацій выразили сомнѣніе относительно законности этого титула. Зато кіевскій инцидентъ рѣшительно приняли подъ свою защиту, заявляя, что и „самаго низкаго положенія человѣкъ" не могъ бы выдержать тѣхъ оскорбленій вѣры, какія совершались въ Кіевѣ. А на будущее время усиленно просили „успокоенія нашей старинной греческой вѣры, которой и король е. м. своей присягой обѣщалъ миръ—чтобы она была сохранена во всемъ,—чтобы мы, узнавъ милость королевскую, Рѣчи Посполитой и п. комиссаровъ, тѣмъ охотнѣе боролись за цѣлость отчизны противъ врага Короны, гдѣ будетъ въ этомъ нужда".

Упреки въ разныхъ эксцессахъ войско признавало отчасти неосновательными, отчасти обѣщало наказать виновныхъ, если бы за ними оказались какія-либо провинности— „справедливость за убытки, причиненныя людямъ какого бы то ни было сословія всегда оказывалась, и теперь готовы они оказать ее каждому по заслугамъ". Отъ сношеній съ иностранными государствами войско готово отказаться на будущее время, если такова воля короля; но за то просить подтвержденія своихъ правъ и вознагражденія за потери, какія потерпѣли козаки. Что же касается принятія разныхъ претендентовъ—„царьковъ турецкихъ, московскихъ, господарчиковъ валахскихъ", то войско рѣшительно отвѣчало, что оно должно соблюдать прежнюю свободу: „издревле за Порогами пріѣздъ и отъѣздъ воленъ всѣмъ людямъ, какъ бы они ни титулировались".

Походы на море войско готово прекратить, если ему будетъ увеличено жалованье настолько, чтобы съ нимъ войско могло просуществовать. И лодки готово сжечь, если за нихъ будетъ дано соотвѣтствующее вознагражденіе. Должны быть также изысканы для козачества какіе либо источники пропитанія, если воспрещается добычничество на морѣ, „которымъ мы привыкли до-

бывать себѣ кусокъ хлѣба“: должна быть предоставлена свободная ловля звѣрей, рыбы, „и съ честной торговли имѣть пропитаніе“.

На жалованье, увеличенное подъ Хотиномъ до 50 тыс. зол., козаки не только не могутъ прожить, если кто не имѣетъ собственнаго жилища („а такихъ между нами много“), или пріобрѣсти оружіе для службы, но даже едва на порохъ и свинецъ хватитъ его на цѣлый годъ; поэтому козацкіе послы должны просить комиссаровъ, чтобы они похлопотали объ этомъ передъ королемъ и Рѣчью Посполитой. Для козацкой артиллеріи также нужны разные предметы; если комиссары вмѣняють въ вину имъ, что козаки, идя на службу королевскую, собираютъ съ украинныхъ городовъ всякіе припасы для службы, порохъ, свинецъ, лошадей, упряжь, одежду и обувь для погонщиковъ — слѣдуетъ доставлять эти припасы козацкому войску изъ государственныхъ средствъ.

Произвести выписку „ненужныхъ и къ войнѣ не способныхъ людей“ войско соглашалось, но съ тѣмъ чтобы выписанные не подвергались наказаніемъ или инымъ непріятностямъ со стороны своихъ пановъ. При этомъ войско оправдывалось, что оно и не вербовало подданныхъ изъ королевщинъ, духовныхъ и шляхетскихъ имѣній; но сами урядники, принимая отъ людей подарки, позволяли имъ приставать къ козакамъ, — благодаря этому среди козаковъ оказалось много и ремесленниковъ. О количествѣ войска, которое должно было остаться на службѣ, козаки не упоминали. Также не считали возможнымъ опредѣлить того контингента, который долженъ былъ стоять гарнизономъ на Низу: „Малый отрядъ не устоитъ противъ басурманъ, большій— не утерпитъ, чтобы не ударить на непріятеля, хотя бы лишь ради пропитанія,—нужно было бы его достаточно снабдить припасами, одеждой, деньгами“. И снова запросъ комиссарамъ—откуда будетъ получаться содержаніе тѣми козаками, которые будутъ находиться на Запорожьи и нести сторожевую службу?

Ограниченія козацкаго мѣстожительства только королевскими имѣніями войско рѣшительно не хотѣло принять. „Чтобъ вольно было намъ жить какъ въ имѣніяхъ королевскихъ, такъ и духовныхъ и шляхетскихъ, и если бы кто хотѣлъ перейти (изъ частнаго имѣнія) въ королевскіе города, то чтобы имѣлъ право продать свою хату и пашни“. Не такъ рѣзко, но всетаки достаточно рѣшительно отказывалось войско принять требованіе, чтобы козацкаго гетмана назначалъ король или коронный гетманъ.

„Каждый человѣкъ подверженъ разнымъ случайностямъ, а въ военное время въ особенности можетъ его постигнуть смерть: если бы въ случаѣ смерти старшаго пришлось за новымъ старшимъ посылать къ королю или къ п. гетману, то отъ этого могли бы произойти въ войскѣ большія волненія и непорядки; по этимъ причинамъ хотимъ остаться при давнемъ обычаѣ—самимъ избирать себѣ гетмана“. Не считали нужнымъ также приносить на ново присягу, какъ того домагались комиссары, потому что принесли присягу уже раньше.

Просили еще, чтобы комиссары и гетманъ позаботились о возвращеніи козацкихъ имѣній и семей захваченныхъ во время этого похода на Украину—„ибо мы не заслужили такого притѣсненія“.

Такимъ образомъ при всемъ своемъ вѣжливомъ тонѣ, отвѣтъ являлся довольно рѣшительнымъ отказомъ. Козаки не хотѣли принять ограниченія войска реестромъ и уничтоженія своихъ старыхъ правъ и свободъ (свободы жительства, выбора гетмана). Заявляли готовность подчиниться нуждамъ польской политики—не искать добычи и заработка въ сосѣднихъ государствахъ, но подъ условіемъ если Рѣчь Посполитая дастъ имъ соотвѣтственныя средства содержанія. Рѣшительно стояли при своихъ церковно-національныхъ требованіяхъ.

Въ польскомъ лагерѣ этотъ отвѣтъ былъ принятъ, какъ разрывъ переговоровъ и casus belli. Конецпольскій задержалъ пословъ у себя на ночь, чтобы захватить козацкое войско врасплохъ. Своему войску велѣлъ приготовиться за ночь къ походу. Утромъ, призвавъ пословъ, заявилъ имъ, что если козаки не хотятъ оказать покорности, то онъ дастъ имъ почувствовать польскія сабли на своихъ шеяхъ, и кровь ихъ упадетъ на ихъ души. Послѣ такой патетической и гордой рѣчи, онъ отправилъ пословъ и сейчасъ же по ихъ слѣдамъ двинулъ войско на козацкій лагерь, расположенный такъ близко, что его было видно съ польскаго лагеря. Началась война.

Это было 19(29) октября. Перейдя болотистую рѣчку Цыбульникъ, Конецпольскій съ трехъ сторонъ ударилъ на козацкій лагерь и оттѣснивъ козацкіе полки съ поля въ обозъ, началъ канонаду. Біографъ воев. Замойскаго съ умиленіемъ разсказываетъ о послѣднемъ, какъ онъ самъ заряжалъ пушки и стрѣлялъ въ козаковъ „на здоровье пану гетману (Конецпольскому), а тотъ

пріѣхалъ къ его крылу, помогалъ ему самъ и отплачивалъ такими пушечными „виватами“, „по очереди одинъ другому свидѣтельствуя свое расположеніе, а непріятелю причиняя уронъ“. Козаки пробовали прекратить эту милую панскую забаву, выславъ вылазку—впереди немного конницы, за которою ползли по землѣ въ прикрытіи пѣшіе козаки. Но Поляки замѣтили ихъ и выбили козаковъ изъ засады. Также не удалась вылазка подъ батареи лѣваго крыла [1]).

Вечеромъ польское войско сошло съ позицій, и на другой день не возобновляло своихъ аттакъ. Конецпольскій отдалъ приказъ готовиться къ приступу, готовить туры, гуляй городы и прочія принадлежности. Когда объ этомъ узнали козаки—говоритъ польскій дневникъ—ими овладѣлъ сильный страхъ. Думали переправиться за Днѣпръ, но въ этотъ день погода была бурная, и пробовавшіе переплыть утонули. Тогда Жмайло рѣшилъ отступить дальше на югъ, на старое городище на ур. Медвежьи Лозы надъ Куруковымъ озеромъ (теп. пос. Крюковъ противъ Кременчуга), въ двухъ миляхъ отъ Табурища. Вечеромъ козаки разложили огни въ своемъ лагерѣ, чтобы обмануть Поляковъ, а сами двинулись къ Курукову. Однако въ польскомъ лагерѣ скоро узнали объ ихъ отступленіи: ночью былъ посланъ отрядъ нѣмецкой пѣхоты на развѣдки, и онъ подойдя подъ самые козацкіе окопы и не найдя тамъ никого, убѣдился, что козаки ушли, и извѣстилъ объ этомъ Конецпольского. Тотъ сейчасъ же ночью созвалъ совѣтъ, и на немъ рѣшено было не упускать козаковъ и спѣшить по ихъ слѣдамъ. Немедленно отправленъ былъ извѣстный уже намъ (прославленный позже) Хмѣлецкій—догнать и занять козаковъ, пока подойдутъ главныя польскія силы, а вслѣдъ за нимъ на слѣдующій день выступилъ и Конецпольскій,

Такъ повѣствуетъ польскій дневникъ. Не имѣемъ другихъ источниковъ, которые бы поясняли намъ причины этого неожиданнаго козацкаго марша. Вѣроятно, обнаружились какія нибудь неудобства занятой позиціи на случай польскаго приступа, и было рѣшено перемѣнить ее.

Ожидая польской погони, козаки использовали всяческіе способы, чтобы задержать Поляковъ—какъ Поляки въ свою очередь хотѣли „занять“ ихъ.

Былъ уже день, когда Хмѣлецкій со своимъ коннымъ пол-

---

[1]) Дневникъ—Zbiór с. 149—152, Журковскій с. 97—8.

комъ догналъ козацкое войско, въ милѣ отъ стараго лагеря. Козаки перейдя рѣку, оставили въ густыхъ лозахъ ея береговъ полторы тысячи человѣкъ, чтобы они защищали переправу и „заняли“ польскую погоню. Такимъ же образомъ пройдя еще полмили, до слѣдующей переправы, они поставили здѣсь вторую засаду, двѣ тысячи коннаго войска. И наконецъ третью засаду помѣстили надъ Куруковымъ озеромъ, съ сѣверной стороны, со стороны Поляковъ—двѣ тысячи войска въ укрѣпленномъ лагерѣ изъ возовъ, разставленныхъ въ видѣ полумѣсяца. Главнымъ же лагеремъ стали на другой сторонѣ озера, на старомъ городищѣ, и разставивъ возы вокругъ въ нѣсколько рядовъ, стали укрѣплять лагерь.

Козацкія засады были выставлены на гибель почти неизбѣжную—онѣ должны были пожертвовать собой, чтобы дать возможность главному войску укрѣпить лагерь до прихода польскаго войска. Свою задачу онѣ исполнили вполнѣ.

Не только высланный впередъ Хмѣлецкій [1]), но и полки Потоцкаго и Тышкевича, отправленные вслѣдъ за нимъ, не могли ничего подѣлать съ первой козацкой засадой, и вмѣсто битвы, начали съ ней переговоры [2]). И только когда подошла нѣмецкая пѣхота и начала обстрѣливать козаковъ, а по ея примѣру и конница, спѣшившись и перейдя рѣку съ мушкетами въ рукахъ, ударила на засаду,—козаки отступили передъ превосходными польскими силами и разсѣялись, спасаясь отъ польской кавалеріи.

Такъ Поляки дошли до второй засады и здѣсь повторилось тоже самое: стрѣльба по козацкимъ позиціямъ, затѣмъ штурмъ, и новое отступленіе козаковъ. Польскій дневникъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что польская конница вошла въ такой азартъ, что била козаковъ „не щадя ни лошадей ни рукъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ не убѣжалъ, чтобы подать вѣсть на Куруково“. Но здѣсь также пришлось подождать пѣшаго войска и лишь съ нимъ кавалерія прогнала козаковъ съ передовой позиціи, и затѣмъ на-

---

[1]) Журковскій восхваляя подвиги своего сослуживца Хмѣлецкаго, несомнѣнно, слишкомъ преувеличиваетъ его успѣхи.

[2]) Дневникъ говоритъ, что войско нашло Потоцкаго и Тышкевича ubiezpieczonych nieco kozackimi tractatami: эти слова изслѣдователи переводили въ томъ смыслѣ, что эти польскіе полки укрѣпили свои позиціи по козацкому способу. Но такой переводъ совершенно невозможенъ.

чался обстрѣлъ другого берега озера. Въ это время стали подходить и полки главнаго польскаго войска. Съ ними передовые польскіе полки пошли приступомъ за рѣку и оттѣснили козаковъ къ ихъ главному лагерю, и при томъ много побили ихъ. Такъ какъ козаки не успѣли еще окончить фортификацій для укрѣпленія лагеря, то Поляки надѣялись воспользоваться этимъ и разбить его, и съ сильнымъ натискомъ устремились на лагерь. Но этотъ азартъ стоилъ имъ дорого. Козаки приняли ихъ изъ лагеря меткими выстрѣлами, другіе ударили изъ своихъ засадъ, гдѣ успѣли залечь. Много польскаго войска погибло, много было ранено—между прочимъ пуля попала въ малтійскій крестъ одного изъ выдающихся участниковъ, мальтійскаго рыцаря Юдицкаго, едва не погибъ и Замойскій, попавшій въ трясину, гдѣ его окружили козаки и едва не убили.

Польское войско бросилось въ безпорядкѣ назадъ, но подоспѣлъ Конецпольскій съ остальнымъ войскомъ, привелъ все въ порядокъ, раздалъ позиціи и всѣми силами, подъ пушечную стрѣльбу возобновилъ приступъ. Но результаты и этого болѣе планомѣрнаго приступа были тоже не блестящи. Козацкаго лагеря разорвать не удалось. Поляки понесли большія потери въ людяхъ [1]); самъ Конецпольскій спасся лишь чудомъ. Поэтому когда изъ козацкаго лагеря послышались какіе-то крики—какъ передаетъ это польскій дневникъ, спасая честь своего войска—козаки „громко кричали, прося милосердія", Конецпольскій счелъ это благопріятнымъ предлогомъ для окончанія неудачной битвы. Велѣлъ снять батареи съ позицій, отвелъ войско и расположился лагеремъ надъ берегомъ озера [2]).

Что эта козацкая паника и покорность были не больше какъ выдумкой комиссаровъ, чтобы скрыть печальные результаты битвы,—обнаружилось сейчасъ же. Изъ козацкаго лагеря никто не думалъ пріѣзжать съ челобитной. Въ польскомъ лагерѣ, дѣлая bonne mine, говорили, что козаки бояться присылать пословъ къ разгнѣванному гетману. Конецпольскій, спасая положеніе, заявилъ, что онъ въ такомъ случаѣ больше не будетъ миловать козаковъ, и снова велѣлъ „уже серьезно" приготовлять туры и все нужное

---

1) См. современную записку въ публ. библ. F. IV. 96 л. 43 и Pamiętniki do panow. Zygmunta III т. I с. 124.

2) Дневникъ—Zbiór с. 152—6, тамже письма Мясковскаго и Конецпольскаго с. 164—5, 228—9, Журковскій с. 99—100.

для штурма. Но комиссары, какъ поясняетъ дневникъ, уговорили его послать пословъ въ козацкое войско, и онъ согласился на это—послалъ Хмѣлецкаго съ другимъ ротмистромъ, чтобы склонить козаковъ къ мирному окончанію дѣла.

Это вполнѣ соотвѣтствовало афоризму—„не идетъ гора къ Магомету, идетъ Магометъ къ горѣ“. Пришлось отложить гордый тонъ по отношенію къ козакамъ. Перспективы дальнѣйшихъ битвъ послѣ неудачнаго штурма 31 октября, а еще болѣе—перспективы долгой затяжной осады—страшили Поляковъ. Уже начинались утренники, шелъ снѣгъ; трудно было въ эту пору прокормить войско и лошадей въ такой далекой глухой мѣстности. Велики были потери въ лошадяхъ и людяхъ. Много было раненыхъ, требовавшихъ нѣкоторыхъ удобствъ и присмотра, а всего этого имъ нельзя было здѣсь доставить. При томъ, зная о сношеніяхъ козаковъ съ Шагинъ-гиреемъ, объ ихъ попыткахъ получить отъ него помощь противъ Польши, Поляки должны были опасаться всякаго затягиванія войны: въ концѣ концовъ Шагинъ могъ нарушить договоръ съ Польшею и притти на помощь козакам. Да нельзя было затягивать ее еще и въ виду возможной шведской войны. Поэтому обязательно необходимо было какъ нибудь покончить дѣло.

Въ письмѣ, переданномъ черезъ пословъ, Конецпольскій выражалъ готовность простить козакамъ ихъ непокорность—что они „осмѣлились поднять свои хоругви противъ хоругвей и оружіе противъ королевскаго войска“ (защищая себя отъ Поляковъ, напавшихъ на козаковъ). Пусть только они теперь опомнятся и покорятся. Въ противномъ случаѣ грозилъ, что „не уйдетъ изъ здѣшнихъ краевъ“, и будетъ „до конца проявлять свою суровость“ надъ козацкими женами, дѣтьми и имѣніями [1]). Это звучало грозно—хотя не особенно рыцарственно и культурно.

Но изъ-за этихъ грозныхъ фразъ слышалась настоящая нота: „przysyłaycie do nas zarazem posłów“! И то, что неловко было писать, поддерживая честь польскаго войска, должны были, очевидно, договорить устно посланные. Въ результатѣ козаки дѣйствительно выслали своихъ посланныхъ съ письмомъ, „прося трактатовъ“, какъ выражается дневникъ [2]). Выслушавъ ихъ, комиссары послали отъ себя письмо, требуя, чтобы козаки выслали пословъ съ полномочіями для переговоровъ. Этого письма

---

[1]) Zbiór c. 175—7. [2]) Ibid. c. 157.

мы не имѣемъ и о содержаніи его можемъ судить только по козацкому отвѣту [1]. Очевидно, главное содержаніе его составляли оправданія въ томъ, что польское войско послѣ предшествовавшихъ увѣреній въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ такъ хищнически и безцеремонно напало на козаковъ. Они оправдывались тѣмъ, что козаки искали помощи Шагинъ-героя, сожгли каневскій замокъ и т. п.

На другой день (3 ноября н. с.) козаки прислали посольство изъ десяти лицъ. Они привезли новую козацкую декларацію, адресованную комиссарамъ, и отдѣльныя письма къ Конецпольскому какъ гетману и Замойскому какъ воеводѣ кіевскому. Какъ въ этой декларацiи, такъ и въ инструкціи, данной посламъ, за подписью писаря Савы Бурчевскаго, и также предложенной комиссіи, козаки въ сущности повторяли мысли и желанія, высказанныя въ первой декларацiи, лишь въ выраженіяхъ болѣе сдержанныхъ. Дѣлали только незначительныя уступки, напр. въ вопросѣ о принесеніи новой присяги, но объ опредѣленіи реестра точной цифрой умолчали („собственно не о чемъ уже говорить, такъ какъ во время похода войска на Украину одни убиты, другіе боясь этой выписки, отступили отъ насъ и добровольно поддались панамъ—урядамъ украиннымъ,—но исполняя волю п. комиссаровъ, мы не противъ того, чтобы послѣ нашего возвращенія домой люди чуждые рыцарскому дѣлу не украшались нашими вольностями“). Добавили кое-что новое—напр. чтобы старшинѣ было назначено особое жалованье [2].

Переговоры на основаніи этихъ декларацій тянулись цѣлый день, но при значительномъ расхожденіи требованій комиссаровъ и козацкаго войска не могли привести къ соглашенію. Комиссары согласились только увеличить реестръ до 5 тысячъ, а къ козацкому жалованію 50 тыс. прибавить отдѣльное жалованье старшинѣ. Согласились, чтобы на случай, если бы козацкій гетманъ умеръ на своей должности, войско могло выбрать себѣ временнаго гетмана, пока назначитъ гетмана правительство, но самовольно войско не можетъ ни лишать гетманства ни выбирать новое лицо на гетманство. Рѣшительно признавали невозможнымъ на будущее время, чтобы козаки имѣли право проживать въ частныхъ имѣніяхъ, и отклоняли козацкія ходатайства

[1]) Zbiór c. 199.
[2]) Ibid c. 199—207, Źródła, II c. 180, Żurkowski c. 101.

объ успокоеніи религіозныхъ отношеній такими соображеніями, что въ религіозныхъ дѣлахъ никакой несправедливости не чинится никому и заниматься ими должно духовенство, а не войско. Кромѣ этого офиціальнаго отвѣта были посланы особыя письма съ увѣреніями въ расположеніи отъ тѣхъ лицъ, которымъ козаки писали отдѣльно; были они написаны въ благожелательномъ тонѣ, но съ панской высоты, снисходящей къ людямъ „простой кондиціи“ [1]).

Переговоры, веденные въ польскомъ лагерѣ 3 ноября, все таки значительно подвинули дѣло впередъ. Вѣроятно, комиссары выяснили козацкимъ посламъ, что они никакъ не могутъ отступить отъ нѣкоторыхъ пунктовъ и иначе ихъ соглашеніе съ козачествомъ не можетъ состояться. Но не дали ли они втайнѣ, одновременно съ тѣмъ, какихъ либо надеждъ, не указали ли перспективъ, что въ дѣйствительности, на практикѣ эти постановленія могутъ быть кое въ чемъ смягчены, ослаблены? Или козацкая старшина вывела это сама изъ переговоровъ, изъ общаго положенія дѣлъ? Трактаты съ козачествомъ всегда заключались больше для вида и никогда не осуществлялись ригористически. И на этотъ разъ не было основанія предполагать иначе. Новыя постановленія, проэктированныя комиссіей, должны были возобновить поставленія ольшаницкой комиссіи 1619 года. Не согласились ли тогда на нихъ козаки? А въ дѣйствительности они остались на бумагѣ. Правда, послѣ такихъ заслугъ, какія были оказаны козачествомъ въ Хотинской войнѣ, послѣ дальнѣйшаго роста и силы, энергіи и престижа козацкаго войска возвращаться назадъ къ постановленіямъ 1619 г., перечеркнуть всѣ надежды и претензіи, основанныя на хотинскихъ заслугахъ, для козачества было, безъ сомнѣнія, тяжело. Но что-же дѣлать! Вѣдь и постановленія 1619 г. вѣнчали крупныя козацкія заслуги въ московской компаніи. Очевидно, иной благодарности нельзя было ожидать отъ шляхетской Рѣчи Посполитой.

Все это должно было принять въ соображеніе козацкое войско, выслушавъ извѣстія и письма, привезенныя его посольствомъ. Цѣлый день 4 ноября прошелъ въ совѣщаніяхъ. Не смотря на значительныя потери въ прежнихъ сраженіяхъ (какъ говоритъ польскій дневникъ, сами козаки признавались послѣ окончанія переговоровъ, что ихъ погибло въ битвахъ этой кампаніи 8 тыс.),

[1]) Zbiór c. 208—216, Żurkowski c. 102.

козацкое войско было еще велико. Полякъ, участникъ похода, говоритъ, что было его въ лагерѣ, послѣ всего это „самое меньшее 20 тыс.“ [1]).

Но и козакамъ не улыбалась перспектива дальнѣйшей войны. Во время спѣшнаго отступленія изъ подъ Крылова Поляки „урвали“ у нихъ значительную часть обоза съ припасами и провіантомъ; затѣмъ ставя спѣшно лагерь на новомъ мѣстѣ, они не могли укрѣпить его какъ слѣдуетъ. Въ виду всего этого было рѣшено пойти на уступки.

Вечеромъ въ польскій лагерь пріѣхали козацкіе послы съ заявленіемъ, что главнымъ препятствіемъ являются два пункта: козаки не могутъ согласиться на выдачу главныхъ предводителей прежнихъ своевольствъ и на цифру реестра, такъ какъ внѣ реестра очутится до 45 тыс. козаковъ и выписку такого множества нельзя будетъ произвести. Такъ записываетъ дневникъ [2]).

Козацкая декларація (третья сряду), сохраненная въ полномъ текстѣ [3])—заявляла также, что козаки „никоимъ образомъ и по разнымъ причинамъ“ не могутъ выдать предводителей, „такъ какъ старшій, какъ посолъ, избирается для каждаго дѣла единодушно всѣмъ войскомъ и долженъ то исполнять, что ему прикажетъ войско—поэтому не они, а мы, все войско виновато передъ королемъ и Рѣчью Посполитой“, и войско проситъ простить ему эту вину. Относительно реестра „трудно намъ согласиться на ограниченія войска всего пятью тысячами, такъ между нами найдется больше десяти тысячъ такихъ, которые по 10, 20 и 30 лѣтъ занимались рыцарскимъ дѣломъ на службѣ Рѣчи Посполитой, добывали себѣ саблей кусокъ хлѣба и бывали тяжело ранены. Какъ же такой человѣкъ, бывъ свободнымъ, могъ бы теперь подчиниться панской юрисдикціи? Предоставляемъ это милостивому разсмотрѣнію пановъ комиссаровъ и покорно просимъ ихъ не требовать отъ насъ того, что могло бы вызвать между нами возмущеніе. Тѣмъ болѣе, что въ эту же зиму все равно трудно устанавливать между нами порядокъ (составить реестръ): въ полѣ трудно, а собрать все войско въ какомъ либо городѣ—вышло бы большое отягощеніе людямъ и опустошеніе; а если дастъ Богъ,

---

[1]) Zbiór с. 159, 229. [2]) Ibid. с. 158.

[3]) Однако съ датой 5 ноября—трудно сказать, означаетъ ли это, что декларація была послана на другой день, или здѣсь неточность въ цифрѣ.

весною, когда намъ легче собраться въ полѣ, не причиняя тягостей людямъ,—тогда можно будетъ это сдѣлать, хотя бы и при п. комиссарахъ—кого они изъ своей среды для этого назначатъ".

Въ другихъ вопросахъ козацкое войско выражало готовность подчиниться старымъ комиссарскимъ постановленіямъ. Соглашалось выйти изъ шляхетскихъ имѣній, лишь бы имъ было уплачено за оставленныя строенія и „разробки" (воздѣланныя земли). Пыталось выпросить, чтобы за нимъ было оставлено право выбора старшаго—„только когда мы были бы призваны куда-нибудь на королевскую службу, могъ-бы быть отъ короля при насъ кто-нибудь, какъ нѣкогда бывалъ Оришовскій" (собственно въ роли королевскаго комиссара, а не козацкаго гетмана). Просило особаго жалованья для старшины, ассигновки на артиллерію. Ходатайствовало, чтобы на наступающую зиму были отведены квартиры въ какихъ либо городахъ для козаковъ и артиллеріи, въ виду опустошенія Украины польскимъ войскомъ. Было повторено желаніе, чтобы были возмѣщены убытки, причиненные польскимъ войскомъ, возвращены жены, дѣти, имущество—„гдѣ бы кто опозналъ свое или нашелъ въ лагерѣ" [1]).

Въ концѣ концовъ комиссары рѣшили сдѣлать такія уступки: Не требовать выдачи виновныхъ, дать амнистію всѣмъ за прошлое. Увеличить реестръ до 6 тыс. и прибавить жалованья на все войско 10 тыс. (всего 60 тыс. зол.), и отдѣльно для старшины [2]). Что касается назначенія старшаго, тоже былъ установленъ компромиссъ: рѣшено, что козаки будутъ выбирать кандидата на гетманство, а польскій гетманъ, именемъ короля будетъ его „подавать" (собственно утверждать) [3]); соотвѣтственно этому

---

[1]) Zbiór c. 218—222.

[2]) Старшинѣ жалованье установлено такое: старшему 600 зл., двумъ эсауламъ по 150, обозному, писарю и судьѣ войсковому по 100, 6 полковникамъ по 100, полковничьимъ эсауламъ по 50 зл., 60 сотникамъ по 50 зл. Роспись очень интересна, такъ какъ указываетъ на дальнѣйшіе факты въ развитіи козацкаго устройства: переходъ полка отъ пятисотеннаго къ тысячному контингенту, дальнѣйшее развитіе генеральной старшины, очень близкой уже ко временамъ Хмельницкаго (должность войскового судьи, увеличеніе значенія писаря, отдѣленіе генеральныхъ эсауловъ отъ полковыхъ); отаманы уже не фигурируютъ среди старшины.

[3]) Такъ, очевидно, нужно понимать довольно неясную стилизацію комиссарскихъ постановленій: Starszemu, ktorego k. mc. przez hetmanów koronnych z pośrodka ich samych obranego podawac będą, особенно если сравнить это съ предыдущими словами объ утвержденіи Дорошенка.

сейчасъ же „послѣ выбора ими изъ нихъ самихъ“ Мих. Дорошенка, гетманъ „подалъ“ имъ его въ качествѣ старшого. Только въ случаѣ если бы козацкій старшій умеръ въ дальнемъ разстояніи отъ короля и гетмана, козаки могутъ временно избрать себѣ гетмана самостоятельно [1]).

На этихъ основаніяхъ сейчасъ же были составлены комиссарскія постановленія [2]). За прошлое козакамъ даровалась амнистія, на будущее время они обязывались прекратить всякія сношенія съ сосѣдними государствами, не ходить на нихъ походами своевольно, не выходить на море, лодки сжечь и на будущее время ихъ не строить, оставаться въ послушаніи и „не вмѣшиваться въ юрисдикцію замковую, духовную и городскую“, оказывать „должное уваженіе и послушаніе“ старостамъ и прочимъ властямъ.

Въ исполненіи всего этого новый гетманъ принесъ присягу—что безъ воли правительства онъ не поведетъ своего войска въ Турцію ни моремъ ни сушей, не будетъ собирать „ни отрядовъ, ни охотниковъ, ни выписчиковъ“ и будетъ наказывать своевольниковъ. Въ томъ же смыслѣ послушанія и воздержанія отъ самовольныхъ походовъ принесли присягу „атаманы, вся чернь, войско Запорожское его кор. милости“ согласно данной имъ формулѣ присяги.

Шеститысячный реестръ войска долженъ былъ быть составленъ въ теченіи шести недѣль, до 18 декабря, и переданъ властямъ. Въ теченіи двѣнадцати недѣль козаки обязаны были выйти изъ шляхетскихъ имѣній, продавъ земли и строенія людямъ, которые согласились бы нести „повинности и подданство“ мѣстному помѣщику; въ панскихъ имѣніяхъ могли остаться только тѣ изъ войска, „которые будутъ своимъ панамъ послушны и которыхъ захотятъ держать паны“. Козакамъ разрѣшается всякое przystojne pożywenie торговлею, ловлею рыбы и звѣря, однако безъ ущерба старостанскимъ доходамъ.

Тысяча козаковъ — или сколько укажетъ коронный гетманъ—должна находиться въ качествѣ гарнизона на Запорожьи. Прочее козацкое войско будетъ стоять „за волостью“ и оттуда будетъ отправляться на помощь польскому войску, куда укажутъ гетманы, съ тѣмъ, чтобы при этихъ переходахъ ни чѣмъ не отягощать населеніе. За это войско будетъ получать плату—

---

[1]) Zbiór c. 232 -3.

[2]) Zbiór c. 23 —241, тоже въ Архивѣ III, 1 ч. 78.

60 тыс. злотыхъ ежегодно, каковая будетъ уплачиваться имъ на св. Илiю въ Кiевѣ.

Этотъ протоколъ, составленный отъ имени комиссаровъ въ трiумфальномъ, хотя и довольно сдержанномъ тонѣ [1]), скрѣпленъ былъ подписями козацкихъ старшинъ. За Дорошенка, „такъ какъ самъ писать не умѣетъ", подписался одинъ шляхтичъ; именемъ прочихъ и всего войска—новый войсковый писарь, Савва Бурчевскiй [2]). Отправленные въ козацкiй лагерь Собѣсскiй и Балабанъ выслушали козацкую присягу и разныя прiятныя вещи, какiя „хитрые Малороссы" считали нужнымъ наговорить „панамъ", „упрекали себя въ глупости и непокорности, приведшей ихъ къ такому кровопролитiю, и признавали, что нѣтъ лучше войска чѣмъ польское,—а послѣ него запорожское", записываетъ польскiй дневникъ. На другой день новый гетманъ со старшиной прiѣзжали въ польскiй лагерь и Конецпольскiй принималъ ихъ и угощалъ. А на слѣдующiй день польское войско послѣ богослуженiя двинулось обратно по той же дорогѣ. Перейдя Рось, Конецпольскiй распредѣлилъ между своими полками стоянки на зиму, и уѣхалъ домой въ Баръ. Комиссары тоже разъѣхались [3]).

Съ трiумфомъ былъ посланъ королю бумажный трофей этой долго проэктировавшейся комиссiи—протоколъ комиссiи. Оружiемъ принудила она козачество перечеркнуть свой счетъ за хотинскiя услуги и подвиги, за которые оно такъ много ожидало, за которые ей такъ много обѣщали.

Принудила его замолчать о своихъ наисущественнѣйшихъ требованiяхъ, отказаться отъ того, что считало оно элементарными условiями своего существованiя.

Физически невозможно было втиснуть въ рамки реестра всѣхъ старыхъ, долголѣтнихъ козаковъ, принимавшихъ участiе

---

[1]) Непрiятно все-таки звучали для козаковъ эти фразы: „такъ какъ они, благодаря походу короннаго войска, понесли уже значительную кару отъ его сабли, мы тѣмъ, кого счастье и воля божья спасла отъ этой кары, имѣя въ виду, что они остатокъ крови своей, какой имъ Рѣчь Посполитая оставила, обѣщаютъ и обязуются отдать на службу Рѣчи Посполитой—все именемъ е. м. короля и Рѣчи Посполитой имъ прощаемъ".

[2]) Эта подпись, извѣстная въ многочисленныхъ копiяхъ „комиссiи 1625 г." (въ рукоп. Публич. библ. № 29, 96, 175), опущена въ ея изданiяхъ (только изъ исторiи Маркевича цитируетъ ее издатель въ Zrzódła-хъ т. II с. 189).

[3]) Zbiór VI с. 158 -160.

въ столькихъ кампаніяхъ въ интересахъ Рѣчи Посполитой, по ея призыву. Физически невозможно было прокормиться тому войску, какое Рѣчь Посполитая хотѣла задержать на своей службѣ, если оно должно было отказаться отъ заграничнаго заработка и вмѣстѣ съ тѣмъ не получало никакихъ домашнихъ источниковъ содержанія.

Ничего! отъ козачества истребовано было согласіе. Оно должно было существовать для надобностей Рѣчи Посполитой, ничего ей не стоить и ничѣмъ не давать чувствовать своего существованія.

Жить надеждой на признанное жалованіе, которое обычно не выплачивалось. Находиться „за волостью", такъ, чтобы и дома его не было слышно, и сосѣднія государства не чувствовали его существованія. При всей реальности своего существованія оно должно было отыскать себѣ какую нибудь сверхъестественную сферу, четвертое геометрическое измѣреніе.

Польскіе государственные и военные мужи достигли этого. Невозможное стало возможнымъ —по крайней мѣрѣ въ протоколѣ. Это былъ одинъ изъ типичныхъ бумажныхъ тріумфовъ, разражавшихся потомъ обычно морями крови, бѣдствій и злобы.

IV

Въ атмосферѣ лойяльности
(1626—1628).

Компромиссныя теченія въ іерархическихъ кругахъ. Лойяльная политика козачества. Крымскія дѣла и участіе въ нихъ козацкаго войска. Дорошенко и Грицько Чорный. Походъ въ Крымъ.

Куруковская кампанія 1625 г., покончивъ счеты козачества съ польскимъ правительствомъ за Хотинскую войну, сдѣлалась съ теченіи продолжительнаго времени исходною точкой въ украинско-польскихъ отношеніяхъ. Козачьимъ кругамъ и всѣмъ, стоявшимъ за ними, пришлось попрощаться съ надеждами на удовлетвореніе своихъ требованій цѣной козацкихъ заслугъ въ Хотинской войнѣ. Но и кругамъ правительственнымъ, польско-шляхетскимъ не удалось осуществить своей задачи: разгромить козачество, какъ въ Солоницкой компаніи, передавить, наступить на горло. Пришлось установлять отношенія и съ этой козацкой силой и съ тѣми элементами, какіе связаны были съ ней. И въ результатѣ война 1625 г. становится исходнымъ моментомъ для довольно значительнаго, десятилѣтняго періода компромиссныхъ попытокъ—послѣднихъ компромиссовъ передъ взрывомъ оппозиціонныхъ силъ въ 1630-хъ гг. Болѣе ловкимъ политикамъ удаются эти компромиссы лучше, менѣе удачливымъ—хуже, и тогда опозиціонные элементы прорываются черезъ ихъ нехитрые компромиссныя плетенія, доводя до кровавыхъ конфликтовъ, какъ было въ 1630 г. и затѣмъ снова въ 1635 г. Но солидные элементы въ общемъ держались прочно, опозиціонныя теченія долго не могли усилиться настолько, чтобы свергнуть ихъ господство, такъ что примирительное направленіе вообще имѣло перевѣсъ какъ съ польской такъ и съ украинской стороны въ теченіе цѣлаго десятилѣтняго періода. Кульминаціонною точкою

его было безкоролевье 1632 г., когда украинскимъ требованіямъ сдѣланы были значительныя уступки новымъ королемъ, а козачество, издавна привыкшее смотрѣть на него, какъ на покровителя и сторонника, стремилось войти въ государственную жизнь Рѣчи Посполитой, пріобрѣсти голосъ въ ея судьбахъ; но правящіе шляхетскіе круги не были настолько дальновидны, чтобы поддержать эти оппортунистическія направленія въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Эти компромиссныя теченія тѣмъ были значительнѣе, что не являлись вліяніемъ одного только физическаго вооруженнаго перевѣса польско-шляхетскаго режима надъ козацкой силой, сдѣлавшейся фундаментомъ національной украинской политики въ послѣднія десятилѣтія. Въ самой украинской жизни, въ кругахъ, взявшихъ въ свои руки руководство національной жизнью и въ ея интересахъ старавшихся вліять и дѣйствительно вліявшихъ на козачество и его политику, также обнаруживались компромиссные элементы, которымъ не сподручны были и крайности украинской демократіи и ея безнадежный конфликтъ съ шляхетскимъ режимомъ Рѣчипосполитой.

Такова была новонасажденная православная іерархія, благодаря всѣмъ традиціямъ своего церковно-политическаго прошлаго и въ виду своей горькой зависимости отъ милости и немилости правительства, и чувствительныхъ послѣдствій этой немилости для всей православной жизни, горячо жаждавшая примиренія съ правительствомъ, своей легализаціи, признанія, толеранціи съ его стороны. Съ неудовольствіемъ сносила она также и различныя, не особенно пріятныя для нея стороны той демократической, республиканской жизни, создававшейся въ православномъ обществѣ въ результатѣ дезертирства могущественныхъ и власть имущихъ. Въ примиреніи съ правительственными сферами, въ легализаціи своей церкви хотѣла найти прочныя опоры для борьбы съ этими нежелательными явленіями внутренней церковной жизни. А въ виду тѣсной связи, создавшейся въ послѣднее десятилѣтіе между этими іерархическими, церковными кругами и кругами козацкими, всѣ такія теченія въ церковной жизни и тренія вызываемыя ими, заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться подробнѣе. Они имѣли болѣе, чѣмъ только церковное значеніе [1].

---

[1]) Литература церковныхъ отношеній этого времени (1625—1630 г.) не особенно богата. Общіе курсы большею частью устарѣли, такъ какъ располагали очень неполнымъ матеріаломъ; это нужно

Я уже имѣлъ случай отмѣтить выше, что поставленная въ 1620—1621 гг. подъ козацкой опекой новая православная іерархія, когда прошли первые моменты энтузіазма для этого событія, замѣтила, что ей, этой такъ горячо желанной, у Бога вымоленной іерархіи, въ дѣйствительности не такъ легко найти себѣ мѣсто въ православномъ обществѣ, которое эти іерархи разсчитывали осчастливить своимъ появленіемъ. Православное общество за четверть столѣтія, минувшую со времени перехода въ унію епископовъ, привыкло обходиться безъ нихъ. Вопросы церковнаго управленія, подлежавшіе по старымъ традиціямъ духовнымъ властямъ, рѣшались мірянами, братчиками, православною шляхтою. Насмотрѣвшись на факты дезертирства, колебанія духовныхъ между православіемъ и уніей, на ихъ бѣгства „на сытные пироги“ панской ласки, братство и общество вообще старались какъ можно меньше оставлять въ рукахъ духовныхъ лицъ, какъ можно меньше давать поводовъ къ ихъ соблазну, хотѣли сами распоряжаться всѣмъ и этимъ не могли не вызывать у болѣе способныхъ, болѣе энергичныхъ, болѣе самолюбивыхъ лицъ среди духовенства неудовольствія такими отношеніями, шедшими въ разрѣзъ съ правилами и практикою церкви.

„Церковь русская управляется противно природѣ: не клиръ правитъ народомъ, а народъ клиромъ“, замѣчаетъ бывшій кіевскій ректоръ, впослѣдствіе отступившій отъ православія Кассіанъ Саковичъ, въ предисловіи къ книгѣ Desiderosus, изданной въ

сказать даже объ Исторіи русской церкви м. Макарія (сюда относится XI томъ, изд. въ 1882 г. и доведенный до смерти Петра Могилы), не говоря о Geschischte der Union еп. Пелеша (т. II 1881) и Исторіи западной русской церкви Чистовича (т. II, 1884). Только въ смыслѣ нѣкоторыхъ указаній и извлеченій изъ матеріаловъ могутъ быть полезны такія работы какъ Зубрицкаго Лѣтопись Львовскаго ставропигіальнаго братства (Ж. М. Н. И. 1829), Кояловича—Литовская церковная унія, т. II (1861), Гарасевича—Annales historiae ruthenicae (1862)—собственно сборникъ матеріаловъ, какъ и Сводная галицко-русская лѣтопись Петрушевича (1874) и Добавленія къ ней (1891), Шараневича—Patrycyat wschodni wobec kosciоła ruskiego i rzeczypospolitey polskiey (Rozprawy wydziału hist. akademii, т. 8 и 10, 1879), Likowski Historya unii kosciоła ruskiego z kościołem rzymskim (1875) и болѣе новая его работа Unia brzeska, 1897 (изд. 1907). Болѣе даетъ „Петръ Могила“ С. Голубева (т. I, 1883, съ многочисленными, хотя и не особенно исправно изданными прибавленіями). Новую и цѣнную обработку церковно политическихъ отношеній этихъ годовъ даютъ статьи П.

это время (1625). „Живя въ люблинскомъ братствѣ, насмотрѣлся я на то, какъ какіе нибудь хлопы квасники, корчмари выдаютъ священнику ризы, кресты, евангеліе, сами носятъ ихъ въ алтарь, своими нечистыми руками касаются вещей, на какія они и смотрѣть не достойны, а когда я имъ сдѣлалъ по этому поводу замѣчаніе, не только не видѣлъ, чтобы они исправились, но еще вызвалъ этимъ ихъ гнѣвъ противъ себя... Удивительная вещь, довѣряютъ братчики своимъ духовнымъ совѣсть, а ризъ, крестовъ, евангелія не могутъ довѣрить!“ Конечно, братчики могли бы весьма резонно и основательно пояснить такіе порядки, но по своему правъ былъ и Саковичъ и его единомышленники, когда съ точки зрѣнія духовенства, каноновъ церковныхъ раздражались такими отношеніями. И замѣчанія, дѣлавшіяся уніатами по поводу братскихъ порядковъ, безъ сомнѣнія находили горькій отзвукъ въ самыхъ провославныхъ духовныхъ сферахъ:

„Вы духовныхъ и монаховъ держите въ своей власти, сами по своей волѣ избираете ихъ и принимаете въ свое братство, сами судите и изгоняете тѣхъ, кто вамъ не угоденъ“, упрекаетъ уніатскій полемистъ виленскихъ братчиковъ. „До тѣхъ поръ вы своихъ духовныхъ хвалите, пока они вамъ кланяются, увиваются около васъ, исполняютъ ваши желанія, а если только кто нибудь изъ нихъ образумится да перестанетъ выслуживаться передъ вами, пусть уже самъ о себѣ заботится; на жалобы духовныхъ особъ ваши мірскіе суды не обращаютъ вниманія; хорошо, вѣроятно, помните, какъ старшины виленскаго

Жуковича, собранныя въ V и VI выпускахъ его книги „Сеймовая борьба православнаго дворянства съ церковной уніей“ (1910—1912): Козацкій разгромъ и Куруковскій договоръ 1625 г.; Первый польскій сеймъ послѣ куруковскаго разгрома козаковъ; Кобринскій соборъ и Торунскій сеймъ 1626 года; Варшавскій сеймъ 1627 г. и его значеніе въ исторіи борьбы православныхъ съ уніей; Варшавскій сеймъ 1628 г. и крушеніе уніональныхъ плановъ Мелетія Смотрицкаго; Вопросъ о примиреніи православныхъ съ уніатами на Варшавскомъ сеймѣ 1629 г.; Кіевскій соборъ 1629 г.; Религіозно-церковный элементъ въ козацкомъ возстаніи 1630 г.; Православно-церковный вопросъ на предпослѣднемъ сеймѣ царствованія Сигизмунда III. Кромѣ того въ Запискахъ петерб. акад. т. VIII (1911) вышли его же „Матеріалы для исторіи кіевскаго и львовскаго соборовъ 1629 г.“. Сюда же относятся: П. Орловскій Кіевскій соборъ въ 1629 г. (К. Старина 1905) и І. Крипякевич: Нові матеріяли до історії соборів 1629 р. (Записки львов. т. 116, 1913).

братства, братчики-міряне, осудивъ одну духовную особу, освящали свои руки въ пресвитерской бородѣ“ [1]).

То, что чувствовало православное духовенство въ своихъ столкновеніяхъ съ братчиками, еще мучительнѣе должны были чувствовать православные епископы. Традиціи епископской власти, самоличной, автократической, не мирились съ новымъ братскимъ народоправствомъ. Развитіе братствъ въ послѣдней четверти XVI в. толкнуло православный епископатъ въ 1590-хъ гг. къ болѣе тѣсному союзу съ свѣтской властью, съ католической церковью, чтобы у нихъ найти опору противъ этого народовластія (припомнимъ Балабана съ его борьбою съ братствомъ). Въ теченіе послѣдующей четверти столѣтія это братское народовластіе еще болѣе укрѣпилось и расширило свои компетенціи за счетъ епископской власти, угасавшей на всемъ почти просторѣ украинскихъ (и бѣлорусскихъ) земель. И по возобновленіи іерархіи, новые епископы, при всемъ уваженіи къ братскому институту, при всемъ признаніи его заслугъ передъ церковью, не могли не почувствовать очень живо и очень непріятно, какъ тѣсно и тяжело имъ придется уживаться съ этимъ развитіемъ братскаго народоправства.

И вотъ когда Мелетій Смотрицкій, второе лицо въ обновленной іерархіи, человѣкъ близкій по своему положенію і по духу митрополиту Іову, вскорѣ послѣ убійства Кунцевича отправился на востокъ, къ православнымъ патріархамъ, то между прочимъ получилъ отъ м. Іова порученіе представить патріархамъ, а главное—патріарху цареградскому, какъ главѣ украинской церкви, вредныя послѣдствія децентрализаціи, системы церковныхъ иммунитетовъ, „ставропигій“, широко развитой патріархами за послѣднія десятилѣтія въ украинско-бѣлорусской церкви и подрывавшей іерархическую власть митрополита и епископовъ, внося дезорганизацію и анархію въ церковную жизнь [2]).

---

[1]) Sniadanie schizmatykom brackim, 1630.

[2]) Что это было порученіе митрополита, на это хотя не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній въ документахъ, но сомнѣнія тутъ не можетъ быть. Нужно помнить, что для митрополита это былъ очень важный вопросъ, а Смотрицкаго лично онъ не затрагивалъ. Позже, когда Смотрицкій скомпрометировалъ себя переходомъ въ унію, православные полемисты ставили ему въ упрекъ, что онъ самъ выдумалъ такое порученіе. „Онъ подделалъ себѣ грамоты отъ имени всей Руси, духовныхъ и свѣтскихъ особъ, и съ ними отправился въ Іерусалимъ и къ другимъ патріархамъ, и

Представленія эти, поддержанныя очевидно соотвѣтственными приношеніями, были приняты патріархами. Константинопольскій патріархъ издалъ распоряженіе, чтобы церкви и монастыри, получившіе теперь, въ послѣднее время и раньше права и титулъ ставропигій, впредь ставропигіями не назывались и не управлялись сами собой, а находились бы подъ общей властью своихъ архіереевъ [1].

Это было очень важное распоряженіе, но оно вызвало крайнее раздраженіе среди всѣхъ заинтересованныхъ—братствъ и ставропигійскихъ монастырей, то есть важнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ православныхъ учрежденій. Гнѣвъ ихъ обрушился въ первую голову на Смотрицкаго. Печерскій архимандритъ З. Копыстинскій не могъ конечно благодушно встрѣтить такого покушенія на ставропигіальныя права своего монастыря: онъ не принялъ Смотрицкаго, когда тотъ прибылъ съ этой грамотой въ Кіевъ, зимой 1625—6 г., и другихъ уговаривалъ, чтобы его къ себѣ не принимали [2]. Митрополитъ Іовъ, солидарный съ Смотрицкимъ и не имѣвшій возможности, очевидно, отказаться отъ своего участія въ этомъ инцидентѣ, принялъ Смотрицкаго у себя и старался по возможности защитить его; но общее раздраженіе переносилось и на него самого. Присланныя патріархами грамоты были объявлены фальсификатами. О митрополитѣ и о

тамъ, обманувъ патріарховъ, поддѣлавъ грамоты ко всей Руси, досталъ у нихъ подписи къ этимъ грамотамъ, а содержаніе ихъ было таково, чтобы съ этого времени отъ нашей Руси не шли никакія аппеляціи къ константинопольскому патріарху, а разбирались имъ (Смотрицкимъ) какъ экзархомъ и намѣстникомъ патріаршимъ". Такъ говорится въ одной болѣе поздней брошюрѣ (Iudicium to iest pokazanie cerkwie prawdziwey, 1638, публ. у Головацкаго Библіографическія находки во Львовѣ, 1875). Но эти разсказы о поддѣлкѣ Смотрицкимъ грамотъ не имѣютъ никакого значенія: патріархъ не опротестовалъ подлинности данной имъ грамоты и также подлинною, очевидно, была грамота „отъ всей Руси". или можетъ быть отъ русскаго епископата, привезенная Смотрицкимъ къ патріархамъ. Смотрицкій, очевидно, не расходился съ истиною, заявляя, что ѣздилъ онъ къ патріарху съ грамотами митрополита, съ его вѣдома и желанія. Дѣло объ экзархатствѣ Смотрицкаго приплетено сюда совсѣмъ некстати: оно не находилось ни въ какой связи съ вопросомъ о ставропигіяхъ, какъ показываетъ патріаршая грамота.

[1]) Голубевъ, П. Могила, приб. 46.

[2]) Paraenesis Смотрицкаго с. 22.

владыкахъ расходились слухи, выставлявшіе въ подозрительномъ свѣтѣ ихъ правовѣрность и лойяльность, заподозрѣвавшіе ихъ въ какихъ-то тайныхъ планахъ и интригахъ. Стали появляться какія-то „писанія ущипливыя", выставлявшія епископовъ, а главнымъ образомъ митрополита и Смотрицкаго „отступниками", и „в огиду и обридливость приводили" ихъ среди православныхъ [1]).

Чтобы опровергнуть эти слухи, митрополитъ со Смотрицкимъ сейчасъ же на заговѣнье, „подъ часъ былого въ Кіевѣ собору, передъ многимъ духовенствомъ, паны шляхтою, войтомъ, бурмистрами, райцами, брацтвомъ церковнымъ и всѣмъ поспольствомъ православнымъ", поспѣшили дать „невинности и вѣрности своя певные знаки", и на первой недѣлѣ поста, во время извѣстной церемоніи православія, сдѣлали какія то торжественныя заявленія, имѣвшія уничтожить всякія подозрѣнія въ ихъ сочувствіи уніи, въ склонности къ какимъ-либо компромиссамъ [2]). Но все это подозрѣній не убивало, и они продолжали рости. Въ маѣ митрополитъ выступилъ съ окружнымъ посланіемъ, въ которомъ напоминая о своихъ предшествующихъ заявленіяхъ, увѣрялъ всѣхъ православныхъ „великоименитаго россійскаго рода", что онъ и Смотрицкій крѣпко стоятъ при православной церквѣ и восточныхъ патріархахъ,—„ани з апостатами жадного порозуменя і зради ихъ участництва не мѣлисмо, ани противъ церкви руское и противъ народу своего нѣкогда намовъ жадныхъ подступно не чинилисмо, ани чинити безъ волѣ божое и безъ волѣ всее церкви православнихъ не мыслимо". По этому просятъ не вѣрить интригантамъ, желающимъ дискредитировать новопоставленную іерархію. Это діавольская работа; цѣль ея—вновь лишивъ церковь пастырей, до „проклятого уницкого отступства и римское овчарни всѣхъ безъ труда загнати" [3]).

Эти увѣщанія митрополита однако вліяли мало, такъ какъ вопросъ о ставропигіяхъ оставался нерѣшеннымъ. Братства и мо-

---

[1]) П. Могила, I приб. 43. [2]) Ibidem.

[3]) П. Могила приб. 46. Проф. Голубевъ однако совершенно напрасно усматриваетъ въ этой записи капитуляцію митрополита передъ Печерскимъ монастыремъ (с. 135); слова: „прошенія о. архимандрита и всего собора разсудивши яко слушныя"—обычная канцелярская фраза, означающая лишь, что митрополитъ не противится желанію, чтобы грамоты эти были вписаны въ его митрополитанскіе акты, но это вовсе не санкція печерскихъ притязаній.

настыри отыскивали документы, утверждавшіе ихъ ставропигіальныя права. Въ одной выпискѣ читаемъ, что печерская братія предложила митрополиту въ доказательство своихъ ставропигіальныхъ правъ грамоты патр. Максима и Рафаила [1]). Братства львовское и виленское выслали своихъ пословъ къ патріарху, съ денежными подарками, чтобы отстоять свои права. Отъ патріарха они получили новую грамоту (помѣченную декабремъ 1626 г.); въ ней патріархъ разъяснялъ свою предыдущую грамоту въ томъ смыслѣ, что братства, надѣленныя ставропигіальными правами отъ патр. Іереміи, какъ братства львовское и виленское, остаются и впредъ при ставропигіальныхъ правахъ, а учрежденія получившія титулъ ставропигій позже, въ особенности отъ патр. Ѳеофана—всѣ должны подчиняться епископу своей епархіи, какъ обыкновенные монастыри и приходскія церкви [2]).

Это разъясненіе, принесенное послами братствъ, должно было развѣять всякія сомнѣнія относительно подлинности патріаршаго распоряженія объ упраздненіи ставропигій, принесеннаго раньше Смотрицкимъ. Оно было, несомнѣнно, подлинное. Но внести примиреніе въ испортившіяся отношенія это разъясненіе не могло никакъ, такъ какъ длинный рядъ учрежденій, и среди нихъ кіевское братство и самъ Печерскій монастырь продолжали оставаться подъ сомнѣніемъ ихъ автономныхъ правъ. И неудовольствія противъ митрополита и епископовъ и подозрѣнія въ тайныхъ неправославныхъ замыслахъ продолжали расти и развиваться.

Historia magistra vitae учила современниковъ примѣрами предыдущаго поколѣнія епископовъ, что стремленія къ полнотѣ іерархической власти является плохимъ симптомомъ для украинскаго епископата и сплошь да рядомъ увлекаютъ его на скользкій путь компромиссовъ съ правительствомъ и уніонныхъ уступокъ. И дѣйствительно наряду съ этой борьбой за полноту епископской власти противъ церковнаго партикуляризма и автономизма мы видимъ въ то же самое время среди выдающихся представителей украинской іерархіи несомнѣнныя тенденціи къ урегулированію

---

[1]) Ibid. приб. 43.

[2]) Ibid. Голубевъ и тутъ идетъ слишкомъ далеко въ толкованіи грамоты, утверждая, будто бы патріархъ Ѳеофанъ не имѣлъ права сообщить такихъ привилегій (с. 136); въ грамотахъ есть легкій стилистическій намекъ въ такомъ духѣ, но не категорическое утвержденіе.

своихъ отношеній къ правительству, къ примиренію съ уніей, къ религіозному компромиссу.

Разныя причины вліяли въ этомъ направленіи. Прежде всего—тяжелое положеніе новопоставленной іерархіи, все еще вынужденной „тѣсниться въ маленькомъ уголочкѣ на Украинѣ“, безъ возможности даже явиться въ своихъ епархіяхъ, не говоря уже о свободномъ отправленіи своихъ епископскихъ функцій. Одни оставались епископами безъ вѣрныхъ, in partibus; другіе соскучившись своимъ фальшивымъ положеніемъ, шли искать болѣе благопріятныхъ условій въ другихъ мѣстахъ, какъ извѣстный намъ Езекіиль Курцевичъ, эмигрировавшій въ 1625 г. въ Московское государство и получившій тамъ архіепископство суздальское. Безнадежность сеймовой борьбы въ интересахъ православной церкви, безплодность козацкихъ петицій и переговоровъ въ интересахъ новой іерархіи должны были вызвать сильный упадокъ духа. Непримиримая позиція правительственныхъ круговъ; непрерывное ослабленіе всѣхъ прочихъ элементовъ, на которые опиралась православная церковная жизнь, за исключеніемъ однихъ только козаковъ; неустанная гроза репрессій, безъисходность борьбы—все это вызывало малодушныя мысли о компромиссѣ, объ его неизбѣжности и желательности,

Борьба православія и уніи на живомъ тѣлѣ украинскаго и бѣлорусскаго общества также страшила своими перспективами. Обѣ стороны напрягали и тратили всѣ свои силы въ этой братоубійственной борьбѣ, оставляя изъ-за нея въ забросѣ жизненныя потребности культурнаго и національнаго развитія, а за ихъ счетъ разросталось католичество, элементъ польскій. Съ посѣва церковнаго междоусобія, посѣяннаго между Русью, собирали жатву полонизація, католичество и праздновали свои тріумфы надъ Русью, все болѣе и болѣе приходившей въ упадокъ. Украинскій элементъ вытѣснялся все болѣе на далекій планъ политической и общественной жизни. Давно не стало уже православныхъ среди сенаторовъ, да и среди земскихъ сановниковъ все рѣже можна было встрѣтить человѣка, еще не порвавшаго связи съ украинскою народностью. Достаточно было, чтобы среди кандидатовъ на освободившуюся должность нашелся одинъ католикъ, и различные ревнители католической вѣры прилагали всѣ старанія, чтобы именно ему добыть отъ короля назначеніе [1]).

---

[1]) См. напр. письмо одного католическаго епископа къ королю отъ 1627 г., съ ходатайствомъ о кандидатѣ на судейство кіев-

Православное общество все болѣе переходило въ сѣрую массу, лишенную сколько-нибудь вліятельныхъ и сильныхъ личностей. Но еще меньше было ихъ среди уніатовъ. Уніатскую церковь правительство поддерживало, но среди польскаго общества съ ней еще меньше считались, чѣмъ съ православной. Она не была силой, за ней не стоялъ никто; эта захирѣвшее, безсильное тепличное растеніе не имѣло тогда еще никакой жизненной силы. Шляхтичъ-уніатъ былъ величайшей рѣдкостью; высшее уніатское духовенство вербовалось изъ священническихъ, мѣщанскихъ и крестьянскихъ дѣтей, и въ эту точку такъ злорадно били православные полемисты, доказывая, что не смотря на всю протекцію уніи нельзя даже на епископскія мѣста найти уніатовъ-шляхтичей [1]). Все, что отрывалось отъ украинской жизни въ шляхетско-панскихъ сферахъ, уходило непосредственно въ католичество. Въ магнатскихъ сферахъ въ 1620—1630 годахъ не было уже почти никакой Руси, ни православной, ни уніатской. Повторялось то самое съ Кіевской и Браславской землею, даже съ Волынью, что въ предыдущихъ столѣтіяхъ постигло Западную Украину, и не нужно было быть очень внимательнымъ наблюдателемъ этого процесса, чтобы понять, куда и къ чему онъ ведетъ.

Сторонникамъ компромисса казалось, что объединеніемъ церкви православной и уніатской, этихъ двухъ „русскихъ“ церквей, можно предупредить этотъ прогрессивный параличъ „русскаго“ организма. У главныхъ защитниковъ соглашенія этого времени, 1620 гг., Саковича и Смотрицкаго, эта нота звучитъ довольно опредѣленно и сообщаетъ спеціальный интересъ этимъ неудачнымъ попыткамъ религіознаго соглашенія. „Мы дѣти одного отца, сыны одной матери—зачѣмъ нарушаемъ согласіе, зачѣмъ одни другихъ живыми отправляемъ въ адъ, зачѣмъ одни другихъ проклинаемъ“, восклицаетъ Саковичъ въ предисловіи къ своему „Дезидерозу“ (1625). Примиреніе уніатовъ съ неуніатами для Смотрицкаго—это „объединеніе Руси съ Русью [1]).

Выражая свое удивленіе по поводу того, что православные

ское Аксакѣ: воевода Замойскій и епископъ рекомендуютъ его какъ хорошаго католика и просятъ дать ему назначеніе, такъ какъ w tychtam kraiach nie mamy wiele katholikow (П. Могила I приб. 48).

[1]) См. выше, с. 168-9.

[2]) Wynaleść ziednoczenia Rusy z Rusią, to iest nieunitow z unitami—Протестаціи Смотрицкаго (П. Могила приб. с. 324).

принялись так усердно умывать руки свои отъ всякаго участія въ попыткахъ примиренія, Смотрицкій пишетъ Лаврентію Древинскому, крупнѣйшему православному парламентаристу этого времени (осенью 1628 г.): „Достаточно было бы какъ твоей милости самому, такъ и намѣстнику моему отцу Іосифу, а прежде всего преосвященному нашему господину е. милости [1]), господину отцу архимандриту печерскому [2]) и еще кое-кому спросить самихъ себя по совѣсти, какъ это у насъ у всѣхъ чуть ли не ежедневнымъ припѣвомъ отъ чистаго сердца къ Господу Богу было: „дай намъ, Господи Боже, Руси съ Русью прийти къ соглашенію [3]), чтобъ уже болѣе не итти намъ къ упадку и истребленію народа нашего, въ особенности въ сословіи шляхетскомъ. Часто бывалъ объ этомъ между вами, православными послами, частный разговоръ во время сеймовъ—какія бы употребить для этого средства. Было это какъ сквозь сонъ трактовано три года тому назадъ въ Вильнѣ. Публично были обсуждаемы вашими милостями на прошломъ сеймѣ въ 1627 г. способы сношеній обѣихъ сторонъ черезъ посредство извѣстныхъ лицъ, и твоя милость взялся повидаться со мной для устнаго разговора по этому дѣлу“ и т. д. [4]).

Конечно, мы съ своей стороны можемъ сильно сомнѣваться въ пользѣ такого компромисса православія съ уніей при тѣхъ условіяхъ, когда унія не являлась еще никакимъ проявленіемъ народной жизни, а только компромиссомъ съ польскимъ католическимъ режимомъ, компромиссомъ безхарактерности и малодушія. Православіе въ то время было единственной формой устойчивости украинскаго элемента въ сферѣ культурно-національной, и всякій компромиссъ его съ уніей означалъ бы не укрѣпленіе его, а ослабленіе силы сопротивленія. И всѣ разсужденія о спасительныхъ послѣдствіяхъ новаго компромисса были прежде всего проявленіями того-же малодушія и безсилія передъ правительственными репрессіями среди православныхъ іерархическихъ и всякихъ иныхъ высшихъ круговъ.

Въ цитированномъ письмѣ къ Древинскому Смотрицкій называетъ своими единомышленниками прежде всего митрополита и

---

1) Митр. Іову. 2) П. Могилѣ.

3) „О, дай намъ, Господи Боже, Русь з Русю до помѣркованія прійти“.

4) П. Могила I, приб. 56.

новаго печерскаго архимандрита П. Могилу (выбраннаго на этотъ постъ въ 1627 г.), и затѣмъ глухо упоминаемъ о другихъ. Несомнѣнно, этихъ единомышленниковъ было немало. Но и они, и самъ митрополитъ съ архимандритомъ остановились на опасномъ пути, когда съ такой силой прорвалось общее недовольство противъ этихъ плановъ среди украинскаго общества. Смотрицкій не успѣлъ остановиться и прошелъ свой путь до конца, попавъ изъ роли миротворца въ роль отступника, и это была одна изъ многочисленныхъ трагедій того времени, обращающая на этотъ разъ вниманіе на себя потому, что захватила значительнѣйшую литературную и ученую силу тогдашней Украины. Смотрицкій самъ разсказалъ намъ ея исторію [1]), но къ сожалѣнію уже значительно позже, приводя къ одному знаменателю ея начало съ тѣмъ положеніемъ, къ которому онъ пришелъ въ концѣ концовъ, достаточно, вѣроятно, неожиданно для самого себя; онъ не выясняетъ всѣхъ перепитій, какія пришлось ему пройти совершенно независимо отъ своихъ первоначальныхъ намѣреній и плановъ. Но исторія эта во всякомъ случаѣ бросаетъ интересный свѣтъ на компромиссныя теченія, развивавшіяся въ высшихъ іерархическихъ сферахъ въ эти годы.

Саковичъ прошедшій тотъ же путь, какой судьба послала Смотрицкому [2]), только въ формахъ болѣе упрощенныхъ, болѣе вульгарныхъ и менѣе трагическихъ, первый пустилъ слухъ, хотя и въ довольно неясной формѣ, о примирительныхъ планахъ православныхъ и о роли въ нихъ Смотрицкаго. Оставивъ въ 1624 г. Кіевъ и перейдя въ Люблинъ, а въ 1625 г. пріѣхавъ оттуда въ Краковъ и уже рѣшивъ порвать съ православными, въ виду обѣщаній, сдѣланныхъ ему могущественнѣйшимъ протекторомъ уніи, наслѣдникомъ Острожскихъ кн. Александромъ Заславскимъ, Саковичъ выпустилъ въ этомъ году цитированную уже книгу Desiderosus.

Въ предисловіи къ ней, выступая съ проповѣдью примире-

---

[1]) Прежде всего въ книгѣ Apologia perigrinacyi do kraiow wschodnich M. Smotryskiego (изд. во Львовѣ въ 1628); затѣмъ въ Протестаціи противъ кіевскаго собора перепечат. у Голубева П. Могила I приб. 57), Exaetesis abo Expostulatia t. j. rozprawa między Apologią y Antidotem, напеч. во Львовѣ) и наконецъ Paraenesis abo Napominanie od w Bogu wiel. M Smotrzyskiego do przezacnego bractwa wilenskiego (напеч. въ Краковѣ), 1629 г.

[2]) О Саковичѣ см. выше с. 129-30.

нія православія съ уніей для общей позитивной работы въ интересахъ культурнаго развитія народа, какъ онъ выразился бы по теперешнему, Саковичъ впервые намекнулъ на какія-то мѣропріятія для успокоенія религіозной борьбы. Упомянувъ съ похвалами о Смотрицкомъ, находившемся тогда на Востокѣ, онъ желаетъ успѣха его планамъ: „изъ за любви къ правдѣ принявъ въ душѣ своей благородныя рѣшенія относительно успокоенія нашей религіи, онъ добровольно предпринялъ путешествіе туда, откуда должны выйти полномочія и позволенія на рѣшеніе этихъ вопросовъ и своимъ счастливымъ возвращеніемъ онъ разсѣетъ ложные слухи о себѣ“.

Въ этихъ словахъ заключался намекъ на то, что миссія Смотрицкаго къ патріархамъ имѣла цѣлью также добиться разрѣшенія на „успокоеніе религіозной борьбы“, то есть—на компромиссъ съ уніей. Самъ Смотрицкій не далъ болѣе подробныхъ объясненій относительно своихъ плановъ на Востокѣ. Въ „Апологіи“ онъ говоритъ, что отправляясь на Востокъ, хотѣлъ убѣдиться, насколько наше православіе вѣрно традиціямъ восточной церкви. Но можетъ быть ближе къ истинѣ его слова въ письмѣ къ константинопольскому патріарху (хотя и написаны они совсѣмъ не съ искренними, наоборотъ—такъ сказать съ провокаціонными намѣреніями). Онъ пишетъ тутъ, что его заинтересовали сочиненія уніоннаго характера, обращавшіеся на Украинѣ съ именами патріарховъ (поддѣланныя католиками), и онъ думалъ на Востокѣ ближе познакомиться съ этими произведеніями [1]). Смотрицкій могъ надѣяться, что его уніонныя идеи, изложенныя имъ въ нѣсколькихъ произведеніяхъ уже передъ тѣмъ и положенныя въ основу „Катехизиса“, который онъ везъ съ собою, въ надеждѣ получить для него одобреніе патріарховъ,—найдутъ въ патріаршихъ сферахъ извѣстное сочувствіе, и это послужитъ опорой въ агитаціи на Украинѣ и Бѣлоруси въ пользу уніи въ разрѣзъ съ суровыми старовѣрами-ортодоксами. Но надежды эти не оправдались, и Смотрицкій, не осмѣлившись даже завести какихъ нибудь рѣшительныхъ разговоровъ на эту тему въ патріаршихъ кругахъ, не предложивъ своего катехизиса, отправился обратно съ тѣмъ убѣжденіемъ, что на патріарховъ въ этомъ дѣлѣ нечего разсчитывать и нужно проводить унію независимо отъ нихъ.

---

[1]) Письмо у Суши, Saulus et Paulus с. 70—82.

Къ сожалѣнію, Смотрицкій не открылъ намъ, насколько въ этихъ планахъ брало участіе православное духовенство. Въ этомъ отношеніи онъ вообще былъ довольно сдержанъ, можетъ быть изъ тактическихъ побужденій—такъ какъ не терялъ надежды, что на путь уніи раньше или позже вступятъ и другіе іерархи (Смотрицкій такъ и умеръ среди этихъ компромиссныхъ плановъ и переговоровъ). Несомнѣнно, есть извѣстная идейная связь, извѣстная градація отъ его развѣдокъ на Востокѣ до попытокъ осуществленія общаго собора православныхъ и уніатовъ на Украинѣ, рѣшительно отвергавшагося православными раньше на томъ основаніи, что безъ участія патріарховъ соборъ не можетъ состояться, между тѣмъ какъ теперь православные іерархи считали возможнымъ организовать такой соборъ безъ всякихъ патріарховъ. Не говоря уже о планѣ основанія самостоятельнаго патріархата соединенной православно-уніатской украинско-бѣлорусской церкви, все это указываетъ на извѣстную тенденцію, болѣе глубокую и сознательную покладку во всѣхъ этихъ, часто малопонятныхъ и неясныхъ выступленіяхъ.

Проэктъ собора для соглашенія православныхъ съ уніатами, какъ уже знаемъ [1]), выставленъ былъ съ украинской стороны на сеймѣ 1623 г., но тогда онъ столкнулся съ рѣшительной оппозиціей православныхъ епископовъ. Они заявили, что соборъ этотъ не можетъ состояться иначе, какъ подъ руководствомъ константинопольскаго патріарха, да и не о чемъ разсуждать на такомъ соборѣ, такъ какъ для религіозныхъ диспутовъ на немъ нѣтъ собственно никакихъ основаній. Затѣмъ на новомъ сеймѣ, собравшемся въ январѣ 1626 г., когда дѣло „греческой вѣры" снова было включено въ число домогательствъ посольской палаты [2]), король снова повторилъ свое мнѣніе, что удовлетвореніе религіознаго вопроса должно начаться съ церковнаго собора, на которомъ бы обѣ стороны поискали почву для соглашенія между собой. Когда православные депутаты заявили, что такого собора не принимаютъ, и посольская палата передала королю, что не считаетъ это рѣшеніемъ вопроса, король категорически заявилъ, что считаетъ это соборное соглашеніе единственнымъ путемъ, и съ своей стороны находитъ возможнымъ только

---

1) См. с. 240.

2) Публ. библ. Пол. F. IV N 66 с. 61, тексты въ украинскомъ изданіи.

подтвердить то, до чего такой соборъ договорится. И черезъ три недѣли послѣ сейма король издалъ грамоту, въ которой назначалъ на осень того же года (1626) соборъ „религіи кгрецкоѣ“ для обсужденія „потребъ и покою церковного“, в г. Кобринѣ [1]).

Грамота издана была по просьбѣ митроп. Рутскаго, и объ участіи въ соборѣ православныхъ не упоминалось опредѣленно (грамота адресована была къ „стану духовному и свѣтскому релѣи греческое“, что можно было относить и къ уніатамъ и православнымъ вмѣстѣ, и только къ уніатамъ). Но цѣль собора—переговоры и соглашеніе уніатовъ съ православными была, конечно, для всѣхъ ясна и извѣстна. Позже уніаты даже укоряли православныхъ въ томъ, что они сами просили короля назначить этотъ соборъ, а потомъ не явились. Уніаты, дескать, ждали, ждали и не дождались. Православные оправдывались тѣмъ, что въ королевской грамотѣ не упоминалось объ участіи православныхъ [2]).

Общее неудовольствіе противъ митрополита и его ближайшихъ товарищей въ возникшемъ тогда вопросѣ о ставропигіяхъ, подозрѣнія въ тайномъ соглашеніи съ уніатами, отъ которыхъ митрополитъ долженъ былъ публично отрекаться и открещиваться,—все это достаточно поясняетъ намъ его уклоненіе отъ всякаго участія въ соборѣ, хотя бы даже среди православной іерархіи было какое-нибудь желаніе къ тому [3]). Формальнымъ поводомъ послужило то обстоятельство, что правительство къ православной іерархіи непосредственно не обратилось. Однако въ своемъ письмѣ къ московскому правительству митроп. Іовъ, разсказывая объ уклоненіи православныхъ отъ участія въ этомъ соборѣ, представлялъ дѣло такъ, что православные отказались повиноваться даже какому то опредѣленному призыву правительства [4]). И тутъ, очевидно, онъ постарался по возможности подчеркнуть свое сопротивленіе компромиссным планамъ—въ виду слуховъ о его склонности къ нимъ.

---

[1]) Акты Зап. Рос. IV № 226.

[2]) Iedność swięta cerkwie Wschodniey i Zachodniey, уніатская брошюра 1632 г. (виленская печать), цитата у Голубева П. Могила I с. 91—2.

[3]) Въ своемъ Паренезисѣ (с. 30) Смотрицкій напоминалъ виленскому братству, что уже тогда, въ 1626 г. оно также przykładałoś się do tey zbawieney sprawy, но затѣмъ уклонилось.

[4]) Архивъ Ю. З Р. I. VI ч. 233.

Тѣмъ временемъ Смотрицкій, очутившись подъ бойкотомъ за свою роль въ дѣлѣ ставропигій, не имѣя смѣлости уже обращаться къ своему прежнему прибѣжищу—виленскому братству и не находя нигдѣ пристанища—оказался вынужденнымъ просить милости у католической стороны. Въ концѣ года онъ вошелъ въ переговоры съ кн. Янушемъ Заславскимъ и просилъ его ходатайствовать передъ сыномъ, кн. Александромъ, извѣстнымъ уже намъ протекторомъ уніи, чтобы онъ далъ ему Дерманскій монастырь, находившійся во владѣніи Острожскихъ. Кн. Александръ поставилъ условіемъ, что Смотрицкій перейдетъ на унію; такъ совѣтовалъ ему Рутскій, запрошенный княземъ, да и самому князю это условіе должно было казаться необходимымъ. Смотрицкій согласился на это условіе, и князь обѣщалъ предоставить ему монастырь. Но затѣмъ, раздумавъ, онъ захотѣлъ получить отъ кандидата нѣчто большее чѣмъ простое словесное согласіе, и написалъ ему интересное письмо[1]), въ которомъ нанапомнилъ ему предыдущія религіозныя колебанія и высказалъ желаніе, „для своего спокойствія“, чтобы Смотрицкій далъ ему письменное свидѣтельство своего перехода на унію.

Смотрицкій не только исполнилъ это, но и обѣщалъ активно поработать ad majorem Dei gloriam, и для этого просилъ свести его съ митроп. Рутскимъ. Желаніе его было исполнено. Лѣтомъ 1627 г. Рутскій съѣхался съ Смотрицкимъ. Выполнивъ формальности своего перехода на унію, Смотрицкій высказалъ желаніе, чтобы папа позволилъ ему сохранить на нѣкоторое время въ тайнѣ переходъ въ унію, чтобы ему можно было и впредь по внѣшности оставаться православнымъ епископомъ и въ этой роли pallio schismatis latens (прикрываясь плащемъ схизми) проводить свои планы на пользу уніи. А именно, по его словамъ, онъ предполагалъ поставить константинопольскому патріарху рядъ догматическихъ вопросовъ, разсчитывая, что въ своихъ отвѣтахъ патріархъ обнаружитъ неправославность своихъ взглядовъ (въ своихъ константинопольскихъ бесѣдахъ Смотрицкій, по его словамъ, убѣдился въ „еретичествѣ“ патріарха). Основываясь на этомъ, онъ надѣялся подорвать авторитетъ патріархата въ глазахъ православной Украины и Бѣлоруси. Далѣе, пользуясь сво-

---

[1]) Отрывки изъ него въ біографіи Смотрицкаго написанной Сушей, гдѣ эта исторія разсказана подробно (Saulus et Paulus 35—69).

ей популярностью и авторитетомъ среди православныхъ, онъ, Смотрицкій, предполагаетъ вести среди нихъ пропаганду уніи, толкуя въ этомъ смыслѣ западныхъ и восточныхъ отцевъ церкви, онъ задумываетъ въ этомъ духѣ издать книгу о своемъ путешествіи на Востокъ и православный катехизисъ, но чтобы обезпечить его вліяніе на православныхъ, это изданіе необходимо провести черезъ православную цензуру, а для этого Смотрицкому нужно для вида не разрывать съ православными. Наконецъ онъ намѣренъ склонять православныхъ къ общему собору съ уніатами; это не удавалось до сихъ поръ, а было бы полезно—Смотрицкій надѣется склонить къ этому плану самыхъ вліятельныхъ лицъ, если останется для вида православнымъ [1]).

Рутскій представилъ папѣ эти планы и пожеланія Смотрицкаго и папа отнесся къ нимъ съ большимъ сочувствіемъ, пожелавъ всякаго успѣха намѣреніямъ Смотрицкаго относительно православныхъ.

Однако интрига, задуманная Смотрицкимъ противъ константинопольскаго патріарха, ему не удалась. Смотрицкій написалъ патріарху письмо (въ августѣ тогоже 1627 г.), наполненное всевозможной лирикой, комплиментами, и въ немъ кромѣ различныхъ коварныхъ вопросовъ между прочимъ уговаривалъ патріарха выступить съ иниціативой примиренія православныхъ съ уніатами, чтобы вывести православныхъ изъ теперешняго положенія и безправія въ польскомъ государствѣ [1]). Но патріархъ среди этихъ сердечныхъ вздыханій и жалобъ, вѣроятно, уловилъ фальшивую ноту и оставилъ письмо Смотрицкаго безъ отвѣта.

Болѣе вѣрный успѣхъ, какъ казалось, ожидалъ Смотрицкаго въ его агитаціи среди украинской іерархіи въ пользу церковнаго собора—онъ долженъ былъ послужить ему исходной точкой въ проповѣди соглашенія съ уніею. Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Древинскому, какъ мы видѣли, Смотрицкій вспоминалъ, какъ Борецкій, Могила и другіе вздыхали о какомъ то соглашеніи „Руси съ Русью". Въ своей „Протестаціи", при всей сдержанности въ отзывахъ о своихъ бывшихъ и еще не безнадежныхъ союзникахъ, Смотрицкій проговорился о толерантности къ католической церкви, обнаруженной въ разговорахъ съ нимъ Борец-

---

[1]) Postulata m. Smotriscii, Архивъ западнор. митроп.—у Голубева с. 152.

[2]) Письмо у Суши Saulus et Paulus с. 70—82.

кимъ, считавшимъ соединеніе съ нею дѣломъ легкимъ, лишь бы только уладить вопросъ о календарѣ, являющимся наибольшимъ камнемъ преткновенія для простого народа. По словамъ Смотрицкаго, Борецкій еще въ 1625 г. работалъ надъ этимъ календарнымъ вопросомъ и упоминалъ при случаѣ, что нашелъ легкій способъ привести къ соглашенію оба календаря. Также и о Могилѣ Смотрицкій говоритъ, что онъ съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ его письму къ константинопольскому патріарху, гдѣ были выражены тѣ же мысли, что въ Апологіи, и самъ отзывался о соглашеніи „сочувственно и хорошо“ [1]).

Съ Могилою Смотрицкій видѣлся лѣтомъ этого года. Могила былъ тогда уже несомнѣннымъ кандидатомъ на печерскую архимандрію, то есть на самую сильную позицію тогдашней православной церкви, и въ виду этого, а также благодаря своимъ связямъ въ польскихъ магнатскихъ сферахъ являлся первой особой среди православныхъ. Смотрицкій пробылъ у него около двухъ недѣль и нашелъ его очень расположеннымъ принять его идеи. Могила „очень толерантно отзывался о римской церкви и ея отличіяхъ отъ православныхъ“, доносилъ Смотрицкій Рутскому [2]).

Соборъ, или точнѣе говоря съѣздъ, задуманный Смотрицкимъ, состоялся на Рождество Богородицы (1627 г.) въ Кіевѣ, въ тѣсномъ кругу. Изъ болѣе выдающихся лицъ, кромѣ Смотрицкаго, присутствовали только Борецкій и Могила, только что избранный уже на архимандрію печерскую. Совѣщанія велись очевидно въ томъ же примирительномъ направленіи. Смотрицкій упомянулъ о своемъ катехизисѣ, и Борецкій съ Могилою просили представить его въ церковную цензуру, чтобы затѣмъ напечатать для широкаго распространенія. Смотрицкій обѣщалъ, но заявилъ, что прежде чѣмъ предложить цензурѣ свой катехизисъ, онъ находитъ полезнымъ выпустить въ свѣтъ свой трактатъ, въ которомъ разсмотрѣны были бы „тѣ шесть различій, какія существуютъ между церковью восточной и западной“,—„чтобы благодаря этому легче и успѣшнѣе могла пройти цензура“. И этотъ планъ былъ принятъ. На сколько Смотрицкій при этомъ раскрылъ свои

---

[1]) Протестація с. 334 и 338 (эти отрывки приведены ниже, въ гл. V).

[2]) Письмо у Кояловича Литовская церковная унія II прим. 216.

планы, онъ не говоритъ; но по мысли его, проэктированный трактатъ „толерантымъ“ обсужденіемъ религіозныхъ различій, а еще болѣе (какъ показала затѣмъ Апологія, развившаяся потомъ изъ этого трактата)—перспективой всяческихъ благодатей, которыя имѣлъ принести съ собою религіозный компромиссъ, очевидно, долженъ былъ проторить дорогу катехизису, а катехизисъ, составленный въ томъ же уніонномъ духѣ—содѣйствовать осуществленію религіознаго компромисса.

Чтобы приготовить настроеніе среди широкой публики, Смотрицкій распускалъ слухи о существующихъ въ уніатскихъ кругахъ стремленіяхъ къ тому, чтобы отдѣлившись отъ Рима, соединиться вновь съ православными. Имѣемъ его письмо, писанное виленскимъ братчикамъ осенью этого года, гдѣ онъ *подъ секретомъ* извѣщаетъ ихъ о проѣздѣ по дорогѣ въ Кіевъ посредника, отправленнаго къ митрополиту и владыкамъ отъ м. Рутскаго и прочихъ уніатскихъ іерарховъ, монаха Ив. Дубовича. Этотъ Дубовичъ просилъ м. Іова и Смотрицкаго съѣхаться съ Рутскимъ, чтобы сговориться съ нимъ въ виду того, что уніатскіе епископы рѣшили отложиться отъ папы и вернуться обратно подъ власть константинопольскаго патріарха и желали бы войти въ переговоры съ православными епископами для выясненія, какъ бы это наилучше устроить „охраняя духовныя и свѣтскія права“. Православные епископы высказали свое удовольствіе по поводу такого намѣренія, но вмѣсто съѣзда съ Рутскимъ просили прислать имъ письменныя предложенія, и Дубовичъ обѣщалъ вскорѣ прибыть съ ними. Увѣдомляя братчиковъ объ этомъ, Смотрицкій одновременно доводилъ до ихъ свѣдѣнія, что въ правительственныхъ кругахъ возникъ проэктъ образованія самостоятельнаго патріарха для земель украинскихъ и бѣлорусскихъ. Смотрицкій просилъ обсудить этотъ вопросъ, а отъ себя выражалъ мысль, что противиться такому проэкту православные не могутъ—для этого нѣтъ никакихъ аргументовъ („жадное слушности в отпор мети не могучи“) [1]).

Приходилось дѣйствительно всѣми средствами обрабатывать общественное мнѣніе, такъ какъ о подозрительныхъ переговорахъ православныхъ епископовъ съ уніатскими уже начинали ходить

---

[1]) Письмо это было вписано, не смотря на свою секретность, въ луцкія актовыя книги и по этой копіи издано въ Архивѣ Ю. З. Р. I. VI ч. 244.

слухи. Исаія Копинскій, одинъ изъ непримиримыхъ противниковъ всякихъ новшествъ, разузнавъ о сношеніяхъ Смотрицкаго и Борецкаго съ Рутскимъ, разослалъ посланія православнымъ, извѣщая ихъ объ этихъ сношеніяхъ, о планахъ уніи среди православныхъ епископовъ и предостерегалъ отъ Борецкаго и Смотрицкаго [1]. Борецкій былъ очень этимъ разстроенъ, жаловался на эти подозрѣнія передъ московскимъ правительствомъ, жаловался на Копинскаго передъ Вишневецкимъ, патрономъ заднѣпровскихъ монастырей Копинскаго. Но начатыя дѣйствія не прерывались, а развивались далѣе. Изъ сеймоваго дневника 1627 г. узнаемъ, что тогда, во время сейма, въ Варшавѣ велись переговоры между уніатской и православной стороной и въ 20-хъ числахъ ноября соглашеніе между ними, казалось, было достигнуто; бискупъ виленскій заявилъ, что религіозный вопросъ будетъ улаженъ— „мы этимъ занимаемся“ [2]. Однимъ изъ ближайшихъ участниковъ этихъ переговоровъ и надеждъ на соглашеніе былъ, несомнѣнно, извѣстный украинскій парламентаристъ, волынскій депутатъ Лавр. Древинскій.

Передъ великимъ постомъ, въ февралѣ 1628 г. Смотрицкій видѣлся снова съ Могилой: Могила отдалъ ему визитъ въ Дермани и у Смотрицкаго получилось очень хорошее впечатлѣніе отъ разговоровъ съ нимъ—онъ писалъ Рутскому, что на Могилу можно разсчитывать въ вопросѣ о примиреніи церквей [3]. Затѣмъ передъ Пасхой въ Городкѣ на Волыни, въ имѣніи печерскаго монастыря (около Ровно) съѣзжались съ Смотрицкимъ православные епископы—кромѣ Борецкаго и Могилы еще Исаакій Борисковичъ и Паисій Ипполитовичъ, и здѣсь по словамъ Смотрицкаго о соглашеніяхъ съ уніатами говорилось уже довольно откровенно. Смотрицкій предложилъ свой обѣщанный трактатъ о различіяхъ между восточной и западной церковью. Такими различіями онъ считалъ ученіе объ исхожденіи св. Духа, чистилище и ученіе о блаженствѣ праведныхъ, употребленіе оплатокъ при причастіи и причащеніе мірянъ безъ чаши, и главенство па-

---

[1]) Письмо Смотрицкаго къ Рутскому у Кояловича Литовская церковная унія II прим. 216.

[2]) Дневникъ сейма въ краков. унив. библіотекѣ № 166, извлеченія у Жуковича ор. с. V с. 128, тамже на с. 134 проэктъ сеймовой конституціи, предложенный, какъ онъ предполагаетъ, православной стороной.

[3]) Письмо у Кояловича (см. выше).

пы [1]). Всѣ эти различія онъ находилъ незначительными и отчужденіе православныхъ отъ католиковъ и уніатовъ считалъ результатомъ предразсудка, а не какихъ либо дѣйствительныхъ различій.

По словамъ Смотрицкаго собранные епископы также стали на этой точкѣ зрѣнія и серьезно обсуждали, какъ бы „безъ нарушенія правъ и привилегій вѣры нашей найти способъ соединенія Руси съ Русью, то-есть уніатовъ съ неуніатами". Они рѣшили собрать соборъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и на немъ прежде всего заняться этимъ вопросомъ. Митроп. Іовъ долженъ былъ разослать частныя письма съ приглашеніемъ на этотъ соборъ, а Смотрицкому поручили написать записку, которая бы расположила къ участію въ соборѣ, и эту записку рѣшили опубликовать вмѣстѣ съ трактатомъ о различіи между восточной и западной церковью—о незначительности этихъ различій [2]).

Дѣло новой уніи, казалось, получало вполнѣ серіозный оборотъ.

Паралельно съ такимъ компромиссньмъ настроеніемъ въ духовныхъ сферахъ, стоявшихъ во главѣ современной церковной и національной жизни, такое же примирительное, оппортунистическое направленіе, какъ я уже отмѣтилъ, беретъ верхъ и въ національной украинской арміи—въ козачествѣ [3]).

---

[1]) Трактатъ этотъ имѣемъ, можетъ быть только въ измѣненной редакціи, въ приложеніи къ Апологіи: Consideratiae abo uważania szesciu roznic miedzy Cerkwią Wschodną y Zachodną strony wiary zaszłych.

[2]) Объ этомъ разсказываетъ Смотрицкій въ своей Протестаціи П. Могила приб. с. 324.

[3]) Этотъ періодъ въ исторіи козачества не можетъ похвалиться особеннымъ вниманіемъ изслѣдователей, чему главной причиной нужно считать недостаточность и отрывочность нашихъ источниковъ до самаго послѣдняго времени. Собранія Антоновича (Архивъ Ю. З. Р. III. I), Костомарова (Акты Ю. З. Р.) и Кулиша (Матеріалы) даютъ лишь по нѣсколько интересныхъ документовъ; богаче содержаніемъ для этихъ годовъ сборникъ Пшиленцкаго Ukrainne sprawy, przyczynek do dziejów polskich, tatarskich i tureckich, 1842—собраніе писемъ 1627—1629 гг., къ сожалѣнію безъ означенія ихъ происхожденія; другой сборникъ также Пшиленцкаго—Pamiętniki o Koniecpolskich, 1839, даетъ очень мало. Эти годы захватываютъ также сборники писемъ Збаражскаго и костантинопольскія депеши, о которыхъ была рѣчь выше (с. 217). Не мало цѣнныхъ извѣстій принесли сборники московскихъ актовъ: Акты московскаго государства т. I и II и Донскія дѣла т. I (Русская историч. библіотека т. 18,

Было это не только проявленіемъ упадка духа послѣ не, удачной кампаній—погрома широкихъ политическихъ плановъ-возникшихъ въ предыдущіе годы,—но также и результатомъ того, что правленіе въ войскѣ на нѣкоторое время захватила довольно прочно козацкая буржуазія, „лучшіе люди“, какъ ихъ называли въ московскихъ реляціяхъ. Они заняли сильную позицію „на волости“, въ территоріи „городовой“, и опираясь на нихъ ихъ представитель гетманъ Дорошенко имѣлъ возможность вести примирительную политику по отношенію къ шляхетской Польшѣ. Была извѣстная связь въ этомъ параллелизмѣ оппортунизма іерархическаго и оппортунизма козачьяго, хотя компромиссная политика епископовъ вообще не встрѣчала сочувствія среди этой козачьей буржуазіи, и послѣдняя въ концѣ концовъ даже выступила съ протестомъ противъ нея. Все таки не оставалось безъ значенія и безъ вліянія на направленіе козачьей политики это обстоятельство, что духовныя сферы, ранѣе во имя національныхъ (церковныхъ) интересовъ понуждавшія козачество къ рѣшительной оппозиціи противъ правительства и расчищавшія путь украинскому ирредентизму, теперь искали копромисса съ католической политикой

до 1640 г.), и наконецъ много цѣннаго матеріала далъ сборникъ И. Крипякевича—Матеріали до історії української козаччини, 1908 (Жерела до історії України-Руси т. VIII), до 1631 г. Мемуарно-лѣтописная литература для этого періода совсѣмъ бѣдна (Львовская лѣтопись, хроника Пясецкаго, анонимные Pamiętniki до panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza, дневникъ Велевицкаго и пр.) и для исторіи козачества даетъ мало.

Изъ общихъ работъ, болѣе раннихъ, наиболѣе давали предисловіе Костомарова къ Богдану Хмѣльницкому и Исторія Россіи Соловьева; немного прибавило къ нимъ Отпаденіе Малороссіи Кулиша, немногимъ больше его Украинскіе козаки и паны въ двадцатилѣтіе предъ бунтомъ Хмѣльницкаго (кончается 1635 г.). Спеціальныхъ работъ почти не было до послѣдняго времени: указанная уже статья Gołębiowski Szahin-giraj i kozacy (Bibl. Warszawska, 1852) и егоже Stefan Chmielecki (ib. 1853), A. J. (Ролле) Samuel Laszcz (въ V т. его историч. разсказовъ), К. Мельникъ Свѣдѣнія о походѣ въ Крымъ Михаила Дорошенка (Мемуары относящіеся къ ист. Юж. Руси, II). Затѣмъ въ 1899 г. вышла цѣнная работа С. Рудницкаго Українські козаки в 1625—1630 рр. (Записки львовскія т. XXXI), а съ 1909 начали выходить статьи П. Жуковича, излагавшія исторію козачества въ связи съ религіозно-политическими отношеніями этихъ годовъ, мимоходомъ, но съ привлеченіемъ новаго неизданнаго матеріала—онѣ перечислены выше, с. 215.

правительства. Одновременно съ тѣмъ, какъ среди самаго козачества получили преобладаніе теченія примирительныя, оппортунистическія, пересталъ дѣйствовать на ея оппозиціонную энергію стимулъ, вліявшій на нее въ продолженіи предыдущихъ лѣтъ, а онъ исходилъ именно изъ этихъ церковно-національныхъ сферъ. И это, повторяю, не могло оставаться безъ вліянія и значенія.

Новопоставленный гетманъ Михаилъ Дорошенко усердно и искусно поддерживалъ передъ лицемъ правительства свою прежнюю репутацію „всегда благожелательнаго къ королю и Рѣчи Посполитой“ человѣка [1]). Куруковскій трактатъ наложилъ на него тяжелую обязанность ввести козацій реестръ. Въ продолженіе шести недѣль, до 18 декабря 1625 г. нужно было пересмотрѣть козацкое войско, выбрать изъ него шесть тысячъ реестровыхъ и составить реестръ этого шеститысячнаго козачьяго войска. Въ теченіе двѣнадцати недѣль, до конца января 1626 г., козаки, проживавшіе въ имѣніяхъ шляхетскихъ и духовныхъ, должны были выйти оттуда въ королевскія земли, распродавъ земли и дома людямъ, готовымъ нести подданскія обязанности, а вся остальная масса козачества, исчислявшаяся въ 40 тысячъ человѣкъ— такъ называемые выписчики (выписанные изъ козачества) должна была перейти въ „обычное послушенство“ королевской или частной помѣщичьей юрисдикціи [2]).

Не смотря на то, что передъ войскомъ стояла перспектива похода на ливонскій театръ войны, гдѣ уже съ осени велись военныя дѣйствія, довольно неудачныя для Поляковъ, Конецпольскій хотѣлъ на этотъ разъ добиться фактическаго осуществленія реестра. Онъ разставилъ свое войско, въ числѣ 15 тысячъ, подъ предводительствомъ Казановскаго въ окрестностяхъ Кіева, въ Васильковѣ, Фастовѣ, Трипольи, Стайкахъ, Ржищевѣ и въ самомъ Кіевѣ. „А велѣлъ гетманъ Конецпольскій Казановскому со всѣми этими людьми стоять въ городахъ до тѣхъ поръ, пока козаки разберутся въ шесть тысячъ, а если козаки не будутъ по договору разбираться въ шесть тысячъ, то гетманъ Конецпольскій сейчасъ пойдетъ со всѣмъ войскомъ на козаковъ подъ Кіевъ“, разсказывалъ въ Москвѣ извѣстный намъ митрополичій довѣренный попъ Филиппъ [3]).

„И гетманъ козацкій Дорошенко“, сообщаетъ попъ Филиппъ

[1]) См. выше с. 194—5 [2]) См. выше с. 305.

[3]) Матеріалы Кулиша с. 182, ср. с. 259 и 270.

въ декабрѣ 1625 г.—„ѣздитъ съ польскими комиссарами по козацкимъ городамъ, разбираетъ козаковъ. И теперь гетманъ Дорошенко пошелъ въ Нѣжинъ къ козацкому разбору, а изъ Нѣжина поѣдетъ въ Прилуки и Лубны, также козаковъ разбирать. И въ городахъ козаки Дорошенка слушаютъ, потому что лучшіе люди изъ козаковъ пристали къ нему, Дорошенку". Но добра отъ этого попъ Филиппъ не надѣялся: „крови полилось много (въ Куруковской войнѣ), а нужно еще ожидать, такъ какъ теперь въ запорожскихъ краяхъ всякихъ людей тысячъ болѣе сорока, и тѣ, кто останется внѣ шести тысячъ, не захотятъ быть пашенными людьми: вѣрно начнутъ войну или пойдутъ на Запорожье или на Донъ" [1]). И вѣроятно продолжая зондировать настроеніе московскаго правительства, митрополичій агентъ прибавлялъ: „А тѣ люди, которыхъ отставляютъ отъ козачества, хотятъ посылать къ царю, бить челомъ, чтобы царь имъ помогъ своими людьми противъ Поляковъ, а они будутъ царю служить, будутъ литовскіе города добывать царскимъ именемъ, чтобы не лишиться православной вѣры [2])".

Это были, конечно, пустыя слова, и въ московскихъ сферахъ не придавали имъ никакого значенія. Но и пророчество новой козацкой войны, логически правильное вообще, также не оправдалось для ближайшаго времени. Дорошенко, имѣя за спиною польское войско и опираясь на помощь „лучшихъ людей", производилъ „разборъ", то есть выбиралъ козаковъ въ реестръ, а остальныхъ исключалъ изъ войска, осторожно и безъ приключеній. Операція была не пріятная и требовала много такта, но въ немъ, очевидно, у Дорошенка не было недостатка. Кромѣ того въ интересахъ самого населенія лежало по возможности скорѣе покончить съ реестраціей, чтобы избавиться отъ расквартированнаго польскаго войска, которое должно было слѣдить за выпискою, а своими „лежами" давало себя очень чувствовать мѣстнымъ людямъ, а въ особенности козакамъ. А „лучшимъ людямъ" было до извѣстной степени и желательно избавиться отъ безпокойнаго, буйнаго элемента въ войскѣ.

Однако, не смотря на всѣ старанія, „разборъ" все таки продлился значительно дольше, за предѣлы назначеннаго времени, и еще болѣе переходъ реестровыхъ изъ панскихъ помѣстій въ королевскія. Эта вторая операція касалась уже не гулящихъ, а самыхъ

[1]) Ibid. c. 230. [2]) Ibid. c. 182—3.

солидныхъ элементовъ, и ея осуществленіе не приносило уже совершенно никакой пользы никому въ войскѣ. Поэтому козацкая старшина въ этомъ вопросѣ въ особенности должна была стараться выиграть время. Свидѣтельствуя свою энергію въ исполненіи прочихъ условій послѣдняго договора, она доказывала практическую невозможность этой операціи, убѣждала польскихъ комиссаровъ и добилась у нихъ отсрочки. Въ 20-хъ числахъ января Дорошенко со старшиною, съѣхавшись въ Кіевѣ съ королевскими комиссарами, предложилъ имъ уже готовый реестръ шеститысячнаго козацкаго войска. Это, положимъ, не была еще окончательная редакція, какъ можна было заключить изъ комиссарскаго извѣщенія, такъ какъ послѣднюю редакцію Дорошенко послалъ кор. гетману только къ веснѣ, послѣ поѣздки на Запорожье [1]; но во всякомъ случаѣ реестръ былъ подготовленъ, и комиссары, оцѣнивая лойяльность старшины, съ своей стороны не отказали въ отсрочкѣ для выхода реестровыхъ козаковъ изъ шляхетскихъ помѣстій. Подтверждая, что вписанные въ реестръ козаки должны выйти изъ шляхетскихъ имѣній, комиссары вмѣстѣ съ тѣмъ *просили* помѣщиковъ не торопить козаковъ, принимая во вниманіе зимнее время.

Точно также въ другомъ наболѣвшемъ вопросѣ—объ осиротѣлыхъ козацкихъ семьяхъ, комиссары отъ себя ходатайствовали предъ шляхтою: „просимъ, чтобы вдовы козацкія были оставлены при вольности до дальнѣйшей милости е. к. м.“. Это былъ несомнѣнный успѣхъ, которымъ сторонники лойяльной политики могли похвалиться.

Отсрочка нужна была козакамъ, такъ какъ они непремѣнно хотѣли добиться отъ короля отмѣны этихъ непріятныхъ постановленій куруковской комиссіи и именно по этому вопросу выслали своихъ пословъ на сеймъ, открывшійся въ концѣ января 1626 г. Свидѣтельство комиссаровъ о составленіи реестра и лойяльномъ поведеніи козацкаго войска въ другихъ вопросахъ (напр. въ крайнѣ непріятномъ для православныхъ возвращеніи уніатамъ церкви св. Василія въ Кіевѣ, захваченной православными во время кіевскихъ волненій 1625 г.) [2]) рекомендовало правитель-

---

[1]) Жерела VIII с. 294: шестая тысяча была дополнена изъ запорожскаго отряда, хотя по словамъ самого этого письма, онъ былъ собранъ z każdego pułku.

[2]) Кіевскіе козаки и запорожское войско устами Дорошенка

ству корректность войска по отношенію къ возложеннымъ на него обязанностямъ, и войско, засвидѣтельствовавъ ее, теперь дѣлало попытку этой петиціей освободить себя отъ другихъ постановленій куруковской комиссіи [1]).

Оно просило увеличенія жалованья и спеціальныхъ назначеній на артиллерію, амуниціи для отряда, находящагося на Запорожьи, вознагражденія за разрушенныя польскимъ войскомъ козацкія жилища и хозяйства. Еще разъ дѣлало попытку добиться отмѣны постановленія о выходѣ реестровыхъ козаковъ изъ помѣстій шляхетскихъ и духовныхъ. Ходатайствовало за козаковъ, по причинѣ старости или увѣчья ставшихъ неспособными къ службѣ, за вдовъ и сиротъ козацкихъ—чтобы они оставались при козацкихъ правахъ. Просили, чтобы имъ было разрѣшено на будущее время получать отъ Москвы „упоминки" за то, что освобождаютъ невольниковъ изъ рукъ невѣрныхъ (а подъ этимъ предлогомъ, очевидно, желали продолжать сношенія съ московскимъ правительствомъ и получать отъ него субсидіи). Осторожно намекали на возможность какихъ нибудь неблагопріятныхъ для доброй славы козацкихъ поступковъ со стороны своевольниковъ, оставленныхъ въ войскѣ по волѣ комиссаровъ, и такимъ способомъ снимали съ себя отвѣтственность за могущіе произойти инциденты. Но во главѣ этихъ петицій, на первомъ мѣстѣ красовался снова религіозный вопросъ:

„Какъ Кіевское воеводство добивается успокоенія греческой вѣры, такъ и они просятъ, чтобы митрополитъ и владыки, посвященные патріархомъ, были утверждены королемъ".

На этотъ же вопросъ обращало войско также особое вниманіе своихъ благопріятелей, къ которымъ обращалось со спеціальными письмами, прося поддержать ихъ ходатайства передъ королемъ и сеймомъ. Имѣемъ такое письмо отъ Дорошенка, изъ Кіева, отъ 10 февраля, къ тогдашнему главѣ протестантовъ Криштофу Радзивилу, польному гетьману в. кн. Литовскаго [2]).

аявили, что они не велѣли этой церкви забирать, а забрана она безъ ихъ участія, и послѣ этого отреченія козацкаго войска церковь была отдана уніатамъ обратно.—Акты уніатскаго митрополичьяго архива у Жуковича V с. 39—8.

[1]) Punkta poselstwa kozakow zaporozkich—ркп. Публич. библ. Разн. F. II № 4 л. 462.

[2]) Археографич. сборникъ VII ч. 57.

Это козацкое посольство было принято королемъ подъ конецъ сейма (6 марта н. с.) [1]), но реальныхъ успѣховъ не имѣло никакихъ Въ религіозномъ вопросѣ, какъ уже знаемъ, король ограничился предложеніемъ, чтобы православные съ уніатами сами пришли къ какому либо соглашенію на соборѣ. Посольская палата, оппозиціонное настроеніе которой значительно ослабѣло подъ вліяніемъ извѣстій о татарскомъ нападеніи на Украину [2]), согласилась отложить религіозный вопросъ до слѣдующаго сейма. Что касается чисто козацкихъ дѣлъ, то сеймъ ограничился только утвержденіемъ куруковскаго трактата. Король и сеймъ приняли войско козацкое „до ласки своей", подъ условіемъ, что козаки будутъ придерживаться куруковской ординаціи; иначе они объявлялись врагами государства и коронное войско должно было снова двинуться противъ нихъ [3]). Жалованье имъ назначено такое, какъ рѣшено подъ Куруковымъ, и этотъ расходъ долженъ былъ покрываться изъ еврейскаго поголовнаго (итакъ Евреямъ Короны выпала честь содержать козацкое войско) [4]). Никакихъ уступокъ козакамъ сверхъ того не сдѣлано. Въ нѣкоторыхъ, менѣе важныхъ вопросахъ король поручилъ войску войти въ соглашеніе съ гетманомъ (Конецпольскимъ); другіе обошелъ молчаніемъ.

Татарское нападеніе, случившееся во время самого сейма въ февралѣ 1626 г., своей совершенной неожиданностью и полной такъ сказать нелогичностью произвело сильное замѣшательство въ польскихъ отношеніяхъ. Полгода тому Конецпольскій вошелъ въ соглашеніе съ Ордой и щедро задарилъ ее, чтобы отвратить отъ союза съ козаками, вошелъ также въ болѣе тѣсныя отношенія съ Турками, мотивируя это общимъ интересомъ борьбы съ козачествомъ [5]). Вдругъ въ февралѣ 1626 г. врывается большая татарская орда подъ предводительствомъ самаго хана Магометъ-гирея въ Подолію, а его братъ Шагинъ гирей, въ роли польскаго союзника, свидѣтельствуя свою непричастность, присылаетъ Конецпольскому султанскій фирманъ (приказъ), которымъ султанъ *приказывалъ* хану совершить это нападеніе на Польшу [6]).

---

[1]) Ркп. публ. библ. № 138.

[2]) Письмо съ сейма въ изслѣдованіи Жуковича, посвященномъ этому сейму (см. выше с. 311). [3]) Volum. legum III с. 237.

[4]) Жерела VIII с. 294—5. [5]) См. выше с. 282—3.

[6]) Депеши англійскія изъ Константинополя Zbiór pam. V с. 452, венеціанскія у Гаммера V с. 71, также польская записка

Извѣстіе объ этомъ получено было довольно поздно, Татары успѣли пройти въ Галицію и Белзскую землю. Конецпольскій и стражникъ коронный Хмелецкій, бросившись съ имѣвшимся подъ руками войскомъ и козаками, могли разгромить только нѣкоторые татарскіе загоны при ихъ возвращеніи и освободить взятыхъ плѣнниковъ [1]). Въ концѣ концовъ нападеніе Ордѣ не особенно удалось, но совершенно смутило польскихъ политиковъ: не знали, какъ понимать это поведеніе султана и чего ожидать отъ Турціи. Французскій посолъ въ Константинополѣ объяснялъ это татарское нападеніе интригами императорскихъ и испанскихъ агентовъ, желавшихъ вызвать козацкія нападенія на Константинополь и связать ими турецкія силы [2]). Турки увѣряли, что ханъ не получалъ никакого приказанія отъ султана относительно нападенія на Польшу, и если Шагинъ-гирей писалъ о какомъ то султанскомъ наказѣ или взятые въ плѣнъ Татары что-нибудь такое говорятъ, то имъ не слѣдуетъ вѣрить ни въ какомъ случаѣ: ханъ произвелъ нападеніе на Польшу своевольно, а причиной было то, что ему не уплачены были упоминки за прежніе годы [3]).

Польскіе политики не вѣрили этому и высказывали догадки, что турецкое правительство хочетъ принудить польскаго короля къ присылкѣ пословъ въ Константинополь съ дорогими подарками, которые должны были бы въ турецкихъ сферахъ представлять польскую

о крымскихъ дѣлахъ (1628—9 р.) Ukrainne sprawy с. 4 (тутъ еще подробность, что Шагинъ предупредилъ Конецпольскаго черезъ козаковъ).

[1]) Довольно пространно разсказываетъ объ этомъ Журковскій (Żywot T. Zamojskiego с. 103—2), выдвигая заслуги своего сослуживца Хмелецкаго. О первыхъ стадіяхъ нападенія извлеченія изъ современныхъ писемъ у Жуковича (ор. с. V с. 57), они иллюстрируютъ также всю неожиданность этого нападенія. О битвѣ надъ Днѣстромъ подъ Галичемъ современное письмо у Грабовскаго Ojczyste spominki I с. 60—1. Объ этой же татарской переправѣ черезъ Днѣстръ разсказываетъ и французская депеша въ Historia Russiae mon. II с. 431, представляя погромъ Татаръ въ очень темныхъ краскахъ. Зато отцы іезуиты съ удовольствіемъ записали въ своихъ дневникахъ только, что Татары при этомъ сильно разорили помѣстья Збаражскаго, противника іезуитовъ (дневникъ Велевицкаго с. 242).

[2]) Депеша l. с.

[3]) Письмо Мехметъ Джуржи каймакама Конецпольскому ркп. Публ. библ. Пол. F. IV № 241 с. 598; ср. английскую депешу Zb. pam. V с. 452.

дань (харачъ) султану, какъ въ былые годы [1]). Эта догадка находила себѣ подтвержденіе въ турецкихъ требованіяхъ [2]); но можетъ быть еще вѣроятнѣе было бы предположеніе, что посылая Магометъ-гирея противъ Польши, турецкое правительство хотѣло поссорить этихъ союзниковъ—хана и короля, и такимъ образомъ лишить непослушныхъ братьевъ Гиреевъ той опоры, какую они имѣли въ Польшѣ. Но хитрые братья вышли изъ этого положенія, раздѣливъ между собою роли: Махметъ-гирей взялся исполнить султанское порученіе, а Шагинъ велъ далѣе линію польскаго союзника и переслалъ, хотя и не совсѣмъ во время, копію султанскаго фирмана.

Сенсаціонную исторію разсказывалъ по этому поводу московскій вѣстникъ. Когда во время татарскаго нападенія Конецпольскій потребовалъ отъ Дорошенка, чтобы онъ съ козаками шелъ на помощь Полякамъ, и Дорошенко двинулся въ походъ, по дорогѣ въ Прилукѣ встрѣтилъ его ханскій посолъ и напомнилъ Дорошенку старый союзъ съ Татарами. Тогда Дорошенко возвратился назадъ, а Запорожцы подъ предводительствомъ гетмана Олифера отправились вмѣстѣ съ Татарами противъ Поляковъ [3]). Но все это были сказки: въ дѣйствительности козацкое войско принимало участіе въ борьбѣ съ Татарами [4]), никакихъ козаковъ съ Татарами не было, и Дорошенко держался вполнѣ лойяльно, а его послы какъ разъ въ это время добивались королевскихъ милостей на сеймѣ.

Польское правительство, занятое шведской войной, очень недовольно было этой опасностью, зарисовывавшейся на югѣ. Сеймъ назначилъ кредитъ на содержаніе 8 тыс. войска на Украинѣ, кромѣ того 1200 войска изъ польскихъ контингентовъ и войско козацкое должно было охранять Украину [5]). Конецпольскій съ главными силами долженъ былъ идти въ Ливонію. Въ Константинополь рѣшено было отправить посольство и употребить всѣ средства, чтобы отношенія съ Турціей не испортились.

---

[1]) Письмо Ю. Збаражскаго Конецпольскому с. 699.

[2]) Письмо Халиль-паши ib. с. 602.

[3]) Архивъ минист. иностранныхъ дѣлъ I, дѣла греческія 25 II 1626. Извѣстіе это привелъ впервые Соловьевъ, съ полнымъ къ нему довѣріемъ (II 1480).

[4]) Объ участіи козацкаго войска упоминаетъ Журковскій (maiąc część wojska zaporowskiego—с. 106).

[5]) Жерела VIII с. 290.

Главная опасность угрожала со стороны своевольнаго козачества, „выписчиковъ", начавшихъ сейчасъ же весной сборы на море; на Запорожьи было ихъ въ началѣ года нѣсколько тысячъ, и Дорошенко заранѣе предостерегалъ польское правительство, что въ ближайшемъ будущемъ надо ожидать морского похода [1]). Тревожные слухи распространились сейчасъ же объ этомъ походѣ среди Турокъ. Въ Константинополѣ говорили, что польское правительство оплачиваетъ за татарское нападеніе, разрѣшивъ козакамъ походъ на Константинополь и снабдивъ для этого амуницією, и козаки приготовили уже семьсотъ или даже тысячу чаекъ къ походу [2]); они намѣрены вызвать на бой весь турецкій флотъ и поклялись добыть самую адмиральскую галеру. Населеніе окрестностей Константинополя пришло въ сильное безпокойство отъ такихъ слуховъ. Вспоминали пророчество, что турецкое государство разрушатъ люди съ сѣвера. Двадцать галеръ стало на стражѣ Босфора. Капитанъ-паша съ флотомъ долженъ былъ итти на море, но, какъ выражается англійскій корреспондентъ— онъ заранѣе былъ разбитъ страхомъ своимъ и своего флота [3]).

Тревога однако на этотъ разъ была напрасна. Польское правительство поспѣшило напомнить Дорошенку обязанность, возложенную на него куруковскимъ трактатомъ—уничтожить козацкія лодки и предупреждать козацкіе своевольные походы, поставивъ на Запорожьи войско [4]). Дорошенко не отказался отъ этого и съ делегатами, высланными Конецпольскимъ для наблюденія за исполненіемъ этого порученія, отправился съ войскомъ на Запорожье.

Часть выписчиковъ, правда, успѣла все таки выйти на море, но это, очевидно, была незначительная экспедиція и скоро окончилась. Турецкій хронистъ упоминаетъ о 60 козацкихъ чай-

---

[1]) Письмо Збаражскаго с. 102—3.

[2]) Эти слухи принимаются въ литературѣ за чистую монету, предполагается, что польское правительство дѣйствительно дало выписчикамъ полную свободу, чтобы устрашить Турцію; но это совершенно не согласуется съ польскою политикою.

[3]) Депеша отъ 18 мая в Zbiór, pam. V с. 452—3. Ркп. библ. Замойскихъ—письмо Конецпольскаго съ іюнскими новостями изъ Константинополя: od nas wielka tam trwoga nastąmpila, bo znać przyszła pewna wiadomość o gotowych tysiącu czołnow kozackich y o naszym wojsku wielkim.

[4]) Ср. письмо Конецпольскаго въ Жерелахъ VIII с. 298

кахъ, изъ которыхъ турецкій флотъ поймалъ 30 и привелъ „къ высокому порогу“, а прочія разсѣялись [1]). Изъ реляціи Дорошенка можемъ заключить, что этотъ весенній походъ окончился скоро и незамѣтно, и только небольшая флотилія подъ предводительствомъ какого-то Миська „оторвавшись отъ прочихъ“ пространствовала дольше [2]). Вѣроятно это о ней доносилъ въ августѣ французскій посолъ, что турецкій флотъ встрѣтилъ 12 козацкихъ чаекъ на устьи Ріона („на устьи рѣки въ странѣ Мингреліи, за Трапизонтомъ“. Козаки вышли на берегъ и устроили укрѣпленный лагерь; но силы ихъ были невелики: козаковъ, по словамъ Турокъ, было всего около трехсотъ, Турки взяли ихъ укрѣпленія и перебили козаковъ [3]).

Изъ разсказовъ атамана Алексѣя Шафрана узнаемъ еще о другой небольшой, но также смѣлой экспедиціи: ходили козаки запорожскіе и донскіе съ Дона, подъ предводительствомъ этого Шафрана. Отправились за четыре недѣли передъ Пасхой на восьми челнахъ, всего 400 человѣкъ. Разграбили окрестности Трапезунта, а затѣмъ этотъ же Шафранъ ходилъ еще отдѣльно на *двухъ* чайкахъ съ сотней козаковъ и также удачно [4]). Турецкія жалобы на большіе козацкіе походы [5]) являются такимъ образомъ большимъ преувеличеніемъ, источники указываютъ только незначительныя нападенія.

Одновременно съ тѣмъ своевольники искали добычи въ степяхъ и здѣсь разбили московскую казну, встрѣтивъ ее около Перекопа [6]).

Все таки эти мелкія нападенія не шли въ счетъ, а большіе походы Дорошенко успѣлъ предупредить, уничтоживъ лодки,

---

[1]) Collectanea I с. 184. [2]) Жерела VIII с. 294.

[3]) Histor. Russiae mon. II с 431.

[4]) Матеріалы Кулиша с. 290. О самомъ Шафранѣ слѣдуетъ упомянуть, что отправившись затѣмъ по порученію товарищей, чтобы отвезти 10 фунтовъ серебра въ кіевскую св. Софію на серебрянныя ризы и кадило, онъ сбился съ дороги въ степи, прибился въ г. Валуйку и подозрительная московская администрація арестовала и сослала въ Сибирь этого героя борьбы съ басурманами, пробывшаго передъ тѣмъ семь лѣтъ въ турецкой каторгѣ въ Кафѣ, а затѣмъ убѣжавшаго съ товарищами на Донъ, разбивъ тюрьму, въ которой его держали. Объ этихъ похожденіяхъ его краткое упоминаніе также въ донскихъ актахъ Рус. ист. библ. т. XVII с. 236.

[5]) Ркп. библ. Замойскихъ, цитированное письмо Конецпольскаго.

[6]) Реляція о посольствѣ къ Туркамъ, ркп. Публ. библ. Разн. 4 л. 466 (у Жуковича V с. 74).

какія могъ захватить, и поставивъ на Запорожьи отрядъ реестровыхъ, имѣвшій сдержать дальнѣйшее своеволіе, и на нѣкоторое время дѣйствительно сдержавшій.

„Придя (на Запорожье)—доносилъ Дорошенко Конецпольскому, „мы сейчасъ при высланныхъ вами панахъ сожгли тѣ челны, какіе были на землѣ и могли быть легко сожжены; другіе поотрывала и побила вода, когда пошелъ на Днѣстрѣ ледъ, и мы ихъ никакъ не могли вытащить. На кошѣ, на мѣстѣ мы оставили старшиной Ивана Кулагу (позднѣйшаго гетмана) и при немъ цѣлую тысячу людей добрыхъ, отъ каждаго полка, приведя ихъ къ присягѣ на полной радѣ. Имъ оставили мы письменную инструкцію, какъ должны они поступать, и приказали имъ исполнить слѣдующія порученія. Во первыхъ, когда спадетъ вода, чтобы сейчасъ же вытянули лодки, затопленныя въ водѣ, сожгли и испортили ихъ; также и тѣ лодки, какія на море теперь съ Миськомъ, отдѣлившіяся отъ остальныхъ и до сихъ поръ не пришедшія: какъ только онѣ придутъ, сейчасъ челны сжечь, а людей, пришедшихъ въ нихъ, тотчасъ выслать въ города, какъ своевольныхъ, не держа ихъ при себѣ ни минуты. Мы и сами бы охотно подождали прихода этихъ челновъ, да трудно было ждать, стоя въ степи, такъ какъ непріятели узнавъ о насъ, нѣсколько разъ набѣгали, подсматривая войско, а на островѣ (въ Сичи) трудно было расположиться съ лошадьми благодаря сильной водѣ, затопившей его. Да мы и увѣрены, что тотъ старшій, оставленный нами, исполнитъ все, что мы ему написали въ инструкціи. Во вторыхъ, мы приказали каждаго своевольника, который сопротивлялся бы, внушая опасенія относительно своеволія—сейчасъ на мѣстѣ карать смертью или отправлять къ намъ непремѣнно. Въ третьихъ, чтобы усердно заботились о добываніи вѣстей о непріятельскихъ замыслахъ, ибо мы, чтобы оказать услугу королю, и сами бы охотно пошли водой на Запорожье, только языковъ нашихъ, отправившихся водой на Запорожье, непріятель, какъ мы узнали, переловилъ между порогами, и трудно было намъ (безъ свѣдѣній) итти, да и время было для лошадей горячее [1]).

[1]) Жерела VIII № 184. Письмо не имѣетъ числа, но судя по содержанію, описанное въ немъ происходило поздней весной, не ранѣе мая. По словамъ Конецпольскаго, онъ получилъ эти свѣдѣнія въ первыхъ числахъ іюля нов ст. (ib. № 186), такъ что самое письмо Дорошенка было написано въ іюнѣ.

Все это были очень пріятно для польскаго правительства. Конецпольскій поспѣшилъ увѣдомить турецкое правительство и всѣхъ заинтересованныхъ обо всемъ, совершенномъ для поддержанія добрыхъ отношеній съ Турціей—кое что и прибавилъ для большого эфекта. Высланное имъ на Запорожье войско, пишетъ онъ каймакаму (что оно было козацкое же, объ этомъ онъ счелъ за лучшее умолчать) — однихъ своевольниковъ наказало, прочихъ переловило, всѣ челны сожжены (въ письмѣ къ французскому послу въ Константинополѣ онъ указывалъ даже число этихъ сожженныхъ челновъ—300); на Запорожьи остался гарнизонъ изъ трехъ тысячъ (!), они должны слѣдить за тѣми, кто еще не возвратился съ моря, и никого не пускать, а если бы съ собой привели какой-нибудь ясыръ изъ турецкихъ странъ—всѣхъ должны отобрать и отпустить на свободу, и это исполнено. Своеволіе подавлено окончательно, пусть же и Турки со своей стороны сдѣлаютъ все, чтобы не повторялись татарскія нападенія [1]).

Кромѣ такихъ пріятныхъ и цѣнныхъ для польской дипломатіи извѣстій, Дорошенко вмѣстѣ съ своей реляціей переслалъ также вполнѣ законченный реестръ. „Къ пяти тысячамъ войска приписали мы шестую тысячу за порогами, при вашихъ делегатахъ, и реестръ ихъ, скомпутованный, вашей вельможности посылаемъ“. Такимъ образомъ условія куруковскія были исполнены, своеволіе „окончательно подавлено“, ни изъ-за границы, ни съ Украины не слышно было никакихъ жалобъ.

Но прибавляя къ прежнимъ доказательствамъ новыя доказательства своей вѣрности и лойяльности по отношенію къ королю и Рѣчи Посполитой, лойяльное козачество Дорошенка хотѣло за это добиться наконецъ реальной „милости“, отступленій отъ куруковской ординаціи, отмѣны самыхъ непріятныхъ ея постановленій. Посылая Конецпольскому реляцію о своей дѣятельности па Запорожьи и „скомпутованный“ реестръ, Дорошенко вмѣстѣ со старшиной выставилъ цѣлый рядъ пожеланій и усиленно просилъ вникнуть въ различныя непріятности и лишенія, какія терпитъ войско. Просилъ объ этомъ въ своемъ письмѣ и кромѣ того еще особо поручилъ своимъ посламъ просить объ этомъ Конецпольскаго.

---

[1]) Жерела VIII с. 298, франц. депеша въ Hist. Rus. mon. II с. 431.

Инструкція отъ войска, контрасигнованная „на собственный приказъ войсковый“ Константиномъ Волкомъ, войсковымъ писаремъ, поручала вниманію посольства слѣдующіе вопросы, переданные въ свое время королемъ на рѣшеніе гетмана Конецпольскаго. Просить увеличенія жалованія козакамъ, денежнаго и суконного; необходимъ ремонтъ для артиллеріи: нужно лошадей, хомутовъ, пороха, желѣза, платы и сукна для артиллерійской службы: нѣсколькихъ возовъ желѣза, выданныхъ для козацкой артиллеріи въ Кіевѣ, на основаніи гетманскаго письма, не хватило и для половины артиллеріи, надо также назначить какое нибудь мѣсто и квартиры для артиллеріи; до сихъ поръ она стояла въ Каневѣ, но дальнѣйшее содержаніе ея было бы обременительно для города. Надо увеличить плату писарю войсковому—„принимая во вниманіе труды и заслуги нашего писаря, такъ какъ онъ трудится болѣе, чѣмъ кто-нибудь въ войскѣ, и на немъ главная тяжесть лежитъ,“ послы имѣютъ „горячо“ просить гетмана, чтобы жалованіе его было увеличено, „какъ это и передъ тѣмъ было всегда, что писарю давали половину того, что старшему войска“. Напоминалось также о платѣ для военной музыки и хорунжихъ, въ деньгахъ и сукнѣ.

Въ своемъ письмѣ Дорошенко напоминалъ еще о сношеніяхъ козацкаго войска съ Москвой: король отослалъ ихъ съ этимъ вопросомъ къ Конецпольскому, Дорошенко просилъ, чтобы имъ дозволены были эти сношенія для полученія субсидій, такъ какъ видитъ Богъ—негдѣ ничего взять. Жаловался еще на мѣстную шляхту, что она выгоняетъ козаковъ изъ своихъ помѣстій, принуждая уходить какъ можно скорѣе и запрещая покупать отъ нихъ дома и „розробки“ (пашни). Итакъ выходъ изъ панскихъ помѣстій козаки все еще оттягивали, или просто для того, чтобы выиграть время, или въ надеждѣ, что имъ можетъ быть все-таки удастся добиться отмѣны этого предписанія. Дорошенко просилъ гетмана защитить козачество отъ этихъ панскихъ несправедливостей.

Козацкое посольство явилось у Конецпольскаго въ Барѣ въ началѣ іюля н. ст. [1]). Но ничего утѣшительнаго оно отъ него не услышало. Король направилъ козаковъ къ гетману, гетманъ отправилъ обратно къ королю, отъ Анны къ Каіафѣ, какъ говорили тогда. Такъ приходится догадываться изъ того, что че-

---

[1]) См. выше, с. 339 прим. 1.

резъ нѣсколько мѣсяцевъ казацкое войско обращалось съ тѣми же нуждами своими снова къ королю.

Зато службу козакамъ Конецпольскій умѣлъ найти. Приказалъ имъ главныхъ предводителей морского похода прислать королю „въ знакъ своего подданства", а сами чтобы „спѣшно прибыли въ польское войско противъ непріятеля" [1]). Имѣлись тревожныя извѣстія о Татарахъ, и коронное войско, а съ нимъ и козацкое должны были оберегать Украину отъ неожиданнаго нападенія. Снова былъ какой-то татарскій наѣздъ на Поднѣстровье, Конецпольскій выслалъ войско на стражу между Чернымъ и Кучманскимъ шляхами, защищая Подолію и Волынь; украинскіе паны умоляли гетмана не оставлять безъ защиты также и „Украины", и при всемъ этомъ главнымъ образомъ разсчитывали на козаковъ, „разъ Дорошенко завелъ съ ними порядокъ [2]).

Затѣмъ въ августѣ событія на сѣверномъ театрѣ—успѣхи Густава-Адольфа въ Пруссіи,—куда неожиданно обратился онъ, принудили перевести кварцяное войско изъ Украины въ Пруссію и вся тяжесть защиты Украины тѣмъ сильнѣе легла на козачество. Польскаго войска подъ предводительствомъ Хмелецкаго осталось здѣсь всего двѣ тысячи. Между тѣмъ къ осени, вслѣдъ за уходомъ польскаго войска, на Украину двинулась громадная орда подъ предводительствомъ нуреддинъ-султана (то-есть второго принца, слѣдующаго послѣ калги) и цѣлаго ряда другихъ младшихъ членовъ ханскаго дома. Татарскіе плѣнники разсказывали, что въ этомъ походѣ было 40 тыс. хорошихъ воиновъ и столько же всякой голытьбы, и считаясь даже съ преувеличеніемъ въ въ этихъ показаніяхъ, все таки очевидно, что орда была велика. Она двинулась на Кіевщину и оттуда хотѣла проникнуть на Волынь, но усышавъ о войскахъ, возвратилась и ставъ „кошемъ" (главнымъ лагеремъ) подъ Бѣлой Церковью, отсюда разослала свои „загоны", чтобы успѣть управиться до прихода войска: загонамъ велѣно было возвратиться на третій день.

Между тѣмъ успѣлъ подойти Хмелецкій; со своимъ кварцянымъ войскомъ и съ нѣкоторыми панскими полками онъ имѣлъ всего 3 тысячи, но Дорошенко привелъ шесть тыс., и они вмѣстѣ напали на татарскій кошъ подъ Бѣлой Церковью, 29 сентября с. ст. Шелъ дождь и отъ ружей не было никакой пользы, приходилось биться въ рукопашную. Татары пробовали защищаться,

---

[1]) Ркп. библ. Замойскихъ, письмо Конецпольскаго 5 авг.
[2]) Письмо Збаражскаго с. 104, 106, 107.

но держались не долго и обратились въ бѣгство; козаки и солдаты преслѣдовали ихъ, пока стемнѣло. Затѣмъ, истребивъ главный кошъ, начали ловить отряды, преградивъ имъ переправы на Роси, и масса Татаръ тутъ утонула, а затѣмъ еще подъ Рокитною на болотѣ захватили большой отрядъ Бухаръ-султана и Кантемировыхъ сыновей, застали ихъ совсѣмъ врасплохъ и сильно разгромили,—„рѣдкій лишь и счастливый Ордынецъ убѣжалъ“, и ясыра отобрали человѣкъ полтораста. Масса Татаръ погибла, считали ихъ на десять тысячъ. Козаки и прочія войска пріобрѣли громадную добычу—„ни одинъ здѣшній бояринъ безъ бахмата (татарскаго коня) не пришелъ; а были такіе, что и двухъ, трехъ привели“—доноситъ барскій урядникъ о здѣшней шляхтѣ. Но плѣнниковъ брали мало: „солдаты въ ярости не оставляли плѣнниковъ въ живыхъ, но не мало ихъ у козаковъ“.

Козаки вообще были героями дня. Хмелецкій съ особенной похвалой отзывается о „большомъ усердіи“ и мужествѣ козацкомъ, проявленныхъ на полѣ битвы козаками запорожскими со старшимъ ихъ Дорошенкомъ“. О Дорошенкѣ въ духѣ тѣхъ „рыцарскихъ временъ“ съ особой похвалой повѣствовали, что онъ идя впереди войска, напалъ на Татаръ и убилъ семерыхъ копьемъ собственною рукою и одного ударилъ такъ сильно, что не могъ назадъ вытянуть копья. Былъ и „смѣшной случай“ въ томъ же духѣ: передъ Запорожцами, когда они напали на Татаръ, вылетѣлъ филинъ и ухватился за колѣно одного Татарина, такъ что тотъ слетѣлъ съ коня, и былъ убитъ па мѣстѣ [1]).

Вѣсть о такомъ блестящемъ погромѣ „поганъ“ вызвала повсемѣстную радость, въ особенности среди угнетающихъ извѣстій съ сѣвернаго театра войны. Къ королю, какъ разъ находившемуся въ Пруссіи, отправлены были важнѣйшіе плѣнники, козаки послали десять татарскихъ знаменъ и бунчукъ. Все это съ большою помпою было вручено королю въ Торнѣ, во время созваннаго тамъ сейма, въ ноябрѣ этого года. Но посылая королю знамена и бунчуки, козаки поручили своимъ посламъ на-

[1]) Реляціи Конецпольскому отъ Дорошенка и отъ какого то барскаго урядника въ Сборникѣ лѣтописей относ. къ ист. Южной и Зап. Рос. С. 256, депеши французскія—Hist. R. mon. II с. 432. Акты москов. госуд. I с. 211. Żurkowski с. 414, Piasiecki с. 459, Pamiętniki do panowania Zygmunta III с. 132, Wielewicki IV с. 259 и др.

помнить королю и свои прежнія просьбы, столько разъ безуспѣшно предлагавшіяся правительству [1]). Однако, и на этотъ разъ послы ничего не привезли имъ, кромѣ письма, въ которомъ король заявилъ, что онъ съ благодарностью принялъ ихъ услуги и обѣщаетъ имъ за это свою милость.

Это уже было слишкомъ, даже для самой лойяльной старшины. Упадокъ духа, вызванный куруковской катастрофой, проходилъ. Все труднѣе становилось сдерживать отъ выступленій массу выписчиковъ, все труднѣе было убаюкивать ихъ надеждами на спасительныя послѣдствія ихъ лойяльности, на королевскія или панскія благодати, которыя должна была принесть имъ корректность и послушаніе козацкаго войска. А между тѣмъ годичный постъ—воздержаніе отъ „козацкаго хлѣба“, заграничнаго и домашняго, въ видѣ лежъ и приставствъ, въ самомъ дѣлѣ привело къ тому, что козацкій пролетаріатъ обнищалъ и изголодался и все труднѣе было сдерживать его въ предѣлахъ куруковской ординаціи.

Въ первыхъ числахъ 1627 г. „на полной радѣ“ въ Переяславѣ рѣшено было выслать новое посольство къ королю и усиленно просить его, королевича и разныхъ вліятельныхъ лицъ вникнуть въ положеніе козацкаго войска, потому что козаки не могутъ долѣе нести своей службы Рѣчи Посполитой [2]). Въ очень деликатныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ высказывали они свое удивленіе, что король снова оставилъ безъ вниманія ихъ представленія, ихъ кровавые подвиги и заслуги. Просили подтвержденія своихъ правъ и вольностей, точнѣе — ихъ расширенія. Усиленно, „униженно и слезно“ напоминали о необходимости увеличенія жалованія и ассигновокъ на артиллерію и разныхъ войсковыхъ служителей (пушкарей, хорунжихъ, музыкантовъ, ремесленниковъ и т. п.). „Видитъ Богъ, писали они, не пренебрегая милостью вашей кор. милости смѣло можемъ сказать, что нынѣшнимъ годичнымъ жалованіемъ мы никоимъ образомъ не можемъ покрыть нуждъ нашихъ, вѣрно служа вашей кор. милости,—не сообразишь, на что употребить ее, на одежду ли, или на амуницію, или на другія потребности военнаго человѣка — на этихъ нѣсколько злотыхъ не только одежды, но и пороха и свинца на службу Рѣчи Посполитой нельзя получить на годъ“.

---

[1]) Замѣтка о козацкой аудіенціи у короля 21 окт. въ ркп. публ. библ. 241 л. 10 (у Жуковича V с. 81).

[2]) Жерела VIII № 187—189 (всѣхъ писемъ послы принесли 7).

Просили поэтому специальной субсидіи, въ виду потерь въ лошадяхъ, оружіи и т. п., понесенныхъ въ послѣднихъ битвахъ съ Татарами. Просили разрѣшить имъ пользоваться „хлѣбомъ и мѣстомъ для отдыха"—правомъ расквартированія и сбора припасовъ по трудахъ и лишеніяхъ, чтобы быть вмѣстѣ на случай новаго татарскаго нападенія, о которомъ будто бы ходятъ слухи—потому что до сихъ поръ козаки, „не желая лишиться королевской милости", живутъ по своимъ хатамъ и никакой стаціи съ убогихъ людей не взымаютъ (и уже, очевидно, долѣе этого воздержанія выдержать не могутъ).

На мѣсто убитыхъ и умершихъ своею смертью—такъ какъ отъ этого „оказывается большая дыра въ войскѣ", они просятъ позволенія вписать въ реестръ „достойныхъ и заслуженныхъ—выписчиковъ, исключенныхъ изъ войска", иначе войско за нѣсколько лѣтъ совершенно переведется, если его не пополнять. Снова напоминаютъ о вдовахъ козаковъ, убитыхъ на королевской службѣ, прося короля дать универсалъ, съ напоминіемъ о прежнихъ королевскихъ грамотахъ, чтобы никто не трогалъ этихъ вдовъ, такъ какъ украинные урядники очень притѣсняютъ ихъ и чинятъ несправедливости, переводя изъ подъ опеки козацкой подъ свою юрисдикцію. Да и вообще украинская шляхта, „не заботясь о королевскихъ универсалахъ", причиняетъ козакамъ всяческія несправедливости: шляхтичи бьютъ, истязаютъ козаковъ, „и уже не знаемъ, какимъ образомъ искать справедливости, и у кого ея просить, и никогда мы не можемъ ее получить, и не знаемъ, куда на нихъ жаловаться, и кто бы разсудилъ съ ними, такъ какъ до королевской милости далеко, и не имѣемъ для этого средствъ, будучи бѣдными людьми". Наконецъ желали, чтобы принципіально признанное куруковской комиссіей право торговли, корчемства, промысловъ для козаковъ, было подтверждено королемъ специально, „потому что теперь даже на то чтобы пива сварить для своей надобности, а не для продажи, не можемъ получить позволенія отъ пановъ обывателей украинныхъ". Обо всемъ этомъ посламъ поручалось просить „усиленно, припадая къ стопамъ".

Изъ этихъ ссылокъ на прежнія привилегіи и постановленія (иногда совершенно апокрифическихъ или очень натянутыхъ) [1])

[1]) Для образца возьмемъ вопросъ о правѣ корчемства. Козаки ссылаются на то, что куруковская комиссія позволила abysmy wszelkich handlow tak szynkow y ynnych przemysłow, ktore by

явствуетъ, что подъ видомъ королевскаго „подтвержденія прежнихъ привилегій“ войско въ дѣйствительности хотѣло пріобрѣсти рядъ новыхъ правъ и вольностей въ смѣшанномъ судѣ со шляхтой, въ вопросѣ о правахъ козацкихъ вдовъ, въ правѣ варить напитки и продавать ихъ, вѣроятно—и въ правѣ проживанія въ шляхетскихъ помѣстьяхъ,—или по крайней мѣрѣ желало получить какое-нибудь обоснованіе претензій на эти права. Это дѣйствительно должно было послужить „поправою“ козацкихъ вольностей, хотя и проводилось въ скромной формѣ простого подтвержденія прежнихъ королевскихъ привилегій, чтобы не дразнить королевскаго слуха требованіемъ новыхъ правъ. Фигурировали здѣсь всѣ тѣ же старыя, извѣчныя пожеланія козацкія, столько разъ поднимавшіяся во время переговоровъ съ правительствомъ. Но и на этотъ разъ, всѣми проявленіями вѣрности, послушанія и лойяльности войско не могло тронуть королевскаго сердца.

Въ посольствѣ ѣздили Яцко Мозырянинъ, Федоръ Пуховичъ и Янъ Бучинскій (каждый разъ видимъ новыхъ пословъ, вѣроятно для того, чтобы каждый разъ кто-нибудь другой изъ старшины могъ получить подарки — это была чуть ли не единственная польза отъ этихъ посольствъ). Королю они представились въ первыхъ числахъ марта[1]). Королевскаго отвѣта не имѣемъ. Знаемъ, что король обѣщалъ козакамъ за ихъ потери въ борьбѣ съ Татарами 10 тыс. злотыхъ въ награду и этимъ, кажется и ограничилась королевская милость. Да и это обѣщаніе 10 тыс. (которыхъ козаки ожидали еще очень долго — даже къ сейму въ концѣ 1627 г. обращались по этому поводу) было не столько проявленіемъ „милости“ или благодарности, сколько результатомъ извѣстій о козацкомъ нежеланіи оказывать дальнѣйшія услуги „королю и Рѣчи Посполитой“!

---

przeszkodą arędom szlacheckim nie były, zazywali, и на этомъ основаніи осторожно подходятъ къ праву варить медъ и шинковать имъ. Въ дѣйствительности въ куруковскихъ переговорахъ даже рѣчи не было объ этомъ sacrosanctum шляхетскаго права — вареньи напитковъ и шинкованьи ими (см. Zbiór pam. VI с. 126, 201, 236), говорится только о честной торговлѣ“ (handle poczciwe), а главное—о рыбной и звѣриной ловлѣ, и комиссія позволяетъ козакамъ przystoynego pożiwienia iako handlów, łowienia ryb i zwierza, tym iednak sposobem, aby żadney pożytkom starościnym nie czynili przeszkody.

[1]) Выписки у Жуковича V с. 90, ср. Жерела VIII с. 302.

Несговорчивость короннаго правительства относительно козацкихъ желаній должна было тѣмъ сильнѣе раздражать козачество, что правительство постоянно нуждалось въ немъ, и какъ разъ теперь, отославъ ни съ чѣмъ козацкое посольство съ торнскаго сейма послѣ бѣлоцерковскихъ подвиговъ, добивалось козацкой помощи для далекой и трудной шведской войны. Такой проэктъ возникъ еще во время осенняго сейма 1626 г. Потомъ, въ началѣ 1627 г., когда козаки снаряжали это новое посольство къ королю, одному изъ комиссаровъ въ козацкихъ дѣлахъ Томашу Шклинскому король далъ порученіе ангажировать на сѣверную войну двѣ тысячи козаковъ сверхъ реестра и отправить ихъ водой по Днѣпру, съ самымъ началомъ навигаціи. Это требованіе вызвало въ козацкихъ кругахъ сильное раздраженіе. Не особенно пріятна была перспектива службы въ Пруссіи или Ливоніи, не нравились различныя подробности самой вербовки, а главное то, что польское правительство такъ безцеремонно обращается къ козачеству, а всѣ просьбы козачества оставляетъ безъ послѣдствій.

Имѣемъ письмо Дорошенка, писанное Шклинскому изъ Канева 18 февраля, въ отвѣтъ на его порученіе „собрать двѣ тысячи добрыхъ или даже наилучшихъ молодцовъ, не трогая состоящихъ теперь на службѣ и наймѣ Рѣчи Посполитой, и выслать ихъ туда, гдѣ будетъ нужно“. Дорошенко не безъ остроумія иронизируетъ надъ этимъ требованіемъ правительства, цѣлый годъ добивавшагося лишь того, чтобы все, что оказалось сверхъ реестра, возвратить въ подданскую массу:

„Не можемъ понять, откуда намъ взять эти двѣ тысячи наилучшихъ—изъ тѣхъ ли отдѣленныхъ (выписчиковъ), такъ уже обобранныхъ и разоренныхъ панами, у которыхъ они находятся въ подданствѣ, что едва съ душами остались? Вѣдь оставшихся въ королевской службѣ жаль трогать: есть для насъ и здѣсь достаточно заботы съ врагомъ св. креста — и то уже трудно выдержать, такъ какъ не имѣемъ съ чѣмъ. Мы имѣли надежду, что король е. м. своей милостью и пожалованіемъ за потери наши изволитъ вознаградить наши теперешнія кровавыя заслуги, но никакой милости мы не получили, даже не получили куска хлѣба, чтобы съѣсть послѣ этихъ трудовъ и работы, и что бѣдный человѣкъ имѣлъ, долженъ былъ проѣсть, а чтобы чѣмъ тѣло прикрыть, нечего и думать: совсѣмъ насъ холодъ и голодъ одолѣли“.

И перечисливъ еще нѣсколько неудобствъ и разныхъ непріятныхъ подробностей въ самомъ способѣ предложенной службы—что войско прежде не „затягивали“ (брали на службу) такимъ образомъ, и не стоитъ вводить такой небывалой практики, какой не бывало въ прежнія времена (не нравилось это раздѣленіе войска на два театра войны, предложенный походъ комягами и т. п.),— гетманъ просилъ извинить и принять къ свѣдѣнію всѣ тѣ мотивы, какіе не даютъ возможности войску исполнить это порученіе [1]).

Кромѣ мотивовъ, указанныхъ въ этомъ письмѣ, непріятнымъ для козаковъ былъ, вѣроятно, и самый фактъ, что король обращается къ нимъ не самъ и не черезъ гетмана, а черезъ такого незначительнаго комиссара, и въ этомъ они могли видѣть желаніе дешевымъ способомъ, не принимая никакихъ обязанностей передъ козачествомъ, пользоваться его услугами. Но кромѣ всего прочаго, могла быть еще одна очень характерная причина— это шведскія вліянія. Начиная съ осени 1626 г. шведское правительство различными путями — черезъ Москву, черезъ Трансильванію, можетъ быть еще иными—пробовало какъ нибудь добраться до козацкаго войска, чтобы поднять его противъ польскаго правительства [2]). И хотя у насъ нѣтъ документальныхъ данныхъ о томъ, что сношенія съ козаками были тогда дѣйствительно завязаны (миссія, высланная черезъ Москву, не удалась, благодаря несогласію московскаго правительства, не желавшаго пропустить шведскаго посла на Украину), но возможно, что коечто изъ этого все таки долетѣло до Запорожскаго войска и повліяло на его несочувственное отношеніе къ походу на шведскій театръ войны...

Между тѣмъ польское правительство очень нуждалось въ козакахъ. Шклинскій получалъ напоминанія одно за другимъ. Получивъ упомянутый отвѣтъ отъ Дорошенка, онъ въ мартѣ отправился на Украину самъ лично. Для лучшаго настроенія просилъ короля прислать козацкое жалованіе въ Бѣлую Церковь, заранѣе прибавить жалованіе старшинѣ, и т. п. [3]). Можетъ быть и извѣстное намъ королевское обѣщаніе 10 тыс. злотыхъ за ко-

---

[1]) Жерела VIII ч. 190.

[2]) О миссіи московской у Соловьева II с. 1169, о миссіи трансильванской у Молчановскаго (Архивъ Ю. З. Р. III, VI) с. 24.

[3]) Жерела VIII № 191.

зацкія потери въ битвахъ съ Татарами находилось въ извѣстной связи съ этимъ видами на козаковъ, но и оно не помогло ничего.

Извѣстій о дальнѣйшихъ переговорахъ не имѣемъ, но реестровое козачество все таки не пошло въ этотъ походъ. Былъ ли навербованъ какой-нибудь отрядъ изъ выписчиковъ, неизвѣстно (въ шведской войнѣ козацкіе контингенты выступаютъ вообще очень неясно) [1]). Но реестровое войско рѣшительно отказалось отъ шведской войны, не обѣщавшей имъ ничего пріятнаго. Московскій вѣстникъ Гр. Гладкій со словъ митрополита такъ разсказывалъ объ этомъ: Гетманъ созвалъ раду въ Каневѣ, и на радѣ козаки отказались, отвѣтили королевскому посланному, что на шведскаго короля они не пойдутъ, такъ какъ король польскій и паны сенаторы отняли у нихъ всѣ средства къ жизни, на море итти запрещаютъ, они отъ того обнищали и на службу на шведскаго короля имъ итти не съ чѣмъ. И послали къ королю и сенаторамъ просить, чтобы на будущее время козацкаго войска было 10 тысячъ, и король чтобъ прислалъ имъ денегъ и сукна на 10 тысячъ [2]).

Извѣстія изъ Константинополя о планахъ турецкой экспедиціи на Украину, для постройки замковъ на Днѣпрѣ, начавшія приходить съ весной 1627 г. [3]), дали новые аргументы за то, что козакамъ нельзя оставлять Украины, и польское правительство должно было въ концѣ концовъ принять къ свѣдѣнію эту мотивировку и оставить ихъ въ покоѣ съ шведскимъ походомъ [4]).

Эти планы постройки замковъ на Днѣпрѣ, надѣлавшіе такъ много шума и занявшіе вниманіе на цѣлый годъ, возникли по

---

[1]) Извѣстія о козакахъ на шведскомъ театрѣ собраны у Молчановского ст. 19, но изъ нихъ не видно, какіе это козаки—хоругви козацкія или настоящіе запорожскіе козаки.

[2]) Московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ, дѣла малороссійскія 1627 г. 12 марта.

[3]) См. напр. письмо отъ 10 марта, Ukrainne sprawy с. 12.

[4]) Ю. Збаражскій резюмируетъ слухи объ этомъ въ своемъ письмѣ отъ 13 іюня (Listy ч. 70): „Козаки взбунтовались и прислали съ такимъ отвѣтомъ, чтобы ихъ самъ король ни на какую службу не призывалъ, потому что они всѣ силы должны обратить противъ Турокъ, чтобы не позволить имъ строить этого замка“. Изъ этого слѣдовало бы, что переговоры о походѣ козаковъ на шведскую войну затянулись до самаго лѣта и окончательно застряли въ разговорахъ объ этихъ турецкихъ замкахъ.

иниціативѣ Крымцевъ. Объясняли ее въ Стамбулѣ тѣмъ, что ханъ хотѣлъ отдѣлаться такимъ образомъ отъ перспективы похода на войну въ Персію, и для этого придумалъ занятіе у себя дома [1]). Еще можетъ быть вѣроятнѣе, что этими замками онъ надѣялся вновь запутать польско-турецкія отношенія, съ пользой для себя. Ханъ Магометъ выступилъ съ этимъ проэктомъ передъ стамбульскимъ диваномъ еще въ концѣ 1626 г. Онъ проэктировалъ построить два замка на нижнемъ Днѣпрѣ, на двухъ сторонахъ, вмѣсто давняго замка, построеннаго при султанѣ Солиманѣ, уже превратившагося въ развалины. Эти замки должны были препятствовать выходу козаковъ въ море. Одинъ замокъ брался поставить самъ ханъ, постройку другого предоставлялъ Туркамъ.

Планъ этотъ былъ съ удовольствіемъ принятъ въ диванѣ, въ нач. 1627 г. Хану и калгѣ были посланы въ знакъ султанской милости сабли и кафтаны, капитану-пашѣ было поручено отправиться весной съ военнымъ флотомъ и транспортными кораблями на Днѣпръ для постройки замковъ и для защиты ея отъ возможныхъ препятствій со стороны козаковъ; къ нему же должна была присоединиться дунайская эскадра. Намѣстникъ Кафы долженъ былъ прислать рабочихъ для земляныхъ работъ; воеводы молдавскій и валашскій также обязаны были прибыть на помощь со своими людьми. По окончаніи замковъ тамъ имѣлъ былъ быть оставленъ гарнизонъ изъ 4 тыс. людей, чтобы стеречь отъ козаковъ выходъ на море [2]).

Такія шумныя приготовленія немедленно стали извѣстны на Украинѣ и вызвали здѣсь большую тревогу. Польскіе правительственные круги обезпокоились, какъ десять лѣтъ назадъ, этими турецкими намѣреніями прочно основаться въ непосредственномъ сосѣдствѣ Украины, въ номинальныхъ границахъ Короны. Козачество рѣшительно не хотѣло позволить Туркамъ преградить ему дорогу на море. Но до конфликта съ Турками польское правительство тоже не хотѣло доводить. Когда армія капитанъ-паши, сойдясь подъ Тегинею съ людьми молдавскими и валашскими, двинулась отсюда на украинскую границу, Хмелецкій съ польскимъ войскомъ и съ украинскими козаками прежде всего демонстративно выступилъ ей на встрѣчу и этимъ маневромъ, по его словамъ, принудилъ измѣ-

[1]) См. у Цинкайзена IV с. 250.

[2]) Депеши французскія—Hist. Rus. mon. II с. 432—3, венеціанскія у Гаммера V с. 70; Наима—Collectanea I с. 182—3.

нить свои планы: вмѣсто того, чтобы идти на украинское пограничье (гдѣ паша имѣлъ будто-бы намѣреніе строить замокъ на границахъ Браславщини, на устьи Чичаклея въ Бугу), паша двинулся къ Очакову и оттуда вступилъ въ переговоры съ Хмелецкимъ при посредствѣ господаря молдавскаго Мирона Могилы-Бернавскаго. Этими переговорами Хмелецкій успѣлъ отвлечь пашу отъ намѣренія строить другой замокъ, пугая его тѣмъ, что козаки и вся Украина взволновались при извѣстіи объ этихъ замкахъ и нельзя будетъ поддерживать миръ съ Турціей; „козаки, узнавъ объ этомъ, не хотятъ слушать своихъ старшихъ и думаютъ о походѣ по Днѣпру", и т. п.

Окончилось все тѣмъ, что только ханъ крымскій возобновилъ старый замокъ въ Асланъ-Керменѣ, а паша отъ своего замка отказался, заключивъ новое соглашеніе между Турціей и Польшей и отправился восвояси, а Хмелецкій, прокарауливъ цѣлое лѣто и начало осени на степномъ пограничьи (надъ Суріей) со своимъ войскомъ и козаками, также возвратился на зимнюю квартиру [1]).

Своевольное козачество за это время, смѣясь надъ турецкими мѣропріятіями и замками, собралось въ походъ на море—насчитываютъ ихъ отъ 60 до 80 чаекъ, но подробностей объ этомъ походѣ никакихъ не имѣемъ [2]). А реестровики, возвратившись на волость, занялись снова снаряженіемъ посольства къ королю, на сеймъ, созванный въ Варшавѣ въ началѣ октября ст. ст.

Въ посольствѣ отправились на этотъ разъ Яцко Клиша, Иванъ Туровецъ, Константинъ Волкъ (мы видѣли его нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ войсковымъ писаремъ) и др. Грамота, помѣченная „таборомъ около Тарганова пруда надъ Росавою", писана 22 октября [3]). Послы везли ad captandam benevolentiam нѣсколькихъ плѣнныхъ Татаръ, захваченныхъ во время наѣзда подъ Мушуровымъ, и письмо, въ которомъ Дорошенко именемъ войска, прося у короля извиненія за „частыя докуки", оправдывается тѣмъ, что „гвалтъ и недостатокъ великій" принуж-

---

[1]) Жерела VIII № 193, 198, Ukrainne sprawy с. 6, 16, депеши французскія l. с. с. 433.

[2]) О немъ Жерела VIII № 199, 200, 202 (изъ двухъ походовъ, упомянутыхъ въ письмѣ султана, первый относится къ предыдущимъ годамъ, и только второй къ 1627 г.).

[3]) Жерела VIII № 201.

даетъ ихъ надоѣдать королю просьбами о выдачѣ имъ жалованной грамоты для защиты отъ украинской шляхты. По его словамъ, эта шляхта, не смотря на лойяльное поведеніе козачества и на суровые универсалы, нѣсколько разъ выданные изъ королевской канцеляріи (этихъ универсаловъ не имѣемъ, и не знаемъ опять, насколько и здѣсь точна эта козацкая ссылка на нихъ),— продолжаетъ свои притѣсненія и преслѣдуетъ козаковъ истязаніями и отобраніемъ земель. Все это, очевидно, происходило на почвѣ все того же принудительнаго выведенія козаковъ изъ частныхъ помѣстій—козаки, видно, продолжали уклоняться отъ него подъ разными предлогами. Для иллюстраціи этого шляхетскаго самоуправства указывается фактъ, что паны Калиновскіе не пропустили козацкаго войска черезъ свои помѣстья. Но все это, вѣроятно, говорилось болѣе для декораціи, умыселъ былъ иной и королевская жалованная грамота испрашивались для цѣлей указанныхъ уже выше—для расширенія и утвержденія козацкихъ вольностей.

Изъ козацкой инструкціи намъ извѣстны такіе пункты: просьбы относительно увеличенія жалованія, ассигновки на артиллерію и уплаты 10 тыс. злотыхъ, обѣщанныхъ королемъ; жалоба на уманскихъ мѣщанъ, за то что они не позволили козакамъ расположиться на квартирахъ, указанныхъ имъ Хмелецкимъ, напали на козаковъ и нѣсколькихъ убили (это бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на столкновеніе козаковъ съ Калиновскими, владѣльцами Уманщины); просьбы обезпеченія отъ насилій со стороны шляхты, какія терпятъ козаки имѣющіе свои „стацiйные домки“ (очевидно въ польскихъ помѣстьяхъ). Наконецъ козаки обращали вниманіе правительства на турецкіе или татарскіе замки на Днѣпрѣ: одинъ замокъ Шагинъ-герей построилъ въ этомъ году на лѣвой сторонѣ Днѣпра [1]), а въ слѣдующемъ году хочетъ строить еще два замка на правой сторонѣ; это очень опасно для Рѣчи Посполитой и козаки просятъ королевскихъ указаній, какъ имъ поступать?

Эти петиціи предложены были послами королю на торжественной аудіенціи, гдѣ посольство передало гетману грамоту и плѣнныхъ, 7 (17) ноября, а на другой день козацкіе послы предложили эти же петиціи посольской палатѣ, прося, чтобы палата поддержала ихъ передъ королемъ [2]). Палата, разсмотрѣвъ,

---

[1]) Здѣсь имѣемъ подтвержденіе, что построенъ былъ только одинъ замокъ.

[2]) Жерела VIII № 204.

рѣшила поддержать передъ королемъ просьбу объ обѣщанномъ вознагражденіи, жалобу на Калиновскихъ и петицію о выдачѣ универсаловъ къ шляхтѣ; прочіе вопросы, по мнѣнію палаты, должны разсматриваться въ законодательномъ порядкѣ, цѣлымъ сеймомъ. Изъ вопросовъ, взятыхъ палатою подъ свое покровительство, козачество несомнѣнно болѣе всего интересовалось правомъ жительства козаковъ въ частныхъ помѣстьяхъ, и если козацкимъ посламъ удалось добиться отъ короля какихъ-нибудь универсаловъ къ шляхтѣ, дававшихъ возможность бороться съ исключеніемъ козаковъ изъ шляхетскихъ помѣстій, то это представляло для нихъ довольно значительную цѣнность. Козачество, очевидно, не хотѣло никакъ признать этого исключенія на практикѣ и не имѣя надежды добиться его формальной отмѣны, вело съ нимъ борьбу окольную, различными обходными маневрами.

Въ законодательномъ порядкѣ сеймъ ничего интереснаго для козачества не постановилъ. Принимая во вниманіе неопредѣленныя отношенія къ Татарамъ и Туркамъ постановлено было, что кварцяное войско должно быть употреблено исключительно для защиты Украины (а на шведскую войну разрѣшены экстренные кредиты), и войско козацкое также вмѣстѣ съ нимъ „должно давать отпоръ язычникамъ"; объ удовлетвореніи же требованій этого войска сеймовыя конституціи умолчали. Вопросъ о „греческой религіи" формально еще разъ „пущенъ въ рецессъ до слѣдующаго сейма" [1]).

Характерно, что въ козацкихъ петиціяхъ уже полтора года мы не встрѣчаемъ этого религіознаго вопроса, раньше занимавшаго въ нихъ такое выдающееся, главное мѣсто. Можна думать, что сами іерархи, все болѣе склоняясь къ оппортунистической, компромиссной тактикѣ, не считали полезнымъ пускать въ ходъ козацкія петиціи, такъ какъ свою безплодность показали онѣ уже достаточно въ предыдущихъ случаяхъ, а какъ манифестація союза православной іерархіи съ козачествомъ, можетъ быть, по мнѣнію оппортунистически настроенныхъ іерарховъ, больше вредили, чѣмъ способствовали установленію отношеній съ правительствомъ и правящими кругами. Какъ мы знаемъ, этотъ вопросъ какъ разъ рѣшался за кулисами сейма, секретными переговорами, и вмѣшивать сюда козачество руководящимъ православнымъ сферамъ не было интереса.

---

[1]) Volumina legum III с. 260 и 263.

Козацкія представленія по вопросу о турецко-татарскихъ замкахъ на Днѣпрѣ не получили официальнаго разрѣшенія въ актахъ сейма. Дѣло было довольно щекотливое для польской политики: нельзя было, считаясь съ Турціей, сказать громко то, что говорилось и писалось секретно, частнымъ образомъ: что турецкіе замки на Днѣпрѣ дѣйствительно очень нежелательны, и хорошо было-бы, еслибъ козаки покончили съ ними по собственной инициативѣ, не вмѣшивая сюда польскаго правительства, въ виду своихъ шведскихъ хлопотъ усердно заботившагося о поддержаніи добрыхъ отношеніяхъ съ Турціей [1]). Но такое настроеніе правительственныхъ сферъ, конечно, не было тайной для козацкой старшины, и къ веснѣ 1628 года гетманъ Дорошенко съ реестровиками и нереестровиками двинулся на Запорожье, извѣстивъ Хмелецкаго, какъ представителя польскаго правительства на Украинѣ, что онъ отравляется туда съ цѣлью усмирить своеволю и удержать ее отъ походовъ на море [2]), „а главнымъ образомъ для того, чтобы истребить замки, то-есть Исламъ-Керменъ, построенный во вредъ Рѣчи Посполитой на самой переправѣ черезъ Днѣпръ, и не допустить до постройки новыхъ замковъ, которые непремѣнно должны были появиться въ этомъ году: для этого императоръ турецкій и выслалъ на Черное море нѣсколько большихъ галеръ и нѣсколько меньшихъ съ однимъ турецкимъ пашею“. Такъ передаютъ козаки въ позднѣйшемъ письмѣ къ Хмелецкому содержаніе этого предыдущаго манифеста Дорошенка [3]).

Обстоятельства были для этого предпріятія очень благопріятны, такъ какъ здѣшній татарскій и турецкій міръ занятъ былъ татарскимъ междоусобіемъ, борьбой Шагинъ-гирея съ мурзой Кантемиромъ, которая послѣ нѣкотораго затишья разразилась съ новой силой и къ веснѣ перешла въ упорную вооруженную войну. Безъ большихъ хлопотъ и препятствій Дорошенко съ козаками осадили замокъ и „счастливымъ образомъ“—„счастьемъ вашей королевской милости и отвагой своей“, какъ галантно затѣмъ доносили королю, завоевали этотъ замокъ, хотя онъ былъ такъ хорошо снабженъ артиллеріей и людьми, по ихъ словамъ, что могъ бы противостоять очень большимъ силамъ. Уничтожили замокъ до

---

[1]) Ср. письма Збаражскаго, с. 133.

[2]) Такой походъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто осенью 1627 г.— Жерела VIII с. 323.

[3]) Ukrainne sprawy c. 24.

основанія, взяли изъ него нѣсколько пушекъ и съ тріумфомъ возвратились на Запорожье [1]).

Объ „усмиреньи" своевольства и предупрежденіи походовъ на море заботились меньше. Наоборотъ, этотъ полуофиціальный походъ на Асланъ-городокъ только расшевелилъ своевольную энергію и непосредственно послѣ этого ватаги выписчиковъ собрались на море—въ маѣ пишутъ изъ Константинополя, что эти козаки напали на турецкія страны, причинили здѣсь много убытковъ и продолжаютъ ихъ грабить и опустошать [2]). Неизвѣстно, къ этому или къ предыдущему походу (осеннему) относится турецкое извѣстіе о козацкомъ нападеніи на Аидосъ (около Бургаса)—что козаки тамъ забрали въ неволю людей, разграбили ихъ имущество и т. д. [3]).

Реестровики же, разъ захваченные волной полусвоевольнаго добычничества, бросились въ разгаръ крымскихъ междоусобій, разгоравшихся тогда все болѣе и болѣе. Въ новой своей войнѣ съ Кантемиромъ, вспыхнувшей весной 1628 г., Шагинъ-гирей снова былъ разбитъ за Дунаемъ и долженъ былъ спасаться въ Крымъ [4]). Это подало поводъ къ возстанію крымскихъ мурзъ, недовольныхъ жестокостями Шагина и его брата хана, а турецкое правительство, не забывшее братьямъ ихъ вооруженнаго отпора въ 1624 г. и злорадно слѣдившее за всякимъ неудачнымъ шагомъ, за всякимъ несчастьемъ, сваливавшимся на нихъ [5]), также задумало воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы покончить со своевольными вассалами. Оно извлекло изъ забвенія прежняго хана Джанибекъ-гирея и поручило капитанъ-пашѣ со своей эскадрой отправиться съ нимъ въ Крымъ и посадить его снова на ханскомъ престолѣ. Въ этомъ крайнемъ положеніи Шагинъ обратился къ своимъ прежнимъ спасителямъ-козакамъ: спасаясь изъза Дуная въ Крымъ отъ Кантемира, гнавшагося со своей ордой за нимъ „въ тропы", Шагинъ выслалъ на Запорожье своихъ

---

[1]) Ukrainne sprawy с. 27, кромѣ этой коротенькой реляціи никакихъ подробностей не имѣемъ.

[2]) Ibid. ст. 23: 6 іюня получилъ такія извѣстія изъ Константинополя господарь молдавскій.

[3]) Ukr. sprawy, с. 57.

[4]) Объ этомъ крымскомъ междоусобіи современная реляція, уже цитированная и очень подробная въ сборникѣ Ukrainne sprawy, с. 6—7, турецкіе источники у Смирнова с. 495, Гаммера с. 86—7, Collectanea I с. 184—5.

[5]) См. французскія депеши 1. с. с. 433—4.

родственниковъ, припоминая козакамъ старую союзную присягу и обѣщая хорошую плату.

Обстоятельства были таковы, что не оставляли мѣста для долгихъ размышленій. Дорошенко рѣшилъ итти на приглашеніе Шагина съ тѣмъ войскомъ, какое было при немъ: „Хотя и не имѣли мы разрѣшенія вашей королевской милости и региментаріевъ вашихъ, но усматривая удобный случай для разъединенія ихъ (Татаръ) и поводъ къ междоусобію,—а отъ подобнаго междоусобія каждый непріятель несомнѣнно ослабѣетъ,—толковали потомъ козаки королю,—надѣялись мы, что это не навлечетъ на насъ немилости королевской, и хотя съ неравными силами,—не было насъ и полныхъ четырехъ тысячъ—рѣшились на нихъ идти, надѣясь на какое нибудь облегченіе въ нашемъ теперешнемъ бѣдственномъ положеніи“ [1]).

Къ сожалѣнію о подробностяхъ этой интересной экспедиціи козаки не распространялись, и мы имѣемъ о ней только слишкомъ общія и лаконическія извѣстія. Бросившись какъ можна поспѣшнѣе въ Крымъ, козаки еще подоспѣли вовремя: застали Шагина и хана, хотя въ крайне бѣдственномъ состояніи. Убѣжавъ въ Бахчисарай, братья собрали остатки своихъ приверженцевъ, но еслибы козаки еще немного промедлили, Татары Кантемира покончили бы съ ними. Занятый Бахчисараемъ, Кантемиръ не придавалъ особеннаго значенія извѣстіямъ о козацкомъ походѣ, думая, что это какой нибудь небольшой отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, какъ въ 1624 г., а не самъ гетманъ съ войскомъ. Поэтому онъ не постарался преградить имъ дорогу въ Перекопѣ. Козацкое войско прошло свободно Перекопъ, и тогда только Кантемиръ, увидя свою ошибку, бросился съ главными силами на козаковъ, оставивъ небольшой отрядъ подъ Бахчисараемъ. Силы его были значительно больше, чѣмъ козацкія, но козаки смѣло напали на нихъ и шесть дней съ оружіемъ въ рукахъ, пробивая себѣ дорогу въ безпрерывной битвѣ, шли обозомъ отъ Перекопа къ Бахчисараю. Имъ удалось пробиться, разбивъ Кантемирово войско, такъ что онъ, понеся большія утраты, самъ израненный, бѣжалъ въ Кафу, подъ защиту турецкаго флота. Но и козаки понесли значительныя потери: около тысячи легло ихъ, и при этомъ они потеряли Дорошенка, и стараго гетмана Олифера,

[1]) Ukrainne sprawy с. 27, ср. также с. 7, 25, 50 (современныя письма и реляціи).

также участвовавшаго въ походѣ [1]). Пали они во главѣ своего войска отъ пуль турецкихъ сейменовъ, прибывшихъ на корабляхъ изъ-за Дуная на помощь Кантемиру и пришедшихъ черезъ горы къ Бахчисараю.

Это былъ тяжелый ударъ для козацкаго войска, и этою потерею козаки объясняли, почему походъ не удался вполнѣ. „Удалось бы наше дѣло, еслибы не повредила смерть славной памяти покойника Дорошенка, гетмана нашего; но трудно уберечься отъ суда божія, въ особенности, когда приходилось идти почти шесть дней ручнымъ боемъ, въ битвахъ съ войсками Кантемира, черезъ весь Крымъ“. Но большія потери не отняли у козаковъ отваги. На мѣсто Дорошенка они избрали новаго гетмана (современная польская реляція называетъ его Moirzenica— имя очевидно испорчено). Козацкое войско прошло къ Бахчисараю. Шагинъ съ братомъ были освобождены изъ блокады; при нихъ было всего нѣсколько сотъ человѣкъ Татаръ: только теперь, когда его освободили козаки, начали къ нему съѣзжаться мурзы. Шагинъ теперь хотѣлъ съ козаками и Татарами идти на Кафу. Козаки, принимая во вниманіе большія потери и неопредѣленное положеніе, потерявъ испытаннаго вождя, можетъ быть и не хотѣли дальше путаться среди бусурманъ и считали за лучшее возвратиться на Украину, предоставивъ самому Шагину дальнѣйшую борьбу съ его врагами. Но Шагинъ пустилъ въ ходъ деньги—подоспѣлъ въ Крымъ московскій посолъ съ казной. Шагинъ употребилъ эти деньги на раздачу козакамъ, козаки получили „по пять золотыхъ на коня московскихъ денегъ“, какъ гласитъ современная реляція [2]), и пошли съ Шагиномъ на Кафу. Кантемиръ, „не желая, чтобы его какъ бабу въ городѣ застали“, вышелъ на встрѣчу со своимъ войскомъ за двѣ мили отъ города. Произошла новая битва, и тутъ Кантемира разгромили такъ, что онъ „едва съ двумя конями убѣжалъ, да и то одна лошадь сейчасъ же въ кафинскихъ воротахъ упала и из-

---

[1]) Олифера считаютъ предводителемъ выписчиковъ, на основаніи московскаго извѣстія 1626 г. (выше с. 336), но оно совершенно ненадежно и собственно говоря мы не имѣемъ какихъ-нибудь достовѣрныхъ слѣдовъ участія выписчиковъ въ дорошенковскомъ походѣ.

[2]) Кромѣ того высказано было въ литературѣ подозрѣніе, что новый гетманъ былъ подкупленъ Шагиномъ и этимъ объясняется извѣстіе о позднѣйшей казни этого гетмана.

дохла“. Одинъ изъ сыновей Кантемира попался живымъ въ руки Шагина—онъ велѣлъ его обезглавить подъ стѣнами Кафы, на глазахъ стараго Кантемира, смотрѣвшаго со стѣны. Своихъ приверженцевъ Шагинъ разослалъ по странѣ, приказавъ истреблять остатки войска Кантемира. Казацкое войско осталось подъ Кафой, осаждало ее полтора мѣсяца и городу приходилось очень круто. Шагинъ велъ переговоры съ Кафинцами, уговаривая выдать Кантемира, и тотъ, чувствуя опасность, не рѣшался даже ночевать въ городѣ, а на ночь садился на галеру и выѣзжалъ въ морѣ. Говорили, что только ханъ Магометъ мѣшалъ взятію Кафы—„жалѣлъ Турокъ“ т. е. опасался, что въ случаѣ взятія Кафы находившихся тамъ Турокъ перерѣжутъ и это безвозвратно уже погубитъ его шансы на султанскомъ дворѣ.

Въ это время показалась на морѣ турецкая эскадра, сопровождавшая въ Крымъ новаго хана. Эскадра была большая, состояла изъ 25 различныхъ кораблей; кромѣ того сухимъ путемъ приближались съ войскомъ паши Гусейнъ и Кенанъ на помощь Кантемиру. Это вызвало смятеніе въ войскѣ Шагина; много татарскихъ мурзъ начало перебѣгать въ войско Кантемира, и самъ ханъ Магометъ, бросивъ свои шатры, убѣжалъ ночью изъ лагеря Шагина въ Бахчисарай. Козаки съ Шагиномъ держались; но когда въ ближайшей битвѣ много татарской „черни“, „увидя новаго хана“, также убѣжало изъ войска, нечего было дѣлать. Козацкое войско рѣшило возвращаться, да и Шагинъ, не имѣя возможности держаться въ Крыму, со своимъ дворомъ—снова уменьшившимся до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, отправился съ козаками. Девлетъ-гирей съ Кантемиромъ пошли за ними въ догонку, но козаки успѣшно отражали ихъ нападенія и съ небольшими потерями счастливо вышли изъ Крыма. Только изъ разосланныхъ за припасами погибло козаковъ человѣкъ двѣсти.

Въ первой половинѣ іюля козацкое войско было снова на Запорожьи, привезя, какъ трофеи, польскія пушки, взятыя Кантемиромъ у Жолкевскаго подъ Цецорою, а теперь во время похода въ Крымъ отобранныя козаками отъ Кантемира: захватили ихъ двѣнадцать, изъ нихъ девять привезли въ Сичь, а три затопили въ дорогѣ, не имѣя возможности увезти съ собой [1]).

---

[1]) Краткія козацкія сообщенія въ письмахъ къ Хмелецкому и къ королю, писанныя по возвращеніи на Запорожье, 15/VII и

На Запорожьи козаки застали королевскаго посланца; они потомъ говорили, что изъ-за этого главнымъ образомъ прервали крымскій походъ, такъ какъ узнали о пріѣздѣ королевскаго посла. Съ чѣмъ онъ пріѣхалъ, не знаемъ, но можна догадываться—что съ напоминаніемъ объ „усмиреніи своевольства“ (припомнимъ весенній походъ на море) [1]). Украинное своевольство дѣйствительно начинало съ теченіемъ времени усиливаться все болѣе, по обыкновенію. Послѣ весенняго морского похода Филоненко изъ Корсуня, позднѣйшій полковникъ, собралъ изъ различныхъ городовъ „ватажку“ изъ 3000 человѣкъ—въ числѣ ихъ былъ и Свирскій, подстароста уманскій. Съ ними Филоненко напалъ на Молдавію, попалъ въ Тегиню на ярмарку, едва не захватилъ неожиданнымъ нападеніемъ здѣшняго замка, но козаки бросились „на лупъ“ и тѣмъ временемъ замокъ отразилъ нападеніе; но городъ былъ разоренъ жестоко —„въ конецъ сожгли, Турокъ много порубили и огнемъ разорили“. Большую добычу привели съ собой домой—ясыру, воловъ, денегъ и всего прочаго [2]).

Другую экскурсію въ то же время затѣялъ какой-то Малай изъ Черкасъ: пошелъ „въ рѣчки“ (на Самару), собравъ полторы тысячи человѣкъ; промышлялъ козацкимъ хлѣбомъ на Муравскомъ шляху (большой дорогѣ изъ московской Украины въ Крымъ). Напалъ на караванъ татарскій, везшій отъ Шагинъгирея деньги его женѣ въ Персію. Ограбилъ этихъ Татаръ и забралъ большую добычу: по 7 червоныхъ золотыхъ и по пяти лошадей пришлось на человѣка, какъ разсказывали на Украинѣ[3]).

Послѣ этихъ предварительныхъ экскурсій явились планы большого морского похода и на Запорожьи, но здѣсь мнѣнія и взгляды раздѣлились. Не было недостатка въ сторонникахъ похода на море, но было много предпочитавшихъ держаться крым-

---

28 VII—Ukrainne sprawy c. 24 i 26. Исходя изъ первоисточника, они, имѣютъ преимущество передъ двумя современными польскими реляціями, тамъ же с. 7—8 и 50—1, но мѣстами очень кратки и дополняются послѣдними. Менѣе подробны турецкія извѣстія: Collectanea I c. 185, письма въ Ukr. sprawy c. 43 и 73, Жерела VIII № 206 и 207; кое-что у Гаммера, Цинкайзена, Голембіовскаго, Смирнова, очень немного въ суммѣ.

[1]) Есть намекъ на это и въ козацкомъ письмѣ къ Хмелецкому, Ukr. sprawy c. 25.

[2]) Ukrainne sprawy c. 36, 52, 57.

[3]) Ibid. c. 52; реляція объ этихъ походахъ написана передъ св. Иліей.

ской аферы, которую, какъ можна было надѣяться—и впредь можна было продолжать безъ рѣшительнаго конфликта съ правительствомъ. Приближался день св. Иліи, срокъ выплаты „жолда" козакамъ, и очевидно—имъ было жаль лишиться этихъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ злотыхъ. Шагинъ-гирей со своей стороны, расположившись со своимъ дворомъ по сосѣдству съ Сичей, также всяческими способами, подарками и обѣщаніями, склонялъ козачество къ дальнѣйшей борьбѣ съ Кантемиромъ и Джанибекъ-гиреемъ. Онъ пришелъ сюда всего съ нѣсколькими десятками коней, но постоянно къ нему прибывали новые приверженцы изъ Крыма, испытавъ на себѣ гоненія новаго хана и Кантемира, овладѣвшихъ Крымомъ и начавшихъ кровавую расправу со всѣми, кто былъ на сторонѣ Магомета и Шагина, и старые партизаны призывали Шагина въ Крымъ, обѣщая ему помощь и успѣхъ.

Гетманъ, преемникъ Дорошенка, избранный на его мѣсто подъ Бахчисараемъ, навлекъ на себя немилость войска. Его свергли съ гетманства, судили и покарали смертью—утопили его, какъ говоритъ современная реляція—„за то что онъ утаилъ у себя войсковыя деньги". Теперь стояли другъ противъ друга двѣ партіи. Приверженцы лояльной политики ставили кандидатуру Грицька Савича Чорнаго изъ Черкассъ, извѣстнаго предводителя морского похода 1624 г. Онъ теперь выступалъ противъ морского похода, то есть противъ конфликта съ правительствомъ: „соглашался быть гетманомъ, если не пойдутъ на море". Другая партія выставляла кандидатомъ какого-то Мусія, „бравшагося быть гетманомъ на морѣ", какъ въ 1619 г. Бородавка. Среди реестровиковъ перевѣсъ взяла партія лойяльныхъ. Гетманомъ былъ избранъ Грицько и рѣшено было войти въ соглашеніе съ правительствомъ относительно дальнѣйшихъ дѣйствій въ Крыму [1]).

Отъ іюля мѣсяца имѣемъ первое письмо козаковъ по этому дѣлу—оно адресовано Хмелецкому, „издавна привыкшему здравый совѣтъ и благосклонную милость оказывать войску", иноситъ характеръ первой развѣдки въ сферѣ правительственной политики относительно крымской аферы.

Войско поясняло, что долгое пребываніе его на Запорожьи имѣло и имѣетъ цѣлью основательное усмиреніе своевольства. Не имѣя возможности поспѣть въ Кіевъ ко дню св.

[1]) Объ этомъ цитированная реляція, писанная въ первой половинѣ іюля—Ukrainne sprawy с. 51.

Или за годовымъ жалованіемъ для войска, войско высылаетъ за нимъ своихъ уполномоченныхъ и проситъ Хмелецкаго съ своей стороны обратить вниманіе, чтобы имъ это жалованіе сполна уплатили. Разсказываетъ свою крымскую одиссею, которую козаки якобы прервали для того, чтобы долгое ихъ пребываніе въ Крыму не было противно волѣ короля и Рѣчи Посполитой. Доносятъ наконецъ о прибытіи Шагинъ-гирея на Запорожье, „не съ какимъ инымъ замысломъ, но только съ тѣмъ, чтобы укрыться подъ крылья короны польской". Войско не считаетъ возможнымъ самовольно поддерживать его на будущее время, ибо „намъ комиссіей (куруковской) это запрещено, и не смѣемъ ничего важнаго съ нимъ предпринимать", но оно находитъ очень желательнымъ въ интересахъ государства поддержать крымскаго претендента, и поэтому спрашиваетъ совѣта, какъ поступить [1]).

Отвѣта Хмелецкаго не имѣемъ, но онъ несомнѣнно былъ сочувственнымъ, такъ какъ Хмѣлецкій былъ сторонникомъ поддержки крымской усобицы, и черезъ двѣ недѣли козацкое войско высылаетъ уже посольство къ королю, вмѣстѣ съ посломъ отъ Шагинъ-гирея. Козацкіе послы повезли королю письмо, написанное въ томъ же духѣ, какъ и къ Хмелецкому, но съ болѣе энергичнымъ изложеніемъ значенія крымскихъ плановъ для государства:

„Если когда-нибудь, то именно теперь подходящее время для того, чтобы сместь весь Крымъ, если будетъ на то воля вашей королевской милости. Рѣчь Посполитая безъ большихъ хлопотъ можетъ обезпечить себѣ вѣчный миръ. За одну осень ваша кор. милость можетъ завоевать Крымъ — присоединивъ только къ Запорожскому войску то войско, какое находится подъ начальствомъ п. хорунжаго браславскаго (Хмелецкаго)".

И при сей вѣрной оказіи,—подъ предлогомъ, что имъ „для искорененія своеволія и предупрежденія дальнѣйшихъ замысловъ язычниковъ и изъ-за Шагинъ-гирея пришлось долѣе обыкновеннаго пробыть на Запорожьи, войско проситъ у короля прибавки жалованія, лошадей и прочаго необходимаго [2]).

Польское правительство очутилось въ довольно затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны корректность по отношенію къ Турціи заставляла воздерживаться отъ участія въ крымскихъ междоусобіяхъ, отъ поддержки претендентовъ противъ за-

---

1) Ukr. sprawy c. 24.
2) Ibid. c. 27.

конно поставленныхъ турецкихъ вассаловъ. И въ отношеніяхъ къ козакамъ принципіальная политика собственно требовала наказанія за самовольные шаги и запрещенія на будущее время всякой политики на свою отвѣтственность—несогласіе ея съ послѣдней ординаціей хорошо чувствовало даже само козачество. Но съ другой стороны—обуздать крымскихъ разбойниковъ и самую Турцію при помощи такого энергичнаго и талантливаго претендента, связать крымскія силы хроническимъ междоусобіемъ, и въ случаѣ успѣха Шагина—обезпечить себѣ вліяніе въ Крыму — все это также было слишкомъ заманчиво.

Шагинъ въ своихъ письмахъ королю обѣщалъ легкое завоеваніе Крыма, вѣрное вассальство, безъ платы упоминковъ, и даже пріобрѣтенія за Дунаемъ въ турецкихъ владѣніяхъ [1]). И со всѣхъ сторонъ раздавались по адресу короля и его министровъ совѣты—ни въ какомъ случаѣ не упускать такого чудеснаго случая, не оставлять Шагина безъ помощи, поручить козакамъ, чтобы они помогли ему всѣми силами, даже побудить ихъ къ тому. Такъ несомнѣнно совѣтовалъ Хмелецкій; такую политику горячо рекомендовалъ преданный и вѣрный Польшѣ господарь молдавскій, несомнѣнно хорошій знатокъ турецко-татарскихъ отношеній [2]); къ ней же, наконецъ, склонялъ короля и его неутомимый референтъ украинскихъ дѣлъ, нашъ старый знакомый кн. Юрій Збаражскій [3]).

„Хотя это простые хлопы, но и покойникъ Юлій Цезарь лучше не могъ бы посовѣтовать“, заявляетъ нашъ экспансивный землякъ по поводу козацкой мотивировки участія въ крымскомъ междоусобіи; „Шагинъ-гирея возвести на ханство, Татаръ поссорить, Орду истребить—время и удобный случай какъ разъ для такого розумнаго совѣта“. И захваченный этой идеей, онъ самъ силится размахнуться въ цезаревомъ стилѣ на свой манеръ:

„Надо вести дѣло только лишь черезъ козаковъ, ихъ на это станетъ: соберется ихъ множество, такъ какъ и теперь не мало изъ Украины идетъ на Запорожье; пойдутъ таборомъ, съ ружьями, съ хорошей артиллеріей, не смогутъ имъ Татары ничего сдѣлать. И пусть себѣ бьются тамъ какъ можно больше — все намъ на пользу. Если посадятъ Шагинъ-гирея на ханство,

---

[1]) Ukrainne sprawy c. 34. [2]) Ibid. c. 28, 31.

[3]) Ibid. c. 38 и такого же буквально содержанія письмо его къ канцлеру—Listy c. 137, прочія его письма тамъ же с. 136 и Ukr. Sprawy c. 36, 37, 41, 52.

онъ будетъ помнить благодѣяніе, да и не на комъ ему опереться: къ намъ онъ вынужденъ будетъ обращаться въ каждомъ затрудненіи. Туркамъ онъ лютый врагъ и они ему, а онъ имъ никогда вѣрить не будетъ. Если же не удастся имъ посадить его сразу, то безъ сильнаго кровопролитія и безъ большого ущерба для Татаръ дѣло не можетъ обойтись, а мы тѣмъ долѣе будемъ пользоваться покоемъ. А если-бъ и козаковъ немного погибло— и это для насъ хорошо, потому что и отъ нихъ неразъ набирались мы страха". Только Боже сохрани — не вмѣшивать сюда Польшу и не давать на это никакого оказательства. Никоимъ образомъ не посылать въ Крымъ Хмелецкаго, „ибо это была бы уже открытая война съ Турками и ясное доказательство нарушенія трактатовъ".

„Пусть Хмелецкій остается на своемъ мѣстѣ и смотритъ, что изъ этого выйдетъ, а козаки пусть сами разыгрываютъ эту трагедію". Даже козакамъ не нужно ничего писать, только извѣстить, что къ нимъ отправляется посланецъ, и все разсказать черезъ него устно,—„ибо хлопъ, напившись, легко все разболтаетъ преждевременно то тамъ то сямъ". Шагинъ-гирею въ грамотѣ также высказать только сочувствіе, а надежду подать устно. Туркамъ на ихъ представленія и требованія выдать Шагина и не поддерживать его — отвѣтить, что Польша строго придерживается своего трактата съ Турціей и козакамъ не поручала поддерживать никакихъ связей съ Шагиномъ и не позволяла,—„все это выписчики, убѣжавшіе на Запорожье послѣ того, какъ королевское войско карало своевольниковъ два года тому назадъ, — они ходили къ Шагинъ-гирею, брали отъ него плату, поддерживали съ нимъ сношенія, они и теперь его держатъ въ рукахъ; это все равно что ваши джелалыи (разбойники)" и т. д.; король поручитъ написать имъ, чтобы ни въ чемъ не нарушали трактата съ Турціей. Впрочемъ можна быть увѣренными, что Турки, хотя бы догадывались въ чемъ дѣло, теперь не смогутъ выступить противъ Польши активно, такъ какъ заняты войной съ Персіей, и война эта идетъ очень неблагопріятно для нихъ, такъ что имъ не до Польши.

Согласно съ такими іезуитскими совѣтами и поступилъ король. Турецкаго чауша онъ отправилъ съ письмомъ, въ которомъ заявлялъ, что Польша въ крымскія дѣла совершенно не вмѣшивается, о Шагинѣ не знаетъ даже, гдѣ онъ теперь находится, и хотя приходили отъ него послы съ просьбою о помо-

щи, но имъ отказано въ какомъ-либо содѣйствіи[1]). Шагинъ-гирея король утѣшалъ въ его несчастіи, но предложеніе вассальной зависимости Крыма отклонилъ какъ пріобрѣтеніе малоцѣнное для него: такой могущественный властелинъ, какъ король, въ одинъ день раздаетъ столько, сколько не получаетъ дохода весь Крымъ за цѣлый годъ. Но одновременно съ этимъ канцлеръ сообщилъ устно на аудіенціи послу Шагинъ-гирея, что старшій козацкій получилъ уже отъ короля приказъ идти съ Шагиномъ и его братомъ и всячески имъ помогать. Шагинъ просилъ 12 тыс. козаковъ; на это ему пояснили, что увеличивать козацкаго войска нельзя безъ спеціальнаго разрѣшенія короля, „но если они соберутъ охотниковъ для этого одного похода, то это имъ не будетъ поставлено въ вину, и объ этомъ онъ, канцлеръ, не будетъ давать знать королю[2]).

Такъ рекомендовалъ шефъ польской политики польскую государственность крымскому варвару.

Въ отвѣтѣ данномъ козакамъ на ихъ посольство—въ видѣ письма, переданнаго съ этими послами, король сдѣлалъ упрекъ козакамъ, что они безъ королевскаго позволенія вступили на чужеземную службу, но призналъ, что мотивы указанные козаками до извѣстной степени оправдываютъ ихъ; жалованіе, задержанное благодаря этому самовольному походу, будетъ имъ выплачено (слѣдовательно безъ прибавки!). Относительно избранія старшого на мѣсто Дорошенка король напоминалъ козакамъ постановленія комиссіи и высказывалъ надежду, что козаки выполнятъ ея постановленія, то-есть—представятъ старшаго на утвержденіе польскаго гетмана. На будущее время въ дѣлѣ Шагинъ-гирея король поручалъ имъ поступить согласно съ указаніемъ Хмелецкаго или королевскаго посланца, отправляемаго къ войску одновременно съ этимъ[3]).

Передъ широкими кругами польскаго общества правительство также не считало желательнымъ открывать своихъ картъ. Въ осеннемъ предложеніи на сеймики, слегка намекая на то, что Польшѣ въ дѣлѣ Шагинъ-гирея не слѣдуетъ служить интересамъ турецкой политики, король вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно отстранялъ себя отъ козацкаго участія въ крымской аферѣ и просилъ

---

[1]) Ркп. Публ. библ. Пол. F. IV № 232, подъ 1628 г.
[2]) Ukrainne sprawy с. 44 и 48.
[3]) Ркп. Публ. библ. Разн. F. № 167 с. 310.

шляхту подумать также и о козацкомъ своеволіи—„объ опасности не только отъ Турокъ и Татаръ, но и отъ остальныхъ сосѣдей да и отъ самихъ своевольничающихъ козаковъ, такъ какъ ихъ сообщество съ Шагинъ-гиреемъ не можетъ не быть подозрительнымъ и опаснымъ“ [1]).

Козакамъ между тѣмъ черезъ своего посла король поручилъ всячески помагать Шагинъ-гирею, и вѣроятно этотъ самый посланный, по имени Лущинскій, долженъ былъ остаться на Запорожьи, чтобы слѣдить за исполненіемъ этого порученія [2]). Новоизбраннаго гетмана легализировали: король утвердилъ его или „подалъ“, какъ это офиціально называлась, спеціальной грамотой [3]).

Но козаки не находили нужнымъ слишкомъ торопиться въ Крымъ. Ожидали, вѣроятно, обѣщаннаго жалованія. Своевольное козачество тѣмъ временемъ предпринимало все новые походы на турецкія и татарскія земли. Разорило окрестности Очакова, затѣмъ отправилось на море, но экспедиція не была удачной: противные вѣтры не позволили пуститься въ болѣе отдаленныя области и принудили козацкій флотъ держаться крымскихъ береговъ. „Туркамъ немного или и совершенно никакого вреда не причинили, только два корабля встрѣтили и принудили дать выкупъ: все у нихъ забрали и продали Грекамъ въ Козловѣ (Балаклавѣ)“. Но и свои двѣ чайки потеряли—утонули онѣ [4]).

Шагинъ-гирей за это время занимался партизанской войной противъ своихъ враговъ: ходилъ подъѣздами и забиралъ стада. Разъ подъ самымъ Перекопомъ забралъ стада двѣ тысячи головъ и много невольниковъ, въ другой разъ 400 штукъ. Король распорядился отпускать ему необходимые припасы для собственной надобности и для содержанія коней [5]). На козацкіе походы правительственные круги смотрѣли также сквозь пальцы, они полезны были для соотвѣтственнаго впечатлѣнія, такъ какъ и Татары постоянно дѣлали набѣги, хотя небольшими отрядами, и было непріятно, что Турки, подъ предводительствомъ Кенанъ-паши, снова занялись постройкой замковъ на нижнемъ Днѣпрѣ вза-

---

[1]) Жерела VIII № 208. [2]) Ukrainne sprawy с. 67.

[3]) Это подчеркиваетъ въ своемъ позднѣйшемъ обзорѣ Конецпольскій, ркп. Публ. библ., см. ниже.

[4]) Ukrainne sprawy с. 68—9, Жерела VIII с. 340.

[5]) Ukr. sprawy с. 9, 49, 50.

мѣнъ разрушеннаго Асланъ-кермена[1]). Поэтому съ польской стороны старались всякими способами ускорить походъ на Крымъ. Но козаки не торопились, ожидали возвращенія отправившихся на море, выискивали всевозможныя иныя препятствія, и только наконецъ въ послѣднихъ числахъ октября с. с. удалось ихъ сдвинуть.

„Запорожскіе козаки только перваго ноября н. ст. пришли съ моря“, доносилъ Хмелецкій канцлеру. „Этимъ морскимъ разбойникамъ не особенно хотѣлось въ Крымъ, но мой посланный усердно занялся этимъ и какъ доноситъ—они двинулись. 8 ноября конное войско и обозъ перешли за Днѣпръ съ Магометъ-гиреемъ ханомъ около Каменнаго затона, а пѣшее войско и артиллерія пошли водой съ Шагинъ-гиреемъ султаномъ къ Асланъ-городу, и тамъ подъ Асланъ-городомъ, въ пяти миляхъ отъ Перекопа они должны сойтись“[2]).

Другая записка, писанная въ самый день выхода войска, можетъ быть самимъ агентомъ Хмелецкаго, поясняетъ намъ тѣ условія, на которыхъ козаки согласились идти въ Крымъ. Шагинъ и Магометъ согласились дать каждому козаку „на саблю“ по 10 червонныхъ золотыхъ и кожуху; обѣщали имъ сейчасъ предоставить во владѣніе „Ногайское государство“; королю и Рѣчи Посполитой пообѣщали быть вѣрными и безо всякихъ подарковъ ходить на каждаго непріятеля, куда только имъ скажутъ[3]). Другая современная реляція объ этомъ походѣ, приводя текстъ присяги принесенной братьями передъ походомъ, добавляетъ еще кое-что: братья обѣщали оберегать Рѣчь Посполитую отъ всякихъ нападеній (татарскихъ), такихъ своевольниковъ обуздать и наказывать, всѣхъ плѣнниковъ (изъ провинцій Польши) изъ Крыма выдать и позволить ихъ отбирать у Татаръ. Такую присягу ханъ Магометъ принесъ среди козацкой рады, а послѣ него Шагинъ присягнулъ за себя и за брата, что ни въ какомъ случаѣ-какой бы оборотъ не приняла фортуна, они отъ козацкаго войска въ Крыму не отступятъ, и если бы имъ не удалось получить ханства, то вмѣстѣ съ козаками возвратятся на Запорожье[4]).

---

[1]) Ukrainne sprawy с. 53, 55—6, 59, 63—4.

[2]) Ibid. с. 68.

[3]) Жерела VIII ч. 210; дата 8/XII невозможна, вѣроятно надо 8/XI. Кое въ чемъ Хмелецкій повторяетъ буквально извѣстія этой записки.

[4]) Реляція, изданная при статьѣ Голембіовскаго о Шагинъ-гиреѣ.

На такихъ условіяхъ козаки отправлялись въ походъ. Конныхъ козаковъ было шесть тысячъ, Татаръ восемь тысячъ; среди нихъ 30 выдающихся мурзъ. Войско имѣло очень импозантный видъ и всѣ ожидали рѣшительной побѣды надъ врагами. Но сейчасъ же, въ самомъ началѣ похода разыгрался инцидентъ. Передамъ его словами упомянутой реляціи, написанной очень живо и непосредственно:

„Двинувшись отъ Микитинаго рога къ Каменному затону, два дня переправлялись за Днѣпръ [1]). Но очень много козаковъ осталось на томъ берегу, завидуя старшему—той славѣ, что онъ былъ имъ данъ королемъ [2]). Старшій, увидѣвъ это, созвалъ раду и сталъ спрашивать, почему они не согласны на эту службу—почему такъ мало войска пошло? Они крикнули всѣ, что въ козачествѣ каждый идетъ по своей собственной охотѣ, а не по принужденію, а теперь подъ зиму каждому изъ насъ и изъ нашего товарищества не одѣтому приходиться дрожать отъ холода, и отправляться въ такую землю, гдѣ ни согрѣться нечѣмъ, ни пропитанія достать ни для себя ни для лошадей—„военникамъ" страшно. Но оставшіеся (при старшемъ) желая итти (въ походъ), такими словами заявляли свою готовность: „идемъ охотно, а нежелающихъ принуждать не будемъ—намъ лишь бы только славы своего войска не утратить и возвратиться на свои обычныя мѣста". Старшій поблагодарилъ ихъ за такое расположеніе и еще болѣе ободрялъ ихъ и поддавалъ охоты къ рѣшительному походу и назначивъ полковниковъ, двинулся съ войскомъ къ Каиру, а пѣхота отправилась на лодкахъ съ тѣмъ, чтобы тамъ соединиться съ „комонникомъ" (коннымъ войскомъ).

„Третьяго дня потомъ, 12 ноября, стали около Кишенки, татарской мечети, стоящей около Носковскаго острова надъ Днѣпромъ издавна, когда еще орда здѣсь жила. Переписывали войско—велѣли и пѣхотѣ, находившейся въ челнахъ, пристать къ берегу. При переписи войска оказалось: комонника двѣ тысячи, пѣхоты двѣ, орды съ Шагиномъ три съ половиной тысячи, и двинулись къ Каиру—туда полдня ходьбы. Тамъ должна была со-

---

[1]) Итакъ 8 ноября н. ст. двинулись подъ Каменный затонъ, чтобы тамъ перейти Днѣпръ, а перешли 10-го.

[2]) Dla zazdrości starszemu tej sławy, iz nie z ramienia i. k. m. podany był. Фраза, очевидно, испорчена; вмѣсто nie можетъ быть нужно читать im?

браться и пѣхота, оставивъ свои лодки, а оттуда уже сразу торопясь днемъ и ночью, надо было подойти къ Перекопу.

„Придя къ Каиру совѣщались, итти ли дальше въ тотъ же день, не отдыхая. Шагинъ-гирей совѣтовалъ и просилъ не останавливаться, для того чтобы непріятель не получилъ извѣстія—а если бы и узналъ о насъ, то не соберется такъ скоро съ силами и не будетъ имѣть чѣмъ дать намъ отпоръ. А для этого нужно спѣшить, чтобы прійдя незамѣтно ночью къ Перекопу, сразу взять его. Тамъ орда волей неволей отступивъ отъ душмана (врага) моего, будетъ сбираться ко мнѣ, а если дадимъ время непріятелю, то онъ соберется съ силами и найдетъ способъ обороны и отпора“. На это козаки крикнули, что степь безводна, путь далекій, нужно отдохнуть, и за это малое время ничего не утеряемъ.

„Переночевавъ тамъ, 14 ноября двинулись по степи и около полуночи подошли къ Перекопу. Нужно было достать языка, незамѣтно подкравшись подъ самый городъ. Старшій остановилъ войско, и не довѣряя никому и не требуя себѣ отъ войска этой услуги, самъ съ нѣсколькими козаками и Татарами Шагинъгирея отправился туда, а войску велѣлъ наступать таборомъ. Не дойдя мили до города, они встрѣтили стада, больше десятка тысячъ штукъ, Перекопской орды — Кантемировихъ Ногаевъ и его самого; присмотрѣвшись къ стаду и къ Татарамъ, кочевавшимъ при немъ мурзамъ, возвратились къ войску и созвали потихоньку совѣщаніе—оставить ли стадо въ покоѣ и ударить прямо на Перекопъ. Совѣтъ Шагинъ-герея былъ таковъ, чтобы пройти мимо стада, двинуться за Перекопъ и идти до самаго Бахчисарая, иначе, взявъ эту добычу, войско не захочетъ затѣмъ рисковать, но сейчасъ же захочетъ возвращаться назадъ—и дѣйствительно такъ и вышло. Козаки на такой совѣтъ не согласились, а рѣшили взять стадо. Говорили, „что сжарено, нужно рѣзать“, „зачѣмъ жалѣть непріятеля, пренебрегая способами для его уничтоженія? взявъ стадо, добудемъ лошадей для пѣхоты и пойдемъ на Перекопъ, а что Богъ опредѣлилъ, то не минуетъ!“.

„Раздѣливъ конницу на три полка, а Шагинъ-гиреевъ четвертый, ждали разсвѣта, чтобы лучше напасть, когда будетъ видно, на что нападать. Но въ это время стало замѣтно, что орда при стадѣ замѣтила ихъ и встревожилась. На разсвѣтѣ полки двинулись, обозъ шелъ за ними по дорогѣ налегкѣ, и приблизившись къ стаду, сразу напали: Шагинъ-гирей на лѣвомъ крылѣ

забиралъ стада, а козаки, ударивъ на правомъ крылѣ, тоже взяли до пяти тысячъ военныхъ и табунныхъ лошадей и разгромили улусы, гдѣ ночевала орда, держа при себѣ нашихъ невольниковъ. Захватили тамъ также не мало Татаръ и всякій скотъ, оставленный Татарами, пригнали къ обозу. Старшій съ Шагинъ-гиреемъ пошелъ въ погоню за Татарами и остатками стада, которые тѣ уганяли, и нагнавъ завязали битву съ ордой. Далъ Богъ счастливо—съ большимъ ущербомъ для нихъ, а для нашихъ съ малымъ. Шагинъ-гирей со своими Татарами причинили большія потери Ногаямъ своими наѣздами, захватывая живыми и оставляя на полѣ.

„Но еще раньше, уже вечеромъ Джанибекъ-гирей ханъ и Девлетъ гирей султанъ-калга прибыли въ Перекопъ и узнавъ о происшедшемъ, велѣли стрѣлять изъ пушекъ, чтобы орда собиралась. Орда собиралась затѣмъ съ утра до вечера, а козаки, устроивъ таборъ, все время бились съ ними, то гарцуя то наступая всѣмъ войскомъ, и спѣшно приступали подъ Перекопъ. Подойдя къ городу, приблизились къ стѣнамъ перекопскаго замка, такъ что едва не долетали до нихъ пушечныя ядра, и остановились здѣсь. Начали совѣщаться, и козаки подняли крикъ, чтобы не входить во вражескую землю съ малыми силами, а возвращаться уже отсюда на Запорожье, чтобы не потерять и той добычи, когда непріятель соберется съ силами, и чтобы не понести большихъ потерь въ своихъ людяхъ.

Услышавъ объ этомъ, Шагинъ-гирей сильно встревоженный пришелъ на раду, уговаривая не задумывать ничего такого, не тревожиться, а продолжать свое предпріятіе, и говорилъ такими словами: „Паны молодцы! не таковъ я, чтобы желать войску позора или вести его на гибель, наоборотъ—къ славѣ и заслугамъ; а такъ отступить безъ причины, не попытавъ счастья съ непріятелемъ, и ободрить его еще больше противъ себя—развѣ это достойно воина? Подарите мнѣ еще одну ночь, а я имѣю тамъ своихъ пріятелей, которые дадутъ мнѣ знать о замыслахъ и силахъ моего непріятеля — долженъ ли я пробовать счастья или нѣтъ—и тогда уже отступайте. Если же васъ тревожитъ недостатокъ воды и корма—то станемъ въ селѣ подъ этимъ городомъ, на хуторахъ называемыхъ Косараны, надъ морскимъ лиманомъ: тамъ и воды достанемъ и лошадей сможемъ хоть немного подкормить, а за это время—надѣюсь на Бога—онъ мнѣ при моемъ правомъ дѣлѣ поможетъ противъ моего душмана“. И дѣй-

ствительно потомъ за Шагинъ-гиреемъ пришло извѣстіе на Днѣпръ, что тѣ цари съ Кантемиромъ уже хотѣли уходить изъ Крыма, если бы козаки не поспѣшили своимъ отступленіемъ.

„Но козаки на это не соглашались и кричали, чтобы идти назадъ на Днѣпръ. Но такъ какъ воля старшаго совпадала съ волей и совѣтомъ Шагинъ-гирея, то онъ всетаки велѣлъ наступать, противъ воли и нерасположенія войска. Шагинъ-гирей, ободряя недовольное войско и довѣряя сердцу своего хорунжаго, какъ своему, самъ взялъ знамя и отважно бросился на орду, занявшую курганъ подъ тѣми же Косаранами. Загналъ ихъ на перекопскіе валы, такъ что они тѣснили тамъ другъ друга, и сами зажгли село Косараны, гдѣ находились перекопскіе хутора, чтобы козацкое войско истомилось безъ воды и корма для лошадей и вслѣдствіе этого скорѣе отступило, а въ глубину края не осмѣлилось идти. Такъ козаки, не доходя этого сельца, стали подъ валами безъ воды и корма. Татаре больше не нападали. Шагинъ-гирей совѣтовалъ зайти за Перекопъ, надѣясь, что орда стала бы собираться къ нему, а его душманамъ пришелъ бы конецъ. Но козаки на это не соглашались, и въ третьемъ часу ночи двинулись къ Перекопу, чтобы идти на Запорожье.

„Замѣтивъ это, цари выслали часть своего войска, чтобы тревожить козацкій таборъ, а сами тѣмъ временемъ стали собирать большія силы. Козаки давали отпоръ, убивая наскакивавшихъ на таборъ; но и съ противной стороны янычары, подходя къ табору и подводя на близкое разстояніе пушки, причиняли имъ уронъ. Такія схватки продолжались мили четыре, изъ Перекопа до самаго Каланчака. Туда орда обычно загоняетъ свои стада изъ Крыма на пастьбу ради несоленой воды—есть ея немного тамъ въ озерахъ. Здѣсь козацкое войско немного подкрѣпило измученныхъ лошадей и самихъ себя, истомившись отъ жажды.

„Около восхода солнца подоспѣли къ этому мѣсту Кантемиръ съ Джанибекъ-гиреемъ ханомъ и Девлетъ-гиреемъ калгой, хорошо приготовившись, съ 10 тысячами орды, съ янычарами и пушками, и на ровной степи, со всѣхъ сторонъ ударили съ большой силой одинъ разъ, другой и третій, безъ перерыва, не давая оправиться. Но Богъ помогъ—козаки, всѣ спѣшившись съ лошадей, подпускали орду близко и давали хорошій отпоръ—стрѣляли такъ удачно, что густо засѣяли тамошнее поле непріятельскими трупами, и знатныхъ мурзъ не мало легло тогда. Огорченный этимъ и раздраженный еще больше Кантемиръ велѣлъ

своимъ янычарамъ спѣшиться и самъ повелъ ихъ полки, еще комонникомъ подгоняя сзади. Но козаки, успокоившись послѣ первой схватки, еще лучше и отважнѣе бились съ ними, побили много янычаръ и Татаръ, и наконецъ Кантемиръ долженъ былъ отступить со стыдомъ и печалью. Только уже издалека стрѣляя изъ пушекъ и янычарокъ, провожали козаковъ до самыхъ Качкирей, миль десять отъ Перекопа, и оттуда, уже больше не нападая, возвратились назадъ. Козаки, придя на Днѣпръ, подъ Асланъ-городъ, на Тавань, отдыхали тамъ день отъ этихъ трудовъ и дѣлились захваченными лошадьми. Шагинъ-гирей, всячески причиняя уронъ своему врагу, послалъ еще изъ-подъ Асланъ-города двадцать своихъ Татаръ подъ Перекопъ, и они привели двѣсти пятьдесятъ военныхъ „румаковъ“ и 16 Татаръ. Затѣмъ козацкое войско съ Шагинъ-гиреемъ пришли на Запорожье, къ той же переправѣ у Каменнаго Затона.

„Когда уже переправлялись на свою стоянку, называемую Вовча Витка, къ Магометъ-гирею и Шагинъ-гирею калгѣ пришелъ посолъ отъ Большихъ Ногаевъ, кочующихъ за Огономъ и управляемыхъ султаномъ, племянникомъ ихъ. Они передали царямъ слѣдующее: „Вашъ племянникъ, а нашъ султанъ и вся Ногайская орда, узнавъ, что васъ прогнали изъ вашего царства, и вы ушли къ войску Запорожскому, прислали меня къ вамъ увѣдомить, что нашъ султанъ и вся орда хочетъ держаться съ вами и быть съ вами сообща противъ вашихъ враговъ“ — потому что это ногайская орда постоянно живетъ въ большой враждѣ съ крымской. Ханъ, соображая, что все это можетъ ему пригодиться, и желая со своей стороны расположить ихъ къ себѣ, съ согласія козаковъ ушелъ къ Ногаямъ, чтобы привести эту орду весной и съ помощью Божіей употребить для похода въ Крымъ. А Шагинъ-гирей остался на Запорожьи среди козаковъ и не желая оставить непріятеля въ покоѣ, тревожилъ его постоянными нападеніями, пользуясь для этого своими Татарами и охочими козаками, такъ что непріятель не могъ совершенно появляться на этой сторонѣ со своими стадами и скотомъ, а другихъ такихъ раннихъ пастбищъ кромѣ этихъ они не имѣютъ въ Крыму и не могутъ имѣть“ [1]).

Такъ неудачно окончилась эта экспедиція.

---

[1]) Реляція въ статьѣ Голембіовскаго l. с. Крымскій разсказъ объ этомъ походѣ въ письмахъ Шагина къ Хмѣлецкому и королю Ukrainne sprawy с. 67 и 69.

V.

Тренія и конфликтъ 1630 г.

Раздвоеніе среди козачества. Конфликтъ нереестроваго войска съ реестровымъ. Религіозная агитація. Попытки религіознаго компромисса въ 1628—9 г. Афера Смотрицкаго и соборы 1629 г. Походы Тараса на волость. Переяславская кампанія и соглашеніе съ козачествомъ. Походы на море и козацкія противности въ 1630—1 г. Гетманство Кулаги и прекращеніе треній.

Второй походъ въ Крымъ 1628 г. не удался, хотя имѣлъ много шансовъ на успѣхъ. Его убило несогласіе среди козачества, жажда добычи, отсутствіе дисциплины, отсутствіе сильной и умѣлой руки предводителя. Характерны детали, сохранившіяся по счастливой случайности въ реляціи современника и приведенныя выше въ цѣлости ради ихъ богатыхъ бытовыхъ подробностей—эти постоянныя колебанія, эти постоянныя рады, которыя совѣщались надъ тѣмъ, что ни въ какой военной операціи не можетъ быть предметомъ общаго совѣщанія, и крикомъ толпы проваливали самые разумные аргументы. Все это показывало ясно, какъ мало новый гетманъ соотвѣтствовалъ своей роли и насколько онъ ниже стоялъ своего предшественника. Онъ не только не умѣлъ объединить въ одно цѣлое козачество и увлечь его за собой, далъ ему возможность разбиваться на части, такъ что за нимъ шла только незначительная часть козацкихъ контингентовъ,— но и надъ этой „охочей“ частью не умѣлъ господствовать и постоянно долженъ былъ видѣть и сносить проявленія непослушанія. И поэтому неудача похода являлась тяжелымъ ударомъ не только для иниціатора похода, Шагинъ-гирея, но и для гетмана Чорнаго. Для всѣхъ стояло яснымъ, что Чорный не доросъ до булавы. И однимъ изъ первыхъ послѣдствій похода было то, что послѣ возвращенія на Запорожье Чорный былъ

устраненъ: гетманомъ былъ избранъ Иванъ Михайловичъ Сулима, герой позднѣйшаго неудачнаго возстанія. Мы случайно имѣемъ его письмо отъ конца декабря, адресованное къ тому же козацкому „пріятелю“ Криштофу Радзивиллу, по случаю депутаціи, которую этотъ новый гетманъ съ козацкимъ войскомъ посылали къ королю на сеймъ, созванный на февраль 1629 г.[1])

Наши извѣстія о жизни козачества съ конца второго крымскаго похода на протяженіи полутора года—какъ разъ въ самое горячее, полное внутренней борьбы время—становятся чрезвычайно бѣдными, такъ что приходится даже въ наиболѣе выдающихся фактахъ оріентироваться отрывочными извѣстіями и позднѣйшими ретроспективными, не всегда точными свѣдѣніями.

Фактъ, что козачество послѣ выбора новаго гетмана обратилось къ правительству съ посольствомъ, между прочимъ чтобы освѣдомиться о его желаніяхъ относительно предпріятій Шагинъ-гирея (только этотъ одинъ вопросъ мы знаемъ изъ письма къ Радзивиллу), показываетъ, что самовольное устраненіе „поданнаго королемъ“ старшаго и выборъ новаго, вопреки куруковской комиссіи, сами по себѣ, по мнѣнію козачества, еще не должны были представлять повода для конфликта съ правительствомъ. Козачество хотѣло сообразоваться и впредь съ видами правительства въ крымской аферѣ, въ даннный моментъ больше всего занимавшей козачество. Однако самовольное низложеніе гетмана являлось новымъ симптомомъ развитія козацкаго своеволія, раньше подавленнаго натискомъ правительства и оппортунистически настроенныхъ элементовъ козачества. Въ позднѣйшихъ ретроспективныхъ освѣщеніяхъ наростанія польско-украинскаго конфликта это самовольное низложеніе и выборъ старшаго играетъ даже особенно важную роль, но авторъ наиболѣе цѣннаго изъ этихъ обзоровъ, гетманъ Конецпольскій, останавливался только на внѣшнихъ фактахъ козацкаго своеволія, не углубляясь въ ихъ подкладку.

Онъ не понималъ, насколько стихійно неизбѣжной была новая коллизія козачества съ правительствомъ послѣ куруковской комиссіи, какъ не проченъ былъ установленный ею порядокъ, лишавшій правъ десятки тысячъ козаковъ, всю военную силу Украины, не имѣя фактической силы разоружить ихъ, уничтожить у нихъ претензіи на эти права и привилегіи, и

[1]) Археографическій сборникъ VII ч. 60.

даже не будучи въ состоянiи противопоставить имъ свою равносильную военную силу. Когда прошло первое впечатлѣнiе отъ неудачной куруковской кампанiи, когда изъ Украины было выведено значительное польское войско и когда съ другой стороны выяснилось, что никакiе подвиги лойяльности, никакiя заслуги передъ государствомъ не сдвинутъ правительство съ невозможной буквы куруковской ординацiи, конфликтъ сталъ неизбѣжнымъ.

„Статочное“ козачество могло только нѣкоторое время противостоять напору оппозицiонныхъ элементовъ, безправнаго козачества. Дорошенко со своими способностями вождя и политика могъ бы только еще немного отсрочить конфликтъ. Но уже и подъ его рукой козачество стало расползаться (весеннiй походъ на море 1628 г.). Само правительство своей близорукой политикой, своимъ отрицательнымъ отношенiемъ ко всякимъ козацкимъ требованiямъ и представленiямъ дискредитировало лойяльную политику козацкихъ вождей, всю лойяльную партiю, показывая воочiю, что лойяльной дорогой, выслуживаньемъ передъ правительствомъ нельзя выйти изъ того невозможнаго положенiя, въ какое ставила козачество послѣдняя ординацiя.

Неумолимо отказывая въ увеличенiи жалованья, увеличенiи реестра, даже въ такихъ вопросахъ какъ обезпеченiе семействъ убитыхъ или раненыхъ на государственной службѣ козаковъ и т. под., правительство самымъ немилосерднымъ образомъ подкапывало положенiе тѣхъ элементовъ, которые могли бы быть искренними сторонниками мира. Стуча неустанно въ правительственныя двери, они давали правительству понять степень необходимости уступокъ, но правительство этого не поняло. За то собственными руками оно разрушало другiе принципы установленнаго строя. Не соглашаясь на легальное увеличенiе реестра, создавало въ то же время кадры полуофицiальнаго козачества, вербуя выписчиковъ на шведскую войну; позже позволило также и для крымскаго похода набрать охотниковъ внѣ реестра. Столько разъ упрекая козачество за нарушенiе договоровъ съ Турцiей своевольными козацкими походами, само теперь потихоньку приглашало козаковъ къ такимъ выступленiямъ по отношенiю къ Крыму. Строго воспретивъ козакамъ вести какую-либо самостоятельную иностранную политику, теперь, когда оно отъ этого ожидало для себя выгоды, смотрѣло сквозь пальцы на сношенiя козаковъ съ крымскими претендентами и ихъ союзниками (хотя само за союзъ съ Шагинъ-гиреемъ громило ихъ въ 1625 г.).

Конечно, эта двуличная, iезуитская политика, какую вело правительство, не могла не влiять на отношенiе къ нему козачества. Не могли остаться безъ значенiя и такiе факты, что правительство, требуя отъ козачества полной покорности передъ сосѣдними государствами, передъ турецкимъ правительствомъ отрекалось отъ всякой власти надъ козачествомъ и само поручало козацкому войску вести для видимости сепаратную политику, чтобы при нуждѣ все свалить на него.

Польское правительство, само того не сознавая, дѣлало все для того, чтобы вновь привести въ движенiе связанную на время динамическую энергiю козачества. Но козачество пока не спѣшило съ конфликтомъ. Ему даже нравилось таке положенiе, гдѣ правительство сквозь пальцы смотрѣло на козацкое добычничество въ турецкихъ и татарскихъ земляхъ и было его тайнымъ союзникомъ въ крымской аферѣ, обогатившей козацкое войско добычей въ послѣднiй походъ и обѣщавшей такiя же выгоды и въ будущемъ.

Неутомимый Шагинъ-гирей, ободренный къ тому же союзомъ съ Больше-ногайской ордой, скоро сталъ готовить новый походъ на Крымъ—сейчасъ же, ранней весной. Возвратившись на Запорожье, гдѣ все время козаковъ ждалъ посланный Хмелецкаго, Лущинскiй, чтобы извѣстить своего патрона о результатахъ похода, Шагинъ-гирей тотчасъ передалъ черезъ него письмо Хмелецкому; кратко увѣдомляя о неудачномъ окончанiи этого похода, онъ развивалъ передъ нимъ планъ новаго похода, а нѣсколько дней позже послалъ въ томъ же духѣ письмо къ королю со своими послами, и съ посломъ ногайскимъ для лучшаго впечатлѣнiя [1]). Увѣдомлялъ о своемъ союзѣ съ Ногаями, обѣщавшими идти съ нимъ весной на Крымъ, и просилъ повлiять на козацкое войско, чтобы оно „имѣло обо мнѣ милостивое попеченiе“. Походъ свой разсчитывалъ предпринять какъ можно раньше, „вскорѣ послѣ льда“, пока еще не въ состоянiи будутъ придти подкрѣпленiя изъ Константинополя—„такъ какъ только въ маѣ выходятъ изъ Константинополя галеры“, а въ самомъ Крыму его „душманы“ не имѣютъ большой силы — кантемировыхъ Ногайцевъ, главной опоры новаго хана, „соберется едва нѣсколько тысячъ“.

---

[1]). Ukrainne sprawy с. 67 и 69: письма Шагина—отъ 20 ноября къ Хмелецкому и отъ 29 ноября къ королю.

Черезъ мѣсяцъ поѣхали на сеймъ козацкіе послы, чтобы сговориться съ правительствомъ относительно плановъ Шагинъ-гирея. Ближайшихъ извѣстій объ этихъ переговорахъ мы не имѣемъ, но можемъ догадаться, что на этотъ разъ отношеніе правительства было гораздо болѣе холодное.

Правительство охладѣло къ аферѣ Шагинъ-гирея. Реальныхъ выгодъ изъ нея не получалось, а отношенія съ Турціей портились, покоя со стороны Крыма не было, козачество дѣлалось все болѣе своевольнымъ, и все это въ виду неудачъ войны на шведскомъ театрѣ войны вынуждало къ возможной осторожности на югѣ.

Въ Константинополь отправленъ былъ посолъ — затереть слѣды польской некорректности [1]).

Самимъ козацкимъ вопросомъ сеймъ не занимался [2]). Самовольной смѣны гетмана правительство не хотѣло принять къ свѣдѣнію. Новаго старшаго оно не признавало; въ его глазахъ, очевидно, законнымъ старшимъ долженъ былъ оставаться и впредь Чорный. Но Запорожье, игнорируя перемѣны въ настроеніяхъ правительства, продолжало осуществлять свои планы на свой рискъ, не обращая вниманія на правительственныя сферы и вело агитацію на Украинѣ.

Массы своевольнаго козачества сходились въ Запорожьи къ веснѣ. „Собралось козаковъ на Запорожьи почти столько, сколько было подъ Хотиномъ, если не болѣе“, доносилъ королю въ маѣ 1629 г. Хмелецкій [3]). Если и не 40 тысячъ, какъ было въ хотинской войнѣ, то во всякомъ случаѣ много.

Ранней весной вышли козаки на море [4]); это должно было послужить диверсіей, чтобы удержать турецкій флотъ отъ отправ-

---

[1]) Ukr. sprawy (даты опредѣлены не вѣрно, письмо относится къ лѣту 1629 г.).

[2]) Жуковичъ даже думаетъ, судя по молчанію тѣхъ реляцій съ сейма, какія онъ имѣлъ, что козацкаго посольства на сеймѣ совсѣмъ не было (V с. 170—180); но это мало вѣроятно въ виду приведенныхъ выше извѣстій. Онъ догадывается также, что на сеймѣ снова былъ поднятъ вопросъ о посылкѣ козаковъ на шведскій театръ, но приведенное имъ извѣстіе (с. 178) не стоитъ въ непосредственной связи съ сеймомъ.

[3]) Ukr. sprawy с. 86.

[4]) Уже въ маѣ (18 мая с. с.) пришли въ Польшу извѣстія изъ Константинополя, что 800 (sic) козаковъ было на морѣ—Жерела VIII ч. 210.

ленія въ Крымъ: такъ говорили, по словамъ Турокъ, козаки, захваченные въ плѣнъ—что ихъ нѣсколько тысячъ „послано изъ польской земли на помощь Шагинъ-гирею". Сколько нибудь интересныхъ подробностей не имѣемъ; султанъ въ письмѣ къ королю съ упрекомъ упоминаетъ, что люди съ береговъ Чернаго моря, „какъ со стороны румелійской (европейской), такъ и ассирійской (малоазіатской) приходили въ Константинополь съ жалобами, что козаки во множествѣ лодокъ пришли на море и причинили большія потери, грабили и разрушали города, села и поселенія", и диванъ велѣлъ флоту идти для охраны береговъ подъ Очаковъ и Кафу [1]).

Можетъ быть, именно этотъ походъ на море былъ причиной посылки на Запорожье правительственнаго агента, чтобы предотвратить такіе походы на будущее время. Этотъ агентъ, высланный вѣроятно, Хмелецкимъ, прибылъ на Запорожье передъ самымъ крымскимъ походомъ и сохранилъ намъ въ своей реляціи нѣсколько подробностей (къ сожалѣнію, только второстепенныя). Онъ привезъ подарки Шагинъ-гирею съ братомъ, козацкому старшему и войску. Эти подарки были переданы козакамъ на радѣ, созванной 8 (18) мая, „какъ только войско стало собираться".

„На этой радѣ старшій войска Запорожскаго отдавалъ булаву, но былъ снова избранъ старшимъ на этотъ походъ; на той же радѣ осудили на смерть Дербыша и Третяка, и казнили на „чернецкой" радѣ. Другую раду устроили въ воскресенье, на ней былъ и Шагинъ-гирей и подтвердилъ свою присягу, а Махметъ-гирей хотя уже принесъ присягу передъ Шагиномъ и мурзами, но Шагинъ-гирей принесъ его клейноты на раду и самъ здѣсь присягнулъ съ мурзами. На этой же радѣ присягали три мурзы Малыхъ (sic) Ногаевъ—на свою вѣру присягали всѣ съ Шагинъ-гиреемъ, обѣщая, пока живы будутъ, соблюдать договоръ и по каждому королевскому приказу не только присылать людей, но и самимъ являться—надѣясь, что и они также, если бы не устояли передъ своимъ непріятелемъ, найдутъ помощь у е. кор. мил. и войска Запорожскаго. На этой же радѣ Шагинъ-гирей обѣщалъ жалованье войску Запорожскому: и пѣшему и конному въ мѣсяцъ 10 червонцевъ и коня; хотѣли еще по кафтану и по штукѣ „шаты" (сукна), но этого не обѣщалъ. А если бы счастье и на этотъ

[1]) Письмо султана, іюнь 1629 г. — Ukr. sprawy с. 72—3 и такое-же письмо каймакама с. 76—7.

разъ не послужило, должны (братья Гиреи) возвратиться съ войскомъ на Запорожье. Съ Запорожья войско двинулось 22 мая (н. с.) въ походъ на Асланъ-городъ, на переправу, а Шагинъ-гирей съ братомъ остались, такъ какъ наступилъ байрамъ — не хотѣли выступать, пока не увидятъ новой луны".

„21 мая была рада на другой сторонѣ Асланъ-города; на этой радѣ выбрали полковниковъ. Войско еще и сегодня подходило на переправу, такъ что неизвѣстно было, сколько его будетъ. И сегодня была рада, 25 мая: совѣщались, куда идти. Старшій хотѣлъ на Кочкары, изъ-за воды, но въ дорогѣ войско подняло крикъ, чтобы идти прямикомъ на Каланчакъ.

„Какъ разъ передъ радой пришла къ старшему вѣсть изъ куреней, что то войско, которое пришло на курени послѣ насъ—а будетъ его до трехъ тысячъ,—хочетъ идти на море. Но старшій сейчасъ же послалъ къ нимъ письмо, чтобы не предпринимали похода, а бунтовщиковъ выдали, и сейчасъ же наказали смертью—Бутка и Емца Гриценка". (Къ сожалѣнію, авторъ реляціи не сказалъ намъ, кто былъ этотъ лойяльный старшій—можно бы думать, что это Чорный на нѣкоторое время снова появился на старшинствѣ, но Конецпольскій въ своемъ позднѣйшемъ донесеніи представлялъ этотъ походъ дѣломъ выписчиковъ).

Дополнительная приписка къ реляціи говоритъ, что 29 н. с. войско двинулось въ Крымъ, чтобы ночью поспѣть къ Каланчаку. Агентъ вмѣстѣ съ этими вѣстями посылаетъ оконченный реестръ коннаго пѣшаго войска, „для платы по полкамъ" [1]).

О дальнѣйшемъ повѣствуетъ реляція бѣлоцерковскаго подстаросты, писанная по свѣжимъ вѣстямъ изъ Запорожья [2]). 19 (29) мая войско пошло прямо на Перекопъ; тамъ въ трехъ миляхъ отъ Перекопа, около сторожевыхъ кургановъ встрѣтило ихъ сильное татарское войско. Козацкаго войска было 23 тысячи, но между ними было несогласіе, „выбрали двухъ гетмановъ, обоихъ неудачныхъ: одинъ Тарасъ, а другой Чернята (sic)". Войско раздѣлено было на 10 полковъ и стало передъ таборомъ. Двѣнадцать сотенъ Шагинъ-гиреевыхъ Татаръ и среди нихъ много отборныхъ козаковъ выѣхали на джигитовку. Крымцы выдержали натискъ, отвлекли козаковъ отъ табора, и затѣмъ со всей

---

[1]) Ркп. библ. Замойскаго 1807: Kopia listu z Zaporoża od p. Szemberka, 29 мая 1629.

[2]) Жерела VIII № 211.

силы ударили на нихъ въ сабли и погнали козаковъ къ табору. И лишь когда пѣхота изъ табора начала стрѣльбу, безъ разбору по своимъ и врагамъ, козаки остановились и оправились, и Крымцы больше не нападали, такъ такъ уже наступилъ вечеръ. Погибло въ этой битвѣ козаковъ тысяча человѣкъ. Но послѣ этой битвы Крымцы не удержали позиціи, и козаки подступили ближе подъ Перекопъ—стали на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тѣмъ стояли Крымцы, и здѣсь снова разставили войско. Крымцы стали тремя полками, въ центрѣ калга, но онъ не очень наступалъ. Кантемиръ придвинулся къ флангу очень близко съ сильной артиллеріей, смѣшалъ козацкое войско густой стрѣльбой и затѣмъ ударивъ съ большой силою, потопталъ козаковъ и ворвался въ ихъ разорванный лагерь. Послѣ этого козаки стали отступать и такъ отбиваясь отступали четыре дня до самаго Днѣпра, спасая остатокъ обоза, и лишь на Днѣпрѣ Крымцы повернули назадъ. На другой день еще возвращались таборомъ за одной пушкой, которую бросили отступая. Въ сильномъ раздраженіи зарубили хана. Шагинъ-гирей съ нѣсколькими сотнями Татаръ бѣжалъ неизвѣстно куда. Около сотни Шагинъ-гиреевыхъ Татаръ осталось съ козаками: отпустили ихъ, оправдываясь, что убили хана неумышленно и обѣщали еще въ другой и въ третій разъ попробовать счастья съ Шагинъ-гиреемъ, если вернется къ нимъ. Лишь теперь за Порогами считаютъ, сколько войска у нихъ недостаетъ; говорятъ, что погибло ихъ пять тысячъ, и много умерло отъ недостатка воды".

Этотъ недостатокъ воды сильно повліялъ на неудачный конецъ войны: взятый въ неволю осенью Полякъ-ренегатъ говорилъ, что если бы козаки достигли воды, то орда сейчасъ же поддалась бы; а до воды было имъ всего только четверть мили, и не дошли [1]).

Въ татарско-турецкихъ извѣстіяхъ главное значеніе придается измѣнѣ или раскаянію Шагинъ-гиреевыхъ Татаръ, которые будто бы рѣшили дѣло въ пользу Джанибека. По словамъ Джанибека, Шагинъ и козаки перешли за Перекопъ и разгромили городъ Карасу; Джанибекъ собралъ противъ нихъ всѣхъ поголовно: только женщины остались дома [2]). Но съ Шагиномъ

---

[1]) Прибавленіе къ статьѣ Голембіовскаго с. 28.

[2]) Вельяминовъ-Зерновъ Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства № 13, 21, у Смирнова ор. с. с. 497, также письма султана и каймакама въ Ukr. spr. с. 73 и 76 (здѣсь преувеличенные

было сорокъ тысячъ (!) козаковъ подъ предводительствомъ славнаго и храбраго гетмана, и нельзя было ихъ одолѣть, говоритъ турецкій историкъ. „Въ рѣшительной битвѣ много Татаръ получило мученическіе вѣнцы, и побѣда уже склонялась на сторону вредителей (козаковъ)—только вечерняя темнота прервала битву. Созванные ночью на совѣтъ мурзы единогласно рѣшили, что козаки сильнѣе ихъ и числомъ и искусствомъ въ стрѣльбѣ; нужно попробовать ударить на нихъ сильно и отчаянно со всѣхъ сторонъ и постараться рѣшить войну. Съ утра Татары ударили сильно, но битва долго колебалась. Наконецъ, въ послѣднюю минуту Татары, бившіеся на сторонѣ Шагина, опомнились, что присягнувъ съ невѣрными на мусульманскую кровь, они лишаютъ себя спасенія и будутъ осуждены на вѣчныя адскія муки. Они бросили поле битвы, предоставивъ невѣрныхъ ихъ судьбѣ, и тогда уже битва колебалась недолго“. Джанибекъ побѣдилъ, Магометъ-гирея нашли мертвымъ на полѣ, гетмана козацкого тоже—Татары отрубили ему голову и беглербегъ Кафы велѣлъ прибить её на стѣнахъ на страхъ невѣрнымъ [1]).

Эта измѣна Шагинъ-гиреевыхъ Татаръ объясняетъ намъ сообщенный выше фактъ, что разъяренные козаки убили Магометъ-гирея (турецкіе источники не знаютъ этого), а Шагинъ-гирей, не возвращаясь на Запорожье, убѣжалъ въ Персію послѣ этого. Изъ другихъ подробностей главное отличіе заключается въ томъ, что въ татарскихъ извѣстіяхъ козаки переходятъ за Перекопъ и бьются въ Крыму, въ то время какъ въ реляціи бѣлоцерковскаго подстаросты они бьются не доходя до Перекопа; въ этомъ случаѣ крымскіе источники заслуживаютъ большаго вниманія. Наоборотъ, очевидно, сильно преувеличена у нихъ цифра козацкаго войска.

Насколько вѣрно извѣстіе о смерти козацкаго гетмана, трудно сказать въ виду полнаго молчанія бѣлоцерковской реляціи. И Тарасъ и Чорный, вѣроятно названный въ этой реляціи Чернятою, во всякомъ случаѣ не погибли,—развѣ какой нибудь другой предводитель. Судя по реляціи, козаки должны были возвратиться на Запорожье въ послѣднихъ дняхъ мая с. ст.

слухи, что козаки даже взяли Перекопъ и другіе замки и держатъ ихъ, и войско ихъ растетъ ежедневно).

[1]) Collectanea I с. 187—8.

Неудачный конецъ третьяго крымскаго похода, предпринятаго нереестровымъ козачествомъ и при томъ съ такой энергіей былъ причиной новыхъ перемѣнъ на гетманствѣ. Тарасъ Федоровичъ, предводительствовавшій въ походѣ, долженъ былъ поплатиться за неудачный исходъ похода. Запорожскимъ гетманомъ сейчасъ же послѣ похода видимъ Льва Ивановича (имѣемъ его письмо къ митрополиту отъ 25 іюня 1629 г., онъ подписался на немъ: Леонъ Ивановичъ зо всимъ войскомъ Запорозскимъ е. кор. мил.) [1]). Гетманомъ на Запорожьи онъ оставался, вѣроятно, безъ перерыва до конца года. (Имѣемъ еще его письмо къ Чорному отъ 1 декабря, гдѣ онъ подписанъ: „Левонъ Ивановичъ гетманъ съ войскомъ его кор. м. Запор.) [2]). Одновременно Грицько Саввичъ Чорный, въ роли такъ сказать казеннаго гетмана, съ реестровиками, или собственно большей частью ихъ (такъ какъ часть осталась на Запорожьи), выступаетъ „на волости“, исполняя сторожевую службу вмѣстѣ со старикомъ Хмелецкммъ. Когда именно и при какихъ обстоятельствахъ наступило это отпаденіе козачества лойяльнаго отъ своевольнаго, къ сожалѣнію мы до сихъ поръ не знаемъ. Во время осенняго погрома Татаръ мы видимъ Чорнаго при Хмелецкомъ, въ то время какъ своевольное козачество оставалось на Запорожьи.

За послѣднее время татарскіе набѣги очень участились; весной приходила четырехтысячная орда подъ начальствомъ одного мурзы; онъ, какъ разсказывалъ, далъ взятку бѣлгородскому пашѣ и насобиравъ желающихъ, двинулся по Чорному шляху на Уманскую волость, но Хмелецкій спугнулъ его и принудилъ уйти; гнался за ними, но Татары, бросивъ все, даже сѣдла и оружіе, убивъ болѣе слабый скотъ и невольниковъ, ускользнули таки. „Увидѣвъ, что Татарина теперь уже все равно, что вѣтеръ ловить“ войско „по милости божіей и счастьемъ королевскимъ никого не потерявъ“, возвратилось назадъ [3]).

Послѣ неудачнаго похода на Крымъ ожидали чего нибудь болѣе крупнаго, и дѣйствительно въ августѣ калга Девлетъ-гирей съ большой ордой двинулся на Западную Украину. Чтобъ обойти пограничное войско, внимательно слѣдившее за нимъ, калга умышленно путалъ слѣдъ, переходя то на Чорный то на Кучманскій шляхъ, затѣмъ поворотилъ на Молдавію, оттуда неожиданно вторгнулся въ зап. Подолію и сразу отъ Днѣстра разослалъ загоны,

[1]) П. Могила I пр. 65. [2]) Ркп. Замойскихъ 1807.
[3]) Ukr. sprawy. c. 84.

назначивши сборнымъ пунктомъ Золочевъ. Онъ не подозрѣвалъ, что Хмелецкій съ Грицькомъ Чорнымъ все время очень внимательно, шагъ за шагомъ слѣдили за его движеніями, и теперь готовились однимъ ударомъ уничтожить его. Но въ этомъ помѣшалъ имъ воевода русскій Любомирскій, который въ роли высокаго сенатора пожелалъ давать распоряженія, велѣлъ ждать своего прихода, и пока подоспѣлъ со своимъ тяжелымъ войскомъ, калга, замѣтивъ опасность, сталъ уходить, предоставивъ волѣ божіей свои загоны. Хмелецкій съ козаками сильно сожалѣли, что благодаря честолюбивому магнату упустили изъ рукъ главнаго виновника—имъ оставалось только заняться уничтоженіемъ отдѣльныхъ загоновъ, что они и исполнили съ большимъ успѣхомъ, отбивая добычу и избивая Татаръ. Главный такой загонъ, около 7 тыс. Татаръ подъ начальствомъ сына Кантемира, былъ захваченъ и уничтоженъ съ большимъ эффектомъ подъ Бурштыномъ: мало кто изъ Татаръ спасся, много было взято въ плѣнъ, между ними Исламъ-султанъ, позднѣйшій ханъ, невѣрный союзникъ Хмельницкаго. Было отбито болѣе 10 тыс. своихъ плѣнниковъ, между ними много женщинъ шляхтянокъ [1]).

Это былъ послѣдній тріумфъ Хмелецкаго, награжденнаго за это, за нѣсколько недѣль передъ смертью, неслыханно высокой для такого сѣраго неаристократическаго пограничника честью—званіемъ кіевскаго воеводы. Въ своей реляціи онъ немало удѣляетъ мѣста дѣятельности козаковъ съ Григоріемъ Савичемъ, какъ онъ его называетъ. Съ особеннымъ вниманіемъ записываетъ онъ подвигъ какого то анонимнаго козацкаго героя, доставившаго войску эту громкую побѣду подъ Бурштыномъ: козакъ, ища припасовъ, забрелъ въ сосѣдство татарскаго становища и тамъ его поймали, начали распрашивать о войскѣ, нѣтъ ли его поблизу, но козакъ не признавался ни на допросѣ ни даже когда его подвергли пыткѣ—все говорилъ, что ничего не слыхалъ о войскѣ; успокоенные этимъ Татары вели себя безпечно, и это дало возможность разбить этотъ загонъ и освободить такую массу невольниковъ [2]).

---

[1]) Реляція Любомірскаго и Хмелецкаго въ Ukr. sprawy с. 87—99, анонима въ Starożytności pol. Грабовскаго I с. 240, Піотровскаго въ ркп. Пуб. библ. Автографы 221 № 104 (здѣсь также нареканія на Любомірскаго).

[2]) с. 97. Въ параллель этому въ своей реляціи о весеннемъ наѣздѣ онъ разсказываетъ о какомъ то разинѣ изъ польскаго вой-

Отношенія между козачествомъ реестровымъ и нереестровымъ еще не обострились въ это время, какъ позже. Можетъ быть, что уже съ этого времени началась бумажная полемика между гетманомъ запорожскимъ и казеннымъ—„непристойныя письма, суровые универсалы“, какъ ихъ называетъ Конецпольскій, въ которыхъ Запорожцы заявляли Чорному, что не признаютъ его старшимъ, такъ какъ настоящій гетманъ долженъ быть не „поданъ имъ королемъ, а избранъ войскомъ при артиллеріи и другихъ клейнотахъ“ [1]). Но судя по отрывку этой корреспонденціи, какой мы имѣемъ отъ ноября или начала декабря этого года, еще до обостренія отношеній [2]), по тону лишенному еще въ это время особенной остроты, можно думать, что осенью 1629 г. она тѣмъ менѣе могла доходить до какихъ либо крайностей, и Чорный дѣйствительно могъ „скромно и терпѣливо сносить все это“, какъ вспоминалъ потомъ Конецпольскій. А Хмелецкій въ роли польскаго „регментаря“ на Украинѣ—начальника короннаго войска и посредника въ сношеніяхъ правительства съ козачествомъ,—безъ сомнѣнія, также смягчалъ это напряженіе своимъ вліяніемъ; мы видѣли раньше доказательства его добрыхъ и терпимыхъ отношеній къ козачеству, и польское войско подъ его начальствомъ не раздражало и не надоѣдало такъ населенію, какъ въ другихъ случаяхъ.

Но все это измѣнилось къ худшему съ концомъ 1629 г., съ окончаніемъ шведской войны, трактатомъ 26 ноября установившимъ перемиріе на 6 лѣтъ (до 1635 г.).

Съ шведскаго театра двинулись на Украину козаки выписчики, конечно, не получившіе жалованія, полные претензій къ государству и правительству за свою службу, а этими послѣдними предназначенные къ возвращенію въ безправное положеніе панскихъ подданныхъ. Они значительно увеличили запасъ горючаго матеріала и обострили отношенія на Украинѣ.

За ними на Украину же двинулось и неоплаченное коронное войско, стоянки которому Конецпольскій назначилъ главнымъ

ска, заснувшемъ въ травѣ и оставленномъ войскомъ; блуждая затѣмъ въ поискахъ за войскомъ, онъ набрелъ на татарскій слѣдъ и очутившись среди Татаръ, сталъ спрашивать, гдѣ его войско; Татары узнавъ изъ его словъ, что войско невдалекѣ, встревожились и ушли изъ подъ носа у войска (с. 85).

[1]) Рѣчь Конецпольскаго на сеймѣ 1631 г.—выдержка ниже.

[2]) См. ниже с. 386.

образомъ въ восточной Украинѣ. Онъ пояснялъ, что сдѣлалъ это, „чтобы имѣть возможность лучше нести королевскую службу, а также потому, что это край болѣе богатый, и неоплаченный солдатъ могъ прожить здѣсь легче, не очень надоѣдая обывателямъ государства“ [1]). Злые языки объясняли, что сдѣлано это было для того, чтобы не допустить солдатскихъ волненій—ихъ стоянки нарочно разбросали на далекихъ пространствахъ [2]). Но расквартированіе солдатъ, да еще такихъ распущенныхъ и полныхъ претензій, козачество по старой традиціи [3]) считало своего рода провокаціей, и позже этотъ фактъ считался одной изъ причинъ возстанія, а Конецпольскій, оправдываясь на сеймѣ, пояснялъ, что располагая войско въ Кіевскомъ воеводствѣ, „гдѣ имѣетъ жительство войско Запорожское“, онъ усиленно предостерегалъ, суровыми универсалами, „чтобы въ ихъ домахъ и имѣніяхъ солдаты не допускали ничего противозаконнаго и не давали ни малѣйшаго повода къ какой либо враждѣ“ [4]). И онъ увѣряетъ, что всѣ эти приказы были исполнены, и „въ домахъ *козаковъ реестровыхъ* нигдѣ не былъ поставленъ ни одинъ солдатъ, и я не слыхалъ, чтобы кому-нибудь *изъ нихъ* причинена была какая либо несправедливость“. Но при этомъ самъ добавляетъ, „что объ этомъ говорятъ иначе“, а уже совсѣмъ за скобками оставляетъ то, что дѣлалось въ домахъ *не реестровыхъ*. Очевидно, здѣсь открывался полный просторъ ничѣмъ не сдержанному своеволію, обирательству и издѣвательству буйной солдатчины—всему тому, что мѣстный лѣтописецъ характеризуетъ въ краткихъ, но сильныхъ словахъ: „зброднѣ и крывды незносныи чинили, людей безъ даня причини забиваючи“ [5]), и иллюстрируетъ ихъ разсказами объ: одиночныхъ и массовыхъ убійствахъ, произведенныхъ солдатами,—о чемъ буду говорить ниже.

Уже эти два обстоятельства сильно обострили положеніе на Украинѣ. Въ то-же время въ роли главнаго дѣйствующаго лица вмѣсто снисходительнаго и осторожнаго Хмелецкаго, привыкшаго смотрѣть на козака скорѣе какъ на товарища по оружію, выступилъ теперь гордый магнатъ гетманъ Конецпольскій, для котора-

---

[1]) Рѣчь на сеймѣ 1631 г.—см. ниже.
[2]) Pamiętniki do panow. Zygmunta III т. I. с. 154.
[3]) См. выше с. 13—14.
[4]) Рѣчь на сеймѣ 1631 г.—Ркп. публ. библ. Пол. IV № 241.
[5]) Львовская лѣтоп. 1. с.

го козакъ былъ прежде всего бунтовщикъ и мятежникъ. Гордый дѣломъ рукъ своихъ—куруковской ординаціей, онъ готовъ былъ взыскивать за каждое отступленіе отъ нея и за каждое непослушаніе сводить счеты „саблями на козацкихъ шеяхъ", каждое проявленіе своеволія „гасить хлопской кровью", такъ что самъ король — достаточно враждебный козачеству, считалъ нужнымъ сдерживать мстительный пылъ гетмана [1]).

И вотъ, имѣя около себя такого покровителя, а можетъ быть, и исполняя волю своего начальника, Грицько Чорный начинаетъ измѣнять своему „скромному, сдержанному" поведенію по отношенію къ нереестровому козачеству. Въ ноябрѣ онъ далъ приказъ на Запорожье, чтобы тамошнее войско вышло на волость и присоединилось къ реестровому въ цѣляхъ военной службы. При этомъ онъ укорялъ Запорожцевъ, что они оскорбили и избили его прежнихъ посланныхъ. Вмѣстѣ съ нимъ писалъ на Запорожье также кто-то изъ польскихъ сановниковъ, вѣроятно Хмелецкій, приказывая Запорожцамъ не противиться волѣ короля и повиноваться своему законному старшему. На это имѣемъ отвѣтъ гетмана Льва Ивановича „изъ Сѣчи у Чортомлика", отъ 1 декабря, этому неназванному сановнику и Гр. Чорному [2]). Второй отвѣтъ приведу въ переводѣ, дополняя по контексту вырванныя мѣста оригинала:

„Пану Григорію Савичу Чорному, старшему на волости, и всему находящемуся тамъ товариству добраго здоровья и счастливой удачи отъ Господа Бога желаемъ.

„Писаніе вашихъ милостей къ намъ, черезъ посланныхъ нашихъ Наливайка и (вырвано имя), дошло къ намъ. Пишете въ немъ, что пришли домой, побѣдивъ непріятеля святого креста, раскрывшаго было свою пасть на народъ христіанскій. За то, что непріятель испыталъ такое бѣдствіе, а васъ Господь Богъ въ добромъ здравіи возвратилъ домой—пусть будетъ славна его святая сила. Мы, какъ братья всего добраго желательные и товарищи вашихъ милостей, молимъ Господа Бога, чтобы и всегда добрая слава о войскѣ нашемъ шла, а непріятель не имѣлъ никакой утѣхи. А также и васъ благодаримъ, что для умноженія славы своей охотно пошли на эту услугу королю. Но огорчаемся, что вы безъ всякой нужды и неосновательно по-

---

1) Ркп. Публ. библ. Разн. F. IV. № 104 л. 116, 121 об.
2) Ркп. библ. Замойскихъ, 1807.

вѣрили, когда Гурскій и Довгаль оклеветали насъ передъ вами, будто мы ихъ всѣмъ войскомъ били и томили въ заключеніи,— а этого не было. Ваши милости сами знаете, что въ войскѣ много всякихъ людей, и между ними нетрезвыхъ; если имъ (посланнымъ) пришлось отъ кого нибудь потерпѣть, этого не одобряемъ. Вольно вамъ на основаніи этого думать, что мы какіе-то бунты начинаемъ противъ в. милостей; но мы только свидѣтельствуемъ Богомъ, что за нами ничего дурного нѣтъ и не будетъ. Не думаемъ и о в. милостяхъ ничего, но изъ писемъ видимъ, что вы осмѣливаетесь приказывать намъ явиться къ вамъ, хотя бы и противъ нашей воли. Если бы еще эта воля ваша пришла къ намъ раньше, могли бы мы исполнить ее; но теперь, когда мы устроились на зиму, намъ очень трудно было бы итти на волость. Да и не видимъ никакой нужды выходить намъ; если бы былъ приказъ его кор. милости на какую-либо службу, то мы и среди зимы готовы итти. Ваши милости сами знаете, что вы сами отправили артиллерію на ея обычную стоянку, и одного гетмана оставили въ войскѣ; а теперь пишете намъ не какъ къ главѣ, а какъ къ кошевымъ — пишете что вамъ придетъ на мысль. Не идетъ намъ итти къ вамъ, но вы идите за своей арматой и за прочимъ скарбомъ, и здѣсь вольно каждому говорить, что ему нравится. По милости Божіей родились мы тамъ же, гдѣ и ваши милости; мила намъ отчизна и не дай Богъ, чтобы намъ пришлось противиться королю е. м., господину нашему, или съ в. милостями препираться: мы хотимъ обращаться съ вами, какъ съ нераздѣльной братіей, чтобы изъ этого добрая слава и корысть намъ всѣмъ была. А что тамъ съ в. милостями будетъ, дайте намъ знать черезъ этихъ посланныхъ нашихъ, Романа Пащенка и Мацька Якубенка, которымъ мы и устно поручили выразить нашу пріязнь.

„Еще разъ поручаемъ себя вашей милости. Дано за порогами, съ рѣки Чортомлыка, 1 декабря 1629. Вашихъ милостей всякаго добра желательное товариство — Левонъ Ивановичъ гетманъ съ войскомъ е. к. м. Запорожскимъ“.

Какъ видимъ, Запорожское войско высказываетъ довольно много миролюбія по отношенію къ Чорному. Оно представляетъ ему быть „старшимъ на волости“, не имѣетъ къ нему претензій, но не хочетъ, чтобы онъ надъ нимъ командовалъ, и заявляетъ, что „голова“ у нихъ на Запорожьи, при арматѣ, и гетманъ законный тотъ, кто тамъ былъ избранъ—а Чорный ушелъ

отъ нихъ. Ставятъ ему Запорожцы въ вину также то, что онъ выставляетъ ихъ передъ польскими властями бунтовщиками: они предоставляютъ Чорному выслуживаться передъ правительствомъ, но не хотятъ, чтобы ихъ выставляли передъ нимъ за бунтовщиковъ—не хотятъ конфликта съ правительствомъ.

Въ томъ же духѣ писали они и тому лицу, которое скорѣе всего надо принимать за Хмелецкаго (они величаютъ его „какъ мужа и человѣка, котораго благодѣяніями пользовались во многихъ случаяхъ"). Извинялись, что теперь имъ трудно итти, „на зиму угрунтовавшись", и просили вообще ихъ не принуждать, изъ Запорожья не выводить, не нарушать старыхъ обычаевъ—„чтобы намъ и до конца при вольностяхъ нашихъ оставаться и при томъ какъ прежде было—если что начиналось, то изъ Запорожья, и отсюда на каждый королевскій приказъ выходило (войско) — пусть по вашей милости и теперь такъ будетъ"— „чтобы эти мѣста не сиротѣли и не пропадалъ обычай нашъ древній и вольности, кровью завоеванныя предками нашими". Чорнаго за старшаго они готовы признать, если на то получится грамота отъ короля „на обычныя мѣста"—но до сихъ поръ они ея не видѣли.

Не смотря на такой миролюбивый тонъ, Чорный считалъ этотъ отвѣтъ рѣшительнымъ разрывомъ. Отсылая его, очевидно Хмелецкому, онъ умывалъ руки, считая, что изъ этого отвѣта „ничего хорошаго не предвидится" и онъ безсиленъ въ своихъ искреннихъ желаніяхъ объединить козачество для успѣшнѣйшей службы государству [1]).

Онъ просилъ указать, какъ ему поступать теперь. И получилъ совѣтъ при уплатѣ „жолда" произвести ревизію реестра, и непослушныхъ вычеркнуть. Деньги для козаковъ, по словамъ Конецпольскаго, были присланы еще лѣтомъ 1629 г., но Чорный не принималъ ихъ, можетъ быть разсчитывалъ, что реестровикамъ, застрявшимъ на Запорожьи, въ концѣ концовъ захочется этихъ денегъ и они придутъ за ними подъ его регментъ. Теперь, по пріѣздѣ Конецпольскаго, рѣшено было произвести ревизію реестра при этой выплатѣ. Въ концѣ года была составлена комиссія для этой ревизіи изъ козацкой старшины (реестроваго войска) и польскихъ делегатовъ. Имѣемъ письмо комиссаровъ Ан. Ранаховскаго и Николая Киселя, за неявкой прочихъ

---

[1]) Ibid., письмо Гр. Чорнаго отъ 3 декабря 1629.

занимавшихся вдвоемъ выпиской; 11 января 1630 г. они сообщаютъ изъ Черкассъ о начатой уже выпискѣ, о вписанной уже части войска, изъ которой въ случаѣ крайней надобности можно было бы выслать тысячу козаковъ, требуемую правительствомъ для защиты отъ Татаръ [1]).

Но процедура эта потянулась довольно долго. Еще отъ 28 февраля с. с. имѣемъ универсалъ — его далъ „Григорей Савичъ Чорный гетман, полковницы, сотники, атаманы войска его кор. милости Запорожского подъ часъ конклюзій комиссіи зъѣхавшися до Кіева“ [2]). Комиссія эта должна была вписать новыхъ товарищей на мѣсто умершихъ, „а ненужныхъ и лишнихъ сверхъ установленнаго числа исключить“. Въ этомъ числѣ рѣшено было выписать изъ реестра и всѣхъ находившихся на Запорожьи при своевольномъ войскѣ, какъ непослушныхъ. Такихъ насчитано не полныхъ триста человѣкъ. Грицько Чорный извѣстилъ ихъ объ этомъ, еще разъ совѣтуя опомниться, прибыть изъ Запорожья на волость съ арматой и оставить свое своеволіе—въ такомъ случаѣ имъ все будетъ прощено. Но это послужило только началомъ рѣшительной борьбы. Вотъ какъ описываетъ эти происшествія ретроспективно главный дѣятель дальнѣйшей трагедіи Конецпольскій, въ своей рѣчи на сеймѣ 1631 г. въ отвѣтъ на обвиненія въ томъ, что онъ своей безтактностью вызвалъ это возстаніе на Украинѣ. Зная фактическое положеніе дѣлъ, читатель замѣтитъ кое-какія несообразности и неточности въ его изложеніи, но намъ интересно и официальное представленіе ихъ и нѣкоторыя фактическія данныя, цѣнныя при общей бѣдности документальнаго матеріала для этого момента.

„Послѣ Куруковской комиссіи, окончившейся шесть лѣтъ тому назадъ счастливо, хотя и съ большимъ трудомъ и сильнымъ кровопролитіемъ,—ея постановленія годъ или два кое-какъ сохранялись въ порядкѣ. Затѣмъ, какъ обычно бываетъ у тѣхъ, кто не знаетъ ни вѣры ни чести, если случается удобный случай—козаки начали замѣтно нарушать эти постановленія. Удобный поводъ къ этому далъ имъ отъѣздъ мой на Прусскую вой-

---

[1]) Цитированная ркп. библіотека Замойскихъ, письмо Ан. Ранаховскаго и Николая Киселя къ старостѣ улановскому Александру Песочинскому, высланному Конецпольскимъ съ различными порученіями на Украину.

[2]) Каманина Мат. по ист. коз. землевладѣнія (Чтенія кіев. VIII док. 4).

ну, по королевскому приказу. Еще лучшій — афера Шагинъ-гирея, къ которому присоединились не только выписанные изъ реестра, но и почти вся украинская чернь, упразднивъ постановленія (комиссіи), ибо вмѣсто шести тысячъ стало козацкаго войска нѣсколько десятковъ тысячъ. Отсюда начались безпокойства съ ихъ стороны обывателямъ украиннымъ—панамъ ихъ. Отсюда начались снова походы на море. Отсюда несчастливая и позорная экспедиція въ Крымъ [1]), гдѣ они такъ печально себя заявили, а довѣрившагося имъ Махметъ-гирея немилосердно убили, и Шагинъ-гирею уничтожили всѣ надежды на тронъ, такъ что онъ вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ.

„Въ этихъ войнахъ палъ старшій ихъ Дорошенко, поданный имъ комиссарами отъ королевскаго имени. Они избрали себѣ Тараса, никчемнаго хлопа [2]) — благодаря его неспособности войско Запорожское подверглось такому позору и жалкому погрому—нѣсколько десятковъ тысячъ ихъ трупомъ Татары положили, а множество нагайками въ Крымъ погнали [3]). Тарасъ остался на Запорожьи и оттуда безпрерывно устраивалъ походы на море. Тутъ же на волости тѣ (козаки), что остались въ послушаніи, памятуя свою присягу, до королевскаго распоряженія избрали себѣ старшимъ Грицька Чорнаго. Ваша кор. милость изволилъ имъ подтвердить его своею грамотою. Чуяло его сердце, что его ждало: не хотѣлъ никакимъ образомъ принять на себя эту должность, но воля королевская, а при томъ просьбы товариства, равносильныя принужденію, заставили его принять. Принесъ присягу согласно постановленію, и войско ему также торжественно присягло. Хотѣлъ бѣдняга такъ вести себя на этой должности, чтобы исполнять во всемъ постановленія (ординаціи) и присягу свою и заслужить королевскую милость себѣ и всему войску: непослушныхъ наказывалъ, на море ходить запрещалъ, на прошлогоднюю экспедицію противъ Девлетъ-гирея отправился охотно съ паномъ воеводой кіевскимъ [4]) къ п. воеводѣ русскому [5]).

„Но всѣ эти хорошія качества лишь приготовили ему ги-

---

[1]) Третья, 1629 года.

[2]) Конецпольскій знаетъ только Тараса, игнорируя всѣхъ остальныхъ, и гетманство Чорнаго считаетъ до самаго ухода его изъ Запорожья на волость.

[3]) Пересолилъ гетманъ, см. выше с. 379-80.

[4]) Хмелецкимъ. [5]) Любомірскому.

бель. Бывшіе на Запорожьи не признавали его старшимъ, говоря, что старшій долженъ быть не королемъ поданъ, а выбранъ войскомъ при арматѣ и прочихъ клейнодахъ (какъ они называютъ). Точили зубы на него за то, что онъ своихъ (реестровыхъ) на Запорожье не пускалъ; много способствовали непріязни его славныя и счастливыя услуги вашей королевской милости. Непристойныя письма, суровые универсалы шли къ нему съ Запорожья—онъ, человѣкъ терпѣливый, все это скромно переносилъ; даже когда обычный жолдъ привезли отъ короля, не брали его (реестровики) полгода, ожидая, чтобы опомнились (Запорожцы). Много разъ посылалъ къ нимъ (Чорный) — чтобы вышли (изъ Запорожья); заявлялъ, что не дорожитъ старшинствомъ. Упорство и злость не слушали его, а оставались при своемъ мнѣніи. Потомъ, когда пришлось брать эти деньги, нужно было при этомъ исключить не нужныхъ и лишнихъ сверхъ установленнаго числа. Покойный воевода кіевскій послалъ п. Ранаховскаго ротмистра и п. Киселя жолнера королевскаго, людей добрыхъ и разсудительныхъ, чтобы съ старшимъ войска Запорожскаго и съ полковниками исключили лишнихъ, а на мѣсто умершихъ вписали людей, пригодныхъ къ бою. Они исполнили свое дѣло. Правда, своевольные въ злобѣ своей во многомъ ихъ укоряютъ, и отъ того и между людьми распространилось то убѣжденіе, что это было причиной бури. Я не беру ихъ въ свою оборону, но какъ усердно ни развѣдывалъ, все таки не нашелъ правды (въ этихъ обвиненіяхъ).

„При этой выпискѣ, по единогласному рѣшенію войска, тѣхъ, кто былъ на Запорожьи — а ихъ не было полныхъ трехъ сотъ,—выписали изъ реестра какъ непослушныхъ. Не знаю, можетъ ли кто разсудительный осудить это! Не противодѣйствуя своеволію, вѣдь трудно поддержать порядокъ. Но имъ представлена была возможность прощенія, еслибы они опомнились, и Грицъ Чорный послалъ къ нимъ, уговаривая выйти съ арматою изъ запорожья и на море не ходить,—обѣщалъ имъ все простить. Они же хотя и грубый народъ, пустили въ дѣло хитрость; обѣщали быть послушными, доставить армату и всѣ клейноды, и сейчасъ двинулись. Радъ былъ бѣдняга—простой человѣкъ, что это несогласіе утихнетъ. Торжествовалъ, не подозрѣвая, что армата идетъ противъ него. Въ „первосны“ напалъ на него ихъ отрядъ и захвативъ его безпечно спавшимъ, ничего не подозрѣвая, схватилъ и отвезъ къ Тарасу, находившемуся въ нѣсколь-

кихъ миляхъ оттуда. Какія тамъ издѣвательства чинили ему (справедливо могли бы они оскорбить достоинство короля и Рѣчи Посполитой), какія муки ему причиняли,—объ этомъ не хочу подробнѣе говорить. Достаточно того, что послѣ различныхъ мукъ велѣли Татарину, отрубивъ ему руки, отрубить голову.

Устрашило такое жестокосердіе всѣхъ добрыхъ и послушныхъ: безъ главы, безъ вождя очутились они какъ потерянные: одни въ лѣса, другіе въ дикія степи бѣжали, третьи обращались подъ крылья королевскаго войска, безъ котораго вѣроятно погибли бы, и оттуда ко мнѣ, какъ я уже сказалъ [1]), многократно присылали. Намѣреніе у этого своевольства было такое— исполнивъ свою работу, сейчасъ же возвратиться на Запорожье. Но какъ мнѣ сами же разсказывали, — и письменно я сообщалъ объ этомъ вашей кор. милости—подоспѣли къ нимъ письма отъ нѣкоторыхъ лицъ, и духовныхъ и свѣтскихъ греческой религіи, извѣщавшія, что ихъ вѣру искореняютъ, церкви отбираютъ, и умолявшія ихъ постоять за вѣру. Эти подговоры раздражали чернь и всю Украину привели въ движеніе такъ, что никто изъ тамошней шляхты не чувствовалъ себя въ безопасности въ своемъ домѣ. Сейчасъ своевольники разослали универсалы, что дѣло идетъ о вѣрѣ, и если кто былъ когда нибудь козакомъ и хочетъ имъ быть, пусть собираются: обѣщали имъ всякія прежнія вольности, а лучше сказать—своеволіе. Въ непродолжительное время собралось нѣсколько десятковъ тысячъ войска. Сейчасъ начали властно приказывать солдатамъ вашей королевской милости, чтобы со своихъ стоянокъ отошли за Бѣлую Церковь и выдали имъ всѣхъ тѣхъ, кто, помня свою присягу, искалъ защиты у войска вашей королевской милости". [2])

---

[1]) Въ предыдущей части своей рѣчи Конецпольскій разсказываетъ объ этихъ первыхъ вѣстникахъ волненій изъ Украины: „Передъ самымъ Свѣтлымъ Праздникомъ спѣшно прибыли ко мнѣ запорожскіе козаки, вѣрные подданные в. к. м., извѣщая, что своевольные, выбѣжавъ изъ Запорожья, схватили Грица Чорного, поставленнаго в. к. м. старшимъ надъ войскомъ Запорожскимъ. На другой день прибыли другіе (съ извѣстіемъ), что его жестоко убили,— просили, чтобы о нихъ, какъ о вѣрныхъ и послушныхъ в. к. м. воинахъ, я позаботился. Дали знать и солдаты в. к. м. объ этой жестокости, о движеніи этого своевольства противъ ихъ стоянокъ и просили указаній, какъ въ этомъ случаѣ имъ поступать.

[2]) Relatia woyny kozackiey w roku 1630 przes i. m. p. Stanisława Koniecpolskiego woiewodę sendomirskiego, hetmana polnego

Изъ этого разсказа, при всей его пристрастности, ярко выступаютъ два главные момента, подготовившіе конфликтъ 1630 г. Къ партійной борьбѣ козацкихъ группъ на почвѣ послѣдней правительственной ординаціи, въ которую неудачно вмѣшалось правительство, взявъ подъ свою защиту законо-послушную партію, присоединилось общее раздраженіе, вызванное постоемъ солдатскихъ ротъ на козацкой территоріи, и наконецъ — примѣшалась еще религіозная борьба, возникшая на почвѣ подозрительныхъ закулисныхъ компромиссныхъ маневровъ послѣднихъ лѣтъ. Со второй половины 1628 г. они начали выходить на яву и въ высшей степени встревожили украинское общество, когда въ теченіе 1629 г. начали пріобрѣтать все болѣе конкретныя формы, и въ качествѣ участниковъ ихъ стали выступать лица, считавшіяся до сихъ поръ найвѣрнѣйшими стражами и защитниками религіозныхъ интересовъ—представители возобновленной православной іерархіи.

Кіевскій соборъ, рѣшенный епископами на весеннемъ съѣздѣ 1628 г. въ Городкѣ [1]), постановлено было обставить по возможности серьозно и торжественно. Избранъ былъ для него день Успенія, когда въ Печерскій монастырь, на́ его престольый праздникъ, съѣзжалось множество народа, „не только духовныхъ, але и свѣтскихъ персонъ", и въ концѣ мая митрополитъ Іовъ разослалъ свои грамоты съ приглашеніемъ на этотъ соборъ [2]). Затѣмъ, чтобы дать ему и правительственнную санкцію, на лѣтнемъ сеймѣ проведено постановленіе, что по вопросу объ участіи въ государственныхъ издержкахъ (на шведскую войну) духовенство русское, не уніатское должно къ слѣдующему сейму вынести свое рѣшеніе, чтобы по примѣру католическихъ и уніатскихъ духовныхъ принять на себя извѣстную часть государственныхъ расходовъ [3]). Это было небывалое и совсѣмъ необычайное постановленіе, ибо правительство до сихъ поръ придерживалось политики полнаго игнорированія церкви не-уніатской; *не повторенное* затѣмъ и въ позднѣйшихъ податныхъ универсалахъ [4]), оно даетъ понять спеціальный умыселъ, съ какимъ на этотъ разъ

---

koronnego na seymie warszawskim 1631—Ркп. Публ. Библ. Польск. F. IV № 241 с. 682 и сл.

[1]) См. выше с. 327-8.

[2]) Вилен. археограф. сборн. II. 39.

[3]) Volumina legum т. III с. 262.

[4]) Сравнить податные универсалы г.г. 1626, 1627, 1629.

правительство включило его въ постановленія 1628 г. Оно слѣдовательно знало, для чего православнымъ нужно это постановленіе и для чего долженъ собраться православный соборъ подъ прикрытіемъ совѣщанія объ участіи въ расходахъ Рѣчи Посполитой.

Очевидно, правительство было соотвѣтственно освѣдомлено объ уніонныхъ настроеніяхъ среди православной іерархіи, и чтобы не возбуждать безпокойнаго вниманія къ собору, открыто санкціонированному правительствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—дать ему свою санкцію про запасъ, на случай какихъ нибудь полезныхъ результатовъ собраннаго совѣщанія, оно представило іерархамъ этотъ выходъ, и они поспѣшили ухватиться за него, въ дальнѣйшемъ освѣщеніи исторіи собора сдѣлавъ это податное сеймовое постановленіе какъ бы исходнымъ пунктомъ соборнаго совѣщанія.

Смотрицкій, какъ знаемъ, долженъ былъ приготовить для этого собора трактатъ о различіяхъ восточной и западной церкви и записку, которая выяснила бы необходимость соборнаго совѣщанія, чтобы ихъ напечатать и распространить передъ соборомъ. Смотрицкій дѣйствительно изготовилъ большой трактатъ объ упадкѣ православной церкви, взявъ для этого поводомъ свое путешествіе на востокъ, а въ добавленіе къ нему присоединилъ меньшій трактатъ о религіозныхъ различіяхъ—то, что позже по польски вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ Apologia peregrinatiey do kraiow wschodnych M. Smotrzyskiego (довольно большая книга, 204 ст. въ малую четвертку). Въ началѣ Петрова поста, эта книга, по его словамъ, въ украинскомъ текстѣ была готова и переписана; онъ послалъ ея экземпляры Борецкому и Могилѣ въ Кіевъ, прося спѣшно отпечатать, на двухъ станкахъ, и выпустить въ свѣтъ, „чтобы передъ будущимъ соборомъ каждый могъ увидѣть, чѣмъ мы цѣлымъ народомъ болѣемъ и отъ какой болѣзни должны лѣчиться“ [1]). При этомъ заявилъ, что если бы въ этомъ описаніи „болѣзни“ и указанныхъ способахъ ея лѣченія что нибудь не было одобрено, то онъ беретъ это на свою совѣсть и на свою душу, и умываетъ руки на будущее время, еслибы церковь и на этотъ разъ не хотѣла пойти за его совѣтами.

На эти письма Смотрицкій получилъ отвѣты Борецкаго и Могилы, что прочтя рукопись, они сообщатъ Смотрицкому свое мнѣніе о ней. О печатаніи ея умолчали: очевидно и митрополитъ и Могила, заглянувъ въ книгу, разсудили, что съ печатаніемъ спѣшить нечего.

---

[1]) Протестація Смотрицкаго с. 325.

Дѣйствительно, Смотрицкій взялъ въ своемъ трактатѣ тонъ слишкомъ рѣзкій и въ высшей степени опасный для всего предпріятія. Его „апологія“ является суровымъ актомъ обвиненія православной украинско-бѣлорусской церкви, совершенно отдалившейся отъ истинной вѣры, проникшейся ересями, лишившей спасенія своихъ вѣрныхъ и т. д. По словамъ Смотрицкаго, онъ ѣздилъ на Востокъ нарочно, чтобы узнать, „такова ли теперешняя вѣра наша, какъ была у нашихъ предковъ, ту ли самую воду мы пьемъ, какую пили предки наши, основавшіе и созидавшіе церковь русскую,—ибо они пили вѣру чистую, прозрачную, спасительную“. Могло конечно читателя удивить, что православный богословъ и іерархъ теперь только, на склонѣ жизни, написавъ столько премудрыхъ сочиненій, задумался надъ такимъ основнымъ вопросомъ; въ отвѣтъ на это Смотрицкій преподноситъ ему признаніе еще болѣе оглушительное, что не смотря на достоинство епископа, и даже архіепископа русской церкви, онъ въ самомъ дѣлѣ не зналъ во что вѣровалъ, — онъ шелъ не за Христовой вѣрой, принесенной съ Востока, а за заблужденіями и ересями, и съ головы до ногъ былъ покрытъ духовной проказой. Зарекомендовавъ себя съ такой пріятной стороны и не пояснивъ, насколько его прокаженная вѣра поправилась послѣ путешествія на Востокъ, и вообще—что онъ тамъ такое увидѣлъ и чему научился, новообращенный Савлъ начинаетъ обличать ереси православной украинской церкви — указываетъ ихъ у Стефана Зизанія, Филалета, Ортолога (автора Треноса, т. е. самого себя), Клирика Острожскаго, указываетъ на эти ереси не съ точки зрѣнія православнаго ученія, а католическаго,—упрекаетъ напр. Зизанія въ томъ, что онъ не принимаетъ чистилища, Филалета — что онъ опровергаетъ приматъ папы, Клирика—что онъ хулитъ флорентійскій соборъ и т. д.

Все это съ точки зрѣнія, на которой хотѣлъ держаться Смотрицкій—православнаго богослова, обращающагося къ православнымъ же, было, конечно, непростительной ошибкой. Такой же непоправимой тактической ошибкой былъ и тотъ выводъ, какой Смотрицкій дѣлалъ изъ всего этого: не необходимость пересмотра православнаго ученія, реформъ, могущихъ быть предметомъ соборныхъ совѣщаній, а простая унія съ католической церковью является единственнымъ выходомъ и способомъ исправленія. Причина такого страшнаго упадка православной церкви по Смотрицкому—это то, что она, оказывая сопротивленіе уніи, при-

нятой ея іерархами, увязалась въ безвыходную полемику съ католичествомъ и въ своей безпомощности обратилась за средствами для этой полемики къ протестантамъ, ввела протестантскія ереси въ православную вѣру, и въ результатѣ совершенно удалилась отъ истинной восточной вѣры. Слѣдовательно выходъ не въ возвращеніи къ старому православію (къ которому Смотрицкій сохраняетъ какъ будто бы полное довѣріе)—а въ уніи съ римской церковью, не зараженной никакой ересью. На греческую церковь нечего полагаться, такъ какъ она сама въ полномъ упадкѣ (тезисъ, сообщающій подозрительную цѣнность пріобрѣтеніямъ Смотрицкаго на Востокѣ). Легче всего осуществить свое обновленіе можетъ русская церковь и русскій народъ, принадлежащіе къ католическому государству: имъ очень легко достигнуть соединенія съ католическою церковью, нужно только созвать съ королевскаго позволенія соборъ и на немъ устранить различія, раздѣляющія церковь восточную и западную, то есть въ виду всего предыдущаго—принять ученіе католической церкви.

Это было гибельнымъ возвращеніемъ къ прежней, безвыходной позиціи брестской уніи, и какъ бы чувствуя, что его теологическая аргументація едва ли увлечетъ православныхъ,—Смотрицкій присоединяетъ къ ней аргументы ad hominem, выясняя тѣ выгоды, какія получатъ отъ уніи православные люди всякаго званія.

Главное значеніе придаетъ онъ, конечно, интересамъ шляхты: характеризуетъ нынѣшнее униженіе православной шляхты и увлекаетъ ее свѣтлыми перспективами, связанными съ уніей: „служили и служите вы не щадя вашей шляхетной христіанской крови, на то, чтобы съ каждымъ прочимъ обывателемъ Короннаго государства и в. кн. Литовскаго, будучи равны родами и дѣлами, не только быть представителями короля на должностяхъ земскихъ и гродскихъ, но и засѣдать при самомъ королѣ, носить сенаторскія достоинства, титулъ вѣрнаго совѣта королевскаго. А между тѣмъ—прежде глаза наши насмотрѣлись въ отечествѣ нашемъ на славныхъ сенаторовъ, каштеляновъ и воеводъ изъ народа и вѣры нашей, а теперь такихъ въ народѣ и вѣрѣ нашей не видимъ ни одного, и не только на этихъ высшихъ должностяхъ, при особѣ королевской, а и на другихъ, менѣе значительныхъ, встрѣчаемъ своихъ единовѣрцевъ очень рѣдко, развѣ съ прежнихъ временъ. Какая же причина такого униженія и устраненія нашихъ? Развѣ вы не такъ же вѣрно и усерд-

но служите дорогому отечеству, какъ вѣрно и усердно служили ваши предки? Или король отвращаетъ отъ васъ свои милостивыя очи и нарочно не хочетъ помнить вѣрныхъ заслугъ вашихъ предковъ и васъ самихъ? Нѣтъ, король готовъ награждать и награждаетъ каждаго по его заслугамъ и кондиціи, а ваша вѣрность и трудъ не уступаютъ вѣрности и труду вашихъ предковъ. Но такъ опредѣляетъ тотъ, кто въ рукѣ своей держитъ сердца власть имѣющихъ и какъ воду разливаетъ ихъ, куда захочетъ".

Унизительное положеніе русской шляхты—это послѣдствіе ея приверженности къ схизмѣ, не угодной Богу. Поэтому одинъ выходъ—унія. При ея помощи шляхта пріобрѣтетъ всякія выгоды для себя, и народъ русскій утѣшитъ, и дѣло спасенія совершитъ. „Богъ будетъ тогда съ нами и подастъ намъ щедро всѣ духовныя и мірскія блага, утраченныя такъ давно нами: церковь подыметъ изъ упадка, русскому народу возвратитъ утраченныя вольности; тебѣ, шляхетское сословіе, раскроетъ двери къ должностямъ земскимъ и сенаторскимъ; мѣщанъ допуститъ къ должностямъ городскимъ; построитъ намъ школы, церкви украситъ, монастыри приведетъ въ лучшее состояніе. Пресвитеровъ уволитъ отъ рабскихъ тяготъ. Наконецъ всему народу русскому, бѣдному и замученному по этой причинѣ, въ городахъ и селахъ отретъ его ежедневныя слезы. Еще на этомъ свѣтѣ дастъ намъ насладиться плодами небесными, а послѣ этого бреннаго счастья удостоитъ вѣчнаго утѣшенія въ царствѣ небесномъ" [1]) и т. д. Однимъ словомъ Смотрицкій забылъ еще только пообѣщать отъ Господа Бога козакамъ увеличенія жолду и крестьянамъ—ну хоть бы права свободнаго помола и варенья пива для домашнихъ потребностей.

Просто удивительно, что такой опытный полемистъ, мѣстный человѣкъ, своими глазами видѣвшій всю исторію уніонныхъ мѣропріятій съ самаго ихъ возникновенія,—могъ допустить нѣчто столь безтактное, неловкое, скомпрометировавшее лишь его и поднятое имъ дѣло. Это значило не склонять православныхъ къ уніи, а провоцировать ихъ призракомъ уніи, и именно такія послѣдствія имѣла книга Смотрицкаго.

Не задумываясь надъ уклончивыми отвѣтами Борецкаго и Могилы, Смотрицкій выслалъ свою книгу Саковичу, чтобы онъ напечаталъ ее на польскомъ языкѣ, и передъ соборомъ подоспѣли въ Кіевъ печатные листы этой „Апологіи".

---

[1]) Apologia с. 122—129.

Они подѣйствовали на православныхъ, собравшихся здѣсь, какъ разорвавшаяся бомба.

Когда Смотрицкій 13 августа с. ст. пріѣхалъ въ Кіевъ, чтобы принять участіе въ совѣщаніяхъ собора, назначеннаго на день Успенія, оказалось, что въ Печерскомъ монастырѣ засѣдаетъ и совѣщается уже духовный соборъ, и предметомъ его совѣщаній—„Аппологія“, въ украинскомъ текстѣ, присланномъ Смотрицкимъ митрополиту и Могилѣ. Борецкій и Могила, захваченные врасплохъ такимъ рѣзкимъ выступленіемъ ихъ товарища и единомышленника, рѣшили предать его книгу духовному суду. Они передали присланные имъ экземпляры „Апологіи“ на разсмотрѣніе двумъ выдающимся богословамъ, Лаврентію Зизанію, протопопу Корецкому, и Андрею Мужиловскому, протопопу слуцкому. Эти цензоры четыре недѣли разсматривали книгу Смотрицкаго вмѣстѣ съ Борецкимъ и Могилой, нашли въ ней 105 неправославныхъ тезисовъ, и теперь собранному на соборъ духовенству предложили свое мнѣніе о книгѣ, признанной ими неправославною [1]).

Смотрицкій заочно очутился въ положеніи обвиняемаго. Когда онъ, прибывъ въ Кіевъ, направился въ Печерскій монастырь, пользуясь старымъ приглашенімъ архимандрита, и послалъ туда своего слугу, его въ Печерскій монастырь не пустили, а сказали, что помѣщеніе Смотрицкому назначено въ митрополитанскомъ Михайловскомъ монастырѣ. Когда онъ отправился туда, черезъ полчаса явились къ нему делегаты отъ собора—во главѣ ихъ протопопъ Мужиловскій, очень уважаемый человѣкъ и богословъ, выставленный позже кандидатомъ на митрополію (можетъ быть именно подъ впечатлѣніемъ этой рѣшительности, съ какою онъ выступилъ на этомъ соборѣ противъ уніатскихъ теченій). По словамъ православнаго описанія собора, (опубликованнаго непосредственно послѣ него подъ названіемъ „Ἀπολλεια (уничтоженіе) Апологіи“ [2]), делетаты имѣли съ Смотрицкимъ разговоръ „в любви зъ собою одправуючи“ и столковались съ нимъ Смотрицкій же, описывая вообще этотъ соборъ какъ актъ грубаго насилія надъ его убѣжденіями, представляетъ этотъ разговоръ въ формахъ гораздо менѣе любовныхъ [3]).

[1]) Protestacya c. 339—340.

[2]) Напечатана въ прибавленіяхъ книги Голубева, „П. Могила“ т. I, приб. 55.

[3]) Protestacya ibid. c. 328.

Не отдавъ, говоритъ онъ, архіерейской чести, эти делегаты послѣ вступительныхъ поясненій поставили ему вопросъ: „Соборъ спрашиваетъ, стоишь ли ты за Апологію, изданную тобою или нѣтъ?“ Когда Смотрицкій сказалъ на это, что именно желаетъ явиться на соборъ и самъ устно выяснитъ все дѣло, то получилъ отвѣтъ: „Сперва здѣсь, передъ нами, ты долженъ отвѣтить на вопросъ и послѣ того будешь допущенъ или нѣтъ“.

„Я отвѣтилъ, что держусь написаннаго, какъ православнаго, ибо не вижу въ немъ ничего дурного и противнаго святой каѳолической вѣрѣ“.

— Соборъ осудилъ его съ головы до ногъ, отъ первой страницы до послѣдней, все какъ противное наукѣ церкви божьей и вѣрѣ православной, не чистое и не благочестивое.

— Пусть тебѣ Господь не помнитъ, что Богъ вѣсть что говоришь. Пусть соборъ не препятствуетъ мнѣ явиться предъ нимъ, а я отъ этихъ упрековъ, отъ этого обвиненія съ божьей помощью очищусь.

— Ты хочешь диспутировать?

— Не диспутировать, а это писаніе мое, православное, но не вѣрно понятое, или оклеветанное, хочу освободить отъ этого ложнаго подозрѣнія.

— Соборъ въ твоихъ объясненіяхъ не нуждается, такъ какъ достаточно уже освѣдомленъ и требуетъ у тебя отвѣта на вопросъ, предложенный тебѣ нами.

Послѣ этого непріятнаго вступленія разговоръ пошелъ болѣе миролюбиво. Делегаты выяснили Смотрицкому вредъ, какой можетъ произойти отъ его книги для православной церкви: Смотрицкій высказалъ мысль, что эти дурныя послѣдствія можна будетъ предупредить, но по его словамъ, держалъ себя въ общемъ стойко, и въ разговорахъ съ делегатами и въ письмѣ, написанномъ затѣмъ митрополиту, добивался участія въ соборѣ, а отъ книги своей не отрекался. По его словамъ, онъ надѣялся, что опровергнувъ легко десятокъ изъ тѣхъ безчисленныхъ ересей, найденныхъ въ его книгѣ, онъ настроитъ болѣе благопріятно соборъ по отношенію къ себѣ. Но явиться передъ соборомъ ему все таки не удалось.

Вскорѣ послѣ разговора съ делегатами, вечеромъ, и на слѣдующій день начали доходить до слуха Смотрицкаго тревожныя вѣсти: угрозы, ругательства, прозванія уніатами; говорили людямъ Смотрицкаго, что въ день Успенія Смотрицкій со своими товари-

щами „будутъ прокляты какъ уніаты", „а не одинъ изъ васъ и Славуты напьется" (т. е. будетъ брошенъ въ Днѣпръ). А затѣмъ пришелъ братъ митрополита къ дубенскому протопопу, находившемуся съ Смотрицкимъ и совѣтовалъ ему предостеречь Смотрицкаго; онъ встрѣтилъ немалую ватагу козаковъ, присягнувшихъ не оставить Смотрицкаго въ живыхъ, если бы на соборѣ было доказано его уніатство. Смотрицкій встревожился, тѣмъ болѣе, что и укрыться не имѣлъ куда: „Пошелъ бы въ замокъ,—пана подвоеводы нѣтъ; поѣхалъ бы обратно—боялся засады, такъ какъ уже говорятъ о ней; въ городъ въ кляшторъ (католическій)—еще болѣе ихъ приведу въ ярость, такъ какъ еще передъ пріѣздомъ говорили, что я тамъ, да и неизвѣстно, пропустятъ ли, потому что людей своевольныхъ, пьяныхъ полно уже повсюду, какъ на ярмаркѣ". Смотрицкій рѣшилъ сдаться и написалъ новое письмо митрополиту, гораздо болѣе покорное; заявлялъ о своей преданности православной церкви и увѣренности, что его „таже Восточная церковь нагробными пеленами покроетъ, которая его водой и духомъ породила" и просилъ допустить къ соборнымъ совѣщаніямъ, чтобы обсудить способы, какъ бы предупредить вредныя послѣдствія его книги [1]).

„Затѣмъ, когда я отправилъ это письмо мое со своимъ діакономъ, разсказываетъ Смотрицкій, пришелъ ко мнѣ одинъ кіевскій козакъ, по прозванію Соленикъ. Поздоровавшись со мной, онъ прочелъ мнѣ длинную „лекцію" по козацки, какъ ему понравилось, а закончилъ такими словами: „Мы эту святыню завоевали кровью своей и готовы ее запечатать кровью нашей и кровью тѣхъ, кто ее оскорбилъ чѣмъ нибудь или отступилъ отъ нея". Подумалъ я себѣ, что если съ духовными вчера былъ тяжелый разговоръ, то съ этимъ будетъ гораздо хуже, и въ пространные выводы съ нимъ не вдавался. Былъ онъ у меня съ другимъ козакомъ около часу. Когда онъ ушелъ, въ скоромъ времени дали мнѣ знать, что о. Борецкій съ тремя епископами пріѣхалъ и теперь въ церкви. Я пошелъ. Поздоровались мы не по братски, а какъ мало знакомые. Велѣли всѣмъ выйти изъ церкви, но тѣ два козака, что у меня были, остались. Я просилъ, чтобы и ихъ не было при нашемъ разговорѣ. О. Борецкій приступилъ къ нимъ и долго просилъ, и они послѣ долгихъ пререканій едва уступили. Но выйдя изъ церкви Соленикъ сказалъ: „Ну, біс вашій

---

[1]) Ἀπολλεια с. 307, Protestacya с. 329—331.

матери, махлюйте, махлюйте! достанеть ся тут і Павлу і Савлу". А потомъ о какомъ то Хрусцелѣ передъ людьми говорилъ, такъ что изъ этихъ словъ можна было догадаться о какой то западнѣ для меня".

Когда вышли посторонніе люди изъ церкви, митрополитъ прежде всего помолился, затѣмъ сѣли и повели разговоръ объ Апологіи. Борецкій упрекалъ Смотрицкаго за „нечистый и гордый духъ", проявленный въ книгѣ, указывалъ на различныя неправославныя вещи, на „проклятыя папскія ереси", какія она старается ввести въ русскую церковь.

„Услыхавъ это, разсказываетъ Смотрицкій, я совершенно окаменѣлъ отъ неожиданныхъ, легкомысленно брошенныхъ словъ этого человѣка, который въ теченіе четырехъ лѣтъ, когда я жилъ съ нимъ (говорю это, призывая Бога!) мало въ чемъ упрекалъ католическую церковь (а о ней мы часто между собой говорили). Въ ея вѣрѣ онъ не находилъ никакой ереси и сочувственно говорилъ о соглашеніи съ ней Руси. Осуществленіе у насъ святой уніи считалъ онъ дѣломъ очень легкимъ: надо было только согласовать одинъ календарь, такъ какъ онъ препятствуетъ присоединенію къ уніи простыхъ людей изъ нашего народа. Поэтому въ 1625 году онъ работалъ надъ согласованіемъ календарей и говорилъ, что нашелъ для этого легкій способъ, и при случаѣ передъ очень многими людьми своей партіи излагалъ его".

Но увидя, съ какимъ раздраженіемъ Борецкій говоритъ теперь, Смотрицкій, по его словамъ, не сталъ ему всего этого припоминать, а скромно оправдывался отъ тѣхъ упрековъ, какіе ему дѣлались. Затѣмъ дано было знать, что въ церковь принесли мертвеца. Перешли тогда изъ церкви въ келію и тамъ продолжали разговоръ. Смотрицкій попросилъ, чтобы ему указали подробнѣе неправовѣрныя мѣста въ его книгѣ. Тогда Мужиловскій, также пришедшій съ епископами, взялъ листы Апологіи и началъ вычитывать заглавія тезъ ея: „О судѣ отдѣльныхъ душъ", „О блаженномъ состояніи душъ умершихъ праведниковъ", „Что адъ то пекло", и т. д., а послѣ каждаго говорилъ: „Го-го"! Прочитавши такъ нѣсколько страницъ, сложилъ книгу и сказалъ: „Развѣ это малыя несогласія съ нашей церковью и малыя хулы на вѣру нашу"?. Смотрицкій ссылался на цитаты изъ св. отцевъ, приведенныя при тезисахъ, а въ концѣ концовъ настаивалъ на своемъ требованіи, чтобы все это

частнымъ образмъ или публично было съ нимъ продиспутировано подробно. На это Мужиловскій вынулъ изъ-за пазухи листокъ бумаги и сказалъ: „Вотъ это тебѣ соборъ говоритъ и частнымъ и публично, больше говорить не хочетъ и не намѣренъ: если хочешь быть на соборѣ и быть принятымъ какъ свой, ты долженъ исполнить три условія, принятыя на соборѣ: первое—присягнуть, что впредь русской церкви ни словомъ ни помышленіемъ не будешь возмущать и не отступишься отъ нея; во вторыхъ—отъ Апологіи своей долженъ публично отречься и данный тебѣ текстъ для ея осужденія и признанія своего грѣха долженъ прочесть съ амвона: въ третьихъ — въ Дермань изъ Кіева ты уже не можешь ѣхать, а долженъ тутъ оставаться“. Смотрицкій сказалъ, что это большее покаяніе, чѣмъ его грѣхъ, но тутъ всѣ закричали: „Ты нанесъ тяжкую обиду всей церкви, и теперь долженъ прежде всего покаяться въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ“. Тотъ началъ спорить съ ними. Но тутъ стали приходить, одинъ за другимъ, посторонніе люди, какъ подозрѣвалъ Смотрицкій—по уговору съ епископами. Пришелъ шл. Стефанъ Литинскій, затѣмъ Иванъ Стеткевичъ, далѣе „писарь козацкій“. Каждый изъ нихъ говорилъ свою рѣчь Смотрицкому, и тотъ, „памятуя, что въ этой церкви, по наказанію Господню, съ давнихъ временъ духовные идутъ за волею и мыслями свѣтскихъ людей, и не духовные управляютъ духовными дѣлами, а свѣтскіе, а духовные существуютъ только для формы“ — не вступалъ уже въ пререканія, а просилъ только, чтобы не ставили ему такихъ тяжелыхъ условій и не компрометировали его передъ русскимъ народомъ. Обѣщалъ написать Саковичу во Львовъ, чтобы изъ типографіи не выдавали ни одного экземляра книги, а тѣмъ временемъ Апологію можна будетъ тезисъ за тезисомъ пересмотрѣть и выбросить то, что будетъ признано несоотвѣтственнымъ. Но его не слушали и такъ какъ было уже поздно, встали и ушли.

Смотрицкій узналъ потомъ, что именно въ тотъ день, 14 августа состоялось окончательное осужденіе его книги на соборѣ. По его словамъ, это сдѣлано было очень поспѣшно, такъ что сами владыки (кромѣ Борецкаго) не ознакомились хорошо съ книгой. Послѣ оцѣнки рецензентовъ, Мужиловскаго и Зизанія, опрошены были сперва епископы, затѣмъ священники, и книга была осуждена. Тогда же, очевидно, были выработаны тѣ условія, на которыхъ Смотрицкій могъ снять вину съ себя лично,—предложенныя ему Мужиловскимъ. Желаніе Смотрицкаго явиться передъ со-

боромъ, чтобы защищать свои взгляды, не было уважено. Нѣсколько голосовъ, высказавшихся за его допущеніе, остались въ меньшинствѣ. Собраніе, вѣроятно, опасалось, что дебаты надъ уніатскимъ вопросомъ могутъ еще больше внести смуты, раздраженія и подозрѣній въ православное общество, и безъ того уже огорченное этимъ эпизодомъ. Самъ Борецкій, по словамъ Смотрицкаго, былъ противъ дебатовъ съ Смотрицкимъ и будто бы сказалъ: „Нехай дїдько з ним мовить“. Sit fides penes autorem.

Убѣдившись изъ послѣдняго разговора въ крайнемъ раздраженіи православныхъ, Смотрицкій еще сильнѣе палъ духомъ и когда вечеромъ ему былъ присланъ текстъ отреченія для завтрашней церемоніи, онъ кое-что измѣнивъ принялъ его и переписавши отослалъ — только не подписалъ. По его словамъ, онъ еще надѣялся избѣжать этой „дѣтской игры“—церемоніальнаго отреченія отъ своей книги, и въ надеждѣ на это отправился на всенощную въ Печерскій монастырь. Но когда онъ вошелъ въ алтарь, къ нему обратились съ требованіемъ, чтобы онъ свою формулу отреченія подписалъ, и присягнулъ, что изъ Кіева въ Дермань не поѣдетъ. Смотрицкій сталъ отпрашиваться, но тутъ очень рѣзко напалъ на него Могила. „Онъ, который такъ недавно еще“, говоритъ Смотрицкій, „имѣлъ такіе добрые и похвальные взгляды на этотъ вопросъ, изложенный въ моей Апологіи, и выражался въ этомъ смыслѣ: одобрялъ письмо, написанное мною въ прошломъ году е. м. отцу патріарху константинопольскому, гдѣ вкратцѣ было изложено все это и даже болѣе, чѣмъ написано въ Апологіи, - онъ у меня читалъ его еще раньше въ Дермани, и на съѣздѣ въ Городкѣ, когда мы разговаривали объ этихъ шести отличіяхъ отъ Римлямъ, онъ вспоминалъ объ этомъ письмѣ передъ присутствующимъ духовенствомъ и одобрительно отозвался о немъ“, — этотъ человѣкъ съ такими похвальными взглядами на дѣло, началъ „ядовито“ упрекать Смотрицкаго. Поднялся шумъ, ближайшіе къ алтарю люди хотѣли уже ворваться туда, чтоби „помогать этой трагедіи“. Боясь, чтобы не дошло до драки и кровопролитія, Смотрицкій согласился на все, формулу подписалъ и присягнулъ, что въ Дермань не поѣдетъ.

На другой день, на Успеніе, во время литургіи, совершавшейся при участіи Смотрицкаго, наступила непріятная и для Смотрицкаго въ высшей степену унизительная церемонія — преданіе анаѳемѣ его книги. Послѣ чтенія евангелія епископы съ прочимъ высшимъ духовенствомъ выступили на амвонъ, среди нихъ и

Смотрицкій. Архимандритъ печерскій раздалъ духовенству страницы „Апологіи" и зажженныя свѣчи. Намѣстникъ виленскій Бобриковичъ съ кафедры прочиталъ формулу отреченія Въ ней Смотрицкій признавалъ, что въ Апологіи кое въ чемъ самъ нарушилъ догматы православной церкви, а кое что присоединилъ къ этому „со злымъ умысломъ" Саковичъ, издавая ее по польски; онъ проситъ у Бога прощенія за эти прегрѣшенія, а всей церкви русской обѣщалъ въ будущемъ старательно избѣгать чего-нибудь подобнаго, и въ знакъ этого своего раскаянія, „передъ глазами милостей вашихъ я тотъ свой скриптъ, называемый Апологіей, предаю поруганію, разрываю и бросаю подъ ноги". Прочитавъ это, Бобриковичъ разорвалъ листки Апологіи, сжегъ и бросилъ подъ ноги. То самое долженъ былъ сдѣлать самъ Смотрицкій, то же дѣлало присутствующее духовенство. Затѣмъ какъ на козла отпущенія, провозгласили анаѳему на Саковича, и повернувъ свѣчи внизъ пламенемъ, тушили ихъ въ знакъ вѣчнаго осужденія [1]).

На слѣдующій день послѣ этой церемоніи въ Михайловскомъ монастырѣ состоялся соборъ. Подъ впечатлѣніемъ трагической аферы Смотрицкаго никому уже, конечно, не приходило въ голову дѣлать какіе нибудь шаги въ духѣ уніоннаго соглашенія. Пришлось заняться вопросомъ объ ассигнованіяхъ на государственныя надобности рѣчипосполитой, какъ будто онъ дѣйствительно былъ настоящимъ предметомъ собора, а не предлогомъ только для конференцій въ уніонномъ духѣ. Кромѣ этого, для успокоенія встревоженнаго православнаго общества издана была соборная грамота, гдѣ собранное духовенство извѣщало вѣрныхъ, что оно вѣрно держится православной вѣры, „ни о какомъ отступленіи не помышляетъ, ни къ апостасіи уніатской не склоняется", и всѣхъ вѣрныхъ приглашаетъ въ благочестивой и доброй жизни непоколебимо стоять при вѣрѣ православной. Эту грамоту подписали шесть епископовъ, въ томъ числѣ и Смотрицкій, возстановленный въ правахъ послѣ своего отреченія, нѣсколько десятковъ болѣе выдающихся представителей монашескаго и свѣтскаго духовенства, и затѣмъ упомянута вообще „барзо великая личба" остального присутствовавшаго духовенства. Спустя недѣлю обнарована была еще одна грамота—въ опроверженіе слуховъ, будтобы не епископы, а только нѣсколько священниковъ проклинали

---

[1]) *Ἀπολλεια* с. 315, Protestacya с. 339.

„Апологію". Эти слухи бросали подозрѣніе на позицію епископовъ по отношенію къ уніатскимъ планамъ, и поэтому Борецкій съ епископами въ этой грамотѣ отъ 24 августа подробно описали церемонію преданія анаѳемѣ, а въ слѣдъ за тѣмъ издали и печатную повѣсть о соборѣ и осужденіи Апологіи, подъ заглавіемъ „Ἀπόλλεια Апологіи" (уничтоженіе Апологіи).

Подъ грамотой отъ 24 августа подписи Смотрицкаго уже не видимъ. Засвидѣтельствовавъ свою покорность передъ соборомъ, онъ вслѣдъ за этимъ отпросился въ Дермань; его не хотѣли пускать изъ Кіева, очевидно, боясь какого нибудь новаго выступленія, и эти опасенія оправдались. Смотрицкій сейчасъ же выпустилъ печатную „Протестацію" (помѣченную 8 сентября), въ которой разсказывалъ, какъ мы видѣли—что его отреченіе отъ „Апологіи" было вынуждено, что книгу его осудили незаконно, не выслушавъ его самого—что вообще все дѣло вели два священника (Зизаній и Мужиловскій), а епископы, за исключеніемъ Борецкаго, играли совершенно пассивную роль, и не могли даже познакомиться сколько нибудь основательно съ содержаніемъ „Апологіи". Смотрицкій апеллировалъ къ новому собору, обращался къ королю съ просьбой, чтобы онъ созвалъ такой соборъ и приказалъ, чтобы тѣ, кто бросилъ анаѳему на его книгу, явились на этотъ соборъ [1]). Въ томъ же духѣ писалъ онъ письма къ выдающимся православнымъ лицамъ. А въ концѣ года выпустилъ новую книгу: Paraenesis albo Napomnienie... do bractwa wilenskiego, гдѣ уже выступаетъ уніатомъ безъ маски. Объясняетъ причины, которыя привели его къ уніи и совѣтуетъ братству итти тѣмъ же путемъ; между прочимъ выступаетъ съ пропагандой моднаго тогда плана—образованія отдѣльнаго украинско-бѣлорусскаго патріархата для уніатовъ и бывшихъ православныхъ.

Обѣ эти книги вызвали довольно оживленную литературную полемику [2]). Въ ней принималъ непосредственное участіе и самъ Смотрицкій. Его произведенія осыпаны были комплиментами като-

---

[1]) Ἀπόλλεια и Protestacya перепечатаны въ прибавленіяхъ къ П. Могилѣ Голубева, т. I.

[2]) На „Протестацію" Смотрицкаго православные отвѣтили „Репротестаціей", вызвавшею съ католической стороны сочиненіе п. з. Odpowiedz na Reprotestacyą, uczynioną imieniem wszystkiego narodu Ruskiego na w. o. M. Smotrzyskiego (какъ догадываются—написанное Ф. Корженевскимъ, манахомъ бернардиномъ). Оба про-

ликовъ, знаками милости папской куріи — но это былъ уже замогильный голосъ. Переходъ въ унію лишалъ Смотрицкаго всякаго значенія у православныхъ, всякаго вліянія на уніонные планы, проводившіеся тѣмъ временемъ далѣе. Надежды, возлагавшія ся на него съ этой стороны, были тщетны. Да и немногимъ пережилъ онъ эту кіевскую трагедію, которую я счелъ нужнымъ описать подробнѣе не только въ виду выступленій въ ней выдающихся современныхъ дѣятелей, но также и вслѣдствіе множества характерныхъ для этой жизни и времени подробностей, какія вообще рѣдко когда имѣемъ въ нашихъ источникахъ.

Кіевская трагедія могла послужить очень поучительнымъ предостереженіемъ для уніонныхъ плановъ: настроеніе общества проявилось въ ней очень не двусмысленно. Но сторонники соглашенія не видѣли этого и продолжали свою линію. Кіевскій соборъ для этихъ плановъ былъ потерянъ—они обратились къ королю съ просьбой назначить новый. Это происходило во время ближайшаго сейма, созваннаго на февраль 1629 г.

Какъ разсказываетъ король въ одномъ своемъ письмѣ, православные, не принимавшіе на предыдущихъ сеймахъ „добрыхъ средствъ успокоенія", предлагавшихся имъ уніатами и правительствомъ, „только на этомъ сеймѣ или, собственно говоря, послѣ сейма по своей инициативѣ начали обращаться къ уніатамъ, уговаривая ихъ согласиться на синодъ; сперва они сами между собой условились и свое соглашеніе подписали съ обѣихъ сторонъ, затѣмъ предложили намъ и просили у насъ позволенія" (на этотъ общій синодъ) [1]). Въ универсалахъ митр. Борецкаго упо-

---

изведенія въ печати неизвѣстны, извлеченія изъ второго даны Голубевымъ, П. Могила I приб. с. 348—50. Затѣмъ Мужиловскій выпустилъ трактатъ п. з. Antidotum przezacnemu narodowi Ruskiemu albo warunek przeciw Apologii и т. д. (Слуцкъ, 1629) и еще позже Остафій Кисель подъ псевдонимомъ Геласія Диплица, п. з. Antapologia 1632. Мужиловскому отвѣчалъ Смотрицкій п. з. Exaetesis albo Expostulatia t. j. rozprawa między Apologią y Antidotem o ostanek błędow herezyi i kłamstw Zyzaniowych, Philaletowych, Orthologowych y Klerykowych, 1629.

[1]) П. Могила I приб. с. 354—тутъ собраны документы объ этихъ соборахъ 1629 г.; къ нимъ въ послѣднее время прибавили нѣсколько цѣнныхъ матеріаловъ П. Жуковичъ въ сборникѣ „Матеріалы для исторіи соборовъ 1629 г." и И. Крипякевичъ въ Запискахъ львовскихъ т. 116 (см. выше, стр. 311).

минается, что король назначилъ соборы „за причиною пановъ радъ, а подобно и за пильною инъстанціею благочестивыхъ пановъ пословъ народу нашего руского“, а недавно опубликованная протестація главнѣйшихъ участниковъ этихъ переговоровъ, сеймовыхъ депутатовъ Михаила Кропивницкаго (брацлавскаго депутата) и Лаврентія Древинскаго (волынскаго депутата) сообщаютъ и нѣкоторыя ближайшія подробности этого эпизода.

Во время сейма, занятаго дѣлами шведской войны и необходимыми для нея ассигновками, депутаты, заинтересованные религіознымъ вопросомъ, вели переговоры внѣ сеймовыхъ засѣданій и ими былъ выработанъ проэктъ сеймовой конституціи, назначившей „общій синодъ для обѣихъ сторонъ—для тѣхъ, кто въ уніи съ римской церковью и для тѣхъ, кто уніи не принялъ“ на 18 (28) октября 1629 г. въ Львовѣ. Этому „генеральному синоду“ должны были предшествовать двухнедѣльные „частные синоды“, назначенные на 9 іюля: уніатскій долженъ былъ состояться во Владимирѣ, православный въ Кіевѣ, затѣмъ обѣ стороны должны были съѣхаться на соборѣ львовскомъ, также на двѣ недѣли, и его постановленія должны были быть предложены ближайшему сейму. Этотъ проэктъ конституціи былъ принятъ и подписанъ съ православной стороны игуменомъ виленскимъ Іосифомъ Бобриковичемъ, выступившемъ здѣсь въ качествѣ единственнаго участника этихъ переговоровъ изъ среды православнаго духовенства, и сеймовыми депутатами: Федоромъ Проскурой-Сущанскимъ, кіевскимъ депутатомъ, Кропивницкимъ и Древинскимъ [1]). Участниками этого соглашенія Кропивницкій и Древинскій называютъ также какихъ то

---

[1]) Эти подписи имѣются на копіи конституціи, сохраненной въ архивѣ уніатской митрополіи (издана въ сборникѣ Жуковича), и въ протестаціи своей Кропивницкій и Древинскій тоже признаютъ, что приняли и подписали проэктъ конституціи. Виленскіе уніаты въ своей книгѣ Jedność swięta (с. 51) говорили, что „общаго собора просили сами не-уніаты и сами проектировали сеймовую конституцію“, и ссылались на оригиналъ ея, который имѣли у себя (с. 51). Опубликованная теперь копія митрополичьяго архива дѣйствительно имѣетъ надпись: concipowana per modum constitutionis od samych ze nieynitow. Это извѣстіе, однако, должно быть принято съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, такъ такъ трудно допустить, чтобы проэктъ былъ принятъ въ редакціи, предложенной православными, а не получился въ результатѣ компромисса.

неизвѣстныхъ намъ ближе пословъ русскаго воеводства [1]) и в. к. Литовскаго—тоже съ православной стороны.

Однако эта конституція, благодаря другимъ занятіямъ, не попала на совѣщанія полнаго сейма и вопросъ о православныхъ былъ просто отложенъ до слѣдующаго сейма. Тогда жидичинскій архимандритъ Баковецкій, выступавшій здѣсь въ качествѣ представителя уніатской стороны, сталъ уговаривать Кропивницкаго и Древинскаго просить короля, чтобы онъ на основаніи этого соглашенія отъ себя, безъ сейма, издалъ универсалы созывавшіе эти синоды. Кропивницкій и Древинскій, по ихъ словамъ, колебались, считая, что ихъ посольскія полномочія прекратились съ окончаніемъ сейма, но въ концѣ концовъ „для любезнаго и вождѣленнаго мира“ дали свое согласіе на то, чтобы Баковецкій, если находитъ это возможнымъ, выпросилъ у короля универсалы согласно съ содержаніемъ принятаго ими проэкта. Что при этомъ обѣ стороны входили даже въ подробности этихъ соборныхъ совѣщаній православныхъ съ уніатами, на это намекаетъ письмо Баковецкаго: останавливаясь на нѣкоторыхъ подробностяхъ будущаго собора, онъ указываетъ, что вопросъ, будутъ ли обѣ стороны засѣдать вмѣстѣ, „не былъ въ Варшавѣ рѣшенъ—были только разговоры объ этомъ“ [2]).

Короля объ универсалахъ, конечно, не надо было просить долго—онъ очень охотно далъ свое согласіе на общій соборъ уніатовъ съ православными „для объединенія и приведенія къ союзу съ католической церковью людей греческой вѣры, до сихъ поръ не находящихся въ уніи“. Было только колебаніе среди самой католическо-уніатской партіи относительно того, гдѣ этотъ соборъ устроить. Нѣкоторые, какъ м. Рутскій, не хотѣли Львова, такъ рѣшительно несочувствующаго уніи, и стояли за Луцкъ, какъ каѳедральный уніатскій городъ. На это возражали, что въ Луцкѣ православные очень сильны, „не захотятъ итти въ уніатскую церковь въ замкѣ, скажутъ: въ замковую церковь мы не пойдемъ, будемъ сходиться въ городской, братской церкви“, и хотѣлъ бы я знать, кто и какъ принудитъ ихъ идти туда? Шляхта начнетъ кричать, что церковь эта рушится, а намъ

---

[1]) Вышенскій сеймикъ дѣйствительно поручилъ своимъ посламъ добиваться удовлетворенія православныхъ, въ виду ихъ жалобъ на сеймикѣ—Akta grod. i ziem. XX с. 269.

[2]) П. Могила I приб. с. 357—8.

жизнь дорога; будуть говорить: самъ владыка туда на богослуженіе не ходитъ, боясь, чтобъ церковь не задавила — имѣя такое епископство, не ремонтируетъ, и тысячу другихъ вещей будутъ находить; будутъ укорять: ‚вотъ каково благочестіе у васъ (уніатовъ), на церковной площади вмѣсто церкви, находившейся здѣсь, поставили корчму‘ (уже и уши болятъ слушать, какова эта корчма, и что въ ней происходитъ, а у насъ, людей преданныхъ св. уніи отъ огорченія и сердце не на мѣстѣ) — будутъ упрекать въ томъ, что тѣла столькихъ знатныхъ людей съ гробами ихъ, взявъ изъ мѣста, посвященнаго Богу, въ навозѣ похоронили, а на томъ мѣстѣ погребъ построили“, — пугалъ Рутскаго Заславскій, и предлагалъ для собора Львовъ, такъ какъ тамъ „не все, что захотятъ, схизматики могутъ дѣлать“, есть много богослововъ (католическихъ), католическое духовенство имѣетъ большую силу.

Рутскій отговаривался тѣмъ, что во Львовѣ нѣтъ уніатской церкви; на это Заславскій указывалъ, что соборъ можна устроить въ частномъ домѣ — предоставлялъ для этого свой собственный домъ, Корняктовскій, „самый лучшій во Львовѣ“, гдѣ могъ бы и митрополитъ со своимъ дворомъ помѣститься и князю, назначавшемуся правительственнымъ комиссаромъ, было бы удобно. Или можно взять каплицу въ замкѣ, если это не будетъ противно уговору — „кс. ректоръ львовскій разсказывалъ тамже у князя, что въ ней иконопись русская, такъ какъ то была когда то русская церковь“. Впрочемъ князь „утверждаетъ рѣшительно и теперь, что есть тамъ одна наша церковь (уніатская), только никто другой мнѣ ничего не могъ сказать о ней“, писалъ къ Рутскому его корреспондентъ [1]). Въ концѣ концевъ Рутскій уступилъ подъ давленіемъ Заславскаго, собиравшагося играть въ этомъ эпизодѣ выдающуюся роль, въ качествѣ наслѣдника славнаго имени Острожскихъ и ихъ „фортуны“. Мѣстомъ собора рѣшено было избрать Львовъ.

Въ концѣ марта н. с. 1629 г. король издалъ универсалы, назначавшіе на день 18 (28) октября общій соборъ православнымъ и уніатамъ во Львовѣ, а передъ тѣмъ, въ день Петра и Павла (с. с.) частные соборы — православнымъ въ Кіевѣ, уніатамъ во Владимирѣ, универсалы помѣчены заднимъ числомъ, якобы во время сейма, 28 февраля. Въ особыхъ письмахъ, разосланныхъ разнымъ вліятельнымъ людямъ, король поручалъ имъ

[1]) П. Могила I приб. с. 356—360.

своимъ вліяніемъ содѣйствовать этому объединенію и просилъ собрать на соборъ шляхтичей-уніатовъ (люди рѣдчайшіе!). Въ томъ же духѣ агитировало уніатское духовенство среди православной и католической шляхты, прося ихъ „склонять упорныхъ къ болѣе сочувственному отношенію къ этимъ мѣропріятіямъ [1])“.

Не знаемъ и до сихъ поръ, насколько замѣшана была въ варшавскія конференціи, приведшія къ назначенію этого общаго собора, высшая православная іерархія. Видимъ только, что она,— а спеціально митрополитъ Борецкій, не протестовали, а скорѣе относились сочувственно къ этому собору. Мы имѣемъ писанные и печатные универсалы митрополита, гдѣ онъ и со своей стороны сочувственно упоминаетъ о королевскихъ универсалахъ о соборахъ частныхъ и общемъ львовскомъ, „з ласки его кор. милости и за причиною пановъ радъ, а подобно и за пильною инстанціею благочестивыхъ пановъ пословъ народу нашего русского о успокоеню благочестія восточной церкве російской выданные“, и совѣтуетъ православнымъ въ возможно большемъ числѣ прибыть на кіевскій соборъ, „для милости Христовы и для ласки найяснѣйшего господаря короля“, чтобы получить „пожаданую милость покою“.

Трудно предполагать здѣсь лишь дипломатическія увертки— представить дѣло такъ, что іерархія со своей стороны выказывала полное сочувствіе уніоннымъ планамъ, и послѣдніе встрѣтили препятствія со стороны общества, а не іерархіи. Митрополитъ въ своемъ сочувствіи или лойяльности шелъ здѣсь несомнѣнно слишкомъ далеко, и это было во всякомъ случаѣ рѣшительной уступкой съ его стороны, рѣшительною перемѣною тактики по сравненію съ традиціонною опозиціею противъ такихъ общихъ соборовъ, проявленною напр. еще въ 1623 г., когда православные іерархи рѣшительно заявили, что не имѣютъ о чемъ дебатировать съ уніатами, и безъ участія константинопольскаго патріарха соборовать съ ними не могутъ [2]).

Отъ тогдашней рѣшительной оппозиціи теперешнее сочувствіе или уступчивость митрополита и его окружающихъ отходили очень далеко и должны были безпокоить православное общество, тѣмъ болѣе, что въ православныхъ кругахъ и на этотъ разъ начали

---

[1]) П. Могила I приб. с. 353—5, 357; нѣкоторыя дополненія изъ неизданныхъ актовъ уніатской митрополіи у Жуковича VI с. 4 и сл.

[2]) См. выше, с. 241.

сейчасъ же раздаваться протесты противъ соборныхъ плановъ. Такъ имѣемъ протестъ православныхъ шляхтичей, находившихся въ войскахъ на шведской войнѣ, составленный подъ Маріенбургомъ, 29 апрѣля. Православные протестують противъ всякихъ королевскихъ или сеймовыхъ постановленій не въ пользу православной вѣры, и умоляютъ православныхъ, собранныхъ на кіевскій синодъ, чтобы они ни въ чемъ не уступали, сами же заявляютъ отъ своего имени и всѣхъ, „сколько насъ есть въ войскѣ прусскомъ", свою готовность „кровь свою пролить за вѣру и истину" [1]). Такихъ и тому подобныхъ голосовъ должно было раздаваться гораздо больше. Но съ полной силой все несочувствіе православнаго общества къ какимъ либо примирительнымъ шагамъ проявилось уже въ Кіевѣ, передъ соборомъ.

Когда Адамъ Кисель, назначенный отъ короля его представителемъ на кіевскій соборъ [2]), посѣтилъ митрополита въ его резиденціи за десятъ дней передъ соборомъ, православная шляхта, собранная на кіевской земской сессіи, высказала крайнее неудовольствіе противъ Борецкаго за такія сношенія его съ королевскимъ комиссаромъ и собрала спеціальное совѣщаніе въ братской церкви, пригласивъ къ себѣ митрополита. Тутъ Борецкій и непосредственные участники этихъ плановъ—Кропивницкій, Древинскій и Баковецкій, на которыхъ указывалъ Проскура, какъ на главныхъ виновниковъ, подверглись сильнѣйшимъ упрекамъ [3]). Начали читать королевскіе универсалы и нашли тамъ два значительныхъ отступленія отъ проэкта конституціи, принятаго на сеймѣ. Въ то время, какъ въ проэктѣ цѣлью собора называлось „успокоеніе" религіознаго вопроса, король въ универсалахъ говорилъ объ объединеніи съ римской церковью; такимъ образомъ вопросъ предрѣшался—„уже унія совершилась", какъ говорила шляхта. Другое отличіе было еще болѣе существенное: въ то время, какъ въ сеймовомъ проэктѣ было сказано, что постановленія синода будутъ предложены на утвержденіе сейма, въ королевскихъ универсалахъ говорилось, что эти постановленія будутъ представлены на окончательное рѣшеніе короля. Шляхта съ крикомъ упрекала Борецкаго, что онъ хочетъ на ихъ счетъ выслужиться передъ коро-

---

1) П. Могила I с. 367—8.

2) Королевская инструкція ему у Пуласкаго.

3) Fulmina, „громы", какъ выражается въ своей реляціи, напечатанной въ сборникѣ Жуковича Кисель (реляція сохранилась безъ имени, но что она составлена Киселемъ, это ясно).

лемъ, ставила ему въ вину, что онъ отъ себя разослалъ приглашенія на синодъ и вошелъ въ сношенія съ королевскимъ комиссаромъ, и требовала отъ него, чтобы онъ подписался подъ протестомъ, которымъ шляхта намѣревалась опротестовать королевскій универсалъ, какъ незаконный, частнымъ образомъ изданный и для нихъ нежелательный.

Борецкій оправдывался, что онъ частный человѣкъ, законы не его дѣло, онъ только по милости короля остается въ своемъ монастырѣ—значитъ не можетъ и выступать противъ королевской воли. Эти резоны произвели нѣкоторое впечатлѣніе, но въ концѣ концовъ шляхта осталась при своемъ: постановила синодъ опротестовать, уклониться отъ всякаго участія въ немъ, и митрополиту запретила „синодовать“. Протестъ свой внесла за нѣсколько дней передъ кіевскимъ соборомъ. Въ немъ указывала, что „удовлетвореніе религіи“ должно было осуществиться путемъ сеймовыхъ постановленій, и много было разъ обѣщано сеймовыми конституціями; въ виду этого она протестовала противъ назначенныхъ по этому вопросу синодовъ, заявляя, что согласія своего на это она не давала и никого не уполномачивала просить у короля назначенія синодовъ; все, что было бы постановлено на этихъ синодахъ вопреки ея совѣсти, ея правамъ духовнымъ и свѣтскимъ, она объявляетъ не дѣйствительнымъ и обязывается при ближайшемъ удобномъ случаѣ домагаться отъ короля, чтобы религіозный вопросъ былъ рѣшенъ сеймомъ, а не какими либо синодами [1]).

Къ самому собору подоспѣли гости наименѣе пріятные для какихъ либо уніонныхъ предпріятій—делегаты запорожскаго, нереестроваго войска, Андрей Лагода и Сафронъ Зосимовичъ (или Сосимновичъ, какъ называютъ его акты). Они привезли письмо митрополиту отъ гетмана Льва Ивановича и всего войска; высказывая въ деликатной формѣ упрекъ за то, что митрополитъ

---

[1]) П. Могила I приб. 63. Характерно, и не безъ вліянія на оппозицію православной шляхты могло быть и то обстоятельство, что противъ этихъ соборныхъ плановъ агитировали также и протестанты. Криштофъ Радзивилъ нарочито выслалъ въ Кіевъ своего агента съ порученіемъ напомнить протопопу слуцкому, чтобы онъ не давалъ согласія на какія либо рѣшенія, не желательныя для православныхъ церквей, которыхъ Радзивилъ насчитывалъ подъ своимъ патронатомъ до сотни, и чтобы никто изъ слуцкаго духовенства ни въ какомъ случаѣ не ѣхалъ на соборъ во Львовъ ib. № 63.

не послалъ имъ увѣдомленія объ этомъ соборѣ [1]), войско просило освѣдомить его черезъ делегатовъ „обо всемъ“—„чтобы мы, получивъ извѣстіе, если бъ было что нибудь противное, своевременно могли принять мѣры; чтобы противникъ не имѣлъ никакого успѣха“. Независимо отъ этого сами депутаты должны были „собрать вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что тамъ дѣлается“, другими словами—контролировать дѣятельность собора. „Ибо и мы живемъ въ православной вѣрѣ, въ которой родились“, замѣчало при этомъ козацкое войско и многозначительно напоминало, что „это обязанность наша и каждаго христіанина—за вѣру умереть“ [2]).

Не смотря на всѣ эти довольно краснорѣчивыя предостереженія, митрополитъ не хотѣлъ остановиться на полпути, желая засвидѣтельствовать передъ королемъ свою добрую волю до конца; только явныя сношенія съ Киселемъ послѣ этого онъ уже оставилъ. Могила, прибывшій къ самому собору, на переданныя ему Киселемъ пожеланія короля, чтобы онъ со своей стороны „содѣйствовалъ соглашенію и синодованію“, также „въ искреннихъ и краснорѣчивыхъ словахъ“ заявилъ о своей готовности къ тому—„и засвидѣтельствовалъ затѣмъ свою искренность“, замѣчаетъ Кисель.

Соборъ открылся торжественнымъ богослуженіемъ, отслуженнымъ въ день Петра и Павла въ соборной церкви (Успенія на Подолѣ) митрополитомъ и епископами въ присутствіи огромной массы духовенства, собравшагося на соборъ—„самое меньшее 500“, насчитываетъ Кисель. Зато свѣтской православной аристократіи не было вовсе: во время богослуженія прибыли Кропивницкій, Древинскій, Проскура и еще какой-то „панъ Черникъ“, и больше никого. Въ проповѣди присутствующіе располагались къ соборнымъ совѣщаніямъ. Послѣ богослуженія Могила угощалъ

---

[1]) Такимъ образомъ никакъ не можетъ быть принято высказанное въ литературѣ предложеніе, что митрополитъ, не сочувствуя собору, самъ обратился къ козакамъ, и именно къ выписчикамъ, игнорируя реестровое войско и его гетмана Чорнаго. Въ дѣйствительности если бы Борецкій въ данный моментъ могъ обращаться къ козакамъ, то только къ реестровымъ, да и это довольно сомнительно, а къ запорожскимъ выписчикамъ несомнѣнно не обращался, такъ какъ послѣдніе получили универсалы короля и митрополита „отъ товариства нашего изъ городовъ“

[2]) П. Могила I приб. 65.

обѣдомъ всѣхъ болѣе значительныхъ участниковъ. Послѣ обѣда зазвонили въ колокола—на соборъ [1]).

По принятому обычаю присутствовавшіе раздѣлились на два „кола“, свѣтское и духовное; въ духовномъ предсѣдателемъ былъ избранъ делегатъ львовскаго епископа, каѳедральный проповѣдникъ, по имени Ѳеодоръ. Въ свѣтскомъ колѣ избрали предсѣдателемъ извѣстнаго Лаврентія Древинскаго, волынскаго делегата. Послѣ этихъ выборовъ пригласили королевскаго комиссара. Но когда онъ входилъ въ церковь съ значительною свитою, изо всѣхъ трехъ дверей въ церковь начали тѣсниться козаки. Пробовали двери запереть, чтобы избавиться отъ этихъ нежелательныхъ участниковъ—козаки не давали. Тогда стали ихъ уговаривать, чтобы не тѣснились—они отвѣчали, что имъ необходимо быть, такъ какъ они для этого посланы отъ войска: „О вѣрѣ идетъ дѣло, за которую мы умремъ!“ Кисель, усѣвшись на назначенномъ для него мѣстѣ, съ своей стороны началъ просить козаковъ, чтобы они ушли изъ церкви, такъ какъ иначе онъ не приступитъ къ своей миссіи,—говорилъ имъ „добрыми словами“, что они люди почтенные, нужные отечеству, „но тутъ не площадь, чтобы толпиться и т. д.“. На это ихъ „ораторы“, „панъ Лагода и панъ Супрунъ“ заявили, что они послы и просятъ позволенія присутствовать при всемъ—„ибо мы слуги королевскіе и къ королю имѣемъ доступъ, то почему бы не къ вашей милости, милостивый депутатъ“... Кончилось тѣмъ, что Кисель позволилъ этимъ двумъ посламъ остаться въ церкви, съ тѣмъ чтобы всѣмъ прочимъ козакамъ велѣли уйти. Козаки согласились, крикнули: „гаразд“! и панъ Супрунъ выгналъ ихъ всѣхъ, а Кисель велѣлъ своей челяди стеречь двери въ церковь, и послѣ этого приступилъ къ исполненію своей миссіи королевскаго комиссара. Передалъ коро-

---

[1]) До послѣдняго времени наиболѣе подробныя свѣдѣнія о соборѣ давала позднѣйшая рукопись Льва Кишки, въ извлеченіи, напечатанномъ у Петрушевича, Сводная лѣтопись с. 291; кромѣ того извѣстно было краткое заявленіе Киселя въ ркп. кіевской археографической комиссіи, извлеченіе изъ него—П. Могила I с. 368. Въ послѣднее время стала извѣстна пространная реляція того же Киселя, изд. Жуковичемъ, изъ уніатскаго митрополитанскаго архива; ея пробѣлы дополняются изданною Крипякевичемъ копіею изъ актовъ нунціатуры. Ею очевидно, пользовался и Кишка; но такъ какъ имя Киселя въ ней не названо, Кишка ошибочно называетъ королевскимъ комиссаромъ кн. Заславскаго, въ дѣйствительности бывшаго коммисаромъ на львовскомъ соборѣ.

левскую вѣрительную грамоту и произнесъ характерную въ его устахъ рѣчь—постарался по возможности въ сильныхъ и яркихъ вырoженіяхъ изобразить бѣдствія и горе, которыя испытываетъ восточная церковь и русскій народъ благодаря своей религіозной розни (православныхъ съ уніатами):

„Стонете вы и стонемъ мы всѣ отъ этой розни между нами, крещенными въ одной купели Духа Святого шестьсотъ лѣтъ тому назадъ въ днѣпровской водѣ, въ этой митрополіи княжества Русскаго. Болѣете вы и всѣ мы болѣемъ! Какъ процвѣтаютъ члены Рѣчи Посполитой, состоящіе изъ различныхъ народовъ—а мы будучи одной націи, одного народа, одной религіи, одного благочестія, однихъ обрядовъ—не одно есмы! Разрываемся и поэтому приходимъ въ упадокъ. Сжалься, Боже! вмѣсто братскаго согласія обоюдная непріязнь, іерархія противъ іерархіи, духовный противъ духовнаго... Дома божьи, поставленные богатыми жертвами святыхъ, славныхъ и богобоязненныхъ отцовъ и князей русскихъ, на куски распадаются, пропадаетъ слава божія, и развалины производятъ печальное впечатлѣніе на благочестивыхъ“...

Послѣ этой рѣчи предсѣдатели обоихъ „колъ“, посовѣтовавшись съ старшимъ духовенствомъ, изъявили благодарность за оказанную королевскую милость и попросили подождать слѣдующаго дня относительно дальнѣйшихъ совѣщаній, такъ какъ нужно подождать еще пріѣзда шляхты. На другой день собрались у Борецкаго, и туда прибыли также козацкіе послы и вручили свое письмо, „довольно хорошее“ — то самое, которое мы выше пересказали. Затѣмъ началось другое засѣданіе въ соборной церкви. Кисель, не приглашенный на засѣданіе, напомнилъ о себѣ и получилъ приглашеніе. По его словамъ, онъ прибылъ, когда шло голосованіе относительно того, вести ли соборныя совѣщанія или нѣтъ: за соборъ подавалъ голосъ Могила и делегатъ виленскаго братства, въ то время какъ львовскіе делегаты высказывались противъ собора. Ихъ аргументы до извѣстной степени можемъ видѣть изъ рѣчи, съ которою выступилъ Кисель: это были всѣ тѣ же соображенія объ опасности, представляемой перенесеніемъ религіознаго вопроса съ сейма на соборъ, передачи его на рѣшеніе ненадежнаго львовскаго собора, а затѣмъ на благоусмотрѣніе короля. Все засѣданіе прошло въ этихъ дебатахъ.

Третій день заняли рѣчи Кропивницкаго и Древинскаго, оправдывавшихся отъ укоровъ, брошенныхъ имъ шляхтой,

что это они довели до королевскихъ универсаловъ. Они поясняли, что свое согласіе давали на такіе универсалы, которые были бы согласны съ проэктомъ конституціи, и сваливали все на Баковецкаго, что онъ всему виною; въ такомъ духѣ затѣмъ они занесли свое заявленіе въ акты, разсказавъ подробно всю исторію универсаловъ. Все таки, несмотря ни на что, они стояли за продолженіе собора, опротестовавъ лишь отступленія, сдѣланныя въ универсалахъ. Совѣтовали только подождать еще прибытія шляхты до слѣдующаго дня (вѣроятно, внѣ собора велись относительно этого переговоры съ шляхтою). Тутъ начались дебаты по вопросу, ожидать ли прибытія шляхты на соборъ или нѣтъ. Совѣщанія уже оканчивались, когда одинъ козакъ, изъ числа успѣвшихъ снова втиснуться въ церковь подъ конецъ совѣщанія, и прислушиваясь къ дебатамъ, громко отозвался: „Будетъ унія господарчику [1]) да и Борецкому такая, какъ войту раньше"! Эти слова—намекъ на убійство Ходыки, произвели общую сенсацію. Могила расплакался, едва не упалъ съ кресла, такъ какъ козакъ крикнулъ это стоя за нимъ. Кисель началъ выговаривать за это козакамъ и требовалъ наказанія для непрошеннаго оратора. Козаки отвѣчали: „Не кричи, Ляше! послы тебя просятъ, а ругаютъ и угрожаютъ пьяные гуляки"! „Получивъ такое ‚доброй ночи', мы и разошлись", записываетъ Кисель. Сконфуженный Борецкій отправился ночевать къ Могилѣ, боясь вѣроятно и самъ козацкихъ ревнителей благочестія, какъ нѣкогда Смотрицкій.

Видя, что козаковъ прибываетъ въ городъ все болѣе, устроили совѣщаніе въ Пустынскомъ монастырѣ, и туда на четвертый день пригласили Киселя. Засталъ онъ тамъ только болѣе выдающихся лицъ изъ духовенства — шляхты снова не было, только все тѣ же четверо—Кропивницкій, Древинскій, Проскура и Черникъ. Когда открыто было засѣданіе, Борецкій „съ плачемъ" сталъ описыть Киселю свое тяжелое положеніе: шляхта составила протестацію и не пріѣхала, а козаки угрожаютъ, не даютъ покоя, — просилъ въ виду этого совѣта, что дѣлать. Кисель началъ совѣтовать избрать пословъ на общій соборъ, и въ закрытомъ засѣданіи, не сообщая объ этомъ „народу", составить имъ инструкцію. Однако никто не хотѣлъ ѣхать въ посольствѣ на львовскій синодъ. Кропивницкій и Древинскій отговаривались, что они и такъ въ подозрѣніи, да и вообще вещь небезопасная пред-

---

[1]) Въ ркп. митр. архива: archymandarczykowi, чтеніе ркп. нунціатуры: hospodarczykowi вѣроятнѣе.

принимать что нибудь по частному универсалу короля —другое дѣло, если бы издана была конституція. Кисель еще старался уговорить ихъ не потерять напрасно такого большого съѣзда, на который бѣдные священники ѣхали изъ дальнихъ странъ. Но здѣсь пришлось прекратить совѣщанія, такъ какъ пришли послы изъ города, отъ духовенства и отъ козаковъ, что они давно уже ждутъ (соборнаго засѣданія) и удивляются, что ихъ еще нѣтъ.

Поѣхали на соборъ, но къ сожалѣнію, это засѣданіе, гдѣ іерархія, подъ давленіемъ общаго настроенія и еще болѣе вѣроятно—козачества, рѣшила отказаться отъ собора—для насъ осталось закрытымъ. Когда былъ приглашенъ Кисель, онъ засталъ дѣло уже оконченнымъ. Древинскій и Зизаній Тустановскій отъ имени обоихъ колъ заявили ему, что соборъ требуетъ присутствія шляхты, такъ какъ священники вѣдаютъ только духовныя дѣла, а тутъ дѣло сложное, затрагиваетъ „оба права“ (духовное и публичное), духовенство держится вольностями шляхетскими, а шляхта не явилась, да еще и преградила дорогу своей протестаціей, поэтому приходится мысль о соборѣ оставить. Послѣ этого заявленія всталъ Могила и призывалъ присутствующихъ въ свидѣтели того, что онъ стоялъ за синодованіе; то же самое заявили депутаты виленскаго братства и даже попросили у Киселя письменнаго удостовѣренія. Затѣмъ все духовное коло устами Борецкаго выразило свое сожалѣніе по поводу того, что напрасно упущенъ такой удобный случай, издавна желанный моментъ, и напрасно пропали старанія и расходы бѣднаго духовенства и прочихъ людей, истраченные ими на дорогу. Въ такомъ духѣ занесено было потомъ и въ акты заявленіе духовнаго кола, что безъ участія шляхты и безъ вѣдома своего главы патріарха духовенство при всемъ своемъ желаніи не могло осуществить собора [1]).

По словамъ Киселя, онъ видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ убогихъ священниковъ просто плакали, не имѣя денегъ даже на обратный путь и видя всѣ старанія пропавшими напрасно, но за то „упорные“ радовались, что соборъ „разорвался“ и подчеркивали, что безъ вѣдома патріарха соборъ не могъ состояться.

Офиціально вся отвѣтственность была возложена на шляхту, на ея уклоненіе; въ такомъ духѣ Кисель занесъ свое заявленіе въ акты [2]) и въ своей реляціи свидѣтельствуетъ, что духовенство „желало синодовать“. Что касается возможныхъ результа-

---

[1]) Въ сборн. Жуковича с. 21. [2]) Отрывки у Голубева I с. 368.

товъ соборныхъ совѣщаній, Кисель, разспрашивая Борецкаго и Могилу, пришелъ къ тому убѣжденію, что православные могли бы признать допустимымъ римское ученіе о св. Духѣ, о евхаристіи, чистилищѣ (только безъ „матеріальнаго огня"), но сами остались бы при своихъ традиціонныхъ формулахъ; готовы признать старшинство папы въ теоріи, но никоимъ образомъ не согласятся перейти подъ его власть, минуя патріарха[1]).

„Разрывомъ" кіевскаго собора убитъ былъ и вопросъ объ общемъ львовскомъ соборѣ; не только свѣтскіе православные, но и духовенство заявило, что въ немъ участія взять не можетъ. Кромѣ заявленій, сдѣланныхъ на соборѣ передъ королевскимъ комиссаромъ, отправлено было къ королю посольство—изъ духовныхъ были выбраны Ѳеофанъ Боярскій, священникъ братской львовской церкви, и Петроній Рищевскій, изъ свѣтскихъ войскій браславскій Андрей Шандеровскій. Они должны были пояснить королю, что православные думали на этихъ соборахъ уладить съ уніатами имущественные вопросы—споры относительно церковныхъ имѣній, а не вопросы вѣры—относительно уніи и послушанія папѣ,—ибо эти вопросы могутъ быть улажены только по соглашенію съ патріархами, иначе произошли бы еще большія замѣшательства, какъ то случилось съ введеніемъ уніи безъ согласія патріарховъ. Поэтому, а также въ виду назначенія комиссаромъ католика и принимая во вниманіе протесты львовскаго епископа и братствъ, православные не могутъ явиться на львовскій соборъ [2]).

Этотъ отказъ православныхъ неожиданно сослужилъ службу уніатской іерархіи, потому что въ послѣднюю минуту, совершенно непредвидѣнно, нунцій и курія высказались рѣшительно противъ совмѣстнаго, уніатско-православнаго собора, и въ добавокъ свое запрещеніе желали сохранить въ тайнѣ [3]). Уніаты попали въ самое затруднительное положеніе и только открытое уклоненіе православныхъ давало имъ возможность съ честью выйти изъ затрудненія.

Уніатскій епископатъ, съѣхавшійся передъ тѣмъ на своемъ частномъ соборѣ во Владимирѣ [4]), явился и во Львовъ. Такъ

---

1) Реляція Киселя въ сборникѣ Жуковича с. 8—14.

2) Рукопись Кишки l. c. с. 289—90. 3) Письма Рутскаго въ Запискахъ l. c. № 9 и 10.

4) О немъ краткая запись въ актахъ митрополитанскаго архива—въ сборникѣ Жуковича с. 20.

какъ изъ православныхъ никто не пріѣхалъ, Заславскій, какъ королевскій комиссаръ, дважды посылалъ къ мѣстнымъ братчикамъ, приглашая ихъ прибыть въ замковую каплицу на совѣщаніе, но братчики уклонились, ссылаясь на то, что для этого не имѣютъ никакихъ инструкцій отъ своихъ старшихъ. Тогда Заславскій поспѣшилъ констатировать отсутствіе православныхъ и закрыть соборъ.

Три дня спустя прибыло нѣсколько православныхъ, въ томъ числѣ Древинскій, кн. Александръ Пузына и два виленскихъ монаха, и „въ исполненіе королевскаго универсала“ явились на соборъ. Въ виду той позиціи, какую заняли православные въ Кіевѣ, они заявили, что о предметахъ вѣры не могутъ разсуждать, такъ какъ это дѣло ихъ духовнаго главы, константинопольскаго патріарха; если уніаты хотятъ притти съ ними къ соглашенію, пусть исходатайствуютъ у короля разрѣшеніе на пріѣздъ патріарха въ Польшу; впрочемъ свою роль на львовскомъ соборѣ они считали ролью референтовъ: узнать, о чемъ тамъ уніаты совѣщаются, и затѣмъ передать это для обсужденія своимъ. Разумѣется, уніаты заявили, что этимъ устраняется самая идея соборнаго соглашенія.

Дѣло окончилось разными проявленіями внѣшней терпимости или вѣжливости. Уніатскіе епископы съ процессіей пришли къ братской церкви, были приняты братскимъ духовенствомъ, затѣмъ приглашены были братскимъ священникомъ о. Боярскимъ на закуску. Когда во время ея Смотрицкій высказалъ по адресу православныхъ пожеланія, „чтобы вы, отцы, были нами, а мы вами, и всѣ вмѣстѣ шли однимъ путемъ“, а Древинскій началъ выяснять позицію православныхъ въ этомъ отношеніи, братскій священникъ поспѣшилъ затушевать этотъ щекотливый разговоръ, высказавъ сочувствіе пожеланіемъ Смотрицкаго. Православные, очевидно, дѣлали все возможное, чтобы деликатно выйти изъ соборной аферы, въ которую замѣшались такъ неосторожно, чтобы не оскорбить короля, назначившаго эти соборы съ ихъ согласія. Но никакихъ реальныхъ уступокъ въ смыслѣ религіознаго компромисса не сдѣлали.

Въ какомъ направленіи желали и ожидали отъ нихъ этихъ уступокъ католическо - уніатскіе круги, объ этомъ даетъ понятіе проэктъ формулы соглашенія, сохранившійся случайно въ актахъ львовскаго братства съ 1629 годомъ, безо всякихъ болѣе по-

дробныхъ поясненій—можетъ быть принесенный съ львовскаго собора братскими делегатами [1]).

Ученіе о происхожденіи св. Духа признается безразличнымъ: люди греческаго обряда придерживаются своей формулы, католики своей, и одни другихъ не должны укорять ересью въ этомъ вопросѣ. Православные должны принять догматъ о чистилищѣ, но при этомъ не обязаны вѣрить въ очищеніе огнемъ; должны также вѣрить въ блаженство праведныхъ душъ передъ страшнымъ судомъ. Католики не должны отрицать правосильности таинствъ Восточной церкви и ея іерархіи. Русь должна признать первенство папы и его главенство надъ церковью. Главенство константинопольскаго патріарха надъ русской церковью остается въ силѣ, но при условіи, чтобы каждый новый патріархъ доказалъ польскому правительству, что онъ правильно избранъ и право вѣруетъ, въ доказательство чего долженъ прислать свое исповѣданіе вѣры.

Въ общемъ какъ видимъ, это не особенно отличалось отъ того, что Кисель слышалъ въ Кіевѣ отъ іерарховъ, какъ о возможной формулѣ соглашенія. Наиболѣе конкретнымъ было различіе въ взглядахъ на отношенія къ папѣ и патріарху.

Условія признанія главенства патріарха, поставленныя съ уніатской стороны, ставили это главенство подъ большимъ знакомъ вопроса и очевидно служили только предисловіемъ къ настоящему предложенію — замѣны главенства константинопольскаго патріарха особымъ патріархатомъ для православныхъ (и уніатовъ также) Польско-литовскаго государства, — идею, которую развивалъ Смотрицкій въ своемъ „Паренезисѣ“ и въ предсоборныхъ переговорахъ усиленно пропагандировалъ также Рутскій. На случай если бы не удалось осуществить объединенія православныхъ съ уніатами въ цѣломъ, въ смыслѣ полнаго сліянія этихъ двухъ церквей, уніаты желали собственно извѣстной религіозной толеранціи: чтобы унія не подвергалась преслѣдованіямъ тамъ, гдѣ православные имѣли перевѣсъ (въ сферѣ козацкихъ вліяній), и каждый могъ переходить въ унію безъ препятствій со стороны православной іерархіи [2]). На это, очевидно, готова была согласится православная іерархія, но провести этого ей не удалось.

---

[1]) П. Могила I приб. 67.

[2]) Ср. письмо Корженевскаго къ Борецкому ibid. № 66.

Такимъ образомъ планы компромисса еще разъ разбились о позицію не іерархіи, а общества, руководившагося болѣе инстинктомъ національнаго, чѣмъ религіознаго самосохраненія—инстинктомъ темнымъ, но вѣрнымъ. Православная іерархія остановилась на этотъ разъ, въ виду предостереженій и угрозъ со стороны свѣтскаго общества—шляхты, братствъ, козачества. Остановилась на краю пропасти, готовой ее поглотить, не сдѣлавъ рѣшительнаго шага. Но ея уступчивость, склонность къ идеѣ компромисса, слишкомъ большая искательность у правящихъ круговъ были замѣчены православнымъ обществомъ и остались на ея счету.

Іерархія была оставлена подъ подозрѣніемъ. Въ 1631 г. монахи изъ Новгорода Сѣверскаго разсказывали въ Москвѣ, что теперь „въ Кіевѣ за христіанскую вѣру стоитъ одинъ только лубенскій епископъ Исаія (Копинскій), и козакамъ запорожскимъ напоминаетъ, чтобы за вѣру христіанскую стояли твердо“. „А въ Печерскомъ монастырѣ архимандритъ кіевскій“—прибавляли они о Могилѣ — „тотъ поддается Ляхамъ, на лядскую вѣру, и стоитъ противъ козаковъ съ Ляхами“ [1]). Православный полемистъ Евстафій Кисель, выпустившій въ это время свою книгу противъ Апологіи, посвятилъ ее Могилѣ съ довольно кислой похвалой, что онъ „хотя и одобрялъ сперва планы, описанные въ Апологіи (религіозное соглашеніе), но отступилъ отъ нихъ“. Комплиментъ, повторяю, довольно кислый, и инцидентъ съ Могилиной коллегіей, основанной имъ въ этомъ году и затѣмъ сейчасъ же упраздненной, т. е. присоединенной къ братской школѣ, вслѣдствіе слуховъ, какіе пошли „отъ неученыхъ поповъ и козаковъ“,— что въ ней учатъ уніаты и вводятъ латинскую и польскую науку во вредъ православію [2]), этотъ инцидентъ лучше всего показываетъ, какъ подозрительно настроено было мѣстное православное общество по отношенію къ своей іерархіи послѣ того, какъ она приложила свои руки къ уніоннымъ планамъ 1628—9 гг.

Но, конечно, еще большую подозрительность и недовѣріе вызывали со стороны украинскаго общества и козачества тѣ сферы, откуда вышли эти искушенія для православныхъ — клерикальные и правительственные круги польско-католическіе и уніатскіе. Агрессивные планы и старанія по отношенію къ православной церкви, обнаружившіеся съ ихъ стороны въ этихъ соборныхъ

---

[1]) Акты Москов. госуд. I с. 315—16.
[2]) Объ этомъ выше с. 138—140.

совѣщаніяхъ, переговорахъ съ іерархіей и т. п., заставляли всѣхъ заинтересованныхъ съ особеннымъ вниманіемъ и подозрительностью присматриваться къ ихъ дальнѣйшимъ шагамъ послѣ неудачнаго окончанія этихъ соборныхъ плановъ, провидя въ нихъ слѣды новыхъ интригъ. И когда непосредственно послѣ неудачнаго финала львовскаго собора двинулось на Украину польское войско на лежи, забираясь въ далекіе ея концы, непривычные къ такимъ гостямъ и крайне недовольные ими,—на почвѣ общаго недовольства этими квартирами, столкновеніями съ разнузданнымъ солдатствомъ, его своеволіями и насиліями, встревоженное и подозрительно настроенное воображеніе православныхъ начало плести сѣть различныхъ догадокъ и подозрѣній въ той же сферѣ религіозныхъ отношеній, взволнованной послѣдними событіями.

Къ сожалѣнію, въ рѣчи Конецпольскаго и въ переговорахъ его съ своевольнымъ козачествомъ находимъ только общія, лаконическія характеристики этого религіознаго возбужденія. Къ своевольному козачеству, по его словамъ, „подоспѣли письма отъ нѣкоторыхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, извѣщавшія, что ихъ вѣру искореняютъ, церкви отбираютъ, и умолявшія ихъ постоять за вѣру“ [1]). Съ своей стороны козачество агитируетъ среди украинскаго населенія, подымая массы народа „подъ предлогомъ нарушенія религіи“ [2]). Такъ упрекалъ козаковъ Конецпольскій, и они признавались, что они дѣйствительно разсылали универсалы по Украинѣ и подымали населеніе въ защиту вѣры—вслѣдствіе извѣстій „отъ нѣкоторыхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, что они не только слышали въ сосѣднихъ городахъ, но и на себѣ въ Кіевѣ это испытали въ прошломъ году, когда имъ въ церквяхъ запрещали богослуженіе, и братская церковь была окровавлена панами жолнерами, стоявшими въ Кіевѣ—вслѣдствіе этого и собрался народъ“ [3]).

Записки современника, кіевскаго монаха о войнѣ 1630 г. (въ т. наз. Львовской лѣтописи) передаютъ нѣкоторые изъ этихъ слуховъ, ходившихъ тогда въ Кіевѣ и на Украинѣ. Говорили, что солдатъ нарочно расквартировали на этотъ разъ въ восточной Украинѣ, по обѣимъ сторонамъ „за Днѣпромъ, гдѣ никто не помнитъ, чтобы стояли“, для того чтобы искоренить православныхъ—„абы впродъ козаковъ, а затымъ въ вшиткой Украѣ-

---

[1]) См. выше с. 391.
[2]) Жерела VIII с. 345, Кулиша Матеріалы с. 308
[3]) Жерела VIII с. 347.

нѣ Русь выстинали аж до Москви". Объ этомъ солдаты сами проболтались выпивши, „подъ добрую мысль", а нѣкоторые Русины изъ нихъ изъ расположенія разсказали отцу митрополиту. „За певно повѣдано его милости отцу архимандриту (Могилѣ), же унѣтове, що презъ килька лѣтъ южъ пѣнязѣ збирали на школы рекомо, теды тыѣ пѣнязѣ послали до его милости п. гетмана" (Конецпольскаго) [1]).

Въ польскихъ кругахъ разсказывали не болѣе не менѣе, что козаковъ взбунтовалъ никто иной, какъ Могила, „утверждая, что все войско прусское идетъ на Украину, чтобы искоренить козаковъ и благочестивую вѣру" [2]).

Когда въ этой удушливой атмосферѣ по Украинѣ разнесся слухъ о конфликтѣ козаковъ нереестровыхъ съ реестровыми, религіозные мотивы начали сейчасъ же примѣшиваться къ этому столкновенію. О Грицькѣ Чорномъ разсказывали, что онъ присягнулъ на унію и самъ признался въ этомъ передъ смертью; или, какъ передаетъ эти слухи другой источникъ—что онъ поклялся Полякамъ искоренить благочестивую вѣру и козацкое имя [3]). Тотъ же религіозный характеръ придавался различнымъ кровавымъ сценамъ солдатскихъ своеволій. „Передъ Пасхой челядника митрополита на куски разрубили и трехъ подданныхъ" — изъ этого уже выростаютъ слухи, что будутъ рѣзать „благочестивыхъ" поголовно, избивать всѣхъ—„быле бы тилко Русинъ былъ", и война сразу пріобрѣтала характеръ религіозный, священной войны. Козаки разсылали универсалы, призывая всѣхъ подниматься на защиту благочестивой вѣры. О Конецпольскомъ разсказываетъ современникъ, что когда онъ шелъ за Днѣпръ на козаковъ, кіевскіе доминиканы „саблю ему посвятили и вокругъ костела носили и во время всего богослуженія она лежала на олтарѣ, съ тѣми словами, что это на поганство, на Русь, чтобы ее искоренить" [4]). Правда ли это была или неправда—достаточно того, что такъ разсказывали въ современномъ Кіевѣ. Война была „противъ благочестія" и „противъ Руси" и эти взгляды на войну 1630 г., какъ на войну религіозную, такъ были распространены въ православныхъ кругахъ, что даже въ Константинополѣ, когда поль-

---

[1]) Львовская лѣтоп. подъ год. 1630.

[2]) Piasecki с. 499 і Pamiętniki do panowania Zygmunta III т. I с. 154.

[3]) Львов. лѣтоп., Пясецкій і Pamiętniki тамъ же.

[4]) Львовская лѣт. l. с.

скій посолъ пробовалъ убѣдить турецкое правительство, что польское войско было послано на козаковъ, чтобы наказать ихъ за вмѣшательство въ крымскія дѣла, его безъ церемоніи уличали во лжи, говоря, что война въ дѣйствительности велась „за вѣру“ [1].

Правительство и его представителей все это захватило совершенно врасплохъ. Тамъ не ожидали вообще никакихъ другихъ хлопотъ на Украинѣ, кромѣ татарскихъ наѣздовъ да козацкихъ походовъ на море. Новому блюстителю украинскаго пограничья, посланному вмѣсто стараго Хмелецкаго (умершаго какъ разъ въ началѣ 1630 г.), Ал. Песочинскому Конецпольскій рекомендовалъ остерегаться Татаръ, и онъ потребовалъ себѣ на помощь тысячу козаковъ. По поводу Турокъ король издалъ универсалъ ко всему козачеству въ концѣ февраля ст. ст.: писалъ, что до него дошли слухи о намѣреніяхъ козаковъ идти на Черное море, въ виду этого онъ строго приказываетъ воздержаться отъ всякихъ столкновеній съ Турками, чтобы не нарушить трактатовъ, и вообще вести себя мирно[2]).

Все вниманіе сосредоточено было на незаплаченныхъ „жолдахъ“ войску—обычномъ эпилогѣ каждой значительной кампаніи Польши. Полковники сидѣли по домамъ и разсчитывались съ кредиторами „послѣ такой продолжительной, многотрудной и дорогой войны“, а Конецпольскій, снесшись съ турецкими пашами и убѣдившись, что оттуда не грозитъ ничего опаснаго, собрался отдохнуть и полѣчиться, ожидая совершенно спокойнаго года. Вмѣсто того передъ самымъ праздникомъ Пасхи по католическому календарю, въ серединѣ марта с. ст. онъ получилъ извѣстіе о столкновеніи нереестроваго козачества съ реестровымъ.

То, что мы знаемъ о самой формѣ, въ которую вылился этотъ конфликтъ, и его подробностяхъ—знаемъ только отъ Конецпольскаго, изъ его сеймовой рѣчи [3]), и было бы напраснымъ трудомъ, за отсутствіемъ другихъ источниковъ, пытаться внести существенныя поправки въ нарисованную имъ картину. Выписка, начатая Гр. Чорнымъ вмѣстѣ съ польскими комиссарами, раздражила Запорожцевъ и побудила ихъ къ агресивнымъ выступленіямъ противъ законопослушнаго козачества. Мѣсто болѣе сдержаннаго Лев-

---

[1]) Извлеченія изъ реляціи посла Песочинскаго у Жуковича VI с. 70.

[2]) Жерела VIII ч. 213. [3]) См. выше с. 388 и сл.

ка Ивановича занялъ болѣе рѣзкій Тарасъ Федоровичъ. На послѣднее приглашеніе Чорнаго—явиться съ артиллеріей изъ Запорожья на волость, Тарасъ отвѣтилъ, что готовъ исполнить его волю и идетъ съ артиллеріей на Украину. Но вслѣдъ за тѣмъ, въ половинѣ марта, высланный имъ отрядъ схватилъ Чорнаго, препроводилъ его къ Тарасу, и здѣсь, въ присутствіи войска, при арматѣ Чорнаго судили, присудили къ смертной казни и немедленно привели приговоръ въ исполненіе.

Къ сожалѣнію не имѣемъ мотивовъ приговора—исходили ли они изъ чисто козацкихъ только отношеній—предательскаго союза Чорнаго съ польскимъ правительствомъ въ ущербъ козацкимъ интересамъ, или присоединились къ этому и религіозные мотивы, сообщенные въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ—что Чорный вошелъ въ соглашеніе съ Поляками и уніатами противъ православной вѣры. Конецпольскій представляетъ дѣло такъ, что религіозные мотивы явились позже и отклонили Запорожцевъ отъ ихъ первоначальнаго намѣренія—покончивъ съ Чорнымъ и его товарищами, возвратиться на Запорожье. Это вполнѣ возможно; но корсунскій погромъ, отдѣленный у Конецпольскаго отъ кровавой расправы надъ Чорнымъ, во всякомъ случаѣ надо непосредственно связать съ нею.

Когда извѣстіе о нападеніи на Чорнаго и его кровавомъ концѣ распространилось среди реестроваго козачества, большая часть его укрылась подъ защиту короннаго войска, находившагося въ Корсунѣ. Здѣсь стояло нѣсколько хоругвей изъ полка воеводича браславскаго Потоцкаго и каштеляна галицкаго Казановскаго, и къ нимъ собралось около трехъ тысячъ реестровыхъ. Запорожцы требовали, чтобы Поляки выдали имъ реестровцевъ, въ особенности старшину, а сами вышли изъ своихъ лежъ за предѣлы козацкой территоріи, за Бѣлую Церковь. Поляки отвѣтили на это рѣзко, заявивъ, что ни въ какомъ случаѣ не выдадутъ вѣрныхъ королю козаковъ, и изъ лежъ, назначенныхъ властями, не выйдутъ — пусть лучше козаки исполняютъ свои обязанности по отношенію къ королю и Рѣчи Посполитой. Запорожцы, получивъ такой отвѣтъ, „въ тотъ же часъ" двинулись на Корсунь, и въ самый день православнаго Благовѣщенія подошли къ городу. Польское войско, хотя чувствовало себя плохо безъ своихъ полковниковъ, приготовилось защищаться и открыло бой. Но тутъ большинство реестровыхъ козаковъ, увидѣвъ перевѣсъ Запорожцевъ, начало переходить къ нимъ, покинувъ старшину. А корсунскіе мѣщане начали изъ своихъ домовъ, изъ оконъ палить изъ ружей съ ты-

лу по польскимъ солдатамъ, такъ докучившимъ имъ за время этихъ лежъ. Очутившись въ такомъ положеніи, солдаты съ большими потерями начали выходить изъ города, оставивъ все и спасая лишь жизнь. Козаки не стали ихъ преслѣдовать, а занялись раздѣломъ добычи, доставшейся имъ послѣ солдатъ и шляхты, убѣгавшей изъ города вмѣстѣ съ солдатами [1]).

Это было объявленіе войны. Конецпольскій не помнилъ себя отъ гнѣва при извѣстіи объ этомъ погромѣ. „Признаюсь въ томъ, найяснѣйшій милостивый король“,—говорилъ онъ въ своей позднѣйшей рѣчи, „что меня неслыханно поразило это своеволіе, поразило оскорбленіе величества вашей королевской милости, произведенное убійствомъ старшаго, поданнаго вашей королевской милостью; поразила очевидная опасность Рѣчи Посполитой, поразило нападеніе на войско вашей королевской милости, находящееся подъ моимъ начальствомъ, и поразило меня такъ, что хотѣлъ бы и не жить на свѣтѣ съ этими разбойниками, еслибъ это было возможно“. Исходъ своему настроенію онъ далъ въ универсалахъ къ украинской шляхтѣ, составленныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ вѣстей 28 марта ст. с. и призывавшихъ ее прибывать къ коронному войску, „гасить хлопской кровью этотъ огонь“ [2]).

Съ своей стороны козачество разослало по Украинѣ свои универсалы, призывая всѣхъ къ своему войску — кто былъ когда-нибудь козакомъ или хотѣлъ бы имъ быть, чтобы всѣ прибывали къ войску, спасать вѣру благочестивую отъ лядскихъ замысловъ, пріобрѣтать козацкія вольности. Среди этой тревоги и общаго раздраженія, въ которыхъ жило и безъ того украинское населеніе, благодаря вышеуказаннымъ обстоятельствамъ, универсалы эти встрѣчали широкое сочувствіе. Поднималось крестьянство, разгоняя шляхту, „начинали собираться отовсюду люди“ [3]), и въ короткое время козацкое войско возросло до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ [4]).

Какъ ни порывался Конецпольскій расправиться съ козачествомъ, прежде всего нужно было для этого собрать войско. Поэтому онъ поручилъ спѣшить къ войску „пану стражнику коронному“ Самуелю Лащу, такъ какъ онъ жилъ недалеко, имѣя

---

[1]) Рѣчь Конецпольскаго,—см. выше с. 391, ср. Архивъ Ю. З. Р. III I ч. 85 (здѣсь и день нападенія, 4 апрѣля н. ст.).

[2]) Архивъ Ю З. Р. Ш. I № 80. [3]) Львовская лѣт. l. с.

[4]) Рѣчь Конецпольскаго, см. выше.

во владѣніи м. Макаровъ, на кіевскомъ Полѣсьи, а за нимъ итти каштеляну каменецкому Стан. Потоцкому и старостѣ калушскому Жолкевскому. По словамъ Конецпольскаго они имѣли отъ него порученіе „не упускать случая уладить дѣло безъ кровопролитія, еслибы такой случай представился", но грозный гетманъ говорилъ это передъ людьми, и безъ того ставившими ему въ упрекъ, что онъ не постарался избѣгнуть столкновеній и кровопролитій, и не легко повѣрить, чтобы онъ, самъ горя желаніемъ „угасить кровью этотъ огонь", дѣйствительно и серьезно давалъ такія миролюбивыя инструкціи своимъ помощникамъ. Впрочемъ никакого миролюбія они во всякомъ случаѣ не проявили: по словамъ Конецпольскаго, козаки „какъ начали по непріятельски поступать съ войскомъ королевскимъ, такъ и затѣмъ не переставали, а панъ стражникъ коронный, со своими небольшими силами (войско еще не собралось и паны еще не съѣхались) отплачивалъ имъ взаимно". Тогда завязалась мелкая, партизанская война, въ которой дѣйствительно и рыцари польской культурности и козацкіе „лотры", какъ ихъ называлъ коронный гетманъ, взаимно отплачивали другъ другу, въ стилѣ и вкусѣ пана короннаго стражника.

Интересна эта фигура пана стражника, правой руки гетмана и его довѣреннаго, порожденіе шляхетско-солдатскаго польскаго произвола въ этихъ изъятыхъ изъ дѣйствія права и закона „кресахъ" (пограничьяхъ) польской Рѣчипосполитой. Позднѣйшія преданія и анекдоты разукрасили его фигуру различными полулегендарными подробностями, и потому намъ будетъ интереснѣе выслушать характеристику этого героя 1630 г. изъ устъ сосѣда шляхтича, написанную по случаю погрома, устроеннаго сосѣдней шляхтой надъ Лащемъ, когда не стало его покровителя гетмана Конецпольскаго (1646):

„17 октября (былъ походъ) по причинѣ несправедливостей, нестерпимыхъ издѣвательствъ, беззаконій и грабежей на его м. п. стражника короннаго Самуеля Лаща, который ни Бога не помнилъ, ни права публичнаго не боялся, ни людей уважаемыхъ не стыдился — на шляхетскія имѣнія наѣзжалъ и на дома, совершалъ насилія, убивалъ, рубилъ носы и уши, забиралъ силой дѣвушекъ и вдовъ, отдавая своимъ разбойникамъ, которые находились при немъ для разбоевъ и грабежа: негодяи, банниты (лишеннные правъ), Волохи, Татары, разбойники, злодѣи—честнаго человѣка и не спрашивай, а при немъ все время находилось нѣсколько сотъ людей. Они и дорогу въ Кіевъ заградили и изъ-

за разбоевъ и грабежей никто по дорогамъ уже не ѣздилъ. Было на немъ приговоровъ къ банниціи 236, къ инфаміи за различные преступленія 38, но во всѣхъ своихъ проступкахъ и пакостяхъ имѣлъ онъ великаго защитника своихъ разбоевъ и наѣздовъ—е. м. п. каштеляна краковскаго гетмана Конецпольскаго, охранявшаго его войсковыми экземптами [1]) и такимъ образомъ оказывавшаго этому негодяю, безбожному человѣку всякую льготу, и онъ ни во что не ставилъ князей, пановъ и воеводъ. Менѣе знатныхъ шляхтичей убивалъ, нападая изъ-за пустяковъ; насилованіе женщинъ, паннъ, дѣвушекъ, всяческій грабежъ—все это сходило ему. Если кто начиналъ съ нимъ судиться, то долженъ былъ отказаться отъ жены и дѣтей и убѣгать пока живъ. Съ князьями Вишневецкими, Корецкимъ, кіевскимъ воеводой Тышкевичемъ велъ постоянныя войны—насылалъ на ихъ имѣнія, грабилъ, захватывалъ, разорялъ—болѣе десятка лѣтъ. Лишь когда не стало гетмана и его экземпты потеряли силу—сейчасъ же по декрету трибунальскому е. м. п. воевода (кіевскій) со всѣмъ воеводствомъ, со шляхтой—могло ея быть до 12 тысячъ—наѣхалъ на Макаровъ и заставъ тамъ одну только жену Лаща съ дѣтьми, упавшихъ къ его ногамъ съ мольбой о милосердіи,—даровалъ ей жизнь и ничего не взялъ, но изъ Макарова изгналъ; самъ же Лащъ, зная объ этомъ, убѣжалъ за нѣсколько дней заранѣе“ [2]).

Вотъ такой то господинъ получилъ отъ Конецпольскаго порученіе заняться козачествомъ до его прихода. Можемъ себѣ представить, что онъ началъ тамъ выдѣлывать. Современнникъ-кіевлянинъ, столько разъ цитированный нами, какъ отголосокъ того, что говорилось въ современномъ Кіевѣ, разсказываетъ въ своей лѣтописи, что Лащъ, идя со своею компаніею подъ Кіевъ, вырѣзалъ цѣликомъ мѣстечко Лысянку, захвативъ людей въ церкви, подъ самую православную Пасху: „вшитко вистиналъ, якъ мужовъ такъ и женъ, такъ и дѣтей въ церкви будучихъ, и попа съ ними“. „И по дорогѣ убивали людей ни въ чемъ невиновныхъ—лишь бы былъ Русинъ“ [3]). Другой подобный случай

---

[1]) Такъ назывались распоряженія, задерживавшія исполненіе судебныхъ рѣшеній на время какой либо важной нужды.

[2]) Ерлича Łatopisiec I с. 49—50. О Лащѣ статья пок. Ролле—см. выше с. 329.

[3]) Пок. Кулишъ, выступая въ защиту Поляковъ противъ козачества въ своихъ послѣднихъ трудахъ, объявилъ этотъ разсказъ козацкимъ вымысломъ (Отпаденіе, Украинскіе козаки). Но что

произошелъ будто бы въ м. Дымерѣ, гдѣ солдаты также, какъ разсказываетъ тотъ же современникъ, вырѣзали все мѣстечко поголовно. Поголовно или не поголовно, эти извѣстія рисуютъ намъ тогдашнія отношенія и атмосферу на Украинѣ. Со своей стороны козаки и украинскіе повстанцы отплачивали тою же монетою — громили расквартированныя польскія войска, гдѣ только могли захватить. „Нападали на королевскія хоругви, расположенныя на зимнія квартиры, особенно на хоругви Лаща, Лянцкоронскаго и Слядковскаго, много людей перебили, а остальныхъ принудили уйти въ другія мѣста и весь ихъ обозъ разграбили“ — какъ записываетъ современникъ Полякъ [1]).

Среди этой партизанской войны, немного спустя превратившейся во внушительную часть кампаніи и заполнившей весь мѣсяцъ апрѣль ст. ст., козацкое войско отправило посольство къ Конецпольскому. О немъ имѣемъ до сихъ поръ только краткое упоминаніе въ его сеймовой рѣчи.

Вѣроятно, войско по своему обыкновенію оправдывалось въ послѣднихъ событіяхъ, просило простить допущенные эксцессы, но одновременно условіемъ прекращенія теперешняго движенія ставило очень большія требованія. Судя по словамъ Конецпольскаго [2]), эти требованія были аналогичны съ условіями, какія ставили козаки въ позднѣйшихъ переговорахъ кампаніи. Они требовали выдачи имъ реестровиковъ, остававшихся при коронномъ войскѣ, и добивались уничтоженія куруковской ординаціи, такъ

подобные эпизоды дѣйствительно имѣли мѣсто, въ этомъ не оставляетъ сомнѣнія глухое упоминаніе Конецпольскаго о Лащѣ (при всемъ его желаніи отклонить обвиненіе въ излишнихъ кровопролитіяхъ), что Лащъ за враждебныя выступленія козаковъ „отплачивалъ имъ взаимно“.

1) Пясецкій с. 499, тоже самое повторяютъ Pamiętniki do panow. Zygmunta III.

2) „Въ самый Баръ присылали затѣмъ часто, прося милосердія, но при этой просьбѣ ставились такія условія: 1) умерщвленіе Грицька Чорнаго оправдывали, не считая его своимъ старшимъ; 2) усиленно настаивали на наказаніи находившихся при войскѣ в. к. м. (реестровой старшины), называя ихъ измѣнниками; 3) требовали отмѣны куруковской комиссіи цѣликомъ, какъ вынужденной у нихъ насиліемъ“. Дѣйствительно, эти условія въ общихъ чертахъ подходятъ довольно близко къ козацкимъ условіямъ, поставленнымъ потомъ, въ послѣдней стадіи переговоровъ — Жерела, VIII № 216.

какъ она была вынуждена у козачества насиліемъ, угрозами, оружіемъ.

Конечно, такія требованія козачества Конецпольскій съ гнѣвомъ отвергъ, пуская мимо ушей всѣ совѣты короля (а вѣроятно и другія подобныя увѣщанія)—искать „соотвѣтственныхъ способовъ успокоенія безъ пролитія крови“ [1]). Упоминая въ своей позднѣйшей рѣчи, что „нѣкоторые по незнанію дѣла, другіе по враждѣ обвиняютъ его, что козаки присылали къ нему, а онъ не пришелъ съ ними къ соглашенію безъ пролитія крови“, онъ восклицаетъ: „Могъ ли я похвалить ихъ за это и отмѣнить то, что утвердили король и Рѣчь посполитая—пусть признаетъ это наибольшій врагъ мой, лишь бы судилъ онъ не подъ вліяніемъ нерасположенія. Слыша, что они не только не отступаютъ отъ своего враждебнаго поведенія, но чѣмъ дальще, тѣмъ осмѣливаются на все болѣе тяжкіе проступки, а въ будущемъ обѣщаютъ еще худшее (стыдно даже вспомнить объ этомъ!), я бросился противъ нихъ, даже не приготовившись, какъ слѣдовало бы должностному лицу вашей корол. милости, и не съ такими силами, и большими переходами поспѣшилъ къ Днѣпру“.

Затрудненіе заключалось въ томъ, что главная часть военныхъ контингентовъ, вслѣдствіе неуплаты жалованія, вышла изъ подъ всякаго вліянія гетмана. Именно въ этотъ моментъ онъ долженъ былъ ѣхать во Львовъ для расплаты съ ними; вмѣсто этого принужденъ былъ отправить къ нимъ письмо, прося потерпѣть съ полной уплатой и тѣмъ временемъ принять участіе въ кампаніи противъ козаковъ. При этомъ часть войска нужно было оставить въ Западной Украинѣ для защиты границъ отъ татарскихъ нападеній, такъ какъ съ этой стороны приходили тревожныя извѣстія. И нужно было спѣшить изо всѣхъ силъ, какъ для того, чтобы сдержать дальнѣйшее развитіе возстанія, такъ и потому, что остававшемуся на службѣ войску черезъ нѣсколько недѣль оканчивалась четверть, и оно ввиду неуплаты денегъ, не обнаруживало охоты продолжать службу. Поэтому пославъ къ королю реляцію съ просьбой разослать письма къ украинскимъ магна-

[1]) Письмо короля отъ 1 мая: „Не сомнѣваемся при томъ, что вѣрность ваша, если бы какіе либо соотвѣтственные способы привели ихъ къ успокоенію безъ пролитія крови, не будешь ими пренебрегать и покажешь суровость только надъ одними вожаками, такъ какъ прочіе могутъ пригодиться для какой либо услуги Рѣчипосполитой“.—Ркп. Публ. библ. Разн. F. IV № 104 с. 116.

тамъ, чтобы они поддержали гетмана своими полками и мобилизировали выбранецкую милицію, Конецпольскій уже 6 апрѣля с. с. двинулся на театръ войны, надѣясь, по обыкновенію, во время похода стянуть остальные контингенты [1]).

Во время кампаніи 1630 г. козачество находилось въ значительно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ въ другихъ—напр. въ кампаніи 1625 г. Главное козацкое войско успѣло заранѣе „выгребтись“ изъ Запорожья „на волость“, съ артиллеріей и всѣмъ необходимымъ. Затѣмъ въ продолженіи почти двухъ мѣсяцевъ оно оставалось господиномъ положенія на Украинѣ, имѣло возможность поднять для возстанія украинское населеніе, и безъ того въ высокой степени раздраженное расквартированіемъ польскаго войска, его своеволіемъ и разными столкновеніями съ нимъ. Пока польскія силы мобилизировались и стягивались на Украину, козацкое войско имѣло возможность увеличиться большими ново мобилизированными кадрами, выбрать позиціи, обезпечить сообщеніе, запастись всѣмъ необходимымъ.

Главной своей позиціей оно избрало Переяславль и здѣсь собрало свои главныя силы, когда польское войско начало сходиться къ Кіеву, а по Днѣпровскимъ берегамъ козаки расположили свои отряды, чтобы затруднить переправу Полякамъ.

Прибывъ въ Кіевъ и увидѣвъ положеніе вещей Конецпольскій, по его словамъ, сильно раздумывалъ, какъ ему быть. „Перейти Днѣпръ съ такимъ малымъ количествомъ, въ какомъ мы были тогда, безъ пѣхоты, безъ артиллеріи, было опасно, въ виду того что и тамошнія мѣста требовали скорѣе пѣшаго, чѣмъ коннаго войска, да и при такомъ маломъ числѣ трудно было рѣшиться, что дѣлать—атаковать непріятеля или поджидать людей подходившихъ за нами. Съ другой стороны казалось, что если не перейти Днѣпръ сейчасъ же, то переправиться позже было бы еще труднѣе, и даже едва ли возможно, такъ какъ они (козаки) укрѣпились бы еще больше и заняли всѣ переправы“. При томъ же польскому войску оставалось службы (до истеченія четверти) всего только двѣ недѣли, и оно заявляло, что сверхъ этого и часа не будетъ служить“.

---

[1]) Кромѣ его сеймовой рѣчи (см. выше) еще Архивъ Ю. З. Р. Ш. 6 № 80, 81, 83; рукоп. Публ. библ. Разн. IV. F. № 104 с. 113 об., 115, 121 об. (письма короля къ Конецпольскому).

А между тѣмъ изъ-за Днѣпра приходили тревожныя вѣсти. Конецпольскій увѣряетъ, что козачество имѣло намѣреніе „вести переговоры съ Москвой и отдать ей всѣ тамошніе края“, „и были вѣрныя вѣсти о московскомъ войскѣ“. Въ московскихъ источникахъ не имѣемъ извѣстій, которыя бы подтверждали чѣмъ либо конкретнымъ этотъ разсказъ о сношеніяхъ козаковъ съ Москвой; но при тогдашнихъ довольно напряженныхъ отношеніяхъ съ Москвой (которыя три года спустя дѣйствительно привели къ войнѣ), Конецпольскій въ самомъ дѣлѣ могъ опасаться какихъ либо осложненій и съ этой стороны. А и подавно, козачество, устроившись за Днѣпромъ, могло поискать помощи на Дону и взять въ свои руки все Заднѣпровье, какъ взяло позже во время возстанія Хмельницкаго.

Однако нашъ кіевскій очевидецъ говоритъ, что эти „делибераціи“ гетмана долго не продолжались. Прибывъ „зъ великимъ гнѣвомъ на козаки и на вшитку Русь“, онъ сейчасъ же началъ переправляться за Днѣпръ, подъ самимъ Кіевомъ, но сильно обжегся на этой переправѣ. Небольшой козацкій отрядъ, „зо сто коней шпиговъ“ (развѣдчиковъ), поймалъ „капитана нѣмецкаго“, котораго затѣмъ приставили къ козацкой артиллеріи и онъ очень пригодился козакамъ „при стрѣльбѣ“. Едва не поймали самаго гетмана, такъ что онъ долженъ былъ спасаться изъ-за Днѣпра въ Кіевъ.

Послѣ этого онъ дѣйствительно повелъ переправу съ большей „делибераціей“, и хотя „не безъ трудности и не малаго кровопролитія“, какъ говоритъ въ своей рѣчи,—все таки переправился за Днѣпръ. Здѣсь устроилъ окопы для своихъ пикетовъ, которые должны были стеречь переправу и обезпечивать польскому войску сообщеніе съ Кіевомъ и правымъ берегомъ, и затѣмъ подступилъ къ Переяславлю, гдѣ находилось главное козацкое войско, занимавшее самый городъ. Въ первыхъ числахъ мая ст. ст. Конецпольскій былъ уже подъ Переяславлемъ [1]) и, какъ кажется, пытался напасть на козацкій лагерь, но понесъ большія потери, ничего не добившись. По крайней мѣрѣ имѣемъ извѣстіе, что 7 (17) мая онъ понесъ большія потери въ битвѣ

---

[1]) Отъ 8 (18) мая имѣемъ уже универсалы Конецпольскаго изъ подъ Переяславля. Но 17 (27) мая король отвѣчаетъ еще на его реляцію изъ подъ Кіева.) Очевидно, Конецпольскій прибылъ подъ Переяславль незадолго до 8 (18) мая.

съ козаками, такъ что въ варшавскихъ кругахъ его сообщеніе приняли какъ извѣстіе о погромѣ польскаго войска [1]).

Въ недостаточности своихъ силъ для борьбы съ козацкимъ войскомъ Конецпольскій убѣдился еще раньше, и изъ Кіева сообщалъ королю разныя свои пожеланія относительно присылки новыхъ подкрѣпленій [2]). Но вѣроятно, только теперь, послѣ битвы подъ Переяславлемъ, увидѣлъ онъ все превосходство козацкихъ силъ надъ его средствами, и сейчасъ же послѣ битвы разсылаетъ новые универсалы по всей Украинѣ, призывая войска прибывать какъ можно скорѣе, чтобы покончить войну съ козаками [3]). По словамъ Путивльца Гладкаго козаки имѣли въ Переяславлѣ 37 тыс. войска, Конецпольскій восемь тысячъ „польскихъ и нѣмецкихъ людей и Черкасъ лучшихъ людей, которые отъ Черкасъ пристали къ Полякамъ". Этихъ „лучшихъ людей", т. е. реестровыхъ козаковъ, оставшихся при корониомъ войскѣ послѣ корсунскаго погрома, современникъ кіевлянинъ насчитываетъ у Конецпольскаго подъ Переяславлемъ двѣ тысячи. Но это былъ контингентъ довольно сомнительный, который при случаѣ могъ передаться къ Запорожцамъ, какъ передались нѣкоторые въ Корсунѣ; слѣдовательно, собственно польскаго войска было всего около шести тысячъ, и съ нимъ нужно было поддерживать и сообщеніе съ Правобережьемъ и вести борьбу съ козаками.

Война подъ Переяславомъ тянулась около двухъ недѣль [4]). Подробностей о ней имѣемъ очень мало. Московскій вѣстникъ Гладкій, свидѣтель компетентный, находившійся самъ въ осадѣ (и какъ человѣкъ, нарочно высланный для провѣдыванія московской администраціей, дававшій свои показанія въ полномъ сознаніи ихъ важности), говоритъ къ сожалѣнію очень лаконически— что за эти три недѣли „у польскихъ людей съ черкасскими

---

[1]) Письмо Сапѣгѣ изъ Варшавы — автогр. Публ. библ. № 221, л. 166.

[2]) 17 (17) мая король отвѣчаетъ на его требованія новыхъ контингентовъ—Ркп. Публ. библ. Разн. F. IV. № 104 л. 121 об.

[3]) Архивъ Ю. З. Р. Ш. I № 84.

[4]) Такъ говоритъ Гладкій: „сидѣли дѣ онѣ въ Переясловли съ Черкасы въ осадѣ отъ нольскихъ людей три недѣли" (Матеріалы Кулиша с. 316) и его показанія подтверждаютъ документальныя данныя: подъ Переяславль Конецпольскій пришелъ передъ 8 (18) мая, трактатъ съ козаками подписанъ 29 мая (8 іюня). Въ своей рѣчи Конецпольскій говоритъ о *нѣсколькихъ* недѣляхъ войны подъ Переяславлемъ.

людьми боевъ было много и въ этихъ бояхъ Черкасы Поляковъ побивали", а затѣмъ наступила рѣшительная битва и послѣ нея переговоры и договоръ. Конецпольскій во всѣхъ своихъ реляціяхъ исторію кампаніи описываетъ общими фразами, что польскому войску въ битвахъ съ козаками счастье служило, но козаки все таки продолжаютъ противиться. Онъ повторяетъ ихъ стереотипно съ самаго начала войны—когда кровавые подвиги Лаща и ему подобныхъ героевъ, за неимѣніемъ лучшаго, должны были обозначать эти успѣхи польскаго оружія надъ украинскимъ своеволіемъ, — и до конца, скромно заявляя въ своей позднѣйшей рѣчи, что онъ „не хочетъ созидать себѣ славы кровью королевскихъ подданныхъ, хотя бы и своевольныхъ" [1]). Достовѣрное извѣстіе Гладкаго, своимъ авторитетомъ подтверждающее въ общемъ и менѣе авторитетные разсказы нашего кіевскаго лѣтописца, объясняетъ такую странную несообщительность Конецпольскаго, а также и рѣзкую перемѣну въ настроеніи грознаго гетмана, такъ рвавшагося сначала „гасить кровью" козацкое возстаніе, а затѣмъ преисполнившагося чрезвычайнымъ миролюбіемъ и снисходительностью къ этимъ повстанцамъ [2]). Варшавскій корреспондентъ Сапѣгъ, передавъ реляцію Конецпольскаго о неудачной битвѣ 7(17) мая, позже сообщаетъ о неудачной битвѣ 14(24), которая окончилась для Поляковъ еще хуже, но прибавляетъ, что

[1]) Въ письмѣ 8 (18) мая варшавскій корреспондентъ Сапѣги такъ передаетъ извѣстія съ театра войны (очевидно, на основаніи реляцій Конецпольскаго): Козацкія банды на Украинѣ еще не усмирены окончательно, хотя кварцяное войско громило ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и отобрало у нихъ три города, силой выгнавъ ихъ оттуда (Ркп. Публ. библ., автографы № 221, т. I с. 162). Въ универсалахъ отъ 8(18) мая Конецпольскій извѣщалъ, что козацкое своеволіе, понесши нѣсколько разъ немалое пораженіе, всетаки опомниться не хочетъ (Архивъ Ю. З. Р. Ш. I с. 310). Въ письмѣ къ Конецпольскому король повторяетъ его реляцію отъ 17 (27) мая въ словахъ: „хотя ваша милость имѣетъ успѣхъ противъ козацкаго своеволія, все таки оно продолжаетъ упорствовать" (Ркп. Публ. библ. Разн. F. IV № 104 с. 107.

[2]) Въ своей рѣчи Конецпольскій говоритъ: „Наступивъ на этихъ своевольниковъ, находившихся уже подъ Переяславлемъ, я искалъ всяческихъ средствъ для окончанія дѣла безъ пролитія крови, ничего уже болѣе не требуя отъ нихъ, кромѣ выдачи того, кто былъ причиной такого большого волненія. Но соединенное съ глупостью упорство не хотѣло раскаяться въ своемъ поступкѣ, пока имъ не подрѣзали жилъ. Не хочу вспоминать тяжелыхъ тру-

письма Конецпольскаго держатся въ тайнѣ [1]). И въ дѣйствительности онъ, вѣроятно, не могъ похвалиться ни однимъ конкретнымъ успѣхомъ надъ козацкимъ войскомъ.

Однако среди этихъ битвъ подъ Переяславлемъ козаки не разъ, судя по словамъ Конецпольскаго, возобновляли свои предложенія въ духѣ указанныхъ выше условій: выдать предводителей реестровыхъ, предоставить амнистію участникамъ возстанія, отмѣнить куруковскую ординацію и санкціонировать statu quo козачества. Конецпольскій отвергалъ эти предложенія объ окончаніи войны соглашеніемъ, но ему приходилось все труднѣе. Солдаты требовали скорѣйшаго окончанія войны, такъ какъ служба ихъ уже оканчивалась. На новые контингенты было мало надежды. Въ письмѣ короля читаемъ, что солдаты требовали полной расплаты, иначе не хотѣли идти на войну — частичной уплатой не удовлетворялись [2]). Притомъ и сообщеніе съ правымъ берегомъ затруднялось или даже совсѣмъ прерывалось, такъ что небольшимъ отрядамъ войска нельзя было даже пробиться къ Конецпольскому.

По мѣрѣ того, какъ выяснялся перевѣсъ силъ козачества подъ Переяславлемъ, все грознѣе поднималась волна возстанія. Послѣ перехода польскаго войска за Днѣпръ поднимались и собирались все новые отряды возставшихъ и продолжали партизанскую войну съ Поляками, разбивая мелкіе отряды, направлявшіеся къ польскому войску или ходившіе за провіантомъ. Нашъ кіевскій лѣтописецъ, конечно, преувеличивая, говоритъ, что козаковъ подъ конецъ войны, „какъ разсказывали“, собралось до 100 тысячъ, и они „взяли моцъ“, отплачивая за звѣрства солдатъ, вродѣ рѣзни въ Лысянкѣ и Дымерѣ.

„Обозъ обозомъ, а здѣсь Поляковъ безъ числа ходитъ по

довъ нашихъ и кровавыхъ боевъ, продолжавшихся нѣсколько недѣль, такъ какъ не желаю созидать себѣ славы кровью подданныхъ в. к. м. хотя бы и своевольныхъ. Однако далъ Богъ, что они раскаялись въ своемъ проступкѣ и просили милосердія. Сохраняя ихъ для дальнѣйшихъ услугъ в. к. м. и Рѣчи посполитой, я пришелъ съ ними къ договору, такому какъ прислалъ в. к. м., — не отступая ни въ одномъ пунктѣ отъ Куруковскаго, но во всемъ придерживаясь его“. [1]) l. c.

[2]) Ркп. Публ. библ. Разн. F. IV № 104 с. 121 об. (письмо отъ 27 мая, но думаю, что Конецпольскій долженъ былъ узнать объ этомъ раньше).

всей Украинѣ. Одинъ (отрядъ), шедшій къ польському войску, захватили и разбили, все забрали. Сколько было гайдуковъ — не убивали, такъ какъ это была Русь, только одѣлись въ ихъ „сукни“ и побили нѣсколько сотъ солдатъ, шедшихъ за гайдуками: солдаты думали, что это стоятъ гайдуки и не поостереглись.

„Затѣмъ въ Копачевѣ (возлѣ Василькова) перебили всѣхъ солдатъ и забрали ихъ возы со всѣмъ богатствомъ. Въ Дымерѣ въ пятницу св. Духа (21 мая с. с.) громили солдатъ. Подъ Кіевомъ такъ побили солдатъ, что взяли у нихъ, говорятъ, военныхъ лошадей до 600, и возы ихъ со всѣмъ добромъ. Въ недѣлю всѣхъ святыхъ (23) въ окопахъ сейчасъ же за Днѣпромъ, гдѣ гетманъ сначала окопался, побили одну роту, очень богатую и храбрую, изъ однихъ панятъ — называлась золотой ротой, на хоругви былъ золотой кругъ. На разсвѣтѣ всѣхъ перебили—никого не выпустили; тамъ въ окопахъ уложили и хоронить не велѣли. Богатства тамъ взяли огромнѣйшія; однихъ панятъ тамъ было полтораста, кромѣ челяди, и кіевскихъ купцовъ до двадцати было — живность везли въ обозъ. Говорятъ, рота была изъ Ченстохова, а полковникомъ былъ какой-то Лѣщинскій.

„Въ то же воскресенье, переправившись черезъ Днѣпръ, разбили другую роту въ монастырскомъ мѣстечкѣ—какъ въ заразу лежали по улицамъ и домамъ голые солдатскіе трупы [1]). Между ними былъ какой-то большой панъ Глембоцкій, только восемнадцати лѣтъ, говорятъ; убѣжалъ было, но они его нашли, велѣли ему сбросить соболью шубу — просилъ пощады, триста тысячъ выкупа давалъ, но они не обращали на это никакого вниманія и его разстрѣляли. На слѣдующій день въ Кіевѣ сожгли 50 байдаковъ, а лодокъ безъ числа—чтобы Полякамъ не въ чемъ было перевезтись на ту сторону къ гетману; былъ тогда великій страхъ у всѣхъ, пока не ушли. Въ тотъ же день подошли королевскіе люди—говорятъ, наняты они были за еврейскія деньги. Придя вечеромъ, хотѣли напасть на монастырь и напали

[1]) Послѣ этого слѣдуетъ: „Подданныхъ монастырскихъ убито десять, даже самъ отецъ архимандритъ былъ въ большомъ страхѣ; другіе изъ той же роты убили до 50; одного Русина Попеля нашли у монаха и разстрѣляли, другого въ церкви св Феодосія“. Рѣчь идетъ, повидимому, объ убитыхъ тѣми солдатами, которыхъ затѣмъ разгромили козаки.

было; но козаки были неподалеку, а къ тому услышали набатъ большихъ колоколовъ, вернулись, монастыремъ овладѣли и нѣмцевъ разгромили. [1])

„Въ пяти миляхъ отъ Борисполя изъ полуторы тысячи солдатъ осталось только 25—всѣхъ убили на мѣстѣ. Изъ роты королевича, стоявшей въ Луцкѣ и похвалявшейся на Русь,—‚какъ возвратимся, всѣхъ васъ будемъ имѣть въ рукахъ‘, говорили, — изъ нихъ пятьдесятъ товарищей погибло, не считая слугъ. И изъ тѣхъ нѣмцевъ и гайдуковъ, которые за Днѣпромъ были, ничего не осталось или осталось очень мало; и грабившіе монастырь за Днѣпромъ остались“.

Наконецъ послѣ двухъ недѣль борьбы наступила катастрофа, окончательно подкосившая энергію Конецпольскаго. Очевидецъ Гладкій говоритъ о ней очень кратко, но достаточно опредѣленно: „Въ послѣднемъ бою Черкасы забрали въ обозѣ у гетмана Конецпольскаго пушки, побили много Поляковъ въ обозѣ, заняли перевозы на Днѣпрѣ и сожгли паромы на перевозахъ; и послѣ этого боя гетманъ Конецпольскій съ Черкасами помирился“. Конецпольскій совсѣмъ умалчиваетъ объ этомъ эпизодѣ, лишь скромно упоминаетъ, что козаки, когда онъ имъ „подрѣзалъ жилы“, признали свою вину и просили милосердія. Другіе польскіе источники, не зная никакихъ подробностей кампаніи (вѣроятно, оставшихся по большей части секретомъ для польскаго общества), говорятъ только о большихъ потеряхъ польскаго войска: козаки покорились „послѣ многихъ кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ изъ королевскаго войска, не говоря уже о простыхъ людяхъ, шляхтичей-товарищей погибло больше, чѣмъ за всю прусскую войну—до трехъ сотъ ихъ насчитывали, и мало кто не потерялъ лошадей, и то самыхъ лучшихъ“ [2]).

---

[1]) Слѣдуетъ разсказъ, какъ нѣмцы напали на кіевскіе монастыри, хотѣли ихъ грабить, а тѣ защищались — „тая война черезъ тыждень немало около монастыря (печерскаго) була“. О ней упоминаетъ также Кальнофойскій въ своей „Тератургимѣ“, разсказывая о спасеніи отъ этихъ нѣмцевъ, какъ о чудѣ милости Богородицы, оказанной монастырю. Это были драгуны Бутлера — о высылкѣ ихъ писалъ король въ цитированномъ письмѣ 17 (27) мая.

[2]) Пясецкій с. 500, тоже самое Pamiętniki do panow. Zygmunta III, т. I с. 154. Эту же цифру, очевидно популярную, даетъ и Львовская лѣтопись: „такъ повѣдають, же триста велце значныхъ пановъ коронныхъ згинуло“, но къ этому добавляетъ еще сказочную цифру обыкновеннаго войска—„вшиткого войска до десяти тысячей згинуло“.

Подробнѣе разсказываетъ объ этой битвѣ нашъ кіевскій лѣтописецъ и при всѣхъ преувеличеніяхъ и легендарности нѣкоторыхъ подробностей, въ главныхъ чертахъ, очевидно, описываетъ ее довольно вѣрно, такъ какъ сходится съ краткимъ разсказомъ Гладкаго о томъ, что козаки взяли было самый лагерь польскій, забрали артиллерію и отрѣзали польское войско отъ Заднѣпровья, уничтоживъ перевозы. Не часто располагая разсказомъ Украинца-современника, приводимъ это извѣстіе вполнѣ:

„Великая битва была въ самую субботу [1]). Панъ Лащъ замѣтилъ козаковъ, ѣхавшихъ на развѣдки, и, взявъ солдатъ, какъ говорятъ, до пяти сотъ коней, напалъ на нихъ, но не будучи въ состояніе одолѣть ихъ, далъ знать пану гетману. Панъ гетманъ, взявъ съ собой хорошаго войска двѣ тысячи, пошелъ за Лащемъ. Козаковъ на томъ мѣстѣ уже не нашли, но попали на другихъ, шедшихъ на помощь первымъ. Говорятъ, что ихъ было немного, только до двухсотъ коней, а Поляки говорятъ, что пятьсотъ. Эти козаки, запершись въ одномъ сараѣ, защищались такъ, что ни одного изъ нихъ не взяли живымъ, только одного сотника, и то раненаго. А въ это время два гайдука передались изъ польскаго лагерю къ козакамъ и сказали: „имѣете удобный случай, гетмана нѣтъ въ обозѣ!“ Тогда козаки къ обозу. А гетманскимъ намѣстникомъ былъ панъ Потоцкій. Тамъ бились, рубились! До двухъ тысячъ человѣкъ пало съ обѣихъ сторонъ. Одни козаки бились, а другіе захватили три самыхъ большихъ пушки и двѣ гаковницы и притащили въ свой лагерь. На это подоспѣлъ панъ гетманъ. Бились затѣмъ шесть часовъ; если бы страшный дождь не помѣшалъ, навѣрно, всѣхъ до одного не выпустили бы. Но гетманъ далъ знакъ мира и тогда перестали. Изъ этой битвы 30 важныхъ лицъ привезли въ Кіевъ — полковниковъ, ротмистровъ, между ними пана Ганнибала, тридцать лѣтъ бывшаго ротмистромъ — самъ панъ гетманъ оплакивалъ его словно отца, такъ какъ его совѣтами пользовались во всемъ; также другого Ганнибала, поручика, его родственника; пана Паковскаго, п. Карскаго, п. Красноставскаго, п. Красновойскаго, п. Красносельскаго [2]). Это была та великая битва, въ

---

[1]) Лѣтописецъ, вѣроятно, разумѣетъ субботу 22 мая с. с.

[2]) Это сочетаніе именъ производитъ впечатлѣніе современнаго каламбура.

которой палъ среди козаковъ панъ Стефанъ, старшій сынъ отца митрополита“ [1]).

Это та битва, добавимъ мы, которая стала популярной въ новѣйшей традиціи подъ названіемъ „Тарасовой ночи“, какъ ее назвалъ авторъ Исторіи Руссовъ, описавъ въ видѣ ночного нападенія козаковъ на польскій лагерь на праздникъ Божьяго тѣла, „какой они (Поляки) со стрѣльбой и пированьемъ праздновали“ [2]); подъ этимъ именемъ она была воспѣта въ юношескомъ стихотвореніи Шевченка.

Что козаки, дѣйствительно, захватили тогда польскія пушки, это подтверждается упоминаніями о польскихъ пушкахъ въ дальнѣйшихъ переговорахъ Конецпольскаго съ козаками.

Эта послѣдняя катастрофа сокрушила энергію Конецпольскаго. „Подрѣзали жилы“ ему козаки, а не онъ имъ. Кромѣ большихъ потерь, приходилось считаться также съ сильнымъ упадкомъ духа въ войскѣ, рѣшительно отказавшемся хоть двѣ недѣли еще продолжить кампанію. Козаки отрѣзали сообщеніе съ правымъ берегомъ и били, гдѣ попало, отдѣльныя партіи польскаго войска — къ этимъ днямъ именно и относится большая часть эпизодовъ, приведенныхъ выше изъ разсказовъ кіевскаго лѣтописца. Конецпольскій отложилъ свои планы и началъ серьезные переговоры съ козацкимъ войскомъ.

„Увидѣлъ панъ гетманъ, что плохо, что бьютъ, что хоть-бы и въ десять разъ больше было у него войска, то и нога ихъ не выйдетъ отсюда, — сталъ молиться, слыхалъ я, такъ: ‚Пресвятая Дѣва, выведи меня отсюда по здорову‘! Потому что и на него самаго нападали, на самый лагерь“—записываетъ современный разсказъ кіевскій лѣтописецъ, и добавляетъ въ pendant къ недавнимъ ухищреніямъ относительно уніи другой современный разсказъ: „Слышалъ я, показывалъ панъ гетманъ на великое число труповъ и, утирая слезы, говорилъ: ‚Вотъ и унія, лежитъ Русь съ Поляками‘.

---

[1]) Кулишъ, отвергая разсказъ Львовской лѣтописи, какъ фантастическій, указывалъ на эту подробность, что Стефана Борецкаго вовсе не было въ козацкомъ войскѣ (Матеріалы I с. 302—3).

[2]) Исторія Руссовъ с. 54—2. Очевидно, какая-то традиція объ этомъ была, независимо отъ Львовской лѣтописи, и весь разсказъ не былъ выдумкой автора „Исторіи“.

Таковы были украинскія параллели къ разсказамъ Конецпольскаго и другихъ представителей официальной Польши объ усмиреніи козачества, якобы просившаго прощенія послѣ тяжелыхъ потерь, причиненныхъ ему польскимъ войскомъ, обѣщая на будущее время всяческую покорность.

Въ настоящее время имѣемъ въ полномъ видѣ тѣ деклараціи, которыми обмѣнялся Конецпольскій съ козацкимъ войскомъ послѣ этой катастрофы [1]).

Декларація Конецпольскаго въ нашей копіи имѣетъ заголовокъ: „Способъ успокоенія гнѣва е. кор. м. за вины войска Запорожскаго"; она не имѣетъ никакой вступительной формулы, ни подписи—была передана черезъ пословъ Конецпольскаго какъ проэктъ соглашенія. Въ ней нѣтъ рѣчи—хотя это было бы очень кстати—о какой либо просьбѣ мира, или хотя бы инициативѣ съ козацкой стороны. Очевидно, Конецпольскій долженъ былъ первымъ обратиться къ козакамъ [2]).

Въ своей деклараціи онъ перечисляетъ ихъ вины: убійство Чорнаго, походы на море, нападенія на польскихъ солдатъ, агитацію на волости—„столько невинныхъ людей поотрывали отъ домовъ, хозяйства и работы, подъ предлогомъ угнетенія вѣры, въ которой никому не было никакой несправедливости". За эти вины козаковъ слѣдовало-бы сурово наказать, но такъ какъ „уже и такъ пролилось много крови и столько погибло отличныхъ воиновъ, доставлявшихъ славу королю и войску Запорожскому",—то Конецпольскій готовъ простить козакамъ имъ провинности на слѣдующихъ условіяхъ:

Козаки выдадутъ Тараса какъ предводителя возстанія, имѣвшаго—чему есть вѣрныя доказательства—измѣнническіе замыслы противъ Рѣчи Посполитой, неизвѣстные самому козацкому войску (къ сожалѣнію, подробнѣе ихъ и Конецпольскій не обнаружилъ, и мы не знаемъ, разумѣлъ ли онъ здѣсь тѣ же подозрѣнія относительно сношеній съ Москвой или что либо иное);

постановленія куруковской комиссіи должны быть соблюдаемы вполнѣ;

---

[1]) Изданы въ Жерелахъ VIII № 215 и 216.

[2]) Въ козацкомъ отвѣтѣ упоминается только о прежнемъ отвѣтѣ пересланномъ черезъ Ганнибала,—убитаго въ послѣдней битвѣ. Значитъ, предшествующія сношенія имѣли мѣсто еще до катастрофы.

участники морского похода, происшедшаго во время этой кампаніи, должны быть сурово наказаны послѣ возвращенія, предводители выданы королю, а лодки сожжены;

старшаго, какой имъ будетъ данъ королемъ, козаки должны принять и во всемъ ему быть послушны;

вѣрные козаки, оставшіеся при польскомъ войскѣ, ради вѣрности которыхъ не уничтожается козацкое имя и не отбираются у козаковъ права и вольности,—они должны быть приняты въ согласіе и любовь козацкимъ войскомъ, и потери ихъ должны быть возмѣщены;

выписанные за непослушаніе изъ реестра (находившіеся на Запорожьи) будутъ приняты снова въ войско, если захотятъ подчиниться условіямъ и оказывать покорность на будущее время, не реестровые же должны разойтись по своимъ домамъ; плѣнниковъ и захваченныя пушки козаки возвратятъ, а также вернутъ солдатское имущество, взятое въ Корсунѣ.

Таковы были условія Конецпольскаго, превратившагося сразу изъ польскаго мстителя въ милосерднаго покровителя козачества.

Во главѣ козацкаго войска въ этотъ моментъ стоялъ уже не Тарасъ Федоровичъ, а Антонъ Конашевичъ Бутъ [1]). Какъ и когда произошла эта перемѣна и какое значеніе она имѣла, не знаемъ, такъ какъ узнаемъ о ней только изъ козацкаго отвѣта Конецпольскому. Можетъ быть, она и произошла именно въ виду переговоровъ съ Конецпольскимъ, для того чтобы дать извѣстную сатисфакцію польской сторонѣ и облегчить соглашеніе, устраняя главнаго виновника конфликта. Отъ имени войска новый старшій далъ такой отвѣтъ:

„Уже не въ первый разъ ваша милость изволитъ писать намъ по поводу смерти покойнаго Грицька Чорнаго, яко бы поданнаго намъ въ старшіе. Объ этомъ мы уже раньше писали и письменно объяснили, что причиной ея, какъ и выхода нашего изъ Запорожья были непріятности, докучившія намъ,—и мы эти непріятности изложили въ письмѣ черезъ е. м. п. Ганнибала и е. м. п. Байбузу. А что касается моря и нарушенія перемирія съ императоромъ турецкимъ, то начало этому далъ тотъ же покойный Чорный и нѣкоторые старшіе, бывшіе тогда съ нами,

---

[1]) Антономъ Конашевичемъ называетъ себя онъ самъ въ деклараціи, Антономъ Бутомъ называетъ его протоколъ.

а теперь находящіеся при е. м. п. гетманѣ корономъ: Качковскій и Борзякъ, бывшіе эсаулами, Капуста—бывшій полковникомъ.

„Что касается разсылки универсаловъ и собиранія людей подъ предлогомъ нарушенія вѣры, то это дѣйствительно такъ было, что мы разсылали универсалы, а извѣстія дали намъ нѣкоторые духовные и свѣтскіе люди, которые не только по сосѣднимъ городамъ слышали, но и сами на себѣ это испытали въ прошломъ году, когда имъ запрещали службу божію въ церквяхъ и братская церковь была окровавлена панами жолнерами, стоявшими въ Кіевѣ—изъ-за этого и собирались люди.

„Что касается выдачи Тараса, то не одинъ онъ виноватъ, а все войско; чтобы загладить эту вину, трудно его выдать—нужно было бы наказать его въ войскѣ, но не иначе какъ съ тѣмъ, чтобы по милостивой волѣ е. м. пана короннаго гетмана, нашего милостиваго пана, намъ было дано удовлетвореніе относительно другихъ нашихъ—Борзяка, Вовка и Бородка—чтобы они также были наказаны, такъ какъ этотъ огонь зажегъ не кто иной, а они.

„Относительно Куруковской комиссіи признаемъ, что на нее присягали, но сдѣлать это мы были вынуждены, видя великую силу противъ насъ. Войско наше было не въ одномъ мѣстѣ, нѣкоторые на морѣ, нѣкоторые на Дону и по рѣкамъ. Какія ни были даны записи, подобныя прошлогоднимъ—мы вынуждены были ихъ нарушить [1]). Теперь просимъ покорно, чтобы намъ порядокъ предоставлено было установить между собою безъ ихъ м. пановъ комисаровъ: кто будетъ намъ пригоденъ, будетъ нашимъ товарищемъ, а кто не пригоденъ, того исключимъ.

„Если на Запорожьи кто нибудь дѣйствительно ушелъ теперь на море, изъ оставленныхъ нами, то сдѣлали они это своевольно, вопреки строгому нашему запрещенію, и мы обѣщаемъ ихъ сурово наказать какъ измѣнниковъ.

„Старшимъ нашимъ долженъ быть тотъ, кого мы себѣ выберемъ съ общаго согласія; покорно просимъ этого какъ милости у е. м. пана гетмана короннаго, нашего милостиваго пана, чтобы и теперь у насъ такъ было, какъ издавна бывало—что старшіе не были „корoнованы“ (назначаемы короною). Но каждый разъ послѣ выбора мы обязаны будемъ увѣдомлять е. м. п. короннаго гетмана.

---

[1]) Фраза не вполнѣ ясная (съ пропускомъ).

„Нашихъ товарищей [1]), когда по милостивой волѣ е. м. пана короннаго гетмана нашего м. пана наступитъ соглашеніе— мы обѣщаемъ принять къ себѣ какъ товарищей, безъ всякихъ упрековъ — какъ мы хлѣбъ-соль ѣдали и въ добромъ согласіи были, такъ и теперь обѣщаемъ быть“.

„Что до возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ ихъ м. п. жолнерамъ—то ужъ Богъ его знаетъ, кто долженъ бы ихъ возмѣщать, въ виду того что гораздо большія потери, какія причинялись и причиняются нѣкоторымъ изъ нашихъ, мы также оставляемъ на волю божью. А е. м. п. Тржецецкаго и е. м. п. Чарнецкаго съ товарищами ихъ обѣщаемъ отпустить, если дастъ Богъ, наступитъ соглашеніе, а также выдать болѣе мелкія орудія, захваченныя въ окопахъ“.

Этотъ довольно вѣжливый, но рѣшительный отвѣтъ [2]) заканчивался обычною въ сношеніяхъ съ панами вѣжливостью „Все это мы отдаемъ на милостивое разсужденіе в. м. нашего милостиваго пана, прося униженно и покорно, чтобы ваша милость показалъ себя намъ нашимъ милостивымъ господиномъ и изволилъ оставить насъ, слугъ своихъ, при давнихъ вольностяхъ“.

Опираясь на этихъ вѣжливыхъ выраженіяхъ Конецпольскій имѣлъ формальное основаніе говорить, что козаки просили его. Лишь бы только онъ исполнилъ ихъ желанія!

Не извѣстно, какъ долго послѣ этого тянулись еще переговоры. Отъ перваго своего требованія— выдачи Тараса—Конецпольскій скоро рѣшилъ отказаться, тѣмъ болѣе, что козаки ставили требованія такого же наказанія для вѣрной старшины. Было рѣшено, что судьба Тараса будетъ отдана на волю короля, а тѣмъ временемъ „въ виду горячей просьбы обоихъ войскъ“ онъ былъ оставленъ въ войскѣ и не былъ выданъ. Въ виду миролюбиваго настроенія королевскихъ инструкцій, какія получилъ Конецпольскій во время похода, такой выходъ не внушалъ опасеній. Имѣется королевское письмо (писанное 2 іюня с. с., такъ что оно не могло поспѣть во время), въ которомъ король рекомендовалъ Конецпольскому, въ видахъ скорѣйшаго прекращенія войны, не настаивать на выдачѣ предводителей возстанія [3]). Нерасположеніе

---

[1]) Реестровыхъ, находившихся при коронномъ войскѣ.

[2]) Dosyć zgłupia foremny, со злостью иронизируетъ современникъ—у Жуковича с. 89.

[3]) „Такъ какъ мы со многихъ мѣстъ отъ выдающихся пановъ сенаторовъ получаемъ письма, чтобы придти къ соглашенію съ эти-

правящихъ сферъ къ продолженію войны и желаніе достигнуть соглашенія какой бы ни было цѣной были, конечно, извѣстны Конецпольскому очень хорошо.

Формально отмѣнить Куруковскую ординацію Конецпольскій рѣшительно отказался, да собственно и не могъ сдѣлать этого. Но онъ допустилъ важную уступку—согласился увеличить реестръ до восьми тысячъ. Правда, это было сдѣлано полуофиціально,—въ протоколъ соглашенія не было внесено, и въ связи съ этимъ жалованье увеличено не было, но современныя реляціи съ театра войны говорятъ совершенно опредѣленно объ этой уступкѣ, какъ одномъ изъ основныхъ пунктовъ соглашенія [1]). Одна изъ нихъ указываетъ и мотивъ этого увеличенія — необходимость въ большемъ, двухтысячномъ гарнизонѣ на Запорожьи.

Обѣимъ сторонамъ—какъ участникамъ возстанія такъ и присоединившимся къ польскому войску, была дана полная амнистія. Выписанные изъ реестра имѣли быть возстановлены въ правахъ и реестръ долженъ былъ быть наново дополненъ: для этого обѣ стороны — возставшіе и вѣрные реестровики должны были избрать смѣшанную комиссію изъ делегатовъ, по двѣнадцати съ каждой стороны. Она должна была дополнить реестръ и произвести выборъ гетмана; эти же делегаты давали гарантію мира и забвенія всего на будущее время [2]).

Со стороны Запорожцевъ (возставшихъ) въ комиссію были избраны: Левко Бутъ изъ Канева, Левко Бубнивскій, Калeникъ изъ Черкасъ, Чечуга изъ Черкасъ, Иванъ изъ Канева, Заблоцкій изъ Канева, Юрко Солтыкъ Харабура изъ Корсуня, Иванъ

ми людьми мягкими средствами и не губить такъ много людей, которые могутъ пригодиться для услугъ Рѣчи посполитой—мы усиленно домагаемся отъ вѣрности в., чтобы вѣрность в., если бы даже они не хотѣли выдать вожаковъ своего своевольства, все таки привелъ къ соглашенію съ ними какимъ бы то ни было образомъ: позже можетъ представиться случай, когда можно будетъ и вожаку ихъ своеволія напомнить его" (Ркп. Пуб. библ. Разн. F IV № 104 с. 107). Въ такихъ условіяхъ, конечно, не могла имѣть мѣста казнь Тараса, которую допускалъ въ свое время, на основѣ ложнаго извѣстія о заявленіи Песочинскаго въ Константинополѣ (Pamiętniki do panow. Zygmunta III т. I с. 158) Костомаровъ (Б. Хмельницкій I. с. 94, ср. объ этомъ у Жуковича VI с. 91).

[1]) Жерела VIII № 217 и 218, также выписка изъ современнаго дневника у Жуковича VI с. 94.

[2]) Жерела VIII с. 349 и протоколъ— см. ниже.

Сорока изъ Жовнина, Федоръ Прало изъ Черкасъ, Иванъ Кулага изъ Канева [1]). Они принесли присягу такого содержанія: Мы (выше названные) товарищи войска е. к. м. Запорожскаго, находящагося теперь подъ начальствомъ Антона Бута, избранные для „уравненія“ съ нашими товарищами, присягаемъ именемъ всѣхъ Господу Богу въ Тройцѣ единому, пресвятой Богородицѣ и всѣмъ святымъ, что мы возвращаясь къ прежнему послушанію по приказу ясновельм. е. м. п. гетмана кор. нашего милостиваго пана, — раньше отдѣлившись отъ нашихъ товарищей, а теперь соединившись, прощаемъ всѣ обиды нашимъ товарищамъ, стоящимъ при е. к. м., и какъ прежде того безъ всякой укоризны на славу и пользу е. к. м. трудились, такъ и теперь забывъ все, что произошло во время этого раздѣленія, не будемъ дѣлать имъ какихъ либо непріятностей и упрековъ. А если бы противъ кого нибудь что-нибудь подобное было доказано—укоры словомъ или дѣломъ, — то будемъ единодушно добиваться, чтобы его казнили смертью безъ всякаго милосердія. Въ этомъ присягаемъ по истинѣ—такъ намъ помоги, Боже, а если не по правдѣ—убей у насъ, Боже, и тѣло и душу, въ этомъ и будущемъ вѣкѣ. Аминь.

Изъ реестроваго войска бывшаго съ Конецпольскимъ, были делегированы: Василь Соколка изъ Черкасъ, Константинъ Вовкъ изъ Черкасъ, Александръ Смотрицкій изъ Черкасъ, Пашковскій изъ Корсуня, Мысько Мануленко изъ Стеблева, Пырскій изъ Лубенъ, Гаврило Кулащенко изъ Переяслава, Захаръ изъ Корсуня, Станиславъ Яблонскій изъ Лубенъ, Филонъ изъ Переяслава, Иванъ Туровецъ изъ Корсуня, Федоръ Бобаченко изъ Стеблева. Они принесли такую же присягу какъ и делегаты запорожскіе.

Старшимъ избрали они Тимоша Михайловича, по прозванью Орендаренка [2]). Конецпольскій, „въ виду засвидѣтельствованнаго имъ мужества въ дѣлахъ рыцарскихъ и умѣнья“, подтвердилъ, или „подалъ“ его „всему Запорожскому войску какъ старшаго, которому они должны будутъ оказывать всяческую готовность и

---

[1]) Столько лицъ даютъ обѣ копіи протокола вмѣстѣ: нѣкоторыя имена испорчены, особенно въ копіи Кулиша.

[2]) Пок. Кулишъ, усиленно выводившій гетмановъ этихъ годовъ изъ шляхетскихъ родовъ, и потому не только у Сулимы, но и у Грицька Чорнаго усматривавшій „шляхетскую фамилію Савичъ“ (Укр. козаки с. 663), считалъ и Орендаренка „очевидно шляхтичемъ“, не смотря на это демократическое прозвище Орендаренка (Матеріалы с. 307).

послушаніе". Съ своей стороны новый старшій принесъ присягу на послушаніе королю и государству, обязавшись не ходить на море и никого не пускать, „тѣмъ, кто не будетъ на королевской службѣ, воспрещать ходить на Запорожье, не созывать безъ воли короля и рѣчипосполитой никакихъ купъ, ни охотниковъ, ни выписанныхъ изъ реестра, а наоборотъ — таковыхъ наказывать" и т. д.

Все это вписано въ протоколъ 29 іюня с. с.; одинъ экземпляръ его подписалъ польскій гетманъ и передалъ козакамъ; другой, отъ имени новаго старшаго, подписали Иванъ Бачинскій, Михайло Минковскій и войсковой писарь, и для сохранности рѣшено вписать его въ акты коронной метрики и кіевскаго грода [1]).

„Такъ прошла эта козацкая комедія", окончилъ Конецпольскій свой разсказъ о кампаніи, представивъ ее въ возможно выгодномъ свѣтѣ польской сеймовой аудиторіи, и добавилъ: „Признаюсь, что я самъ не особенно былъ доволенъ ея результатомъ, такъ какъ не было дано удовлетворенія за такое оскорбленіе королевскаго маестата; къ тому же я знаю, что хотя она припечатана кровью и подтверждена столькими присягами, но у этихъ людей все это непрочно и я долженъ предостеречь, что если еще въ этомъ году (1631) сейчасъ же съ весны мы не примемъ мѣръ, то они поссорятъ насъ съ Турками и втянутъ въ большую бѣду. Можно было бы и въ прошломъ году (во время кампаніи) добиться отъ нихъ чего либо болѣе солиднаго, но согласно воли короля пришлось примѣняться къ обстоятельствамъ и дѣйствуя выпрошеннымъ (т. е. прося солдатъ еще побыть подъ знаменами), удовлетвориться и этимъ".

Дѣйствительно, гордому гетману не было причинъ быть довольнымъ кампаніей не только въ достаточной степени, но и даже очень не большой. Козачество отстояло себя и вышло изъ кампаніи съ сознаніемъ своей побѣды. Бунтъ, непослушаніе, убійство казеннаго гетмана прошли ему вполнѣ безнаказанно. Выпи-

[1]) Съ копіи библ. Красинскихъ, значительно сокращенной и мѣстами сильно испорченной, издалъ этотъ протоколъ Кулишъ въ своихъ Матеріалахъ. Другая копія, полная, кое въ чемъ отличная въ ркп. Публ. библ. Пол. F. IV № 241 с. 654. Я пользовался главнымъ образомъ этой болѣе полной копіей, отмѣчая интересныя отличія болѣе краткой.

санные изъ реестра за непослушаніе были возвращены; участники возстанія получили амнистію. Вѣжливыя фразы, возвращенные плѣнники и пушки—больше ничего не получилъ отъ нихъ польскій гетманъ. А уступки ему пришлось дѣлать существенныя. Въ своихъ реляціяхъ и офиціальномъ протоколѣ онъ налегаетъ на то, что козаки снова приняли куруковскую ординацію; конечно, и это не было бы еще какимъ-либо тріумфомъ, тѣмъ болѣе, что козаки до самаго возстанія и не поднимали противъ нея возраженій, *просили* только освобожденія отъ нѣкоторыхъ постановленій ея. Подтвержденіе куруковской ординаціи было бы только возстановленіемъ statu quo, но въ дѣйствительности и этого не было. Во первыхъ, рамки реестра расширено на двѣ тысячи; во-вторыхъ, не было уже и рѣчи о фактическомъ осуществленіи реестра, какъ въ 1625 г. Вообще ничего не было постановлено о способахъ возвратить въ подданство всю массу нереестроваго козачества—этихъ нѣсколько десятковъ тысячъ, принявшихъ участіе въ войнѣ 1630 г. (въ протоколѣ только упоминалось, что они должны разойтись по домамъ, а правительство гарантируетъ имъ „безопасность“ — отъ репрессій). Не было на этотъ разъ также всего того что дѣлалось въ 1625 г. для того, чтобы закрыть дорогу на море, на Запорожье—уничтоженія лодокъ. расположенія отрядовъ на Запорожьи и т. п.

На Украинѣ такъ и понимали и толковали переяславское соглашеніе, что куруковская ординація имъ отмѣнена и козачеству теперь во всемъ предоставлена полная свобода. „О перемире (Конецпольскій) просилъ, що хотѣли козаки, то себѣ вымовили“, записываетъ нашъ кіевскій лѣтописецъ финалъ кампаніи: „козаковъ на будущее время хоть сто тысячъ, и самъ Конецпольскій, какъ я слышалъ, ихъ видѣлъ, когда Тарасъ показалъ ему это избранное войско; гетмана ни онъ ни король не долженъ назначать, а они сами себѣ будутъ избирать; призналъ за ними рыцарство“.

Это было такое же свободное толкованіе переяславскаго соглашенія въ противоположную сторону, какъ и офиціальное толкованіе Конецпольскаго, что козаки во всемъ приняли куруковскую ординацію.

Положеніе было такого рода, что Конецпольскому, „примѣняясь къ обстоятельствамъ“, приходилось удовлетворяться вѣжливыми фразами, бумажными обѣщаніями козачества и быть бла-

годарнымъ и за то, что и въ этомъ не отказало ему козацкое войско.

За плечами гетмана повисла гроза солдатской конфедераціи, опасность со стороны Турокъ, отъ козацкихъ походовъ на море, грозившихъ навлечь новый турецкій походъ на Украину, почти лишенную короннаго войска. А на западной границѣ не прекращалась ожесточенная безконечная тридцати лѣтняя война, угрожая каждую минуту втянуть въ свой водоворотъ и Польшу—особенно съ того момента, какъ центральная роль въ этой войнѣ перешла къ смертельному врагу Польскаго государства и династіи—шведскому королю Густаву-Адольфу.

Изъ переговоровъ Конецпольскаго подъ Переяславомъ узнаемъ о походѣ козаковъ на море, предпринятомъ въ маѣ 1630 г., во время переяславской компаніи. Въ турецкихъ извѣстіяхъ разсказывается объ опустошеніяхъ, произведенныхъ козаками на черноморскомъ побережьи, около Измаила, Киліи, Балчика, Варны, Мидіи, Сизеболи. Визирь Кенанъ-паша выступилъ противъ нихъ съ 14 галерами и будтобы видѣлъ около острова Монастыря 300 козацкихъ чаекъ; но это число, вѣроятно, сильно преувеличено въ его реляціи. Козаки укрылись отъ галеръ въ камыши, и здѣсь визирь могъ захватить только семь чаекъ—привелъ ихъ съ тріумфомъ въ Константинополь, по словамъ турецкаго хрониста [1]). По окончаніи кампаніи съ Поляками новыя массы козачества двинулись на Запорожье и предприняли новый походъ на море. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Конецпольскій не только подѣлился съ королемъ своими опасеніями, что этотъ походъ можетъ разстроить отношенія съ Турціей [2]), но и поспѣшилъ предостеречь Турокъ объ этомъ предполагаемомъ козацкомъ походѣ.

Дѣйствительно, этотъ походъ ставилъ польское правительство въ очень неловкое положеніе, послѣ того какъ оно и Конецпольскій поспѣшили похвалиться передъ Портой новымъ разгромомъ козаковъ—якобы козацкое войско жестоко разбито, своевольники ра-

---

[1]) Наима у Гаммера V с. 127—8.

[2]) „Изволь узнать, что множество козачества пошло на Запорожье, откуда стало готовить на море тридцать лодокъ, въ виду чего нужно ожидать чего угодно, но только не пріязни Турціи, а въ дальнѣйшемъ и нападенія ихъ, если дѣйствительность не будетъ соотвѣтствовать нашимъ словамъ и обѣщаніямъ удержать коковъ“—письмо Конецпольскаго къ королю отъ 17 н. с. сентября 1630 г. ркп. Публ. библ. Разн. F. IV № 104 с. 274

зогнаны, предводители наказаны смертью, Запорожье занято гарнизономъ и т. д. [1]). Но на этотъ разъ Турки сами были на сторожѣ и этотъ новый козацкій походъ, подъ предводительствомъ Соленика, не имѣлъ для нихъ непріятныхъ послѣдствій. Еще въ августѣ капитанъ-паша былъ высланъ съ галерами подъ Очаковъ, а на помощь очаковскому намѣстнику отправленъ корпусъ сухопутнаго войска подъ Бѣлгородъ подъ начальствомъ силистрійскаго намѣстника Муртаза-паши. Въ концѣ августа с. с. эскадрѣ удалось разгромить нѣсколько козацкихъ чаекъ и захватить немного невольниковъ, привезенныхъ затѣмъ съ тріумфомъ въ Константинополь (турецкій источникъ говоритъ, что было взято 25 чаекъ, но изъ писемъ пашей къ Конецпольскому выходитъ, что всѣхъ чаекъ на морѣ было только 15, да и количество приведенныхъ въ Константинополь плѣнниковъ, 150 чел., если оно даже и не преувеличено, указываетъ, что разгромъ совсѣмъ не былъ великъ) [2]).

Паши были довольны, и Конецпольскій на ихъ извѣщенія о разгромѣ козацкой флотиліи поспѣшилъ отвѣтить увѣреніемъ, что если бы эти чайки не попали въ турецкія руки, то погибли бы при своемъ возвращеніи, такъ какъ онъ, Конецпольскій, поставилъ отрядъ войска чтобы захватить ихъ и всѣхъ уничтожить [3]). Къ довершенію всего хорошаго и козацкіе плѣнники на допросахъ у Турокъ давали показанія, которыя подтверждали въ глазахъ Турокъ польскія реляціи о стараніяхъ ихъ правительства усмирить козачество и удержать его отъ походовъ на море [4]).

Въ результатѣ польско-турецкія отношенія были наложены и старое соглашеніе возобновлено Конецпольскимъ и Муртаза-па-

---

[1]) Реляція посольства Песочинскаго—ркп. Публ. библ. Разн. F. IV № 104 с. 13 и сл., корреспонденція Конецпольскаго съ турецкими пашами тамже с. 263 и сл.

[2]) Письмо Муртаза-паши къ Конецпольскому—l. c. № 104 c. 267, Гаммеръ l. c., Жуковичъ VI с. 100.

[3]) Ркп. № 104 с. 268 об.

[4]) „Показали, что они козаки съ того острова (Сѣчи), не имѣютъ дома и опредѣленнаго мѣстопребыванія—видя, что наияснѣйшій король е. м. съ наиясн. императоромъ е. м. заключаетъ миръ и дружбу, и не надѣясь имѣть прибѣжища здѣсь, рѣшили пробиться и соединившись съ донскими козаками ежегодно совершать свои грабежи на морѣ, но имъ счастье не повезло“. Такъ передаетъ эти козацкія признанія Муртаза паша, таже ркп. с. 267 об.

шей на прежнемъ принципѣ взаимнаго поддержанія порядка. Польша обязывалась не допускать козацкихъ походовъ, Турція—походовъ татарскихъ [1]). Татарскій ханъ, пришедшій было подъ Очаковъ во время этихъ польско-турецкихъ переговоровъ, смиренно возвратился назадъ въ Крымъ, и Конецпольскій считалъ, что на нѣсколько мѣсяцевъ Польшѣ обезпечено спокойствіе со стороны Татаръ. Турецкое войско съ Муртазой и эскадра съ капитанъ-пашей отправились во свояси въ срединѣ сентября ст. ст. [2]). Турція тѣмъ болѣе была склонна къ миру, что войны въ Персіи и на Средиземномъ морѣ парализировали ея силы, а въ Крыму опасались, чтобы снова не явился Шагинъ-гирей со своимъ опаснымъ союзомъ съ козаками и Польшей.

Но независимо отъ турецко-татарскихъ отношеній этотъ лѣтній походъ козачества на море, непосредственно послѣ кампаніи, вызвалъ серьезныя опасенія какъ симптомомъ бурныхъ настроеній въ войскѣ. Въ то время какъ передъ Портой польское правительство хвалилось полнымъ усмиреніемъ козачества, въ дѣйствительности оно чувствовало себя вполнѣ безпомощнымъ передъ нимъ. „Поданный" королемъ гетманъ не былъ принятъ значительной частью козачества, продолжавшей группироваться около Сѣчи. „Прежній гетманъ Антонъ Конашевичъ не хочетъ быть послушнымъ новоизбранному и подтвержденному именемъ королевскимъ, устроилъ расколъ и съ десятью тысячами слишкомъ ушелъ на Запорожье, а этотъ новый остался на волости",—сообщалъ варшавскій корреспондентъ Сапѣгѣ іюльскія новости [3]).

Но и реестровое козачество, принявшее новаго гетмана, сильно подняло голову послѣ выигранной кампаніи. Тотъ же корреспондентъ сообщалъ въ томъ же письмѣ (2 авг. с. с.): „Новому гетману (Орендаренку) е. м. п. гетманъ Конецпольскій послалъ нѣсколько шатъ и булаву, но онъ не хотѣлъ принять ихъ безъ согласія войска. Собралъ кругъ (koło), и только когда онъ ему позволилъ, онъ принялъ эти дары, и все таки при гетманскомъ посланномъ, тамже, не безъ нѣкотораго оскорбленія, благодарилъ не гетмана, а войско за эти дары". Очевидно, вой-

[1]) Трактатъ у Наимы Collectanea I с. 189, обмѣнъ писемъ въ ркп. № 104 с. 269—272; дата трактата указанная у Наимы (9 сентября н. с.) кажется слишкомъ ранней.

[2]) Письмо Конецпольскаго къ королю 29 сент. н. с.—цитир. ркп. с. 261.

[3]) Публ. библ. автографы 221 т. I док. № 185.

ско было очень щекотливо въ этомъ пунктѣ „подаванья", или „коронованья" ему гетмановъ, и гетманъ подчеркивалъ, что онъ получаетъ эти клейноты не отъ правительства, а отъ войска. „Затѣмъ онъ возвратилъ п. гетману взятыя (подъ Переславомъ) пушки и прочую артиллерію, и за это былъ на него (Орендаренка) большой крикъ—что онъ сдѣлалъ это противъ ихъ воли, хотѣли его устранить, но онъ ихъ успокоилъ, сказавши: ‚хотя я добычу отдалъ, но славы вашей не отдалъ', и лишь тогда это хлопство успокоилось ,—однако нѣтъ надежды на спокойствіе отъ нихъ, такъ какъ ужъ очень они чванятся" [1]).

На радѣ, созванной въ іюлѣ въ Черкасахъ, рѣшили отправить пословъ къ гетману и королю „относительно нѣкоторыхъ несправедливостей" [2]). Извѣстный намъ московскій корреспондентъ Гладкій, разсказывалъ со словъ Борецкаго, ѣздившаго на эту раду, что тамъ шли разговоры о разореніяхъ причиненныхъ Конецпольскимъ во время кампаніи—„много ихъ городовъ повоевалъ, женщинъ и дѣтей пожегъ и имущество забралъ", „и поэтому они выбравъ двухъ человѣкъ, съ этой рады послали къ королю, а также выбрали шесть человѣкъ и послали въ Польщу разузнавать, что Поляки будутъ замышлять противъ нихъ послѣ этой войны" [3]). Требованія, предложенныя королю, варшавскій корреспондентъ передаетъ такъ: „между прочимъ хотятъ, чтобы число ихъ было больше, чѣмъ установлено куруковской и теперешней комиссіей, хотятъ бо̀льшаго жалованья, свободы вѣры и другихъ вольностей; со всѣмъ этимъ, такъ думаемъ—отошлютъ ихъ на сеймъ, но вообще не очень ихъ здѣсь утѣшили" [4]).

Требованія были старыя, но ставились въ иномъ тонѣ. „Очень это хлопство поднимаетъ голову", пишетъ тотъ же корреспондентъ—„вотъ и эти три посла, пріѣхавшіе къ е. м. королю, говорятъ очень гордо, и когда ихъ е. м. королевичъ угощалъ у себя, они хвалились своей храбростью, нападали на гетмана (Конецпольскаго) и тамъ и всюду на банкетахъ говорили, что онъ напрасно и не разумно поднялся на нихъ, ‚потерялъ хорошихъ молодцовъ, а у насъ ничего не погибло, только немного джуръ'". Какъ видимъ, пословъ принимали банкетами. „Изъ казны дано каждому по 10 локтей адамашка и

[1]) Автографы, док. 185.
[2]) Ibid док. 187 (письмо отъ 26 VIII н. с.).
[3]) Матеріалы Кулиша I с. 317
[4]) Письмо отъ 26 VIII н. с. l. c. док. 187.

двѣсти золотыхъ на всѣхъ, но денегъ не хотѣли взять, говорили, что прежде всегда каждому запорожскому послу давали по сто золотыхъ,—,почему мы должны быть хуже прежнихъ?" Хотятъ просить е. м. короля. Е. м. королевичъ далъ имъ особо матеріи и больше денегъ, и этимъ они были очень довольны [1]).

23 августа с. с. козаки имѣли раду на Масловомъ Ставѣ, недалеко отъ Канева, по поводу требованія Конецпольскаго, чтобы реестровое войско вышло подъ Бѣлую Церковь для охраны границъ отъ Татаръ. Съ этой рады также разошлись тревожные слухи по Украинѣ. Разсказывали о неудовольствіи козаковъ, что ихъ пословъ нѣтъ долго изъ Варшавы, и подозрѣніяхъ противъ Поляковъ. Подъ Бѣлую Церковь пошли всѣ восемь полковъ, но вели себя подозрительно. Московскій вѣстникъ разсказываетъ, что гетманъ Конецпольский приглашалъ козаковъ въ свой обозъ, но они не идутъ, опасаются коварства Поляковъ—чтобы Поляки ихъ не побили, и сами собираются биться съ ними [2]). Украинскіе монахи на допросахъ въ Москвѣ также говорили, что козачество ожидаетъ новой войны и запасается порохомъ и свинцомъ и всякими запасами, такъ какъ Польша навѣрно не примирится съ безславнымъ концомъ предшествующей кампаніи: „Конецпольскій потерялъ свою гетманскую славу и королевскую честь — запорожскихъ козаковъ не побилъ, вѣру христіанскую не обратилъ въ свою римскую, поэтому просилъ пановъ раду (сенаторовъ), чтобы послали съ нимъ противъ запорожскихъ козаковъ посполитое рушенье, чтобы истребить ихъ и уничтожить христіанскую вѣру, чтобы по всей Польшѣ и Литвѣ завести одну римскую вѣру" [3]).

Въ Варшаву доносили, что козаки собираются, въ обозѣ подъ Бѣлой Церковью есть ихъ больше десяти тысячъ, и на запросы нѣкоторыхъ украинскихъ пановъ, зачѣмъ они собираютъ силы теперь, послѣ соглашенія,—они оправдывались тѣмъ, что боятся нападенія Конецпольскаго, а если онъ и не думаетъ ничего злого противъ нихъ, то все равно они должны быть готовы въ виду Татаръ, шныряющихъ повсюду на Украинѣ" [4]). Со своей стороны Конецпольскій жаловался на козаковъ, что они не вы-

[1]) Автографы, док. № 187.

[2]) Матеріалы Кулиша с. 320. Малор. дѣла арх. ин. дѣлъ 1630 г № 5.

[3]) Матеріалы Кулиша с. 298.

[4]) Автографы l. с. док. 187.

шли съ обозомъ за предѣлы волости, какъ онъ имъ велѣлъ, „а расположились повсюду по волости и никому не даютъ спуску, къ великого отягощенію людей всякаго званія“, такъ что, по словамъ Конецпольскаго, онъ велѣлъ имъ итти домой,—„считалъ за лучшее преградить дорогу непріятелю съ однимъ королевскимъ войскомъ, чѣмъ слышать о такихъ недобрыхъ поступкахъ ихъ, о которыхъ ко мнѣ постоянно приходили извѣстія“ [1]).

Такимъ образомъ козачество рѣшительно вышло изъ всякаго повиновенія—даже реестровое, не только своевольное. „Очень подняло голову хлопство“, повторяетъ варшавскій корреспондентъ здѣшнія впечатлѣнія. Король принялъ пословъ сухо, даже ничего не упомянулъ объ ихъ требованіяхъ—выставлялъ большой милостью, что имъ прощены ихъ прежнія своевольства и что ихъ послы допущены на аудіенцію и къ цѣлованію королевской руки, хотя того они не заслужили; требовалъ, чтобы они вѣрной службой и послушаніемъ напередъ искупили эти вины, и грозилъ, что если бы козаки снова начали какіе-либо бунты, то рѣчь посполитая найдетъ способъ усмирить ихъ, и отниметъ у нихъ всѣ их вольности [2]).

Однако такая немилость, очевидно не произвела на козаковъ особаго впечатлѣнія, такъ какъ уже въ концѣ сентября Конецпольскій посылаетъ къ королю новыя тревожныя вѣсти, что большія массы козаковъ двинулись на Запорожье, и можно опасаться новаго похода на море. Одновременно его безпокоилъ призракъ новой козацкой религіозной войны, „немалая опасность,—какъ можно судить по интригамъ духовенства греческой религіи, о которыхъ мы разузнаемъ“. Король очень тревожился этими извѣстіями и внушалъ гетману мысль расположить на Поднѣпровьи часть короннаго войска, только „строго приказать, чтобы хоругви вели себя скромно на своихъ квартирахъ“ [3]).

Эта мысль—расположить значительное войско на Украинѣ, очень занимала правительственные круги, несмотря на печальные результаты, какіе далъ такой экспериментъ нѣсколько мѣсяцев

---

[1]) Ркп. № 104 с. 261 об., письмо отъ 26 IX нов. ст.

[2]) Ркп. № 104 с. 112, письмо короля къ козацкому старшему отъ 26 августа н. с.

[3]) Ркп. № 104 с. 275 (письмо 15 ноября н. с.).

раньше. Королевская инструкція на осенніе сеймики указызывала на необходимость расположенія значительнаго войска на Украинѣ для удержанія въ спокойствіи козачества[1]) и этотъ вопросъ дебатировался затѣмъ и на сеймѣ (созванномъ на осень 1630 г., но состоявшемся лишь въ февралѣ и мартѣ 1631 г.).

Козацкое своеволіе, такъ часто напоминавшее о себѣ во всю вторую половину года, разсѣяло всякія иллюзіи относительно результатовъ, достигнутыхъ послѣдней кампаніей. Тщетно пытался поддержать ихъ Конецпольскій. Было очевидно, что кампанія потеряна и переяславская „комиссія" ничего не сдѣлала для усмиренія своеволія. Нѣкоторыя воеводства поднимали непріятный вопросъ о томъ, что собственно послужило поводомъ козацкаго возстанія, и о способахъ предупрежденія ихъ на будущее время [2]). Въ дебатахъ звучало сильное неудовольствіе кампаніей и ея неудачными результатами. Сторонникамъ гетмана и правительства приходилось оправдываться, что съ неоплаченнымъ войскомъ, нехотѣвшимъ служить дольше, никакихъ результатовъ и нельзя было получить [3]), а безъ вооруженной расправы нельзя было оставить козачества, такъ какъ бездѣйстіе было бы санкціей полной безнаказанности и привело бы къ поголовной рѣзнѣ шляхты на Украинѣ: „безъ сомнѣнія, досталось бы проживающимъ тамъ панамъ, и не много бы осталось тамъ Ляховъ въ живыхъ—какъ объ этомъ писало много почтенныхъ людей изъ этихъ краевъ". Позднѣйшія своеволія объяснялись тѣмъ, что въ виду отсутствія средствъ козакамъ не былъ выплаченъ жолдъ—они слѣдовательно „имѣютъ предлогъ не держаться постановленій (переяславскихъ),—хотя вообще въ предлогахъ у нихъ нѣтъ недостатка" [4]).

Козацкія петиціи—объ увеличеніи реестра и платы, возобновлены были особымъ посольствомъ ихъ на сеймъ. Кромѣ того оно ходатайствовало о возстановленіи „нѣкоторыхъ выписанныхъ товарищей, находящихся на Запорожьи и въ чужихъ краяхъ". Узнаемъ объ этомъ изъ письма гетмана Тимоша къ кн. Радзивилу—гетманъ, по обычаю просилъ у него покровительства козацкимъ посламъ [5]). Также по обычаю козаки ходатайствовали объ успокоеніи религіи [5]).

---

[1]) Жерела VIII № 222.

[2]) Инструкціи прошовицкая и сандомирская—Жерела VIII № 224 и у Жуковича VI с. 115.

[3]) Жерела VIII № 226. [4]) Ibid. № 227.

[5]) Письмо отъ 3 янв. 1631 г. изъ Канева въ Археогр. Сбор. т. VII № 63.

[5]) Объ этомъ узнаемъ изъ позднѣйшихъ писемъ на сеймъ 1632 г.

Сеймъ довольно недружелюбно отвергъ козацкія просьбы, по крайней мѣрѣ эти болѣе важныя. Польскіе политики, начиная съ оракула по украинскимъ дѣламъ, стараго князя Збаражскаго, старѣйшины сената, рѣшительно высказались въ томъ смыслѣ, что увеличеніе числа козаковъ было бы большимъ несчастьемъ, — „Боже сохрани отъ этого“; козацкое посольство „отправить сурово“, требовать, чтобы походовъ на море и на Запорожье не было, въ противномъ случаѣ грозить, что „ихъ уничтожатъ саблей“. Такого мнѣнія держался и самъ Конецпольскій, въ добавленіе къ мудрымъ примѣрамъ, приведеннымъ нашимъ землякомъ, присоединивши кое-что и отъ себя. Однако считалъ необходимымъ „успокоить греческую религію“, чтобы положить конецъ агитаціи духовенства между козачествомъ и московскимъ интригамъ на этой религіозной почвѣ [1]). Эта же нота прозвучала въ рѣчи сурового клерикала литовскаго канцлера Альбр. Радзивила [2]): онъ также считалъ нужнымъ успокоить греческую религію, такъ какъ подъ предлогомъ религіи къ козакамъ „идетъ вся чернь“. Призракъ религіозной войны, пролетѣвшій лѣтомъ 1630 г., очевидно, не остался безъ впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ для болѣе серьезныхъ людей.

Вообще подъ вліяніемъ послѣдней козацкой войны вопросъ этотъ обсуждался, можно сказать, такъ серьезно, какъ никогда [3]). Не было недостатка и въ болѣе серьезныхъ соображеніяхъ о воз-

---

[1]) Объ интригахъ духовенства онъ писалъ королю въ цитированномъ письмѣ 17 сент. н. с. „отъ нихъ не малая опасность растетъ, какъ можно судить по интригамъ духовенства греческой религіи, о которыхъ мы разузнаемъ“ (Ркп. 104 с. 274). Въ позднѣйшемъ письмѣ изъ Варшавы отъ 10 н. с. апрѣля 1631, очевидно, на основѣ гетманскихъ реляцій читаемъ: „снова будутъ съ ними (козаками) хлопоты, такъ какъ ихъ возбуждаетъ Москва посольствами чрезъ посредство поповъ (автографы 221, док. 206). Съ этимъ нужно сопоставить опасенія Конецпольскаго относительно сношеній козачества съ Москвой во время переяславской войны. Во время сейма 1631 г. война съ Москвой носилась уже въ воздухѣ.

[2]) У Жуковича VI с. 133.

[3]) Сеймовыя совѣщанія проходили среди тревожныхъ вѣстей изъ Украины, которыя могли казаться предвѣстниками новой войны, подобной войнѣ 1630 г. Варшавскій корреспондентъ Савѣгъ пишетъ 29 янв. что козаки собирались утопить своего официальнаго гетмана и оставили его въ покоѣ только тогда, когда приблизилось польское войско; въ письмѣ отъ 10 февр. снова слухи о приготовленіи козаковъ къ возстанію (у Жуковичъ, VI с. 141).

можности большого крестьянскаго возстанія (cruentum bellum rusticum). Другіе, болѣе наивные, припоминали старыя разсужденія, что причиною своеволія являются еврейскія аренды (объ этомъ шляхетскомъ антисемитизмѣ XVII в. мы будемъ имѣть случай говорить). Духовные сенаторы совѣтовали не поступать сурово съ козаками и прибавить жалованья имъ. Но вообще всѣ эти спасительные совѣты исполнены не были, жалованья козакамъ не прибавлено[1]) — да и никакихъ особыхъ ассигновокъ и рѣшеній объ увеличеніи украинскаго войска не было принято[2]). Для успокоенія религіознаго вопроса, значеніе котораго въ козацкихъ отношеніяхъ такъ хорошо почувствовалъ теперь Конецпольскій, тоже ничего не было сдѣлано: „въ виду болѣе общихъ вопросовъ" этотъ вопросъ отложенъ былъ на слѣдующій сеймъ[3]).

Не найдя у сейма никакой реальной поддержки для своихъ плановъ подавленія болѣе значительнымъ военнымъ контингентомъ опасныхъ элементовъ Украины, правительство все-таки исполнило свое намѣреніе—снова ввело коронное войско на постой въ восточную Украину. Считалось это хорошимъ средствомъ и для подавленія своеволія, и въ виду опасности морскихъ походовъ, такъ какъ о большихъ приготовленіяхъ козаковъ къ морскому походу въ Варшаву стали приходить извѣстія уже съ конца марта с. с.[4]).

---

[1]) См. Жерела VIII с. 368.

[2]) „Хотѣлось бы мнѣ заблаговременно знать о мѣстѣ расплаты и о количествѣ оставленнаго войска, такъ какъ на сеймѣ изъ-за несогласій не было принято никакого рѣшенія относительно этого"— пишетъ Конецпольскій позже (въ апрѣлѣ). А король въ отвѣтъ на это напоминалъ ему: „помнишь, вѣрность ваша, какія были относительно этого рѣчи на прошломъ сеймѣ—что Рѣчь Посполитая хотѣла бы имѣть настолько уменьшенное (войско), чтобы хватило кварцяныхъ денегъ" (ркп. № 104 с. 325 и 327).

[3]) Volum. legum III с. 320.

[4]) „Козаки еще немного куралесятъ и сильно готовятся на море"—пишутъ Сапѣгамъ изъ Варшавы 10. IV н. с., а девять дней позже: „Козаки благодаря помѣщенію тамъ части войска болѣе спокойны" — автографы Публ. библ. № 221 док. 206 и 208. О расквартированныхъ за Днѣпромъ солдатскихъ ротахъ упоминаетъ также Конецпольскій въ позднѣйшихъ письмахъ, сожалѣя, что его совѣта не послушались и не назначили уплату войску жалованья въ Барѣ вмѣсто Львова—„потому что все войско находится на Украинѣ и изъ Заднѣпровья идти во Львовъ за платой солдатамъ будетъ тяжело"—ркп. № 104 с. 325 и 328.

Однако этимъ похода на море не предотвратили: въ апрѣлѣ козаки все-таки пошли на море, причинили большія потери Туркамъ, и это вызвало новую тревогу въ польскихъ политическихъ кругахъ[1]). А расквартированіе войска на Поднѣпровьи дало поводъ къ новымъ волненіямъ, особенно за Днѣпромъ. Къ сожалѣнію рапортовъ изъ Украины относительно этого, о которыхъ упоминается въ имѣющейся у насъ корреспонденціи, нѣтъ въ нашемъ распоряженіи. Въ письмахъ снова начинаетъ повторяться фраза, ставшая стеоретипной съ Переяславской кампаніи: „своеволіе поднимаетъ голову". Снова происходятъ нападенія на расквартированныя роты и безнаказанно проходятъ „для этого хлопства", съ великимъ ущербомъ для польскаго престижа[2]). Солдаты жаловались, что причиной такой дерзости населенія послужили королевскіе универсалы, которыми войску строго предписана была всяческая сдержанность по отношенію населенія. Войско не хотѣло служить дольше—собиралось поголовно идти изъ Украину за жалованьемъ, такъ что на лѣто Украина снова оставалась въ полной власти козацкаго своеволія[3]). Правительство, въ виду напряженныхъ отношеній съ Москвой, тревожилось подозрѣніями, нѣтъ-ли московской руки въ этихъ украинскихъ волненіяхъ. Ходили тревожные слухи объ агитаціи поповъ—московскихъ эмиссаровъ; опасались какого-либо взрыва украинской ирриденты. Дѣйствительно, шведское правительство, считаясь съ враждебнымъ настроеніемъ Польши[4]), прилагало старанія, чтобы раз-

---

[1]) Письма Конецпольскаго къ королю отъ 28 апр. и 16 мая н. с.—Разн. F. IV № 104 с. 325 и 329, письмо къ Сапѣгѣ—l. с. док. 204: „козаки этой весной съ моря причинили имъ (Туркамъ) большія потери". Подробностей не знаемъ.

[2]) Изъ Варшавы пишутъ: въ великій вторникъ козаки напали на кварцяное войско въ Нѣжинѣ, разгромили полки Мочарскаго и Лаща, разбили Нѣмцевъ изъ полка Бутлера; въ маѣ: козаки снова воюютъ съ кварцяными, но теперь кварцяные ихъ немного обуздали (у Жуковича VI с. 149).

[3]) Выдержки изъ корреспонденціи гетмана съ королемъ—въ украинскомъ изданіи.

[4]) Между прочимъ не переставали выдвигаться проекты посылки козацкаго войска на нѣмецкій театръ войны противъ Шведовъ; въ одной изъ варшавскихъ реляцій конца 1630 г. имѣемъ извѣстіе о желаніи Валленштейна получить отъ польскаго правительства 10 тыс. Запорожцевъ, и лѣтомъ 1631 г. староста калушскій собирался идти на помощь императору съ 3000 козаковъ и 1000 гусаръ (у Жуковича VI 105, 152).

будить украинскую ирриденту,—сначала при посредствѣ Москвы, подговаривая ее выступить съ религіознымъ лозунгомъ, въ защиту православныхъ Польши [1]), а затѣмъ непосредственно обращаясь къ козакамъ, и кое-что изъ этого могло быть извѣстно въ Польшѣ.

Однако скоро въ козацкихъ кругахъ обозначился благопріятный для польскаго правительства поворотъ. Можно думать, что болѣе солидные элементы среди козачества сами рѣшили, что струна слишкомъ натягивается и не слѣдуетъ такъ злоупотреблять безсиліемъ польскаго правительства. Къ тому же присоединились еще важныя событія въ церковной жизни: 2 марта с. с. окончилъ свой жизненный путь митрополитъ Іовъ, и въ виду различныхъ теченій и направленій, обнаруживавшихся въ украинскомъ обществѣ при этомъ случаѣ, въ виду всякихъ плановъ и перспективъ именно теперь было неудобно обострять отношенія къ правительственнымъ сферамъ и собирать злобу и месть на голову украинскаго общества въ такой острый и опасный моментъ. И вотъ какъ разъ въ началѣ избирательной борьбы за митрополичій престолъ въ апрѣлѣ 1631 г. козацкое войско посылаетъ какую-то декларацію своей лойяльности—къ сожалѣнію до сихъ поръ неизвѣстную въ полномъ видѣ [2]). А немного спустя, одновременно съ выборомъ митрополита происходитъ смѣна и на гетманствѣ: на мѣсто Орендаренка, очевидно лишеннаго гетманства, избирается представитель солидныхъ круговъ, при томъ талантливый и умѣлый политикъ и администраторъ Иванъ Кулага-Петражицкій, одинъ изъ переяславскихъ комиссаровъ. Хотя онъ тамъ фигурировалъ на сторонѣ своевольныхъ, но избраніе его не встрѣтило оппозиціи въ польскихъ кругахъ, и король подтвердилъ его Запорожскому войску своимъ универсаломъ, сохранившимся въ полномъ текстѣ; считаю нужнымъ привести его, такъ какъ это единственный документъ въ этомъ родѣ:

„Всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности, кому это слѣдуетъ знать, извѣщаемъ, что мы въ виду засвидѣтельствованной намъ вельм. воеводой сандомирскимъ, гетманомъ короннымъ поль-

[1]) См. Форстена Балтійскій вопросъ II с. 355 и сл.

[2]) Пока мнѣ встрѣтилось лишь краткое упоминаніе о ней въ письмѣ Конецпольскаго къ королю 16 мая н. с.: „О козакахъ что сообщаетъ мнѣ е. м. п. староста калушскій и е. м. п. галицкій, посылаю в. к. м. — дай Богъ, чтобы эта покорность ихъ обнаружилась на дѣлѣ“ (ркп. 104 л. 329 об.).

скимъ, вѣрности намъ и Рѣчи Посполитой Ивана Петражицкаго, опытности его въ рыцарскихъ дѣлахъ и желанія послужить намъ, назначаемъ его и даемъ его въ старшіе войску Запорожскому, не сомнѣваясь, что онъ будетъ на этомъ порученномъ ему старшинствѣ свидѣтельствовать должную вѣрность и послушаніе намъ и Рѣчи Посполитой, предупреждая всякія своеволія и не допуская, чтобы спокойствіе прерывалось сосѣдями и нарушалось войскомъ Запорожскимъ. Сообщая объ этомъ для свѣдѣнія козаковъ запорожскихъ, всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности, велимъ считать его старшимъ и оказывать ему должное послушаніе, согласно куруковской ординаціи, и не поступать иначе, имѣя въ виду милость нашу и свою обязанность. Въ Варшавѣ 22 сентября, 1631 года“ [1]).

Какъ видимъ, правительство со своей стороны игнорировало избраніе старшаго войскомъ, такъ точно, какъ войско старалось игнорировать подтвержденіе выбора правительствомъ.

Новый гетманъ дѣйствительно не замедлилъ засвидѣтельствовать свою вѣрность и послѣ своего избранія утѣшилъ королевское сердце, переславъ коронному гетману извѣстіе о посольствѣ наслѣдственнаго королевскаго врага, шведскаго короля Густава, присланномъ къ козакамъ черезъ Москву, въ сопровожденіи приданнаго ему изъ Москвы агента, извѣстнаго уже намъ Путивльца Гладкаго. Эти посланцы должны были добраться до братьевъ митр. Борецкаго и владыки Борисковича, чтобы тѣ провели ихъ къ козакамъ не Орендаренковымъ, официальнымъ, а къ войску враждебному Польшѣ [2]), но они не нашли дороги и попали къ реестровому войску Кулаги, а Кулага поспѣшилъ увѣдомить объ этой миссіи польское правительство.

О содержаніи письма Кулага сразу не могъ сказать ничего— „писемъ мы еще не брали отъ нихъ, такъ какъ изволитъ в. милость знать, что у насъ безъ рады ихъ читать нельзя; послали мы за полковниками и прочимъ товариствомъ, чтобы съѣхались“. Но немного спустя прислалъ онъ и самое письмо—не особенно богатое содержаніемъ и интересное только какъ попытка завязать непосредственныя сношенія: въ этомъ письмѣ секретарь кор. Густава Адольфа Руссель (Розеллій) приглашалъ козацкое войско войти въ непосредственныя сношенія и дружбу со шведскимъ королемъ,

---

[1]) Жерела VIII № 232.

[2]) Объ этой миссіи см. у Соловьева IX с. 1172.

какъ искреннимъ пріятелемъ греческой вѣры и врагомъ іезуитовъ [1])—по его словамъ, королю совѣтывали обратиться къ козакамъ патріархи, особенно константинопольскій патріархъ Кириллъ.

Какъ приняли козаки пословъ, объ этомъ официальной реляціи Кулаги не имѣемъ [2]).

Донской козакъ, присутствовавшій на радѣ въ Каневѣ при чтеніи этого письма, разсказываетъ, что мнѣнія козаковъ при этомъ раздѣлились: „мелкіе люди“ выражались враждебно для польскаго правительства или, какъ передавалъ этотъ вѣстникъ примѣнительно къ московской аудиторіи—„говорили, чтобы служить имъ царю, а тутъ имъ, Черкасамъ, и вѣрѣ христіанской отъ Поляковъ утѣсненіе“; но „лучшіе люди Черкасы, которые пристали къ Полякамъ“, противились политикѣ авантюръ: ихъ мнѣніе получило перевѣсъ и письма и „Нѣмцы“ были отосланы къ гетману Конецпольскому“[3]). Подробность, безъ сомнѣнія, схваченная реально, хотя и пропущенная сквозь упрощенную московскую призму. Въ варшавскихъ кругахъ ходили разсказы, что козаки шведскихъ пословъ утопили, потомъ—что не утопили, но только издѣвались надъ ними: стали поить водкой, а когда тѣ не захотѣли, стали кричать на нихъ, что они измѣнники и ихъ нужно напоить не водкой, а водой—утопить, а въ концѣ концовъ отослали къ Конецпольскому, а тотъ отправилъ ихъ въ Варшаву [4]).

---

[1]) Вотъ въ какихъ словахъ обращался Розеллій къ козакамъ: Nobiles et liberi milites, viri strenui, Boristenis et Ponti Euxini dominatores et quod maximum est — religionis christianae graecae et avitae acerrimi defensores! Онъ увѣряетъ ихъ, что его король издавна хотѣлъ засвидѣтельствовать свою дружбу reipublicae vestrae et universo insigni ac proevalido nobilium kozakorum Zaporovianorum corpori, и теперь хочетъ войти in tractationem confederationis vobiscum arctioris et inviolabilis non minus publice privatimque omnibus honorificae quam utilis pro bono et assecuratione libertatis vestre... et imprimis ad vindicandam ex tyrannide pontificis romani eiusque satellitum principum, communium adversoriorum nostrorum avitam vestram religionem graecam, quae gemens et persecutionem durissimam perpessa auxilium divinum vestrumque vehementissime implorat.

[2]) Письмо Розеллія и корреспонденція Конецпольскаго по этому поводу—ркп. № 104 л. 315 и сл.

[3]) Акты Москов. госуд. I № 328.

[4]) Публ. библ. автогр. 221 № 247, Жуковича VI с. 156.

Одновременно съ столь благопріятной перемѣной на гетманствѣ правительство задумывалось надъ способами провести и на кіевскую митрополію какого-либо человѣка созвучного или по крайней мѣрѣ покладистаго для правительственной политики. Въ іюнѣ (23 н. с.) король послалъ инструкцію тогдашнему кіевскому воеводѣ Тышкевичу по этому поводу. Король упоминалъ, что по его извѣстіямъ „Борецкій псевдомитрополитъ кіевскій умеръ на этихъ дняхъ“ (въ дѣйствительности умеръ онъ слишкомъ три мѣсяца тому назадъ!), и что кандидатомъ на митрополію является Мужиловскій—„оставивъ жену, хочетъ быть митрополитомъ“. „А такъ какъ для насъ и Рѣчипосполитой очень важно, чтобы козаки не посадили на это мѣсто какого либо человѣка „несфорнаго“, бунтовщика, который бы ихъ затѣмъ возмущалъ и настраивалъ противъ католиковъ и уніатовъ—то рѣшили мы снестись съ вашею мил. какъ тамошнимъ воеводой. Усиленно поручаемъ в. милости уговаривать козаковъ, чтобы они не поставляли себѣ митрополита безъ воли и утвержденія нашего, такъ какъ назначеніе его принадлежитъ намъ по праву нашему королевскому и законамъ коронным,—и своимъ авторитетомъ и искусствомъ такъ дѣло направить, чтобы ни упомянутый Мужиловскій не получилъ митрополіи, къ которой стремится, ни другія лица, которыя могли бы чинить тамъ смуты и воленія“. Король поручалъ Тышкевичу занять по смерти Борецкаго Михайловскій монастырь, съ тѣмъ чтобы передать королевскому комиссару—король хотѣлъ назначить сюда Германа Тышкевича, родственника воеводы, неудачнаго кандидата на печерскую архимандрію по смерти Копыстенскаго. Но при всемъ томъ велѣлъ всячески остерегаться, чтобы не вызвать „какого либо волненія среди козаковъ“. „Если уже этотъ монастырь взяли въ свое владѣніе козаки и тамъ находится нѣкоторое количество ихъ, то остерегайся в. м., чтобы при отбираніи его не произошло какого-либо кровопролитія, а затѣмъ и волненій козацкихъ по всей Украинѣ“ [1]).

Какъ видимъ, порученіе было не только дано съ сильнымъ опозданіемъ, но и исполненіе его было очень затруднительно какъ въ отношеніи монастыря такъ и относительно митрополіи. Въ отношеніи монастыря за королемъ было по крайней мѣрѣ ясное, освященное вѣками право патроната; что касается

---

1) П. Могила I приб. 72.

митрополіи, то добиваться, чтобы на мѣсто Борецкаго предложили кандидата на утвержденіе короля—значило сразу признать параллельную съ уніатской православпую іерархію, сойти съ положенія, на которомъ все время стояло правительство—дѣло очень сложное, которое могло быть проведено лишь въ формѣ обостороння го комиромисса, какъ это предполагалось въ 1628—9 гг. и осуществилось въ 1632 г.

Теперь въ этомъ направленіи правительству ничего не удалось сдѣлать, и даже неизвѣстно, предпринималъ ли какіе-либо шаги воевода, чтобы исполнить королевскія инструкціи. Михайловскій монастырь уже имѣлъ игумена—братія избрала печерскаго намѣстника Филоѳея Кизаревича, очевидно—кандидата Могилы; послѣдняго Борецкій въ своемъ завѣщаніи назначилъ опекуномъ не только надъ своимъ имуществомъ, но и надъ самимъ монастыремъ.

Поступая такъ, покойный митрополитъ, быть можетъ, имѣлъ намѣреніе облегчить путь къ митрополіи своему другу и участнику своихъ послѣднихъ церковно-политическихъ плановъ. Могила имѣлъ шансы получить королевское утвержденіе, и кто знаетъ, не имѣло ли правительство въ виду именно его, поручая Тышкевичу устранять оппозиціонныхъ кандидатовъ. Безъ сомнѣнія, самъ Могила имѣлъ виды на митрополію. Его сближеніе съ братствами послѣ смерти Борецкаго, выжидательное положеніе по вопросу о фундаціи коллегіи (въ своей деклараціи, данной 15 іюня во Львовѣ, митрополитъ оставляетъ за собою право основать коллегію при Печерскомъ монастырѣ или тамъ „гдѣ найдетъ нужнымъ“) [1], наконецъ всѣ тѣ препятствія и непріятности, какія онъ создавалъ въ Михайловскомъ монастырѣ Копинскому—все это достаточно опредѣленно вскрываетъ его планы на митрополію. Но въ глазахъ стражей православія Могила скомпрометировалъ себя участіемъ в уніонномъ компромиссѣ и при замѣщеніи митрополіи его кандидатура не прошла.

Избранъ былъ представитель старо-православныхъ аскетическихъ традицій, основатель лубенскихъ монастырей Исайя Копинскій. Произошло это въ іюнѣ или іюлѣ, „совѣтно отъ всего народа россійского“ [2]), но подробностей этого всенароднаго

---

[1]) См. выше с. 163.

[2]) Каталогъ митрополитовъ публ. библ.—Бычкова Описаніе рукописныхъ сборниковъ имп. пуб. библ. I с. 65. Точная дата из-

избранія не знаемъ. Затѣмъ Исайю посвятилъ проѣзжій митрополитъ изъ Греціи, и партія Могилы могла только отомстить контръ-кандидату тѣмъ, что долгое время оставляла его безъ резиденціи: Михайловскій монастырь держалъ сторонникъ Могилы Кизаревичъ и не пускалъ Исайю даже послѣ того, какъ михайловская братія, очевидно—подъ напоромъ общественнаго мнѣнія, формально избрала своимъ игуменомъ Копинскаго (игнорируя предшествующій выборъ Кизаревича) [1]). Кизаревичъ продолжалъ держаться въ монастырѣ, пока наконецъ въ концѣ года не удалило его отсюда Запорожское войско manu militari: полковникъ Запорожскаго войска Демьянъ Гарбузъ съ козаками „гвалтомъ" наѣхалъ на Михайловскій монастырь 10 декабря, выгналъ отсюда Кизаревича и ввелъ Копинскаго во владѣніе монастыремъ [2]).

Вся эта исторія достаточно испортила отношенія въ кіевскомъ и вообще украинскомъ обществѣ, и именно подъ впечатлѣніи этихъ событій монахи изъ Новгородъ-Сѣверскаго разсказывали на допросѣ въ Сѣвскѣ, въ сентябрѣ 1630 г., что козаки посадили на мѣсто Борецкаго Исайю, такъ какъ только онъ стоитъ за православную вѣру, а печерскій архимандритъ поддается Ляхамъ и держится съ ними противъ козаковъ [3]). Передавали также слухи относительно польскихъ плановъ новаго угнетенія православной вѣры. Слухи эти ходили по Украинѣ, очевидно, въ связи съ этими кіевскими событіями: „Ляхи сходятся изъ Польщи подъ Кіевъ и стоятъ въ Кіевѣ и вблизи его, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, а запорожскіе козаки пошли подъ Масловъ Ставъ, и гдѣ Ляхи встрѣтятъ запорожскихъ козаковъ, побиваютъ на смерть"—все будто бы за самовольное избраніе митрополита. „И говорятъ, что у Ляховъ скоро снова будетъ война съ запорожскими козаками, этой осенью, и поэтому Ляхи послали въ окраинные, литовскіе (украинскіе) пограничные города

бранія Исайи не извѣстна. Голубевъ предполагаетъ, что оно состоялось еще до отъѣзда Могилы во Львовъ въ началѣ іюня (I с. 452), но этого нельзя утверждать навѣрно. О посвященіи Исайи арх. иностр. дѣлъ, дѣла малорос. 1631, 1/IX, № 3.

[1]) Актъ избранія 29 окт. 1631 въ Актахъ Западной Россіи IV № 231.

[2]) Акты Зап. Рос. V № 12—позднѣйшій протестъ противниковъ Копинскаго.

[3]) Акты Москов. госуд. I № 315.

смоленскаго бискупа (Льва Кревзу, уніатскаго епископа), чтобы онъ обращалъ людей всякаго сословія въ свою лядскую вѣру",— прислалъ онъ своихъ людей въ Стародубъ и Новгородъ Сѣверскій, и они печатали и разоряли „русскія" церкви, а людей насильно обращали въ лядскую вѣру, такъ что много ихъ убѣжало, и собираются идти за московскую границу.

Въ этихъ разсказахъ сѣверскихъ монаховъ, насколько они касаются Сѣверщины, должна быть извѣстная доля правды— какія-то оказательства уніатской „проповѣди", очевидно, были. Мы находимъ намекъ на нихъ и въ козацкомъ посольствѣ на сеймъ въ началѣ 1632 г. Но тревожныя настроенія и тренія, о которыхъ говорятъ эти извѣстія, проходили—отчасти благодаря стараніямъ „статочныхъ" и ихъ новаго гетмана, отчасти благодаря самому польскому правительству, которое открыло новую арену для козацкой энергіи и послѣ столькихъ разговоровъ о необходимости строгаго соблюденія куруковской ординаціи само освободило отъ нея козачество — въ виду близкой перспективы войны съ Москвой.

Отношенія Польши къ Москвѣ были натянутыя съ самаго трактата въ Деулинѣ (1618), установившаго перемиріе на 14 съ половиной лѣтъ. Москва не могла не чувствовать тягостно потери своихъ провинцій, а еще менѣе могла помириться съ тѣмъ, что польская сторона ни за что не хотѣла признать царемъ Михаила Федоровича и отказывала ему въ царскомъ титулѣ во всѣхъ сношеніяхъ. Неизбѣжность войны чувствовалась все время, а по мѣрѣ того какъ приближался конецъ перемирія (заключеннаго до весны 1633 г.), она становилась все болѣе близкой. Лѣтомъ 1631 г. московское правительство рѣшило начать войну на смоленской границѣ и приступило къ приготовленіямъ. Въ Польшѣ это не осталось секретомъ, и осенью того же года польское правительство рѣшило начать мобилизацію козачества для похода на Сѣверскія земли. Раньше шли разговоры о посылкѣ козацкаго войска (двадцати тысячъ!) подъ начальствомъ королевича Владислава въ Германію, противъ шведскаго короля [1]),

[1]) Изъ актовъ нѣмецкой нунціатуры у Форстена Акты и письма I с. 315. Съ этимъ слѣдуетъ связать разсказъ одного московскаго агента о томъ, что императоръ присылалъ къ Запорожцамъ посла и деньги, приглашая ихъ идти къ нему на помощь противъ Шведовъ, но король польскій не пропустилъ этого посла къ козакамъ, сказавъ: „теперь намъ самимъ нужны люди" (Акты Москов. госуд. I № 330).

но въ виду московскихъ перспективъ это предложеніе было отклонено—козаки нужны были для себя. Московскіе вѣстники, ѣздившіе по Украинѣ для „вѣстей“ въ октябрѣ и ноябрѣ 1631 г., разсказывали, что при нихъ „литовскій король присылалъ въ Каневъ козацкому гетману Кулагѣ знамя, булаву и бубны и велѣлъ ему, гетману, кликнуть по литовскимъ городамъ, чтобы всякіе охочіе люди записывались въ козаки, а какіе были выписаны, тѣмъ велено быть снова козаками“ [1]).

Этимъ козачеству „разрѣшалось все“ на волости. Но за то польское правительство поручало Кулагѣ предупредить походы на морѣ, чтобы по возможности обезпечить себя отъ какихъ-либо неожиданностей съ турецкой стороны. Лѣтомъ этого года имѣлъ мѣсто походъ на море съ Дону съ участіемъ Запорожцевъ: Донцевъ ходило полторы тысячи и пятьсотъ Запорожцевъ, „какіе тогда были на Дону“; на морѣ имъ преградили путь турецкія каторги, и они ушли на Запорожье, чтобы зимовать тамъ [2]). Этотъ походъ былъ способенъ усилить вѣчную тревогу польскаго правительства относительно морскихъ экспедицій. Во всякомъ случаѣ Кулага получилъ порученіе вывести выписчиковъ съ Низа и сжечь лодки, чтобы предупредить дальнѣйшіе походы. Былъ присланъ и гетманскій дворянинъ Загоровскій, чтобы эта процедура была исполнена въ его присутствіи.

Кулага выслалъ съ нимъ на Запорожье отрядъ реестровыхъ (около пятисотъ человѣкъ, какъ передавали московскіе вѣстники). Но эта экскурсія окончилась ничѣмъ, вслѣдствіе татарскаго нападенія: крымскій царевичъ Махметъ-гирей съ мурзами отправился въ это время на коронныя земли и козаки вынуждены были заняться охраной границъ [3]).

Какъ говорили на Украинѣ, козаковъ было на Запорожьи тысячъ до пяти, гетманомъ былъ у нихъ, по словамъ однихъ—Дацко Бѣлоцерковецъ, по словамъ другихъ—Тарасъ [4]), а Дацко

---

[1]) Акты Московъ. госуд. I № 318, ср. 328.

[2]) Акты Московъ. госуд. № 328, Донскія дѣла I с. 341. Въ турецкой корреспонденціи 1632 г. имѣемъ упоминаніе о походѣ 16 козацкихъ лодокъ на море—Рукп. публ. библ. Разн. 104 с. 586 л.

[3]) Письмо и козацкая инструкція на сеймъ 1632 г.—въ слѣд. томѣ.

[4]) Одна реляція называетъ его „Тарасомъ Чорнымъ“ (Акты Московъ. государ. I ч. 333), но это можетъ быть память о Грицькѣ Чорномъ, противникѣ Тараса.

былъ полковникомъ (можетъ быть, за зиму произошла перемѣна). Увѣряли, что выписчики несомнѣнно не послушаютъ Кулаги, и когда Кулага самъ пошелъ таки зимой изъ Канева на Запорожье, ожидали новой войны между реестровыми и выписчиками („Черкасами письменными“ и „отставленными“ по терминологіи московскихъ реляцій). Но эти предвѣщанія не сбылись: Кулагѣ съ полковниками Клишей и „Колѣнкой“ (такъ называютъ его вѣстники) удалось безъ кровопролитія склонить Запорожцевъ— вѣроятно въ виду правительственной мобилизаціи—подчиниться волѣ короля. Запорожцы даже позволили сжечь свои лодки— только не согласились сжечь лодокъ Донцовъ, бывшихъ на Запорожьи. Сами пошли на Украину, Тарасъ и Кулага, и Донцевъ забрали съ собой на зимовку съ Запорожья, а на Запорожьи оставили гарнизонъ съ полк. „Колѣнкою“ [1]).

Тренія такимъ образомъ были устранены. На послѣдній сеймъ Сигизмунда III, созванный на мартъ мѣсяцъ, козацкая старшина, посылая свои петиціи, могла просить ихъ исполненія въ полномъ сознаніи своего похвальнаго поведенія и засвидѣтельствованныхъ передъ Рѣчью Посполитой заслугъ. О недавнихъ треніяхъ говорила она какъ объ эпизодѣ безповоротно пройденномъ и довольно тверда ставила свои требованія, зная, насколько правительство разсчитываетъ на нее.

Начинала ихъ съ религіознаго вопроса, напоминала королевскія обѣщанія, что онъ будетъ улаженъ; вспоминала, что на послѣднемъ сеймѣ обѣщано было покончить это дѣло на ближайшемъ сеймѣ и утвердить владыкъ на ихъ епархіяхъ; указывала на притѣсненія причиняемыя православнымъ на Бѣлоруси, въ Перемишльской землѣ, на Волыни, „а наконецъ въ послѣднее время въ Сѣверской землѣ, около Чернигова и въ другихъ мѣстахъ, приближаясь къ намъ, такъ что духовные наши не могутъ безопасно отправлятъ богослуженіе въ домахъ божьихъ, и наконецъ—и въ своихъ домахъ“. Далѣе слѣдовали вопросы болѣе матеріальные:

„Не тайно, думаемъ, для вашей королевской милости“— писали въ инструкціи,—„что послѣ прошлогодняго нашего проступка, когда мы заводили порядокъ въ войскѣ и вводили его въ компутъ (реестръ), мы не могли никоимъ образомъ ввести все войско въ шесть тысячъ, такъ какъ прибыло очень много заслу-

[1]) Акты Москов. госуд. I № 327, 328, 333, 336. Донскія дѣла I с. 342.

служенныхъ товарищей: одни изъ плѣна, взятые на службѣ вашей королевской милости, другіе передъ тѣмъ разошлись было на Донъ, на рѣки и по разнымъ мѣстамъ, а теперь возвратились, такъ что исключивъ много другихъ, едва можно было помѣстить въ восьми тысячахъ. Да и отъ вашей королевской милости было обѣщаніе прибавить намъ эти двѣ тысячи“.

Козаки поэтому просили прибавить жалованья и сукна, дать ассигнованія на артиллерію и назначить для нея стоянку. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщали, что какъ разъ въ это время половина войска съ самимъ старшимъ сбирается снова на Запорожье для усмиренія своеволія и сожженія лодокъ, и просили короля не безпокоиться и не подозрѣвать въ этомъ походѣ чего небудь нежелательнаго.

Король далъ довольно кислосладкій отвѣтъ. Обстоятельства въ данный моментъ принуждали его въ особенности цѣнить расположеніе козачества и вообще украинскаго элемента: и перспективы московской войны, которую онъ въ инструкціи сеймикамъ проэктировалъ собственно возложить цѣликомъ на козачество [1]), и опасенія шведско-московскихъ интригъ на Украинѣ и Литвѣ, и желаніе не оттолкнуть отъ себя Украинцевъ въ моментъ, когда король, предчувствуя близкій конецъ, предпринималъ послѣднія старанія для обезпеченія короны старшему сыну и родныхъ доходныхъ статей для остальныхъ дѣтей. И онъ старался принудить себя возможно благосклоннѣе отнестись къ требованіямъ козачества и украинскихъ круговъ вообще.

Въ своемъ отвѣтѣ козацкому войску по религіозному вопросу король обращалъ вниманіе козачества на то, что это „не ихъ дѣло заниматься тѣмъ, что происходитъ въ в. кн. Литовскомъ—тамошніе обыватели сами могутъ оцѣнить, чего имъ надо, и сами безъ васъ, конечно, донесутъ нашему величеству, еслибы произошла какая-нибудь несправедливость“. Въ этомъ, заключалось молчаливое и довольно неожиданное признаніе, что дѣлами украинской церкви козаки имѣютъ право заниматься; но вѣроятно король не хотѣлъ сказать этого. По его словамъ, онъ во-

---

[1]) См. у Жуковича с. 168: король, стараясь по возможности не испугать шляхту перспективой войны, представляетъ дѣло такъ, что если Запорожское войско двинется въ такомъ количествѣ какъ было подъ Хотиномъ, то Польшѣ достаточно будетъ прибавить къ этому только тысячи двѣ гусаровъ, а остальное понесетъ на себѣ в. кн. Литовское (ркп. Публ. библ. Разн. 104 с. 555 и др.).

обще не слыхалъ о какихъ-нибудь несправедливостяхъ въ вопросахъ религіи; однако напишетъ митрополиту и прочему духовенству (уніатскому) и запросить ихъ по этому дѣлу и прикажетъ воздерживаться отъ всякихъ притѣсненій.

Что касается увеличенія войска, король отвѣтилъ, что послѣднія двѣ тысячи были прибавлены безъ королевскаго соизволенія, и предыдушій сеймъ отложилъ это дѣло; но того, что прозошло, король „въ данный моментъ не намѣренъ касаться", а всѣ прочіе вопросы отлагаетъ до другого раза, такъ какъ на этотъ разъ кратковременность сейма не дала возможности остановиться на нихъ. На будущемъ сеймѣ онъ обѣщаетъ поставить вопросъ объ увеличеніи жалованія козакамъ и поддержать его всѣмъ своимъ вліяніемъ, такъ точно какъ и вопросъ о спеціальныхъ ассигнованіяхъ для козацкой артиллеріи. Высказывалъ свою похвалу козацкому войску за его старанія относительно прекращенія своеволія на Запорожьи. Выражалъ свое убѣжденіе въ вѣрности и лойяльности войска [1]).

Все это звучало обѣщаніемъ новаго, болѣе благопріятнаго курса по отношенію къ козачеству и вообще къ украинской народности.

Но еще больше, чѣмъ эта королевская декларація 6 апрѣля 1632 г.—еще болѣе широкія перспективы открывала передъ ними всѣми ожидавшаяся смерть, витавшая уже надъ королемъ и слышавшаяся изъ всѣхъ послѣднихъ его заявленій и переговоровъ съ ними.

---

[1]) Документы въ Публ. библ. Разн. F. IV, 104 с. 663, 664, 666.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

лигіозная идеологія въ козацкомъ обиходѣ (с. 99), культурно настроенные элементы козачества (с. 100), соображенія о спеціальной пропагандѣ религіозныхъ мотивовъ среди козачества (с. 101), характеристика преданности козаковъ своей религіи у Іова Борецкаго (с. 102), козацкій манифестъ 1610 года (с. 104), письмо Гр. Тискиневича (с. 105). Вмѣшательства козаковъ въ церковныя кіевскія дѣла (с. 106), дѣло Грековича (с. 107), дѣло м. Неофита (с. 108—9), убійство Грековича (с. 109—10), политическое значеніе союза козачества съ украинской интеллигенціей на религіозной почвѣ (с. 111), важность его для козачества (с. 112), вопросъ о вліяніи его на ослабленіе союза козачества съ крестьянствомъ (с. 113), причины неопредѣленности соціально-экономическихъ требованій въ козацкой программѣ (с. 114).

Кіевское культурно-національное движеніе во второмъ и третьемъ десятилѣтіи XVII в.:

Литература вопроса (с. 115—16). Тѣсныя связи козачества съ Кіевомъ (с. 115), Терехтемировскій монастырь какъ посредникъ (с. 116—17), ростъ кіевской жизни съ концомъ XVI в. и наплывъ католичества (с. 117), Печерскій монастырь какъ культурно-національный очагъ (с. 118), Елисей Плетенецкій и его дѣятельность (с. 119), основаніе лаврской типографіи (с. 120), споръ о началѣ ея (с. 121), печерскій кружокъ Плетенецкаго (с. 122), Захарія Копыстенскій (с. 123). П. Берында (с. 124), Т. Земка и Л. Зизаній (с. 125), Іовъ Борецкій (с. 126), Галичане въ Кіевѣ (с. 126—27). Фундація Гальшки Гулевичъ (с. 127), основаніе кіевскаго братства (с. 128), братская школа (с. 129), характеръ обученія въ ней (с. 130), жалобы уніатовъ на дѣятельность братства (с. 131), грамоты патр. Ѳеофана (с. 132) и дальнѣйшее развитіе братства (с. 133). Тренія въ кіевскихъ отношеніяхъ (с. 134), планы Петра Могилы (с. 135), основаніе лаврской коллегіи П. Могилы (с. 136) и ея первый munus Minervae (с. 137), недовольство ею среди кіевскаго населенія (с. 138), соединеніе фундаціи Могилы съ братствомъ (с. 139), концентрація кіевскихъ силъ подъ руководствомъ Могилы (с. 140). Новое значеніе Кіева какъ культурнаго центра Украины и Бѣлоруссіи (с. 141).

Возстановленіе православной іерархіи:

Козацкія отношенія въ 1619—20 гг. (с. 142), турецкая опасность и тревога въ польскихъ кругахъ (с. 143), раздѣленіе среди козачества, Сагайдачный и Бородавка (с. 144), ихъ роль въ возстановленіи іерархіи (с. 145), пріѣздъ патр. Ѳеофана и связанные съ этимъ планы православныхъ (с. 146), литература возстановленія іерархіи (с. 146—7), вопросъ о православной іерархіи и безуспѣшность стараній сейма (с. 147), опасность грозившая православной церкви (с. 148), непреклонность правительства (с. 149), вымираніе шляхты и грозившія отъ этого послѣдствія (с. 149), планы посвященія новой іерархіи (с. 150), прибытіе патр. Ѳеофана въ Кіевъ (с. 151), польскіе замыслы противъ него (с. 152), переговоры отно-

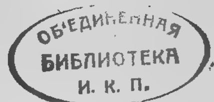
го компромисса (с. 319), пропаганда Саковича и миссія Смотрицкаго (с. 320), проэктъ собора для соглашенія православныхъ съ уніатами (с. 321), соборъ въ Кобринѣ и уклоненіе отъ него православныхъ (с. 322), интриги Смотрицкаго (с. 323), переписка съ патріархомъ (с. 324), свиданіе съ Могилою (с. 325), кіевскія совѣщанія 1627 г. (с. 325—6), слухи объ уніатскихъ настроеніяхъ среди іерархіи (с. 327), съѣздъ въ Городкѣ 1628 г. (с. 327—8), приготовленія къ собору (с. 328).

Козачество и его лойяльная политика въ 1626—7 гг.:

Литература по исторіи козачества въ 1625—1630 гг. (с. 328—9). Господство „лучшихъ людей" среди козачества и ихъ оппортунизмъ (с. 329), составленіе реестра (с. 330), старанія гетмана М. Дорошенка (с. 331), вопросъ о выводѣ козаковъ изъ шляхетскихъ имѣній (с. 332), ходатайства козаковъ, предложенныя сейму 1626 г. (с. 333) и ихъ безуспѣшность (с. 334). Опасность со стороны Татаръ (с. 335), ложные слухи объ отказѣ козаковъ отъ службы польскому правительству (с. 336), тревожныя вѣсти о козацкомъ походѣ на море (с. 337), походъ 1626 г. (с. 338), Дорошенко на Запорожьѣ—его мѣропріятія противъ своеволія выписчиковъ (с. 339), окончаніе реестраціи козачества (с. 340), напрасныя старанія его получить льготы за проявленную лойяльность (с. 341), подвиги козаковъ въ борьбѣ съ Татарами (с. 342), погромъ Татаръ подъ Бѣлою Церковью (с 343), новый отказъ короля въ исполненіи козацкихъ просьбъ и неудовольствіе козаковъ на эту неблагодарность (с 344), козацкая рада въ Переяславлѣ 1627 г. и новыя ходатайства передъ королемъ (с. 345), безуспѣшность этого посольства (с. 346).

Крымскіе походы 1628 г.:

Предложеніе правительства относительно участія въ войнѣ со Шведами(с. 347), отказъ гетмана Дорошенка (с. 348), слухи ходившіе по этому поводу (с. 349). Турецкая экспедиція для устройства противъ козаковъ замковъ на Днѣпрѣ (с. 350), тревога въ Польшѣ (с. 351), морской походъ выписчиковъ и депутація къ королю реестровыхъ (с. 351—2), петиціи козаковъ (с. 352) и постановленія осенняго сейма 1627 г. (с. 353). Позиція правительства въ вопросѣ о поднѣпровскихъ замкахъ (с. 354), походъ Дорошенка на Асланъ-городокъ 1628 г. (с. 355), неудача Шагина и его новое обращеніе къ козакамъ (с. 355—6), походъ Дорошенка въ Крымъ (с. 356—7), гибель Дорошенка (с. 357), отступленіе (с. 358), другіе козацкіе походы на турецкія владѣнія (с. 359). Новый гетманъ Грицько Чорный (с. 360), зондированіе польскихъ круговъ относительно продолженія крымской аферы (с. 361), предложенія Шагина (с. 362), совѣты Збаражскаго (с. 363), уклончивая политика польскаго правительства (с. 364), порученіе козакамъ относительно поддержки Шагина (с. 365), уговоръ козаковъ съ Шагиномъ и его братомъ (с. 366). Второй козацкій походъ въ Крымъ 1628 г. (с. 367), колебанія въ козацкомъ войскѣ (с. 368), козаки надъ Перекопомъ (с. 369), отступленіе (с. 370), финалъ экспедиціи (с. 371).

ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

Історія України-Руси, т. I, II, III и V по 4 р. т. I, V, VII и VII по 3 р. 50 к.
т. VIII ч. I . . . . 2 „ — „
Очеркъ исторіи украинскаго народа . . . . 2 „ 50 „
Про старі часи на Україні (попул. иллюстр. історія) — „ 20 „
Ілюстрована історія України . . . . 2 „ — „
тоже въ русскомъ переводѣ . . . . 3 „ 50 „
Розвідки і матеріали до исторії України-Руси, кн. I-VI 6 „ — „
Виїмки з жерел до історії України (истор. хрестоматія), I вып., до пол. XI в. . . . . 1 „ — „
Звичайна схема „русскої“ історії й справа раціонального укладу історії східнього словянства, 1904 — „ 10 „
Етноґрафичні катеґорії й культурно-археольоґічні типи в сучасних студіях східньої Европи, 1904 . . — „ 15 „
Спірні питання староруської етноґрафії, 1914 . . . . — „ 25 „
Нові конструкції початків словянського і українського житя, 1911 . . . . — „ 15 „
Кіевская Русь, т. I: Введеніе. Территорія и населеніе въ эпоху образованія государства, 1911 . . . . 3 „ — „
Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст. 1891 . . . . 2 „ 75 „
Звенигород галицький, 1899 . . . . — „ 35 „
Волынскій вопросъ 1098—1102 г.г., 1891 . . . . . — „ 30 „
Къ вопросу о Болоховѣ, 1893 . . . . — „ 15 „
Хронольоґія подій галицько-волинської літописи, 1901 — „ 50 „
Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва, 1902 . . . . — „ 25 „
Еще о грамотахъ кн. Льва галицкаго, 1904 . . . . — „ 15 „
Описи Ратенського староства, 1898 . . . . — „ 30 „
Матеріяли до історії суспільно-політичних і економічних відносин Західньої України, I, 1905 . . . . 1 50 „
Барское староство, историческіе очерки, 1894 . . . . 2 „ 25
Акты Барскаго староства, I—II, 1893—4 (Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, I—II) . . . . 4 „ — „
Люстрації королівщин в руських землях XVI в. т. I—IV 8 „ 50 „
Байда-Вишневецький в поезії й історії . . . . . . — „ 25 „
Культурно-національний рух на Україні в XVI—XVII в. (со многими иллюст.) . . . . 1 „ 35 „
Господарство польського маґната на Задніпровю перед Хмельниччиною, 1908 . . . . — „ 25 „
Хмельницький і Хмельниччина, 1899 . . . . — „ 10 „
Про батька козацького Богдана Хмельницького 1910 (съ иллюстраціями, популяр. изд.) . . . . . . — „ 25 „
Львовское ученое общество им. Шевченка и его вклады въ изученіе Южной Руси, 1905 . . . . . — „ 30 „
Волод. Антонович, основні ідеї його творчости, 1909 — „ 10 „